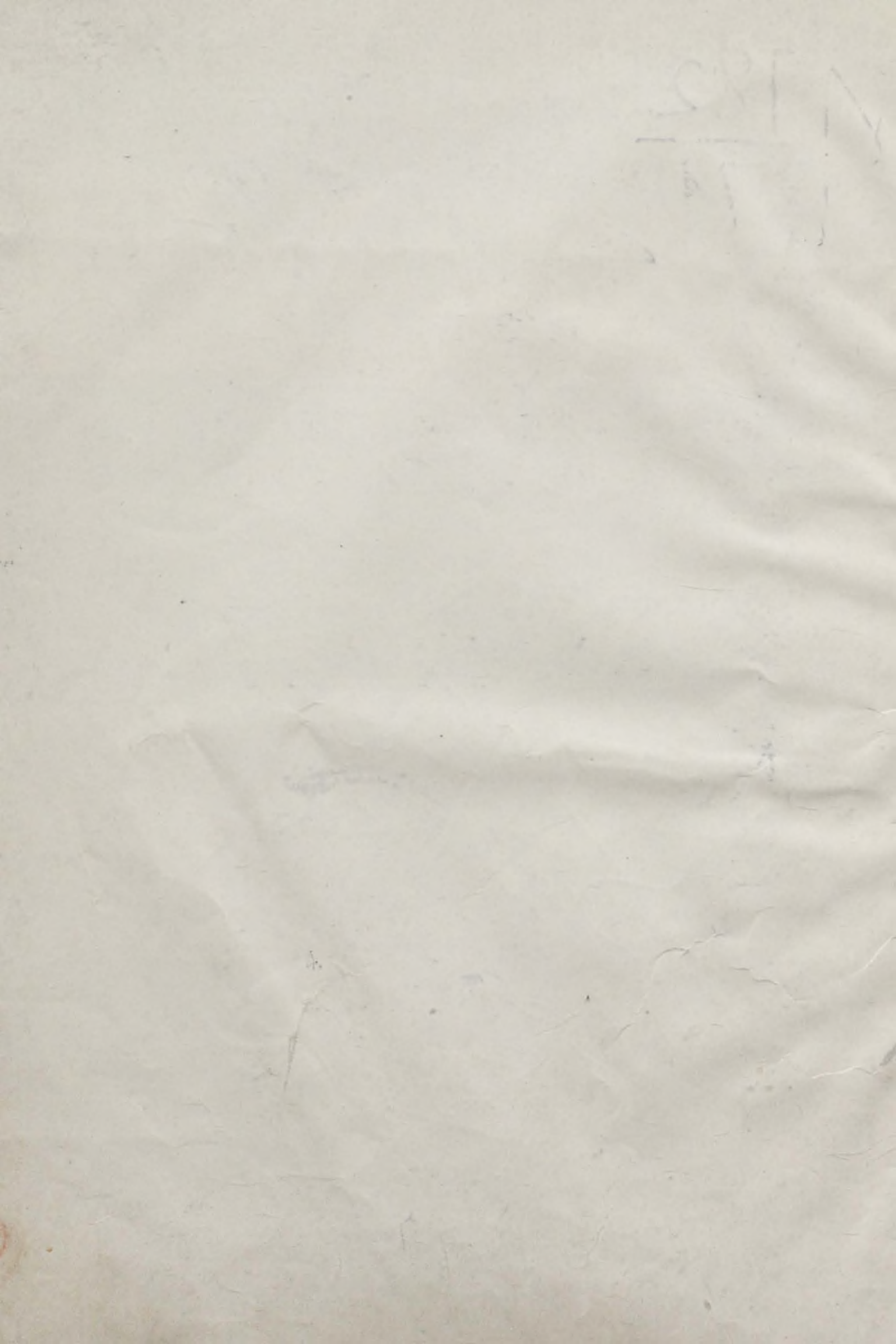
М. П. АЛЕКСЕЕВ

СИБИРЬ

В ИЗВЕСТИЯХ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

КРАЙГИЗ
ИРКУТСК
1932



M. P. ALEKSEEV

SIBIRIEN

NACH DEN BERICHTEN DER WESTEUROPÄISCHEN REISENDEN UND SCHRIFTSTELLER

EINLEITUNG, TEXT UND KOMMENTAR

I Band

XIII—XVII Jahrh.

IRKUTSK

1932

М. П. АЛЕКСЕЕВ

СИБИРЬ
В ИЗВЕСТИЯХ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

ВВЕДЕНИЕ, ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИЙ

Том I

XIII—XVII в.в.

КРАЙГИЗ

ИРКУТСК
1932

Обложка, заставка и концовка—гравюры на дереве работы худ. П. А. Шиллинговского

Набор книги и верстка: К. Биряльмина, А. Швец, И. Таранов, Е. Лобанова, Е. Пшеничникова.

Печать: А. Засорин. Литографские работы: Д. Корчагин, А. Холкин.

Переплет: И. Зильберман, Н. Радченко, В. Соколов, А. Фонталов.

Ответственнный редактор М. М. Басов

Технич. редакторы: А. Н. Губанов и М. П. Алексеев

Иркутск. Типография Огиза. Уполномоченный Крайлита при Гизе № 339. Гиз № 194. Заказ № 1585. Тираж 2150. Сдано в набор 11 апреля 1932 г. Подписано к печати 15 января 1933 г. Печатных знаков в одном печатном листе 44896. Формат бумаги 62×88 Бумажных листов $13^{3}/_{8}$.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Познание Сибири несомненно входит в новую фазу. Задачи социалистической реконструкции края вплотную подводят к планомерному и вдумчивому изучению ее природных богатств и производительных сил, климатических условий и путей сообщения. Плановое изучение отдельных вопросов сибиреведения, однако, естественно предполагает, прежде всего, учет уже ранее произведенной работы, а между тем именно этот учет представляет значительные трудности. Состояние сибирской библиографии, как известно, далеко не удовлетворительное. Несмотря на наличие капитальных трудов и целого ряда более мелких библиографических сводок, большое количество старой литературы, посвященной Сибири, нужно думать, все еще остается затерянным и зачастую находится вне внимания современного исследователя. Это относится прежде всего к иностранной литературе о Сибири.

В литературе о Сибири вообще, сочинения на иностранных языках занимают, по своему количеству и качеству, довольно важное место. А между тем неполнота регистрации их в существующих указателях очевидна для всякого, кто так или иначе соприкасался с этим вопросом. Множество ценных работ по различным областям познания Сибири на главнейших западно-европейских языках, по разным причинам, в свое время не дошли до русского читателя и не были учтены в специальных исследованиях. Где можно навести о них предварительную справку? Не представляют-ли их розыски утомительную работу, отвлекающую исследователя от непосредственного предмета его занятий?

К недавно происходившему в Иркутске научно-исследовательскому съезду Восточно-Сибирского Края, Академия Наук СССР выпустила очень полезную библиографическую работу А. М. Белова: „Материалы к указателю литературы о Сибири на европейских языках, с 1917 г.“ (Лгр. 1931), отмечая в предисловии, что издаваемые „Материалы“ — „дадут возможность ориентироваться, хотя бы отчасти, в иностранной литературе о Сибири и вместе с тем положат начало для дальнейших работ по составлению иностранной литературы о Сибири“. Значение этой работы, несмотря на ее очевидную неполноту, поспешность составления и ограниченность материалов, бывших в распоряжении у автора, — не подлежит спору. Всякая попытка в этом направлении может быть

только приветствована. Вместе с тем пора подуматъ о составлении подобной библиографии и для прежних лет. Однако составление это наталкивается на еще большие трудности, чем регистрация вновь выходящих иностранных работ о Сибири. В самом деле, важнейшие библиотеки союза не располагают для этого всеми необходимыми пособиями; много книг, не говоря уже о журнальных статьях, давно уже вышли из продажи и являются библиографическими редкостями; не упоминаем уже о размерах, объеме литературы, которая должна быть для этой цели обследована, просмотрена и изучена. Очевидно, такая работа должна быть разбита на несколько участков, и только совместными, коллективными усилиями ее можно было бы довести до конца.

В числе иностранной литературы о Сибири едва-ли не самую важную ее часть составляют известия о Сибири иностранных путешественников и писателей. Вспомним хотя бы о литературе XVIII века, эпохи великих сибирских географических экспедиций, большинством которых руководили иностранные ученые, преимущественно немецкие. Положительно нет области научного знания, которой не коснулись тогда путешественники, совершая рискованные и утомительные путешествия по отдаленнейшим уголкам Сибири, и собирая геологические материалы вместе с этнографическими, зоологические — с историческими и т. д. Нередко и современный исследователь, — геолог, гидрограф, ботаник, не говоря уже об этнографах и историках, принужден бывает совершать свои экспедиции с книгами Палласа и Гмелина, Миллера и Фишера, Георги или Эрика Лаксмана в руках... Собранный этими учеными материал поистине необозрим и далеко еще не использован до конца: сделанные ими указания на месторождения ценных ископаемых, характеристики климатических условий и путей сообщения в Сибири и т. д. порою могут быть с пользой вспомянуты и в наше время. Столь же важны сообщенные ими материалы для историков и этнографов: изучение племенного состава Сибири и тех изменений, какие произошли в нем за два последних столетия, колонизационного процесса, исторической динамики сибирской экономики и т. д. немыслимо без обращения ко всем этим иностранным книгам, как к первоисточникам. Уходя еще далее в глубь веков, знакомясь с европейскими сочинениям о Сибири XVI и XVII столетий, не можем ли мы напр. сказать, что „Карская экспедиция“, играющая столь большую роль для советского экспорта и импорта в Сибири, является в значительной степени осуществлением тех транспортных планов, которые строили английские и голландские моряки в XVI — XVII вв.? Изучение этих планов может оказаться полезным не только с узко-исторической точки зрения. С другой стороны, не книга-ли американца Дж. Кеннана о сибирской ссылке оказала известное воздействие на русское правительство в смысле пересмотра тюремного устава, и не она-ли значительно подор-

вала авторитет самодержавной власти в России в глазах европейского общественного мнения? Не представляет-ли ей некоторую аналогию и книга Шаппа д'Оттерош, ездившего в Сибирь в половине XVIII века — всполошившая правительство Екатерины II и вызвавшая продолжительную полемику на Западе? Иностранные книги о Сибири могли, следовательно, являться также яркими памятниками общественной мысли. Таким образом, кажется, не может быть сомнения в том, что иностранные известия о Сибири имеют для нас выдающийся интерес и значение. Если ко всему сказанному мы прибавим, что эти известия важны для нас еще и потому, что исходят от наблюдателей, поставленных в непривычные для них условия, (это, естественно, должно было обострять их внимание), что, наконец, они начинаются задолго до появления русских в этой стране и, таким образом, являются важнейшим, если не единственным источником для изучения до-русской Сибири, то это значение их станет еще более очевидным.

А между тем, как можем мы воспользоваться ими, где разыскать их? Нельзя, конечно, сказать, что эта важная группа исторических источников была совсем пренебрежена исследователями. Не мало указаний на них собрано в известной „Библиографии Сибири" В. И. Межова. Были сделаны уже и отдельные попытки перевода их на русской язык, комментирования, даже монографического изучения. Литература о „сказаниях иностранцев о России" довольно велика и частично включает в себя и разбор известий иностранцев о Сибири. Есть и работы, специально посвященные интересующему нас вопросу. Таковы напр. небольшая и совершенно устаревшая статья А. Оксенова: „Сибирь до эпохи Ермака по сведениям западно-европейских писателей и путешественников", затерявшаяся в провинциальной газете („Томские Губ. Ведомости" 1888—89 гг.), две статьи И. Тыжнова, „Обзор иностранных известий о Сибири со 2-ой половины XVI в." („Сибирский Сборник" 1887 и „Литературный Сборник" 1890 г.), ценная работа Д. Н. Анучина „К истории ознакомления с Сибирью до Ермака" (1894) и т. д. но, несмотря на наличие всех этих работ, иностранные источники о Сибири изучены все же еще очень плохо.[1]

---

[1] Интересно отметить, что еще в 1877 году, в заседании Р. Геогр. Общества М. И. Венюков предложил свой план книги о „Состоянии географии русской Азии до Ермака" и перечислил при этом имена „греческих, арабских и западно-еврепейских путешественников, древних и средневековых", которые, по его мнению подлежали изучению для этой цели; собрание сочувственно встретило это предложение и постановило приступить к коллективной разработке этого труда, в виду „не только полезности, но и необходимости его для русских географов" (Изв. Р. Г. Общ. 1877 т. XIII, 1, стр. 97—98.) Однако, он остался незавершенным и напечатан не был; доклад же М. Венюкова лишь частично использован им в его книге: „Aperçu historique des découvertes géographiques, faites dans la Russie d'Asie", Paris [1879]. Укажем, кстати, что по этому вопросу имеется старая, но во многом очень полезная книга Hugh Murray, Asia,

Русских работ на указанную тему очень немного, небольшая же иностранная литература вопроса, (напр. работы H. Michow'a, G. Henning'a и др.), плохо у нас известна. Большинство существующих работ устарели или же сделались библиографическими редкостями; наконец, даже лучшие из них не всегда написаны по первоисточникам и поэтому требуют дополнительных разысканий, сверки с оригиналами и т. д. Нужно признать, что изучение и использование иностранных известий поставлено у нас далеко не в надлежащие условия. Затруднительность разыскания оригиналов этих сочинений, разноязычие подлинников, трудности перевода их на русский язык, т. к. для древнейшего периода они зачастую написаны на устаревших или мало-распространенных языках (вульгарная латынь, старо-французский, нижне-немецкий, голландский, шведский, датский и т. д.),—все это делает их мало-доступными для большинства читателей и даже для специалистов. На помощь им и хотела бы притти настоящая книга,—первый том задуманного автором полного и систематического свода иностранных известий о Сибири.

Свою работу автор склонен рассматривать, как библиографическую по преимуществу. Ближайшией целью ее было — выявить материал и сделать его доступным для изучения. Первоначально предполагалось дать только библиографический перечень иностранных путешественников по Сибири, присоединив к ним указания и на важнейших писателей Западной Европы, которые, хотя и не побывали в Сибири лично, но смогли собрать достаточно интересные донные об этой стране на основании литературы или устных расспросов. Так поступил, как известно, Аделунг, в своем старом, но не потерявшим даныне значения „Литературно-критическом обозрении путешественников по России“ (1845). Аделунг ограничил себя только путешественниками, всю прочую литературу отмечая лишь случайно; против такого плана тогда-же возражал акад. К. М. Бэр („Четырнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград“, СПб. 1845, стр. 55—76), доказывая желательность не только библиографической регистрации указанных сочинений, но также и воспроизведения их в под-

---

Account of Discovery and Travels... Edinbourgh, 1820, 3 vols., где, однако, северной Азии уделено сравнительно мало места. О том, как плохо и доныне известен весь этот материал местным сибирским исследователям, свидетельствует статья Краеведа: „Первые исторические и картографические сведения о Сибири“ („Сиб. Огни“ 1927, № 6, стр. 232—236). О Марко Поло здесь, напр., говорится, что „Сибирь осталась неизвестной знаменитому венецианцу“; путешествия Идеса и Бранда названы русскими „учеными экспедициями“, „организованными на средства правительства“; Витсен, по ошибке Ф Бельского („Россия“ XVI, 303) назван Винзеном и т. д.; повидимому, важнейшим источником автора служил „Хронологический перечень“ Щеглова (Ирк. 1883). Попытку дать краткий обзор эволюции представлениия о Сибири в западно-европейской художественной литературе см. в моей статье в III томе „Сибирской Советской Энциклопедии“.

линниках, и справедливо указывал также на то, что критерием выбора материала не может быть личное посещение тем или иным автором описанных им стран: так напр. самое выдающееся сочинение о Сибири нач. XVII в. принадлежит голландцу И. Массе, который, хотя в Сибири и не был, но смог собрать о ней очень ценные сведения, опрашивая ряд лиц в Москве.

Я также должен был отказаться от такого плана, — по крайней мере для первого тома своего труда,—исходя прежде всего из того, что библиографический перечень, со ссылками на редкую или трудно-находимую литературу чаще всего не достигает цели, которой он служит; для изучения иностранных источников, притом учеными всех специальностей, важны самые источники в русских переводах, а не только лишь указание пути, по которому их следует разыскивать. Особенно важно это в условиях провинциальной работы, в отдалении от центральных книгохранилищ, притом для книг, имеющихся у нас нередко в одном, двух экземлярах, — в богатых собраниях «Rossica» Гос. Публичной Библиотеки в Ленинграде и Академии Наук СССР. С другой стороны,—существующие уже русские переводы иностранных известий или редки, в свою очередь,—как напечатанные в старых и малораспространенных изданиях,—или неудовлетворительны. Для исследователя, наконец, очень важно бывает одновременное помещение в одной книге всех сходных известий, что облегчает сверку их друг с другом, оценку их достоверности и т. д. Поэтому для своей работы я избрал другой тип книги — тип научной хрестоматии, в которой помещены самые такстьы в переводе, вместе с объяснительными статьями и комментариями к ним. Выгоды и удобства такого типа издания давно уже засвидетельствованы рядом аналогичных работ, имеющихся в западно-европейской и русской научной литературах. Назову для примера книгу Mc Crindle—сборник известий греческих и римских писателей о древней Индии, в переводе на английсвий язык, с комментариями редактора, французскую книгу G. Coedès,—сборник известий греческих и римских писателей о Дальнем Востоке и т. д. Лучшие образцы работ данного типа дает немецкая литература, однако и в русской имеются удачные аналогии — известия античных писателей о скифах, собранные В. В. Латышевым, арабские известия о Золотой орде, собранные В. Тизенгаузеном и т. д. Именно этот тип показался мне наиболее удовлетворяющим задаче и предлагаемой книги.

Однако, выполнение этой работы сразу же натолкнулось на целый ряд серьезных трудностей. Прежде всего это были трудности выбора текста. Древнейшие западно-европейские известия о Сибири невелики по объему,—поэтому они воспроизведены у нас целиком; чем ближе, однако, подвигаемся мы к XVIII в., тем чаще встречаются нам уже не отдельные упоминания о Сибири,

но целые сочинения, в форме журнальных статей и книг, помещение которых целиком было бы затруднительно и сильно загромоздило бы настоящее издание. В отдельных случаях предстояло поэтому из целой книги выбрать для перевода один или несколько отрывков, наиболее важных и характерных, которые в то же время могли бы дать представление о сочинении в целом. Правда, в настоящем первом томе нашей работы таких отрывков немного (Шлейсинг, Бранд, Идес и др.), большинство же переведены полностью, без пропусков.

Трудностями второго порядка явился сам перевод. Многие из помещаемых ниже известий принадлежат не литераторам профиссионалам, но деловым людям, практикам в совершенно иных областях, напр. солдатам, морякам, торговым гостям. Их рассказы, записанные порою тяжелым и архаическим языком, иногда с небрежностью деловой записи или случайного сообщения, представляют большие трудности для перевода, который, по смыслу настоящей работы, должен быть возможно более близким к подлиннику, „заменять“ его. Поэтому, в интересах точности и цельности передачи иной раз приходилось жертвовать литературными достоинствами перевода, сохраняя устаревшие обороты речи или намеренно пользуясь архаическим словарем; в этом смысле на помощь читателю должен притти комментарий, где оговорены все вольные или невольные отклонения от подлиннников. Конечно, единственным научно-правильным путем для издания текстов была бы одновременная публикация иностранного подлинника и русского перевода en régard, от чего, однако, в силу технических затруднений, пришлось отказаться. Тем не менее, всюду, где это казалось необходимым, в тексте перевода в круглых ( ) скобках даются подлинные выражения текста, а в квадратных [ ]— выражения, внесенные переводчиком или редактором для дополнения или пояснения переведенного текста. Это, в свою очередь, несколько нарушает литературную цельность перевода. Наибольшую трудность представляла для переводчика передача по-русски собственных и географических имен подлинника, обычно сильно исковерканных или даже неузнаваемых. С этой целью автору книги пришлось при переводе изучать для каждого отдельного случая большую литературу или искать объяснения непонятного слова на старых и новых картах Сибири; во всех этих случаях в перевод внесен итог разысканий в виде искомого слова, а за ним в круглых скобках следует исковерканное название подлинного текста.

Трудностями третьего рода, — может быть наибольшими, явилось комментирование текстов. Оставить их без объяснения и без ссылок на литературу, специально изученную автором,— значило довести работу только до половины и спрятать от читателя процесс и итоги исследования. Рассматривая свою работу важной прежде всего в библиографическом отношении и желая

сделать из нее справочник своего рода, к которому удобно было бы обратиться, автор, по возможности стремился к тому, чтобы не оставить необъясненным для читателя ни одного непонятного слова, выражения, факта, намека, имени и т. д. и постарался в примечаниях к отдельным текстам дать, наряду с объяснениями, также и ссылки на литературу вопроса, побуждающую к дальнейшему исследованию или позволяющую познакомиться с ним более подробно, чем то позволяло место в настоящей книге. На указание иностранной литературы, как наименее известной, обращено было особое внимание. Поэтому не вина автора — если отдельные примечания выросли в целые исследования, нарушающие архитектурную стройность книги; зато можно надеяться, что в некоторых случаях даны новые точки зрения и самостоятельные выводы. Впрочем, будучи специалистом по западно-европейской и отчасти русской литературам, автор не может быть уверен, что достиг полноты в изложении вопросов, далеких от его непосредственной специальности, хотя к этому и приложены были все старания.

Таким образом, в настоящей книге принят следующий порядок изложения: вслед за „Введением", в котором дается общая характеристика помещаемых ниже материалов и сжатая оценка их в исторической перспективе и в социологическом разрезе, идут самые тексты, в количестве 47, обнимающие период с XIII по XVIII век. Каждому тексту предшествует вступительная статья, в которой даются биографические сведения об авторе, характеристика источника, избираемого для перевода и библиографические данные; каждый текст сопровождают примечания, а всю работу заключают три указателя: 1) личных и географических имен 2) предметов 3) хронологический перечень иностранных известий, с указанием страницы, где следует искать отдельный источник. Составление последнего указателя необходимо потому, что количество приведенных в книге иностранных известий больше того, какое отмечено в оглавлении; ряд известий, по незначительности их объема или по второстепенности их значения, напечатан во вступительных статьях и комментариях к другим известиям, так что разыскание их в книге без означенного указателя представляло-бы известные трудности. Не все из помещенных в книге переводов принадлежат автору ее; в некоторых случаях я считал возможным воспользоваться уже имеющимся переводом, как вполне удовлетворительным с научной точки зрения, но, печатая его, производил дополнительную сверку с подлинником. Однако более половины помещенных в книге известий все же появляются в русском переводе впервые: помощь в этом отношении оказана была автору А. Ю. Трубниковой (Иркутск) В. Н. Дурденевским (Москва) и С. С. Мокульским (Ленинград). В тех случаях, когда переводчик текста не указан, перевод принадлежит автору настоящей книги. Условной хронологической границей первого тома автор поставил

себе год выхода в свет книги Н. Витсена „Северная и Восточная Татария" (Амстердам, 1692; 2-ое дополн. изд. 1705 г.), — как известно, открывшей совершенно новую эпоху изучения европейцами Сибири. Предлагаемый вниманию читателя первый том книги долдолжен был включить в себя все наиболее существенное из того, что написано было о Сибири в Западной Европе в период времени от XIII и до начала XVIII века. Абсолютная полнота, конечно, недостижима, поскольку настоящая работа является первым опытом этого рода, — опытом систематического свода этих известий; однако и относительной полноты, несмотря на все приложенные усилия, достичь все же не удалось из за отсутствия в книгохранилищах Союза всех необходимых для этого пособий. Настоящая книга писалась несколько лет; во время поездок своих с научной целью в гг. Москву, Ленинград, Томск, Киев и Одессу, автор имел возможность использовать для занятий ряд крупнейших Библиотек Союза, и все же ряд источников и книг остался для него недоступным. Приходится, напр., сожалеть о том, что в книгу не могли быть включены: отрывок из 6-ой книги сочинения «Della composizione del Mondo», принадлежащего знаменитому итальянскому географу XIII в. Ristoro de Arezzo, в которой дано краткое описание северной Азии на основании арабских известий о „шестом" и „седьмом" климатах, т. е. о севере; отрывки из книги Hubert de l'Espine «Description des admirables et merveilleuses régions de Tartarie», Paris 1558, которая сообщает, правда, баснословные и фантастические, но очень характерные для своей эпохи, сведения о северных берегах Сибири; не могла быть использована так же книга иезуита P. Antonius Thomas, Synopsis Mathematica, etc., T. I. II (Douai, 1685), где также есть сведения о Сибири и о сибирско-китайской торговле в XVII веке и т. д.

С другой стороны, однако, в книгу смогли быть включены материалы свежие или еще совершенно неизвестные в науке. Так, в библиотеке Иркутского Университета нашелся любопытный и еще не изученный фрагмент сочинения Плано-Карпини, в пергаменной рукописи половины XIV в.; Королевская Библиотека в Копенгагене (Дания), по моей просьбе, любезно предоставила мне право первого издания принадлежащей ей и еще неопубликованной, но крайне интересной рукописи, приписываемой Ф. Габелю — дневника путешествия в Сибирь в 1666 году. В настоящей книге впервые публикуется большой отрывок из этой рукописи, целиком же она будет напечатана в другом месте.

В числе особенностей комментария, которые следует принять во внимание всем, кому придется пользоваться этой книгой, следует отметить, что во избежание путаницы в этнографической терминологии, в книге всюду употребляются старые обозначения народностей, какие имеют место и в приводимых текстах; так, напр. вместо принятого ныне обозначения — ненцы, в книге всюду употребляется старое: самоеды; вм. входящего в употребление тер-

мина **эвенки** всюду говорится о тунгусах, вм. **кеты**—енисейские остяки, вм. **тофа** (**тува**)—карагасы, вм. селькупы—остяко-самоеды, (sölkup — „лесной человек“), вм. **казаки** — киргизы и т. д.

Надо надеяться, что систематические поиски в западно-европейских книгохранилищах неопубликованных материалов о Сибири дадут еще не мало любопытных находок. Некоторые предварительные разыскания, сделанные мной, однако, повели также и к отрицательным результатам. Так, напр. первоначально я хотел включить в книгу большой отрывок из рукописи, хранящейся в Берлинской Государственной Библиотеке, под заглавием: «Eigendtliche und Richtige Beschreibung NOBA ZEMJA oder der Newen Länder und König—Reichs SIBERIEN. Wie solches unter IWAN WASILIOWICZ CZAREN und Grossfürsten aller Reussen Botmässigkeit gekommen... Aus einem zur Churfürstlich. Bibliothek gehörigen Sclavonischen Manuscript in der Teutsche Sprach übertragen durch EGVB» (4°, 2+1225. Kgl. Bibl. Ms. Slav. fol. 23), однако последующие изыскания убедили меня в том, что она издана, и что, кроме того, славянский оригинал, с которого сделан этот перевод, хорошо известен; повидимому, таким образом, издание немецкой рукописи представляется излишним [1]. Как кажется, более всего любопытных и неопубликованных иностранных известий о Сибири могут дать голландские и шведские рукописные собрания и архивы.

Как уже было указано, настоящее издание расчитано на несколько томов. Автор надеется со временем довести изложение до наших дней, несколько видоизменив тип заключительных томов.

---

[1] Рукопись эта написана между 1695 и 1698 гг. и принадлежит **Ernst'у Gottlieb'у von Berge** (инициалы которого и поставлены в заглавии ркп.). Он жил в России и на Украине, знал русский язык (как видно из «Дневника» Патрика Гордона Берге был воспитателем его сына), затем уехал в Англию и принимал участие в «The English Atlas» **Моисея Питта**, наконец, получил место переводчика при Прусском дворе и был одним из первых переводчиков Мильтона на немецкий язык (см. о нем в статье **J. Bolte**. Die beiden ältesten Verdeutschungen von Milton's Verlorenem Paradies. — «Zs. für vergleich. Litt.-gesch». N. F., Bd. I, 1887, S. 428—429). Оригинал того русского сочинения, с которого переводил Берге, находился в библиотеке Бранденбургского курфюрста, куда попал из Москвы; однако и в Берлинской гос. библиотеке есть также список этого сочинения, но поздний, писанный по определению А. И. **Яцимирского** «северно-русской скорописью начала XVIII века». (Описание южно-славянских и русских рукописей заграничных библиотек т. I, стр. 480. Сборн. Отд. Р. Яз. и Слов Ак. Наук, 1921 т. 98); любопытно, что и другие списки того же сочинения, находившиеся в России, также, повидимому, использованы были иноземцами; такой список имеется, например, в Библиотеке О-ва Любителей Др. Письменности: «Описание новые земли сии речь Сибирского царства и Московского государства и т. д.» (**Хр. Лопарев**, Описание рукописей И. Общ. Люб. Др. Письм., ч. II, 1893, стр. 103—108). По описанию Лопарева, «местами, над менее употребительными русскими словами вставлен латинский и немецкий перевод их, сделанный, повидимому, судя по почерку, немцем». В. Н. **Перетц** (Ж. М. Н. Пр. 1905 № 10 стр. 347), также считает, что весь рукописный сборник, в котором помещена эта русская статья, вышел, вероятно, из московской слободы, от одного из русских немцев; но самое интересное то, что в этом же сборнике имеются

Однако, такая работа потребует еще многих лет упорного труда. В настоящее время в значительной части собран материал только для второго тома, который автор расчитывает, если позволят время и силы, выпустить в недалеком будущем. По плану, он должен обнимать собою приблизительно первое тридцатилетие XVIII века и должен быть посвящен, главным образом, Витсену и Страленбергу.

Полные переводы монументальных трудов Стреленберга и Витсена, конечно невозможны, да и едва-ли необходимы; но библиографическое их описание и приведение в известность всего относящегося к ним материала, разбросанного во многих разноязычных сочинениях, было бы несомненно очень желательно. Напр. история создания книги Страленберга, в общем, остается еще очень неясной; не определена роль в ней материалов Мессершмидта, не учтен вклад берлинского языковеда Леонарда Фриша и т. д. Что касается Витсена, то к характеристике его книги и критическому перечню опубликованных в нем материалов о Сибири было бы очень важно привлечь все еще неизданную переписку Витсена с бургомистром гор. Дефентера Хейсбертом Кюпером (1685—1716 гг.), посвященную, главным образом, этнографии и землеведению. Переписка эта, составляющая четыре объемистых портфеля, хранится в Амстердамской университетской библиотеке. Биограф Витсена Гебхард (I. F. Gebhard, Het leven van M. Nicolaus Witsen, Utrecht 1882, II, 283—470) опубликовал из нее лишь 83 письма, но она далеко не исчерпана в части, относящейся как раз к России и Сибири.

письма Матвея Виниуса к Э. Г. фон Бергену, 1701 г., т.-е. конечно к тому же Берге. Эта статья составлена после 1681 г. и издана в книге А. Титова, Сибирь в XVII веке М. 1890, стр. 57—101, но по другому списку (б. Румянц. Музея № CCXCIV, лл. 1—19; сл. А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Рум. Музеума СПб. 1842, стр. 411—415), а также в „Сибирских Летописях" СПб. 1907, стр. 367—397, по двум спискам—Публ. Библ. и Румянцевскому. „Описанием" воспользовался также Н. Витсен для своей голландской книги: «Северная и Восточная Татария» 1692 (С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М. 1928, стр. 30—32; 180—187). В 1785 г. перевод Берге напечатал Бюшинг («Magazin f. d. neue Historie und Geografie», Halle XVIII, S. 83—110). Напрасно поэтому В. А. Обручев (История геологического исследования Сибири. Период первый, Лгр. 1931, стр. 118), которому «Описание» известно лишь по печатной редакции перевода Берге, говорит, что оно может служить «примером наиболее старинных сочинений о Сибири», «времен Ивана Грозного». Отметим, кстати, что в других немецких библиотеках имеются также материалы по Сибири, но главным образом, на славянском и русском языках; так, в библиотеке Геттингенского Университета есть сибирская летопись, писанная в Тобольске в 1745 г.; обширный картографический материал по Сибири и в частности по Иркутской губ. (XVIII в.) имеется также в знаменитой Вольфенбюттельской Библиотеке (ср. Н Новомбергский. В поисках за материалами по истории Сибири. 1. Из экскурсий по германским Университетам. СПб. 1906, стр. 7—8; Изв. РГО 1907, т. 42. вып 5, стр. 6—7; А. Яцимирский. Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов., т. 98, Петр. 1921, стр. 480—482). Тем вероятнее нахождение в этих книгохранилищах и иностранных известий о Сибири.

Между тем переписка эта представляет большой интерес, т. к. Витсен подробно говорит здесь о ходе своих ученых занятий по обработке и выпуску в печать „Северной и Восточной Татарии“. Ознакомившиеся с этими материалами А. М. Ловягин („Посольство Кунраада фан-Кленка“. СПб 1900, стр. XXVI) и В. А. Кордт. („Отчет о занятиях в голландских архивах летом 1893 года“,— „Изв. Ак. Наук“ 1895, июнь, т. III, стр. 114—115) не смогли воспользоваться ими; в портфеле первом А. Ловягин отметил неопубликованные „Выдержки из посланий Келлера о Сибири и Китае“ (1686 г.) и посланий Де-Би о калмыках, догадки о происхождении названия Сибирь, о крестовой горе близ деревни Pisanets у Верхотурья, о древних сибирских письменах, о названии турок и татар и т. д. Из изданных Гебхардом писем В. В. Радлов извлек замечания Витсена о сибирских древностях и напечатал их в русском переводе („Сибирские древности“ т. I, вып. 3, СПб. 1894), но их неизданная часть осталась и для него неизвестной.

Во второй, подготовляющийся том настоящей работы предположено также включить русский перевод ряда отрывков интереснейших дневников шведских военнопленных, после полтавской битвы сосланных в Сибирь: они опубликованы проф. Квеннерштедтом и совершенно у нас еще не исследованы и не использованы: (A. Quennerstedt. Karolinska Krigares Dagböker, jämte andra samtida skrifter, I—X, Lund, 1901—1914; обзор их содержания: А. Папков. Шведские архивы. — „Р. Истор. Журн.“ 1917 № 3—4. стр. 71—72); вместе с ними предположено напечатать в русском переводе „Жизнь и нравы остяков“ шведского капитана Мюллера (1720), в сопоставлении с „Кратким описанием о народе остяцком“ Г. Новицкого (1715), которое, по наблюдению Л. Н. Майкова, было одним из важнейших источников Мюллера (Изв. Р. Геогр. Общ. 1875, XI, стр. 7—9), а также неопубликованную полемическую работу В. Н. Татищева: „Примечания на книгу, учиненную г. Страленбергом... печатанную в 1730 г. в Стокголме“, — по подлинной рукописи, хранящейся в Библиотеке Академии Наук СССР в Ленинграде.

Кроме того, было бы несомненно желательным дать в русском переводе отрывки из книги кап. Вреха (Curt Friedrich von Wreech, Wahrhafte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien, Sorau 1725, 2-te Aufl. 1728), в которой, между прочим, рассказана история школы, открытой шведами в Тобольске в 1713 г., далее—из книги неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом Alethophilo: „Der innere und äussere Zustand derer schwedischen Gefangenen in Russland (Frankf. u. Lpz. s. a;). а также из любопытного сочинения Эннеса, внука одного из пленных шведов, корнета Эннеса, тринадцать лет прожившего в Тобольске, (с 1711 г.); это сочинение основано на дневнике Эннеса, веденном в Сибири, а также на ряде старинных шведских сочинений, касающихся той же эпохи (B. A. Ennes, Biographiska Minnen af

Konung Carl XII, Stockholm, 1818, 1819, 2 части) и дает не мало интересных фактов и для сибирской культурной истории. Если принять во внимание, что в одном Тобольске в это время (до 1722 г.) находилось около 800 чел. шведских офицеров и солдат (К. Грот, О пребывании пленных шведов в России, Ж. М. Н. Пр. 1853 т. 77, стр. 117—178) и что они, кроме того, расбросаны были по всей Сибири, нетрудно будет понять, как много интересного материала могли они собрать за время невольного там пребывания. В дополнение ко всему сказанному, напомним еще об их картографических работах (А. Макшеев, Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом, Зап. Р. Г. Общ. т. XI, 1888, стр. 104—145) и востоковедческих трудах: интересно, что именно шведы открыли в Тобольске рукопись истории монголов и татар Абульгази, которая, благодаря их посредству (в переводе на немецк. яз. шведа Шёнстрема), сделалась известна западному ученому миру. Во II том настоящей работы должны также войти переводы из сочинений кап. Перри, Лоренца Лянге, Корн. де-Бруина, Унферзагта, сопровождавшего посольство Измайлова в Пекин (сочинение его вышло в Любеке в 1725 г., но относится к 1719 г.) и т. д.

Заканчивая настоящую книгу, не могу не вспомнить с признательностью многих учреждений и лиц, так или иначе способствовавших ее завершению. Издательству Всеукраинской Академии Наук я обязан изготовлением ряда клише, снятых непосредственно с редких рисунков и карт, принадлежащих Всенародной Библиотеке Украины в Киеве. Администрация Королевской Библиотеки в Копенгагене пошла мне навстречу, безвозмездно сделав для меня превосходные фотографические снимки с помещаемой здесь рукописи, устранившие необходимость пользоваться ее оригиналом... Было бы трудно перечислить всех лиц, кому обязан я предоставлением нужных книг или наведением необходимых справок. Считаю однако, своим долгом, поблагодарить: — старшего библиотекаря Dr. Ellen Jorgensen (Kjöbenhavn) за сообщение сведений о Ф. Габеле, редактора журнала «Le Monde Oriental» проф. K. V. Zetterstéen (Stockholm) за наведение нужных для меня справок в Швеции, проф. K. Brunner'a и проф. J. Stolz'a (Innsbruck) за исключительно-любезные розыски, по моей просьбе, в архивах г.г. Вены и Иннсбрука (Тироль), проф. В. А. Кордта (Киев), — за дружские советы и указания. С признательностью вспоминаю также свои беседы с покойным проф. Г. Ц. Цыбиковым, охотно посвящавшим меня во многие вопросы ориенталистики.

Иркутск, февраль 1932.

ВВЕДЕНИЕ

I

Северная Азия поздно сделалась известной европейцам. Но ледяные просторы ее морей, ее снежные пустыни, безграничные леса и недоступные горы уже с давних времен тревожили воображение западных путешественников и ученых исследователей. Чем затруднительные казался доступ в эти отдаленные края, тем сильнее разгоралось желание разведать их тайны, и тем причудливее громоздились друг на друга рассказываемые о них сказки,—об удивительных явлениях северной природы, о странных свойствах населяющих их людей и животных. Длинной цепью идут эти вымыслы сквозь всю почти европейскую историю, то как бы загораясь полнотой жизни подлинной реальности, то вновь потухая в сумраке легенды и небылицы, которым верят, смеясь, и которые повторяют охотно, не страшась искажающих прибавок. Первые звенья этой цепи—в мифологических преданиях древней Греции, последние—в географических трактатах позднего Возрождения. Более двадцати веков странствовали из страны в страну диковинные рассказы о краях вечного холода, безлюдья и смертной тишины, пока их не заменили, наконец, подлинные рассказы путешественников и сведения, заслуживающие полного доверия. История ознакомления с Сибирью в Западной Европе—это прежде всего история борьбы легендарной традиции с наблюдением и опытным исследованием.

Не следует думать, однако, что давний интерес европейских народов к территории нынешней Сибири был непрерывным, и что он неуклонно возрастал по мере накопления географической наукой сведений о поверхности земли. Проходили целые столетия, в течение которых северная Азия совершенно выпадала из кругозора европейцев, не возбуждая к себе ни ученой пытливости, ни простого любопытства. Это были века их полного разрыва и обоюдной незаинтересованности друг в друге. Азия жила своей внутренней и очень напряженной жизнью: в ней совершались массовые передвижения народов, возникали, цвели и рушились огромные царства; так или иначе, и дальний север материка принимал участие в том сложном историческом процессе, узлами которого были плодородные оазисы его средней части и богатые области юго-востока. Но Европе до всего этого еще не было никакого дела. Она шла своим раздельным путем, оглядываясь вокруг, но нимало не помышляя о том, что происходит на дальних пределах плохо-известного ей мира. И только когда из азиатских глубин приходили в Европу полчища варварских орд, люди Запада в смятении и суеверном страхе пытались вглядеться в азиатский восток, закутанный мглою дальних пустынь и туманами древних легенд. Медленно и неохотно открывал он перед ними свой подлинный лик, в свою очередь посылая на Запад новую волну преданий о тех северных краях, где никогда не встает солнце. Но вот проходил угар возбуждения, затихал шум последних битв, кочевники Азии сходили с исторической сцены, вновь удаляясь в свои степи или растворяясь в многоплеменности западного

мира—и далекие северо-восточные края вновь погружались в прежнюю тьму. Так дело шло много веков.

В гораздо более поздние эпохи исторической жизни многие обстоятельства также часто готовы были ослабить или даже совсем устранить интерес к северной Азии европейского наблюдателя. Отдаленность ее областей от центров европейской культуры, при трудностях и опасностях пути туда, сквозь народы и государства, которые сами пугали своей замкнутостью, отсталостью и непривычными условиями быта; преувеличенные, огульные и не приуроченные к отдельным областям громадной территории представления о суровости ее климата, бесплодности почвы, скудости недр, дикости суровой природы и незаселенности,—эти последние отзвуки старых легенд о „стране мрака", которым постепенно придавалась все более правдоподобная форма, в зависимости от успехов землеведения,—все это как будто сулило небольшие выгоды, однообразие и бедность впечатлений, малую пользу итогов исследования, все время охлаждая искательский пыл и бескорыстное любопытство европейца. Для возбуждения его внимания, деловой активности, исследовательской энергии, нужны были вполне реальные причины и поводы. И они находились не раз,—уже на заре европейской истории.

По существу говоря, основная причина, вызвавшая неутомимую пытливость западного мира к Сибири, долго оставалась и единственной, лишь постепенно разветвляясь и давая новые отростки: это была перспектива торговли с дальним востоком, с давних времен манившая к себе европейца и всегда обещавшая ему неслыханные удачи. Ради нее он целые столетия подряд бросался наудачу во льды северного океана, подвергал себя опасности пиратских нападений в южных морях и тяготам караванного пути по степям средней Азии. Направление этой торговли много раз менялось. Она прокладывала себе сначала южные дороги; когда же исторические сдвиги азиатских племен замыкали одни пути, обращались к поискам новых. Рано или поздно, пустынные области азиатского севера также должны были быть привлечены к разрешению вековой проблемы. Уже грекам припонтийских колоний в их сношениях с варварским миром приоткрылась было часть этих дальних краев, благодаря предприимчивости купцов и характерным изгибам тогдашних торговых путей на восток; но греки не смогли расширить своих познаний на крайний север, остановившись перед большими горными хребтами, которые замыкали Сибирь от средней Азии; позднее арабы добирались до Приуралья в своих смелых торговых поездках, в то время как западный мир, в замкнутости своего хозяйства и неподвижности своего быта еще ограничивал деловые передвижения и странствования своих любознательных путешественников; но и арабы, вероятно, не доходили до Сибири, пользуясь в торговле с нею посредническими услугами финских племен, и сосредоточив свое внимание не столько на северных, сколько на юго-восточных рынках Азии. Но вот настал исторический черед и для новой Европы взять в свои руки эту торговлю с востоком, еще раз воспользоваться старыми путями и начать поиски новых.

Развитие сношений с монгольской державой в позднее средневековье, а три века спустя—новое открытие Китая и поиски кратчайших дорог туда, морских и сухопутных, вплотную поставили европейцев перед огромной „Татарией", как возможной транзитной территорией в крепнувшей европейско-восточной торговле. Еще плохо-известные географам просторы этой страны и затертые льдами северные моря встали тогда интригующим любознательность препятствием между сказочными богатствами дальневосточных рынков и активностью молодого европейского капитализма. Исследование Сибири европейцами началось.

Чем труднее было оно, чем медленнее обнажалась истина от многовековых наслоений фантазии, сказки и вымысла, тем настойчивее становились затрачиваемые на это усилия: слишком очевидной становилась экономическая целесообразность восточной торговли и для Европы транспортные выгоды сокращения пространства при посредстве северной части Азии. Может быть, на первых порах, именно слишком недостаточное знакомство с этой страной и возбуждало особенные относительно нее надежды: Сибирь занимала слишком малое место на наивных картах мира, воображаемые трудности пути казались сначала слишком

легко преодолимыми. В действительности, однако, оказалось наоборот: территория ее все расширялась, чем лучше знакомились с нею; густели таежные леса, выше вздымались горы, вдоль берегов Ледовитого океана все крепчали необозримые ледяные массивы... Но в то время как одна надежда медленно угасала, другая быстро шла ей на смену: вместо трудно достижимых восточных рынков шелка, пряностей и ароматов, сама Сибирь превращалась теперь для европейцев в не менее заманчивый и богатый рынок мехов, леса и рыбы, с открытым северным морем, куда неслись многоводные реки, открывая естественные и удобные пути внутрь страны. С этих пор любопытство Европы к Сибири не ослаблялось, но все повышалось вместе с ростом слухов о богатствах ее недр, ценном сырье и обширности рынков промышленного сбыта. Эти слухи еще более усиливались благодаря ревнивой подозрительности московской власти, зорко оберегавшей свою восточную окраину от нескромного любопытства иноземцев.

Заманчиво и привлекательно следить, как по торговым путям, мысленно проводимым европейцами по своим еще пустым картам этой „неведомой земли", по ее дальним морям, баснословным рекам, мимо несуществующих гор и воображаемых пустынь, шли в Европу первые сведения о Сибири, постепенно превращая ее из легендарной области в страну реальных географических очертаний, где вместо сказочных чудовищ,—хотя и в своеобразии своего примитивного быта, в чуждой пестроте своего племенного состава и озадачивающем множестве своих языков,—жил, в сущности, тот же человек, со своими маленькими скорбями и радостями. Материал для подобных наблюдений и стремится доставить эта книга.

Попробуем ближе всмотреться в отдельные этапы развития европейского представления о Сибири, выделить важнейшие из его слагаемых, определить историческую последовательность тех наслоений, которые веками скоплялись и оседали на нем. Общая перспектива позволит лучше оценить стоимость отдельных известий и в то же время свяжет их в одну цельную и закономерно развивавшуюся цепь.

II

Принято думать, что народы древнего мира и даже средневекового Запада ничего не знали о Сибири[1]. В отдельных случаях такой вывод должен быть несколько ограничен, но в основном он вполне справедлив, если речь идет о реальных географических фактах, имеющих неоспоримое значение научной истины. В этом смысле европейцы, действительно, долгое время ничего или почти ничего не знали о северной Азии. Но уже с давних времен они охотно связывали с ней ряд преданий и легенд, которые в свое время казались настолько же правдоподобными, насколько сейчас очевидна их сказочная сущность. Историку необходимо считаться с ними, не только потому, что они некогда заменяли собою подлинное знание, но в особенности потому, что они составили ту основу, с которой началось и на которой впоследствии строилось самостоятельное исследование: так, в эпоху Возрождения, плененные античной наукой, европейские ученые долго не хотели расстаться с теми рассказами о северной Азии, которые оставили нам греческие и римские писатели.

Уже до Геродота, описавшего Скифию в V веке до н. э. быть может дошли некоторые искаженные известия о вне-скифских землях отдаленного северо-востока,—будущей Сибири. Он рассказывает, что „у подошвы высоких гор", в которых возможно разуметь Уральский хребет или Алтай, „обитают люди от рождения плешивые, плосконосые, с продолговатыми подбородками", употребляющие свой особенный язык. До земли этих полу-легендарных „плешивцев" дорога была еще относительно известна: сюда ходили и скифы и, вероятно, даже греки из милетских факторий Причерноморья, но далее на север и восток начиналась уже область настоящего вымысла: „что находится выше этого плешивого народа, о том никто ничего ясного сказать не может. Путь туда пресечен высокими горами, через которые никто не в силах перейти. Плешивцы рассказывают, чему я, впрочем, не верю, будто на горах живут люди с козьими ногами, а за ними

другие, которые спят шесть месяцев в году". Здоровый скептицизм греческого историка нисколько не помешал распространению этой легенды, скрывавшей, повидимому, под своей явно сказочной оболочкой[2] какой-то непонятый этнографический факт: двадцать веков спустя та-же легенда о засыпающих на зиму людях воскресла вновь на европейском Западе благодаря рассказам Герберштейна, собранным в Москве (111)*), а еще ранее средневековье локализовало в неизвестных областях севера причудливые создания своей фантазии: одноглазых чудовищ, людей с лицом на груди, кинокефалов, астомов и лемнов (13, 19—20). Этих „вымышленных чудовищ" (кн. IV, 191) знает и Городот, помещающий их, впрочем, в западной Ливии; лишь позднее они переместились на север в географических представлениях; однако, для древних чудесные страны сплошным кольцом охватывали область известного им мира[3]; поэтому и на отдаленном северо-востоке, за землями скифов, Геродот знал еще несколько диковинных народов. Для IV-ой книги своей „Истории" Геродот воспользовался, между прочим, рассказами легендарного путешественника и поэта Аристея из Проконнеса, жившего будто бы, по свидетельству александрийских эрудитов, „во времена Креза и Кира" (VI в.) и обработавшего в поэме „Аримаспейя" воспоминания о своей торговой поездке в страну исседонов. Из отрывка этой поэмы, приводимого Геродотом, мы узнаем, что за исседонами на далеком севере живут „одноглазые аримаспы", над ними—„стерегущие золото грифы", а еще выше—„гипербореи, простирающиеся до моря"; по стихам „Аримаспейи" у византийца Цецеса" выше к северу соседит с исседонами народ многочисленный, крепкий и воинственный, богатый конями, овцами и быками, глаз же один эти люди с косматыми волосами имеют на своем прекрасном лбу"... Легендарных „аримаспов" упоминает и Эсхил в своем „Прометее Прикованном" (ст. 807—809), в длинном ряду народов, которых должна посетить блуждающая Ио:

Остерегайся грифов с острым клювом,
Собак безмолвных Зевса; берегись
И войска одноглазых аримаспов,
Что на конях кочуют и живут
У златоструйных вод реки Плутона...
(Перев. С. Соловьева).

Упоминаются они также у многих других греческих и римских писателей. Присущая Геродоту трезвость мысли не покинула его и при записи данного рассказа: в другом месте (III, 116), отвечая на вопрос, почему на севере Европы больше всего золота, он замечает: „даже этого не могу сказать точно, но говорят, что у грифов похищают его одноглазые аримаспы. Мне и то кажется невероятным, чтобы существовали одноглазые люди, в остальном сложении тела сходные со всеми"... Но сказка была сообщена и начала свое длинное странствование по векам и народам. Как ни велик легендарный элемент в этих рассказах, но исследователи пытались под ним обнаружить реальную основу. В народах отдаленного северо-востока, описанных Геродотом с чужих слов, давно уже хотели узнать некоторые народности Сибири и пограничных областей: в будинах видели предков вотяков, пермяков и коми-зырян, во всяком случае, несомненно какое-то финское племя; в фиссагетах, живших по Геродоту на семь дней пути к северо-востоку от будинов,—также финское племя по средней Каме, где до сих пор, по догадкам, живет память о них в названии Чусовой; в их восточных соседях—ирках, живших в степях между Иртышом и Обью, в южных пределах нынешнего Тобольского края, узнавали угорское племя, много позднее известное и русским летописям под именем Югры; даже в загадочных аргимпеях-„плешивцах" готовы были признать передовую орду тюркских племен, в эпоху Геродота кочевавших за Алтаем. Все приведенные отождествления

*) Арабские цифры, заключенные в круглые скобки, и здесь и дальше обозначают ссылку на страницу основного текста настоящей книги; цифры, стоящие вверху справа против отдельных слов, относят к примечаниям „Введения".

более или менее обоснованы[4] и представляются, в общем, вполне правдоподобными. Но старые исследователи шли еще дальше. Так, Дегинь видел в аргимпеях китайцев, а Геерен калмыков, тогдашних соседей Китая, от которых они отделены были племенем исседонов; китайцев видели даже в совершенно баснословных гипербореях.[5] Невероятно, конечно, что познания Геродота могли распространяться так далеко. Впрочем, единодушия в раскрытии заданных им здесь этнографических загадок не достигнуто до сих пор: исседонов, напр., исследователи помещали то к востоку от хребта Тянь-Шань, в бассейне р. Тарыма, то в степях между Волгой и Уралом. Соответственно перемещались и другие, названные у Геродота племена. Верить-ли после этого в реальную основу и легенды об аримаспах, соприкасавшихся будто бы с золотоносными местами или восточного склона Урала или северо-западного Алтая? Едва-ли это допустит осторожность критической точки зрения; между тем, исследователи легко забывали ее. Увлекаясь мыслью о том, что сибирское золото могло проникать в греческие колонии Черного моря, (допущением, кстати сказать, не подтвержденным пока данными археологии), исседонов связывали с р. Исетью, притоком Тобола, и даже упомянутый у Эсхила „хранящий золото поток Плутона“ готовы были принять за Енисей; в этом случае и аримаспы превращались в одно из кочевых племен южной Сибири.[6] Другие, напротив, видели в них один из скифских народцев, кочевавший на запад от Карпатских гор, „с которым у припонтийских греков молва связывала провозимое в степь золото“: отсюда и легенда о грифах, основанная будто бы на отождествлении скифского слова h r i p a—гора (давшего название „Рифейским горам“ и русскому слову „хребет“; ср. 26—27) и грифов, птиц из породы орлов[7]. Правдоподобнее, однако, связь этих мифов с Кавказом, способствовавшая, между прочим, истолкованию наперед данного в греческой пластике декоративного мотива хищной птицы при помощи восточных, быть может, иранских легенд. Вообще, не следует забывать, что для греков, еще в VIII веке до н. э., и Понт, и все земли к северу от него были еще страною мифов, связанных с солнцем и представлениями о потустороннем мире;[8] возможно, что именно эти представления и лежат в основе легенд о грифах, аримаспах и гиперборейцах, и что лишь позднее они слились с теми данными о севере, какие смогли добыть ионийские географы.

Как бы там ни было, у нас есть основания допустить, что в пору расцвета греческих колоний на северном берегу Черного моря у греков могли быть коекакие сведения о варварских племенах отдаленного севера; они доходили к ним через многих посредников, сильно искаженными, осложненные баснословными прикрасами, но даже эти прибавки порою не могут скрыть от нас их первоначально вполне реальной основы; это можно сказать, по крайней мере, о ряде финских племен приуральского севера и кочевниках-тюрках приалтайских степей. Как ни менялась картина расселения этих племен, как ни трудно поэтому ориентироваться в античной географической и особенно этнографической номенклатуре, но некоторая связь причерноморских степей с урало-алтайском севером в эпоху Геродота и позже представляется достаточно вероятной; археологические и литературные данные позволяют говорить о наличии торговых путей, связывавших колонии Понта со средней Азией[9]; северные племена также могли принимать участие в этой торговле, да и сами, видимо, доставляли в степи свои „лесные“ продукты: мед, воск и пушнину; тот разрушительный поток, который почти непрерывно шел с азиатского Востока на Запад и порой заливал прикаспийские степи, несомненно увлекал за собою кое-какие случайные обломки северных этнических групп: на греческих рынках рабов, среди „скифов“, с именем которых греки безразлично соединяли представление о „варварах“, могли уже и тогда встречаться кочевники дальнего севера, как встречались они и позже: Гиппократ упоминает, что среди рабов в его время были и „желтокожие“, приведенные издалека, быть может, как думают некоторые—„из нынешней прибайкальской Азии“[10]. И все же, несмотря на все это, именно северные области Азии остались грекам совершенно неизвестными. Как ни протестовал Геродот против тех вымыслов, которые сообщили ему путешественники, но он забот-

ливо занес их в свою книгу и не смог противопоставить им никаких других, более достоверных данных. Эти вымыслы оказываются двух родов; с одной стороны мы вправе видеть в них добросовестные записи скифских известий или прошедшие через многие уста воспоминания бывалых торговцев-путешественников; с другой—они представляются продуктами чисто-греческой фантазии, посвоему переработавшей те немногие и смутные известия о северных краях, которые проникли в Элладу путем торговых сношений; к разряду последних относится популярная легенда о гипербореях—народе крайнего севера, человечном и справедливом, социальные доблести которого позднее распространены были и на другие „скифские" племена; этой легенде, слегка намеченной у Геродота, также суждена была долгая жизнь.

Греческие писатели после Геродота ничем не смогли дополнить нарисованной им картины. В описании далекого севера большинство из них базируется еще на сказочной поэме Аристея. Так, современник Геродота, Дамаст (2-ая полов. V в. до н. э.), в фрагментах, сохраненных нам у Стефана Византийца, называет исседонов и аримаспов, за которыми находятся Рифейские горы, рождающие вихри холодного ветра, и гиперборейцев, живущих вплоть до моря. Гелланик (кон. V—нач. IV в. до н. э.), отрывки которого сохранил нам тот-же византийский схолиаст, также на крайнем севере помещает Рифейские горы и местожительство гипербореев; повествованием Аристея воспользовался еще Феопомп (2-ая полов. IV—1-ая полов. III в.). [11] Таким образом, все эти писатели, в еще большей степени, чем Геродот, обязаны греческой поэзии и мифологии; у них чувствуется уже чисто-книжная передача традиционного предания и полное отсутствие подновляющих его свежих наблюдений. Это было причиной окончательного включения гиберборейцев,—с которыми народная молва в Греции уже издавна связывала представление о неизвестных народах, живущих за пределами дальних гор,—в скалу реально-существующих племен и перенесения на них той идеализации северных кочевников, которую мы встречаем еще в Гомеровских поэмах, у Гесиода и Эсхила. На немногие и уже без того искаженные фактические данные о народах дальнего севера теперь нанизаны были обрывки старых космогонических легенд и ряд черт известной нам по Платону и фрагментам стоического учения социальной утопии о золотом веке и стране блаженных; подлинные же или, во всяком случае, правдоподобные указания тонули в книжной идеализации, становились все скуднее и глуше. Историк IV-го века Эфор утверждает, что «иные из новых скифов справедливее всех народов»; к ним то, по его словам, относятся стихи Гомера о «млекоедах»; «при простом образе жизни и отсутствии денег, они пользуются внутренним благоустройством, все между собою имея общее, не исключая жен, детей и родни; для соседей они непобедимы и неодолимы, не обладая ничем, из-за чего стоило бы их поработить»; представление о праведности самых северных племен перешло и в римскую литературу. Юстин говорит о них: „Справедливость их коренится в природе, не в законах. Нет у них преступления больше кражи... Золотом и серебром они также гнушаются, как другие его жаждут. Питаются молоком и медом. Шерстяные одежды им неизвестны. Страдая от зимней стужи, они защищаются от нее лишь мехами диких и пушных зверей. Это воздержание породило в них справедливость,—они ничего не алчут чужого". Чисто книжный характер этого рассказа не подлежит никакому сомнению; характерно, что здесь появилось уже упоминание о дорогих металлах, отсутствующее у Геродота и Эфора: „очевидно,—замечает исследователь,—аналогия обычной формы сказания о странах блаженства не замедлила оказать свое влияние". [12]

Здесь не место вдаваться в анализ социальных источников такого представления в древней Элладе и Риме, тем более, что это давно уже сделано [13]. Для нас важно то, что эта идеализация северных „варваров",—аналогичная той, какую мы встретим в эпоху Возрождения у Монтэня по отношению к туземцам Америки или у идеолога французской ремесленной буржуазии XVIII века Руссо по отношению к абстрактно понятому им „примитивному человеку" вообще,—была древними применена к самым северным, и следовательно, наименее извест-

ным им варварам; с тем большей охотой гуманистически-настроенные европейские писатели XVI-XVII вв. применили их уже непосредственно к народам Сибири; сошлемся на Рейтенфельса, вспоминающего „млекоедов" и „абиев" греческого эпоса или на Олеария, сопоставляющего именно рассказ Юстина с признаниями ненцев (самоедов) (284, 287). Чисто книжный процесс этой идеализации у древних интересен для нас и с другой стороны; как уже было сказано, он свидетельствует об отсутствии у греков новых сведений о скифах и смежных с ними народах сравнительно с теми, какими располагал еще Геродот. Причину этого следует искать в тех сложных исторических событиях, какие между V в. и III веком н. э. несколько раз сильно изменяли облик всего варварского, „скифского" мира; торговые пути, которыми некогда пользовались греки, также меняли свое направление или заграждались враждебными племенами; мало по малу фактории теряли свою торговую связь с дальними варварскими рынками; тем самым и познание дальних областей останавливалось на прежней ступени.

Различные греческие войны лишали черноморские колонии греков поддержки метрополии и ограничивали прежнюю энергию ее странствователей-торговцев; вскоре и на самые колонии посыпался удар за ударом. Основание Боспорского царства мало способствовало расширению географического горизонта греков и не на много увеличило познания историков эллинистической эпохи. Берега Мэотиды (Азовского моря) находились теперь в зависимости от Боспорских династий, то падавших, то вновь возвышавшихся; правда, боспорцы в устьях Дона постороили Танаис, столь долгое время игравший роль надежного склада для товаров, шедших из дальних восточных и северных земель, и таким образом, та торговля, которую описал Геродот, постоянно возобновлялась, замирая только на тревожное военное время. Но и боспорцы, в конце концов, не смогли сдержать натиска варварских племен и принуждены были уступить греческие колонии в руки Митридата Евпатора. Этот владыка Понта пытался было сосредоточить в своих руках всю северо-восточную торговлю, но война с римлянами отвлекла его от этих планов, и он плохо ею воспользовался. Вот почему греческие известия об отдаленных северных краях становилась все более неправильными и запутанными. Даже еще в более поздние времена, когда римляне стали хозяевами значительной части черноморских берегов, земли, расположенные к северу и востоку от них, окутывал призрачный туман. К началу I века н. э. путешествия в земли за Волгой почти совсем прекратились; кочевья замыкали пути и переправы; торговые пути в Азию резко изменялись и шли теперь через Кавказ и по берегу Персидского залива и Индию.

Географический кругозор греков значительно расширили походы Александра Македонского (334—326 до н. э.): Персия, передняя Индия до Пенджаба перестали тогда быть лишенными содержания именами; о странах, лежащих еще восточнее, запад получил в эту эпоху первые, правда, еще глухие известия. После распадения его громадной империи греки еще долго оставались господствующим народом в Европе и в передней Азии. И несмотря на все это, непосредотвенное значение этого времени для географической науки оказалось значительно менее плодотворным, чем можно было думать;[14] делу познания северной Азии и она не принесла ничего. Азиатский север не занимал никакого места в завоевательных замыслах Александра, как не занял он и внимания его историков. Литература этой эпохи, правда, вновь выдвинула скифов, но „не припонтийских, а дальне-восточных, поскольку борьба с ними была последним этапом в продвижении Алексиндра на север"[15]; но даже первые известия о внутренней Азии, которые сообщили спутники Александра, вскоре потонули в прославлениях македонского владыки, которые характерно усилены были внесением в историю его деяний фантастического элемента, и, в конце концов она была переделана и дополнена в духе восточных романов-путешествий. Только в этих последних редакциях исторического предания, превратившегося в сказку, отдельные эпизоды местом действия имеют северные страны: здесь появляется и страна мрака, из которой дорогу путешественникам показывают ослицы, легенду о чем в XIII веке Марко Поло записал у монголов (45—36), дальнее море, отделяющее землю от страны блаженных,

многие диковинки северной природы, наконец и „нечистые“ народы, заперты Александром в далеких северных горах, предание, в свое время также локализовавшееся в Сибири (121). Все это, конечно, восточные вымыслы, прикрепленные к первоначальной канве исторического повествования в результате определенной тенденциозной обработки его. Характерно, что те же тенденции способствовали возникновению ошибочных представлений уже чисто географического характера: несмотря на то, что еще Геродот писал о замкнутом со всех сторон бассейне Каспийского моря, историки Александра, в своем стремлении расширить завоевания Македонского царя до крайних пределов мира, заставили Каспий слиться с северным океаном, и эту ошибку впоследствии повторили многочисленные географы, в том числе и Страбон[16] (25—26); так, почти вся Сибирь заливалась волнами океана, а на северо-восточных берегах каспийского „залива“ вновь помещались легендарные чудовища, которых так любил, падкий на диковины, поздний эллинизм; впоследствии, по следам этих преданий, их разыскивали на территории северной Азии итальянские монахи XIII века и даже еще русские администраторы в Сибири в XVII столетии (19—20; 121).

Город Александрия в Египте, сделавшийся средоточием греческой науки в эллинистическую эпоху, где обработаны были рассказы о подвигах Александра и сложился рассказ о нем, благодаря своему громадному торговому значению смог в ту же пору выдвинуть ряд крупных географов, создателей интересных учений о положении и форме земли. Еще в IV веке александриец Дикеарх, ученик великого наставника Александра—Аристотеля и друг Теофраста, в своем недошедшем до нас труде „Описание земли“ учил о непрерывном ряде горных цепей, разделяющих материк Азии на две части по всей его длине от запада к востоку, и это учение усвоили Страбон и Птолемей, от которых оно перешло и к арабским ученым. Эти горы еще раз скрывали от взоров страны отдаленного севера: об этих странах не могли ничего рассказать ни „отец научной географии“ Эратосфен[17] (III в. до н. э.), утраченный труд которого мы знаем, гавным образом по Страбону (нач. I в. н. э.), ни сам Страбон, для которого вся Сибирь была необъятной снежной пустыней. Эратосфен упрекает Геродота за то, что он „называет гипербореями тот народ, у которого борей вовсе не дует“, т. к. здесь должен разуметься „народ, обитающий на крайнем севере“, но, насколько мы можем судить по цитатам Страбона, он и сам знает об этих краях не больше, чем Геродот. В северо-восточном углу Индии, где средне-азиатский горный хребет, по его представлению, вдается в океан, Эратосфен помещает мыс Тамарос, на северо-запад от которого тянутся неизвестные пределы Скифии; этот мыс, упоминаемой и у позднейших писателей, превратился повидимому в тот баснословный мыс Табин, который мореплаватели XVI века ожидали встретить к востоку от реки Оби, и который изчез с европейских карт Сибири лишь в XVIII веке (173).

Больше данных о северной Азии мог сообщить Клавдий Птолемей, живший и писавший в Александрии во II в. н. э., но они появляются у него в такой неопределенной форме, что имеют малое значение[18]. Существование длинной горной цепи, проходящей через весь азиатский материк и получившей у него название Имауса (311), Птолемей, согласно Эратосфену и Страбону, считает важнейшим фактом географии Азии; однако названия тех областей Скифии, которые расположены на север от Имауса, ему плохо известны. Правда, Птолемей уже довольно точно знал течение Волги, называемой им именем Ра (в котором хотят видеть финское или „яфетическое“ слово); она образуется, по его мнению, из слияния двух рек, так что ему не совсем безызвестен один из древнейших путей в Сибирь,—река Кама, которую он называет „восточной Волгой“. Однако, дальнейшее направление торговых караванов на восток, от участников которых Птолемей, вероятно, получил свои данные, шло все время по южным подножиям гор, отделяющих Сибирь от средней Азии, и это было причиной того, что о Севере он имел самые темные слухи. Старая комментаторская традиция, быть может находившаяся еще под влиянием того пиэтета к Птолемею, который создался в в эпоху Возрождения (84—85), пыталась отыскать на его картах следы реальных географических очертаний северной Азии, оправдывая и его странную номенкла-

туру[19], но эти попытки часто являются явной натяжкой. Так напр., некоторые исследователи в Риммийских горах видели Урал, в Норосских — его южные отроги, в Анарейских — Алтай, в Аланских — „верхотурскую возвышенность, которая замыкает Сибирь с запада“ и даже в Аузакских горах „отчетливо“ узнавали „тот горный кряж, который тянется от истоков Селенги к северо-востоку, по направлению к Байкалу, хотя последнего древний мир не знает“[20]; впрочем им тут-же приходилось делать некоторые оговорки. Так, напр. Маннерт отмечает, что Птолемей, „приводящий названия всех рек, текущих на юг, ни слова не говорит о громадных реках, которые впадают в северный океан — Тоболе, Иртыше (sic!), Оби или Енисее... Сибирь осталась для древних географов вполне незнакомой страной. Лишь одно единственное и притом очень неопределенное указание говорит за то, что Птолемей мог слышать об Енисее...“[21]. Столь же рискованными нужно считать и усилия комментаторов в определении подлинных названий тех народов, длинные списки которых Птолемей приводит в своем труде; большинство из них получило имена от гор, вблизи которых они живут, иные заимствованы из литературных источников; лишь немногие данные базируются на подлинных известиях: как разгадать всех этих аланов, суобенов и аланорсов (в других ркп. агафирсов), помещенных Птолемеем на дальнем севере, на всем протяжении материка Азии, с запада на восток, конадипсов, т. е. „жаждущих в степях“, — к югу от Урала, сквозь кочевья которых, вероятно, шла караванная дорога в Среднюю Азию, саммитов у Риммийских гор и тибилков, сасонов и ястов?.. Как ни хотели бы современные этнографы угадать здесь то финские племена Приуралья (аорсы), то калмыков или киргизов (кахассы), в большинстве случаев это лишь пустые имена, лишенные реального содержания, — плод домыслов и литературных комбинаций ученого александрийца.

Сколь ни скудными кажутся нам сейчас все эти сведения Птолемея о северной Азии, но их не смог в древности увеличить более никто. Римляне интересовались больше югом и западом, чем востоком и севером: их легионы приносили новые данные из Феццана и Мавритании, из Германии, Галлии и Британии; римские всадники отправлялись уже сухим путем к морским берегам, где добывается янтарь, совершали экспедицию для открытия истоков Нила. моряки бороздили океан на запад от „геркулесовых столбов“, торговцы приносили первые сведения о вендах-славянах, живших к востоку от германцев; горизонт расширялся, но в направлении, обратном азиатскому материку. Правда, поход Помпея в области между Черным и Каспийским морями до Кавказского хребта доставил новый географический материал, правда, римляне по наслышке знали уже серов-китайцев, из страны которых шел в Рим драгоценный шелк; правда, посольство ко двору Клавдия с острова Цейлона разъяснило некоторые географические ошибки, а Павсаний (кон. II в. н. э.) мог уже подробно рассказать о шелковичном черве, но север Азии и даже восточной Европы римлянам все же остался попрежнему совершенно неизвестным. Как неясны еще очертания крайнего северо-восточного угла азиатского материка в представлении Помпония Мелы (173)! Свои характеристики северных скифских племен и Мела и Плиний (I в.) строят почти исключительно на старом геродотовском материале; поэты августовского века — Вергилий, Гораций, говоря о северных скифах, примыкают к греческой идеализирующей традиции, следы которой мы найдем еще не только у Юстина, как указано было выше, но и у Валерия Флакка (II в.) вплоть до Арриана (III в.). Даже в наиболее поздних трудах римских историков интересующие нас области нисколько не просветляются от прочно окутавшего их мрака. Аммиан Марцеллин (IV в.), писатель, переживший начало нового периода истории, вторжение гуннов и натиск германцев, писавший свою „Историю“ накануне распадения великой империи, вставил в свой труд ряд географических экскурсов; они, однако, основаны не на живом современном знании; над ними преобладает ученый, антикварный материал, собранный из разных источников и традиционных карт. Повторяя Плиния и Птолемея, он описывает скифов, „которые граничат с азиатскими сарматами“: „заброшенные в отдаленный угол

земли, привычные к пустыне, они живут в далеко отстоящих друг от друга обиталищах и довольствуются скудным и бедным пропитанием". Более подробные сведения об этих кочевниках дальнего севера кажутся ему ненужными: „Эти пределы населяют различные народы, перечислять которые считаю излишним... Но следует отметить, что между этими народами, почти недоступными ввиду их чрезвычайной дикости и грубости, есть кроткие и благочестивые люди, каковы яксарты и галактофаги, о которых поминает поэт Гомер в следующих стихах:

Дивных мужей Гиппомолгов,
Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных"... [22]
(„Илиада" XIII, 5)

Так, старая греческая легенда и теперь еще воскресала тогда, когда писателю нечего было сказать нового: поэтическая цитата скрывала скудость реального опыта и ограниченность знания.

III

Византийцам северная Азия также осталась совершенно неизвестной, несмотря на то, что ее торговля с Дальним Востоком была очень интенсивна. Подобно римлянам из азиатских глубин получали они большую часть драгоценных товаров, в которых нуждались, жившие в роскоши, ее правящие классы. Индия и Китай снабжали их пряностями и ароматами, жемчугом и слоновой костью. Но сами византийские торговцы не ездили в столь далекие страны. Сношения Дальнего Востока с бассейном Средиземного моря шли через посредников — персов, которые крепко держали в своих руках и сухопутную и морскую дороги. В посредничестве персов на юго-востоке, скифов — на север от Черного моря в торговых сношениях Византии нужно видеть одну из причин ее слабого знакомства с географией Азии: ни основание Трапезунта, ни торговля через Каспий, ни возвращение Херсонеса под византийскую власть, не оказали на это почти никакого влияния. Однако не мало и других причин способствовали тому, что в деле общего познания мира Византия не только не ушла вперед сравнительно с античной древностью, но даже подалась назад. [23]

Христианизация греко-римского мира определила процесс медленного вырождения античной науки: философия превращалась в теологию, история и грамматика — в упражнения эрудитов; ученый зачастую становился трудолюбивым собирателем и комментатором того, что уже было высказано несколько веков назад. Падение науки в Византии резко сказывается уже к половине VII века. И если сила и своеобразие Византии были в развитии догматической и полемической литературы, то в области опытного исследования, лишенная критического дара, духа наблюдения и синтеза, она заявила себя несмелой и беспомощной. Это всецело относится и к науке землеведения. Византия не смогла выдвинуть ни одного крупного ученого-путешественника, вроде Страбона или Птолемея, который, подобно им, использовал бы богатый опыт торговых странствований в дальних краях, и познание земли остановилось здесь почти на той-же ступени, на которой оно стояло еще в Греции и Риме. Но в построение космологических систем на византийской почве вскоре же вторглась христианская теология и догматика, вступившая в борьбу с языческим преданием. В VI веке египетский монах Косма Индоплаватель, прозванный так за свое путешествие в Индию, выступил уже горячим противником Птолемеевской системы. По его учению, обитаемая земля представляет четвероугольную плоскость, имеющую протяжение в длину (с востока на запад) вдвое более нежели в ширину (с севера на юг). Вокруг нее обтекает океан, образующий четыре симметричных входа в землю — Средиземное и Каспийское моря, Аравийский и Персидский заливы. Каспийское море, следовательно, и теперь еще рассматривалось как бухта Северного океана, поглощавшая значительную часть северной Азии; тем самым и Сибирь все еще исчезала в волнах далекого, неведомого моря, за которым, на крайних пределах недостижимой земли, по учению Космы, поды-

малась громадная стена, закругляющаяся кверху и образующая небесный свод. По небу совершали свое движение небесные светила, но не вокруг земли, т. к. она сливалась с небом, а вокруг конической горы, находившейся на севере, от которой зависели перемены дня и ночи. [24] Так создавалась христианская космология, съужавшая землю с севера и завещавшая западному Средневековью тот тесный и ограниченный мир, пределы которого вновь смогли быть раздвинуты только в эпоху Возрождения. Система Космы дожила в Византии до поздних времен, передалась на Запад и на Русь, где смогла удержаться вплоть до конца XVII века. Греческие мифы о стране блаженства, расположенной на дальнем севере, не меняя своей локализации, получали теперь новую окраску, превращаясь в христианский рай, расположенный за океаном. Новый легендарный туман обволакивал области севера. С другой стороны религиозный идеализм и слепая доверчивость к Писанию открывали широкий простор для развития фантастических сказаний о людях и животных, перешедших в Византию с александрийского востока и здесь исправленных по Библии и дополненных. После всего этого, неведение и наивность патристической географии не покажутся удивительными; нужно вспомнить при этом еще о том духе аскетизма, шедшем из Византии в средневековую Европу, который способствовал самоуглублению, но объявлял грехом положительное знание.

Несмотря на свою склонность к фантастике, восточному мистицизму и созерцательному успокоению, византийцы, однако, были все же наследниками не только эллинистической, но и римской культуры. От римлян они усвоили сильную долю их трезвости и здравого смысла; они должны были оглядываться вокруг себя, пристально и зорко наблюдая за этническими и социальными сдвигами в своей империи. По своему политическому положению и культурным традициям византийцы были единственным в ту эпоху народом, который непосредственно заинтересован был в том, чтобы отчетливо разобраться в том хаосе народов и племен, волны которых целые века бились у северных и восточных границ государства, и из которых все время вздымались все новые и все более грозные этнические массивы: это были готы и гунны, пестрые толпы турко-татарских и славянских племен, наконец и османы, на которых пал исторический жребий выкопать Византии могилу. На все беспокойные передвижения этих народов византийские хронисты спокойно взирали как бы с безопасных сторожевых постов империи, но все же порой отрывались от пересказа и комбинирования старых исторических сочинений, для того чтобы занести и о них кое-какие сведения в свои анналы. Все то, что византийские историки сообщили про германские, славянские или урало-алтайские племена, было несомненной новостью в литературе и может считаться их неотъемлемой собственностью. В этих сообщениях мелькают иной раз исторические имена и этнографические названия, так или иначе связанные с южной Сибирью, Алтаем или предгорьями Урала, но они случайны, смутны и почти ни в чем не увеличили познания северных стран.

Византийские писатели — З о с и м, П р и с к, А г а ф и й С х о л а с т и к (VI в.) — рассказывают о кочевых народах урало-алтайской группы, о гуннах, аварах, сабирах, булгарах и происхождении татар; на страницах их хроник порою чувствуется движение варварских орд или слышатся отголоски дальних битв; но какую смутную и легендарную оболочку принимают эти известия под византийским пером! „Около этого времени (т. е. перед 465 годом н. э.), — пишет напр. Приск, — послали сарагуры посольство к восточным римлянам; это были племена, которые после битвы с савырами были изгнаны оттуда, где они жили; последние же, в свою очередь, были вытеснены аварами, а эти принуждены были к выселению народами, которые жили на берегу океана, но покинули страну, так как из океана поднялась туманная мгла и появились многочисленные грифы“ [25]. Как характерно здесь смешение реального события с античной сказкой!

Историк готов И о р д а н (VI в.), пользовавшийся не только античной географией (Птолемей), но и преданиями своего племени, почерпнутыми из разнообразных северных источников, знает уже, повидимому, и собольи меха, замеча-

тельные своим „черным отблеском“, которые в его время вывозились из Югры, жившей за хозарами и булгарами; знает он, вероятно, и имя Югры, подобно другим финским племенам, живущим на запад от нее; в том месте, где Иордан дает роспись народов, покоренных Эрманарихом, иные угадывают имена Веси и Перми, но во всяком случае с полной достоверностью отождествляют Merens и Morens с мерей и мордвой, а в thiudos inaunxis видят заладожскую чудь [26]. Эти известия, однако, единичны в литературе той эпохи. В других сочинениях византийской поры мы видим кое-какие просветы в еще более отдаленные области уже не Европы, а Азии, но и они остались случайными и не смогли быть использованы в чисто географических целях. Так, историки Менандр (VI в.) и Феофилакт Симокатта (VII в.) по оффициальным данным описывают путешествия византийских послов к восточным тюркам,—одно к Дизабулу (568), другое к Турксанфу (575), и эти рассказы неожиданно проливают некоторый свет и на те исторические факты, о которых повествуют орхонские надписи. Эти путешествия—не легенда и не вымысел; мы понимаем и причины, заставившие византийцев отправиться в столь далекий путь: посольства стояли в непосредственной связи с изменениями переспектив византийской торговли с дальним востоком и возможным устранением посредничества в ней персов. Появление могущественного турецкого государства к северо-востоку от Персии, образованного алтайскими тюрками,—„тю-кю“ китайских летописей, которые незадолго перед тем разгромили уйгуров, овладели бассейном реки Тарыма и подчинили себе Согдиану, было на руку туркам; вскоре после того имп. Юстиниан оказал поощрение бежавшей на запад, к Кавказу, тюркской орде аваров, —как их зовут византийские писатели или вархонитов („уар-хунны“ Феофилакта), как называли их сами тюрки—в том расчете, что в интересах империи будет взаимное истребление аваров и гуннских племен сабиров и утургуров. [27] Сношения Византии с аварами послужили поводом к обмену посольствами между императором и владыкой тюркских племен. Византийское посольство с Земархом во главе отправилось на восток в 568 году; насколько непонятен и загадочен был его путь даже для современников посольства, видно из того, что историки повествуют о нем в самых неопределенных выражениях. Из рассказа Менандра мы узнаем только, что путешествие Земарха к хакану приалтайских турков Дизабулу было продолжительным и трудным; ханскую ставку орды Земарх нашел у у подножья горы Эктаг или Эктел, что, по Менандру, должно было значить „Золотая гора“; имя это все еще представляет географическую загадку: в нем видят то Алтай, то одну из гор Тянь-Шаньского хребта [28]. Впрочем, где-бы она ни была, несомненно, что рассказ византийцев описывает края совершенно новые и неизвестные античному миру. Это своего рода пролог к тем известиям о средней Азии и дальнем Востоке, которые Марко Поло принесет в Европу семь столетий спустя; как и в его рассказе, в повествовании византийцев богатство и великолепие быта азиатского владыки принимает почти фантастические очертания; хакан принял их в палатке, обитой и испещренной шелковыми покровами, сидя на ложе, которое было все из золота; на середине палатки стояли золотые сосуды, кропильницы и бочки, тоже золотые; на следующий день, в другом помещении, послы видели деревянные столы, покрытые золотым узором и вызолоченое ложе, поддерживаемое золотыми павлинами... Эта пышность была, вероятно, самым сильным впечатлением путешествия: обо всем остальном источники умалчивают и вообще слишком скупы на описание семого пути. Одна маленькая подробность говорит за то, что в ставке повелителя турков византийцы могли видеть и представителей приенисейских народностей сибирского юга и так или иначе получить некоторое представление о далеких северных степях; Дизабул почтил Земарха пленной рабыней, родом из племени Керкис, т. е. киргизов. Семь лет спустя (в 575 г.) из Византии отправилось второе посольство на „Золотую гору“, заехав по пути к одному из восьми властителей турецкой державы—Турксанфу [29]. На самые последние годы VI века приходится еще одно известие о сношениях Византии с азиатскими турками: Феофилакт Симокатта сообщает, что „великий восточный повелитель“ прислал в 598 г. посольство к имп. Маврикию с извещением о том, что он успокоил все внутренние раздоры в своей державе и покорил всех своих врагов; по-

этому случаю Феофилакт вставляет в свой рассказ историческую справку об утверждении господства турок на запад от „Золотой горы“ [30]. От начала VII века у византийских писателей упоминаний об азиатских турках более не встречается.

Как ни важны были сведения об Азии, добытые во время сношений византийцев с восточными турками, но они не оказали никакого влияния на исправление ошибочных представлений об этой части света; даже Китай они представляли себе еще очень смутно: Феофилакт знает китайцев под именем „таугастов“, — искажая повидимому турецкое слово „табгач“, как китайцы называются в орхонских надписях,—Прокопий и Феофан Византиец могут уже рассказать, как римляне вывезли из Китая шелковичного червя, у Лаоника Халкондила (XV в.) Китай назван монгольским именем „Хатайя“, но даже к этому времени никто из византийских эрудитов не смог еще отождествить этого имени ни с названием „тциница“ (т. е. „Сина“), которое Косма в VI веке вывез из Индии, ни, тем более, с „серами“ Птолемея. „Китай—это город на востоке от Гирканского (Каспийского) моря“, читаем мы в поздней византийской хронике почти накануне падения Константинополя. [31] Тем более смутны представления византийцев о северных областях Азии. Открытия ва востоке европейцев прекратились на долгий период—вплоть до XIII века.

Нашествие на Византию арабов в VII веке ослабило ее экономическую мощь и сосредоточило ее вниманне на более близких к ней областях; империя шаталась, а вместе с ней падала и византийская наука; хронистика также влачила тогда самое печальное существование. Своеобразный „ренессанс“ (IX—XI в.в.), совпавший в Византии с периодом нового подъема ее политического могущества и международного значения, принес некоторое оживление и в интересующей нас области, но северная Азия и теперь еще не привлекала к себе ничьего любопытства. Между тем, возвращаясь вновь к изучению своих ближних и дальних соседей, византийцы могли бы увидеть теперь совершенно новую картину. К этому времени уже закончился процесс переселения мадьяров из „Великой Венгрии“ Приуралья—в Паннонию (9—10; 70, 153), и они даже начали забывать свою азиатскую прародину [32]; в северной и восточной Европе возникли новые политические объединения; в Азии прочно утвердились арабы и Ислам начал свое победоносное шествие на север материка... Кругозор византийцев был тогда однако, значительно уже. Потребности дать отчет в своих силах и политическим заботам Константина Багрянородного (944—955) мы обязаны важной в историческом отношении характеристике всего северного варварского мира—от Венгрии до Урала („Об управлении империей“), но далее на северо-восток не проникла и политическая дальновидность византийского императора: востоком Европы, славянами, финнами, булгарами на Волге кончалась земля, которая могла представить какой-либо интерес. Три века спустя даже монгольские завоевания в Азии и Европе не пробудили в Византии большого любопытства; впрочем, ей было тогда уже не до них, шаг за шагом отступавшей перед османскими турками и быстро шедшей к своему закату; правда, имя монголов знает Георгий Пахимер (17—18), но Георгий Акрополит (XIII в.), у которого есть маловразумительный рассказ о вторженни монголов в Малую Азию, называет их „скифами“ и „татарами“ [33]; у Никифора Григоры, византийского гуманиста эпохи реставрации империи при Палеологах (XIV в.), мы читаем следующие строки об образе жизни и нравах „татар“: „Есть очень многочисленный народ, живущий так далеко на севере, как никакой другой... как повествуют нам об этом старые писатели и как мы сами исследовали это, после долгих расспросов, насколько это было возможно. Именно их назвал Гомер именем млекоедов, бедных и справедливых людей, т. к. у них нет изысканной кухни и роскошного стола“... [34] Ссылка на „Илиаду“ не случайна, и приводит на память цитированные выше слова Аммиана Марцеллина. Обстановка сходна: и римский и византийский историки писали в виду своих быстро разрушающихся империй; мысль обращалась к легенде о праведной жизни бедных северных кочевников, словно отталкиваясь от картины погрязших в роскоши правящих классов государства, не сознающих еще своей неминуемой гибели; поэтому тот же Гомер своей характеристикой галактофагов ответил и сходным настроениям

упрека и предостережения. Марцеллин говоит о скифах, Григора—о татарах, согласно более употребительной в его время этнографической терминологии, как писатели XVI—XVII в будут говорить о самоедах; но эта замена имени нисколько не меняет дела: перед нами не только пример живучей литературной традиции, но и достаточно характерное свидетельство того, что о кочевниках Сибири в XIV веке знали не больше, чем девять столетий назад.

IV

Следить за восточным источниками о Сибири не входит в нашу задачу. Укажем, впрочем, мимоходом, что о северной Азии кое что знали китайцы; еще в истории династии Тан (618—907 г.г.) говорится о долгих днях и коротких ночах к северу от Байкала [35]; позднее, в монгольский период, у китайских и персидских историков упоминается Ибир-Сибир (55—56). До Европы все эти известия, конечно, не доходили. Лишь арабские географы в своих трудах поздно и с искажениями донесли на европейский запад легенды своих ранних купцов о „стране мрака" и о баснословных народах дальнего севера.

Арабская географическая наука возникла тогда, когда в передней Азии поднялась мировая держава арабского халифата, а его богатые промышленные центры начали энергичные поиски новых рынков для сбыта предметов своего производства и получения сырья. Через посредство сирийцев она усвоила географические представления античного мира, при помощи персов—индусские, но вскоре же смогла значительно расширить их на основании самостоятельно добытых материалов. В VII веке арабы утверждают свое владычество в Закавказьи и странах Ирана, в Армении и Персии; они прочно основываются на побережьи Каспийского моря и расширяют свою территорию в северо-восточном направлении до Аму-Дарьи. В первые годы VIII в. им уже достаются богатые области средней Азии—Балх, Бухара, Самарканд. Ширится арабская торговля, а вместе с ней растет и географическая наука, достигающая своего расцвета в IX и X веках. Составляются описания областей и городов обширного халифата, простирающегося теперь от Испании до Туркестана; благодаря торговым сношениям, сведения географов, однако, идут еще дальше—во все концы мира. Уже в эту пору арабам стал хорошо известен морской путь в Индию и Китай; на суше, кроме подробно описанной в литературе торговой дороги в Китай, были известны пути в Тибет и „к ставкам средне-азиатских кочевников на берегу Чу в Семиречье, на берегах Иртыша и верхнего Енисея в Сибири". [36] С другой стороны арабские купцы ездили и на Волгу к булгарам, получая от них сведения о Приуральи, о стране башкиров (9—10, 44—45), о туземных племенах дальнего севера.

Сколь ни обширны были все эти даннные в сравнении с предшествующими им, собранными в Греции, Риме, Византии, как ни высоко поднялась тогда арабская наука в отношении методов своего исследования, но как только дело касалось крайнего севера Азии, арабские ученые делали странные ошибки, и со слов путешественников примешивали к своим рассказам чудесные вымыслы. Быть может и не должно было быть иначе: пока рассказы купцов доходили до ученых, они украшались легендами и прикрасами; в центрах арабской науки—под ярким солнцем Африки, в тенистых садах Испании, так трудно было представить себе угрюмую природу дальнего севера—снежные пустыни, реки, скованные льдом, темное небо полярной ночи. Кроме того, с распадением халифата, ученые пользовались преимущественно старыми трудами IX и X веков, не подновляя, а временами и запутывая в своих компиляциях прежние данные. Именно эти поздние труды, ставшие, в конце концов, известными и в Европе, обеспечили там появление шедшей с семитского востока второй легендарной традиции о далеком севере, значительно менее распространившиейся, чем античная, но в оригинальном сплетении с последней давшей на Западе тот своеобразный легендарный сплав, каким является представление об азиатском севере в конце средних веков.

Одна из старых легенд, занесенная в Коран и тем самым канонизированная для всего мусульманского мира, говорила о страшных народах Яджуджах и Маджуджах, в которых нельзя не узнать библейских Гогов и Магогов; она попала к арабам через посредство древне-еврейской литературы и полуисторических романов эллинистического Египта об Александре Македонском. Местопребывание

этих народов, неясно отмеченное в Библии, уже тогда было поводом для споров и ученых толкований. Сначала их помещали в плохо известных краях между Кавказом, Каспийским и Черным морями; сирийские и персидские легенды отодвинули их далее на восток, в центральную Азию,—в том направлении, откуда обитатели Ирана могли ждать для себя наибольшей опасности. По мере расширения географических сведений, их отодвигали все далее к северу и поместили, наконец, за Алтаем и Уралом до океана, в пустынных областях Сибири. Такую локализацию легенда получила именно в арабской географической литературе. [37]

Яджуджи и Маджуджи помещены в „Коране“ (гл. XVI, XVIII и XXI) где-то на дальнем севере, за высокими горами. По другому преданию, известному уже из Иосифа Флавия и Псевдо-Каллисфена (45), слившемуся с первым и также занесенному в Коран, они сидят там как бы в заключении, за крепкой стеной с железными воротами, построенными Зюль-Карнейном, т. е. Александром Македонским, для ограждения народов прочих стран от их страшных вторжений. Они силятся разрушить стену и выбраться на свободу, но будут находиться там до тех пор, пока богу не будет угодно перед кончиной мира открыть им путь. Комментаторы Корана не скупятся на краски в изображении этих страшных чудовищ: мы узнаем здесь индусские сказки, занесенные в Грецию Ктесием и Мегасфеном (12—13) и переработанные в Александрии в эпоху Птоломеев: у Яджуджей и Маджуджей по четыре глаза, два на лбу, два на груди; их тело покрыто шерстью, у некоторых — уши свисают до плечей; они не говорят, но издают своим голосом звуки, похожие одновременно на змеиное шипение и птичий свист. Эти сказочные чудовища попали в список реально-существующих племен и арабские географы считали своим долгом упомянуть о них при описании „седьмого климата“, т. е. самого северного края земли.

Широкое распространение в арабской литературе получил рассказ о поездке Селлама-толмача к стене, воздвигнутой Александром. Поездка эта якобы была совершена по повелению внука Гаруна-ар-Рашида, Халифа Васика (полов. IX в.), который видел во сне, что стена эта разрушилась. Опечаленный этим предзнаменованием близкой кончины мира, Халиф в 842 г. послал Селлама отыскать легендарную страну и убедиться в действительности этого сновидения. Селлам совершил это путешествие в сопровождении пятидесяти спутников, употребив на это 28 месяцев. Сказание его, „рисалэ“ — сохранилось у поздних историков: у Идриси (XII в), Эбн-Эль-Варди, Али-Эфенди, Мирхонда, но в форме, возбуждающей значительные сомнения. Вопросы о том, куда именно добрался Селлам, к великой-ли китайской стене, отождествленной с легендарной постройкой Александра или напр. к Алтаю или среднему Уралу, и что за народ Эдкеш, яко-бы живущий по соседству с яджуджами, описал он в своем рассказе (иные готовы признать в нем остяков, другие — хакасов) — едва-ли когда либо будут разрешены вполне удовлетворительно[38]. Быть может, в конечном счете, этот рассказ представляет собою такой же географический авантюрный роман, как и знаменитые путешествия Абу-Долефа на дальний восток, отнесенные к X веку, но появившиеся уже на закате арабской культуры, когда странствования арабов стали реже и произведения Мас‘уди и Ибн-Фадлана (оба X века) вызывали к себе позднее одобрение потомков и чисто-литературные подражания[39]. Для нас, в данном случае, важно другое: уверенность, что яджуджи и маджуджи действительно существуют, прочно державшаяся у арабов, и традиционная локализация их на севере Азии, к востоку от Уральских гор. Об этих народах арабы знали и из других, более авторитетных источников. Ибн-Фадлан, отправленный из Багдада послом к волжским булгарам в 921—922 гг. и оставивший описание своей поездки, — в котором, как известно, столь драгоценны для нас известия о русских, хазарах и башкирах, — рассказывает со слов булгарского царя, что „за его страною, на расстоянии трех месяцев пути, живет народ по имени Вису, у которого ночь меньше часа“. По мнению Лерберга, разделяемому и новейшими исследователями[40]—в опровержение Френа, видевшего здесь финскую „Весь“ — Вису, это Югра, населявшая область северного Урала (70—71); с жителями этой страны булгары ведут немую торговлю, получая

оттуда бобров, соболей и белок: за Вису же, далее на север, живет страшное племя великанов. Сам царь видел однажды такого человека: он был „высотой в 12 локтей, с головою, величиной с большой котел, с носом — в пядь длиною, с громадными глазами и пальцами; вид его привел в ужас его и его людей; они заговорили с ним, но не получили никакого ответа: он только пристально смотрел на них". Царь взял его с собою и написал к народу Disur (Wisu?), чтобы получить от них сведения об этом человеке. „От них узнал он, что человек этот принадлежит к племени Яджуджей и Маджуджей, которые жили от них на расстоянии трех месяцев пути, отделенные морем; были же они людьми, подобными зверям". Еще географ Якут (нач. XIII в.) внес этот рассказ в свой знаменитый словарь (под словом: Итиль), хотя и усумнился в его правдивости; аналогичные рассказы есть, однако, у писателей XII века[41]. Ал-Фарганий (IX в.) также упоминает яджуджей при описании северных стран: „Седьмой климат начинается на восток от севера страны Яджудж, затем проходит по стране турка, затем по берегам моря Друрждан (Каспийского)... Что касается (части земли), что по той стороне (дальше) этих климатов до конца обитаемой местности, о которой мы знаем, то она начинается на восток от страны Яджудж, затем проходит по стране Тагазгаз". Видеть-ли в последнем названии известие о тунгусах, как это предлагает Френ или уйгуров, — по мнению Рено, мифические яджуджи все равно оказываются совершенно точно приуроченными к северной Сибири. Ибн-Хаукаль (X в.) и Ал-Истахри (X в.) говорят, что страна яджуджей граничит на севере с океаном: по Идриси (XII в.) и Ибн-Эль-Варди их страну ограничивает цепь гор, называемых Кокая или Корнан, которые так круты, что нельзя на них взойти, а если как-нибудь и взберешься, то все равно не достигнешь вершины, по множеству вечных снегов и густых туманов; горы эти тянутся от океана до пределов возделанной земли. Вот за этими то горами, —в которых можно разуметь Уральскую цепь, Яблоновый хребет или Алтай, — и долина которых кишит громадными змеями, гадами и зверями, в стране мрака, облаков и непроницаемой мглы живут яджуджи и маджуджи[42].

В легендарной оболочке этих рассказов нам нетрудно сейчас отделить истину от вымысла; они представляют собой сплетение реальных данных с чисто-литературными наслоениями; источник имени яджуджей и маджуджей уже был указан; другие подробности восходят к сирийским и еврейским редакциям „Александрии", повествующим напр. о „змеиных племенах" Гога и Магога, о стране, где нет ничего кроме тьмы, где гады сторожат воду жизни, истекающую из под божьего престола. И если арабские путешественники сами не бывали в этих легендарных местах[43], что разумеется усилило фантастический элемент их рассказов, то все же многие, сделанные ими на основании расспросов, наблюдения о северных краях безусловно верны: их сведения о торговле, природе, даже иные из сообщаемых ими географических имен, имеют все признаки достоверности. Географы X века — Истахри, Ибн-Хаукаль и Ал-Балхи рассказывают о том, что черные соболи вывозились в Булгарию из страны Арта, и оттуда шли в самые отдаленные места исламских земель, в „Золотых лугах" Мас'уди пишет, что из земли буртасов эти меха вывозились не только в ближайшие области, но даже „в страны Ифренджей", т. е. Западную Европу и арабскую Испанию; в Ховарезм привозились меха не только из проволжских стран, но и из страны турков, т. е. вероятно, южной Сибири; Абу-Хамид-Эль-Андалуси, сам бывший в стране булгар, говорит, что там находят клыки, похожие на слоновые и белые, как снег, т. е. мамонтову кость[44]; ряд арабских известий повествует о „немой торговле" булгар с сибирскими туземцами; климатические и природные условия также описаны очень правдоподобно; таковы, напр. короткие дни и долгие ночи дальнего севера; в рассказе Ибн-Фадлана о „красном, как огонь, облаке", из которого исходили шум и голоса, и в котором видны были как бы кони и люди, держащие луки, копья и мечи — нельзя не узнать северного сияния[45]; даже „страна мрака", где по словам Ибн-Батуты (41 — 42) „проводником служит собака, проходившая ее множество раз", имеет вполне реальные черты. Если прибавить к этому, что название Югры в весьма близкой форме упоминается у Казвини

(XIII в.), что Мас'уди и Гурдези говорят об области „Каймак" на Черном Иртыше, и что, наконец, поправки Френа к тексту Димешки как будто свидетельствуют, что в XIV веке арабы слышали о Тоболе[46], то можно будет признать, что природа и люди северной Азии были арабам несколько известны.

Однако все эти реальные подробности не были поняты и усвоены европейцами, когда им стали доступны арабские географические труды. Иное дело — их легендарная часть: она показалась не только занимательной, но и вполне достойной веры. Сказания о чудовищных народах северной Азии сопоставлены были с теми, какие средневековье унаследовало от древности и выправило по Библии; светлая арийская утопия о „праведных" кочевниках севера уступила место мрачной семитической легенде о запертых в дальних горах народах, которые придут некогда на запад для всеобщего уничтожения в час кончины мира. Популярные западные версии „Александрии" способствовали распространенности веры в г о г о в и м а г о г о в, которыми много занималась и патристика[47]. В арабских известиях о я д ж у д ж а х и м е д ж у д ж а х увидели теперь новое свидетельство непогрешимого авторитета библейского предания, восходящего к словам пророка Иезекииля и указаниям „Апокалипсиса", а главное — более точное географическое определение их местопребывания. Для Иосифа Флавия это еще представители скифов за мэотидскими болотами; отцы церкви — Исидор Севильский (V в.) (ср. 20) и Блаженный Иероним (VIII в.) тоже ищут их еще на границах Европы и Азии; гогов и магогов отождествляют с гуннами и сабирами, позднее с хозарами; теперь, под воздействием арабов, их отодвигают еще дальше на север, в великий простор Сибири. Вскоре монгольское нашествие еще раз освятило старое предание. На этот раз даже звуковое сходство имен M a g o g и M a g o l, M o n g o l ввело в заблуждение[48]: во всяком случае, на европейских картах Сибири г о г и и м а г о г и дожили до конца XVII века, обозначая различные народности азиатского севера.

V

Арабские географические труды долго были недоступны для европейцев Европейская наука долго стояла еще на одном месте. Средневековый мир, со всеми его „царствами", сокровищами и диковинками, целиком отраженный на наивных „картах мира" и энциклопедиях, бесконечно повторяемый в скульптурных украшениях соборов, в миниатюрах готических рукописей, — был тесен, прост и удобно обозреваем: средневековые мыслители и художники стали „великими провинциалами", не умевшими отойти от захолустных масштабов, возвыситься над кругозором, открывшимся с родной колокольни[49]. Плохое состояние путей, опасности, на каждом шагу подстерегавшие путника, невежество и неосведомленность относительно всего, что переходило тесные границы замка, округи, провинции — все это удерживало средневекового человека от попытки отправиться в далекие края. Но и тогда, когда он делал это, он плохо умел смотреть вокруг себя: христианство, заполонив умы, ослепило глаза для внешнего мира; можно-ли напр. считать случайностью, что христианские миссионеры, так далеко проникавшие в Азию, не оставили нам никаких свидетельств о совершенных ими путешествиях?[50] Лишь в XIII веке о необходимости познания самых отдаленных стран писал Роджер Бэкон в своем „Opus Majus" (22 — 23). Поэтому знакомство с дальним севером и востоком на Западе между V и XIII веками было совершенно ничтожно. На востоке — сведения кончались Гангом, на западе — Геркулесовыми столбами, но на север почти не распространялись. Каспийское море все еще составляло залив северного океана, и в представлениях христианского мира вплоть до Рубрука (на картах же — до XIV в.) составляло северную границу Азии; берега его образовывали дугу, шедшую в Индию, срезая громадные области (25 — 26). Даже крестовые походы, с их духом неугомонного, всеобщего перемещения вплоть до XII в. не оказали почти никакого непосредственного влияния на исправление ошибочных географических представлений. Важный шаг вперед сделан был лишь тогда, когда ок. 1140 г. христианские ученые при дворе норманнского владетеля Сици-

лии Рожера II познакомились с трудом араба Идриси: интересы двух наиболее предприимчивых народов средних веков — скандинавов и арабов, странствующих воинов и торговцев, столкнулись в научной области на южно-итальянской почве. По словам Идриси, Рожер захотел узнать не только границы своих обширных владений, но и „географическое положение других стран, не подчиненных его власти"; „он хотел определить пространство и подразделение этих стран на свидетельствах писателей, которые изучали и разрабатывали географию", но имеющиеся сочинения не удовлетворили его; тогда он приказал разыскивать сведующих путешественников и опрашивать их, сличая их показания, кроме того отлить из чистого серебра большой круг, на котором были бы отмечены сфера семи климатов, а также страны и области, соседние с морем или от него удаленные, заливы, моря и реки". „Для объяснения этого круга он велел составить книгу, в которой дано было полное описание городов и территории, природы и культуры населения, морей, рек, равнин и долин. В этой же книге должны были быть указаны породы хлебов, плодов и растений, какие произростают в каждой стране. Здесь же указывались свойства этих растений, искусства и ремесла, какими занимаются жители, предметы ввоза и вывоза, все замечательное, что встречается в этих семи климатах, положение населения, его телесные особенности, его нравы, привычки, религия, одежда и язык"... Этой работой и был занят Идриси, заимствовавший многое из арабских сочинений, в которых впервые точно описаны были мухаммеданские страны по всему неизмеримому халифату, от Пиренеев и Атлантического океана до границ Китая, и в которых и северным областям Азии уделено было некоторое место[51]. Так открывалась европейцам арабская ученость; с течением времени они смогли также усвоить понимание арабских карт; кроме того, арабские переводы позабытых древних классиков, — и прежде всего „Альмагеста" Птолемея, становились теперь понемногу доступны, хотя для понимания их не настало еще время. Дальнейший шаг вперед сделан был при дворе Фридриха II Гогенштауфена (ум. 1250), где также переводились арабские сочинения[52]. В XIII веке арабские сведения о шестом и седьмом климатах, т.-е. о дальнем востоке и северной Азии уже смог воспроизвести итальянский ученый — Ристоро из Ареццо. Это было в эпоху, когда в хозяйственной жизни Европы происходили большие изменения: развивался торговый капитализм; разбогатевшие итальянские города сменили сарацин в Тирренском и Адриатическом морях и постепенно отнимали у Византии ее наиболее важные рынки; мало-по малу главные приморские города Италии обзавелись своими конторами во всех важнейших левантских портах. Ранние проявления такой же кипучей экономической деятельности мы замечаем также кроме Италии, в некоторых городах южной Франции и в Каталонии[53]... Торговая предприимчивость с надеждой взирала теперь на ближний восток, но вскоре ей открылись и более далекие восточные пределы мира.

Для познания северной Азии к этому времени Европа получила могущественый толчок: это было нашествие монголов. Их заметили на западе только тогда, когда восточные части Европы уже тонули в водовороте их коней и всадников: до тех пор о них ничего не знали, несмотря на то, что к этому времени они успели уже наводнить всю Азию от берегов Тихого океана и до Черноморья, а их грозные передвижения до основания потрясли восточные государства. Однако Европу охватил суеверный ужас при первых известиях о нашествии монголов на южную Русь; когда же вскоре после того они с огромными силами вторглись в пределы Польши и Венгрии (1241), всеобщему смятению не было пределов; волна тревожных вестей о загадочном народе, вышедшем из азиатских глубин, прокатилась тогда по всему западу, от Франции и Фландрии — до Рима. Однако современные анналисты могли занести в свои хроники лишь самые скудные и однообразные известия о монголах — так неожидан был их приход и так немного могли сказать о них самые сведующие люди. „Они не знают никакого другого разговорного языка, кроме своего собственного, который никто больше не понимает, — пишет Матфей Парижский, — т. к. вплоть до самого последнего времени к ним не было никакого доступа, и сами они, в свою очередь, не

показывались вне пределов своей страны"... „Я думаю, что это потомки мадианитов, — записывает тот же анналист от русского беглеца, архиепископа Галичского Петра. Они намерены покорить себе весь свет; полагают, что по божественному определению должны они в течение тридцати девяти лет опустошить вселенную. Думают и уверяют, что произойдет страшная борьба между ними и римлянами"... В почти сходных выражениях об опустошении Венгрии рассказывают клерк Ивонн из Нарбонны (1243), в письме к архиепископу Бордосскому, и Понс де Обон (ок. 1242) к последнему из коронованных крестоносцев — Людовику XI[54]. Европа не считала монголов за людей, она отказывала им в чести быть врагами или обычными неприятелями, описывая их с таким же чувством, с каким в бестиариях изображались апокалипсические звери и сказочные чудовища: ведь они пришли из тех стран, где по представлениям жили песиголовцы или люди с глазами и ртом на груди! Ничто не свидетельствует так отчетливо о безумном страхе, внушенном монголами даже в пределах наиболее западных стран, как призыв императора Фридриха II к новому крестовому походу против кочевников-завоевателей, обращенный к „Германии, пылкой в боях, Франции, вскармливающей на своей груди неустрашимое воинство, Англии, могущественной своими воинами и кораблями, Криту, Сицилии, дикой Ибернии и холодной Норвегии".

После всего этого несколько неожиданным кажется то, что отрезвление от этого кошмара, по крайней мере в правящих кругах Европы, наступило очень быстро. Когда в 1242 г. Батый отступил из пределов Польши и Венгрии и внезапно двинулся в далекий обратный путь (к чему, как мы знаем сейчас, принудила его долгожданная смерть в Монголии великого хана Угэдэя), в Европе не только перестали бояться нового вторжения монголов, но даже тотчас же решили использовать их в своих политических целях; один и тот же план вскоре созрел у светских и церковных властителей: пресечь завоевательные замыслы монголов обращением их в христианство и превратить их в военных союзников против ислама, в котором не переставали видеть главную опасность, — таков был этот тонко обдуманный план; в реальность его верили тем более охотно, что самостоятельная борьба монголов против мухаммеданских государств средней Азии могла рассматриваться как естественный пролог к грядущим войнам, в которых папскому двору, кроме монголов, должны были бы оказать поддержку и византийцы, и армяне, и франки в Палестине. Установление дружеских связей с монголами, от чего зависел весь успех предприятия, однако, могло иметь и другие выгоды: речь шла о той старой торговой дороге на дальний восток сквозь среднюю Азию, которой пользовался эллино-римский мир, Византия и арабы, и причерноморский ключ к которой теперь находился в руках молодых итальянских торговых городов — Генуи и Венеции. Все это вызвало решение отправить к монголам послов для наведения предварительных справок и установления постоянных дипломатических сношений: два францисканских монаха, — один итальянец, Плано-Карпини, другой фламандец — Рубрук, ездившие в Монголию, вернулись в Европу — первый в 1247, а второй — в 1255 году.

Как характерно, что эти первые европейские легаты к монголам были родом из наиболее цветущих торговых стран тогдашнего запада, в руках которых уже находилась торговля с востоком — Левантом, как говорили тогда! Но все же, это были пока еще только м о н а х и, многими культурными традициями связанные с ранним европейским средневековьем. Это, конечно, отразилось и на их отчетах, в которых мы видим своеобразную смесь реального опыта с бесспорными вымыслами, ребяческой болтовни и трезвой мысли, веру в авторитет и уменье оглядываться вокруг себя, — словом все то, что так характерно для этой эпохи первого пробуждения и наивной радости зарождающейся умственной работы. Им принадлежат и первые, еще краткие и глухие известия о Сибири, полученные устным путем от монголов.

Сведения об Азии, доставленные Плано-Карпини и Рубруком в Европу, были очень свежи и новы, но собирая их, они ни на минуту не забывали о целях своих миссий; поэтому они интересовались, главным образом, народами-вла-

стителями и оставили очень мало данных о подчиненных им или о самостоятельно-живших племенах. Тем не менее у Плано-Карпини мы находим уже первое в европейской литературе упоминание о самоедах (8, 11-12), правда еще рядом с указанием на легендарных чудовищ. Рубрук, более трезвый и наблюдательный, чем его собрат по ордену, не так легко верит подобным вымыслам; но относительно Сибири он также дает слишком мало: лишь мимоходом говорит он о народе «керкис» и «оренгаях», (17-18)—преувеличивая слухи о дикости этих племен, особенно приенисейских киргизов.

Несколько более данных оставили нам купцы, вслед за монахами отправившиеся в далекие страны Востока, но уже не для обращения монголов в христианскую веру, но ради торговых целей. Из первых рассказов европейских путешественников к монголам,—буржуазия итальянских городов немедленно сделала свои выводы. Слухи о неистощимых сокровищах восточной Азии не могли не возбудить алчность купцов, ходивших по Черному морю, и они сами устремились в далекие края. Пример смелого венецианца Марка Поло не остался без подражания. Заново устанавливалась постоянная торговая дорога в Китай; она шла через Тану (Азов) и Каффу (Феодосия), служившие как бы базисами для дальних путешествий на восток. Этим путем воспользовались не только венецианцы и генуэзцы, имевшие там многолюдные колонии (64), но и флорентинцы, торговля которых уже в XIII веке охватывала весь тогдашний мир. Менее чем полвека спустя после того, как пизанец Рустичиано записал рассказы Марко Поло в уединении генуэзской тюрьмы, флорентинец Франческо Бальдуччи Пеголетти мог уже закончить свой труд „Практика торговли" („Pratica della Mercatura" ок. 1340 г.),—интересное руководство для купцов, в котором описание путей в Китай через итальянские колонии Черноморья занимает далеко не последнее место [55].

Естественно, впрочем, что к себе притягивали, в первую очередь, богатые рынки дальнего востока, с их драгоценными товарами, куда ездили по вековым путям, обеспечивавшим сравнительные удобства и относительную безопасность транспорта. Чисто коммерческий интерес к северной Азии, все еще казавшейся безлюдной и бесплодной пустыней, был слишком слабым. Об этих отдаленных и мало-знакомых краях и сейчас еще упоминали только при случае, мимоходом и вскользь; все эти упоминания тонули в том множестве сведений, которые путешественники сообщали о Монголии, Китае и северном Тибете. Сибирь оставалась лишь страною ценного пушного сырья, добывавшегося, однако, купцами через посредников и не требовавшего личных поездок туда. В книге Марко Поло, дающего, в общем важнейшие сведения об этих краях вплоть до XVI века, все это характерно подчеркнуто (36): охотники, живущие в «стране мрака» ловят много дорогих животных высокой цены, а купцам соседних народов, что покупают меха „большая от этого выгода и прибыль": но вот сибирский пейзаж и перспективы торговых странствований: „есть такие места, где никакая лошадь не пройдет"... „тут большой лед и трясины, лошади там не пройти. И эта дурная страна длится на тридцать днищ"... Лишь в „санях без колес", закутанного медвежьею шкурою, везут смелого путешественника собаки „по льду и грязи", „от стоянки к стоянке" в течение тринадцати дней. Такой рассказ поистине мог отбить всякую охоту побывать в этой негостеприимной стране. Ведь и Ибн-Батута, один из неутомимейших путешественников XIV века, отказался от задуманной поездки в „страну мрака" „по причине большого количества жизненных потребностей, необходимых для этого, и незначительной пользы" (41). „Равнина Баргу", описанная Марко Поло,—в которой узнают то Баргузинскую, то Барабинскую степь, представлялась венецианцу настоящей пустыней, пугающей своею дикостью и безлюдьем: „Нет там, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птицы" (34, 36—37). Поэтому,—как справедливо замечает Миддендорф,—бездомных жителей дальнего севера не отваживались посещать ни миссионеры, ни торговые люди. Столетие спустя (ок. 1410 г.) баварскому солдату Гансу Шильтбергеру, пленнику золотоордынского хана, довелось быть участником одного из наездов Едигея в Сибирь, и в своей автобиографии он кратко описал полудикие сибир-

ские племена, их религию и быт (52-53); Шильтбергеру известно уже и слово „Сибирь“ (Ibissibur), но сведения его слишком кратки, а порою и мало-вразумительны. С таким скудным запасом данных о Сибири, добытых миссионерами, купцами, случайными людьми, Европа встретила новую историческую эпоху.

VI

Окончательное разложение феодализма, развитие городской культуры,—новая экономика и новые социальные отношения—вскоре привели к тому культурному перевороту, который получил название Возрождения. Он нашел свое выражение в росте индивидуализма и мирской точки зрения,—в противовес средневековой аскезе, в усилении интереса к античному миру,—и вскоре же привел к замечательному расширению знаний в пространстве и времени.

„Дух странствия“ тогда объял всех. Все пришло в движение. Начиналась великая борьба эгоистических интересов, непобедимая сила гнала толпы людей в неведомые моря и страны в поисках золота и удачи, неугомонный дух предприимчивости сказывался на самых разнообразных поприщах.

С увлечением разыскивали и изучали трактаты древних ученых. Из под вековой пыли извлечены были и античные географические сочинения, а изобретение книгопечатания сильно способствовало их распространению. Первое издание Помпония Мелы напечатано в Милане в 1471 г.; Страбон на латинском языке вышел уже в 1469 г. и в течение нескольких лет перепечатывался в Риме и Венеции; вскоре вышел и „Полигистор“ Солина (20). Одним из важнейших приобретений географической литературы этого времени был латинский перевод Птолемея: он был сделан еще в 1409 г., и хотя и появился в печати позже всего остального (1475), но уже с половины XV, вплоть до конца XVI в. служил важнейшим руководством для географических исследований (169, 174—175).

Два течения в культуре Возрождения—книжное увлечение античной наукой и огромный интерес к непосредственному опыту не могли не столкнуться в области географических изучений и неизбежно должны были произвести сильное критическое движение в ученых умах. Если прибавить к этому, что далекие страны востока все ярче озарялись теперь фантастическим светом особой притягательности, и что именно здесь в описании их сразу же должны были почувствоваться наиболее уязвимые места древних землеописателей, то знаменательными и важными по своим последствиям покажутся нам те затруднения, в которые должна была попасть гуманистическая наука. Мы нигде не находим указаний на то, чтобы гуманисты пользовались географическими трудами арабов; более того: еще в начале XV в. даже наиболее яркие места из рассказов средневековых путешественников не пользовались широким распространением: Марко Поло напр. долго не мог быть усвоен картографами (30—31); Пьер д'Эльи, епископ из Камбрэ, из книги которого „Образ мира“ (1410) Хр. Колумб почерпнул знакомство с Аристотелем, Страбоном и Сенекой—ничего не знал о Марко Поло и ни словом не упоминает о Китае, даже тогда, когда отстаивает мнения, заимствованные у Р. Бэкона относительно протяжения Азии. Поколение, которое начало забывать рассказы Поло, удовлетворяло свою страсть к чудесному в чтении фантастических странствований Мандевилля,—представляющих лишь книжную компиляцию, обработанную в духе средневековых вымыслов. Обросший легендами скудный запас старых сведений об Азии стал теперь быстро пополняться новыми данными, шедшими с двух концов—из античной литературы и из реального опыта путешественников. Около 1420 г. во Флоренцию прибыл Николо до-Конти, родом венецианец, проживший много лет на дальнем востоке. В его диковинных рассказах можно было увидеть обновление чудес, поведанных Марко Поло. Папа Евгений IV заставил Конти рассказать обо всем виденном им гуманисту Поджио Браччиолини, тому самому, неутомимой библиофильской страсти которого мы обязаны открытием Плавта, Цицерона и десятка других древних авторов. Поджио извлек из этих рассказов все, что мог и перевел их на латинский язык. Сведениями Конти на этот раз ревностно воспользовались космографы того времени:

можно думать, что и Фра-Мауро (1459) для своей карты получил от Конти гораздо больше, чем этот путешественник открыл Поджио. Правда, контуры суши в северной и северо-западной частях Азии на карте Фра-Мауро не имеют еще ни малейшего сходства с действительностью: все огромное пространство, лежащее на восток от Урала, между пустынями верхней Азии и ледовитым океаном изображено там лишь небольшим клином, занимавшим свободное место между „Пермией" и „Катаем" („Chatajo"), но что до Европы, и в частности, Италии, уж и тогда доходили кое-какие сведения об этих отдаленных краях, видно из того, что здесь отмечена Sibir (это имя было уже и на т.-наз. „Каталонской карте" 1375 г.) (54).

Двадцать лет спустя после того как один ученый гуманист записывал рассказы Конти, другой,—Эней Сильвий заносил в свою „Космографию" известия веронского монаха о путешествии „в азиатскую Скифию, неподалеку от Танаиса" (71), а еще несколько позже, третий—Юлий Помпоний Лэт включал в свои комментарии к древним классикам слухи о Сибири и уграх Приуралья (66—74). Наука вплотную подходила к противоречиям античных данных сравнительно с наблюдениями новейших путешественников. Тот же Лэт, энтузиастичный поклонник античности, но и сам совершивший путешествие в Приазовье, уже освобождался от слепой доверчивости к книжным источникам и непоколебимой веры в авторитет античной науки: „Древние,—пишет он,—считали Танаис (Дон) границей между Азией и Европой совершенно напрасно: не зная мест, они думали, что эта река течет с Рифейских гор, а самые горы доходят до океана: все это ложно. Танаис начинается среди равнины и тотчас становится судоходным; Рифейские горы тянутся к востоку; близ океана их окружает широкая и просторная низменность, соединяющая Скифию с верхней Индией". „Верхней Индией" в лекциях Лэта по Варрону, повидимому, называется Сибирь (74); это наименование внушено ему именно древними Плинием и Помпонием Мелой, но как характерен в приведенной цитате дух смелой критики и сознание большей широты своего географического горизонта!

Вокруг аналогичных вопросов могли тогда завязываться уже и серьезные дебаты. Как типичен, напр., тот жаркий спор, который в начале XVI века разгорелся по поводу Рифейских гор, как ополчились на Меховского пламенные поклонники Птолемея, за то, что польский ученый осмелился обвинить в ошибке „государя всех космографов"! (77, 84—85). Альберт Кампенский в своем „Письме к папе Клименту VII о делах Московии" (1523-24 г. г.), идя по следам Меховского, также не может надивиться „дерзости" древних георафов, которые „без стыда и совести рассказывают невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах"; на той же ошибке вновь настаивает и Павел Иовий, даже в заглавие своей книги включая указание что в ней демонстрируется „заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, нигде не существуют" (91). Писатели еще долго удерживают классические названия и часто случайное звуковое сходство имен дает им повод к самым рискованным сближениям: Мюнстер, Бельфорэ в применении к Сибири воспроизводят географическую и этнографическую терминологию Геродота, свободно и некритически пользуются Плинием и Страбоном (140-141); Олеарий этимологизирует абиев, упоминаемых у Гомера, от реки Оби (289); Мейерберг, в своем рассказе о Сибири пользуется Птолемеевским термином: „Скифия за Имаусом" и отождествляет Обь с рекою Карамбиком, упоминаемой у Плиния, но восходящей еще к греческому источнику (Гекатей); то же отождествление мы находим и у Рейтенфельса (1673 г.) который, кстати сказать, и в мысе Литармисе видит один из мысов Обского полуострова. Даже в XVIII веке еще не вполне отказались от заманчивости подобных сопоставлений: Страленберг в своей книге „Северная и Восточная часть Азии" (1730) в „острове Тазата", называемом Плинием, „в проливе к северному океану" видел Новую Землю и производил это имя от р. Таз, текущей в Тазовскую губу; он же, отождествляя, согласно традиции, Карамбик с Обью, обосновывал это лингвистическим сближением латинских и татарских корней (от кара—черный);

также и Гардвин (XVIII в.) видел Обь в Парапомисе Плиния[56]. Следы подобных догадок мы найдем еще не только у Витсена, но и у Миллера и Фишера. А сколько хлопот английским и голландскам мореплавателям XVI-XVII в. в. принес мыс Табин, опять-таки взятый у Плиния и П. Мелы, в котором еще в XIX в., для спасения античного географического авторитета, хотели видеть то мыс Челюскин, то полуостров Таймыр! (173-174).

Итак, влияние античной географии долго держалось в европейской науке землеведения. Но чем больше накоплялся непосредственный опыт, тем сильнее, конечно, сказывалось стремление освободиться от связывающих старых легенд и явных географических фикций. В предисловии к своей книге „Трактат о двух Сармациях, Европейской и Азиатской" (1517 г.), Меховский мужественно расстается с миром вымыслов, локализовавшихся в восточной Европе и северной Азии с давних времен: „многие авторы кропотливым трудом в тиши своих кабинетов составили описание земной поверхности, Сарматию же обходили молчанием, как будто ее не было. Даже позднейшие писатели умалчивают о ней, а если говорят, то очень неясно. В особенности же недопустимо то, что они приводят всевозможные басни и вымыслы. Так, они утверждают, что за Сарматией, на берегах северного океана расстилаются Елисейские поля, что там благодатный климат и вечно спокойная жизнь, что там испокон веков жители ненавидят старческую дряхлость и, чтобы избежать ее, добровольно бросаются со скал в океан и там погибают. Думают, что эти земли являются родиной амброзии, нектара и благовоний, и что люди живут там как бы в раю; золота, которое умерщвляет душу человека, там без меры и числа, но грифы, страшные хищные птицы, нападают на людей и коней, поднимают их в воздух и низвергают, и тем препятствуют выкапывать и увозить золото... Все это вымысел: в действительности этого не существует ни там, ни в каком либо другом месте".[57] Таково энергичное заявление новой эпохи: оно основано на трезвом реалистическом мировоззрении городской буржуазной культуры, противопоставляющем себя средневековому идеализму и наивной вере в мир чудес. Греко-римская утопия о праведных скифах сдавалась в архив, вместе с накопленными веками средневековыми диковинками; чувствовалась тяга к положительным, проверенным фактам, огромный интерес к опытному исследованию.

Подобные отзывы, которые мы все чаще слышим в литературе эпохи, в значительной степени определены были и новыми экономическими отношениями Европы, приведшими ее в конце XV века в Москву: восточные окраины московского государства не случайно вызывали к себе теперь пристальное внимание на Западе. В том любопытстве, с которым с этого времени стали следить за быстрым ростом в суздальской лесной области нового и еще мало известного северного государства сыграли свою роль и его первые энергичные проявления независимости и его начальные политические шаги в сношениях со странами Запада и кочевниками востока. Но гораздо более важное значение имели покорение Византийской империи османскими турками (1453) и открытия европейских мореплавателей, искавших путей в „Китай" и Индию. Ближайшие соседи Московии — Германия, Польша, Скандинавские государства, искали случаев войти с нею в сношения или заключить политический союз. Католический мир пробовал найти в ней новую опору для противодействия завоевательным стремлениям мухаммеданства в Европе и добивался ее участия в замышляемом крестовом походе против Ислама. Монополия Испании и Португалии в восточной торговле заставляла европейские страны искать новых путей в сказочные земли востока — морских и сухопутных. Ключ от тех и других был в руках московского великого князя. Так Московия, силою вещей, стихийно вовлекалась в сложную игру экономических интересов целой Европы, возбуждая к себе интерес дипломатов и ученых, торговых людей, художников, ремесленников и, наконец, просто авантюристов всякого рода, которых было так много в эту беспокойную эпоху. Для них всех вскоре открылись ворота московской столицы, и их шумная и пестрая толпа, все увеличивавшаяся в числе, скоро наводнила этот еще полуазиатский город. Брак Ивана III с византийской царевной (1472) поставил Москву в близкие отношения с

Италией (связи с которой наладились, было, и раньше, в эпоху Флорентинского собора, 1437); вместе с Софией Палеолог ко двору прибыли итальянцы и греки; вслед за ними стали приезжать и другие иноземцы. Участились путешествия иноземцев во внутрь государства и вместе с тем усилился интерес к ее загадочным восточным окраинам. Сибирь медленно отрывалась для европейского исследования.[58]

VII

Приподнять завесу, скрывавшую северные азиатские земли от взоров Европы, предоставлено было именно московскому государству. И хотя сведения о торговых путешествиях и военных походах русских на северо-восток медленно и с трудом проникали на Запад, но уже задолго до завоевания Сибири Ермаком, европейцы располагали о ней кое-какими данными.

Быть может, уже результаты новгородских экспедиций в Югру и Заволочье стали известны на Западе в силу тех оживленных торговых сношений, какие в XI—XIII веках существовали между Новгородом и Ганзейскими городами *). Ведь и в более древние времена западная или, по крайней мере, северная Европа через Русь получала азиатские товары, о чем, по словам Расмуссена „говорит каждая страница скандинавской саги", а вместе с товарами шли и легендарные географические сведения о странах далекого Востока. Династические и культурные связи скандинавов с древней Русью обеспечили им пути в Византию и в Поволжье, где они столкнулись с прикамскими булгарами, хозарами и арабами; теперь предания о богатствах „Биармии" влекли норманнских удальцов в том же направле-

*) Правда, у нас нет данных, которые позволили бы утверждать, что на Западе в те же годы уже прослышали о Югре и Приуральи, но это кажется тем более вероятным, что в фантастической оболочке, в которой первые вести об этих краях заносились в новгородские летописи, многое должно было быть далеко не чуждым и европейскому средневековью. Рассказ о „немой" меновой торговле с племенами уральских гор новгородский летописец применил к легенде о „поганых народах", заклепанных Александром Македонским (121), столь знакомой в то время на Западе; она вызывает в памяти и скандинавский миф о северных духах—римфурсах, отделенных от центральной части земли высокой стеной, которую они беспрестанно угрожают разрушить;[59] можно сравнить также предание о падающих с неба белках, записанное в Ипатьевской летописи под 1114 годом со слов „старых мужей", ходивших „за Югру и Самоядь"—с аналогичными рассказами, повсеместно распространенными на скандинавском севере вплоть до XVI—XVII вв., когда они вызвали в Швеции даже несколько ученых исследований[60]; русское сказание о гибели чуди.—известное и лопарям, и самоедам, и даже енисейским юракам—с западными легендами об „антских" людях.[61] Исследователи все чаще говорят в настоящее время не только о заносах в новгородскую Русь западного легендарного предания, но и об обратной эпической волне; получая от западных купцов легенду о св. Брандане и островах блаженных, новгородцы могли отдавать им в обмен свои рассказы об Югре, как отдали в западный эпос „Илияса русского" вместе с Васильем Буслаевым в обмен на „поганого злого Дедрика" Бернского. В XI веке Адам Бременский, рассуждая о Веси и других финских племенах Новгородского севера, применяет к ним старые сказки о песиглавцах и людях с лицом на груди, но делает при этом характерную ссылку: „На Руси их часто можно видеть пленными"[62]; несомненно, что в данном случае, рассказы русских купцов и были источником его географических вымыслов, которым он лишь придал более традиционную, „классическую" форму. Еще в XVI веке иноземный мореходец заинтересовался старой русской этнографической статьей,—повидимому новгородского же происхождения (128); для тех же лет обмен опытом странствований между иноземными купцами и русскими промышленниками засвидетельствован рядом иностранных и русских источников[63]; поэтому, нет ничего неправдоподобного и в том, что это могло случаться и раньше.

нии, куда, в поисках пушнины для торговли с немецким „Заморьем" двигались и новгородские дружины.[64] Вместе с „собольми и горностальми и черными кунами и песцы и белыми волкы", спрос на которые все возростал на рынках немецкой Прибалтики, на Запад могли передаваться и рассказы о тех краях, где добываются эти драгоценные товары[65] и куда, забираясь все далее на восток, непроходимыми „пропастьми, снегом и лесом" упорно шла новгородская колонизация.

Монгольское завоевание если и не совсем замкнуло Русь от Запада, то во всяком случае сильно ослабило их культурный взаимообмен; прежние центры ее транзитной торговли с востоком переместились или потеряли былое значение. Русь сама превратилась теперь в часть огромной „Татарии", о путях куда говорили, как о слухе темном и загадочном. Еще для Марко Поло „Великая Россия" соседит со „страною мрака", о которой он знает лишь восточные предания (36, 45). Для русских же завоевание сыграло совсем обратную роль: оно открыло им просторы Азии, предоставив постоянный доступ на юго-восток, не только в средне-азиатские ханства, но также и в Индию; географический горизонт расширялся,[66] постепенно захватывая и северные части материка, куда, вслед за ликвидацией татарского погрома и образованием нового государственного центра, должна была, в конце концов, направиться вторая волна русской колонизации. Как много могли бы узнать европейцы от русских в эти столетия распада прежней государственности и ослабления с ними торговых и культурных взаимоотношений! Русские исходили тогда всю Азию до самого Китая; в Батыевой столице Сарае было так много русских, что там в 1269 г. учреждена была русская епархия; монголы целыми тысячами приводили русских пленников в Китай, так что в начале XIII века последних было много в гвардии богдыгана; между тем, на севере, новгородцы все прочнее утверждались в своих заволочских колониях, постепенно осваивая обширный край и вступая порой в столкновения с вассалами Золотой орды, которые оказывали сопротивление распространению их владений. Но в этот период, как мы уже видели, на запад не проникало никаких известий об азиатском севере. По путям европейских посольств в Каракорум шли только сведения о средней Азии и отчасти о дальнем востоке; по указанным выше причинам, северная Азия выпадала из круга внимания; рассказы русских некому и незачем было слушать. В 1240 г. Матфей Парижский еще мог записать в свою хронику свежие вести о монголах от русского беглеца; позднее, европейские легаты к монголам постоянно сталкивались с русскими по дороге в ханские ставки (Плано-Карпини пользовался русскими проводниками до Волги, у хана Гуюка встретил русского золотых дел мастера Козьму), но слушали только монголов.

Зато, когда возникло московское государство и к нему возбужден был на западе интерес, там быстро заметили и Сибирь. Уже в середине XV в. Москва предпринимает ряд походов на вогуличей, югричей и остяков: наиболее важные из них относятся к 1465, 1483 и 1499 гг. (67). Поход 1483 года приводит московское войско уже к низовьям Оби; повидимому именно этот поход и был причиной распространения на западе слухов о новых землях[67]. Ник. Поппель, тотчас по возвращении своем в Германию, послал кого-то на северо-восток от Москвы, чтобы привезти оттуда человека из племени вогулов, „питающегося сырым мясом" и живого лося для германского императора Фридриха III. В 1492 году явился в Москву некий Михаил Снупс с письмом к Ивану III от имп. Максимилиана и эрцгерцога австрийского Сигизмунда с целью изучения России и совершения путешествия на восток до р. Оби. Великий князь, однако, не отпустил его из Москвы, ссылаясь на те опасности, которым путешественники подвергались в этом отдаленном крае. В ответной грамоте, о Снупсе писали в Москве: „И просил нас про то, чтобы мы отпустили его до дальних земель нашего государства, иже есть под встоком на великой реце Оби, и мы его тамо не отпустили за великое расстояние далечего пути, занеже и наши люди, которые ходят тамо по нашу дань, и они проходят до тех наших земель с великим трудом за неудобность пути". Карамзин предполагал, что вел. князь не позволил Снупсу ехать дальше, будто бы опасаясь его, как соглядатая, другие ис-

следователи, напротив, отнеслись с полным доверием к мотивировке ответной грамоты и полагали, что в Москве действительно опасались, „как бы человек императора германского не погиб среди невзгод далекого пути и среди враждебно настроенного населения зауральских земель“: „сами русские еще не были полными хозяевами в зауральской стороне и располагали слишком неточными географическими и прочими сведениями об этом крае“ [68]. *) Однако, еще через несколько десятков лет, река Обь стала уже фигурировать на европейских картах: она изображена первый раз на карте данцигского сенатора Антония Вида, составленной между 1537—44 гг. и вскоре затем на копии ее у базельского космографа Себастьяна Мюнстера (120, 140, 115): мы видим здесь „Золотую бабу“ с поклоняющимися ей „абдорами“; недалеко от устья какого-то притока Оби (повидимому, Иртыша) на карте отмечен уже и город Сибирь [69]. Хотя на карте Герберштейна 1549 года Обь вытекает из огромного „Китайского озера“ (104; 106—107), но зато у него является Урал под названием „Пояса земли“, впервые под собственным именем выступает Иртыш и города Тюмень и Тером (Иером)—будущее Верхотурье (109). Очевидно, как ни старалось московское правительство закрыть иноземцам все пути и способы для изучения северо-восточных окраин русского государства, это не удавалось: знакомство с ними все подвигалось вперед.

На первых порах европейские ученые ловили заезжих на запад русских людей и там расспрашивали их обо всем, что их интересовало; затем, они осмеливались заводить нужные беседы и в самой Москве, разыскивая и опрашивая очевидцев и бывалых путешественников; вслед затем они делали попытки и самостоятельно проникнуть в Сибирь. Германия получила ранние известия о России еще в 1488 г. от Н. Поппеля, а с 1489 по 1492 гг от Юрия Траханиота, Халепы, Аксентьева, Кулешина, доктора Торна, Яропкина и Курицына; [70] от русских военно-пленных в Польше Матвей Меховский ок. 1517 г смог разведать о Башкирии, Югре и местностях, лежащих северо-восточнее уральского хребта; в 1519 году эти данные имп. Максимилиан поручил проверить своим послам—Франческо да-Колло и Антонио-де-Конти и последним, через посредство живущих в Москве иноземцев, удалось завести знакомство с уроженцами югорской земли и раздобыть от них кое-какие нужные сведения (83 сл.); через несколько лет Павел Иовий в Риме записывал рассказы Дмитрия Герасимова об отдаленных народах, живущих у северного океана (90—91); у Рамузио мы находим указание, что какой-то русский, показывая итальянскому ученому карту, объяснял, что по ледовитому морю может быть можно проехать до островов и земель, где растут пряности, т. е. до Индии: „это мог быть Василий Власий, возвращавшийся с кн. Ярославским-Засекиным из Испании, а если не он, то тот же Дм. Герасимов“. В те же годы австрийский посол Сигизмунд Герберштейн переводит в Москве русский дорожник с описанием путей на Печору, в Югру и к реке Оби, „сохраняя и те названия местностей, какими они именуются у русских“ (105—106). Вскоре после того, как труд Герберштейна выходит в свет (1549), открывая новую эпоху в изучении восточной Европы и быстро распространяясь по всему западу в подлиннике и переводах—англичанин Рич. Джонсон буквально переводит,—лишь с некото-

*) Западных известий о путешествии Снупса, его замыслах и причинах неудачи, равно как и следов его реляций обо всем этом, вероятно представленных им по возвращении из Москвы, сколько мне известно, не сохранилось. Аделунг высказал предположение, что „подлинное донесение Снупса находится в Вене или Иннсбруке“, но оно не подтвердилось. Проф. Otto Stolz, директор исторического архива в г. Иннсбруке и лучший в настоящее время знаток тирольской истории, по моей просьбе, любезно произвел тщательные поиски в этом архиве, но каких либо следов имени Снупса в нем не нашлось; древнейший документ собрания, относящийся к России, датирован лишь 1514 годом и представляет собою письмо на русском языке к имп. Максимилиану (Urkunde Nr. 6411); по мнению проф. Штольца, сведений о Снупсе нет и в других архивах Австрии; кроме того, вместе с проф. К. Бруннером, он полагает, что Снупс был родом не из Иннсбрука, и даже, вероятно, не тиролец, о чем ясно свидетельствует его имя.

рыми пропусками баснословных подробностей,—русскую этнографическую статью „О человецах незнаемых в восточной стране“,—где говорится о самоедах, „молгонзеях“—юраках и других племенах, живущих по берегу студеного моря.

Характерно, что итальянцы все меньше принимают участия в исследовании этих стран и руководящая роль в этом отношении переходит сначала к англичанам, затем к голландцам и, наконец, к немцам. Это произошло не случайно. Открытие новых стран на крайнем западе и востоке повлекло за собой колонизацию заокеанских территорий и послужило толчком для мирового обмена. Глубокие хозяйственные изменения во всех странах были неизбежны. Открытие морского пути в Индию вызвало перемещение торговых центров и привело к крушению монополии в посреднической торговле арабов и итальянцев. Падение экономической мощи в Италии в эпоху чинквеченто (XVI в.) обусловлено было рядом и других причин: „завоевание Константинополя турками внесло много неожиданных трудностей в левантскую торговлю Италии. Открытие Америки и морского пути в Индию отдало дело снабжения европейских рынков пряностями в руки португальцев, испанцев, а потом и немцев. Войны, начавшиеся итальянским походом Карла VIII и кончившиеся отторжением королевства обоих Сицилий и Ломбардии, внесли разорение в страну“ [71]. Италия постепенно теряла руководящее значение в системе европейского капитализма, принадлежавшее до той поры ее двум наиболее мощным державам—Флоренции и Венеции; начиналась феодальная реакция; итальянская торговля замирала, все реже высылая своих тортовых агентов на запад и восток. Рафаэль Барберини, ездивший в Москву при Иване Грозном (1565) смог рассказать о Сибири почти только то, что находится и у Герберштейна (131); А. Гваньини прожил большую часть жизни в Польше (149); отдаленный север понемногу переставал занимать итальянцев; к этому прибавилось то, что на итальянцев, как и на других католиков, все больше косились в Москве.

Португалия, сделавшаяся самостоятельным государством (1415—1512) и уже в начале XVI в. предпринимавшая смелые морские путешествия на Молуккские острова и в Китай, а затем и Испания,—экономический и политический расцвет которой падает на XVI столетие,—слишком захвачены были успехами своих открытий за западе, юге и востоке, чтобы заинтересоваться далекими северными морями. Северная Азия не представляла для них никакого интереса, тем более что и дипломатические сношения Испании с московским государством были случайны и редки; [72] в эту пору Испания владела еще всеми нужными для своего процветания торговыми путями. Португальский пират Пинто (1544), попавший в Японию и Китай и встретивший там „московитов“, о самой Московии имел весьма смутное представление; повидимому, именно китайцы рассказали ему далекой „стране Москобии“, равно как и об „алеманах“; если, как предполагают, Пинто и знал уже кое-что о Сахалине, то Сибирь осталась ему неизвестной вполне. [73] Можно привести здесь и другой любопытный пример: автор „Дон-Кихота“ М. Сервантес для своей „северной повести“—„Персилес и Сехизмунда“, в поисках северного колорита обратился к „Истории северных народов“ шведа Олая Магнуса и к голландской книге Г. де-Фера о путешествии для открытия морского пути к устьям Оби и Енисея: испанской литературе север Европы и Азии остался совершенно неизвестным [74].

Иное дело—англичане и голландцы. С середины XVI века начался ряд их настойчивых попыток проникнуть в Сибирь, и эти предприятия живо заинтересовали правительства этих стран и наиболее энергичные круги торговой буржуазии.

В Англии, шедшей чрезвычайно быстро по пути капиталистического развития, проблема экспорта и завоевания новых рынков сбыта уже к середине XVI века стала важнейшей задачей. Английские компании „странствователей - купцов“, занимаясь вывозом английского сукна, подражая Ганзе, учреждают коммерческие подворья за границей в целях развития своей торговли и устранения иностранного посредничества в ней. Предотвращая упадок экспорта, который неизбежно грозил бы стране экономическим кризисом, в случае дальнейшего развития морского могущества соседней Испании, Англия ищет новых стран для установления с ними торговых сношений. Естественно, что первые экспедиции вновь учреж-

денного „Общества купцов, искателей стран, земель, островов, государств и владений, неизвестных и доселе не посещаемых морским путем“ отправляются на северо-восток, в те области, которые не находятся в сфере влияния соперничающей с Англией морской державы. В 1553 году три английских корабля, плывя по тому же пути, по которому много веков назад Охтере (Отер), обогнув Нордкап, достиг устья Двины или Мезени (890 г.), попадают в Белое море (162). Вскоре завязывается интенсивная торговля англичан с Россией при помощи специально учрежденной для этого „Московской компании“. Английским купцам быстро удается добиться права монопольной торговли с Россией ими „открытым“ путем, и разнообразные привилегии, которые они то и дело получают в Москве, обеспечивают интенсивность коммерческих, а отчасти и культурных связей между государствами Ивана Грозного и Елисаветы. Одна цель оказалась, таким образом, достигнутой. Но, вместе с тем, англичане не оставляют мысли и о проникновении в Китай северным морским путем, первая попытка к чему открыла для них Московию. Хозяйничая на Белом море, они одну за другой отправляют морские экспедиции на восток с разведочными целями (163–165), и, хотя они и терпят при этом неудачи, но, вместо оказавшегося недоступным Китая, они открывают для себя Сибирь, которая также сулит немалые торговые выгоды. Как ни ограничивает любопытство англичан московское правительство, но в деле изучения прибрежной полосы северной Азии, им вскоре же удается сделать замечательные успехи.[75]

Английская торговля в России идет долго,—правда с временными перерывами и осложнениями; даже смутное время почти не отражается на ней; только английская революция 1648 года дает чисто внешний повод к ее ликвидации. В действительности, к этому времени голландцы уже совершенно вытесняют из Московии англичан.[76] И для этого имелись весьма важные основания. Завоевав свою независимость от Испании, Нидерландцы пережили могучий хозяйственный подъем. В первой половине XVII в. ее торговый флот занял первое место в Европе, превратив эту торговую республику в центральные склады зернового хлеба, вина, леса, кораблестроительных материалов, наконец и колониальных товаров. Они предпринимали дальние плавания, основывая заокеанские колонии и забираясь в Ост- и Вест-Индию. Недаром голландская „Ост-Индская компания“ (1602),—торговое и арматорское предприятие, сделалось как бы прообразом всех европейских акционерных обществ XVIII века. Голландцы рано попадают и в Россию, причем их, как и англичан, особенно интересуют здесь окраины государства—Поморье, Волга и Каспий, как пути на азиатский восток. Еще в 1589 г. голландец Лука Энгельстадт представил нидерландским генеральным штатам записку, в которой рекомендовал, не смущаясь английской монополией, добиться заключения специального договора на право торга внутри русского государства. С тех пор, число голландцев в Москве все более увеличивалось. Уже к началу 20-х годов XVII века упадок английской торговли за счет голландской сделался вполне очевидным: в 1618 г. в Архангельский порт пришло напр. только 3 английских, но 30 голландских кораблей, в 1635 г.—один английский и 11 голландских; „если не представится какого нибудь случая, то компания их (англичан) рухнет еще в этом году“, предсказывал И. Масса (239 и сл.) еще в 1619 г., и он ошибся только на несколько лет. Мало по малу и в деле изучения России, в частности и Сибири, англичане должны были уступить первенство голландцам.

Число немцев в России, военно-пленных, купцов, мастеров также все возростало, особенно усилившись после того, как в Москву хлынула волна эмиграции из немецких земель, разоренных тридцатилетней войной: в конце XVII в. их уже насчитывалось здесь свыше 18.000. Следует еще раз напомнить, что и немцы, и шведы и датчане имели сюда сравнительно легкий доступ, как протестанты; нуждаясь в иноземной технической силе, Москва закрывала глаза на вероисповедные различия, однако, к католикам, особенно после смутного времени, все еще оставалась глухая неприязнь и упорное недоверие; отчасти в силу и этой причины завязавшиеся было в к. XVI века через Беломорской путь торговые сношения Москвы с Францией (138), вскоре почти совершенно сошли на нет. Через пос-

редство англичан и голландцев, а с конца XVII века и немцев, Европа и получила, главным образом, новые географические данные о Сибири. Легко видеть, что торговые интересы руководили всеми разведочными предпрятиями иноземцев в России; это определяет некоторую специфическую односторонность их известий; тем не менее они оказались чрезвычайно важными и для географической науки.

VIII

Спутник Ченслора Стефен Берро, возвратившись в Англию, принял поручение компании вновь отправиться в северные моря для открытия путей на восток; в надежде пробраться к Оби, летом 1566 г. он достиг Канина носа, Югорского шара, Новой Земли, Вайгача и Карских ворот. Путешествия Берро вызвали к себе большой интерес, впервые ознакомив англичан с самоедами и рассказами русских о сибирских берегах (163, 1'5—166). В те же годы Ант. Дженкинсон, замышляя сухопутное путешествие в Китай, выхлопотал себе проездную грамоту через русские земли и смог добраться до Бухары (1569 г.), а через несколько лет съездил и в Персию, оставив записки и карту (115). Освоившись в Архангельске, англичане вскоре же стали пытаться морем и сушей пробиться на восток: по поручению А. Марша, русские мореходы в 1584 г. предприняли путешествие к Оби за пушниной (185—188); вскоре Фрэнсис Черри сам ездил на северо-восток, добравшись, повидимому, до северного Урала (193—194). В эпоху смуты, пользуясь разрухой, безвластием и ослаблением контроля, англичане попробовали завязать непосредственные сношения с такими северными центрами, как Пустозерск, с целью добраться оттуда и в Сибирь; об этом мы знаем из известий Джосияса Логана и В. Перслоу, которые в 1611 году смогли описать путь к Оби через Югорский шар и получить сведения об Енисее, Пясине и Хатанге, а может быть, даже и об Амуре (207—228). Рич. Финч тогда же успел собрать данные не только об Енисее и только что основанном Туруханском „зимовье", но и единственные в своем роде известия о расселении в приенисейском крае тунгусов, остяков и кетов (229—236). Джон Меррик, тотчас же по возвращении И. Петлина из путешествия в Монголию и Китай смог достать и отправить в Англию его отчет об этом (302,194). Все это очень скоро смогло сделаться достоянием науки и побудить к дальнейшим исследованиям: большинство английских известий, не исключая даже самых кратких и малозначителяных сообщений, частных писем и случайных записок напечатал Рич. Гэклюит в своем знаменитом труде, и его продолжил С. Перчас (166—167). Из этих книг теперь полными руками смогли черпать и ученые географы и составители карт, как напр. Меркатор (167—169), и популяризаторы науки, как напр. Д. Мильтон (291 и сл.) и беллетристы: еще в нач. XVIII в. к ним обращался Д. Дефо при обработке второй части своего романа „Робинзон Крузо" (1719), в которой он заставил своего героя проехать Сибирь по дороге из Китая в Архангельск.

Не менее важными для географической науки оказались и те известия, которые доставили в Европу голландские путешественники. Брюссельский уроженец Оливье Брюнель, служивший у Строгановых, ездил в Сибирь и потом поделился своими наблюдениями и дальнейшими замыслами открытия новых стран с Меркатором (176—178). Нидерландский купец Б. Мушерон долго лелеял мысль о снаряжении экспедиции для открытия северо-восточного прохода, чтобы разрешить ту задачу, с которой не могли справиться англичане, и по его совету нидерландское правительство в 1594 и 1595 г.г. отправило туда корабли Баренца и К. Ная. Хотя и они не достигли цели, но подобно англичанам, голландцы смогли все-же собрать интересные сведения о плавании русских промышленников вдоль сибирских берегов до Оби и „Гилисси", т. е. Енисея (269—271). И опять-таки собранные ими данные тотчас же смогли попасть в научный оборот: обе экспедиции описаны в книгах Геррита Де-Фера (1598) и Яна фан-Линсхотена (1601). А еще через десять лет в Амстердаме появилось уже „Описание страны самоедов в Татарии" И. Массы (1612), написанное на основании материалов, не без труда добытых в Москве и содержавшее в себе первый исторический очерк

завоевания русскими Сибири и описание путей, ведших туда из Москвы (245-247). Исторически с этими первыми голландскими исследованиями Сибири связаны и работы Н. Витсена, приезжавшего в Россию в 1664 г., а затем, в течении тридцати лет, путем переписки и расспросов неутомимо собиравшего разнообразные материалы о Сибири; они увидели свет на пороге нового века (1692, 2-ое изд. 1705) в обширной энциклопедии или хрестоматии „Северная и Восточная Татария", открывшей новую эпоху в деле изучения европейцами Сибири.

Для XVII века, меньшее чем английские и голландские, но все же очень крупное значение имели также труды немецких, датских путешественников, непрерывно расширявших запас сведений о Сибири и наполнявших европейское представление о ней более или менее достоверным фактическим материалом.

Энергичные попытки ознакомления с Сибирью иноземцев не могли не обратить на себя внимание московской власти. Действительно, уже с ранних времен, мы видим с ее стороны самые серьезные намерения воспрепятствовать такому ознакомлению: на всякую, даже косвенную попытку в этом направлении, в Москве смотрели с подозрительностью и опаской. А. Маршу в 1584 г. запретили поездку к Оби и отняли купленные там его русским комиссионером меха (186, 198). Когда английский посол И. Боус в том же году потребовал, чтобы царь открыл англичанам приморские пристани устьев Печоры, Оби, Енисея (Исленди реки), то последовал ответ, что „тому статись невозможно", т. к. в этих краях водятся соболи и кречеты, товары слишком дорогие, чтобы их отпускать в английскую землю, и московскому государству „как без того быти"... Из договора Б. Мушерона с Зеландскими штатами видно, что он понес значительные убытки в России, после того как здесь распространилась молва об его географических изысканиях: ему запрещено было торговать в России; полагают даже, что „агенты Мушерона, добывавшие сведения о северо-восточных краях, возбудили подозрение московского правительства и были высланы из России". Такой же политики московское правительство придерживалось и в XVII веке. Лишь пользуясь смутою смогли англичане пробраться и на Печору и в „Пермский край". Но с восстановлением твердой власти их вновь водворили на старые места и крепко закрыли Поморье от любопытных иноземных взоров. В 1616 г. в Москве получено было письмо тобольского воеводы Куракина, который высказывал опасения, что „немцы" воспользуются морской дорогой от Архангельска до Мангазеи для торговли с сибирскими инородцами (214); в ответ на это последовал „торговым и промышленным людям всех городов и ясачным самоедам и татарам" крепкий наказ: „чтобы немецких людей на Енисей и в Мангазею никого не пропускали и с ними не торговали и дорог им ни на какие места не указывали". Когда в 1615 г. в Карской губе снова появились „немецкие люди"—голландская экспедиция под командой Корн. Босмана—московское правительство, получив об этом сведения, снова подтвердило прежние запрещения.

Неудивительно, что иностранцы и в самой Москве с великим трудом и опасениями собирали нужные им данные о Сибири. Об этом пишет напр. Масса (245): по его словам, только дружба с несколькими придворными обеспечила ему успех, однако „они могли поплатится за это жизнью, т. к. русский народ чрезвычайно недоверчив и не терпит того, чтобы открывали тайны его страны".

Получение необходимых сведений требовало энергии, изворотливости, настойчивости, связей, а главное денег: последние зачастую открывали все. Еще Герберттейн смог достать и перевести русский дорожник,—вероятно оффициального происхождения. Умудрялись доставать даже карты. Чертеж Сибири П. Годунова (1667) в следующем же году по его составлении мог скопировать швед Клас Прютц, бывший в Москве с посольством Кронемана, „настолько хорошо,—по его собственным словам,—насколько это было возможно сделать с плохо сохранившегося оригинала, данного мне лишь на несколько часов кн. Иваном Алексеевичем Воротынским, с тем, чтобы я его только посмотрел, но отнюдь не вычерчивал"; ту же карту скопировали швед Эрик Пальмквист и немец А. Шлейсинг в 1690 г.[77] Интересную карту Сибири скопировал и иезуит Ф. Авриль по

оригиналу, хранившемуся в Посольском приказе и потом утерянному, а в одной из московских „канцелярий“ ему удалось достать даже записки Николая Спафария, ездившего с оффициальным поручением в Китай (1675—1677): здесь Авриль нашел весьма важное для него описание шести дорог из Москвы в Китай. „Все это,—замечает Пирлинг,—по московским понятиям, должно было оставаться государственной тайною. Сам Спафарий, когда его назначили приставом к Де ла-Невиллю в 1689 г. охотно рассказывал про Китай, но точных данных не давал, якобы из опасения батогов“.[78] Другой иезуит—Франциск Эмилиан, миссионер в Москве, рассказывая в письме о самоуправствах одного из сибирских воевод, прибавляет: „Я имел все это дело из канцелярии (за деньги ведь можно иметь все), но у меня не было переводчика, который мог бы списать это“...[79]

Конечно, у заезжих в Московию иностранцев находились и другие, более легальные способы для увеличения своих познаний: сталкиваясь с бывалыми людьми или приезжими в Москву туземцами далеких сибирских окраин, они расспрашивали их и записывали полученные ответы в свои дневники и отчеты. Барберини „разговаривал и даже ел с двумя охотниками, которые были при дворе, по случаю привоза своей обычной дани государю“ и, если верить ему, именно от них записал рассказ о лукоморцах (132); Флетчер беседовал с самоедами (199); Олеарий ожидая своей очереди на аудиенцию к царю „пустился в разговор“ с самоедами, приехавшими в Москву для той же цели: „они говорили откровенно и понятно, отвечая на вопросы вполне достаточно, так как они хорешо понимали русский язык, на котором я обращался к ним через моего переводчика“ (284). Еще больше получали иноземцы от русских промышленников и торговых людей, которые в простоте сердца охотно делились с ними своими знаниями, видимо и не подозревая, какое те сделают из этого употребление. „Лодейник“ Лошак, простосердечно обещавший Стефену Берро, в случае благоприятной погоды, сопровождать английский корабль до Оби (193); письмо русских промышленников к А. Маршу (186—187) и его русский служащий, по имени Богдан, которого за грехи хозяина отправили в Москву, заключили в тюрьму и там „высекли, продержав долгое время“ (188); собеседники Фрэнсиса Черри, от которых он слышал многие рассказы о восточных краях и которых считал „великими путешественниками“ (195); „Абрам Михайлович“,—таможенный чиновник г. Сургута, посвятивший английского купца в таможенные обороты этого города (275); некий Филат, сообщивший тому-же англичанину все то, что он знал о тунгусах (275)—все это яркие примеры того значения, какое для иностранцев, в деле познания Сибири, имели русские сообщения. Логан, рассказывая о рыбных богатствах Оби, замечает: „но местные жители и русские не хотят, чтобы мы туда ехали“ (210),—и между тем его дневники полны россказов этих самых русских. Все они, сами того не зная, творили великое дело созидающейся географической науки. Лишь редко, уже на исходе XVII века мы встретим у русских, сообщающих иностранцам сведения о Сибири, не проявление корысти или наивного легкомыслия, а попытку сознательного содействия восстановлению географической истины. Ф. Авриль рассказывает о встрече в Москве в 1689 г. с русским воеводой И. А. Мусиным-Пушкиным, который предложил французскому иезуиту свою теорию о причинах сходства туземцев американских островов с жителями реки Колымы, и которого последний характеризует как „одного из умнейших людей, каких только видал я, в совершенстве знающего все земли за Обью, т. к. он долго был интендантом в канцелярии сибирского приказа“(„intendant de la chancellerie du département de la Sibérie“...).[80] К подобным же помощникам науки следует причислить многочисленных русских корреспондентов Витсена: московский живописец Станислав Лопуцкий шлет Витсену в Амстердам новую карту русского севера;[81] от „некоего господина, проживавшего в Архангельске“ Витсен получает „описание самоедов Новой Земли“, из Соликамска—сведения о путях из Сибири, из Тобольска—сообщение „относительно русского христианства в Китае и про калмыцкого государя Бушухту-хана“; из Селенгинска в 1686 г. ему пишут письмо про проезд через Байкал; даже из Мангазеи присылают „известие о самоедах“. „Корреспонденты Витсена принадлежат к самым разнообразным слоям русского общества, начиная

от самых высоких сфер. Описание некоторых областей Сибири было для него написано „одним знатным русским боярином, объехавшим их в 1689 г.“; от думного дьяка А. Виниуса, заведывавшего Сибирским приказом, он получал оффициальные документы, вроде статейных списков И. Ф. Байкова и Ф. А, Головина, „сказки“ Владимира Атласова или грамоты китайского императора Кан Си“...[82]

Корреспондентами Витсена и других европейских ученых и писателей были, однако, не только русские, но и иноземцы; помимо иностранных купцов это были „иноземцы на русской службе“, которые наводнили Россию в XVII веке. Нельзя не учесть и их важной роли в деле распространения на Западе известий о Сибири. Таких иноземцев можно разбить на несколько категорий: военно-служащие, пленные и ссыльные, „техническая интеллигенция“, вроде „рудознатцев“ и врачей.

Еще в XVI веке, в эпоху счастливых для Москвы войн Ивана Грозного с Литвой, Ливонией и Швецией, и в столице и по другим городам появилось много „пленных немцев“ и „литвы“, „которых можно было купить, как продажную военную добычу и обратить в крепостную зависимость“. За скупкой полонных людей ездили и Строгановы в Москву и Ярославль, и в результате к ним попали „полонские люди немцы и литвяки“, по купчим „иманые и кsurvey купленые“[83]; неудивительно, что снаряжая Ермака в поход за Урал, Строгановы, в подмогу его дружине, по словам сибирских летописей, „своих людей даша им, н е м е ц и л и т в ы триста человек“[84]; немало иноземцев было, вероятно, и в позднейших регулярных войсках, ведших борьбу за овладение Сибирью; так, еще в 1635 г. литовцы и немцы были посланы против бурят.[85] В 1633 году, в Тобольске при 552 чел. служилых было 170 иноземцев—литвы, поляков, черкес и немцев; в 1661 г. московское правительство послало в Тобольск многих европейских офицеров, „приказав из городовых служилых людей тобольского разряда устроить пехотный тысячный полк и другой рейтарский пятисотный“...[86] Конечно, еще больше иноземцев было среди „полоняников“, сосланных в Сибирь; были поляки, литвины, „немцы цесарской земли“, немцы ливонские и шведские, даже „один французенин“ (206); в конце 90-х гг. XVII века ссыльных иноземцев в Тобольске было так много, что по словам Ю. Крижанича, он получал от них там даже заграничные газеты[87]. То же наблюдалось и в других городах: так напр. в состав населения Томска в 1623 г. в большое количество пленных поляков и литовцев входило несколько человек и „немцев“.[88] Еще в 1607 г. в Сибирь сосланы были 52 немца, и среди них „лекарь Фидлер, не исполнивший обещания, данного царю Василию Шуйскому—отравить Болотникова, защищавшего Тулу“[89]. Все эти иностранцы порою делились и на западе своими сибирскими впечатлениями; так, Иоганн Арнольд Бранд, доктор прав и профессор Университета в Дюисбурге, ездивший в Москву в 1673 году вместе с бранденбургским посольством Иоахима Скультетуса, получил там рукописное описание Сибири от некоего Альбрехта Доббина, „родом из Ростока, „который был капитаном шведской службы, затем приехал в Москву и в той же должности отправлен царем в Сибирь, где он провел семнадцать лет“.[90] „Я слышал от одного немца, бывшего в ссылке в Сибири и наезжавшего иногда в Югорию, что югры говорят на собственном наречии“, замечает Мейерберг в 1663 году. Интересное описание путешествия в Тобольск в 1666 г. оставил нам и какой-то неизвестный пока по имени немецкий офицер на русской службе (313 сл.); общеизвестно то замечательное „Повествование о Сибири“, которое написал бывший в ссылке в Тобольске Юрий Крижанич по поручению датчанина Гильдебранта фон-Горна (1680). „Описание Вайгачского пролива“ дошло до Витсена „в письме одного служилого человека из верхненемецких земель, который, состоя на службе их царских величеств, побывал в тех местах“, из Лондона ему прислали сибирский дорожник, составленный „на английском языке одним военачальником на службе их величеств“.[91] Родес доносит шведской королеве Христине о присылке двухсот стрельцов Францбекову (т. е. Фаренсбаху, назначеному в 1648 г. якутским воеводой): „Идет также слух, что решились отправить туда несколько чужестранных офицеров для их предполагаемого путешествия в Америку и чтобы продолжить полное овладение богатой страной, открытой упомянутым Францбековым“[92]. Эти примеры можно было

бы еще увеличить. Рядом с военными и ссыльными стоит группа иностранных инженеров, мастеров горного дела и врачей, которые также навещали Сибирь или даже подолгу жили в ней. В к. XVII в. „рудознатцев“ отправляли „для сыскивания золотых и серебряных руд“ в самые различные местности—в Верхотурье, в Тобольск и в Катайский острог;[93] о них рассказывает Ю. Крижанич, а один из сохранившихся документов эпохи дает весьма характерную картину из жизни таких рудознатцев, которые, как видно из дел, чувствуя что в них есть большая нужда, держали себя в Сибири весьма непринужденно: когда послан был из Москвы в Сибирь „для опыта и плавления серебряные руды Михайло Селин, да с ним рудознатный мастер Крестьян Дробыш с товарищи“ и „для переводу языка“ капитан Калус, первый из них бил челом царю, что Дробыш и Риман „государеву серебряному делу не радеют“, а последний „толмачит не в правду“, „оба ехали они дорогой мешкотно, с большим прохладом в городех, и дорогою стояли... проводников били и увечили, а на Шуйском яму застрелили из пищали до смерти ямщика, и людем своим табаком торговать велели... у крестян баранов в деревнях имали и по курам стреляли“; он же, Селин, при всем этом „молчал за неволю“ чтобы „их, иноземцев, не рассердить“ и „делу порухи не учинить“...[94] Н. Оглоблин напечатал также весьма любопытную в бытовом отношении „челобитную доктора-немца об отпуске из Сибири“ (1702 г.) 95.

Количество иноземного, но уже до известной степени руссифицированного населения Сибири, сыгравшего такую громадную роль в деле ее культурного строительства, еще к сожалению, не учтено, но достаточно здесь назвать хотя бы Дорофея Афанасьевича Траурнихта, этого „немецкого воеводу“ („ein teutscher Woiwode...“) Якутска, как его называет Г. Ф. Миллер,[96] или „московского списка дворянина“ Афанасья Ивановича Бейтона, мужественного защитника Албазина, который, по словам того-же Миллера, был „vom Geburt ein Preussischer oder Polnischer Edelmann“, наконец и Андрея Виниуса, московского переводчика и позднее думного дьяка сибирского приказа...[97] Всем им также принадлежит хотя бы косвенная роль в деле передачи на запад сведений о Сибири. Упоминать ли, наконец, об иноземцах,—в звании русских послов ездивших в Китай и составивших быстро распространившиеся в Европе записки—Спафарие, Елизаре Исбранте? Это были уже предшественники ученых иностранцев XVIII века—Мессершмидта, Миллера, Гмелина и Палласа, которым суждено было открыть Сибирь для разностороннего и подлинно-научного иследования.

IX.

Так шло изучение Сибири иностранцами вплоть до XVIII века,—при многообразной форме посредничества русских людей,—прямыми и окольными путями. В передаче на запад географических данных об этой стране так или иначе принимало участие и московское правительство и все общество допетровской эпохи,—снизу до верху,—от промышленников и „охочих людей“ до знатных бояр, не гнушавшихся общества чужеземцев, или падких на денежные награды дьяков московских приказов. Добытые сведения попадали в западную литературу, исправляли европейские карты Азии, вносили новые вклады в науку землеведения. Значение русских открытий для географического кругозора эпохи подчеркнуто уже давно;[98] быстрое освоение русскими громадной территории доныне повергает в изумление исследователей, но они при этом подчеркивают чисто-стихийный характер русской экспансии к Тихому океану, которая, при культурной отсталости совершавшего захват „новых землиц“ населения, не могла будто бы играть никакой цивилизующей роли и принести ощутительные результаты для научной мысли.[99] Мы видели, что это не совсем так. Иностранные известия, сохранившие нам имена и рассказы о деяниях русских „охочих людей“, рисуют несколько иную картину: не говоря уже о важной роли их посредничества, мы чувствуем в них порою вполне сознательных наблюдателей и расказчиков, которые знали много больше, чем хотели передавать, и которым не доставало лишь „книжной“ культурности,

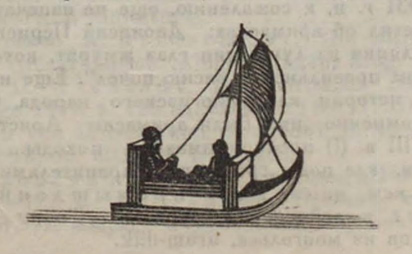
чтобы использовать свои сведения так, как это сделали за них иностранцы. Быть может, именно поспешность завоевания, требовавшая максимальной деловой активности, отвлекала их от изучения и описания того громадного края, в которой они входили, однако, плененные своеобразием его людей и природы: „На сем же камени растяху деревие различное: кедри и певга и прочая; в них же жительство имеют зверие розличнии, ови подобни на снедение человеком, ови же на украшение и одеяние риз... Много же и сладкопесневые птицы, паче же и многоразличные травные цветы..; реки тамо бысть пространные и прекрасные зело, в них же воды сладчайшие и рыбы различные множество; на исходящих же сих рек дебрь плодовитая на жатву и скотопитательные места, пространна зело"... „Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный яко стена стоит и поглядеть—заломя голову; в горах тех обретаются змии великие, в них же витают гуси и утицы, вороны черные и галки серые, орлы и соколы, кречеты и лебеди и иные дикие", пишет Аввакум. „В том же Сибирском царстве живут люди розноязычни. Первие Татаровя, также Вогуличи, Остяки, Самоедь, Лопане, Тунгусы, Киргизы, Калмыки, Якуты, Мундуки, Гвиляги, Гарагили, Имбаты, Зеншаки, Сымцы, Аринцы, Моторцы, Тогинцы, Сиянцы, Чаландасцы, Камасирцы, и их много разноязычных людей в том великопространном сибирском царстве..."[100] Многое поражало в Сибири русского пришельца, а он все дальше шел на восток и за ним не могло поспеть и любопытство иноземцев; уже к середине XVII века, менее чем через столетие после походов Ермака, русские дошли до Тихого океана, а в конце того же столетия уже искали за восточным морем „большую землю"—Америку, которая, действительно, и была вскоре найдена—сперва подштурманом Федоровым и геодезистом Гвоздевым (1732), а затем Берингом и Чириковым (1741). На границе Аляски и Канады русские встретились с англо-саксонцами, которые к тому же времени прошли весь американский материк. Только теперь, со времени отправленных в Сибирь Петром географических экспедиций могло начаться планомерное изучение завоеванных краев.

Итак, именно русские открыли европейцам северную Азию—через посредство иноземцев, бывавших в Москве. Какое значение имеют их известия для науки? Они интересны для нас с разнообразных сторон: они зафиксировали такие факты, о которых молчат русские источники, явившись тем самым важнейшим материалом для истории и исторической географии; они осветили далекие северные просторы, оказав самое значительное влияние на развитие познания земли. Но все же они несколько односторонни: иностранный интерес к Сибири зачастую не был бескорыстным проявлением любознательности, и это не могло не оставить на них своеобразного отпечатка.

Конечно, они далеко не равноценны, хотя каждое известие интересно и характерно в своем роде. Большинство из них принадлежит торговым людям, дипломатам посольств или случайным людям на русской службе. Ученые среди них встречались редко (Герберштейн, Олеарий, Коллинз, Витсен); перед каждым стояла чисто-практическая цель. Отсутствие в Сибири дорог, затруднительность сообщения, привлекали особое внимание к водным путям, как к главным артериям транспорта; неудивительно поэтому, что гидрографические данные стоят в этих известиях почти всегда на первом месте. Далее шли, вызванные теми же торговыми надеждами, известия экономического порядка—условия сибирских рынков, перспективы сбыта товаров и получения ценного пушного и рыбного сырья; последнее открывало интерес к области зоологии, природных и климатических условий края. (Ср. напр. 142, 187); у Коллинза (1670), в связи с полученным им естественно-историческим образованием и специфическими интересами его, как медика, мы находим уже попытку дать более или менее цельную харкатеристику флоры и фауны Сибири[101]. На последнем месте, однако, всегда стоял человек: его замечали не так охотно, а иногда и с досадой,—отчасти это стоит в связи с поздним развитием антропологии и этнографии как науки. Эпоха великих географических открытий вплотную поставила человека перед загадкой происхождения рас и эволюцией культурного развития. Однако, еще не скоро европейцы смогли отказаться от чувства культурного превосходства над туземными

племенами Америки, Африки и Азии—для объективной оценки и непредвзятой точки зрения [102]. Это столь же явственно сказывается и в приводимых известиях европейцев о туземных племенах Сибири: они однообразны и часто мало интересны. Авторы нередко ограничиваются самыми шаблонными отзывами: сибирские жители составляют „варварское и дикое племя" (179); это люди „дикие и даже совершенно варвары (147); лишь изредка проглядывает стремление объяснить, почему в них больше „звериного, чем человеческого" (96): „поскольку леса заполняют эти земли, люди стали одичалыми и озверелыми" (79, 86, 88). Шлейсинг дает уже самую отрицательную характеристику как туземного, так и русского населения в Сибири. Среди всех этих высокомерных отзывов, основанных не столько на собственных наблюдениях, сколько на оценках предшествующих писателей, попадаются, однако, очень любопытные указания, которые, с пользой для себя, использует историк и этнограф: таковы напр. английские известия о расселении туземных племен по Енисею (232, 234—235), этнографический этюд Флетчера о самоедах, с зачатками антропологического анализа (199), рассказы Массы о тунгусах (253, 257), другие голландские и английские известия о самоедах (235, 272) и др. Анонимный путешественник в Тобольске в 1666 году приводит в своем сочинении уже довольно подробные этнографические описания тобольских татар, бухарцев, калмыков, вникая в их внешний быт (одежда, жилище, пища) на основании систематически производившихся наблюдений (313 и сл.). Естественно, что характеристика языка сибирских туземцев должна была особенно затруднять иностранцев; лингвистические изучения в Европе только начинались [103]; поэтому в этом отношении все приводимые известия не дают почти никакого материала. Мы находим в них самые неопределенные данные, вроде напр. свидетельства, что „княжество Сибирь" говорит „особым языком" (205) или что туземцы „не владеют общепонятной речью" (104), „лишены способности членораздельной речи" (96) и т. д. В отдельных случаях подчеркивается разнообразие языков, на которых говорят в Сибири (79) или даже различие языков в пределах одного и того же этнографичнского целого (125, 210: о самоедах; интересно указание А. Доббина на три различных племени остяков, „из которых одно почти не в состоянии понять другое"); попытки сообщить отдельные туземные слова (142, 258, 265) или определить их смысл, еще явно неудачны. И в этом случае анонимный путешественник в Тобольск (313 сл.) дает гораздо больше, чем остальные источники, т. к. он приводит небольшие словарики „пермских" и „татарских" слов на основании собственных записей. Конечно, чем ближе подвигаемся мы к XVIII веку, тем разнообразнее и обширнее становятся рассказы иностранцев о Сибири. В общем же все приводимые нами источники дают несомненно богатый и очень разнохарактерный материал, ценность которого можно учесть лишь в специальных исследованиях.

В XVIII веке Гмелин писал, что к тому времени северная Азия оставалась еще „погруженной для географов в глубокий мрак". Этот вывод должен быть теперь несколько ограничен; в действительности, во многих отношениях она сделалась им известна значительно раньше, пусть медленно, но неуклонно превращаясь из страны легенды и вымысла в страну вполне реальных географических очертений и постепенно наполняясь все более богатым содержанием, которое нельзя игнорировать при современном изучении Сибири.



ПРИМЕЧАНИЯ

II

1. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-ое, Лгр. 1925, стр. 191; ср. А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, СПб. 1860 ч. I отд. 1. стр. 29.

2. В. П. Клингер. Сказочные мотивы в истории Геродота. „Университетские Известия" (Киев) 1902 № 11, стр. 87—88; 1903 № 3, стр. 199—200. Реальную основу этой легенды пытался, однако, подчеркнуть еще В. Н. Татищев. (История Российская, кн. I, М. 1768, стр. 105—106): „сия басня мню от того сложена, что для трудности перехода [через Урал]... мало в ту страну ходили, а особливо зимою для множества снегов проход кроме лыжей был неудобен... И как люди тамошние в то время не выходили, то сложили, яко бы они все то время спят. Сию басню Плиний шестимесячным днем утвердить прилежал... и может у калмык южных гор от Сибири Алтаи шестимечные от того названы". Ср. у нас ниже, стр. 364.

3. В. Клингер, op. cit., стр. 199.

4. Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skith. Norden —„Sitzungsberichte d. Philos.-hist. Classe d. K. Akademie d. Wiss.", Wien, Bd. CXVI, 1888, S. 815—780; Bd. CXVII, S. 1—70. Ф. Мищенко, Известия Геродота о вне-скифских землях России. Ж. М. Н. Пр. 1896 № 12, стр. 103—124; Matzet. Über bie Glaubwürdigkeit der geographischen Angaben Herodots über Asien—„Hermes" VI (1882); Ф. А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений, СПб. 1899, стр. 84—85, 87—88; I. Marquart, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Lpz. 1903, S. 54. А И. Покровский (Геродот та Аристей—„Юбілейний Збірник на пошану Д. І. Багалія" Киев, 1927, стр. 323—340) значительно ограничил смелые догадки Томашка. Отдельные замечания см. в статье R. Hennig'a Der Araxes des Herodot—die Wolga, „Petermann's Mitteilungen" 1929, 7—8, S. 169—174.

5. Heeren, Ideen über die Politik, den Verkehr u. Handel der vornehmsten Völker d. alten Welt.[4] 1824, Th. I, Abt. 2, S. 264; Ф. Мищенко, op. cit, стр. 118—119; Aug. Glagisch, Die Hyperboreer und die alten Chinesen, eine historische Untersuchung, Ostrowo, 1866.

6. Такое мнение высказано недавно в статье: R. Hennig, Ein Kapitel zur Klasstellung antiker Wirtschaftsgeographie, „Rheinisches Museum" 1930, Bd. LXXII, S. 328 ff. Весьма убедительную критику основных положений R. Hennig'a представил проф. Б. В. Варнеке в докладе, читанном в секции археологии ВСГО в Иркутске, в мае 1931 г. и, к сожалению, еще не напечатанном. В. Татищев, Ист. Росс. I, 106 заметил об аримаспах: Дионисий Периегет вымыслил сие о самоедах, яко для стреляния из лука один глаз жмурят, которое Мартиньер в Лексиконе географическом правильно за басню почел". Еще недавно А. П. Чулошников („Очерки по истории казак-киргизского народа, Оренбург 1924, стр. 14) писал о тюрках: „несомненно ими были аримаспы Аристея, жившие севернее исседонов и еще в VIII в. (!) предпринимавшие походы... в бассейн Тарима и в горную область Алтая, где под „грифами", охранителями золота... они, конечно, встречались... ни с кем иным, как с промышленной народностью чудью"(!) B. Laufer в лейденском журнале „T'oung Pao", vol. IX, p. 452, выводит имя аримаспов из монгольск. äräm-däk.

7. А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды, „Известия Отд. Р. Яз. и Словесности Ак. Наук“ 1921, XXVI, стр. 32—33. Другие этимологии Рифейских гор см. у нас ниже, стр. 26—27; о грифах в греческой литературе и искусстве: В. Клингер, op. cit., стр. 163 и сл.

8. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Лгр. 1925, стр. 16—17.

9. Ellis Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, ch. IX; выводы автора о связи скифского „звериного стиля“ с Сибирью, впрочем, ограничены М. И. Ростовцевым, Ж. М. Н. Пр. 1913, № 11, стр. 183.

10. А. И. Соболевский. op. cit., т. XXVII, стр. 289; сходное мнение высказал и М. К. Фаст („О скифском вопросе“—„Труды XIII Археол. съезда“ т. I, стр. 105): „Гиппократ имеет в виду не южно-русский, а северо-азиатский край“.

11. O. Brenner. Nord- und Mitteleuropa in d. Schriften d. Alten, München 1877, S. 23—28.

12. В. Клингер. Op. cit. стр. 89; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. II, вып. I, СПб. 1904, стр. 55 сл.

13. A. Riese. Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in d. griechisch. u. Röm. Literatur, Frankf. a. M. 1875, S. 7. Сл. М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор. стр. 89 и сл.

14. В. Бартольд. История изучения[2], стр. 41 и сл.

15. М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 87—88.

16. Плиний рассказывает, что Патрокл проехал из Индии восточным и северным океаном в Гирканское (Каспийское) море, заставляя его, т. о., открыть северо-западный проход, но из Страбона мы знаем, что Патрокл считал лишь возможным такое путешествие; это мнение разделял и Страбон: K. J. Neumann, Die Fahrt d. Patrokles auf dem Kaspischen Meere, „Hermes“ XIV (1884), S. 180—181. Анализ сведений Страбона о Сев. Азии: J. Cuno, Forschungen im Gebiete d. alten Völkerkunde, I, Berl. 1877, S. 114 f. О причинах этого ошибочного представления о Каспийском море существуют различные догадки: см. напр. Sieglin u. Philipp («Berliner Philologisch. Wochenschr». 1915, S. 1216); по мнению Partsch'a (Zs. d. Gesellsch. f. Erdk. zu Berl. 1918, S. 70) наличие в нем тюленей способствовало мысли, что оно соединяется с океаном.

17. Б. Дитмар. География Эратосфена „Землеведение“ XXXI (1929) вып. 4, стр. 273—296.

18. E. Bunbury. A History of ancient Geographie, Lond. 1883, vol. II. p. 596—597.

19. K. Mannert, Geographie d. Griechen und Römer. Der Norden d. Erde, Lpz. 1820, S. 483 f.

20. K. Mannert, S. 484—486.

21. K. Mannert, S. 486.

22. Аммиан Марцеллин. История. Перевод Ю. А. Кулаковского вып. II, Киев 1907, стр. 188. Ср. М. И. Ростовцев, там-же, стр. 82—83.

III

23. K. Dieterich. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde (5—15 Jahrh), Lpz. 1912 Th. I, Einleitung.

24. О теории Космы: K. Kretschmar, Die physische Erdkunde im Christlich. Mittelalter (Geographisch. Abhandlungen, hrsg. v. A. Penck, Bd. IV, H. 1), S. 41-46; E. O. Winstedt, The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes, Cambridge 1909, p. 128 sq. G. Marinelli. Die Erdkunde bei den Kirchenvättern. Deutsch von L. Neumann, Lpz. 1884, S. 44—53.

25. K. Dieterich, op. cit., Th. II, S. 133.

26. А. Н. Веселовский. Русские и вильтины, „Изв. О. Р. Яз. и Слов. Ак. Наук“ 1906, 3, стр. 121—122; К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. СПб. 1906, стр. 41, 72; вопросу о познаниях Иордана восточной Европы

недавно посвятил статью J. Mikkola: „Die Namen d. Völkers Hermanarichs"— „Finn.-Ugr. Forsch." XV, 1922.

27. Ю. Кулаковский. К истории Боспора Киммерийского в к. VI в. „Византийский Временник" III, стр. 10—12.

28. О путешествии Земарха и других византийских известиях: Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux—в „Сборнике трудов Орхонской экспедиции" VI, стр. 233—535; „Эктаг" означает не „Золотую гору", как полагал Менандр, но вероятно, „Белую гору", под которой чаще всего подразумеваются Алтайские белки (см. Bury, „The English Historical Review" 12, 1897, p. 426; Д. Клеменц, Древности Минусинского музея, Томск 1886, стр. 71—72; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, СПб. 1900, вып. III, стр. 9—7; ср. еще: Л. Берг, Аральское море, СПб. 1908, стр. 4—6). L. Cahun („Introduction à l'histoire de l'Asie, Paris 1896, p. 58) полагает, что византийцы произвели эго название от древннго турецкого корня Эк, эги, что значит „высокий".

29. Риттер. Землеведение Азии III, 178; L. Cahun (op. cit. p. 115) признал в этом несомненно искаженном византийцами имени—имя племени Türkéch или Тÿргäш, как транскрибирует его ак. Радлов в своем издании Орхонских надписей. О границе области киргиз в VI в. см. В. Бартольд. Киргизы. Ист. очерк, Фрунзе, 1927, стр. 10—11; Чулошников, op. cit., стр. 27.

30. Ю. Кулаковский, К истории Боспора, стр. 12—13.

31. K. Dieterich, op. cit., Th. I, S. 20, 22, 23; В. Бартольд. История изучения Востока[2], стр. 51.

32. Византийские известия о пра-истории Венгрии собраны у H. Schönbaum, Die Kenntnis magyarischen Geschichtsschreiber von der ältesten Geschichte der Ungarn vor der Landnahme, Berl. u. Lpz. 1922. В венгерских хрониках очень неясно говорится о реке Togora, которая течет „пустынными лесами и болотами, мимо снежных гор, где солнце светит в туманах" и, наконец, вливается „в северное море" (Симон из Кезы). В Венской иллюстрир. хронике и у Туроца та-же река называется Thogata. Гунфальфи видит здесь воспоминание венгров об Иртыше, который, по Кастрену, называется у остяков Тангат или Тлангатль (см. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, Budapest, 1877, S. 185; J. Marquart, Osteuropäische u. Ostasiatische Streifzüge, S. 59—60). Г. Ляскин. Сочинения К. Багрянородного о фемах и о народах, М. 1899. ✓

33. „Византийские историки", СПб. 1863: Летопись Г. Акрополита, перев. И. Троицкого, стр. 63—64; здесь-же и выписка из Н. Григоры.

34. K. Dieterich, op. cit., Th. II, S. 24—25.

IV

35. В. Бартольд, История изучения Востока,[2] стр. 191.

36. В. Бартольд, там-же, стр. 54.

37. G. Marinelli, Die Erdkunde bei den Kirchenvättern, Lpz., 1884, S. 23 f., 28—29, 30—32; цитаты из Иосифа Флавия, Иеронима, Прокопия и т. д. см. Max Uhlemann, Über Gog und Magog, Separatabdruck, s. l. a., S. 266—267; еврейские писатели о Гоге и Магоге до Мухаммеда в ст. Beer'а в „Zeitschr. d. deutsch. morgenl. Gesellsch." IX, 785—793; Marquart, op. cit., S. 281—282; ср. А. Н. Веселовский, Южно-русские былины, Сб. О. Р. Я. С. т. XXXVI (СПб. 1885), стр. 175, 178—179 прим.; его-же: Опыты по истории развития христ. легенды Ж. М. Н. Пр. 1875 № 4, стр. 293, 303—304, 313—314; „Виз. Временник" IV, 1897, стр. 551—552, 558; сл. Yule, Marco Polo I, p. 56—57; A. Bovenschen—„Zs. d. Gesellsch. f. Erdk. zu Berlin" XXIII, S. 300—301; J. Bömer, Wer ist Gog u. Magog, „Zs. f. wiss. Theologie", 40 (1867), 3.

33. Н. Пантусов. Как далеко простирались сведения арабских географов вглубь средней Азии,—„Изв. Общ. Арх. Ист. Этн. при Казанск. Университете" т. XXV, вып. 5, 1909, стр. 93—105: автор, согласно с Stüwe (Die Handelszüge der Araber... durch Afrika, Asien und Osteuropa, Berl. 1836, S. 359 ff.)

видит здесь указание на Алтай, в противоположность д'Оссону, который полагал, что Селлам пробрался к Уралу. В названии Эдкеш Штюве видит остяков, Дегинь и Френ считают их уйгурами, Риттер (Erdkunde I, S. 1127)—хакасами; о стене Зюль-Карнейна см. еще труд Де-Гуэ, названный у нас ниже, на стр. 45. Прочая литература у В. Бартольда, История изучения[2], стр. 61.

39. J. Marquart, op. cit., S. 89–90; В. Григорьев. Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствовании его по средней Азии—Ж. М. Н. Пр. 1872, ч. CLXIII, стр. 23.

40. C. M. Fraehn, Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen. St. Peterb. 1823, S. 218; Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о вост. Европе, Ж. М. Н. Пр. 1908 № 1, стр. 410; Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарах и русских Ибн-Даста, СПб. 1869, стр. 188—189.

41. Fraehn, op. cit., S. 227—228.

42. Н. Пантусов, op. cit., стр. 101.

43. G. Jacob. Der Nordisch-Baltische Handel der Araber im Mittelalter, Lpz. 1887, S. 110 пишет о Сибири: „Während... zweifelhaft bleibt, ob dieses Land vom Arabern selbst betreten wurde, ist es ziemlich gewiss, das es ihrem Handel nicht verschlossen blieb". По некоторым арабским известиям чужеземные купцы доходили только до булгар; булгарские же—до Югры и м. б. до Ледовитого моря. „Notices et extraits des manuscrits" etc. XIII, p. 284 sq.; Д. Хвольсон, op. cit, стр. 190, 192; П. С. Савельев, Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, СПб. 1847, стр. LXVII и сл.

44. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб. 1870, стр. 193, 199—201, 271; Д. Хвольсон, стр. 161, 163, 164, 165, 183—184.

45. А. Гаркави, op. cit., стр. 88—89; Ф. Вестберг, К анализу восточных источников, Ж. М. Н. Пр. 1908 № 2, стр. 410; Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Общ. т. XIII (1903), стр. 027; кроме Ибн-Фадлана Вестбергу известен еще один арабский писатель, именно компилятор Димешки (XIV в.), писавший о северном сиянии: „совсем возле ледовитого моря .. по ночам видны сияния, и происходят они не от звезд и не от огня". О немой торговле с туземцами см. свидетельства Андалуси, Абу-л-фиды, Казвини у Д. Хвольсона, op. cit., стр. 186—189.

46. Fraehn, Ibn—Fozlan, S. 240; G. Jacob, S. 44—46, 110.

47. Литературу см. выше, примечание 37; Paul Meyer, Alexandre le Grand dans la littérature Française. Paris, 1886, p. 382 — 389 sq.

48. Ср. еще у Марко Поло: „et ce est le lieu, qe nos applon de se en nostre païs Gogo et Magogo; mes il l'apellent Ung et Mungul". „Мунгалы суть,—пишет еще Н. Спафарий,—о которых пишет в Библии Гог и Магог, потому что они называют себя маголь" („Путешествие Спафария" изд. Ю. В. Арсеньева, СПб. 1882, стр. 128). С татарами гогов и магогов сопоставляет „славянский текст Мефодия, русск. летописи под 1223—24 гг., письмо Фридриха к Генриху III и Жуанвиль, Рикольф де Monte Crucis" и др. (А. Веселовский, Ж. М. Н. Пр. 1875 № 4, 313—314, 322).

V

49. П. М. Бицилли. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII в., Одесса 1916, стр. 300 сл. Ср. H. Wuttke, Zur Geschichte der Erdkunde im letzten Drittel des Mittelalter, Dresden 1871, S. 5.

50. G. Marinelli, Die Erdkunde bei den Kirchenvättern, S. 19.

51. А. Шакк. История норманнов в Сицилии, СПб. 1896, стр. 174—176.

52. E. v. Richthofen, China. Ergebnisse einer Reise, I, S. 633.

53. A. Schaube, Handelsgeschichte der romanisch. Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende des Kreuzzuges, Münch. u. Berlin, 1906.

54. Свод западных известий о монголах см. у d'Ohsson, Histoire des mongols, La Haye et Amsterdam 1834, t. II, p. 110—186; B. Strakosch-Grossman, Der Einfall der Tataren in West-Europa, Berl. 1910; европейские представления

о монголах анализированы в новейшей венгерской работе Пальфи: „О татарах и Европе в XIII в.“ (J. Palfy, A tatárok és a 13 czázadi Europa, Budapest, 1928); о появлении „татар“ говорят летописи Австрии, Германии и даже Англии; ср. А. Куник „О походе татар в 1223 г. по Нейбургской летописи“, „Ученые записки Акад Наук“ II, стр. 760 и сл. Русский перевод рассказа еп. Петра из „Historia Major“ М. Парижского—Филарет, Обзор русск. духовн. литературы, изд. 3-е, СПб. 1884, стр. 62—64; С. В. Савченко, „Письмо магистра тамплиеров к Людовику св. о вторжении татар в западную Европу“.—„Универс. Известия“ (Киев) 1919 № 1—4, стр. 1—6; Каррутерс, Неведомая Монголия. Петр. 1914, стр. 321—323.

55. E. Friedmann, Der mittelalterliche Welthandel von Florenz in seiner geographischen Ausdehnung. Wien, 1912: к книге приложена карта пути в Китай из Азова на основании книги Б. Пеголетти; М. М. Ковалевский, Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV в., „Труды XII Арх. съезда“ М. 1905, т. II, стр. 109—174; о сношениях Венеции с Кипчаком между 1381 и 1400 гг. см. M. Silberschidt, Das Orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach Venezianischen Quellen, Lpz. u. Berlin, 1923. Много свежего материала по вопросу о торговых сношениях генуэзцев с монголами и их соперничестве с венцианцами см. в книге G. I. Bratianu. Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIII s. Paris, 1929; автор высказывается, м. прочим, против легенды о древности генуэзской колонии в Каффе: первые известия о ней относятся лишь к 1281 г.

VI

56. Возражения на все эти домыслы см. у В. Татищева, История Российская, М. 1768 т. I, стр. 157, 159, 191; ср. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПб. 1884, стр. 64—70.

57. Все это взято Меховским, гл. образом, у Плиния. В. Татищев, op. cit., стр. 156, 141, замечает, однако: „Сие о Сибири частью можно сказать: древние обыватели остяки, тунгусы и вогуличи, их справедливости и беззавистному нраву довольно удивиться нельзя... чтоже о здравии, долгоденствии и кончине положил, оное басни“. Интересную параллель античным сказаниям представляют, самоедская сказка, записанная С. Г. Писаховым на Новой Земле—о счастливом крае, где нет вражды и злобы: „Если пройдешь льды, идя все к северу, и перескочишь через стены ветров кружащих, то попадешь к людям, которые только любят и не знают ни вражды ни злобы. Но у тех людей по одной ноге, и каждый отдельно они не могут двигаться, но они любят и ходят обнявшись, любя. Когда они обнимутся, то могут ходить и бегать, а если они перестают любить, сейчас же перестают обниматься, и умирают. А когда они любят, они могут творить чудеса“... (На Северной Двине. Сборник Архангельск. О-ва Краеведения, Арх. 1924, стр. 46). Сравни рассказы об одноногих людях севера, не имеющих суставов, но бегающих быстро, которые, упав, не могут подняться без посторонней помощи (121): о подобных людях рассказывает Плано-Карпини; см. приложенную к этой книге транскрипцию иркутского фрагмента: verso, столбец первый (стр. 346).

58. Ср. С. Ф. Платонов. Москва и Запад в XVI—XVII вв. Лгр. 1925.

VII.

59. „Изв. О-ва Арх. Ист. Этн. при Казанск. Ун-те“ 1909, XXV, вып. 5, стр. 103 прим. К летописной русской легенде: А. М. Мартюшев. Коми-народ в первый период его историч. известности. „Коми-му“ 1928 № 2, стр. 34—41.

60. Н. П. Барсов, Очерки русской историч. географии, Варш. 1873, стр. XXVIII.

61. А. Н. Веселовский. Из местных преданий: Анты и Чудь. „Сб. Отд. Р. Яз. Слов. Ак. Наук“ т. XXXII, 1883, стр. 80—86; его-же, Русские и вильтины

в саге о Дитрихе Бернском, Изв. О. Р. Яз. Сл. 1906 кн 3, стр. 17—19. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, сказание о самопогребении чуди создалось в Западной Сибири во 2-ой полов. XVII в. (А. В. Шмидт, О чуди и ее гибели— „Зап. Уральск. О-ва Люб. Естествознания" 1927, т. XI, вып. 2. стр. 49—54).

62. В. Ляскоронский. Этнография по Адаму Бременскому, Киев 1883, стр. 27—29; Schlüter, Adams von Bremen geographische Vorstellungen vom Norden—„Hansische Geschichtsblätter" 1910, S. 555—570; R. Weinhold, Die Polargegenden Europas nach Vorstellungen d. Deutsch. Mittelalters, „Sitzungsber. d. Wien. Akad". Bd. LXVIII, H. 4, S. 790—791. К. Тиандер (Поездки скандинавов, стр. 47) полагает, что кинокефалы Адама Бременского—лопари.

63. Сл. М. И. Соколов. Неизвестное русское сказание нач. XVII в. легендарно-географического характера—„Землеведение" 1894, II, стр. 95—98: В 1605 г. „поморенин" Афанасий „сказывал про многие морские дивные чудеса, а про иные слыхал"... „И ездил он по-морю на морских судах 17 лет, и ходил в темную землю, и тамо тьма стоит, что гора темная... А за темную землю ездил Немчин Белогород, и там царство сильного Антрупского царя" и т. д. „Белогород"—это Иван де Валь (Девах) Белоборoд, антверпенский (города Антропа) купец, торговавший в России.

64. T. I. Arne. La Suède et l'Orient, Upsal, 1914; Е. Н. Щепкин. Древнейшие сношения Швеции с Востоком „Историч. Известия" 1917 № 1, стр. 14—24; И. Бороздин, в Ж. М. Н. Пр. 1916 № 10, стр. 320—324. См. еще A. Bugge, Die Nordeuropäische Verkehrswege im frühen Mittelalter u. die Bedeutung der Wikinger f. die Entwicklung d. europäischen Handels (Vierteljarschr. f. Social- und Wirtschaftsgeschichte". Bd. IV, 1909, S. 286 ff.); F. R. Schröder, Scandinavien und der Orient im Mittelalter. „Germanisch-Romanische Monatschrift" 1920, VIII, 209 f.; П. П. Смирнов. Вольський шлях і стародавні Руси, Киев 1928, стр. 14 сл.; К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море, СПб. 1906.

65. Меха составляли одну из важнейших отраслей торговли Новгорода с Западом еще в XII в.; R. Hausmann, „Baltische Monatschrift" 1904, Bd. 58, H. 10, S. 194—215, H. 11, S. 257—291 и „Труды XV Арх. съезда" I (1911), стр. 101—102. На Западе удерживались русские названия мехов (сл. у нас ниже, стр. 43 и W. Stieda, Revaler Zollbücher und Quittungen des 14 Jahrh. Halle 1887, S. CXI—CXII). О меховой торговле Руси с Западом см. еще В. С. Иконников, Опыт русск. историографии, Киев 1908, т. II, стр 159, 616—617.

66. Г. В. Вернадский, О движении русских на восток, „Научно-Историч. журнал" 1913 № 1, стр. 55—56; его-же: „Против солнца. Распространение русского государства к востоку", „Русская Мысль" 1914 № 1; ср., впрочем, В. Бартольд, История изучения Востока[2], стр. 171. О Руси и русских в китайских летописях монгольского периода: „Духовн. Беседа" 1863 № 27, стр. 368—370; „Восточн. Сборник" 1875 т. I, стр. 47; „Правосл. Собеседник" 1886 I, стр. 260—261; „Русь и Асы на военной службе в Китае" „Жив. Старина" 1894 т. IV, в. I, стр. 65—73; об имени Киева в китайских летописях: R. Beazley, The text and versions, L. 1903, p. 284.

67. В рассказ, заимствованный из книги П. Иовия, неизвестный венецианец вставляет рассказ о том, что Иван IV разбил вогуличей и вел продолжительную войну с Югрой, и это может быть принято за действительный факт: В. Огородников, Донесение о Московии 2-ой полов. XVI в. М. 1913, стр. XIII—XIV.

68. „Памятники дипломатических сношений с державами иностранными" СПб. 1851, I, стр. 108—114; Adelung, Krit.-Liter. Übersicht d. Reisenden I, S. 157—158; А. Оксенов. Слухи и вести о Сибири до Ермака, „Сибирск. сборник" IV (1887), стр. 110—111; Сборн. издав. студентами Петербургск. Университета, вып. I, стр. 88—89; P. Karge, Kaisers Friedrichs III u. Maximilian I ungarische Politik u. ihre Beziehungen zu Moskau, 1486—1506. „Deutsche Ztschr. f. Geschichtswissenschaft" IX, S. 259 сл. Против мнения Оксенова, защищающего оффициальную версию отказа Снупсу, говорит то, что „когда смелый турист просил по крайней мере разрешения возвратиться в Австрию через турецкие или польские владения, ему в этом было отказано, и он должен был пуститься в об-

ратный путь тою же дорогою, какою прибыл в Москву, т. е. через Лифляндию и Германию" (А. Брикнер, Россия и иностранная печать в XVI—XVII ст. „Русские Ведомости" 1895 № 72). Гамель („Зап. Ак. Наук" VIII, 1865, стр. 35), полагает, что Снупс хотел отправиться на Обь с чисто образовательной целью, чтобы „осмотреть тамошний край в географическом и вообще ученом отношении". Предположение Е. Замысловского (Герберштейн, стр. 89 прим.), что Снупс просился туда потому, что „слышал о соседстве этих земель с китайским царством" совершенно неправдоподобно. Характерна одна подробность: в грамоте Сигизмунда сказано было, что Снупс послан „земли видети и чюдных речей смотрити, которые тамо есть и могут быти, о которых нам часто всказывают" (П. Д. Сн. I, 110).

69. Е. Замысловский, Чертежи сибирских земель XVI—XVII столетий Ж. М. Н. Пр. 1891 № 6, стр. 333—335.

70. Гамель, Зап. Ак. Наук, VIII, стр. 34—35.

71. А. Дживелегов, Очерки итальянского Возрождения, М. 1929, стр. 7-8.

72. Е. Шмурло, „Россия и Испания в последнюю четверть XVI в.", в сборнике: „Россия и Италия" т. III, вып. 2, П. 1915, стр. 301—302.

73. О португальце Пинто см. Stephen Wheeler, „Geogr. Journ." vol. I, 1893, p. 193; J. Baddeley, Russia, Mongolia, China, vol. I, Lond. 1919, p. LXI-LXIV; A. Wirth, Gesch. Asiens und Osteuropas, Halle 1905, S. 425-426. „Московиты", которых Пинто встретил в г. Tuymicao в северном Китае в 1544 г., вызывают большие сомнения исследователей; некоторые полагают даже, что это были „немцы", что впрочем также невероятно; сл. ниже Дж. Мильтон (стр. 301-302). См. еще: G. Schurhammer, Die Zeitgenössischen Quellen zur Geschichte Portugesisch. Asiens und seine Nachbarländer, Lpz. 1931.

74. Karl Larsen. Cervantes' Vorstellungen vom Norden („Studien z. Vergleich. Litteraturgesch". 1905, Bd. V, S. 273—296). Картинка в книге де-Фера (о последней см. у нас ниже, стр. 271), изображающая неожиданную встречу голландских моряков с русскими промышленниками, приветливо их встретившими, вероятно, послужила источником рассказа о короле Кратиле и о дружеской встрече его людьми Персилеса с товарищами. Об этом ничего не говорит Д. К. Петров в своей статье об этом романе Сервантеса (Ж. М. Н. Пр. 1903 № 10, стр. 304-326).

75. Литературу об англо-русских торговых сношениях см. у нас ниже, стр. 162; список, разумеется, не полон, но он и не стремится к тому, чтобы быть исчерпывающим.

76. И. Любименко. Московский рынок, как арена борьбы Голландии и Англии, „Русское Прошлое" вып. V, (1923), стр. 3—13; кроме работ о русских торговых сношениях с Нидерландами, указанными у нас ниже (стр. 236 и сл.; 271) см. еще: В. Кордт, Русское зерно на голландском хлебном рынке в Голландии в 30-ые г.г. XVII в.—„Техника, экономика и право", Киев, т. I, 1925 г. Об „английском вкладе" в изучение европейцами России см. статью I. Lubimenko, England's Part in the Discoverie of Russia—„Slavonic Review" 1927, VI, p. 104—118. В другой статье того-же автора дана характеристика последовательности изучения России народами Запада („Le rôle comparatif des différents peuples dans la découverte et la déscription de la Russie"—„Revue de synthèse historique" 1929 № 142—144): между 1335 и 1486 г. г. Россию изучают итальянцы, потом австрийцы (1486—1553) далее англичане (1543—1600), затем голландцы, шведы, поляки, немцы и т. д. Конечно, установление хронологических границ отличается при этом большой условностью.

VIII.

77. В. Кордт, Материалы для истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев, 1906, стр. 23—26 Л. С. Берг, История русской географической науки, Лгр. 1929, стр. 22. Н. Д. Чечулин, Новые труды по древней русской картографии Ж. М. Н. Пр. 1906 № 9, стр. 214—215.

78. П. Пирлинг. Французский иезуит в Москве „Историч. статьи и заметки“ Пг. 1913, стр. 131; А. Е. Любимов. Путешественник по Востоку и Московии в к. XVII в.—Ф. Авриль, „Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Общ.“ т. XXII, 1915, протоколы, стр. XXVIII—XXIX. Карта Авриля скопирована у Н. Спафария: G. Cahen, Les cartes de la Sibérie au XVIII s. Paris, 1911, p. 81—83.

79. Письма и донесения иезуитов о России к. XVII нач. XVIII в. СПб. 1904, стр. 37.

80. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, Paris 1692. Авриль не называет имени и отчества этого смоленского воеводы; указываю их предположительно (Иван Алексеевич?), по справке у Н. Барсукова. Списки городовых воевод и т. д. М. 1902, стр. 211.

81. Я понимаю так имя: „Panelapoetski“, называемое в анонимной статье Витсена в „Отчетах“ Лондонского Королевского Общества („Philosophical Transactions“ vol. IX for the year 1674 № 101 p. 3—4). Обоснование этого предположения будет представлено во II томе настоящей работы.

82. С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII ст. М. 1928, стр. 181.

83. А. А. Введенский. Служащие и работные люди у Строгановых в 16 и 17 в. в. „Труд в России. Исторические сборники“ Лгр. 1924, стр. 59—60; к сожалению, статья не затрагивает вопроса о служащих, занятых в торговле Строгановых; напомним, однако, О. Брюнеля (у нас ниже, стр. 175—177).

84. Сибирские летописи, СПб. 1908, стр 10, 98, 263.

85. Ю. Гессен. Труд пленных в московском государстве „Русское Прошлое“ II (1923), стр. 68—69. Ср. Н. Н. Оглоблин, Обзор столбцов и книг Сибирского приказа ч. III, М. 1900, стр. 61—63; его-же. Заговор томской Литвы, „Чтения в Ист. Общ. Нестора-Летописца“ кн XIII, 1894.

86. П. А. Словцов, Историческое Обозрение Сибири, изд. 1885, ч. I. стр. 100—101.

87. С. А. Белокуров, Юрий Крижанич в России, М. 1906, стр. 113.

88. Томск в XVII веке. Материалы для истории города, изд. Горохова, s. a. стр. 166.

89. В. К. Андриевич, История Сибири ч. I, СПб. 1886, стр. 137; источник этого известия не указан. В „Архиве П. М. Строева“ т. II, Петр. 1917, стр. 512—513 напечатан указ 1620 г. об отправке в Тобольск двух немцев: Анца Локмана и Матюшки, „что был немецкий поп“ (ср. у нас ниже, стр. 322).

90. Ф. Аделунг (Krit.-Liter. Übersicht, II, S. 352) полагает, что рукописные заметки Доббина о Сибири не отысканы; однако он ошибается; они напечатаны полностью три раза,—один раз на немецком и два раза на голландском языке, на что уже указали Ф. Кеппен (Bibliographia Zoologica Rossica, Bd. I, S. 418) и В. Кордт (Чужоземні подорожні, Киев, 1926, стр. 131). Впервые их напечатал по подлинной рукописи Доббина J. Chr. v. Hennin, в приложении к изданным им путешествиям Арнольда Бранда („Reysen durch die Mark Brandenburg, Preussen, Churland etc. Wesel, 1702); ниже приводится полный русский перевод сочинения Доббина по этому изданию.

91. С. Бахрушин, op. cit. стр. 181—182.

92. Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 г.г. по донесениям Родеса, М. 1915, стр. 85. Любопытно, что еще Петр В. велел найти в Сибири шведов, знакомых с мореходством, которых хотел послать в Обдорск, где-бы они выстроили корабль для поездки в Камчатку (Голиков, Деяния Петра В., ч. IV, стр. 274. Müller, Sammlung Russ. Gesch. III, S. 101.

93. А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, П. 1917, стр. 159; Ср. также М. П. Пуцилло. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири, М. 1879, стр. 19 (1629 г.); 20, 21 (1628 г.) 44 (1675 г.); 53—54 (1697 г., присылка рудознатцев в Томск по совету Н. Витсена).

94. Дополн. к Акт. Ист. т. VI, №24; И. М. Кулишер, История русского народного хозяйства, т. II, М. 1925, стр. 246.

95. Чтения в Общ. Ист. Древн. 1904, I.

96. Müller, S. R. G., I, S. 202.

97. Андрею Виниусу многим обязана сибирская картография. Рейтенфельс пишет (1671—1673), что Виниус „начертил не так давно в главных чертах путь из Москвы на географической карте“ (Чт. Общ. Ист. Др. 1906 III, стр. 98). По мнению И. П. Козловского (Первые почты и первые почтмейстеры в московском государстве т. I, Варш. 1913, стр. 226, 202, 239) чертеж этот составлен Виниусом ок. 1667 г.; во всяком случае интересно, что им смогли впоследствии воспользоваться иностранцы. F. Duckmeyer (Korb's Diarium und Quellen die es ergänzen, Berl. 1909, Bd. I S. 128—132, 248) приводит из Амбергского архива интересные данные о дружеских сношениях Виниуса и австрийского посла в Москве в 1698 г. Хр. Гвариента, из которых видно, что „Виниус препроводил ему карту всей Сибири и не пожелал издавать ее иначе, как посвятив ему“. Чертежные работы Семена Ремезова также связаны с распоряжениями Виниуса.

IX.

98. Alw. Oppel, Terra incognita, Bremen, 1891; Edw. Heawood, A History of geographical discovery in XVI and XVII centuries, Cambridge 1912.

99. Так, напр., у Frank Holder, Russian expansion at the Pacific, Cleveland, 1914.

100. Сибирские летописи, СПб. 1908; А. Попов, Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции М. 1869, стр. 401.

101. С. Коллинз (1619—1670), лейб-медик царя Алексея Мих-ча, провел в Москве девять лет, приглашенный туда И. Гебдоном. Самюэля Коллинза, жившего в России, обычно смешивают с двумя его однофамильцами: Самюэлем Коллинзом (1618—1710), также учившимся в Оксфорде, Падуе и Кэмбридже, лейб-медиком английского короля и автором труда „A Systeme of Anatomy“ и Самюэлем Коллинзом (1617—1685), также англ. врачом. См. „Notes and Queries“ 2 series, X, 1860 Nr. 237 p. 42—43. Наиболее точные и подробные биогр. данные о нем: „Dict. of. Nat. Biogr.“, vol. XI, 1887, 375—376. Книга Коллинза-московского „The present State of Russia“ etc. появилась в 1671 г. в Лондоне (а не в 1667 г., как утверждает Аделунг), после смерти автора. Неисправные русские переводы ее даны А. Н. Полевым („Русск. Вестник“ 1841 № 9) и П. Киреевским („Чт. в Общ. Ист. Др.“ 1841 № 1). Ср. W. Graf, S. Collins'... Moscovitische Denkwürdigkeiten (Slavisch-Baltische Quellen und Forschungen, H. 4, Lpz. 1929). Относящаяся к Сибири часть книги Коллинза в русск. переводе и с комментариями будет помещена в следующем томе настоящей работы.

102. K. Thies. Entwicklung der Beurteilung u. Betrachtung der Naturvölker, Dresden, 1899, S. 17—19. Е. Кагаров, Нарис історії етнографії— „Етнограф. Вісник“ 1927 ч. 3 (Киев), стр. 7—22. Geoffroy Atkinson в книге „Les relations de voyages du XVII siècle et l'évolution des idées“ Paris (1927) подчеркивает важное значение путешествий XVII в. для развития идей в XVIII веке.

103. Th. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, München 1869, S. 221, f.f.; J. Chr. Adelung, Mithridates oder allg. Sprachenkunde, Berl. 1809 приводит материалы относительно первого знакомства европейцев с языками Сибири. О позднем развитии урало-алтайского языкознания см. O. Donner, Die Uralaltaische Sprachen, „Finnisch-Ugrische Forsch.“ Bd. I (1901), S. 128—129.

XIII ВЕК

I. ПЛАНО-КАРПИНИ | PLANO-CARPINI

(1246)

Джиованни дель Пьяно-Карпине или Плано-Карпини (согласно общеупотребительной латинизованной форме его имени) был главою первой европейской миссии, посланной к монголам папой Иннокентием IV с разведочными целями, вскоре же после вторжения их в Западную Европу (1241) (о причинах отправки в Восточную Азию этой и последующих миссий см. во введении к настоящей книге). Родившийся в Перуджии и принадлежавший к знатному итальянскому роду, Плано-Карпини был францисканским монахом,—одним из основателей этого ордена и спутником самого Франциска; до путешествия своего на восток он занимал ряд видных иерархических должностей в Германии, Испании (1230), затем опять в Германии (1241), и, если верить свидетельству Лоуренсо Португальского, был папским пенитенциарием (pœnitentiaribus ipsius). Во время путешествия, его сопровождали два других монаха-францисканца: Бенедикт Поляк, совершивший с ним весь путь в Монголию (о нем см. d'Avesac, Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Societé de Géographie. Paris 1839, t. IV, 2, p. 774—779), и Стефан из Богемии, воротившийся с дороги около Киева. Плано-Карпини проехал через южную Русь, Хорезм, Семиречье и Тарбагатай (подробнее маршрут его указан у Л. Берга. Аральское море. СПб. 1908, стр. 14—16) в Монголию, в 1246 году, во время воцарения нового „великого хана"— Гуюка, сына Угэдэя, и описал свой путь в латинской книге («Libellus historicus»...), сохранившейся в нескольких редакциях. Благополучное возвращение его из дальних странствований в Европу было настоящим событием, обеспечившим большой интерес к его сочинению. Папа выразил удовлетворение результатами его поездки и продержал его три месяца возле себя, слушая его рассказы, а затем назначил его архиепископом г. Антивары и митрополитом Далматинским; в этой должности Карпини и умер, вероятно в 1248 г. но во всяком случае не позже конца 1252 года (см. L. Wadding. Annales ordinis Minorum, Lyon, 1628, II, p. 4—5; 74—75, 104, 209, 247,

III p. 111—125. Итальянский хронист XIII в. Салимбене, видевший Плано-Карпини в ноябре 1247 г., дает ему следующую характеристику: „Это был человек достойный (familiaris), остроумный, образованный (litteratus), красноречивый и очень способный к разнообразным делам; он написал толстую книгу о том, что видел замечательного у татар и в других местах. Когда его утомляли вопросами на этот счет, он принимался читать эту книгу, что я и сам много раз и слышал и видел“ (d'Avesac, op. cit., p. 598; П. М. Бицилли. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века. Одесса, 1916, стр. 250). Сочинение Карпини состоит из двух частей; в первой дается характеристика страны монголов, их нравов, обычаев, истории; вторая представляет рассказ о совершенном им путешествии. По словам В. В. Бартольда (История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-ое, Лгр. 1925, стр. 68), „собранные Плано-Карпини в Монголии расспросные сведения об истории образования монгольской державы“, а также об ее территории и сопредельных странах, „не всегда отличались точностью и отчетливостью“, но тем не менее сочинение его дает очень много интересных данных исторического и этнографического характера о монголах и их соседях, что давно уже отмечено в специальных исследованиях (см. напр. Галсан Гомбоев. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини. „Труды Вост. Отд. Арх. Общ.“ т. IV, вып. I, стр. 236—248; «Mélanges Asiatiques» SPb. 1856, II, 641 sq.; Н. М. Ядринцев. Падшие царства и исчезнувшие народы. „Сибирский сборник“ 1891, I, стр. 30—31; „Восточное Обозрение“ 1886 № 15—16). В ставку монгольского хана Плано-Карпини ехал средне-азиатским путем, следовательно Сибири он не проезжал ни в ее западной, ни в восточной части. Отметим, кстати, что в издание русского перевода Плано-Карпини А. И. Малеина вкралась ошибка: выехав из земли черных китаев, пишет Карпини (стр. 51),—„мы нашли некое море, не очень большое, имя которого, так как мы не спросили о нем, нам неизвестно“; „некое море“, объясняет А. И. Малеин (стр. 186)— „Байкальское озеро“, между тем, путь Карпини лежал гораздо южнее, и на север до Байкала он не поднимался, что видно, впрочем, и из приложенной к русскому изданию карты его путешествия, с обозначением пройденного пути. Догадаться, что это за озеро, довольно трудно (различные предположения см. в названной ниже книге Rockhill'я p. 16, 150—160), но скорее всего это Ала-Куль. Однако в сочинении Карпини есть несколько данных о народах северной Азии, нынешней Сибири; он кратко рассказывает, например, о походах монголов против финно-угорских племен Приуралья, против самоедов, упоминает также о народе „кергис“, хотя, повидимому, как предполагает В. В. Бартольд (Киргизы, исторический очерк, Фрунзе, 1927, стр. 32), это название относится не к приенисейским киргизам, а к черкесам. Вообще, сведения, полученные Карпини о

жителях далекого севера, не отличаются ни отчетливостью, ни подробностью; он воспроизводит услышанные им восточные сказки, смешивая их с европейскими средневековыми преданиями, восходящими к античной литературе.

Сочинение Плано-Карпини давно известно в русской литературе. Первый перевод его вышел еще в 1795 г.: „Любопытнейшее путешествие монаха Жана дю План-Карпина, посыланного... к татарам. перев. с франц. А. М. СПб. 1795; 2-ое изд. 1800 (Ср. В. Сопиков-Рогожин. Опыт русской библиографии. ч. III, № 9193). В 1825 г. в Петербурге появился новый перевод, с латинского, Д. Языкова, открывший собою предполагавшуюся библиотеку исторических текстов: „Собрание путешествий к татарам"; это издание, до известной степени, сохраняет свое значение и доныне, благодаря параллельному с переводом воспроизведению латинского текста и своим комментариям. Лучшее русское издание: Иоанн де Плано-Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны; перевод А. И. Малеина. СПб. 1911. Из иностранных изданий важно, снабженное вступительной статьей, примечаниями и вариантами текста издание d'Avesac'a в серии: «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Societé de Géographie» t. IV (Paris, 1839): в значительной степени его заменило теперь английское издание, в котором дано сопоставление всех существующих рукописных и первопечатных текстов: «The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis as printed for the first time. Edited by C. Raymond Beazley, London, 1903. Много интересного материала, относящегося к сочинению Плано-Карпини, собрано также в комментариях Рокхилл'я к изданному им тексту Рубрука (Journey of W. de Rubruck, ed. by W. W. Rockhill. London, 1900). Отметим также новое немецкое издание: John de Plano-Carpini. Geschichte der Mongolen und Reisebericht, 1245—1247. Übersetzt und erläutert von F. Risch, Leipzig, 1930.

Фундаментальная библиотека Иркутского Гос. Университета обладает весьма интересным и еще неопубликованным фрагментом сочинения Плано-Карпини. Фрагмент этот в 1925 г. извлечен был В. С. Манассеиным из переплета книги, хранившейся некогда в библиотеке Иркутской духовной семинарии, куда она поступила, вероятно, еще в XVIII веке из Польши или из юго-западной России, вместе с другими книгами из собрания некоего Krolik'a. Впервые обследовал его М. А. Шангин. С внешней стороны рукопись представляет собою пергаменный лист, размером 29×23 см., потемневший и несколько потертый от времени и от долголетнего употребления его в качестве переплетной обертки; верхняя часть листа обрезана. Рукопись написана отчетливым готическим почерком XIV в., в два столбца, занимающих 23×16,5 см. Заглавные буквы разрисованы красной и синей краской. Этот случайно уцелевший обрывок большой рукописи содержит в себе VII-ую, VIII-ую и часть IX-ой главы первой части сочинения Карпини, публикуемой

обыкновенно под заглавием: „История монголов". Интерес ему придает то обстоятельство, что несмотря на обилие некогда существовавших списков его, до нашего времени их дошло только пять (d'Avesac, op. cit., p. 444—449; C. R. Beazley, The text and versions, Introduction, p. VII – XVIII). В одном из лучших списков сочинения,—рукописи Библиотеки Университета в Лейдене (Ms. № 104) конца XIII—нач. XIV в., принадлежавшей некогда Полю Пето (P. Petavius) и послуживший д'Авезаку основой для его издания, Плано-Карпини рассказывает (в других рукописях это место отсутствует), что вскоре по возвращении своем с Востока, он позволил любопытствовавшим снять несколько копий со своей автографической рукописи, еще не вполне отделанной: „поэтому, прибавляет он,—пусть никто не удивляется, найдя эту рукопись более подробной и более исправной, чем остальные, так как с тех пор, что я приобрел некоторый досуг, я пополнил, исправил и отделал ее в тех частях, где она была неполна (correximus aud plenum et perfecimus illa quae nondum erant completa) (d'Avesac, p. 445, 473). Рукопись Пето считалась самой лучшей по полноте и исправности текста до тех пор, пока в библиотеке Кэмбриджского Университета (Corpus Christi College, Ms., № 181) Бэзли не нашел еще более исправного и более древнего списка; эта ркп. написана тем-же почерком, что и т. наз. рукопись «D» сочинения Рубрука, сделана вероятно в конце XIII в., и, по всем видимостям, лишь несколькими годами старше ркп. Пето (см. C. R. Beazley, On a thiherto unexamined Manuscript of John de Plano Carpini. «Geographical Journal» 1902, December, extract, p. 2—3). Третьим дошедшим до нас списком сочинения является, так наз. Кольберовская рукопись (Ms. Colbert), написанная в середине XIV в. и хранящаяся в настоящее время в Национальной Библиотеке в Париже (Ms. Lat., № 2477): она является копией ранней, неисправленной автором редакции, но интерес ей придают, помимо внешних особенностей (чистота письма, отмеченные на полях против текста рубрики, отсутствующие в других ркп.), помещенные тут же: реляция Бенедикта Поляка и письмо хана Гуюка к папе Иннокентию IV. Важной рукописью является также ркп. Британского музея, поступившая туда в XVIII веке из знаменитого собрания лорда Лемлея (Lumley): составляя одно из сокровищ этого собрания еще XVI в., она была единственной, известной географам того времени, напр. Гэклюйту, который и напечатал ее в своих «Principal Navigations» (1598). Являясь довольно древней (время ее возникновения определяют между 1270 и 1330 гг.), она также как и Кольберовская, воспроизводит первую, неполную редакцию книги Плано-Карпини. Последней из известных в настоящее время рукописей является т. наз. ркп. Дюпюи (Dupuy Ms.) в Национальной Библиотеке в Париже, составляющая № 686 коллекции Жака Дюпюи; она имеет мало значения, т. к. представляет собою копию с печатного текста Гэк-

люйта, сделанную притом не ранее XVII века. Исходя из слов Плано-Карпини, приведенных выше, следует предполагать, что с его сочинения снято было больше копий, нежели те, которые имеются сейчас в нашем распоряжении. Не сохранились даже некоторые из тех рукописей, местонахождение которых заявлено было в печати: так, существовавшая еще в XVII в. ркп. монастырской библиотеки в г. Турнэ (Бельгия), о которой упоминает Antoine Sander (см. его Biblitheca Belgica Manuscripta, Insulis, 1641, I, p. 130). до нашего времени не дошла и опубликована не была. Тем интереснее нахождение в Иркутске еще неисследованного фрагмента этой книги. М. А. Шангин в ненапечатанной работе своей „К характеристике рукописных материалов фундаментальной библиотеки Иркутского Государственного Университета“ полагает, что Иркутская рукопись представляет собою „первоначальную редакцию, а не сокращение“, она,—пишет он „дает картину яркой самостоятельности традиции. Если мы примем во внимание, что наш текст происходит из Польши и вспомним о словах автора, то становится вполне вероятным, что Иркутский отрывок сохраняет нам хорошую традицию того первого издания Карпини, которое было списано у автора при проезде его через Польшу“. Изучая эту рукопись, я пришел, однако, к совершенно иным выводам. Около 1265 года известный компилятор XIII века Винцент из Бовэ (Vincentius Beluacensis, de Burgundia), воспользовался сочинением Плано-Карпини для своей исторической энциклопедии „Зерцало Истории“ («Speculum Historiale»), составляющей часть его громадного энциклопедического труда — «Speculum Majus» (см. о нем d'Avesac, p. 433—434; П. В. Владимиров. Великое Зерцало. Из истории русской переводной литературы XVII века. М. 1884, стр. 21—22). В 32-ой и последней книге „Зерцала“ Винцент поместил сочинение Карпини, отчасти в сокращенном, отчасти в пересказанном виде, но с добавлением некоторых новых подробностей, заимствованных из устных рассказов Симона де Сент-Кентэна. Из первой части сочинения Карпини Винцент сделал 16 глав, добавил к ним еще 15 глав из второй части, но совсем опустил вступление и эпилог. Насколько мы можем судить на основании небольшого отрывка, иркутская рукопись соответствует тексту Карпини именно в редакции Винцента де Бовэ, от слов: «statione fit, per quod extrahitur...» до слов «...veteri et novi Testamenti scripturam habent» (по изд. Beazley, p. 79—82). Вместе с огромным трудом Винцента эта редакция печаталась много раз с конца XV века (в Страсбурге и Нюренберге в 1483 г., в Венеции—в 1489, 1494 и 1591 гг., в Аугсбурге—в 1496, в Дуэ—1624 г.), однако иркутская рукопись писана не с печатного, но с рукописного текста „Зерцала“, притом не позже средины XIV века, и имеет несколько вариантов, которые следует учесть в установлении окончательного, исправного текста сочинения. Транскрипцию иркутского фрагмента,

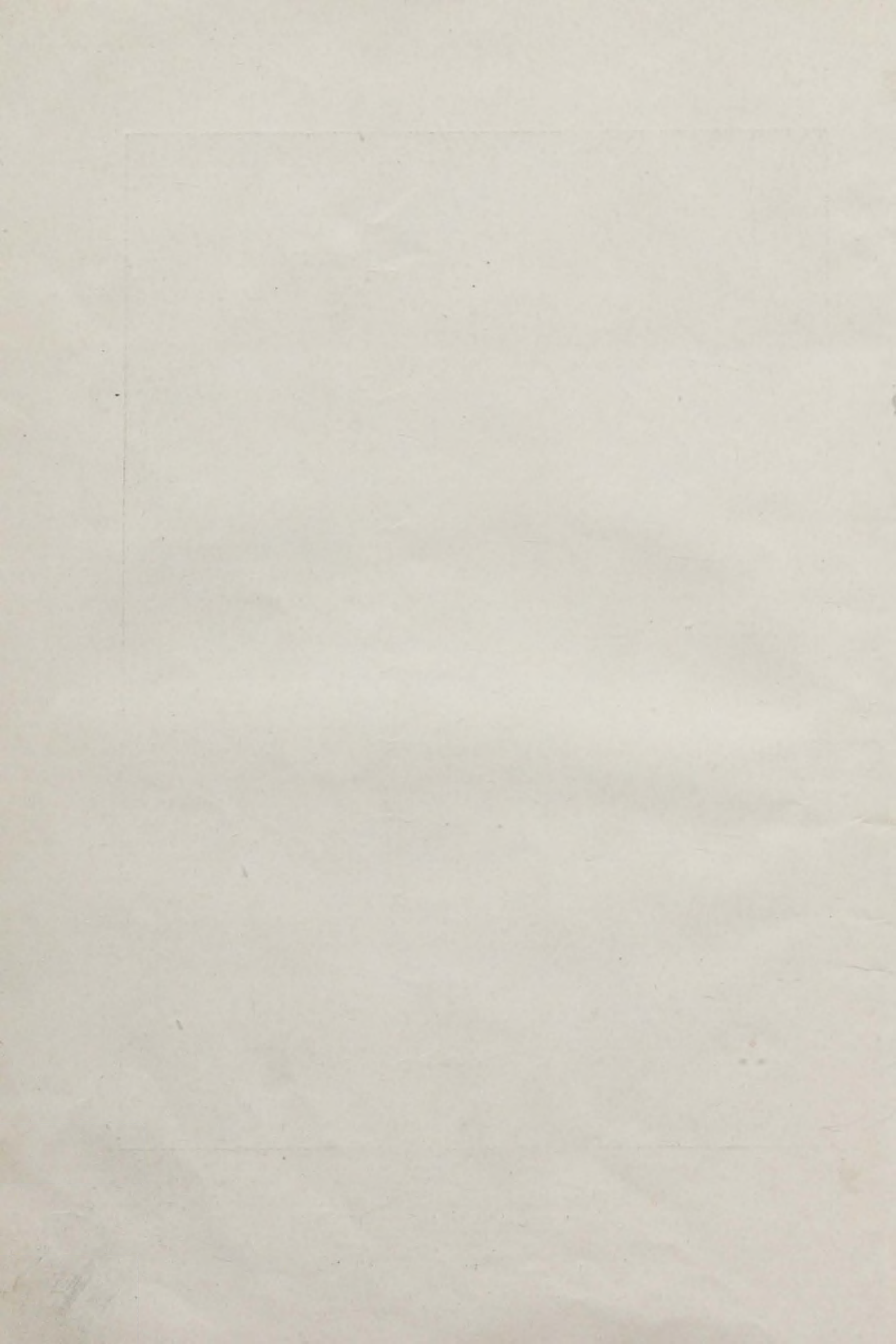
насколько это позволяет его, местами стершийся, текст, мы помещаем в Приложении I-ом к настоящей книге, вместе с русским его переводом, а для удобства проверки мы прилагаем и фотографический снимок с него (рис. 1).

Ниже, по переводу А. И. Малеина (СПб. 1911, гл. V, § III, VI, стр. 25—26), мы приводим отрывок из книги Плано-Карпини, в котором он, рассказывая о возвращении монголов из похода в Польшу и Венгрию (1242), говорит и о народах северной Азии, нынешней Сибири.

Возвратившись оттуда, они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их.

Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Пароситам, у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот. Они не едят мяса, но варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и впитывают дым, и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к Самогедам; а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли некиих чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо—как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

Рис. 1. Иркутский фрагмент „Истории монголов“ Плано-Карпини (рукопись XIV в.).



ПРИМЕЧАНИЯ

Возвратившись оттуда...] Речь идет о походе монголов на Польшу и Венгрию.

Мордванов..] in terram Morduanorum (в ркп. Британск. музея испорчено: Moydunanorum) т. е. мордвы. Древнейшие известия о приволжских мордвинах собраны в статье А. В. Маркова, Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии. в связи с вопросом о происхождении великорусского племени (Известия Тифлисских Высших Женских Курсов 1914, кн. I, вып. I, стр. 48—94). Ср. В. Н. Семенкович. Гелоны и мордва. М. 1913.

Билеров] Bileros, в других ркп. Billeros, Bylleros. Плано-Карпини имеет в виду черных булгар, жителей великой Булгарии, которых восточные историки и географы называли Belar, Bilâr (Абульфеда и Рашид-ад-дин). Абульфеда (нач. X в.), говоря о городе Болгаре в статье «Билар» полагает, что оба названия означают один и тот-же город. «Билар,—продолжает он далее,—находится на самом севере обитаемой земли и лежит в долине, на расстоянии одного дня пути от гор, немного к северо-востоку от Волги» (Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, хозарах, мадьярах и русских... Ибн-Даста, СПб. 1869, стр. 88—89, 108—109). По современным исследованиям г. Болгар был расположен недалеко от г. Казани на территории села Болгары (Успенское) в Спасском уезде (кантоне). И. Шпилевский. Древние восточные и другие булгаро-татарские памятники. Каз. 1877; П. А. Александров. Экскурсия к болгарским развалинам «Историч. Вестник» 1908, № 12, стр. 1073 сл.; М. Худяков. Развалины великого города. «Казанский Музейный Вестник» 1921, № 1—2, стр. 78—83. В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Каз. 1926; E. Breitschneider. Mediaeval Researches on east asiatic sources, Lond. 1888 vol. II, p. 82; Rubruk, ed. W. W. Rockhill. Lond, 1900, p. 21). Булгары, по Френу и Клапроту, представители восточно-финской ветви народов Европы (Ср. В. Ф. Смолин. К вопросу о происхождении народности Камско-Волжских Болгар. Разбор главнейших теорий Каз. 1921), обращены были в Ислам в 922 г; в 1223 г. было первое нашествие монгол в Булгарию, в 1236 г. страна их была покорена окончательно, столица разрушена в следующем году, когда и вся область присоединена была к Кипчаку. Ср. Библиографический указатель статей и изданий по вопросам, связанным с изучением Камско-Волжской Болгарии 1917—1928. Дом Татарской Культуры. Выставка Болгарских Древностей, Каз. 1929, стр. 19—29.

Баскарт, т. е. великой Венгрии] terra Bascart (в ркп. Брит. музея — Baschart) id est Hungariam Magnam. Плано Карпини три раза называет Башкирию «Великой Венгрией», а спутник его по путешествию Бенедикт Поляк говорит еще яснее: Bascurdos qui sunt antiqui Hungari. Рубрук называет ту-же страну Pascatir, а венгерские хронисты Bascardia (Венская Иллюстрированная хроника) или Barsatia (Симон из Кезы). Отождествление мадьяр (венгров) с башкирами, общее для европейских писателей XIII века, восходит к арабским и вообще мусульманским писателям, которые венгров называли башкирами — Bashkerds. Имя башкиров кажется впервые упоминается у Ибн-Фоцлана в описании посольства к булгарам на Волге в нач. X века (Fraehn. De Baschkiris quae memoriae prodita sunt ab Ibn—Fozlano et Jakuto, SPb. 1822, p. 62); мусульманские писатели знают также назв. мадьяр в форме «моджгар», но чаще называют их «башджард» (Абу-Зейд-эль-Балхи, ок. 951 г.) «басджерт» (Эдриси, ок. пол. XII в.), «бâшгирд», «бâш-джерд» «бâш-керд» (Якут, нач. XIII в); Ибн-Саид (ок. полов XIII в.) пишет «Бâшкерд», но знает также имя Hunkar, т. е. венгров, Димешки называет их «басхарт», «башкард» и т. д. (Сл. Д. А. Хвольсон, op. cit., стр. 103. 114); I. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Lpz. 1903. S. 69). Поэтому напрасно Rockhill (Rubruk, p. 12) говорит, что Плано-Карпини

«употребляет русскую форму имени Bashkurt». Русская летопись называет венгров уграми; правда в «Молении» Даниила Заточника встречается имя «бошкороде», которое А. И. Лященко (Историко-литературный сборник, посвящ. В. И. Срезневскому, Лгр. 1924, стр. 416—417) совершенно правильно переводит—венгры. В том же значении слово это было известно и румынам: boscorodi <* boszorkod (N. Draganu. Etimologii. «Dacoromania» vol. V, 1928) По новейшим исследованиям, слова Mazγar и Bazγard не только по смыслу, но и по происхождению своему зависят друг от друга («Ungarische Jahrbücher» 1928, VII, S. 445 и 1929, IX, S-121). Антропологические и этнографические данные также приводят нас к племенному родству современных нам мадьяр и башкиров. Еще путешественники XIII в. (напр. Рубрук) утверждали, что языки двух народов были одинаковы. Сами башкиры не знают своей родины, откуда они пришли. Появление их в Приуралье нужно относить к VIII—X в.в.; постепенно подвигаясь с востока на запад. башкиры заняли обширную территорию, границей которой на востоке была р. Тобол, на западе р. Кама, на севере б. Красноуфимский и Шадринский уезды Пермской губ., на юге Волга и киргизские степи. Отсюда именно, теснимая кочевниками, ушла на запад, в нынешнюю Венгрию, значительная масса их соплеменников. Остальная масса, оставшаяся на их общей некогда территории, постепенно утрачивала свои финно-угорские черты, и смешавшись с окружавшими их монголами и тюрками, в конце концов полностью слилась с последними. Отсюда название общей родины их—Великой Венгрией, которая находилась, как полагают между Волгой и Уральским хребтом. П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев. 1884, стр. 67—68; 187—188; Д. П. Никольский. Башкиры СПб. 1899, стр. 7—9; Никольский. Собрание исторических известий о народах Волги. Казань, 1919. Разбор сведений о «башкирах» у Плано-Карпини и Рубрука, сделанный Ст. Соммье, в русск. переводе см. «Записки Уральского О-ва Люб. Естествознания» XIII, I, стр. 24—25. См. еще С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. II, Лгр. 1925 (Зап Гос. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. XIII, вып. 2). Интересный разбор всех сохранившихся сведений о «Великой Венгрии» Приуралья дает E. Moór. Anschauungen von der Urheimat der Ungarn im Mittelalter und bei den Humanisten. «Ungar. Jahrbücher» 1928, VIII, S. 422—429.

К Пароситам] Несомненно имеются в виду какие-либо финские племена, жившие в области современной Перми и Вятки. Пароситов с давних пор пытались отождествить с бертасами или буртасами (так еще у G. Horn, Arca Noæ, sive Historia Imperium, Leyde, 1666, p. 254; А. Г. Туманский. «Буртас и Бертас» Изв. Тифлисск. В. Ж. Курсов 1914, I, вып. I, стр. 94—96); против этого основательные возражения выставил d'Avesac (op. cit., p. 492); он предложил, напротив, сопоставить их с упоминаемыми у Эдриси (ок. полов. XII в.), борасситами, и это мнение принял Beazley (op. cit., p. 285). А. И. Малеин замечает в комментарии к своему переводу: «Упоминание про дым объясняется тем, что они постоянно разводят его летом для удаления мух и комаров». Думаю, однако, что оно едва-ли имеет в основе реальный факт; здесь проще видеть модификацию одного из легендарных преданий о народах востока, как видно из последующего. хорошо известных Плано-Карпини; трудно только решить, в такой ли форме передано оно ему монголами, рассказывавшими о походе, или связалось у автора с воспоминаниями чтений классических авторов. Так, римский писатель середины III в. нашей эры Солин (Solini. Collectanae Rerum Memorabilium, recognovit Th. Mommsen, Berlin, 1864, I, 207—208), опираясь на авторитет Мегасфена. посла Селевка в Индию, одного из первых греков, который познакомил древнюю Грецию с этой страной, упоминает о живущем в Индии народе, который питается исключительно запахом диких яблок: подобный же рассказ есть и у Плиния (Mc. Crindle. Ancient India as described in classical literature. Being a collection of Greek and Latin textes relating to India. London, 1901, p. 83): «Они не имеют рта... и живут только воздухом и запахами, которые впитывают через носовые отверстия. Они не едят и не пьют, но во время путешествия, чтобы не

испытывать никакого недостатка в питании, носят с собою благоухающие корни, цветы и фрукты, которые они и нюхают; но слишком сильный запах, напротив, для них может легко сделаться смертельным» (H. O. Lenz, Zoologie der alten Griecher und Römer, Gotha 1856, S. 6, 13—14). Уже Страбон со ссылкой на того же Мегасфена, говорит, что рассказы его об Ἄστομοι, народе не имеющем рта и живущем запахами, есть ничто иное, как вымысел. и действительно это предание уже в древности вызвало литературную пародию. Однако, новейшие исследователи установили с полной несомненностью, что и Ктезий и Мегасфен свои рассказы о чудесах Индии черпали из уст персидских и индусских информаторов, которые пересказали грекам ряд сказок и легенд, имевшихся в индийской литературе, склонной вообще говоря к чудовищным вымыслам. Что касается «астомов», то хотя Шванбек и не нашел им соответствующей аналогии в индусских преданиях, но Эрвин Роде все же мог указать интересную параллель в начале книги Baitál Paetusi, где говорится о секте кающихся, висящих на одной ноге и услаждающих себя только запахом пищи (Erwin Rohde, Der Griechische Roman und seine Vorläufer², Lpz. 1900, S. 189—190, 206 Anm.); к одному из таких индусских рассказов, быть может в монгольской передаче, восходит указанный текст Плано-Карпини

К Самогедам] к Самоедам. «Сведения, сообщаемые Плано-Карпини о народах крайнего севера, недостаточно ясны, — замечает А. Оксенов. Рядом с такими вероятными известиями, как то, что самоеды XIII в. жили только звероловством, а шатры свои и одежду делали из звериных кож, у него даются слишком общие указания на места жительства разных северных народов, в том числе и самоедов, и в некоторых известиях об этих народах преобладает элемент баснословности» («Сношения Новгорода Великого с Югорской землей». «Литер. Сборник», изд. ред. «Восточного Обозрения» СПб. 1885, стр. 437). Однако, именно рассказ Карпини о самоедах принадлежит к числу наиболее интересных известий в приведенном у нас тексте, хотя бы уже потому, что это одно из первых упоминаний самоедов в западно-европейской литературе, впоследствии здесь столь популярных (Ср. Heinrich Winkler, Die Mongoloiden Völker Europas und die Basken, OA, I, 1910—1911, S. 171—175: Die Samojeden). Вероятно, именно свидетельство Плано-Карпини о походах монгол на самоедов позволило Фишеру, а затем и Кастрену высказать предположение, что первоначально самоеды жили где-то южнее, в Саянских горах или в верховьях Енисея, а затем были вытеснены оттуда. «Я не соглашаюсь, писал Фишер, с его (Страленберга) мнением, чтобы они (речь идет о самоедах по р. Кану и Мане) от Ледовитого моря переселились в южные страны, а наипаче думаю, что они древние и первоначальные жители средней части нынешней Сибири». «Самоеды..., боясь татар, а наипаче киргизов, которые нападают на них неприятельски, вышли оттуда к Ледовитому морю, а остальные приведены в рабство. Таким образом заняты, конечно, берега Ледовитого моря, которые иначе для ужасной стужи и совершенного неплодородия может быть вечно остались бы в запустении» (Сибирская история, СПб. 1774, стр. 74). Теория южного происхождения самоедов получила у нас большое распространение (Н. Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, Казань, 1866, стр. 34. Н. Костров, Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири. «Труды III-го международного съезда ориенталистов в Петербурге», СПб. 1879, стр. 10). В последнее время гипотеза эта сильно поколеблена; хотя она и очень «соблазнительна по своей простоте и естественности», но между тем «нет фактических данных, которые бы делали эту гипотезу не только бесспорной, но и условно приемлемой», пишет Н. Н. Козьмин (Туба. «Сибирск. Записки» 1918, № 4, стр. 4; ср. А. А. Жилинский. Крайний север Европейской России, Петр. 1919, стр. 174—176). Что касается монгольских набегов на местожительства самоедов, паросситов и других северных народов, то Beazley (op. cit., p. 285) находит их очень правдоподобными и ссылается при этом на Страленберга, Торфеуса и д'Оссона (Histoire des mongols II, p. 115—116, 619—629). В «Описании пути к татарам» Плано-Карпини еще раз перечисляет все

называемые им и в первой части северные народы, притом в той же последовательности: «С севера же, к Комании, непосредственно за Руссией, Мордванами и Билерами прилегают Баскарты, то есть Великая Венгрия, за Баскартами Паросситы и Самогеды, за Самогедами те, кто, как говорят, имеет собачье лицо, на берегах Океана, в пустынях» (перев. А. И. Малеина, стр. 50).

Нашли некиих чудовищ] Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб. 1819) видел в этом рассказе извращенные известия о моржах; d'Avesac (op. cit., p. 493) думал, что в них заключено какое-то воспоминание об исчезнувших народах, вытесненных самоедами, но всего вероятнее, что мы имеем здесь отзвук распространенных в средние века легенд о диковинных странах и чудовищных народах. Естественно, что подобные вымыслы охотнее всего локализовались в тех краях, которые всего дальше отстояли от Европы и были меньше всего доступны для путешественника.

Для греков такою страною была Индия, для средневекового европейца — земли далекого севера. В основе подобных рассказов могли лежать, кроме произвольных этимологических толкований, данные мифологии, этнографические факты, или такие известия, ключ к которым был потерян. Так можно объяснить популярные басни о волосатых людях, о людях с собачьими головами или с лицом на груди; последнюю еще немецкий писатель XVII в. Олеарий (см.) пытался объяснить своеобразным костюмом самоедов, сшитым из цельной шкуры и надеваемым поверх головы. Легенду о песиглавцах — кинокефалах можно проследить на европейском и азиатском фольклоре с древнейших времен до XVI в. Греческий врач Ктезий (V—IV вв. до нашей эры), живший при персидском дворе и собравший там баснословные известия об Индии, говорит: «рассказывают, что на горах Индии живут люди, имеющие голову пса; одежда их состоит из шкур диких зверей. Они не разговаривают, но лают, как собаки, и таким образом понимают друг друга. Зубы у них меньше, чем у псов, когти, как у собак, но только длиннее и круглее. . они, кроме лая, дают знаки, подобно глухонемым, руками и пальцами»; Плиний (I век) (VII, 2, 2), основываясь на упомянутом выше Мегасфене, также рассказывает, что в Индии «во многих горах живут люди с собачьими головами, которые одеваются в звериные шкуры, лают вместо того, чтобы говорить, имеют на ногах когти и питаются зверями и дичью». (Н. Баталин. Сказание об Индейском царстве, Воронеж, 1876, стр. 30—32; H. Lenz, op. cit., S. 13—14; Mc. Crindle, op. cit., p. 83 sq.). Вероятно зерном этого предания явился рассказ об обезьянах. Финские племена Европы представлялись арабским географам в виде весьма причудливых существ: они «произошли от людей и особых морских животных, и частью имеют маленькие глаза и маленькие рога; они голы, питаются морскими жовотными и пьют соленую и пресную воду (Ф. Вестберг. К анализу восточных источников. Ж. М. Нар. Просв. 1908, № 2, стр. 402). Ибн-Саид и пруссов называет «собако-лицыми» (Westberg, Zur Wanderung der Langobarden. Записки Акад. Наук, VIII серия, т. VI, № 5, СПб. 1904, стр. 5—10). О кинокефалах, как о народах Европы, рассказывает Адам Бременский (Weinhold, Die Polargegenden Europas nach Vorstellungen d. deutschen Mittelalters, Sitzungsber. d. Wien. Akademie, Bd. LXVIII, H. 4, S. 790—791). Уже по греческим преданиям кинокефалы жили и в Азиатской Скифии; так, родосец Симмий, в одном из своих стихотворений говорит о гипербореях — песиглавцах, что дало основание одному из немецких ученых (Aug. Gladisch. Die Hyperboreer und die alten Chinesen, eine historische Untersuchung. Ostrowo, 1866, S. 25—26) отождествить их с монголами, т. к. «их строение головы, с выдающимися по обеим сторонам скулами» могло дать повод для такой легенды. С описанием Ктезия вполне сходится рассказ латинского трактата «О чудовищах» («De Monstruis et belluis», издан по ркп. X века), где сказано, что «кинокефалы... родятся в Индии; у них голова пса; всякое слово, которое они выговаривают, перемешивают с лаем; употребляют сырое мясо; похожи они скорее на животных, чем на людей» (Berger de Xivrey, Traditions teratologiques, Paris, 1836, p. 67). Нередко кинокефалы изображаются на средневековых картах (напр.

на Герфордской и Эбсторфской картах: ок. 1290—1300 гг.), и упоминаются у средневековых путешественников: помимо Плано-Карпини о них рассказывает другой путешественник на восток — Одорик из Парденоне, который помещал этих чудовищ на острове Vacumeran или Nychoneran (Никобар?), а также компиляция, известная под именем путешествий Джона Мандевиля. Армянский историк Гайтон (Гейтум) также говорит, что около Китая живет народ, напоминающий

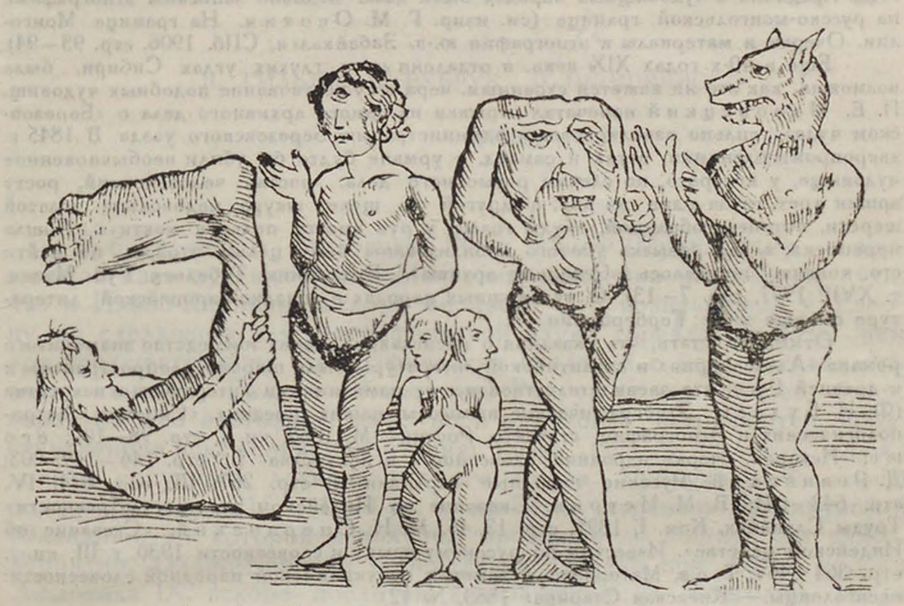


Рис. 2. «Некие чудовища» Восточной Азии
(Из «Космографии» Себ. Мюнстера, 1544).

собак (Ed. Dulaurier. Les mongols d'après les historiens Armeniens. «Journal Asiatique» V série, XI, 1858, p. 442). Henri Cordier в интересной статье: «Les monstres dans la légende et dans la nature. Nouvelles études sur les traditions teratologiques I. Les cynocéphales — «Revue des traditions» V (1890), p. 71—89, приводит весьма обширный материал, касающийся распространения этой легенды в Азии и Америке: так, напр., Айны чтут собаку, как своего предка; есть китайские легенды о людях—собаках (N. B. Dennys. The Folk-lore of China, and its affinities with of the Arian and Semitic Races, London and Honkong, 1876 p. 132—133). Рассказ исторического трактата династии Чеу (Kih Tcoung Tcheou Chou) о находящемся на Западе от Куен-Луна государстве собак находит соответствие в «Анналах пяти династий» (существовавших в Китае в X в.), где мы находим довольно подробное описание их: «Жители страны Кеу (т. е. собак) имеют тело человека, а голову собаки, длинные волосы, не носят одежд; их язык похож на собачий вой; все их жены имеют человеческий облик; они рожают мальчиков, которые становятся собаками, и девочек, которые становятся женщинами; потом они женятся и выходят замуж. Они живут в пещерах и едят все сырое» (A. Wylie, Chinese Literature, p. 23; F. Liebrecht. Zur Volkskunde. Heilbronn, 1883, S. 19—23; Nouveau Journ. Asiatique, vol. XII, p. 287—288; C. R. Beazley, op. cit., 280). H. Cordier (p. 85—86) приходит к следующим заключениям: «зародившаяся в Индии, легенда эта была разглашена поэмами

средневековья по всей Европе и широко распространилась по всем странам. И тем не менее она основана на действительном факте: антропоморфические чудовища были смешаны с людьми, и очень вероятно, что кинокефалы—обезьяны главным образом и дали толчок развитию веры в необыкновенные существа, которые человеческого имели только тело». Рассказ Плано-Карпини не оставляет сомнения в том, что источники его были не книжные, а устные («как нам говорили за верное»...); возможно, что мы имеем здесь отзвук указанных выше китайских легенд. Предания о чудовищных народах были даже недавно записаны этнографами на русско-монгольской границе (см. напр. Г. М. Осокин. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии ю.-з. Забайкалья, СПб. 1906, стр. 93—94).

Еще в 40-х годах XIX века, в отдаленных и глухих углах Сибири, была возможна, как это ни кажется странным, вера в существование подобных чудовищ. П. Е. Маковецкий напечатал отрывки из одного архивного дела о «Березовском чуде», сильно взволновавшем администрацию Березовского уезда. В 1845 г. зверопромышленники, остяк и самоед, в урмане будто бы убили необыкновенное чудовище, у которого, по словам розыскного дела: «постав человеческий, росту аршин трех, глаза один на лбу, а другой на щеке, шкура недовольно толстой шерсти, потонее соболиной, скулы голые, у рук вместо пальцев кокти»... Пошла переписка, а для розыска убитого мобилизованы были целые отряды, но найти его, конечно, не удалось («Северные архивы».—Ежегодник Тобольск. Губ. Музея. т. XVII, 1997, стр. 7—13). О чудовищных народах в западно-европейской литературе см. еще ниже: Герберштейн.

Отметим, кстати, что сказания о песиглавцах, через посредство знаменитого романа «Александрия» и византийской литературы были широко распространены и в древней Руси, что засвидетельствовано ее памятниками литературы и искусства (Ф. И. Буслаев, Этнографические вымыслы наших предков. «Сборник Антропологических и Этнографич. статей о России». М. 1868, кн. I, стр. 98—100; его же: «Историч. очерки народной словесности и искусства» II, стр. 146—149, 203; Д. Ровинский, Русские народные картинки II, стр. 267; III, стр. 674; IV, стр. 643—644; В. М. Истрин, Сказание об Индейском царстве. «Древности» Труды Славянск. Ком. I, 1895, стр. 13, 46. М. Н. Сперанский, «Сказание об Индейском царстве». Известия по русскому языку и словесности 1930, т. III, кн. 2, стр. 364-464; Т-ов, Материалы и заметки по украинской народной словесности: песиголовцы.—«Киевская Старина» 1883, № 12).

В Команию] В Половецкую землю.

II. ГИЛЬОМ ДЕ РУБРУК | G. DE RUBRUC

(1255)

Рубрук—посол Людовика IX к Мангу (Мункэ)-хану, совершивший свое путешествие в Монголию примерно по тому же пути, что и Плано-Карпини, вскоре же после его возвращения в Европу, но сделавший для географической науки гораздо больше, чем его предшественник. Биографических сведений о нем сохранилось очень немного. Гильом (Вильгельм) Рубрук (Rubruc; таково было, вероятно, его настоящее имя, но в рукописях встречаются, представляющие искажения, начертания: Rubroc, Rubruck, Ruysbroek и т. д.; доныне популярна латинизация его имени: Рубруквис—Rubruquis) родился между 1215 и 1220 гг. в одной из деревень французской Фландрии, от которой и получил прозвище «de Rubruc». Он видел, вероятно, Плано-Карпини и Бенедикта Поляка при дворе короля Людовика IX, вскоре после их возвращения из Монголии, когда они приехали в Париж в первой половине 1248 г. с поручениями от папы (L. Wadding, Annales Ordinis Minorum, III, p. 125), и эта встреча послужила первым толчком к его замыслам самому отправиться на восток. В этот период своей жизни, уже состоя францисканским монахом, Рубрук, вероятно, был довольно близок ко двору Людовика IX, т. к. он сопровождал его в шестом крестовом походе (1248) и, нужно думать, находился при нем в момент прибытия посольства от Ильчигидая в конце того же года, а также при отъезде ответной миссии Андрэ Лонжюмо («Andrieux de St. Jacques») к Ильчигидаю и хану Гуюку, в феврале 1249 г. (C. R. Beazley. The text and versions..., p. 304—305). Предполагают, что Рубрук зимою 1251—52 гг. виделся с Филиппом де Туси в Цезарее и слышал его рассказы о нравах команов (половцев) и дорогах, ведущих через их страну. Известно далее, что Рубрук принадлежал к братии францисканского монастыря в Акконе и находился там в момент назначения послом к монголам. Получив поручения от Людовика, Рубрук оставил его зимою 1252—1253 г., сделал довольно продолжительную остановку в Константинополе, затем уехал в Крым, откуда и начал свое путешествие на далекий восток в начале мая месяца

1253 года. Через Перекоп он отправился на Волгу, к лагерю хана Батыя; в конце 1253 г. дошел до Мункэ-хана, а в апреле 1254 г. был уже в Каракоруме—столице тогдашней Монголии; приблизительно в июне месяце он отправился обратно. О жизни Рубрука по его возвращении из путешествия мы знаем тоже очень мало: книга о путешествии написана им только через год, когда он находился в Триполи, в Сирии; о встречах с Рубруком рассказывает Роджер Бэкон (см.). Умер Рубрук около 1270 года. Биографические данные о нем собраны в книге Bar. Jules de St. Genois. Les voyageurs belges du 13-me et 14-me siècles 1846, p. 93—126; см. еще Joinville et Sarrasin, ed. F. Michel, Paris, 1867, p. 142—149, 150—152, 254—255; H. Herbst, полное заглавие книги ниже, S. XIX—XXVII; Beazley, p. 304 sq. Весь путь Рубрука прослежен и комментирован у d'Ohsson, Histoire des mongoles, Paris, 1834, t. II p. 183—309; F. v. Richthofen. China. Ergebnisse einer Reise, 1867 Bd. I, S. 601—604; Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et mongoles dès origines à 1405, Paris, 1896, p. 353—354, 355, 384—386, 392; C. R. Beazley. Dawn of Modern Geography, Lond. 1897, II, p. 278—279, 320—381; Franz Max Schmidt. Über Rubruk's Reise von 1253—1255; «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1885, XX, S. 217—255; извлечения из этой статьи в русском переводе с дополнениями см. „Восточное Обозрение“ 1886, № 15—16. „Сибирский Сборник“ СПб. 1891, I, стр. 31—33 и др.

Книга Рубрука принадлежит к числу очень важных географических сочинений позднего средневековья. Общепризнано мнение, что хотя она и не может итти в сравнение с книгой Марко Поло, но тем не менее „содержит в себе множество ценных наблюдений и замечаний“, и обо многом в первый раз поведала западному миру (F. Lessing в «Ostasiatische Zeitschrift» 1929, H. V, S. 231). Подобно Плано-Карпини, Рубрук не проезжал собственно Сибири, но в его сочинении также есть несколько известий о сибирских народах, притом более точных и подробных, чем у его предшественника: он говорит напр. о приенисейских киргизах, об оренгаях—урянхах, о некоторых племенах Забайкалья; в сопоставлении с другими известиями, особенно восточными, они приобретают несомненный интерес.

Книга Рубрука издавалась много раз. Одно из лучших иностранных изданий: «Journal of W. of Rubruck», ed. by W. W. Rockhill, Lond. 1900. Все важнейшие рукописи и первопечатные издания обследованы и частью опубликованы, с вариантами и конъектурами в упоминавшейся уже книге C. R. Beazley. The text and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, Lond. 1903. Недавно появилось немецкое издание: «Der Bericht des Franziskaners Wilh. de Rubruk über seine Reise in das innere Asiens i. d. Jahren 1235—1253. Erste vollständige Übersetzung aus dem lateinischen, hrsg. u. bearbeitet von H. Herbst. Lpz. 1925. Перевод латинского текста сделан удачно, но приложенный к нему коммен-

тарий (S. 179—200) основан, главным образом, на работах Рокхилля и Франца Шмидта, и не дает много нового (ср. рец. N. Poppe. «Asia Major» 1925. fasc. 3—4. S. 616—618). Прекрасный русский перевод сочинения Рубрука сделан А. И. Малеиным и напечатан вместе с переводом Плано-Карпини (СПб. 1911); приводимый ниже отрывок взят нами из этого перевода (гл. XXXIX, стр. 133—341).

От того места, где я нашел Мангу-хана, до Катайи было 20 дней пути в направлении к юго-востоку, а до Онанкеруле (Onan-Kerule), настоящей земли Моалов, где находится двор Хингиса, было 10 дней пути прямо на восток, и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы, по имени Су-Моал, т. е. Моалы вод, ибо су значит вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких. К северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени Керкисы (Kerkis). Живут там также Оренгаи (Orengai), которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильною быстротою, что ловят птиц и зверей. И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им это позволяет холод; на западе соприкасаются они с землею Паскатир (Pascatir), а это—Великая Венгрия, о которой я сказал вам выше. Предел северного угла неизвестен в силу больших холодов (terminus anguli aquilonaris ignoratur). Ибо там находятся вечные льды и снега. Я осведомлялся о чудовищных людях, о которых рассказывают Исидор и Солин. Татары говорили мне, что никогда не видели подобного, потому мы сильно недоумеваем, правда-ли это.

ПРИМЕЧАНИЯ

Онанкеруле] Страну монголов, расположенную на юг и юго-восток от Байкала, называли «Онон Керулэн», по имени двух главных рек—Онона и Керулэна. В другом месте своей книги Рубрук пишет: «Та земля, в которой они [моалы] были сперва, и где находится еще двор Хингиса, называют Онанкеруле» (русск. перев., стр. 94); «ему хотелось... чтобы мы проехали через Онанкеруле, т. е. через их собственную землю, в которой находится двор Хингис-хана» (Ibid., стр. 115). В близкой форме то-же имя называют и мусульманские писатели: Onan-ou-Keloran (W. Rockhill, Journal of W. de Rubruck, p. 116, 165, 196; Н. Н. Козьмин. К вопросу о времени расселения бурят около Байкала, Ирк. 1925, стр. 10, 12).

Земли моалов] Moal—излюбленная Рубруком форма имени монголов. W. Rockhill (op. cit., p. 112) полагает, что она находится в зависимости от формы, употребляемой в тюркских языках: Mogal; византийский историк Г. Па-

химерес (1255—1308) называет их „Μοογουλίους". Об имени «монгол» см. d'Ohsson, Hist. de mongoles I, p. 22; Beazley, The text and versions, p. 322. Плано-Карпини и Бенедикт Поляк от своих проводников до Волги (вероятно, русских) переняли форму Mongal.

Су—Моал] Объяснение Рубрука, что «су-моал» значит «монголы вод», можно считать правильным (Abel Rémusat, Recherches sur les langues tartares, p. 172; такое же толкование находим у Страленберга). Это то-же монгольское племя, которое называют и восточные историки: персидский писатель Вассаф (Абд - Алла ибн - Фадл-Алла - Вассаф)—су - Монгал; Абульфеда — су - моголь: вероятно его же китайские историки упоминают под именем: Shui-Mung-ku и Shui-Tha-tha. «Именно Су-монголы по преимуществу назывались татарами в отличие от великих монголов или собственно монголов» (Beazley, p. 274—275). Плано-Карпини также различает «су-монголов, т. е. водяных монголов» от «йека—монгал, т. е. великих монголов», сообщая при этом, что су-монголы «сами себя называли татарами от некоей реки, которая течет через их страну и называется Тартар». Н. Н Козьмин (К вопросу, стр. 20) предполагает возможность недоразумения в словах Карпини: «это племя могло называться «су-монгол» от некоей реки, а название татар иметь по другому поводу». Тот же исследователь полагает, что «в том ответвлении монголов, которое у Плано-Карпини и Рубрука называется су-монголы, а в китайских летописях анци-татар, промысловые, охотничьи татары», надо искать «основные элементы еще не сформировавшейся в эпоху Чингис хана бурятской народности» (Ibid., стр. 10—11).

Керкисы] Здесь имеются в виду киргизы. Китайские источники указывают нам, что тюркское племя керкисов известно уже с III в. нашей эры под различными именами (Kien k'un, K'ieh-ku или K'ü-wu), и что они жили там, где их помещает и Рубрук: к северу от северной Монголии, в верховьях Енисея и западнее Байкала; в конце VIII века китайцы называют их Kie-kia-ssu (хакасы) (Rockhill, p. 197—198). В половине VIII в. они подчинились китайцам, в 759 г.—уйгурам, но в следующем столетии керкисы низвергают власть уйгуров и занимают их территорию; властитель их получил от китайского императора титул хана (Ажо). Однако государство хакасов—кыргыз просуществовало недолго; «После утраты своего кратковременного могущества киргизы в течение более 5 веков упоминаются только на своей первоначальной родине—на Енисее, к северу от Саянского хребта» (В. В. Бартольд. Киргизы. Историч. очерк. Фрунзе, 1927, стр. 7; ср. Н. Н. Козьмин. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края, Ирк. 1925, стр. 11—13; Ю. Д. Талько-Грынцевич. Древние обитатели центральной Азии. С картой распределения народностей до XIII века. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского Отд. Р. Г. Общ. т. II, вып. 1—2, М. 1900, стр. 67—70; Beazley, The texts and versions, p. 311). Сведения о состоянии страны киргизов в к. XII и нач. XIII в. мы находим у Рашид-ад-дина и в китайской «Истории династии Юань» (Юань-ши). Сообщаемые ими данные, как впрочем и все, что известно о киргизах до этого времени, заставляет предполагать, что «до Рубрука доходили преувеличенные слухи о дикости киргиз; во всяком случае, приведенные у него известия могут быть отнесены только к енисейским киргизам; никаких указаний на то, чтобы киргизы в этот период жили в более южных местностях, мы у него не находим» (В. Бартольд, op. cit, p. 32—33).

Оренгаи] Имеются в виду урянхи, урянхайцы. Обыкновенно ссылаются на Рашид-ад-дина, который их называл лесными урянгитами; он говорит, что они живут в лесах, не имеют юрт, рогатого скота, кроме диких овец и животного, называемого hur, которое напоминает горного барана. Сведения об урянхах в литературе не отличаются согласованностью. Некоторые полагают, что урянхами монголы называли различные племена Восточной Сибири (Ritter, Erdkunde, II, Asien, S. 1139—1141, d'Ohsson, Histoire des mongoles,

I. p. 420—421). Катрмер (Quatremère) говорит, что оренгаи Рубрука и урянгиты Рашид-ад-дина это тот-же народ, который называли впоследствии: «оленные тунгусы» или орочоны (Notes et Extraits XIV, p. 274); другие считают их одним из монгольских племен (Талько-Гринцевич, op. cit, стр. 72); между тем они, вероятно, относились к тюркам. Иакинф говорит, что у Абулгази урянхайцы названы кергизами; считая это неточностью перевода или ошибкой переписчиков, он помещает урянхайцев в юго-восточной Монголии (История первых четырех ханов дома Чингис-ханова СПб., 1828, стр. 41, прим. 3). По Клапроту (Mémoires relatifs à l'Asie, I, p. 472) урянхайцы жили в северной части провинции Печили; на английской карте, приложенной к русск. изд. Плано-Карпини и Рубрука оренгаи показаны к востоку от Байкала. Н. Н. Козьмин (К вопросу о времени расселения бурят. Ирк. 1925, стр. 9—10) обращает, однако, внимание на то, что «все старинные известия о тубинцах и урянхаях весьма определенны и согласованы... Китайские летописи помещали их к западу от оз. Косогола, в нынешнем Урянхае; это племя занималось ловлей рыбы, птиц и зверей» (Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии, СПб., 1851, I, стр. 439). См. еще: «Die Urianchen am oberen Jenissei»—Zeitschr. des Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin VI, 1871, S. 459, O. Peschel—Ruge, Gesch. der Erdkunde, Münch. 1877, S. 169, Anm. 2; Fr. M. Schmidt. Über Rubruk's Reise—«Zeitschr. d. Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin» XX, 1885, S. 218—219; Rockhill, op. cit, p. 197—198.

Отполированные кости] т. е. лыжи. Особенно бросалась в глаза одна подробность их (урянхов—оренгаев) быта, замечает Н. Н. Козьмин (op. cit. стр. 9—10). «К ногам подвязывают лыжи, а под мышками упираются на клюки. При каждом упоре подаются шагов на 100 вперед чрезвычайно быстро» (Иакинф, Собрание сведений I, стр. 447—448); то-же самое сообщает и Рашид-ад-дин о лесных урянхах, живущих в пределах страны киргизов: «Так как в их стране много высоких гор и лесов, и снега бывают большие, то они часто зимой охотятся, привязывая к ногам ремнями доски, которые называют чана (лыжи), и, упирая шестом в снег, при помощи этих досок, они бегают, как будто сидя на быках» (Риттер, Землеведение Азии IV, СПб. 1877, стр. 668—669).

Землею Паскатир] То-же, что и terra Bascart Плано-Карпини; (см. выше, стр. 9).

Предел северного угла неизвестен] Rockhill (op. cit., стр. 199) отказывается объяснить это выражение с картографической точки зрения, но полагает, впрочем, что речь идет о северо-восточном угле Азии.

Я осведомился о чудовищах или чудовищных людях] «В рассказах Рубрука,—менее чем у Плано-Карпини и Марко Поло, имеется примесь фантастического, результат той тенденции мистифицировать иноземца, которая была у русских, уйгурских и др. рассказчиков, снабжавших сведениями монаха посла», замечает Н. Н. Козьмин (op. cit., стр. 20). Заключительные слова этой фразы Рубрука («Мы сильно недоумеваем, правда-ли это»...) могли бы подать повод к заключению, что он, вообще говоря, не верит подобным рассказам; однако, это не так; через несколько строк он рассказывает о человекоподобных существах, называемых «хин-хин», и о стране, в которой всякий, входящий туда, становится бессмертным (китайские источники этих рассказов названы у Rockhill, op. cit., p. 200). Действительно, вера в существование подобных диковинок, была в средние века общераспространенной. Подчинение авторитету церкви, придерживавшейся латинского языка, который становился все более чуждым населению (что замыкало доступ к античной литературе) и религиозный идеализм, были благодарной почвой для развития фантастических сказаний о мире и населяющих его людях. Античные легенды о центаврах, циклопах, кинокефалах, амазонках, лемнах, (безголовых существах, имевших лицо на груди) и т. д. ожили теперь вновь в весьма причудливой форме. «Лишь немногие из отцов церкви неповинны в том,

что они так или иначе не способствовали возрождению подобных химер», замечает Маринелли. Упоминаемый и Рубруком Исидор Севильский верил в кинокефалов; с этим не спорил и блаж. Августин. Вуттке рассказывает о характерном для IX века споре между священниками Ратрамом и Римбертом по вопросу о существовании кинокефалов. В их существовании не сомневались Павел Диакон, историк лангобардов (De Gestis Langobard. I. 11) и Адам Бременский; последний рассказывал также и о людях, имеющих лицо на груди, и все это несмотря на то, что уже классические писатели, напр. Страбон, не верили в подобные сказки (G. Marinelli, Die Erdkunde bei den Kirchenvättern. Deutsch von L. Neumann. Lpz. 1884, S. 34—35; H. Wuttke. Zur Geschichte der Erdkunde im letzten Drittel des Mittelalters. Dresden, 1871). Сл. выше в прим. к слову «Парosситы» Плано-Карпини (стр. 10).

Исидор] Имеется в виду Исидор Севильский (ок. 570—636 года), автор знаменитых «Этимологий» («Etymologiarum Libri XX»), представляющих ранний образец впоследствии очень распространенных средневековых энциклопедий. В этой книге,—в которой, кстати сказать, впервые для средневекового человека были раскрыты различные области античной науки,—ученый испанский епископ трактует о всевозможных предметах, представлениях и понятиях с этимологической точки зрения. «Этимологии» Исидора еще в эпоху Рубрука считались кладезем премудрости и источником знания; по словам Beazley (The text and versions, p. 324, 315, 327), книга эта была даже основным источником географических сведений Рубрука. В ней Исидор говорит, между прочим: «Мы слышали о чудовищных физиономиях народа, живущего в отдаленных восточных краях; иные не имеют носов, лицо у них плоское и бесформенное, у других верхние губы столь выпячены, что они спят, закрываясь ими от солнечных лучей; иные, наконец, говорят, лишены дара речи и объясняются знаками». (J. P. Migne. Patrologiae cursus completus, etc, vol. LXXXII, 1850. XI, 411; Rockhill, op. cit, p. 12, 36, 196). Об Исидоре см. A. Schmeckel. Die positive Philosophie in ihrer geschichtlichen Entwicklung, Bd. II, Isidorus von Sevilla, 1914, а также новейшую работу Johann Sofer. Lateinisches und Romanisches aus den Etymologiae des Isidorus von Sevilla, Göttingen, 1930.

Солин] Римский писатель Гай Юлий Солин (Solinus, середина III в. нашей эры), автор книги: «Собрание достойных упоминания вещей» («Collectanea rerum memorabilium»), своеобразной энциклопедии, в которой внимание обращено, главным образом, на различные феномены природы. Книга эта очень ценилась в средние века; цитата из нее приведена была выше (стр. 10).

III. РОДЖЕР БЭКОН | ROGER BACON

(1265)

Роджер Бэкон — гениальный английский ученый XIII века (ок. 1214—1295). Происходя из богатой рыцарской семьи, Бэкон родился в Соммерсетшире, учился в Оксфордском университете, а затем в Парижской Сорбонне. В Париже, бывшем тогда центром средневековой науки, Бэкон прожил тринадцать лет, затем вернулся в Оксфорд. Имев несчастье вступить монахом во францисканский орден, который по самому смыслу своему должен был препятствовать его научным занятиям, Бэкон поплатился за это многолетним заточением в монастырской тюрьме: около 1257 г. генерал ордена францисканцев прекратил его лекции в Оксфорде за то, что они резко расходились с учениями и методами церковно-схоластической науки и отдал его на десять лет под надзор ордена в Париж, не только подвергнув особо-суровому монастырскому режиму, но запретив даже читать и писать. Однако именно здесь, благодаря огромной силе воли, втайне от стражи и под страхом наказания, Бэкон одно за другим в течение 18 месяцев написал свои знаменитые труды „Большое", „Малое" и „Третье" сочинения («Opus Majus», «Opus Minus» и «Tertius»). Поводом к составлению их послужила надежда, что Гюи Фульк, избранный папой под именем Климента IV, облегчит его судьбу, ознакомившись с его научными взглядами; рукописи были отправлены папе под строгой тайной одним из преданных Бэкону друзей. Надежды его, однако, не оправдались. Климент IV скончался, и на папский престол вступил один из гонителей Бэкона—Григорий IX. Собравшийся в 1278 г. капитул ордена францисканцев осудил Бэкона за колдовство и еретичество и приговорил его к тюремному заключению, от которого он освободился только через 14 лет, уже дряхлым стариком; через два года Бэкон умер. Таким образом, вся жизнь Бэкона была страшной борьбой за право научной мысли. Жестокое преследование он навлек на себя не только резкими нападками на церковь и обличениями испорченности церковной иерархии, но также гениально-смелой критикой схоластической догмы и проповедью новой научной

методологии. Он пытался осветить мрак, царивший тогда в европейской науке и, по выражению Жюссерана, „предупреждая своего знаменитого однофамильца, классифицировал причины человеческого невежества".

Особенностью Роджера Бэкона была страсть к опыту и наблюдению. Отвлеченным логическим построениям схоластической философии своего века он все время противопоставлял изучение действительности экспериментальным путем. „Опыт,—писал он,— один дает настоящее и окончательное решение вопроса; этого не могут сделать ни „авторитет" (который не дает „понимания"), ни отвлеченное доказательство. Полезно и необходимо изучать также математику, которую ошибочно считают наукой трудной, а иногда даже и подозрительной, потому что она имела несчастье быть неизвестной отцам церкви". В своих сочинениях,—дошедших до нас неполностью и в неисправных списках, т. к. современники не могли оценить их, а его истинное значение понято было лишь много столетий спустя,—он обнял все области знания; «Opus Majus» представляет собою громадную энциклопедию, в которой собрано все, что мог знать средневековый человек. В одном из последних своих произведений, увидевшем свет только в середине XIX в. (Opera Inedita, London, 1859), Бэкон упоминает о возможности сделать различные изобретения: „водолазный колокол, порох, быстро ходящие без весел суда, повозку, которая подвигается с неимоверной скоростью без лошадей" и т. д. Бэкон горячо ратовал также за необходимость изучения иностранных языков, помимо интернационального научного языка своего времени—латинского, и сам изучил в Оксфордском Университете языки еврейский, греческий, арабский, что позволило ему не только овладеть античной литературой, но и воспользоваться данными высоко стоявшей средневековой арабской науки, еще почти неизвестной европейцам.

Вместе с современником своим Альбертом Великим (1193—1280), автором сочинения „О природе местностей" («De natura locorum»), Роджер Бэкон может считаться основателем новой географической науки. Оба они из сочинений арабов и античных географов впервые извлекли более или менее точное понятие о протяжении и форме южных и восточных берегов Азиатского материка. Возникшая на их глазах громадная монгольская держава, приковала их внимание и позволила распространить познания и на северные области Азии. Взорам средневекового географа открылись совершенно невиданные просторы, о которых он до сих пор не имел никакого представления. Христианство на долгие века закрыло глаза на внешний мир; европейские миссионеры V—VIII вв., так далеко заходившие на восток, не оставили об этом никаких известий. Бэкону приходилось еще доказывать в «Opus Majus», что „тот, кто не знает стран мира, не знает ни куда идет, ни чего домогается", и что для всех равно „необходимы познание нравов и образа жизни всех народов" (G. Marinelli,

Die Erdkunde bei den Kirchenvättern. Deutsch von L. Neumann, Lpz. 1884, S. 19). Сам Бэкон это познание свое извлек из античной и арабской литературы, а также из рассказов путешественников. В частности, для описания Азии он воспользовался реляциями европейских легатов к монгольским ханам. В Париже он познакомился с Рубруком («Opus Majus» ed. Bridges, Lond. 1897, I, p. 305, 354; O. Peschel—Ruge, Geschichte der Erdkunde, Berl. 1877, S. 165, Anm. 2), а может быть и с Плано-Карпини, на которого он также ссылается в своем труде. Заслуга Бэкона заключается в том, что их бесхитростные и во многом наивные рассказы он ввел в оборот научной литературы, дав связный географический очерк Азии на основании критического сопоставления новых данных, полученных опытным путем и всей существующей литературы. Между прочим, Бэкон был первым ученым, сделавшим опыт вычертить карту мира на основании идеи долгот и широт (O. Peschel, op. cit., S. 165).

Географическим вопросам посвящены 4-ая часть его „Большого сочинения“ (Opus Majus) и недошедшая до нашего времени „Книга о странах света“ (Liber de regionibus). Биограф Бэкона Emile Charles (Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines, Paris 1861, p. 276) не может надивиться глубине познаний его в этой области, обширности эрудиции и той трезвости и ясности мысли, с которой он вскрывает ошибки своих предшественников. Критикуя Птоломея и Плиния, пользуясь Саллюстием для описания Африки, Эгезиппом для рассказа о Палестине, Бэкон умело и осторожно заимствует данные у Рубрука и Плано-Карпини для характеристики средней и северной Азии. Беседы его с Рубруком убедили его в том, что представления античных и средневековых географов об этой стране очень ошибочны; так, напр. Бэкон замечает, что и Плиний и Исидор Севильский напрасно представляют себе Каспийское море в виде залива северного океана; заслуживающие доверия путешественники согласно утверждают, что это море образуется благодаря большому количеству вливающихся в него рек. На север от него есть земля, совершенно незнакомая писателям, жившим на юге Европы. Бэкон описывает Понт и Мэотиду (Черное и Азовское моря), реку Танаис, которая берет начало в Рифейских горах, ему известны, частью в классических названиях, приволжские народы (наряду с мордвинами он упоминает аримафеев, живущих неподалеку от Рифейских гор, которые во всем подобны приполярным жителям, гипербореям; еще далее встречается народ по имени Monel). Давая характеристику Комании,—половецкой земли, исторические судьбы которой так тесно связаны с Западной Сибирью, Бэкон останавливается далее на татарах, кара-китаях (Cara Cataya) и довольно подробно говорит о народах и землях средней Азии. Для своего времени этот географический очерк представлял, несомненно, много нового. Неудивительно, что английский географ конца XVI в. Ричард Гэклюйт включил в свой сборник путешествий («Principal navigations of english

nation», 1598) отрывок из труда Бэкона, относящийся как раз к северным областям Европы и Азии, несмотря даже на то, что, по его собственным словам, Бэкон был „историком, но не путешественником“ (S. Purchas, Hakluyts Posthumus, or Purchas, his Pilgrimes, vol. XI, Glasgow, 1906, p. 150—168). Конечно, данные Бэкона о северной Азии, будущей Сибири, не слишком обширны; он, напр., полагал, что страна, лежащая к востоку от северной части Рифейских гор, т. е. северо-восточное Приуралье, необитаема. Однако, при оценке этих данных не следует забывать, что они записаны кабинетным ученым в XIII веке, с трудом добывавшим книги, в суровой обстановке монастырской тюрьмы, лишившимся даже возможности живого общения с бывалыми путешественниками и собратьями по перу, что, наконец, труд его был полной географией мира, в которой, в интересах цельности, нельзя было уделить слишком много внимания рассказу об отдельных областях. Значение этого труда может быть понято только из сопоставления его с другими географическими трудами его времени. Как далеко вперед Бэкон ушел от них, показывает, например, карта мира, вычерченная в Англии ок. 1275 г. (т. наз. „Герфордская карта“). Источниками ее являются: Библия, искаженные данные древних географов, в той форме, в какой Орозий сделал их доступными средневековью, языческие и христианские легенды, бестиарии, гербарии и т. д.; не сделано ни одной попытки использовать данные новейших путешественников на восток. Каспийское море все еще является заливом северного океана, которой поглотил почти всю Сибирь; лишь на дальнем востоке изображены Самарканд и Сера (Ser-civitas). Сл. F. Richthofen, China I, S. 634; Santarem, Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie, vol. II, 1850, p. 288—434; W. L. Bewan, H. Philot, Havergal. Mediaeval Geography, an essay in illustration of the Hereford Mappa Mundi, Lond. 1874. О Бэконе см. еще E. Picavet. La science expérimentale au XIII s. en Occident, Paris, 1894. Вслед за Гэклюйтом и со ссылкой на него, отрывок из географической части «Opus Majus» во французском переводе напечатал P. Bergeron, Voyages en Asie faits principalement en XIII, XIV et XV s. La Haye, 1735, t. II, p. 4—22. (Полностью «Opus Majus» был издан впервые Джеббом в 1733 году). Пересказ его сделал J. Chr. Adelung, Geschichte der Schiffahrten und Versuche welche zur Entdeckung des Nordöstlichen Weges nach Japan und China von verschiedenen Nationen unternommen werden, Halle, 1768, § 48, S. 37—38. Приводимые ниже отрывки переведены с латинского подлинника, напечатанного в указанном выше издании «Hakluyts Posthumus», vol. XI, p. 161—162, но сверить их с текстом лучшего издания «Opus Majus»—Бриджса (Lond. 1897) мне, к сожалению, не удалось.

Каспийцы и гирканцы поселились на берегах этого моря [Каспия]. Поэтому Исидор и Плиний ошибаются вместе со всеми писателями запада, утверждающими, что это море происходит от Океана. Они впали в эту ошибку потому, что писали по слухам и не проверили этого на опыте.

* *
*

На север от Каспийского моря расположена пустынная страна, в которой живут татары: за ними же, идя по направлению к [Ледовитому] океану находится еще много северных областей; по этой то причине Каспийское море вовсе не является заливом океана, что, однако, утверждали столь многие писатели. Наблюдения [experientia], сделанные братом Вильгельмом и некоторыми другими лицами, заслуживающими доверия, указывают, что это море происходит не от океана, но образуется от впадения в него многих рек. Земля между Танаисом и Этилем принадлежала команам, которых называли канглы, но татары их покорили.

... По ту сторону Этиля находится третье княжество татарское, в котором татары истребили природных жителей, команы же сохранили прежнее имя канглов. Простирается же это княжество на восток от реки Этиля на расстояние четырех месяцев пути, если отправляться туда южной дорогой, если же через северные области,—то двух месяцев и десяти дней.

* *
*

Река Танаис берет свое начало в высоких горах, которые называются Рифеями; они, действительно, простираются к северу, потому что за ними не находят больше никакого народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Каспийцы и гирканцы] Каспийское море в древности носило название Гирканского моря (Mare Hyrcanum).

Исидор и Плиний] О них см. выше, стр. 12, 20.

Это море происходит от Океана] Представление о том, что Каспийское море является лишь заливом северного океана, в древности было всеобщим; мы находим его напр. у Патрокла, Эратосфена, Страбона и др. (H. Berger, Gesch. der wissenschaftliche Erdkunde der Griechen, II, S. 331, 395). Его усвоили себе и византийцы (Dieterich, Byzantinische Quellen zur Länder-und Völkerkunde, II, S. 30, 47, 124). «Не следует удивляться, пишет Маринелли, что Павел Орозий, Марциан Каппела, Исидор Севильский, Козьма Индикоплов и Иорнанд, быть может под влиянием господствовавшего тогда представления о четырех симметричных морских заливах, представляли себе и Каспий заливом северного моря;

удивительно только то, что это заблуждение держалось так долго» (G. Marinelli. Die Erdkunde bei den Kirchevättern. Deutsch von L. Neumann, Lpz. 1884, S. 9—11). Действительно, мы встречаем его у анонимного географа из Равенны, на меровингской карте библиотеки в Альби (VIII в.), в «Hormesta» короля Альфреда, у Бэды Достопочтенного, на англосаксонской карте мира X в., находящейся в Британском музее, на картах XI—XII вв., на так наз. Герфордской карте (XIII в.) и т. д.—одним словом, во всех важнейших географических памятниках средних веков.

Братом Вильгельмом] т. е. Рубруком.

Между Танаисом и Этилем] Доном и Волгой.

Команам] половцам. В византийских источниках половцы называются команами (встречается имя «куманы» и «куманская земля» и в русской летописи, Лаврент. спис., но, вероятно, под визант. влиянием),—словом, еще недостаточно объясненным; мусульмане называют их кыпчаками, последние в XII в. и позже связываются с другим народом, носящим название кангльі (см. рец. В. Е. Бартольда на труд J. Marquart'a: «Über das Volkstum der Komanen», 1914—в «Русск. Историч. Журнале» 1921, кн. 7, стр. 140, 142, 144, 149).

Имя канглов] Cangle. У Плано-Карпини страна канглов называется Terra Cangitarum.

Канглы некогда жили на запад от уйгуров и издревле назывались китайцами Кан или Кан-гюй, а в эпоху монгольской династии Кан-ли (E. Bretschneider, Notices of mediaeval Geography and History of Central and Western Asia. «Journal of the North-China branch of the Royal Asiatic Society» 1876, p. 147). Легендарные предания о канглах мы находим у Рашид-ад-дина (нач. XIV в.), который этимологизирует их имя от тюркск. слова «телега» (канклы—«тележники»), как их якобы прозвал мифический Угуз (Зап. И. Археол. Общ. т. XIV, 1858, стр. 18, 122—222; В. Радлов, в Зап. Акад. Наук, т. 72, кн. 1, СПб. 1893, стр. 2, 15).

в высоких горах, которые называются Рифеями]. В древней Греции существовало мнение, что, по аналогии с их собственной страной, все реки получают свое начало в горах. Вот почему на север от Понта Эвксинского (Черного моря) они тоже предполагали могущественный горный кряж, который назван был Рифеями, Рифейскими горами: Ῥῖπαι, Ῥιπαῖα ὄρη. Аристотель развил эту теорию, утверждая, что вышина гор, в которых начинаются источники, пропорциональна широте и полноводности образующихся из них рек; он связал это со старыми представлениями о том, что земля повышается к северу; таким образом, Рифейские горы помещены были на крайний север известной грекам земли (Paul Bolchert, Aristoteles Erdkunde von Asien und Lybien, Wittenberg, 1908, S. 5—6; Osc. Brenner, Nord-und Mitteleuropa in den Schriften der Alten, München 1877, S. 22). Однако, первоначально, вероятно, под Рифеями греки понимали просто горы, находящиеся на Север от Эллады,—Иллирийскую цепь, Апеннины, Альпийский хребет. Но еще Аристей из Проконнеса (о нем см. во введении к настоящей книге) назвал Рифейскими горами тот горный кряж, который находится в стране исседонов. Так как трудно определить местожительство этих исседонов по сведениям Аристея, которые сохранил нам Геродот, то исследователи приурочивали Рифейские горы греческих известий то к Тянь-Шаню, то к Алтаю, то к Уралу. Попытки этимологически объяснить название «Рифеи» из тибетского слова ri—wo, горы или из остяцкого rêp, холм, крутой берег, предложенного Шлецером и принятого Шафариком (Славянские Древности, т. I, ч. 3, стр. 202—205), отличаются искусственностью и в общем мало правдоподобны (W. Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden. I,—Sitzungsberichte d. Wiener Akademie, phil—hist.

Classe, 1888, S. 767). Большинство, однако, все же в Рифеях античных писателей видело Урал (И. Забелин, История русской жизни. М. 1876, т. I, стр. 276, 279; т. II, 1879, стр. 35; St. Sommier, Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni etc., Firenze, 1885, p. 271—272),—несмотря даже на то, что некоторые из писателей, напр. Маркиан, помещают свои Рифейские горы между Меотидским озером (Азовским морем) и Сарматским океаном (Балтийским морем), а другие ищут в них истоки Эридана, т. е. Западной Двины (так, напр., у Эвдокса), Дона-Танаиса (Этик, Плиний, Лукан) и даже Вислы... Эти колебания в определении их местоположения и несогласованность отдельных известий между собою проще всего объяснить недостаточной осведомленностью древних географов относительно земель северной и восточной Европы. Та-же неосведомленность отличала географов средних веков и Возрождения, которые полагались на античный географический авторитет и поэтому сами делали грубые ошибки. Такова была почва для возникновения знаменитого спора о Рифейских горах в начале XVI в. (об этом споре см. ниже во введении к текстам: Да-Колло, П. Иовия, Герберштейна и примечания к Р. Барберини). Следует, однако, заметить, что чем ближе подвигаемся мы к XVI веку, тем чаще под Рифейскими (и помещавшимися еще дальше на север за ними Гиперборейскими) горами понимали Уральский хребет; именно так понимает их и Р. Бэкон и Ю. П. Лэт, за ними—Да-Колло, Герберштейн и др.

IV. МАРКО ПОЛО | MARCO POLO

(ок. 1292 г.)

Марко Поло был одним из счастливейших путешественников конца средних веков, рассказы которого сыграли весьма важную роль в географической науке. В течение 24 лет (1271—1295) он прожил на Дальнем Востоке при дворах монгольских владетелей, повидал много стран и народов, а затем благополучно возвратился на родину. Жизнь его достаточно хорошо известна, и поэтому я напомню лишь важнейшие для последующего изложения факты его биографии. Марко Поло принадлежал к богатой патрицианской семье в Венеции, занимавшейся торговлей. Отец его Николай Поло со своим братом Маффео в 1254 году отправился в Константинополь, отсюда, с драгоценными камнями, — на Волгу: морем они благополучно добрались до Солдайи (Судака), а затем и до Болгара; отсюда, благодаря войне Барку-хана с его племянником, им пришлось искать кружного пути для возвращения домой, и через Укек (около Саратова) они отправились в Бухару, где получили предложение съездить еще дальше на восток — в Монгольскую столицу—Каракорум. Хан Кубилай принял их ласково и снарядил с ними посольство к папе. В 1269 г. они вернулись в Венецию и вскоре стали собираться в обратный путь, в Монголию. На этот раз Николай Поло взял с собою и сына Марко, выросшего в его отсутствие. Марко Поло был также ласково принят Кубилаем и, несмотря на свои молодые годы, сразу же заявил себя дельным и способным человеком. Он получил службу при ханском дворе, сумел быть полезным и нужным и, постепенно повышаясь в должности, приобрел, в конце-концов, место губернатора одной из самых богатых провинций государства. Различные даваемые ему поручения позволили Марко Поло, в составе различных миссий, объехать весь Китай с севера до юга; он принял участие в покорении монголами земель южнее Хуан-хэ, и имел также случай ознакомиться с отдельными провинциями Индии. Крайним северным пунктом, до которого доходил Марко—был Каракорум в северной Монголии. В 1295 году М. Поло вернулся в Венецию, к великому удивлению

родных и сограждан (отметим удачную популярную книгу П. К. Губера. Хождение на восток венецейского гостя Марко Поло, прозванного миллионщиком, Лгр. 1929, в которой находится его биография в подробном изложении, на основании рассказов самого Поло и его комментаторов).

„Сам Марко Поло,—замечает В. В. Бартольд,—не написал книги о своих путешествиях; его рассказы были записаны с его слов другими, причем только о первой по времени записи мы можем сказать, что она была сделана под диктовку самого путешественника". Через три года по возвращении своем в Венецию (в 1298 году) Поло принял участие в войне, разгоревшейся между соперничавшими итальянскими торговыми городами — Венецией и Генуей. Венецианский флот был разбит, Марко Поло, принимавший участие в битве на снаряженной им самим галере, попал в плен и был отвезен в Геную. Находясь здесь в тюрьме, Поло, на французском языке, бывшим в то время самым распространеным литературным языком во всей Европе, продиктовал рассказ о своих путешествиях товарищу по заключению—пизанцу Рустичиано; возможно, что эта запись впоследствии (1307) была просмотрена и проредактирована самим М. Поло. На французском языке эта, вероятно, первоначальная редакция книги сохранилась только в одной рукописи Парижской Национальной Библиотеки: авторитетный исследователь книги М. Поло—Генри Юль „доказывает, что мы в этом списке XIV века имеем возможно точное воспроизведение устного рассказа М. Поло, записанного в Генуе; на это указывает самый слог, сохранивший все черты непосредственного рассказа (отсутствие соразмерности, повторения, внезапные переходы от одного предмета к другому, возвращение к уже рассказанному для дополнения рассказа какой-нибудь забытой подробностью и т. п.), записанного со слов рассказчика и не подвергавшегося никакому просмотру" (В. Бартольд). Однако, язык этой рукописи плох—своеобразное ломбардо-французское наречие XIII в., в котором, кроме того, много искажений собственных имен, как записанных по слуху. Поэтому для исследователя приобретают значение другие рукописи той же книги, сохранившиеся в различных местах.

Вернувшись в Венецию из генуэзского плена (в 1299 г.), Марко Поло еще 25 лет прожил в своем родном городе и часто рассказывал о своих странствованиях по востоку. Записанные этим способом повествования возбудили к себе всеобщий интерес; стали появляться переводы их на различные языки. Таким образом, помимо основной редакции на французском языке, до нас дошло около 80-ти рукописей книги, тексты которых имеют значительные расхождения между собой и, по исследованиям Юля, распадаются на три группы: из наиболее верных отметим латинский перевод, сделанный еще при жизни Поло с итальянской копии доминаканцем из Болоньи Франческо Пипино, версию, отличающуюся „наибольшей полнотой

содержания и наибольшей обработанностью формы", которая напечатана во II томе Navigationi e viaggi (1559) Рамузио, несколько рукописей, восходящих к утраченному списку 1307 г., полученному одним французским рыцарем от самого М. Поло (по рукописям этой категории издал книгу Поло—Потье) и т. д. Благодаря неисправности и неясности основного текста, некоторое значение для установления правильного чтения имеют также ранние переводы его на другие романские языки, напр., португальский, сделанный Valentim'ом Fernandez'ом (этот перевод восходит к редакции Пипино и напечатан еще в 1502 г.; см. Max Böhme. Die grossen Reisensammlungen des 16 Jahrhunderts, Strassburg 1904, S. 6), а также испанский (El libro de Marco Polo... Nach Madrider Handschrift, hrsg. v. R. Stuebe, Leipz, 1902). Вообще о редакциях и рукописях книги см. предисловие В. В. Бартольда к русскому переводу И. П. Минаева, СПб. 1902, стр. IV—VIII.

Влияние книги М. Поло на европейскую науку было грандиозно, т. к. все его известия были „невероятной новостью для его современников", настолько впрочем, невероятной, что иные из его сограждан прямо готовы были признать в нем обманщика и лгуна. Тем не менее книга эта просветила не только многих географов, но также и коммерческих деятелей. Марко Поло показал Европе китайский компас; книга его не осталась без влияния на Христофора Колумба (сейчас можно считать доказанным, что Колумб читал М. Поло до своего первого путешествия и воспользовался рядом его данных; см. «El libro de Marco Polo... hrsg. v. R. Stuebe», Lpz. 1902, S. XXIII—XXVI); некоторые утверждают даже, что она оказала воздействие и на изобретение книгопечатания, т. к. Гуттенберг, женатый на венецианке, будто бы видел привезенные М. Поло китайские печатные доски (К. Скачков. О заслугах венецианца М. Поло по распространению географических познаний об Азии.—Изв. Русск. Геогр. Общ. 1865, № 11—12, стр. 207—226; с последним утверждением не согласен R. Schumann, Marco Polo, ein Weltreisender des XIII Jahrh., Berl. 1885, S. 29—30).

Однако наибольшее влияние оказал М. Поло все же на географические представления своего и последующих столетий; благодаря непосредственному воздействию его книги, картография XIV в. решительно порывает с традицией и при помощи данных, позаимствованных у Марко Поло и его предшественников, купцов и миссионеров, ездивших в среднюю и восточную Азию в XIII веке, совершенно видоизменяет очертания и географическую номенклатуру этой страны, до этих пор известной, главным образом, из античных писателей. Правда, влияние это сказывается не сразу: сначала на одной и той же карте самым причудливым образом соединяются старые легенды и вновь собранные факты; но последние,—по мере того как мы приближаемся к XV веку—заносятся на карты все в большем количестве; влияние рассказов

Марко Поло все сильнее чувствуется на картах Пьетро Висконти (1311 г.), Якобо Гастальди (A. E. Nordenskjöld. The influence of the «Travels of Marco Polo» on Jacobo Gastaldi's Maps of Asia.— «Geographical Journal» XVIII, 1899, p. 396—406; та же статья, в шведском подлиннике, в журнале «Ymer» XIX, 1899, p. 33—43), на Каталонской карте (1375); это влияние еще достаточно сильно в XV и XVI веках: на карте Фра-Мауро (1459), на карте всего света Герарда Меркатора (1569); на карту мира, изготовленную для французского короля Генриха II (1547—1559) нанесена Terre de Mongauoz (Монголия) — на запад от Serica Région; на отдаленном северо-востоке помещен le grand Cam и к западу от него Le Cathay; еще дальше к северу изображен северный олень со скачущим на нем всадником. По словам Рихтхофена, здесь нетрудно узнать „иллюстрацию разведок Марко Поло о Сибири" (F. v. Richthofen, China I, S. 662).

На Дальний Восток и возвращаясь оттуда, Марко Поло шел южными путями (туда—через Акру, Моссул, Багдад, Басру, Ормуз, Кирман, Сабзевар, Балх, Кашгар и т. д.; обратно через Ормуз, Кирман, Тавриз, оз. Гокча, Трапезунд), и, следовательно, Сибири не проезжал; однако он мог получить о ней некоторые сведения от персов и монголов. Действительно, хотя „Сибирь" им нигде не названа, но ее нетрудно узнать в тех главах сочинения, где описаны: страна Баргу, владения северного татарского владетеля Канчи и страна мрака. Уже писатели конца XVII и начале XVIII вв. не сомневались, что здесь описана именно Сибирь, и это вполне подтвердили и позднейшие исследования. При описании Сибири, на книгу М. Поло ссылался Шлейсинг (см. ниже); составители книги: «Der allerneuste Staat von Siberien» Nürnberg 1720, S. 11—14 также воспользовались этими данными. Хотя по мнению Миллера (Sammlung Russ. Gesch. I, S. 207—208) М. Поло более чем кто-либо из старых путешественников в своем описании „отступает от современного состояния татарских и сибирских краев", однако и А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири СПб. 1860, ч. I, отд. I, стр. 62) и Шренк (Reise nach d. Nordosten Europ. Russl. Th. II, Dorpat, 1854, S. 232—234) находят возможным признать это описание не только точным, но верным даже отчасти и для XIX века (замечания об изображении Сибири у М. Поло см. еще в статье: Ernst Schäfer, «Zur Erinnerung an Marco Polo», в «Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg» Bd. XV, H. I, 1899, S. 56—57). Правда, в определении того, какие именно местности Сибири можно разуметь в описаниях М. Поло, существуют большие разногласия; так, напр., „равнина Баргу" понимается то как Забайкалье, то как Приобский край, но тем не менее выдающееся историческое значение этих известий не подлежит никакому сомнению.

Существует большое количество изданий М. Поло (с 1477 г., когда в Нюренберге вышел немецкий перевод, сделанный с фран-

цузского подлинника — первое печатное издание путешествия). Библиография этих изданий, доведенная до 1902 года, приложена к одному из лучших комментированных изданий, — 3-му изданию Генри Юля (первое изд. вышло в 1860 г.), просмотренному и дополненному Анри Кордье: «The Book of Ser Marco Polo... Translated and edited, with notes by Sir Henry Yule, third ed., revised by... H. Cordier», 2 vols.; библиография помещена здесь во втором томе, на стр. 555—574; в нашей книге ниже, в примечаниях, ссылки делаются всюду на это издание. Другой библиографический указатель приложен к книге Кордье: «Centenaire de Marco Polo. Conférence faite le 18 décembre 1895 à la Sorbonne par Henri Cordier, Paris, 1896. Слабым местом обоих указанных работ, как, впрочем, и всех специальных иностранных библиографий, является русская научная литература; привожу поэтому указания на важнейшие из русских изданий М. Поло.

Первый русский перевод М. Поло намерен был сделать в 20-х гг., XIX в. Д. Д. Языков для своего „Собрания путешествий к татарам", остановившегося на издании Плано-Карпини; это намерение, однако, не осуществилось, хотя перевод уже был начат. Как сообщает К. А. Скачков, в 1848 году составился кружок ученых с целью продолжать труд Языкова, но им помешал „именно тот самый год, неблагоприятствовавший для всякого литературного предприятия" (Изв. Р. Г. Общ. 1875, I, № 11—12, стр. 211—212). В 1861 г. А. Н. Шемякин сделал перевод с немецкого комментированного издания А. Бюрка и К. Ф. Неймана (Die Reisen des Venezianers Marco Polo... mit einem Kommentar von A. Bürck. Nebst Zusätzen und Verbesserungen von K. F. Neumann, Leipzig, 1845) и напечатал его в „Чтениях в Общ. Ист. и Древн." (1861, III, IV; 1862, I, II, III, IV; отд. изд. 1863). Другой перевод вышел в 1873 г.: „Путешествие по Татарии и другим странам Востока венецианского дворянина М. Поло, прозванного Миллионером". 3 части, М. 1877 (первоначально напечатан в журнале: „Библиотека дешевая и общедоступная" 1873 №№ 1, 2, 3, 4). Этот перевод также сделан не с подлинника, рассчитан на широкого читателя и научного значения не имеет. Несмотря на то, что у нас были серьезные комментаторы М. Поло, своими исследованиями способствовавшие его изучению (Григорьев, Палладий, Ханыков и др.), но сколько-нибудь удовлетворительного издания этой классической книги у нас не было до появления в 1902 перевода И. П. Минаева. Этот ученый сделал его по французскому подлиннику, считая вместе с Юлем, что эта редакция является самой авторитетной, но к сожалению, не довел его до конца, т. к. предположенный им самостоятельный комментарий, для которого уже собирались материалы, остался невыполненным. Издавший перевод этот, после смерти Минаева, В. В. Бартольд, оставил его без изменений, сопроводив лишь краткими пояснениями преимущественно текстологического характера (Путеше-

ствие Марко Поло. Перевод старо-французского текста. Под редакцией В. В. Бартольда — „Записки Р. Г. Общ. по отд. этнографии“, т. XXVI, СПб. 1902); тем не менее, перевод этот имеет большое значение и может быть назван первым русским научным изданием М. Поло. „Простота и безыскусственность первоначальной редакции переданы переводчиком с неподражаемым мастерством“, замечает А. Н. Пыпин в рецензии на эту книгу („Вестник Европы“ 1902, № 7, стр. 380—382), однако, в противоположность Юлю, объединившему в своем издании разночтения различных рукописей в единый сборный текст, Минаев предпочел положить в основу своего перевода только старо-французский подлинник по парижской рукописи, дополняя его только в примечаниях вариантами из других рукописей. Благодаря этому, несмотря на авторитетность и мастерство перевода Минаева, его перевод не исключает необходимости справляться с другими изданиями, в которых приведены более полные редакции; отсутствие на русском языке подробного комментария, со ссылками на литературу вопроса, также заставляет обращаться к изданиям английским, французским и немецким. Важнейшими из них, кроме указанного выше издания Юля, следует признать французское издание Потье (Le livre de Marco Polo... par M. G. Pauthier, 1865, 2 vols.), немецкое издание Лемке (Reisen des Venezianers Marco Polo... Hrsg. Dr. Hans Lemke, Hamburg, 1907, I том серии: «Bibliothek wertvoller Memoiren»): оба издания использованы нами в комментариях. Новые издания М. Поло продолжают появляться. Популяризаторские цели преследует новое английское издание со вступительной статьей Masefield'а (Lond. 1927): оно воспроизводит текст старого английского перевода W. Marsden'а, сделанного по редакции Рамузио (Lond. 1818, 2-ое изд. 1854), и не вносит ничего нового в комментарий («La Géographie» 1927, № 3—4, p. 168—169); более важно издание: «The Most Noble and Famous Travels of Marco Polo, together with Travels of Nicolò de Conti. Edited from the translation of John Frampton, with introduction and notes by N. M. Penzer», Lond. 1929. Кажется, наиболее интересное из изданий последних лет вышло в Пекине в двух больших томах в 1924—1926 годах: «Le livre de Marco Polo... redigé en français sous la dictée de l'auteur en 1295 par Rusticien de Pise, revu et corrigé par M. Polo lui même en 1307, publié par G. Pauthier en 1867, traduit en français moderne et annoté d'après les sources chinoises par A.-J.-H. Charignon». Pékin, A. Nachbauer. Текстологического значения оно, вероятно не имеет, как перевод на современный французский язык, но комментарии Шариньона „по китайским источникам“ должны представлять интерес; к сожалению, этого издания мне видеть не пришлось. Нижеследующий текст приводится нами по переводу И. П. Минаева (гл. LXXI, стр. 92—93; гл. CCXVI—CCXVII, стр. 332—335), сверенному, однако, с изданиями Потье и 3-му изданию Юля—Кордье (вышедшему через

год после издания Минаева), которыми я и руководился, главным образом, составляя комментарий, но всюду стараясь заново привлечь плохо использованную ими русскую литературу вопроса.

ЗДЕСЬ ОПИСЫВАЕТСЯ РАВНИНА БАРГУ И РАЗНЫЕ ОБЫЧАИ НАРОДА

На север от Каракорона и от Алтая, от того места, где, как я рассказывал, хоронят татарских царей, есть равнина Баргу, тянется она на сорок дней. Народ тамошний дикий и зовется Мекри, занимаются скотоводством, много у них оленей; на оленях, скажу вам, они ездят. Нравы их и обычаи те-же, что и у татар; они великого хана. Ни хлеба, ни вина у них нет. Летом у них есть дичь, и они охотятся и на зверей и на птиц [Питаются также птицами; здесь много озер, прудов, болот: равнина эта на север граничит с морем Океаном. Птицы, когда линяют, так пребывают в этих местах. Когда же совсем оголеют, так не могут летать и их ловят тогда, сколько хотят. Едят также рыб]. Через сорок дней—море Океан; там же горы, где соколы-пилигримы вьют гнезда. Нет там, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птицы, а есть только одна птица, зовут ее Баргерлак; соколы ею кормятся; она с куропатку, а ножки, как у попугая, хвост, как у ласточки, летает быстро. Когда великому хану понадобятся такие соколы, он посылает за ними туда. В том море есть острова, где водятся соколы. Место то, скажу вам по правде, так далеко на север, что северная звезда остается позади, к югу. Птиц этих, что водятся на том острове, скажу вам еще, великое множество; у великого хана их столько, сколько он пожелает, и не думайте, чтобы те, которых приносят из христианских стран к Татарам, доставалися ему; тех несут в Левант, к Аргуну и к другим левантским князьям.

Рассказал вам все ясно об этой северной стране, что к морю Океану, а теперь поговорим о других областях и вернемся к великому хану.

ЗДЕСЬ ОПИСЫВАЕТСЯ СЕВЕРНЫЙ ЦАРЬ КАНЧИ

На севере, знайте, есть царь Канчи. Он Татарин, и все его подданные Татары; держатся они татарского закона, а закон этот дикий; но соблюдают они его также точно, как соблюдал Чингис-хан и другие истые Татары; делают они своего бога из войлока и называют его Натигай; делают ему и жену, называют двух богов Натигаем и его женой: говорят, что они боги земные и охраняют их скот, хлеба и все их земное добро. Они им молятся; когда едят что-нибудь вкусное, так мажут своим богам рты.

Живут они как звери. Царь их никому не подвластен, хотя он из роду Чингис-хана, то есть из имперского, и близкий родственник великого хана; у него нет ни городов, ни замков; живут они всегда по большим равнинам и долинам и в высоких горах [вар. „в равнинах и лесах той страны, которых чрезвычайно много"]. Питаются говядиною и молоком; хлеба у них нет никакого. У царя много народу, но он ни с кем не воюет, и мирно правит своим народом. Скотины у них много: верблюдов, коней, быков, овец и других животных. У них большие медведи, все белые и длиною в двадцать пядей. Есть тут лисицы, совсем черные и большие, и дикие ослы; много тут горностаев; из их шкур делаются дорогие шубы, о чем я вам рассказывал; мужская шуба стоит тысячу безантов. Белок обилие, и много фараоновых крыс, и все лето они ими питаются, потому что крысы очень жирны. Всякой дичины тут много; живут в местах диких и непроходимых. Еще у этого царя есть такие места, где никакая лошадь не пройдет; это страна, где много озер и ручейков; тут большой лед, трясины и грязь; лошади там не пройти. И эта дурная страна длится на тринадцать днищ, и каждый день есть стоянка, где пристают гонцы, что ходят по стране. На каждой стоянке до сорока больших собак немного поменьше осла, и эти собаки возят гонцов от стоянки к стоянке, от одного днища до другого, и, скажу вам, вот как: по всему этому пути, по льду да по грязи, лошади не могут итти; во все тринадцать дней дорога между двух гор, по большой долине, и все тут лед да грязь, как я вам говорил. И по этой то причине лошади не могут тут проходить, и телеги на колесах тут не пройдут; сделали они сани без колес, проходят они, не увязая, и по льду, и по грязи, и по трясине. Во многих наших странах есть сани; на них возят сено и солому зимою, когда много дождей и грязи. Сани они покрывают медвежью шкурою, и туда влезает гонец, возят их по шести больших собак, и собаки везут их прямо к стоянке, не сбиваясь с дороги, по льду и по грязи; и так ездят от стоянки до стоянки. А тот, кто сторожит стоянку, садится также в сани, погоняет собак и едет дорогою кратчайшею и лучшею. На другой стоянке, как приедут—собаки и сани уже готовы, и едут дальше; а те собаки, что привезли, возвращаются назад; и так каждый день ездят на собаках. Те, кто живут здесь в горах и долинах, большие охотники; ловят они много дорогих животных высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они соболей, горностаев, белок, ercolin [колонков (?), россомах (?)] черных лисиц и много других животных; из них они выделывают дорогие шубы, высокой цены. У них такой снаряд, который промаха не дает. — Скажу вам, от великого здешнего холода их дома под землею; а иногда [люди] живут и над землею.

О другом чем нечего говорить, поэтому пойдем отсюда и расскажем вам о стране, где всегда темнота.

ЗДЕСЬ ОПИСЫВАЕТСЯ ТЕМНАЯ СТРАНА

На север от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, так же, как у нас в сумерки. У жителей нет царя; живут они как звери; никому не подвластны. Татары приходят сюда, и вот как: приходят они сюда на жеребых кобылах, а жеребят оставляют на границе, чтобы кобылы возвращались к своим жеребятам; а знают они дорогу лучше людей. Так то приходят сюда татары на кобылах, как я вам сказал, а жеребят оставляют позади, и грабят они тут все, что находят, а когда награбят, возвращаются; кобылы идут к своим жеребятам, и знают оне хорошо свою дорогу. У этих людей множество мехов и очень дорогих; есть у них соболя очень дорогие, как я вам говорил, горностаи, белки, лисицы черные и много других мехов. Все они охотники, и просто удивительно, сколько мехов онн набирают. Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние меха; им носят они меха туда, где свет, там и продают, а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль. Люди эти, скажу вам, рослые и статные; они белые, без всякого румянца. Великая Россия, скажу вам, граничит с одной стороны с этой областью. О другом чем тут нечего говорить, а поэтому пойдем отсюда и расскажем вам прежде всего о России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Каракорон] Каракорум—столица древней Монголии. «Так как Каракорум есть местность, вокруг которой было их (монголов) первое приобретение, то они считают этот город за царственный и поблизости его выбирают своего хана» (Р у б р у к, русск. перев., стр. 94).

Равнина Баргу] И. П. Минаев в своем переводе (гл. LXXI, стр. 92—93) пишет «равнина Бангу», но в рукописях встречается: Baigu, Bangu, Burgi, Bachum и т. д. Юль (Book I, ch. LVI, p. 269—270) предпочитает чтение Б а р г у, и я ему следую. Вставка в нашем тексте в квадратных скобках сделана у нас по Рамузио; у Юля также вставка из Рамузио введена в текст, но она несколько отличается от приведенной. По замечанию В. В. Бартольда к переводу Минаева, страна Баргу— «ныне Забайкалье, где жил народ мергиты или меркиты». Так именно толковали это название Ю л ь и П а л л а д и й К а ф а р о в («Пояснения на путешествие Марко Поло по северному Китаю, по китайским источникам». Изв. ИРГО. т. XXXVIII, 1902, стр. 18—20), а до них еще Страленберг и д'Анвилль; «В монгольском тексте «Жизнеописания Чингисхана»,—пишет Палладий,—эта страна называется Б а р х у и Б а р х у ч ж и н ь; по справедливому сближению этого названия у Юля с нынешним Баргузин, н а д о б н о п о л а г а т ь, ч т о э т а с т р а н а б ы л а п р и Б а й к а л е. Что в Баргу были Меркиты, это подтверждается следующим указанием жизнеописания Чингисхана: «когда Чингисхан разбил врагов своих меркитов, последние бежали в Бархучжинь-токум»; токум означает «впадину, низменное место» по китайскому переводу 1381 года; таким образом Бархучжинь токум несомненно соответствует долине Баргу М. Поло». Комментируя известие о «стране Баргу или Баргуджин - Тукум» Рашид ад-дина (История монголов,

перев. И. Н. Березина, СПб. 1868, т. I ч. 2, стр. 66 и сл., 85—86, 142), Н. Н. Козьмин (К вопросу о времени расселения бурят около Байкала. Ирк. 1925, стр. 11—12) замечает: «очевидно, это была страна более обширная и населенная, чем область Баргузина и все Забайкалье. Под нею нужно подразумевать страну на восток от Селенги. Восточной ее границей должен был быть Хинганский хребет. В ее состав входил, если не совпадал с нею и «Онанкеруле» Рубрука. Это была самая северная страна из занятых монгольскими племенами»; тот же исследователь, однако, несколько ранее (op. cit., стр. 8 и 20, прим. 16) принимает приведенное выше мнение В. Бартольда, замечая лишь, что у Марко Поло границы страны, населенной мекритами «указаны с черезчур большим размахом». А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири. СПб. 1860, ч. I, отд. 1, стр. 62—63) обосновывал иное утверждение, которое и до него уже было высказано Бюрком и другими. Сопоставляя известия Марко Поло с картой мира Ортелиуса, Миддендорф писал: «так как в XVI веке истинный вид Азии был еще неизвестен, то и в этих картах мы находим только образчик того, как спутывались тогдашние картографы, стараясь извлечь из показаний М. Поло начертательный вид Азии. Алтай, о котором М. Поло в первый раз сообщил нам известие, поставлен на Запад от Таймырского края, хотя в подлежащих широтах, но волны Ледовитого моря почти омывают его подошвы. Как же ошибочны должны были быть понятия о тех странах глубокого севера, которые сам М. Поло упоминает только по слухам и расспросам! Так, при начале полуострова, похожего на Таймыр мы находим на картах болотистую равнину Bargu, под которой сам путешественник, кажется, разумел прежде всего Барабинскую степь, а потом, может быть и всю неизменность, расстилающуюся между реками Иртышом и Енисеем к Ледовитому морю». Далее Миддендорф прибавляет: «Так как эта равнина, по прямому выражению М. Поло находится к северу от Каракорона и от Алтая, то объяснение Бюрка (Die Reisen des Venezianers Marco Polo, 1845, S. 224, Anm. 188) надобно признать вполне основательным. Страленберг, гоняясь за созвучием с именем г. Баргузинска, ушел на запад к Байкалу (sic), д'Анвиль увлекся этой ошибкой, а Клапрот старался приискать для нее историческое основание. При всем том Нейман вовсе не прав, когда для поправки Бюрка... опять возвращается к монгольскому племени Баркут и к обитаемой им стране Баркучин близ Селенги. Могло быть, и даже очень вероятно, что племя Меркит, пораженкое Чингисом, переселилось с Иртыша в прибайкальские страны и таким образом здесь очутились жители страны Баргу, но М. Поло, под именем равнины Баргу во всяком случае разумел по преимуществу страну по р. Оби, которой нельзя не узнать в его метком описании». А. Оксенов также находит, что здесь «лучше, согласно с Миддендорфом, разуметь прежде всего Барабинскую степь, а затем, м. б. и всю неизменность между р. Иртышом, Обью и Енисеем к Ледовитому океану» («Сибирь до эпохи Ермака по сведениям западноевропейских писателей и путешественников» — «Томск. Губ. Ведом.» 1889, № 4).

Мекри] В рукописях: Mecri, Mescript, Mescut, Mescrist, Mecaci, Mecrith, Mecrit и т. д. По Юлю (I, 271—272) Мекриты —большое племя, жившее на юго-восток от Байкала. О мекритах сообщают также Плано-Карпини и Рубрук. D'Avesac (Recueil des voyages, etc. IV, 2, p. 534) думает, что все три путешественника имеют в виду кераитов. Что касается М. Поло, то Юль против этой идентификации. Кераиты (иначе хэрэ) были родственны меркитам (маркатам, морхис) и жили по р. Селенге, занимая часть восточного Урянхая, но их нельзя смешивать с мекритами, как это делает еще В. Бартольд (Марко Поло, перев. Минаева, стр. 92). «У Плано-Карпини они стоят рядом, но не смешиваются», замечает Н. Н. Козьмин (op. cit., стр. 8). По сведениям Карпини, Чингисхан, подчинив татар (су-монголов), использовал их силы против меркитов, «страна которых расположена возле земли татар»; «подвигаясь оттуда, он сразился против мекритов и покорил их также» (перевод А. Малеина, стр. 16). Скорее всего под мекритами нужно разуметь тунгусов, но не тюркское и не монгольское племя. Такую же догадку высказывает и Юль, впрочем отождествляя их с «лесными

урянгитами» Рашид-ад-дина, в которых он тоже склонен был видеть тунгусов, точнее—орочон (сл. выше, стр. 19); слова М. Поло «много озер и болот» Юль также совершенно произвольно толкует, как ясное указание на ландшафт между Якутском и Колымой, замечая при этом: «очевидно, что М. Поло получил сведения от очевидцев», и едва-ли удачно его рассказ об охоте и рыбной ловле поясняет цитатой из путешествия Врангеля, где последний говорит о природе и фауне Нижне-Колымска. Палладий (op. cit., стр. 18—19) заподозривает достоверность показания М. Поло, что меркиты жили в стране Баргу: «его нельзя принять безусловно: меркиты были у Байкала народом пришлым и первоначально принадлежали, по установленному монгольским текстом Юань-чао-ми-ши, разряду племен юрточных, т. е. кочевых или степных; между тем, в том же жизнеописании Чингисхана мы находим упоминание о народе Бархунь, принадлежавшем к разряду лесных племен и поэтому имеем основание предполагать Бархунь туземцами Баргу».

На оленях, скажу вам, они ездят]. В тексте Потье это любопытное указание пропущено. Интересный комментарий дает к нему А. Миддендорф: «Мартенс (Archiv f. Naturgeschichte 1858, I) сообщает, что Альберт Великий говорит о северном олене «equitant eum». В виде пояснения он прибавляет, что такая верховая езда на северных оленях» упоминается кое-где и у других старинных писателей, но, кажется, всегда ошибочно понималась, т. к. под ней должно разуметь обыкновенную езду в повозке на северных оленях». «В противоположность нынешним порядкам, верховая езда составляла некогда гораздо более общий способ путешествования, чем езда в повозке. Марсден, напр. (Travels of Marco Polo, Lond. 1818, p. 222) подобно Бюрку сомневается в том, что северные олени употреблялись иначе, как в упряжи, слово cavalcano поясняя опиской писца или ошибкой автора. Хотя Миддендорф и подтверждает, что «на всем севере Европы, равно как и материка северной Сибири, за р. Леной, различные небольшие народцы... употребляют северного оленя только в упряжи», по его же указанию и в области Тунгускиных гор и Станового хребта... олень служит первобытному человеку столько же вьючным, а вместе с тем и верховым животным» (Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, стр. 494).

Баргерлак] У Минаева—баргенлак, что едва-ли верно т. к. в рукописях чаще встречаются другие наименования, у Бартоли: bugherlac, у Потье: barguerlac, у Рамузио: Bargerlach. О том, какая птица здесь имеется в виду, было высказано несколько догадок. Юль (I, 272) посвящает этому слову большой комментарий. Он полагает, что здесь имеется в виду птица из семейства Pterocles (быть может «песчаная куропатка» или tetrao paradoxus Палласа, ныне известная под именем Syrrhaptes Pallasii). В словаре Zenker'a Юль нашел указание, что Bogurtlak (или Bagirthlak) на языке восточных тюрков называется kata. По мнению M. Gould'a—птица, о которой рассказывает М. Поло—Syrrhaptes. Главное затруднение такого отождествления в том, что по описанию М. Поло «ножки у него, как у попугая»; но у Syrrhaptes ноги также необычные, что заставляет китайцев говорить, что у этой птицы «ноги как у дракона». Родина Syrrhaptes—Алтай, киргизские степи и местности вокруг Байкала, а также северный Китай. Рисунок и описание этой птицы см. у Radde, Reisen im Süden von Ost—Sibirien, Bd. II, S. 294; А. Миддендорф, Путешествие ч. II, стр. 247, 454—455, 464. По мнению Миддендорфа Марко Поло под именем баргерлака имеет ввиду белую куропатку (Lagopus albus) (Путешествие, ч. I, отд. 1, стр. 63 прим.; т. II, ч. 2, стр. 191). По поводу всего описания «равнины Баргу», в соответствии со своим приурочиваньем ее к низменности между Иртышом и Енисеем, Миддендорф говорит: «Мастерскою рукою, немногими, но меткими чертами изображает Марко Поло и страну и ее кочевых обитателей в том самом роде жизни, какой они ведут и доселе. Множество озер и болот, полных рыбой и дичью; соседство океана, убой облинялой дичи; порода оленей, употребляемых для верховой езды и вместе в пищу, за

неимением ни хлеба, ни вина; переселение птиц и зверей на зиму, по причине невыразимой стужи; соколы-голубятники и белые куропатки, хотя последние описаны не довольно ясно: все это очаровывает знатока Сибири поразительной верностью изображения. Все это и теперь так, точно также, как было за 800 лет, и надо удивляться, как в горах, близких к океану, в которых водится много коршунов и соколов—голубятников, давно не признали северного Урала» (op. cit., I, ч. 1, стр. 63).

Когда великому хану понадобятся такие соколы]. Соколы были очень почитаемы в средние века и нередко служили предметом подарков между отдельными государями Европы и Азии. Среди подарков, которые Яков II, король арагонский послал Египетскому султану в 1314 г. мы находим трех белых соколов; киргизы также посылали соколов в подарок ханам Чингису и Кубилаю (Yule I, p. 273). Аделунг (Мейерберг, СПб. 1828, стр. 218), замечает, что «ловля, выучиванье и охота соколиная всегда были исключительным преимуществом и главнейшей забавою князей, а потому охота сия при всех дворах составляла важнейшую часть придворного штата и сопровождала их во всех походах. В лангобардских и франкских узаконениях, постановления, относящиеся до соколиной охоты, занимают место весьма важное». В Европе мало-по малу этот вкус изменился, но на востоке вплоть до XIX в. соколиная охота составляла любимую забаву. С востока она очень рано распространилась и на Руси; она упоминается уже в «Слове о полку Игоря», в начале XVI века Герберштейн застал ее в полном блеске при московском великокняжеском дворе; почетное место занимала она в обиходе ц. Алексея Михайловича (А д е л у н г. op. cit., стр. 219--231). Мейерберг (1663) в подписи к рисунку, изображающему сокола, замечает, что «птицы эти весьма уважаемы и дороги в России, так что получить их очень трудно, и платят за каждую по шестидесяти червонных. В. князь иногда дарит этими кречетами татарских и калмыцких князей, которые весьма любят этот род охоты».

В том море есть острова, где водятся соколы]. И. П. Минаев переводит: «где водятся к р е ч е т ы». Юль (I, p. 273) отказывается определить, о каких островах здесь идет речь. «Витсен,—пишет он (II, 656),—говорит о каком то острове в Татарском море, из которого получаются соколы, очевидно основываясь на китайской карте, но я ничего более об этом не знаю». Возможно, что Витсен основывался на карте И. Массы, у которого восточнее о. Вайгача отмечен маленький островок, носящий название: «Socolia loeda oft der Valken eylant», эта же «сокольи ладья (Socolia lowdia) или соколий остров», встречается в известиях англичан. Сл. ниже: Д ж. Л о г а н. А. М и д д е н д о р ф (Путеш. I, ч. I, стр. 63), в свою очередь, замечает: «Жаль, что нельзя дознаться, что именно разумеется под островом близ берега, откуда его ханское величество получал кречетов, сколько ему угодно: из мелких-ли островов или Вайгач, или даже Новая Земля?» Действительно, область распространения этих соколов настолько велика, что не дает возможности указать более точное приуроченье. А д е л у н г (op. cit., стр. 219) говорит, что соколы «в нашем отечестве находятся около Перми, Архангельска и по берегам Камы, но лучшие соколы ловятся на Уральских и Сибирских горах. Они бывают большею частью серые и пестрые, но между ними есть также и белые, которые считаются превосходнейшими. Таковые водятся большею частью в Восточной Сибири и Камчатке, и по силе и красоте своей предпочитаются исландским». А. М и д д е н д о р ф (op. cit., II, стр. 617—618) пишет: «Соколиная охота, столь обычная у кочевников южных степей, у киргизов и калмыков, не производится ни в тундрах, ни в области лесной растительности, хотя некогда именно север Сибири должен был доставлять множество соколов, требовавшихся ко дворам». На это мы находим указание и у Герберштейна, который говорит о северном Урале и Зауральи: «На этих горах гнездятся соколы (gyrfalken)... Между последними находятся белый вид с пестрыми крыльями, называемый H e r o d i i». Еще в XVII в. в Сибири существовали особые кречетники и помытчики, доставлявшие в Москву обученных соколов. Что касается слова к р е ч е т, употребленного в переводе

М. Поло И. Минаевым, то укажем прежде всего на рисунок сокола у Мейерберга, к которому сделана следующая подпись: «близ северного полюса, на горах, при реке Печоре, у Вайгачского пролива и на Новой Земле находятся эти птицы из породы соколиной, называемые по-русски кречетами, а по латыни: girofalcones... Птицы сии величиной с самых больших соколов, частью белые, частью дикого цвета» и т. д. Аделунгу (op. cit, стр. 294) происхождение названия кречет было неизвестно: «Многие полагают, говорит он,—что это слово татарское». В «Слове о полку Игоря» оно уже употребляется: «ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчине». Сл. ниже: П. Иовий.

К Аргуну] Владетель Леванта—Ильхан Аргун, монгольский владетель Персии. Подробные данные о нем собраны у Юля (см. M. Polo, Introduction, p. 23—24 и по указателю ко всей книге).

На севере... есть царь Канчи] В примечании к переводу И. П. Минаева В. В. Бартольд замечает (op. cit, стр. 332 прим. 2): «Речь идет о Кончи, владетеле восточной половины удела Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Кончи был внуком старшего сына Джучи, Орды. Главная ставка этих владетелей сначала находилась в северной части Семиречья, впоследствии была перенесена к низовьям Сыр-Дарьи». Таким образом, как будто Бартольд полагает, что описанная в гл. CCXVI («Здесь описывается северный царь Канчи») местность есть северная часть Семиречья, хотя в указателе местностей и городов той же книги для этой главы (стр. 354) указана Сибирь; такова действительно, старая комментаторская традиция, которая основывается на явно-северных чертах описанной здесь страны. Юль (II, p. 481) полагает, что имя владетеля написано Марко Поло неверно, т. к. было несколько ханов, носивших это имя, и что он спутал «северного царя (владетеля)» с тем сыном Орды, посольство которого к Шах-руху, он, вероятно, сам видел летом 1293 г. (I. Hammer-Purgstal, Geschichte der goldenen Horde, Pesth, 1840, S. 149, 249; I. Hammer, Geschichte der Ilchane. Darmstadt, 1842 I, S. 354, 403, II, 193: здесь он носит имя Kandschi; E. A. Parker, Kaunchis. «China Review» XIV, p. 359). Лерберг (Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб. 1819, стр. 42—45) приводя цитаты из этой главы, говорит: «Мы не можем долго оставаться в неизвестности о местоположении северных стран, о которых говорит М. Поло, о земле, так отличающейся угрюмою своею зимою, повозками, мехами и зверями. В то же время мы видим, что югорская земля, торговля пушным товаром, даже способ езды по сей земле в 13 веке, довольно были известны и южным азиатцам, у которых Марко Поло собирал свои известия». Составители книги: «Der allerneuste Staat von Siberien» etc. (Nürnberg, 1720, S. 11—14) замечали, что Сибирь легко узнать из этого рассказа М. Поло. «Нетрудно видеть, что описание страны хотя и довольно верно, но все же довольно несовершенно. И тем же менее, о ней не написано было ничего более полного до тех пор, пока она не стала принадлежать русскому государю. Почти невероятно, как это могло произойти». В. Н. Пигнатти («Искер». «Ежегодник Тобольск. Музея», т. XXV, 1915, стр. 29) также полагает, что хотя «прямого указания об Искере или Сибири у Марко Поло нет», но «эта местность, по смыслу описания и есть Иртышская Сибирь».

Натигай] В рукописях встречаются различные написания: Nacygai, Nachigai, Naagai, Nacigay и др. По мнению Юля (I, 257—258; сл. примечание Бартольда к переводу Минаева, стр. 88)—монгольское (или бурятское) Нугайт, Ногот, обозначающее, как и Онгот, Онгод (по Эрману: Ongotui)—низшее божество. Дорджи Банзаров (Черная вера или шаманство у монголов, СПб. 1891, стр. 17) полагает, что «натигай» Марко-Поло «может быть испорченное Itoga, бог земли», упоминаемый у Плано-Карпини. В «Пояснениях» Палладия (Изв. ИРГО, XXVIII, стр. 17—18) сказано: «понимать-ли это слово, как измененное онгот (у Юля) или как этугэн... равно трудно проверить старинными документами. Слово Онгон или Онгот я не мог отыскать в монгольск. тексте

Юань-чао-ми-ши; души отшедших отцов и предков называются в нем Екес, т. е. Великими, Вельможами; вероятно, онгон тунгузского, а не монгольского происхождения; название же Этугэн, в сказанном тексте, прилагается к земле только как к пространству. Надобно иметь в виду, что в недре шаманства не только существуют племенные и поместные различия, но также с течением времени и под влиянием буддизма могли произойти существенные и общие перемены, поэтому не совсем легко проверять древнее шаманство современным. К тому, что ученый Юль собрал и отчетливо изложил, по лучшим авторитетам, о тамошних ларях шаманских, я присоединю один новый вариант: «Дахуры и Барху (те и другие монгольского происхождения; живут в Барху, в северо-западной Маньчжурии) имеют в своих жилищах, по числу членов семейства мужского пола соломенные куклы, на которых нарисованы брови, глаза и рот; куклы до половины туловища одеты; когда кто помрет, то куклу выносят вон, если народится новый член, для него делают новую куклу; в день нового года приносят куклам жертвы и боятся тревожить их (передвигать и пр.), чтобы не навлечь на семейство болезней (Хэ-лун-цзян-вай-цзи)».

Тысячу безантов] По мнению Юля, М. Поло и другие средневековые авторы, под этим словом понимали арабский динар (ок. 5 р. золотом).

Много фараоновых крыс] Палладий в своих «Пояснениях» (op. cit. стр. 15) замечает: «В Монгольском жизнеописании Чингисхана (Юань-чао-ми-ши) упоминается два рода норожитных животных, употребляющихся монголами в пищу: тарбагат и кучугур». Вероятно имеется в виду водящийся в монгольских степях тарбаган, излюбленное кушанье монголов (ср. Pallas, Sammlung, I. S. 128). О «фараоновых крысах» упоминает и Рубрук.

Эти собаки возят гонцов от стоянки к стоянке] «Собаку, пишет А. Миддендорф, как одну из древнейших спутниц человеческого рода (ср. замечание А. Погодина, в Ж. М. Н. Пр. 1900, № 6, стр. 272) по всей вероятности уже рано заставляли быть также упряжным животным. В Европе однако-же она издавна, вероятно еще в доисторическое время, вытеснена лошадью, а дальше к северу, где лошадь была непригоднее, заменена северным оленем. Даже в нашем Остзейском крае выражение pennikorm (собачья ноша) вместо географической мили напоминает давно исчезнувший обычай выпрягать собак. В Сибири же собачья упряжь еще в историческое время была более распространена, чем теперь. (Путешествие, ч. II, стр. 519—520). По указанию Юля (II, p. 483), езда на собаках употребляется в настоящее время не южнее, чем на 61° 31′, но раньше употреблялась и между Двиной и Печорой. Действительно, к собачьей упряжи прибегло в 1499 г. русское войско в известном походе в Югорский край (Lehrberg, Untersuchungen, S. 17). Описывая «страну мраков», под которой следует, вероятно, разуметь Югорский край, арабский путешественник XIV в. Ибн-Батута (р. 1304— ум. 1377) пишет: «путешествие туда совершается не иначе, как на маленьких повозках, которые возят большие собаки; ибо в этой пустыне (везде) лед, на котором не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины; у собак же когти и ноги их держатся на льду. Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или около того, нагруженных его съестным, напитками и дровами, т. к. там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки. Путеводитель в этой земле—собака, которая побывала в ней уже много раз; цена ее доходит до 1000 динаров или около того. Повозка прикрепляется к ее шее; вместе с нею припрягаются (еще) три собаки. Это авангард, за которым следуют прочие собаки с повозками. Остановится он, и они останавливаются. Хозяин собаку и не бьет, и не ругает. Когда подается корм, то он кормит собак раньше людей, в противном же случае собака злится, убегает и оставляет хозяина своего на погибель. Совершив по этой пустыне 40 станций, путешественники делают привал «у мрака...» (Voyages d'Ibn-Batutah, par Defrémery et Sanguinetti, Paris 1885, vol. II, p. 399—400, ср. «Journal Asiatique» 1850, t. XVI, p. 50—75;

153—201; цитирую по русскому переводу В. Тизенгаузена, сделанному непосредственно с арабского подлинника в его книге: «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884, стр. 297; существуют и другие русские переводы указанного отрывка; с французского перевода Дефремери—Кн. Н. Кострова. «Страна мраков» арабского путешественника Ибн—Батуты. «Томские Губ. Ведомости» 1867, № 18, стр. 9—10; по английскому переводу С. Ли, 1829 то-же место перевел Н. Полевой в «Русском Вестнике» 1841, II, стр. 463—464). «С тех пор, как езду на собаках описал Марко Поло, замечает Миддендорф, эта езда очень стала обращать на себя внимание и повела к тому, что у некоторых писателей и географов говорилось о стране «Насобачье», как обозначение частей Восточной Сибири до Чукотской земли. Тому же Витсену (II, 426, 428) мы обязаны, однако, точным известием о том, что в его время далеко на севере, на Енисее, не было лошадей, а были только собаки» (Путешествие, ч. II, стр. 520).

Ловят они горностаев, соболей, белок и... (?)] В подлинном тексте это место читается:.. «Ce sunt gibeline, et ermin, et vair et ercolin et volpes noires» ed. Pauthier, 1865, II, p. 751). Трудность понимания этой фразы заключается в одном только слове ercolin, которое обычно оставляют без перевода. Pauthier в указанном месте слово это не объясняет, Минаев—не переводит; у Юля мы находим явно неудачную попытку к его истолкованию. Отметим прежде всего, что в различных рукописях и изданиях слово передается различно: Erculin; Ercolin; Arculin; Arcolino—у Рамузио (в цитате Аделунга, Krit.-lit. Übericht. I, S. 104 даже—Ascolin); у Пипино—Herculini. Юль (II, p. 483) замечает, что некоторые комментаторы предлагают видеть здесь какое-нибудь животное вроде горностая и белки, приносящее драгоценный мех, «но,—заключает он,—я не мог найти ни одного сходного названия никакого животного», впрочем тут же прибавляет, со ссылкой на Рубрука, что по созвучию имен здесь может иметься в виду Argali или—«Сибирский дикий баран». У Рубрука в указанном месте мы, действительно, читаем: «Оленей я там не видал, зайцев видел мало. Диких ослов я видел в большом количестве; они похожи на мулов. Видел я также другую породу животных, именуемых аркали; они имеют тело точно у барана, и рога, загнутые как у барана, но такой огромной величины, что одной рукой я едва мог поднять два рога». Под аркали здесь, очевидно, имеется в виду тур или каменный дикий баран (ovis argali), в различных монгольских и тюркских наречиях называемый: arkar, argar, arkal, (словарные материалы см. у K. Donner u. M. Räsänen, в «Journal de la Soc. Finno—Ougrienne» XLV, 2, Helsingfors 1931, S. 6—7), некогда водившийся в большом изобилии в южном Забайкалье и в Монголии, часто встречавшийся еще при Палласе (1772) на Одончалонском хребте, но затем совершенно здесь вымерший (см. Radde, Reisen im Süden von Ost—Sibirien, I, S. 229, 242; Beiträge z. Kentniss d. Russ. Reiches, Bd. XXIII, S. 434; А. Миддендорф, Путешествие, ч. II, стр. 70; Р. Маак. Путешествие на Амур СПб. 1859, стр. 112; Г. Потанин. Очерки северо-западной Монголии II, стр. 142; А. Черкасов, Записки охотника Восточной Сибири. СПб. 1884, стр. 547—548). Английский комментатор Рубрука вносит еще большую путаницу в этот вопрос, говоря, что argali Рубрука это то же животное, которое им в другом месте называется Culan или Khulan (The Journey of W. de Rubruk transl. and edited by W. W. Rockhill, Lond. 1900, p. 69). Дело в том, что под именем куланов Рубрук имеет в виду диких ослов, как они называются по монгольски (ср. Zeitschr. d. Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin XX, 1885, S. 172), и его кулан не имеет ничего общего ни с аркали, ни с ercolin Марко Поло, т. к. последний несомненно имел в виду (это видно по контексту) животное, доставляющее драгоценный мех. Ни дикие ослы, ни каменные бараны не могут итти в счет. Следовательно, значение слова ercolin остается невыясненным. Позволю себе поэтому привести несколько собственных догадок по этому вопросу, впрочем нисколько не претендуя на его окончательное решение.

У Марко Поло ercolin назван между горностаем, белкой и чернобурой лисицей. Поэтому необходимо подыскать сходное название еще одного животного,

мех которого идет на обработку и вывозится в качестве ценного товара. Таким зверьком мог быть сибирский хорек—*колонок* (Mustela Sibirica Pall). Паллас в своих «Neue Nordische Beiträge» (1796) Bd. VII, S. 213, среди меховых животных семейства хорьковых, называет и «*Mustela Sibirica*, Russ. *Kulonnoc*, mong. *Kulonn*». По справке у Голстунского (Монгольско-русский словарь, т. III, стр. 480) оказывается, что монгольское название колонка звучит несколько иначе, чем указывает Паллас,—*kurene*; однако русские промышленники от колонка отличали хорька—черногруда, *называющегося*—«курна», в общем чрезвычайно близкого к нему, и я не могу поручиться, что у Голстунского не спутаны оба этих сходных вида и названия, тем более, что с лингвистической точки зрения мена плавных «л» и «р» в народной речи вполне допустима как в русском, так, кажется, и в монгольском языках... Колонок всегда у нас предпочитался курне, «вероятно потому, что курна велика и шкурку ее нельзя подкрасить, чтобы променять простодушным китайцам вместо соболиной» (А. *Черкасов*, Записки охотника Восточной Сибири, стр. 322). Туземные сибирские названия колонка (некоторые приведены у Р. Маака, Путешествие на Амур, стр. 98), кроме монгольского, мало или совсем неупотребительны в торговле, имя же «колонок», благодаря экспорту этого меха, еще в ганзейское время перешло и в европейские языки, напр., в немецкий. Об этом свидетельствует Л. Х. *Штида* в статье: «О различных именах сортов меха в ганзейское время» (Труды IX Археологич. съезда в Вильне, Т. II, М. 1897, стр. 50; сл. *его же* прежнюю статью: «Über die Namen der Pelztiere und die Bezeichnungen der Pelzwerksorten zu Hansa—Zeit. «Altpreussische Monatschrift» Bd. 24 (1887), S. 617 ff.): «и теперь еще,—пишет он,—встречается в торговле русская куна, и разные сорта ее обозначаются различными именами. Вид Mustela Sibirica, напр., называется Kolinski. Этот вид куны называется по русски кулонок или колонок. Один из немецких писателей называет Must. Sib. словом Kolinka. В южной Германии и поныне скорняки называют норичьи меха Kolitzen. Очевидно, немецкие слова Kolinski и Kolitzen произошли от русского колонок». Колонок довольно близок к таким представителям вида Mustela, как соболь (Must. zibellina), горностай (Must. erminea), обыкновенная ласка (Must. vulgaris); естествоиспытателей конца XVIII века еще сильно затрудняло установление различий между горностаем и лаской, и напр., Бюффон усматривал их только в величине тела обоих зверьков и в окраске кончика их хвостов (E. A. W. *Zimmermann*. Geographische Geschichte des Menschen und der allg. verbreiteten vierfüssigen Thiere, Leipz. 1778, Bd. I, S. 243—247), нетрудно поэтому предположить, что сравнительно плохо разбиравшийся в названиях северных мехов европеец мог легко спутать их одно с другим, приняв, напр., монг. kurene за название куницы; последняя очень рано стала предметом вывоза из северных стран в страны востока и юга и упоминание ее наряду с соболем, горностаем и чернобурой лисицей было бы более чем естественно в устах Марко Поло. В качестве слабого косвенного подтверждения того вывода, что под именем ercolin, erculin Марко Поло мог понимать различных зверьков из рода Mustela, можно, пожалуй, обратить внимание на транскрипцию слова, слишком созвучного имени Геркулеса (в редакции Пипино вм. erculini стоит даже: Herculini) и предположить затем, не осмыслено-ли, не этимологизировано-ли М. Поло это название зверка по ассоциации с известной легендой *о ласке*, которая была невольной причиной рождения Геркулеса? (В. П. *Клингер*. Животное в античном и народном суеверии, Киев, 1911, стр. 180—181). На последнем предположении я, впрочем, не настаиваю.

Слова «ercolin» возможно, впрочем, объяснить и иначе, и такое объяснение, как мне кажется, также имеет за собою известную долю вероятия. Не говорит ли М. Поло *о россомахе* (Must. gulo)? В «Description générale de la Chine» Дюгальда 1736, t. IV, p. 34 говорится о животном choulon или chelason, которое автору кажется одним из видов рыси: «Мех этого животного очень ценится в Пекине, где из него делают tahou, т. е. шубы (surtouts), в которые одеваются; этот зверь величиною с волка; мех у него высокий, нежный и густой; он во множестве водится на границах Московии и в их землях, откуда меха прода-

ются к пекинскому двору». G. Cahen, Le livre de comptes de la caravane russe à Pékin en 1727—28, Paris, 1911, p. 104) затрудняется определить, о каком животном здесь идет речь; из всех, высказанных им предположений наиболее удачной кажется мне догадка, что это—россомаха (glouton). Старинное латинское название россомахи—gulo (W. Ludolf, Grammatica Russica, Oxonii, 1696 p. 95: «Rosomacha cui ob ingentem voracitatem nomen gulonis, germ. Vielfrass indere, vestes pelliceas valde durabiles suppedicat»; Страленберг, Historie der Reisen, Leipzig, s.a., S. 360—361: «gulo, по русски Rossomack, по немецки Vielfrass»). Не является, ли в таком случае, erculin Марко Поло испорченным латинским названием россомахи—gulo,—nis, названной у Дюгальда choulon? Интересно отметить, что в «Histoire généalogique des Taters», Leyde, 1726, p. 72, на которую ссылается Страленберг (op. cit., S. 319) смешаны по созвучию argara, argali и gulo. Страленбергу при описании каменного барана пришлось поэтому заметить: «это тот же зверь, который некогда у татар назывался Argara, nicht aber ein Vielfrass».

У них такой снаряд, который промаха не дает] В подлиннике: «Il ont lor engign qe ne escape elz nulle devant»; по переводу Юля (II, p. 483—484): «при ловле животных они употребляют капканы, от которых те не могут спастись». По всей Сибири ловля зверей капканами различного устройства, как известно, сильно распространена.

Их дома под землею] Юль (II, p. 483—484) замечает, что в этой главе описана Югрия, т. е. «очевидно страна остяков на Оби». «Остяки же употребляют, на время зимы, собственно говоря, не подземные жилища, но только обкладывают землею стены своих юрт. У якутов жилища расположены над землею, но бывают также и подземные; настоящие же подземные жилища мы встречаем у самоедов (ср. Klaproth, «Magasin Asiatique», II, p. 66)».

На север от этого царства есть темная страна]. В других редакциях весь этот абзац несколько более распространен; по тексту Рамузио солнце не показывалось «в течение большей части зимних месяцев»; в стране «стоят сумерки, вроде тех, какие бывают перед рассветом, когда вы и видите, и не видите», далее же говорится, что местные жители ловят зверей «летом, когда у них стоит день и свет». Между тем весь отрывок в целом внушает убеждение, что здесь говорится о постоянной тьме в этой стране. Задаваясь вопросом о том, как было в первоначальном тексте, и кому следует приписать ошибку,— Рустичиано-ли или самому М. Поло,—Юль (II, p. 485) склоняется к мысли, что виновником ее был Рустичиано и поэтому готов предпочесть старо-французскому тексту улучшенную редакцию Рамузио. Старо-французский текст напоминает ему туманные указания Плиния о северных странах (IV, 12: «pars mundi damnata a rerum naturâ et dansâ mersa caligine»; арктический день и ночь характеризованы Плинием также в IV, 16); Юль приводит также рассказ о «стране мрака» арабского путешественника Масáлак-ал-Абсара: «купцы не поднимаются (по Волге) выше Болгара, отсюда они совершают поездки через область Julman (предполагают, что имеется ввиду Прикамье). Из этой страны купцы проникают в Югру, которая находится на крайнем севере. За нею нет никаких следов жилья, кроме великой крепости, построенной Александром, за которой же нет ничего, кроме мрака». Когда рассказчика спросили, что он под этим разумеет, он отвечал: «это область пустынных гор, где всегда царят мороз и снег, где никогда не светит солнце нет ни растений, ни зверей Эти горы граничат с темным морем, над которым всегда идет дождь и стоит непроницаемый туман; само солнце никогда не показывается, и вся страна всегда покрыта снегом» («Notices et Extraits des MSS. de la Bibliothèque du Roy», Paris, XIII, 1, p. 285). К указанию Юля прибавим еще цитату из сочинения Ибнфадлаллаха Эломари: «Пути взоров по государствам разных стран» (нач. XIV в.), в котором тот также описывает страну мрака: «купцы булгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские

ездят от земель югорских, которые на окраине севера. Позади их (уже) нет поселений, кроме большой башни, построенной Искендером (Александром) на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а (находятся) только мраки. Спросили его: «что это у тебя за мраки?» Он сказал: пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вплоть до черного (темного) моря; там беспрерывный дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце. (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. т. I, СПб. 1884. стр. 240—241). О стране мраков довольно подробно рассказывает и Ибн—Батута (сл. выше, стр. 41). Что касается упоминаемой обоими арабскими писателями башни, якобы построенной Александром Македонским на границе «страны мрака», то, это указание восходит к арабским преданиям об Александре, яко бы построившем стену против вторжения варварских племен Яджуджей и Маджуджей, т. е. Гога и Магога (о ней см. исследование голландского арабиста De Goeje «De Muur van Gog en Magog» в «Verslagen en Mededeelingen der K. Akad. van Wetenschappen», Afd. Letterkunde, 3-de Reeks, Deel V, 1880, p. 24—110); в арабской литературе пользовалось популярностью «рисалэ»—«сказание» Селлама-толмача о путешествии его в X веке в страну мрака к этой стене и башне (В. Григорьев. Об арабском путешественнике Абу—Долефе Ж. М. Н. Пр. 1872, ч. CLXIII, стр. 23. О. Пантусов. Как далеко простирались сведения арабских географов в глубь средней Азии.—Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казанск. Университете, т. XXV, вып. 5, 1909, стр. 93—105).

Знают они дорогу лучше людей] Рассказ о кобылах и жеребятах, при помощи которых человек находит свою дорогу, относится к очень глубокой древности. Мы находим его уже в греческих легендах об Александре Македонском, записанных в книге т. наз. Псевдо-Каллисфена: здесь по случаю похода в «страну мраков» старый мудрец советует Александру поступить так, как это рассказано и у М. Поло, т. е. оставить жеребят позади и отправиться на кобылах, которые потом сами найдут обратную дорогу домой (см. Reliquia Arriani et scriptorum de rebus Alexandri M. Fragmenta... edidit Carolus Müller, Parisiis, 1846, p. 47=Pseudo—Callisthenes, lib. II, cap. XXXIV). Тот же рассказ мы находим в цикле легенд об Угузе, мифическом родоначальнике тюрков и татар, переданных историком Рашид-ад-дином. При походе в страну Кара-Хулун (т. е. страну мрака), Угуз, вместе с начальниками своего войска, оказался в большом затруднении: как найти в ней дорогу? Тогда мудрый старец Буши-Ходжа, через сына своего Кара-Зульча дал ему такой совет: «пусть он прикажет при входе во мрак привязать жеребят от четырех кобыл и девяти ослиц, их же самих погнать дальше. Когда они, после случки, захотят обратно, то и кобылы и ослицы из любви и нежности к своим жеребятам, а также благодаря их запаху, конечно вернутся к ним и не собьются с дороги». Угуз нашел этот совет весьма разумным, и так и сделал (F. Erdmann, Temudschin der Unnersch ütterliche. Leipzig, 1862, S. 478—479). Эрдманн, в свою очередь, в параллель к указанному рассказу, приводит также рассказ Тацита (Tacit. lib. V, hist.) о евреях, выведенных в пустыню и изнемогавших от жажды: «они ждали уже смерти, как вдруг стадо диких ослов проходит мимо них в направлении к утесу, расположенному среди густого леса. Моисей следует за ними и, заключая по свежести травы, что близ этого места должен быть источник, отыскивает его и указывает пришедшему в отчаянье народу» (Капефиг, История иудеев, перев. К. Пуговкина, изд. 2-е, СПб. 1846, т. I, стр. 78). Аналогичный переданному у М. Поло рассказ сохранен и у Иосиппона в пересказе Псевдо-Каллисфена и в позднейших армянских легендах об Александре. В Вавилонском Талмуде Александр беседует с мудрецами и спрашивает, как ему проникнуть в Африку. Те отвечают, что он будет остановлен горами мрака и советуют взять с собою ливийских мулиц, привыкших к темноте (I. Levi, La Légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch.—«Revue des études juives», 1883, № 13; А. Н. Веселовский. К вопросу об источниках сербской Александрии, Ж. М. Н. Пр. 1884, № 6, стр. 156—157;

166—167). Г. Н. Потанин (Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М. 1899, стр. 527—529) сопоставляет рассказ М. Поло с бурятским преданием о поколении Икинат (Зап. Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. Общ. по этн., т. I., вып. 2, стр. 91). Но аналогия кажется натянутой, а предположение, что М. Поло «мог записать легенду не в передней Азии, а в северной Монголии» кажется мне недоказанным.

Оттуда, где свет...] В подлиннике: «à la carte», ниже «à la cartes» Юль (II, p. 486), основываясь на латинском переводе (У Пипино: «Ad Lucis terras finitimas deferunt»...) считает это опиской вм. clarté. Это очень правдоподобно, потому что, в противном случае, фраза не имела бы смысла. О торговле в этой стране рассказывает Ибн-Батута: описав «немую торговлю» (сл. ниже: Герберштейн), он продолжает: «Горностай—лучший сорт мехов. В индийских землях шуба из него стоит 1000 динаров, т. е. по размену на наше золото 250 (динаров). Он чрезвычайно бел (и происходит) от шкуры маленького животного, длиною в пядень. Хвост у него длинный, и его оставляют на шубе в своем виде. Соболь ниже его; шуба из него стоит 400 динаров и меньше того. Одна из особенностей этих шкур та, что в них не забираются вши. Эмиры и вельможи китайские сплошь покрывают свои шубы вокруг шеи одною шкурою его (соболя). Также (поступают) купцы Персии и обоих Иранов» (В. Тизенгаузен, Сборник материалов, стр. 297—298). Об арабской меховой торговле с Сибирью, кроме устаревшего труда Stüwe. Die Handelszüge der Araber unter den Abbasiden durch Africa, Asien und Osteuropa, Berl. 1836 см. еще: Yates. Textrinum antiquorum, Lond. 1843, S. 145—145 (бобровые меха); G. Jacob. Der nordisch-baltische Handel der Araber, Lpz. 1887; S. 44—46, 110; его же: «Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern», Berl. 1891, S. 19 f., 25, 39 f.; его же «Die Waaren bei dem Arabisch—nordischen Verkehr im Mittelalter», Berl. 1891 и др.

Тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль]. «Торговля с отдаленными странами, с Россией и Китаем, доставляла купцам огромные выгоды, но была связана с значительным риском, т. к. товары на востоке всегда забирались в кредит: оттого временная приостановка торговли причиняла купцам огромный ущерб. Когда в год битвы при Калке «пресекся путь сообщения с южной Россией» и на короткое время прекратился привоз мехов лисиц, белок, бобров и других товаров, то этот факт имел для мусульман такое значение, что Ибн-ал-Асир особо отмечает его» (В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб. 1900, т. II, стр. 425).

Люди эти, скажу вам, рослые и статные]. В параллель к этому месту интересно провести свидетельство упомянутого выше Эломари, который, упоминая «земли сибирские и чулыманские», описывает «этих обитателей сердца севера» со слов купцов: «Несмотря на стесненную жизнь (их), говорил он, нет между (разными) родами рабов красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые» (В. Тизенгаузен, op. cit. стр. 239).

XV ВЕК

V. ИОГАНН ШИЛЬТБЕРГЕР | JOHANN SCHILTBERGER

(ок. 1410 г.)

Шильтбергер—баварский солдат, необыкновенную биографию которого мы знаем, главным образом, из оставленной им самим книги путешествий («Reisebuch»). Участник Никопольской битвы (28 сент. 1396 года), в которой он, в качестве оруженосца некоего баварского дворянина, бился в войсках венгерского короля Сигизмунда, Шильтбергер попал в плен к туркам; ему было в это время около 16 лет. Вместе с немногими пленными, оставленными победителями в живых, Шильтбергер отправлен был в турецкую крепость Бруссу, затем получил последовательно ряд должностей при султане Баязиде; предпринятые им попытки к бегству были неудачны. В качестве турецкого солдата, он принял участие во взятии Сивы, находился во вспомогательном войске, которое Баязид послал египетскому султану для подавления вспыхнувшего в Египте восстания и, вместе со своим повелителем, присутствовал, вероятно, при осаде турками Константинополя. В знаменитой битве при Ангоре (1402) турецкое владычество на востоке, как известно, было сломлено Тимуром (Тамерланом), и сам Баязид попал в плен. Как рассказывает Шильтбергер в 14-ой главе своей книги, он принужден был разделить его участь и дать увести себя на восток. После смерти Тимура (1405) Шильтбергер попал сначала к его сыну Шах-руху, владетелю Герата, который вскоре подарил его, как раба, своему брату Миран-шаху, владетелю Персии и Армении (гл. 22, 23). Однако и здесь Шильтбергеру довелось пробыть, в общем, недолго. Миран-шах погиб в 1408 году в битве против Кара-Юсуфа, и Шильтбергер достался Абубекру, второму сыну Миран-шаха, при дворе которого жил тогда, в качестве беглеца, претендент на занятие ханского престола в Золотой Орде—Чекра. Когда Едигей прислал к Чекре послов с приглашением вернуться на родину и занять там престол, Абубекр дал Чекре в сопровождение 600 всадников; среди них был и Шильтбергер, вместе с четырьмя другими христианами, товарищами его по плену, и все они отправились в „Великую или Белую Татарию", причем

дорога их шла через Грузию, Ширван и Дербенд к Астрахани на Волге и дальше на восток. В „Татарии“ Шильтбергер подарен был Едигею, который взял его с собой во время одного из наездов в Сибирь. Рассказ о пребывании Шильтбергера на территории Сибири в самом начале XV века приводится ниже в русском переводе. Вернуться на родину в Баварию Шильтбергеру удалось только в 1427 году; таким образом, он проблуждал по Азии свыше 30 лет. Последние годы жизни Шильтбергера плохо известны; известно, однако, что он был жив еще в 1438 году, но, повидимому, скоро умер, в глубокой старости. В конце жизни Шильтбергер написал свои воспоминания, „Книгу путешествий“, которая весьма ценилась читателями того времени, и уже до 1500 года была издана шесть раз, а в XVI—XVII веках—одиннадцать раз. Интерес к Шильтбергеру оживился в начале XIX века, благодаря новому изданию его сочинения, сделанному A. J. Penzel'ем (Schiltbergers... Reise in der Orient und Wunderbare Begebenheiten. Von ihm selbst geschrieben, München 1813, 2-ое изд. 1814). Научного значения это издание, однако, не имеет, т. к. издатель положил в его основу одно из неисправных старопечатных изданий (они все сделаны по рукописи, отрывок которой сохранился в С. Галленской библиотеке: только 28 глав, примерно треть всего сочинения), а кроме того подновил его язык, или даже, лучше сказать, просто перевел его со старинного текста, причем модернизованы были, и очень неудачно, все имена и географические названия (Ср. d'A v e s a c. Notices sur les anciens voyages de Tartarie. «Recueil des voyages» VI, 2. p. 432—433). Именно по этому изданию Д. Д. Языков сделал первый русский перевод отрывка из Шильтбергера: „О Золотой Орде. Извлечение из описания Шильдбергера“ („Записки и Труды О-ва Истории и Древн. Росс. при Московском Университете“ ч. II, гл. 2, стр. 198—232); знал его и Н. М. Карамзин, который угадал, что Шильтбергер действительно побывал во всех странах, им описанных, но дал, однако, неосторожную оценку известиям баварского путешественника, говоря, что они „неясны“ и „бестолковы“ (История Гос. Росс., т. V, прим. 215). Более сочувственно отнесся к нему Аделунг (Krit.-Liter. Übersicht, Bd. I, S. 136—138). Новое критическое издание „Книги путешествий“ сделал Нейман, причем в нем приняли участие ориенталисты Фальмерайер и Гаммер-Пургшталь (J o h a n n S c h i l t b e r g e r, Reisen in Europa, Asia und Africa, 1397—1427, hrsg. v. F. F. Neumann, München, 1859). Это издание положил в основу своего полного русского перевода проф. Ф. К. Брун, снабдив его многочисленными комментариями: И в а н Ш и л ь т б е р г е р. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун.—„Записки И. Новоросс. Университета“, I год, т. I, 1865, стр. 1—165 и отдельно: Одесса, 1866; труд Бруна был с интересом встречен и на Западе: см. Sitzungsberichte der Bayerischer Akademie der Wissenschaften, 1869, II, 1870; I, II, перевод на англ. яз.: The Bon-

dage and travels of Joh. Schiltberger, translated... by J. Buchan Telfer. With notes by Prof. P. Bruun. Lond. 1879). Все указанные издания и переводы сделаны по Гейдельбергской рукописи; однако, доказано было, что лучшей и древнейшей рукописью сочинения Шильтбергера следует считать ту, которая сохранилась в Нюренбергской городской библиотеке. Ее впервые издал Лангмантель в книге Hans Schiltberger. Reisebuch. Nach der Nürnberger Handschrift, hrsg. von Valentin Langmantel, Tübingen, 1885=Bibliothek des Litterarisch. Vereins in Stuttgart, Bd. CLXXII). Это издание считается лучшим и доныне (ср. А. Крымский, Істория Туреччини, Киев, 1924, ст. 222, а также т. II, Киев, 1926).

Научная разработка „Книги путешествий", как исторического источника, вполне подтвердила ее значение для ориенталистики. Правда, исследования установили, что Шильтбергер был самостоятелен не везде, и что, записывая свои воспоминания в конце жизни, он использовал некоторые литературные данные. Так, например, описания Вавилона, Индии, Иерусалима в значительной степени заимствованы Шильтбергером у Марко Поло, в других местах есть следы чтения Клавихо (португальского посла ко двору Тимура) и т. д. Но таков был обычай средневековых путешественников (Langmantel, op. cit., S. 164—165). Нужно думать, что и для исторической части своего сочинения Шильтбербер использовал некоторые старые сочинения по Востоку, т. к. он говорит порой о таких событиях, которые произошли за много лет до его пребывания в Азии; впрочем, это могут быть и позднейшие вставки его переписчиков и издателей. Зато Шильтбергер дает очень интересные и самостоятельные данные там, где он рассказывает о злоключениях своего плена и где он дает описания стран, которые стали ему лично известны. „Как источник для изучения политических событий этой эпохи, не исключая даже битв, в которых автор лично принимал участие,—замечает В. В. Бартольд—рассказ Шильтбергера не имеет почти никакого значения; интерес представляют только отдельные эпизоды, о которых он рассказывает, как очевидец, и отдельные сведения о посещенных им местностях..." (История изучения Востока в Европе и России, Лгр. 1925, стр. 82). Именно к этой части принадлежит и тот отрывок, который мы приводим ниже в русском переводе. Он очень интересен для нас своим упоминанием Сибири (Wissibur) — едва-ли не самым ранним упоминанием этого имени в европейской литературе,—а также своим описанием кочевников северной Азии. Так как текст Neumann'a, по которому сделан перевод Ф. К. Бруна неполон и неисправен, мне пришлось отказаться от его воспроизведения; помещаемый ниже перевод сделан мною заново по Нюренбергской рукописи в издании Лангмантеля (S. 39—40).

После этого королевский сын, которого звали Чекра (Tseggra) как было сказано выше, двинулся в Великую Тартарию (grossenn Tharthariа) и пришел к владетелю по имени Едигей (Edigi); тот признал его и снарядил посольство, желая известить королевство о его приходе. Когда же королевский сын Чекра пришел к Едигею, то Едигей, расположившийся в полях, собрался и хотел от-

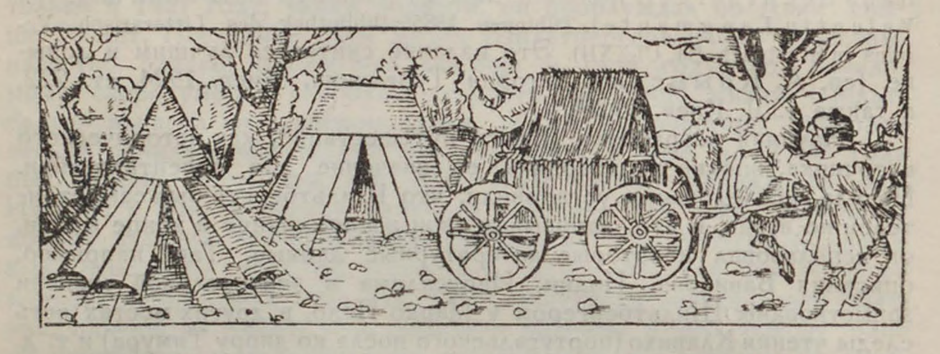


Рис. 3. Татары (Из «Космографии» Себ. Мюнстера 1544 г.).

правиться в страну, которая называется Сибирь (Wissibur). Следует также заметить, что по существующему в Великой Татарии обычаю, король Великой Татарии имеет сановника (obman), который имеет власть назначать и низвергать королей, от него совершенно зависящих и распоряжается также владетелями страны (landszherren). Упомянутый Едигей и был таким сановником в это время в Татарии. Еще следует заметить, что и король и сановник в Татарии, вместе с владетелями, летом и зимою кочуют в полях вместе с женами, детьми и стадами своими; там где, король останавливается, разбивают около него сто тысяч юрт (hütten).

Но продолжаю прерванный рассказ. Чекра пришел к Едигею, затем двинулся вместе с ним в упомянутую выше страну Сибирь, куда они шли два месяца, прежде чем до нее достигли. В стране этой находится гора, называемая Арбус (Arbuss) и простирающаяся на тридцать два дня ходьбы; живущие там люди полагают, что за горой этой находится пустыня, доходящая до оконечности света: никто не может также пройти через эту пустыню или жить в ней, по причине [водящихся там] диких зверей и гадов. На вышеупомянутой горе живут дикие люди, неимеющие постоянных жилищ; тело же у них, за исключением рук и лица, покрыто волосами; подобно другим животным, они скитаются по горе, питаясь листьями и травой, и всем, чем придется. Владетель упомянутой страны подарил Едигею двух диких людей,—мужчину и женщину, которых поймали на горе, а также трех диких лошадей, которых там также словили; лошади же, живущие на горе—величиною с

осла; водится там также много животных, которые в немецких землях не попадаются и которых я не могу назвать по имени. В упомянутой стране Сибирь есть также собаки, которых запрягают в повозки, зимою—в сани; они возят также по стране поклажу (wotseck) и так же велики, как ослы, а едят они там также собак. Еще следует заметить, что люди в этой стране поклоняются Иисусу Христу подобно трем святым царям, пришедшим для принесения ему даров в Вифлеем и увидевшим лежащим его в яслях; поэтому в их храмах можно видеть изображение Христа, представленного в том виде, как застали его три святых царя, и этим изображениям приносят они дары и на них молятся. Приверженцы этой веры называются уйгуры (Uygiur); в Татарии встречается вообще много людей этой веры.

В этой стране есть также обычай, что в случае смерти неженатого молодого человека, призывают различных музыкантов (spielleut), на умершего надевают лучшее платье и делают над ним род балдахина (ain himel); затем являются молодые люди, также одетые в лучшие платья, которые идут [впереди процессии], в сопровождении музыкантов, а за ними отец и мать и друзья покойного. Так, в сопровождении молодежи и музыкантов, с боль-

Рис. 4. «Татарин» (С карты Вальдзеемюллера 1516 г.).

шой радостью и [веселыми] песнями несут его в могилу, за ними же следуют родители и друзья, которые издают жалобные вопли (clagen). После погребения приносят они [на могилу] свои кушанья и напитки, веселятся: отец же, и мать, и друзья сидят поодаль и горюют. Наконец, все провожают их домой и так кончается обряд, представляющий свадьбу умершего, так как он не был женат.

В этой стране сеют только просо и хлеба не едят вовсе.

В стране этой и при всем этом я был сам и все видел собственными глазами, когда находился при вышеупомянутом королевском сыне по имени Чекра.

ПРИМЕЧАНИЯ

...которого звали Чекра] При Абубекре находился хан из Великой Татарии, которого Шильтбергер называет Tseggra (в других ркп. Zegre, Zegra). Несомненно, что это не упомянутый русскими летописцами Чекра, или Чакра, принадлежавший к роду Урус-хана (Howorth, History of Mongols, Lond., 1876, vol. I, p. 271); от него сохранились монеты, чеканенные в 1414—1416 гг. в Орде, Болгаре, Астрахани и Сарае (П. С. Савельев, Монеты Джучидов, Джагатаидов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша, вып. II, СПб. 1858, стр. 337—338; Langmantel, S. 42 Anm. Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историч. введениями. Перев. В. Бартольда, СПб. 1899, стр. 193).

Едигей] В к. XIV и нач. XV века хан Золотой Орды Токтамыш своей победою над Мамаем объединил Белую и Синюю Орду (в 1380 г.; умер в 1405 г.) Едигей был одним из главных эмиров левой стороны у Токтамыша; происходил он из племени Кунграт (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, стр. 457 и сл; П. М. Мелиоранский. Сказание об Едигее и Токтамыше, СПб. 1905, стр. 7).

Страну, именуемую Сибирь]. Ibissibur: так в Гейдельбергской и Санкт—Галленской рукописях, в других местах тех же рукописей встречается однако также написание: Wissibur (так в издании Лангмантеля: S. 39, 40, 41, 62). В части книги Шильтбергера, озаглавленной редактором: «Страны, соседние с великой Татарией» есть такая фраза: «Es ist auch ein landt, das haist Bolar und hat mancherlei thier. Item ein landt ist genanndt Ibissibur», т. е. «есть также страна, называемая Болар (Булгар), в которой много зверей; также страна, называемая Ибиссибур». Лангмантель объясняет: «Эта страна, названная вслед за Татарией и Булгарией—бесспорно Сибирь, т. к. приведенное в тексте название явилось вероятно изменением слова Ibir—Sibir, как на картах Азии нач. XIII в. называли страну, находящуюся между Енисеем и нижней Тунгуской». Ранее и Нейман в своем издании Шильтбергера уже заметил (S. 88): «Эта страна,—без всякого сомнения Сибирь, которая названа здесь в первый раз; приблизительно около того же времени (1450 г.) по Лербергу (Erläuterungen... SPb. 1816, S. 76) слово Сибирь встречается также в русских летописях». Ф. Брун безоговорочно переводит Ibissibur словом Сибирь. Что касается ссылки Неймана на русские источники, то следует заметить, что первое упоминание Сибирской земли зарегистрировано в одной из русских летописей в заметке о смерти хана Токтамыша уже под 1406 годом (Архангелогородский летописец, М. 1819, стр. 126; ср. А. В. Оксенов, Слухи и вести о Сибири до Ермака.—«Сибирский Сборник», СПб. 1887, стр. 109—110), хотя есть основание заподозрить здесь позднейшую вставку, т. к. тут-же рядом упоминается и Тюмень, основанная лишь в 1586 г., да и самое основание города Сибири приписываается хану Мамету, жившему во второй половине XV в. (Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака «Древности XIV, стр. 244—246); на европейских же картах, вопреки мнению Лангмантеля, Sebur кажется впервые помещена на так называемой Каталанской карте 1375 г (она воспроизведена в историческом атласе Santarem'a и в «Choix de documents géographiques conservées à la Bibliothèque Nationale», Paris 1883, planche XVI); зато в восточных источниках XIII—XV в. мы часто встречаем название Сибири, притом в форме, чрезвычайно близкой к той, какая находится у Шильтбергера.

Рашид-ад-дин (1247—1318) помещает страну Ибир-Шибир к северовостоку от страны киргизов, от которой ее отделяла Ангара (Рашид Эддин, Ист. монголов, перев. И. Березина. Зап. Р. Археол. Общ. т. XIV, стр. 2; Труды Вост. Отд. Арх. Общ. т. V, стр. 130; В. Бартольд. Туркестан в эпоху мон-

гольского нашествия, ч. II, СПб. 1900, стр. 422; «Тобольск. Губ. Ведом.» 1862, № 21, 22, Quatremère, Histoire des Mongols de la Perse I. Paris 1836, p. 413). То же имя в различных вариантах встречается и у других восточных авторов: Месалек-аль-Абсар (первая полов. XIV в.) пишет Сибир-и-Абир, Ибн-Араб-Шах (1388—1450) указывает, что Кипчак на севере граничит с Абир-и-Сабир; «с севера Ибир и Сибирь, пустыни да степи, да пески (нагроможденные) точно горы. И сколько этой степи, где бродят птицы и звери! Она подобна милости вельмож (нашего) времени: край, до которого не доберешься и предел, до которого не доплетешься»... (В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относ. к истории Золотой Орды, т. I, СПб. 1884, стр. 459—460); Ибнфадлаллах Эломари (ум. ок. 1348 г.) в своем сочинении «Пути взоров по государствам разных стран», рассказывая о Золотой Орде со слов лиц, ездивших туда по торговым и дипломатическим делам, также упоминает: «...Укек, Булгар, области Сибирь и Ибирь, Башкырд и Чулыман; потом за Чулыманом границы владений Сибири и Ибири прикасаются пределов Хатайских... От Железных ворот, которые означают город Баку, до пределов Хатайских земель со стороны Сибири и Ибири, караван бывает в пути пять месяцев» (В. Тизенгаузен, op. cit., стр. 236—237, 238—239).

Имя «Сибирь» встречается также в китайских источниках: в «Юань-чао-ми-ши» мы читаем, что в 1206 г. Джучи, сын Чингисов, подчинил себе все племена, жившие в лесах («лесные урянгиты» Рашида), к Югу от Shibir (E. Breitschneider. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. II, Lond. 1888, p. 37, 88); сократитель «Юань-чао-ми-ши» Вань-гуань-дай по словам Палладия также перечисляет эти народы, но «по ошибке или согласно тоническому тексту называет Шибир южною; это несомненно Сибирь, положение которой по тексту Юань-чао-ми-ши трудно уяснить; можно догадываться, что Шибир не есть род или племя, а страна; может быть так называлась северная окраина Барабинской плоскости между Обью и Иртышом». В Юань-ши, истории монгольской династии в Китае, упоминается Ибир-Шибир, до которой доходили войска Кубилая, названо тоже имя и в путевых записках Даосского отшельника Чан-Чуня, ездившего к Чингис-хану (Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине т. IV, СПб. 1866, стр. 235). Отметим также, что по мнению В. Н. Васильева, слово Сибирь—китайского происхождения; он толкует его как «Западное захолустье» (Н. И. Березин. Географические имена. Объяснение их в связи с историей открытий СПб. 1894, стр. 121—122). Несмотря на обилие упоминаний этого имени, и происхождение его, и географическое положение области, которую оно обозначало, не могут считаться выясненными окончательно. Некоторые исследователи находят, что название Ибир-и-Сибирь может относиться только к западной Сибири, другие, напротив, распространяют его и на Сибирь Восточную. Приводя цитату из Рашид-ад-дина, В. М. Флоринский («Заметка о происхождении слова Сибирь» «Известия Томского Университета» 1889, т. I, стр. 1—14) замечает: «Последние названия (Ибир-и-Сибир) повидимому относятся к нынешней западной Сибири, т. к. рядом с ними говорится о реке Иртыше, о киргизских степях и башкирах. Те же самые названия Ибир и Сибир в значении области, приводятся у другого восточного писателя, именно у Абулгази, в его истории монголов и татар. Здесь эти слова относятся к стране, смежной со страною киргизов, повидимому где-то в пределах нынешней восточной Сибири (le pays de Quirghiz avait d'un autre côté pour limite des deux provinces appelées Ibir et Shibir. Hist. des Mongoles et des Tatares, франц. перев. бар. Демезона, СПб. 1874, т. II, стр. 43, ch. II, § 42)... Со времени покорения Сибирского царства, в состав которого вошли и земли, не носившие прежде названия «Сибирь», это слово меняет свое значение и приурочивается, с одной стороны, к древнему городку, называемому иначе Искером и Кашлыком, расположенному на нагорном берегу Иртыша около самого села Преображенского [недалеко от г. Тобольска], служившему во времена хана Махмета столицей Сибирского царства и с другой стороны—к обширной, постоянно расширявшейся путем завоеваний, стране сев. Азии. Кроме того, имя «Сибирь» сохранилась еще в названиях нескольких речек Тобольской губ. (Сибирка)». И. Шафарик (Славянские

Древности М. 1847 т. I, кн. 2, стр. 100) слово Сибирь производил от гуннского племени Сабиров (Sabiri, Σαβειροι), о которых довольно часто упоминают византийские писатели: Феофан, Прокопий, Приск, Менандр, а также готский историк Иорнанд. Они часто служили в наемных войсках у римлян и персов, и в свою очередь, сами часто нападали на римские и персидские области. Прокопий называет их также Уннами Утугурами или Сабир-Угорами (Klaproth, Tableaux de l'Asie Paris, 1826, p. 256). По наблюдениям С. Патканова (О происхождении слова «Сибирь» — «Сибирский сборник» кн. II, СПб. 1892, стр. 127—136), у татар Тобольской губернии еще в к. XIX в. были очень распространены предания о народе Сывыр и Сыбыр, занимавшем места по среднему Иртышу раньше их. «Этому народу, говорит он, татары приписывают большую часть всех находящихся в их областях археологическезх памятников, каковы городища, курганы. Первые у них часто именуются словом Сывыр-кала, вторые Сывыр-туба. Таким образом оказывается, что название Кучумова городища «Сибирь» нельзя считать именем собственным, ему присущим, а скорее нарицательным. Выражение «Сывыр-кала» в том смысле, в котором оно применяется в настоящее время, вполне соответствует весьма употребительному на севере России и в Западной Сибири русскому выражению: «Чудское городище», потому что, как татары называют автохтонов Тобольской губ. «сывырами», так русские именуют их «чудью». «Что сделалось с сывырами мы не знаем, но присутствие в Европейской России в разные времена кочевых племен, называвшихся «Сабир», «Себер», «Сувар» и т. д. заставляет нас примкнуть к вышеназванным ученым (Шафарик и Флотинский), видящих в этих племенах прежних обитателей Сибирской области, покинувших свою страну под влиянием каких нибудь причин, вероятно вторжений с востока кочевников тюркского и монгольского племени. О его пребывании в степях южной России историки упоминают уж с IV в. нашей эры, в продолжение 6—7 вв., и в тоже время еще в XIII в. страна, из которой он вышел, вероятно, не вполне лишена была своих прежних обитателей». Вывод, который Патканов делает из этих наблюдений тот, что название Сибирь «представляет из себя имя обитавшего в южной части Тобольского и в смежных волостях Тюменского округа народа сывыров или сыбыров». В другой своей статье С. Патканов («Uber das Volk Sabiren»—«Revue Orientale», Budapest, 1900 I, 4) пытается представить доказательства тому, что сабиры были финно-угорского происхождения, в противовес тем, кто находил возможным считать их славянами и сопоставлять с «северянами». По свидетельству Константина Багрянородного, мадьяры во время пребывания своего в Лебедии, носили название: Σαβαρτοιασφαλοι, в котором некоторые ученые видят испорченное выражение: „Σαβαρ, τουτέστι ἄσφαλοι или: „Σαβαρ ἤτοι ἄσφαλοι“ т. е. «сабары, т. е. (или) безопасные (храбрые)» (см. К. Я. Грот. Мадьяры и Моравия с половины IX до X в., СПб. 1881, стр. 217). Иначе говоря, эти исследователи полагают, что Мадьяры назывались тогда сабарами, имя которых некоторые сближают с сабирами. К этим соображениям Патканов прибавляет ряд домыслов этнографического порядка. Венгерский ученый Gyula Németh в статье «Сабирия и Венгрия» в журнале «Венгерский язык» («Szabirok és magyarok»,—«Magyar Nyelv» 1928, XXV, S. 81—88) недавно произвел пересмотр этого вопроса. По его мнению, указанные слова Константина Багрянородного указывают, конечно, на политические взаимоотношения между венграми и сабирами, но ряд лингвистических соображений препятствует предположению, что сабиры были финноугорским племенем. Обращая внимание на название области по нижнему Иртышу Sapar (Sabar, Saber), представляющее звуковой рефлекс старого остяцкого слова Sabar, он полагает что эта местность до аварского нашествия была населена сабирами; имя Sabar—Sabir G. Németh толкует как глагольное образование от глаг. sapmak, в значении «прогонять (сабиров)», и заключает отсюда, что Сабиры были народом тюркского происхождения. Последний вывод не нов; русские исследователи давно пытались объяснить слово Сибирь из татарских корней. Так, еще Н. А. Абрамов («Догадки о значении имен некоторых мест Тобольской губ.»—

Ж. М. Н. Пр. 1841, ч. XXX, отд. II, стр. 821) предлагал возводить слово «Сибирь» к татарскому глаголу «сибирмак» — «вычищать, очищать», и делал отсюда фантастическое умозаключение, что «когда-то какой-то воитель, завладев этой страной, завел в ней новые порядки и страна сделалась очищенной, выметенной, благоустроенной». «Возможно – фантазировал он далее, — производство и от слов «Сиб» и «Ир», что значило бы засыпай землю»: «либо в этой стране, переходившей в глуби веков из рук в руки, было достаточное количество кладов, либо она названа так благодаря положению ее столицы Искера, постоянно осыпавшегося». Не менее произвольными и необоснованными являются домыслы Г. Н. Потанина («О происхождении географического имени Сибирь» — «Сибирский сборник» I, СПб. 1890, стр. 179—190), полагавшего что слово «Сибирь» «занесено из Монголии и южной Сибири, где в народной поэзии местных жителей (качинских татар, кызыловцев и т. д.) нередко фигурирует гора «Sübür» и что под этим именем, как и под названием сказочной горы «Сымыр» или «Сумбыр», в монгольских и бурятских сказках следует подразумевать вообще северные страны, т. к. между этими племенами и Полярной звездой, по поверьям восточных народов, имеется известное соотношение». Гору Субур, Сюбюрь, упоминаемую в сказках южно-сибирских тюрков («Sübür», см. Н. Катанов Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во II томе «Образцов»... В. Радлова, СПб. 1888, стр. 70) Г. Н. Потанин слишком смело, с моей точки зрения, сближает с «Сиверными горами» былин о Святогоре и «Сиверскими горами», где по легендам Александр Македонский заключил народы Гога и Магога, полагая при этом, что к различным версиям имени «мировой горы Сумбыр» «следует причислить и имя города Сибирь или Киберь, встречающееся в старых записях наших былин» (Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М. 1899, стр. 208, 205, 225).

Другие догадки о происхождении имени «Сибирь» будут указаны ниже. Сл. I. I. Egli. Jermaks Kriegszug (1578—81) und die Lage von Ssibir, «Zeitschrift für Wissenschaftliche Geographie 1880, I, 93—104; I. I. Egli. Nomina Geographica. Versuch einer allgemeinen. Onomatologie, Leipz. 1872 (s. v. Sibirien, S. 526—527); Вас. Пигнатти. Искер Кучумово городище. «Ежегодник Тобольского Губ. Музея», вып. XXV, 1915, стр. 1—36.

Гора называемая Арбус]. Затрудняюсь сказать, какой горный хребет может иметься здесь в виду; б. м. Алтай или одна из цепей Восточной Сибири? Лангмантель слово это также не объясняет, а в тексте Гейдельбергской рукописи, которую переводил Ф. К. Брун, оно вовсе отсутствует: упоминается просто «ain perg». Hammer, в статье «Berichtigung der orientalischen Namen Schiltbergers (Denkschriften der Akademie d. Wissenschaften zu München, IX) думает об Алтае, H. Howorth (History of Mongols I, p. 271) указывает на Урал.

Живут дикие люди, не имеющие постоянных жилищ]. Нейманн в предисловии к своему изданию полагает, что в этом описании нельзя не узнать жителей Сибири: «Шильтбергер рассказывает о низкорослых лошадях, о прирученных собаках, которые везут повозки и сани, а также о широко раскинувшемся Алтайском хребте. Даже и длинноволосые Айны на отдаленной окраине старого мира стали уже известны мюнхенцу в первой четверти XV века. Уже много раньше Айны, благодаря своим длинным волосам сделались известны и китайцам под именем волосатых людей». Едва-ли, однако, есть необходимость заходить так далеко в отождествлении дикарей, которых описывает Шильбергер с жителями крайнего северо-востока: ведь по предположению того же Неймана речь идет об Алтайском хребте! Следовательно Шильтбергер имел в виду более близкие племена северной Азии. Ф. Брун в своем переводе (op. cit., стр. 35 прим.), по поводу слов текста: «наместник края послал Едигею мужчину и женщину», замечает: «Вероятно, эти люди принадлежали к коренным жителям северной Сибири, где климат, как известно, столь суров, что обитатели тогда, как и нынче, едва-ли не носили шубы наоборот и в течение целого года, днем и ночью. Сравнивая их

с обезьянами, Шильтбергер не согрешил более Геродота, когда последний рассказывает, что невры, которые, вероятно, в зимнее время надевали волчьи шубы, сами на шесть масяцев превращались в хищных животных»...

Есть также собаки, которых запрягают в повозки]. Сл. выше: М. Поло, стр. 41.

Они возят также по стране поклажу]. watseck: так в Гейдельбергской и других рукописях; в Нюренбергской—wotseck: в Санкт-Галленском отрывке—weytseck. Брун очень неудачно, с моей точки зрения, переводит современным словом «чемодан». По объяснениям Неймана употреблено здесь в значении: «Mantel- oder Kleidersäcke»—дорожные вещи. Wat—в старо немецком—«платье»; по указанию Шмеллера (Bayerisches Wörterbuch, IV, S. 194) слово это было прежде во всеобщем употреблении.

Приверженцы этой веры называются уйгурами]. Вместо стоящего в Нюренбергской рукописи слова «Uygiur», в других рукописях стоит Ugine или Ugrine, что ввело в заблуждение Бруна, высказавшего две совершенно неправоподобных догадки: «Мне показалось сначала,—пишет он,—что Шильтбергеровы Ugine могли быть тождественны с Ung, о которых говорит Марко Поло... Известно, что под этими Ung он разумел кераитов, несторианских христиан. Тем не менее эти «Унг» не могли иметь ничего общего с его Угине. Ибо последние, как замечает Шильтбергер все таки не были христианами»... «Не могу не согласиться с Нейманом (S. 88), что Шильтбергер под своими Угине разумел последователей ламаизма, т. е. модификации буддизма, введенного Чингисханом из Тибета в Монголию» и т. д. (Брун, op. cit., 35 прим.). Все эти предположения падают, т. к. в Нюренбергской рукописи ясно написано Uygiur, т. е. Уйгуры, по поводу чего Лангмантель (S. 40 Anm.) замечает: «т. к. уйгуры были буддистами, то этим подтверждается предположение, что здесь под описанным богослужением следует понимать буддийское». Последнее кажется мне недостаточно убедительным. Народ тюркского племени, кочевавший вокруг Орхона и в оазисах Тянь--Шаня, подчинившийся Чингис-хану в 1200, уйгуры были «первыми учителями монголов и первыми чиновниками монгольской империи». «По словам Ауфи каракитаи и уйгуры частью поклонялись солнцу, частью были христианами: уйгуры большею частью были христианами. О преобладании христианства среди уйгуров, кроме Ауфи говорит также Плано-Карпини; едва-ли, однако, в Уйгурии християне были многочисленнее буддистов».—замечает В. В. Бартольд (Туркестан в эпоху монгольского нашествия ч. II, СПб. 1900, стр. 416—420). В виду этого вполне возможно, что Шильтбергер имеет в виду именно уйгуров христиан. Много интересного об уйгурах рассказывает и Рубрук (сл. F. M. Schmidt. Über Rubruk's Reise, «Zeitschrift d. Gessellsch. f. Erdkunde zu Berlin», XX, 1885, S. 216). В. Радлов. К вопросу об уйгурах СПб. 1893 (из «Зап. Ак. Наук», т. 72, кн. 1).

В этой стране сеют только просо]. В подлиннике «in dem land paut man nichts dann prein», в других рукописях: prin; brein—собственно немецкое—Brei. Точный смысл слова едва-ли определим. По объяснению Лангмантеля (S. 169) слово может пониматься в значении или Buchweizen—гречиха или в смысле нижненемецкого Hafer—овес (ср. R. Köhler в «Germania» 1862, VII, S. 375; Schmeller, Bayerisches Wörterbuch I, S. 256). Я перевожу вместе с Ф. Бруном просо, т. к. посевы проса,по свидетельству путешественников, были главной едой золотоордынских кочевников (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, т. I, стр. 230; о роли проса в жизни кочевника сл. еще П. В. Голубовский, Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев 1884, стр. 200).

VI. ЮЛИЙ ПОМПОНИЙ ЛЭТ | JULIUS POMPONIUS LAETUS

(ок. 1480 г.)

Юлий Помпоний Лэт (известен также под именем Сабина: Jul. Pomp. Sabinus, данном ему издателем: см. Ulisse Chevalier. Répertoire des sources historiques du Moyen Age, Paris, 1883, IV, p. 2022 и В. Н. Забугин Ю. П. Лэт. Петр. 1914, стр. 105—106)—итальянский эрудит и глава первого поколения итальянских гуманистов, род. в Амендоларе в Калабрии в 1425 г., ум. в Риме в 1498 г. Юношей он пришел в Рим, учился у Лоренцо Валлы и заместил его на кафедре красноречия, стяжав себе огромную популярность своими лекциями, а также основанием первой Римской Академии,—литературного товарищества или ученого общества для изучения римских древностей. Члены этой Академии, присвоившие себе греческие или римские имена, собирались для диспутов в бедном домике Лэта на Квиринале, праздновали день рождения Ромула и Рема и вели пропаганду античной литературы и искусства. Сам Лэт был экзальтированным энтузиастом древности; предметом его изучения и восторгов был древний Рим, его государственность, учреждения, быт; особенно же увлекался он латинским языком, который усвоил в совершенстве. Его считали человеком, презирающим христианство и поклонником гения города Рима. Один из современников (Paolo Cortese) пишет про Лэта, что он „жил только для науки. Его можно было увидеть ранним утром, с фонарем в руках, плохо одетого и в котурнах, странствующим в аудиторию... Он жил в гордой бедности, презирая благосклонность князей. О своей знатной родне (Лэт был незаконным сыном одного из Сансеверино) он ничего не хотел знать“ (F. Gregorevius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, Stuttgart 1870, Bd. VII, S. 575). Собрания Академии, члены которой называли себя жрецами, а основателя ее—верховным жрецом (pontifex maximus) вскоре обратили на себя внимание папы Павла II; когда ему стало известно, что на своих литературных вечеринках они нападают на религию и церковь, непочтительно отзываются о ее главе и проводят параллели между Римом античным и современным, далеко не к выгоде последнего, он

испугался успеха пропаганды этих языческих и республиканских идей и присудил к наказаниям большинство из участников этого вольного литературного кружка. Во время карнавала 1468 года около 20 членов Академии были схвачены по подозрению в заговоре против папы и католической церкви. Лэта, бежавшего в Венецию, воротили в Рим; он был брошен в тюрьму, подвергнут пытке и выпущен только после длительного инквизиционного процесса, и то только потому, что в нем не видели опасного заговорщика. Не так легко отделались другие участники этого, вероятно мнимого, заговора. Платину, обвиненного в религиозных заблуждениях, пытали с особенной жестокостью; Филиппо Буонаккорси, носивший имя «Callimachus experiens» и скомпрометтированный больше других, бежал в Грецию, а затем в Польшу, ко двору Казимира, где он и умер (1496), сыскав благосклонность короля и составив себе имя, как историк Венгрии и поэт. Лэт же остался в Риме. По словам Сабеллика Лэт вскоре же по освобождении из тюрьмы „к общему удовольствию получил место в римской Сапиенце и сохранял его около двадцати восьми лет"; по другим данным Сикст IV возвратил Лэту кафедру в 1471 г., на которой он и подвизался с прежним блеском до самой своей смерти, изучая древнюю историю и комментируя латинских писателей. Оставаясь прежним поклонником античности, Лэт лишь немного не дожил до расцвета языческого культа на папском престоле в эпоху Борджии... (G. Voigt, Die Wiederbelebung des Classischen Alterthums, oder das erste Jahrhundert des Humanismus, Berl. 1881, Bd. II, S. 239—241; F. Gregorovius, op. cit., VII, S. 575—585).

Интереснейшим эпизодом биографии Помпония Лэта является его путешествие на восток в 1479—1480 гг., во время которого он посетил, между прочим, „Скифию и Сарматию" — южные области Руси. Лучший биограф Лэта, В. Н. Забугин, на основании тщательного изучения печатных источников и неизданных рукописей, останавливается на этом эпизоде настолько подробно, насколько это позволяют сохранившиеся материалы и документы, (В. Забугину принадлежит трехтомное исследование о П. Лэте, изданное по-итальянски в Риме в 1909—1912 гг.; я пользуюсь, однако, позднейшим сокращенным русским изданием той-же книги, так как в нем как раз полнее изложено путешествие Лэта и дан анализ его „Скифских заметок": В. Забугин, Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб. 1914 = „Историческое Обозрение", т. XVIII). Данные о том, где собственно был глава первой римской Академии очень скудны. В. Забугину удалось установить, однако, что путешествием этим Лэт был обязан одному из сотоварищей своих по Академии Джамбаттисте Капраника, которого Сикст IV в 1479 г. отправил в Германию в экспедицию „за хорошими книгами" для Ватиканской библиотеки; Лэт поехал вместе с ним, намереваясь побывать не только у германцев, но и у

„сарматов". Современник Лэта Петр Марс говорит о нем, что он „храбро двинулся на север, о котором читал удивительные и почти превышающие веру известия, посетил страны каринтийцев, венгров, поляков и русских, достиг до Татарской земли и, обратившись к острову Пеуке, увидел Эвксин, подобный скифскому луку" (Fic. Della Torre, Storia dell' Accademia Platonica, Firenze, p. 255–256). Раскрывая реальный смысл этой реторической фразы в согласии с собственными заметками Лэта, В. Забугин приходит к заключению, что Лэт „попал в Польшу, а оттуда пробрался на Черное море, по торговой дороге, шедшей вдоль Днепра... О Днепровских порогах говорит он, как очевидец". Слова П. Марса о „скифском луке" объясняются из Аммиана Марцеллина и позволяют предположить „каботажное плавание вдоль берегов Черноморья... Достоверно известно, что Помпоний добрался до Таны (в устье Дона) и видел там, как „скифские" ребята ныряли в Дон за брошенной монетой. Описывает он и северный берег Черного и Азовского моря". Далее Лэт не ездил и, кроме того, вернулся очень скоро на родину: в начале 1480 г. он был в Риме. Таким образом, фактических данных о путешествии Лэта мы имеем немного; „зато,—говорит Забугин,—его сведения о „Скифии" и „Сарматии" обильно вознаграждают нас; эти „Скифские Заметки" вполне достойны стать наряду с путевыми дневниками Барбаро и Контарини, с трактатами Альберта из Кампена и П. Джовио" (В. Забугин, op. cit., стр. 66—77).

Собственные сочинения Лэта немногочисленны и не имеют большой цены: таковы учебник латинской граматики, руководство по изучению римских древностей, археологии и топографии древнего Рима, книга по поздней римской истории; сделавшаяся почти мифической, слава об учености Лэта основана не столько на его писаниях, сколько на его преподавательской деятельности, т. к. он обладал редким даром красноречия, привлекавшим к нему на лекции толпы римской молодежи и разноплеменных ученых; по словам Петра Марса он сумел „извлечь звуки, пронесшиеся по всем школам, ученым собраниям Италии, по всем народам и племенам". О себе самом Лэт говорил, что он, „как Сократ и Христос будет жить в своих учениках"; среди последних, действительно, было не мало выдающихся лиц: Саннадзаро, Понтан, Платина, Сабеллик, Фульвий, Буонаккорси, Алессандро Фарнезе, — будущий папа Павел III и т. д. Послушать Лэта ездили даже из дальних стран: так напр., его слушателями были немецкие гуманисты—Рейхлин и Пейтингер. На лекциях своих Лэт комментировал классических писателей. Исправленные и объясненные им тексты древних авторов расходились в рукописях по всем странам, где цвела гуманистическая культура. Большую известность получили исправленные им тексты Саллюстия, Колумеллы, Нонния Марцелла; комментарии Лэта к Вергилию, Варрону, и Квинтилиану пользовались особой и заслу-

женной славой и рано увидели печать, иногда даже против воли автора (Sandys, History of classical scholarship [2], Lond. 1908 vol. II, p. 92). В комментарии к Вергилию, главным образом и находятся интересующие нас заметки об отдаленном северовостоке Европы и пограничных землях Азии, собранные Лэтом во время его путешествия.

В. Н. Забугин полагает, что единственное упоминание Лэта в русской литературе сделано в статье Ф. И. Видемана „Обзор прежней судьбы и нынешнего состояния Ливов“ („Записки Академии Наук“ 1870, т. XVIII, кн. 1, стр. 66—67), где автор цитирует слова Лэта о древних обитателях Курляндии; это неверно: много раньше, известия Лэта о „восточной Скифии“ цитировали уже А. Шлецер, а за ним и Лерберг. В своей книге: „Нестор. Russische Annalen... verglichen, übersetzt und erklärt» Teil II, Göttingen 1805, S. 43—44» пользуясь Базельским изданием комментария к Вергилию 1544 г., где Лет назван издателем Помпонием Сабином, Шлецер привел его слова об юграх и заволочанах; задаваясь вопросом о том, „каким образом он (Лэт) получил эти известия о северной России, в которых было много нового и отчасти верного“, Шлецер связывал их с тем интересом к Московии, который возник в Италии после Флорентинского собора 1439 г. и особенно после брака Ивана III на приехавшей в Москву из Рима византийской принцессе—эмигрантке Софии Палеолог (1469). Однако ни Шлецер, ни вслед за ним Лерберг (Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб. 1819, стр. 27—28), также цитирующий слова Лэта о Югре, не установили тождество Помпония Лэта и Помпония Сабина, и вероятно еще не знали, что он сам ездил в южную Русь, к устью Дона; это заставило бы их, конечно, вспомнить о более ранних колониальных интересах генуэзцев и венецианцев к Дону, Волге и Каспийскому морю. Характерно, что путь Лэта лежал именно в направлении этой колонизации, и что уже до него рассказ о путешествии в Тану (в 1436—1452 гг.) написали Иосафат Барбаро (напечатан в 1487 году), а также А. Контарини (1477).

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что приезд в Москву Софии Палеолог значительно способствовал пробуждению в Италии XV века интереса к московскому государству (см. Г. Хрептович-Бутенев. Флоренция и Рим в связи с двумя событиями из русской истории XV в. М. 1909): ближайшими следствиями этого были частые обмены посольствами и вызовы в Россию итальянских зодчих, художников и различных мастеров; оживление же московско-итальянских сношений во второй половине XV века много способствовало распространению географических сведений об отдаленном северо-востоке. Семен Толбузин открыл собою ряд русских посольств за-границу: летом 1474 года он был послан в Венецию вместе с Антонио Джисларди и вернулся обратно вместе с знаменитым болонским зодчим Аристотелем

Фиораванти, будущим строителем московского Кремля; в 1488 г., с известием о покорении Казани и „Великой Булгарии“, которая включена была в царский титул Ивана Грозного, в Италию отправились в качестве послов братья Дмитрий и Мануил Ралевы; в 1490 г. они возвратились в Москву, с целой толпой итальянских мастеров; через 3 года, наконец,—в мае 1493 г., отправлены были в Италию из Москвы послы Мануил Докса и Даниил Мамырев (M. D. Boutourline, Documenti che si conservano nel R. Archivio di Stato in Firenze... riguardanti l'Antica Moscovia, Mosca, 1871 t. II, p. 275—279; P. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, Paris, 1896, t. I, p. 200—206). В итальянском обществе все эти посольства вызвали большой интерес. Как уехавшие в Московию итальянцы, так и возвращавшиеся оттуда, в своих письмах и и рассказах, могли, разумеется, передать не мало интересного об этой стране и о соседних землях. Экспорт на Запад из России драгоценной пушнины, в свою очередь, обеспечивал интерес к тем северным областям, где она добывается.

Интересным образцом подобного рода известий может служить письмо Аристотеля Фиораванти к герцогу Миланскому 1476 года. Сообщая ему о своем посещении северного русского города Xalanoccho (Олонец?), вокруг которого водятся „зайцы, белые как горностаи“, Фиораванти рассказывал герцогу также о том, что в этой стране солнце не заходит в середине лета в продолжении двух с половиной месяцев и стоит так же высоко, как в Италии в 23 часа (т. е. за час до захода) и т. д. (M. A. Gualandi, Aristotele Fioravanti, meccanico ed ingegnere del secolo XV, Bologna, 1870, p. 64; в русском переводе отрывок из письма Аристотеля напечатан в „Материалах для Археологического словаря“,—„Древности“, т. IV, вып. 2, стр. 38—39; „Беседа“ 1872 № 1, стр. 153—154). Неудивительно, что „Белая Русь“, как тогда в Италии называли московское государство, упоминается и в художественной итальянской литературе этой эпохи: во „Влюбленном Роланде“ Боярдо (1434—1471), знаменитой поэме-пародии на рыцарские романы, Астольфо мчится через Германию, Венгрию и „Белую Русь“ к устьям Дона:

Passato ha i Maganzesi e dopo loro
La Magna la Rossia, la Transillvana,
La Rossia bianca, ed è giunto alla Tana.

(«Orlando Innamorato», I, Canto IX, XL).

Далее, в той-же поэме, Роланду показывают в пестром лагере монголов и татар повелителя „великой Москвы и половецкой земли“:

...Mosca la grande, e la terra Comana...

(I, Canto X, XIV)

Сл. статью S. Caramella. L'Asia nell' Orlando Innamorato—«Bolletino della R. Società Geogr. Ital. 1923, 1—2; 3—4. Народы восточной Азии также сильно интересовали итальянцев уже со времен Марко Поло, но

в XV в. сведения о них были еще очень смутны В написанной в 1422 г. итальянской поэме в октавах географического содержания «Sphaera mundi» флорентинца Григория (Gregorio или Goro di Staggia Dati, 1363--1436) упоминаются живущие „за горами великой Азии, в холодном климате, татары, дикий народ по своим нравам и образу жизни“:

Da tramontana di questa Asia grande
Tartari sono sotto la fredda zona.
Gente bestial di legge e di vivande...

По мнению Григория, сквозь всю эту страну, вплоть до „земли шелковичного червя“ т. е. Китая, протекает большая река («Per questa terra un gran fiume si spande»...), замерзающая зимой и несущая свои воды в соленое море. Характерно, что поэма эта пользовалась большим успехом, копирована была очень охотно, а по изобретении книгопечатания была опубликована несколько раз в конце XV и нач. XVI в. (1470, 1482, 1513 во Флоренции, в 1534 года в Венеции; сл. H. Wuttke. Zur Geschichte der Erdkunde im letzten Drittel des Mittelalter, Dresden 1871, S. 52—53).

Громадное значение в деле распространения в Италии сведений об Азии имели колонии итальянских торговых республик Генуи и Венеции на Черноморском побережьи; в XIV, XV и еще даже в XVI веках важнейшей базой европейско-азиатской торговли было поселение в устьях Дона, известное на западе под именем Таны. „Выгодным было самое местоположение Таны, на берегу изобильного рыбою Дона, являвшегося в тоже время удобной водной дорогой, выводившей в несколько дней пути к Поволожью, откуда не трудно было попасть в разивавшуюся на месте хозарского Итиля Астрахань... Отсюда итальянские и другие западные купцы снаряжались в далекие восточные края—в Персию, Туркестан и Китай, а также иногда, как оставившие ценные описания своих путешествий И. Барбаро и А. Контарини, проникали в глубь русской равнины“ (Е. А. Загоровский. Очерк истории Северного Причерноморья ч. I, Одесса 1922, стр. 77 и сл.; А. Веселовский, Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев. СПб. 1870; Зап. И. Р. Г. Общ. по отд. этногр. т. II, 1868, стр. 719—749). Лэт, как указано было выше, ездил именно в Тану, побывав при этом в различных итальянских колониях, расположенных между Дунаем и Доном.

Если Лэт и не был единственным итальянцем конца XV века, заинтересовавшимся странами отдаленного севера, то его „Заметки“, включенные в комментарии к античным авторам, представляют все же выдающийся интерес, несмотря на их своеобразный отрывочный характер, т. к. в значительной степени они вполне самостоятельны, зачастую основаны на устных рассказах, а не на книжных источниках, и сообщают много таких данных, какие впервые появились в западно европейской литературе.

Отвечая на вопрос, знал-ли Помпоний „кого нибудь из непосредственных предшественников своих по описанию Скифии, В. Забугин (Ibid., стр. 69), указывает, что кроме классических авторов Лэт один раз ссылается на „современных космографов“, и прибавляет: „трудно сказать, о ком тут идет речь“. Действительно, в 1479 г. Лэт мог уже свободно пользоваться „Космографией“ гуманиста Энея Сильвия Пикколомини (1405—1464), избранного в 1458 г. папой под именем Пия II, т. к. этот труд его был к этому времени уже закончен (напечатан в 1504 г.), но „заимствований из него у Лэта не заметно“. Ученый папа, на основании рассказов одного веронского монаха о путешествии его в северо-восточные области Московского государства (ок. 1447 г., недалеко от истоков Танаиса-Дона, он нашел народ, язык которого сходен с языком паннонских венгров), „совершенно правильно утверждает, что Дон течет из „не особенно большого пруда и болота“; Лэт же, напротив, говорит, что это болото „неведомой глубины“... „И у Пия и у Помпония находим рассказы о зубрах, о русской браге, но у первого они короче и бледнее, у второго подробнее и красочнее“. Сравнивая далее сведения о Скифии Помпония Лэта и поселившегося в Польше собрата его по Академии Каллимаха—Буонаккорси, В. Забугин (стр. 85—88) находит, что они также не зависят друг от друга, и что только в части, относящейся к Западной Скифии и Сарматии могут иметь лишь один общий польский источник; Лэт совершенно самостоятелен и гораздо более подробен. чем Буонаккорси во всем, что касается востока и северо-востока. Конечно, Лэт всюду является „во всеоружии того географического аппарата, какой могла дать ему тогдашняя гуманистическая наука“ (Забугин. стр. 67 сл.), т. к. он хорошо изучил и Страбона, и Птолемея, Плиния и Помпония Мелу, а по переводу Л. Валлы знал даже „все то, что писал о Скифии Геродот“, но следует еще раз подчеркнуть, что наиболее важным и интересным для нас источником „скифских заметок“ Лэта остаются те расспросные сведения, какие он получил во время путешествия.

Отрывочные и разрозненные путевые заметки Лэта не составляют связного рассказа; они включены в его комментарии к Вергилию и отчасти в лекции по Варрону и Валерию Флакку. В. Забугин перепечатывает их в приложении к своему труду (стр. 195—218), заимствуя тексты из первопечатных изданий и неизданных рукописей. В этих заметках наше внимание останавливают на себе известия о Приуральи и Сибири. Для своего времени, Лэт знает довольно много, как о природе этих местностей, так и о населяющих их людях. Любопытно, что он уже пользуется словом „Сибирь“, как географическим термином; вероятно именно так следует понимать встречающееся у него слово «Sybarinum», иначе необъяснимое; в названии же мехового товара «Sybariscum» также нетрудно угадать латинизованное русское прилагательное „сибирский“. Лэт

сам говорит, что обо всем этом ему рассказывали „люди, живущие у истоков Танаиса“, т. е. Дона. По мнению Шлецера это были русские „из окрестностей Тулы в Московской области“, т. к. именно там Дон берет свое начало; я бы однако, не решился на столь точное определение, несмотря на то, что сведения Лэта об истоках Дона были довольно верны. Где Лэт видел этих людей? Во время своего путешествия или у себя в Италии? На этот вопрос Забугин не отвечает. Если верить комментарию к Вергилию Христофора Ландино (1487), в котором есть отголоски и заимствования из Помпония Лэта, Ландино сам, во Флоренции, присутствовал при беседе Павла-врача (Paulus physicus) с людьми, обитающими „неподалеку от истоков Танаиса“ (В. Забугин, стр. 80, 213), следовательно русские, жители дальнего севера, встречались уже тогда и в Италии. И тем не менее нужно думать, что Лэт ссылается на беседы свои с людьми, которых он встретил в Приазовской Тане: слишком новы, непосредственны и свежи записанные им от них рассказы. Интересно отметить, что в устье Дона шел в эту эпоху обильный меховой торг; о нем упоминают и позднейшие писатели. Так, французский географ XVI в. Андрэ Тевэ (см. о нем ниже) в одной из своих неизданных работ: «Description du plusieurs Isles» (ок. 1586 г., ркп. Национальной Библиотеки в Париже, Ms. fr. № 17174) подробно описывает остров «d'Alopétie dicte des Renards», некогда находившийся в устье Дона и позднее исчезнувший, благодаря наносам речного ила (его знают уже Птолемей: Ἀλωπεκία, III, 5, 16 и Плиний: Alopece, IV, 12; ср. В. Н. Татищев, История Российская, М. 1768, кн. I, стр. 169: „При устии реки Дона есть остров Алопекиа, который и Танаис именуем“), который москвитяне прозвали „Лисичьим“ («... luy donnent le nom de Lassiza, qui ne signifie autre chose que Renard...»); автор догадывается, что „это название было ему дано по той причине, что здесь идет большая торговля мехами лисиц и других животных, как напр. куниц («marthes que les Moscovites appelent Counissa»), рысей, которых они называют лютыми зверями (loutessyer) и лосей (lose), т. к. всеми ими изобилует материк“ («Recueil de Mémoires Orientaux», vol. V, Paris, 1905, p. 454). Очевидно Помпоний Лэт в тех-же местах, но за сто лет перед тем, встретился с промышленниками или купцами, которые и могли ему рассказать о странах, откуда эти меха привозятся. Неудивительно поэтому, что Лэт описывает соболей, белок различных видов, подробно рассказывает о бобрах (В. Забугин, стр. 93—95); ему известно, что на крайнем севере водятся белые медведи, а также белые лисицы, живущие „близь моря и называемые морскими собаками“ (вероятно, песцы?); он знает также о промысле моржовым „зубом“ и о мамонтовой кости. В лекциях по Вергилию упоминается „большой остров на крайнем севере... недалеко от материка: там редко, почти никогда не загорается день; все животные там белые, особенно медведи“. В. Забугин (стр. 80, прим. 78) видит здесь „первое упоминание о Новой

Земле, открытой голландцами в конце XVI в." (по мнению Ф. П. Литке, Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый Океан, СПб. 1828, ч. I., стр. 13—31, первое упоминание о Новой Земле сделано итальянцем Мавро Урбини).

Особо следует отметить упоминания Лэтом угров и Угрии, Югры. Русские известия о походах на Югорскую землю довольно часты в летописях уже в XIV в. (1323, 1329, 1364 и т. д.), не говоря о более ранних экспедициях новгородцев; поход 1364 г. приводит нас уже за Обь. От конца же XV века, т. е. как раз от того времени, когда Лэт записывал рассказы москвитян, в разрядных книгах сохранилось довольно много известий о юграх, свидетельствующих о совершенном покорении югорской земли москвичами, весьма понятном после 1471 г., когда все новгородские владения перешли под власть Москвы. Еще в 1465 г. отряд устюжанина Василия Скрябы, посланный Иваном III, привел „землю Югорскую" в подданство московскому князю, но в 1483 г. это более номинальное, чем фактическое овладение Югорией, закреплено было походом кн. Федора Курбского-Черного и И. И. Салтык-Травина, произведшим сильное впечатление на жителей Приуралья (А. В. Оксенов. Слухи и вести о Сибири до Ермака. „Сибирский Сборник" кн. IV, СПб. 1887, стр. 108—116; его-же: Политические отношения Московского государства к югорской земле 1455—1499,—Ж. М. Нар. Просв. 1891 № 2, стр. 246—272; А. А. Савич. Прошлое Урала. Пермь, 1925, стр. 21 сл.).

Рис. 5. «Белые медведи» (С карты Олая Магнуса 1539 г.).

Остальные сведения, приводимые Лэтом, до Сибири не относятся; у него есть еще, правда, ряд заметок, касающихся далеких стран Азии, Индии, „сказочных лесов серов, приносящих шерсть этому „первому в громадной Скифии народу", доброму, хотя и мало чем отличающемуся от животных, избегающему общества прочих людей и ведущему немую торговлю" (китайцы), но, как замечает и В. Забугин, „это уже чисто книжные, античные сведения, которые наш гуманист почерпнул у себя дома".

Лекции по Вергилию дошли до нас, главным образом, в плохом печатном виде: в контрабандной печатной редакции Даниила Гайтона из Кремоны, напечатавшего их без позволения автора в Брешии, в 1487 и 1490 гг. (сл. Hain, Repertorium Bibliographicum № 9835—6), в Базельском издании 1544 г. (откуда привел цитаты Шлецер) и в новой редакции, опубликованной также в Базеле в 1561 г. (переиздана в 1575, 1586, 1613 г.г.). D. G. W. Panzer (Annales Typographici, Norimbergae 1803, vol. VIII, p. 456 № 981; ср. J. Alb. Fabricius, Bibliotheca Latina mediae et infimae Aetatis 1754, t. IV, p. 202—203) указывает также на Венецианское издание 1519 г. Я привожу нижеследующий русский перевод по латинскому тексту, напечатанному в приложении к исследованию В. Забугина (стр. 205 и сл.), где сведены варианты первых трех изданий, а также приняты во внимание все сохранившиеся рукописи Лэта.

Вблизи берегов Ледовитого Океана живут лесные люди, называемые югры (Ugari sive Ugri); это несомненно скифы, очень отдаленные от остальных людей. Они не знают ни золота, ни серебра, ни

Рис. 6. Деталь карты Олая Магнуса (1539 г.).

других металлов; с ближайшими народами ведут меновую торговлю, а также с жителями Заволочья (заволочанами—cum Zauolocensibus). Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаиса.

* * *

Там, где живут древние Угры и Заволочане, нет царей. Этот народ очень счастлив, хотя и терпит сильные морозы. Летом, ко времени солнцестояния, у них непрерывный день.

* * *

В Скифии находят змеиные зубы, по виду вроде слоновых клыков, но тяжелые и твердые. Их поверхность жестка; находят их в глубине земли: самых змей нигде не видали. Из них делают горький порошок, который принимают с вином или водой, как противоядие.

* * *

От Борисфена Скифия тянется до Рифейских гор, которые замыкают ее с востока и простираются на север вплоть до Ледовитого океана. Эти горы столь же высоки и возвышенны (altissimi atque excelcissimi), как и Альпы, которые оканчиваются у моря, простирающегося в Тиле (Thyle). В отдаленнейших пределах их живут

Рис. 7. Куница и соболь (Деталь карты Олая Магнуса 1539 г.).

югры (Ugri); в горах водится род лесных волков, а в лесах ловят соболей (Zobolae) и драгоценных белок (sciuri), которые теперь называются elossi, причем существует четыре вида этих животных; у Сибарина (Sibarinum) же водится множество куниц, которых там называют Сибарисками (Sybariscum). Немного ниже, на восточном склоне [Рифейских гор], на расстоянии двухмесячного пути, живут пермяки (Parmii) и заволочане (Zauolozences). За Рифейскими горами начинается Индия. Одно следует еще заметить: в Скифии и Сарматии городов очень мало, поселений же — неисчислимое множество.

ПРИМЕЧАНИЯ

Югры] Помпоний называет у г р а м и и венгерцев и восточных финнов Югорской земли. В лекциях по Флору П. Лэт упоминает, что угры приходили вместе с готами в Рим и участвовали в разгромлении его Аларихом. «На обратном пути часть их осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, ч а с т ь в е р н у л а с ь н а р о д и н у, к Л е д о в и т о м у о к е а н у, и до сих пор имеет какие-то медные статуи, принесенные из Рима, которым поклоняется, как божествам». В. З а б у г и н (стр. 97—98) замечает: «трудно сказать, идет-ли тут дело о народном поверьи или об ученом домысле» и прибавляет, что «в связи с этой легендой, повидимому, стоит известие Герберштейна о статуях и мраморных изображениях близь устьев малого Танаиса», но не нужно-ли здесь видеть одно из ранних европейских известий о «Золотой Бабе»? (См. ниже: s. v. Герберштейн). Вопрос о юграх и земле Югорской давно занимал историческую науку. Трудность вопроса заключалась в согласовании ряда свидетельств, противоречащих друг другу. Поэтому мнения об этом историков весьма разнообразны. Некоторые помещали Югру на р. Юге (Татищев и Болтин), другие на Вычегде (Шлецер), третьи—от берегов Белого моря через Урал до Оби (Георги); А. Х. Л е р б е р г, в своей старой, но не потерявшей доныне значения работе «О географическом положении и истории Югорския земли» (Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб. 1819, стр. 1—82) полагал местожительство древней Югры за Уралом, по обоим берегам р. Оби и далее до берегов р. Аяна на восток. В русской летописи Югра показана крайним северо-восточным населением в Заволочьи; кроме того, ее упоминает известный рассказ Гюряты Роговича: «Послах отрок свой в Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему к ним и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем и с е д я т с С а м о я д ь ю на полунощных странах» (Лавр. лет., 107). «По прямому смыслу этого известия, замечает Н. П. Барсов (Очерки русской исторической географии. География начальной летописи, Варшава 1873, стр. 52—53), Югорская земля представляется лежащею за Новгородскими владениями на Печоре, к северу от этого племени; но если верно, что эти последние занимали область между Камою и Вычегдою, то в таком случае югорско-самоедские поселения или кочевья следовало бы полагать далее на север, за Вычегдой, до тундр Поморья, по восточным притокам Двины, по Мезени и по Печоре». Новейшие исследования еще точнее определяют географическое положение Югры приуральской,—то на р. Вычегде, где либо около нынешнего Усть-Кулома, либо около г. Турея, на р. Выми (А. М. М а р т ю ш к о в. Коми—народ в первый период его исторической известности. «Коми—му» 1928 № 2, февраль, стр. 41; В. П. Ш л я п и н. Из истории заселения нашего края. «Записки Северо-Двинского о-ва изучения местного края», вып. V, 1928, стр. 34—35). Такие предположения подтверждают как ономастические сопоставления географических имен, так и анализ известий о сношениях и столкновениях Руси с Югрою в XI—XIV вв. Известия о сношениях Новгорода с Югрой в XII—XIV вв. «указывают на близкое знакомство Югры с одной стороны с Печорой, с другой—с Устюгом и Двинской областью». «Югра управлялась своими князьями, вела с данщиками упорную борьбу, из которой новгородцы выходили не всегда с успехом и,—явление общее для всех инородцев в их столкновениях с славянством—отступали. В течении нескольких столетий они постепенно передвинулись за Урал, на берега Иртыша и Оби, где и застает их XV век, и где они были покорены уже московскими войсками» (Н. Б а р с о в, op. cit., стр. 55—56, А. Д м и т р и е в, Пермская старина, вып. V, стр. 12—13; А д р и а н о в, Отчет о 87 присуждении премии Уварова, СПб. 1897, стр. 287—289; А. В. О к с е н о в в «Литературном Сборнике», изд. ред. «Восточного Обозрения», СПб. 1885, стр. 425—445, е г о ж е, «Политические отношения Моск. Гос. к Югорской земле», Ж. М. Нар. Просв. 1891, № 2, стр. 246—272: А. В. М а р к о в. Беломорская былина о походе новгородцев на Югру в XIV в.—Сборник в честь В. Ф. Миллера, М. 1900, стр. 150—163).

Шведский офицер P. Schönström. бывший в плену в России в 1741 г. записал у сибирских вогулов предание, что они некогда жили по эту сторону Урала, на реках Двине и Юге «и назывались тогда—югорские» (Jugorski) (Müller, Der Ugrische Volkstamm, Berl. 1839 I, 153 ff.), что лишний раз подтверждает родство сибирских вогулов с Заволочской Югрой. Гипотеза о переселении югры за Уральский хребет может в настоящее время считаться общепринятой (С. М. Середонин. Историч. география. Петр. 1916, стр. 201—202; В. И. Огородников, Очерк истории Сибири до начала XIX стол., ч. I. История до-русской Сибири, Ирк. 1925, стр. 9 и сл., «Финноугорский сборник» Лгр. 1928, стр. 256—257).

Все это, однако, не разрешает вопроса о том, где лежит Югра, упоминаемая Лэтом, на запад или на восток от Урала. Венгерский ученый Zoltan Gombocz в своей работе о «Венгерской прародине и национальной традиции», помещенной в венгерском журнале «Научно-лингвистические Сообщения» («A magyar őshata és a nemzeti hagyománi»—«Nyelvtudományi Közlemények», Bd. 45, 46, 1923—1926), собрал все западно-европейские известия о местоположении Югрии; в числе их приводит он и известия Помпония Лэта (Bd. 46, S. 178). Несомненно, что под «уграми» Лэт понимает вогулов, однако мнение Гомбоча, что Югра расположена была в Зауральи, в цитате из Лэта наталкивается на некоторые возражения, которые формулирует E. Moór («Anschauungen von der Urheimat der Ungarn im Mittelalter und bei den Humanisten»—«Ungarische Jahrbücher» 1928 VII, S. 422—449); защищая теорию, по которой Югра еще в XV веке находилась на запад от Урала, Мор ссылается на слова веронского путешественника 1447 г. в «Asiatica Scythica non longe a Tanai», приведенные в «Космографии» Энея Сильвия и упомянутые во введении к настоящему тексту, указывает на то, что слова веронца цитированы также у Bonfinius'a, что о переселении венгров из «Европейской Сарматии» говорит Ransanus (1420—1492) в своей «Венгерской истории» и что, наконец, венгерский король Матфей от «русских купцов» узнал о «венграх Угрии»; в числе своих доказательств Мор ссылается также на слова Помпония Лэта (op. cit., S. 448) и обращает внимание на то, что его угры—«лесные жители», тогда как яко бы «Зауральская Югория была в значительной степени безлесной»; это не соответствует истине и не решает вопроса; в пользу противоположного мнения говорит прежде всего то обстоятельство, что «заволочан» Лэт как будто противополагает «ближайшим» соседям угров, но главным образом то, что Лэту известно уже и слово Сибирь. Таким образом, я склоняюсь к мнению, что «люди, жившие у истоков Танаиса» рассказывали Лэту о вогулах восточных склонов Приуралья. Как известно, по вопросу об отношении древних югров к современным вогулам и остякам существует три группы мнений: «одни считают югров предками нынешних вогулов и остяков вместе; другие только вогулов, а третьи только одних остяков; большинство ученых XIX—XX в. склоняется к последнему взгляду» («Финноугорский сборник» Лгр. 1928, стр. 257). Вопрос этот, однако, еще не является окончательно решенным. Шегрен свидетельствует, что зыряне называют уральских остяков Jögra—jass (Siögren, Wann und wie ward Sawolotschije russisch, S. 525; сл. Д. П. Европеус. «К вопросу о народах, обитавших в северной и средней России, Ж. М. Нар. Просв. 1868, III, стр. 58); по словам Н. Чупина (Географический и статистический словарь Пермской губ., Пермь 1873. стр. 339), зыряне называют вогул, известных еще под именем «остяков ляпинского наречия»: «Егра, Иогра», «да и самое слово «вогул» может быть рассматриваемо, как видоизменение слова угр или югр» (В. Павловский, Вогулы, Казань 1907, стр. 6—7).

Жителями Заволочья]. Заволочье—обширное пространство земель, расположенных «за волоком»,—собирательное наименование северо-восточных новгородских «волостей», земель или подвластных Новгороду или обложенных им данью. В литературе встречается несколько мнений относительно географических пределов этого Заволочья, причем «некоторые исследователи включали в понятие его и Обонежский край, другие приурочивали его лишь к землям, расположенным

между реками Онегою и Мезенью, третьи распространяли его на прилегающие области северного Приуралья. Следует сознаться, что понятие Заволочья выступает в довольно неопределенных чертах и в самых источниках» (Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России, Казань, 1910, стр. 154 прим.; Попов. Колонизация Заволочья и обрусение заволоцкой чуди.— Беседа 1872 № 2. отд. II, стр. 39—40; П. Е Ефименко. Заволоцкая чудь Архангельск 1869, стр. 33—34). С. Огородников (Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по «Книге Большого Чертежа»,—Зап. Р. Г. Общ. по отд. этногр. т. VII, 1877, стр. 10—11; 57—58), замечает: «Даже при относительной достоверности исторических известий, так называемая «Заволоцкая чудь» положительно не составляла... отдельного самобытного племени и потому естественно, что чисто географическое название не может быть применяемо определительно ни к одному из названных племен... Как простой географический термин, самое название Заволочья имеет в разные периоды различное по пространству географическое значение; может быть, не ошибочно будет думать и так, что понятие новгородцев о протяжении Заволочья изменялось и расширялось по мере того, как они с разных сторон проникали в эту страну».

У истоков Танаиса] т. е. Дона. О том, из какой области были собеседники Лэта см. введение к настоящему тексту. Интересно, кстати, отметить, что в средние века, и даже позже, границею между Европой и Азией считалось именно течение Дона (F. G. Hahn, Zur Geschichte der Grenze zwischen Europa und Asien.—Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig, 1881, S. 83—87).

В Скифии находят змеиные зубы]. «Речь идет несомненно о мамонте,— замечает В. Забугин (op. cit., стр. 91)—который впервые появляется, хотя и под псевдонимом, в западной литературе». Весьма вероятно, что речь идет о мамонтовой кости, находимой не в Сибири, а в пределах Европейской России. Так, известно напр., что в верховьях Дона мамонтову кость находили на самом берегу реки. Гмелин (Путешествия по России для исследования трех царств естества, СПб. 1771, стр. 53, 119 сл.) впервые обследовал одно из таких «кладбищ мамонтов» неподалеку от г. Воронежа, и высказал соображение, «что кости мамонтов, находящиеся в Сибири, и на Дону «одинакового происхождения». И. С. Поляков, в 1880 г. обследовавший место, указанное Гмелиным, записал местное предание, по которому зверь Индер, повидимому представлявшийся рассказчику великим змеем, «вздумал перепить Дон», но лопнул, а кости его рассыпались на большое расстояние («Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию. Зап. Акад. Наук 1880, т. XXXVII, кн. 1, стр. 18). Уже ранее В. Ф. Миллер сближал поверья о мамонте, звере, живущем под землею, со старыми поверьями об Индрике—звере, встречающимися в азбуковниках и Голубиной книге («Древности», изд. Моск. Арх. Общ., т. VII, стр. 6; В. Мочульский, Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варш. 1887, стр. 152—153). Этимологически—«индрик-зверь» есть, однако, ничто иное, как «единорог» греко-славянских сказаний. С А. Усов («Единороги»,—Сочинения. М. 1888, т. I, стр. 398) также устанавливает тождественность представлений об единороге и мамонте: мамонт напр., подобно единорогу, ходя под землею, «прочищает русла ручьев и подземных рек, истоков водных» (П. К. Симони. Заметки Рич. Джемса о чуди, лопарях и самоедах.—«Сборник Ленингр. Общества исслед. культуры Фино-Угорских народностей I, Лгр. 1929, стр. 127—128): отсюда, вероятно, целебные свойства, для очищения кровеносной системы, бивней мамонта (рогов сказочного единорога), которым в допетровской Руси в толченом виде отводили почетное место среди лекарственных снадобий (Е. В. Пфиценмайер. В Сибирь за мамонтом М. 1928, стр. 11). Свидетельство Лэта это вполне подтверждает.

От Борисфена] от р. Днепра.

До Рифейских гор] О Рифейских горах см. выше: Р. Бэкон, стр. 26. Рифейские горы пользовались большой популярностью в Италии и в средние века и в

эпоху возрождения. О них упоминает уже Данте (Purg. XXVI, 43), говоря о «журавлях, которые летят одни на Рифейские горы, другие — в пустыню».

Poi come gru, ch'alle montagne Rife
Volasser parte, e parte inver l'arene

В XVI веке о «суровых Рифеях» пишет и Джордано Бруно в своем «Spaccio della bestia trionfante», 1585 (см. русское издание: «Изгнание торжествующего зверя. Перев. и прим. Алексея Золотарева П. 1914, стр. 121, 211; однако, это не «Скандинавские горы», как полагает переводчик, а Урал). Уральские горы воспеты еще у знаменитого португальского поэта Камойнша (Комоэнса), в его прославленной эпической поэме «Лузиаде» (1560), столь насыщенной, вообще говоря, географическим материалом эпохи великих открытий. На этот раз, однако, поэт еще находится во власти античных географических представлений. Герой поэмы Васко де Гама описывает мавританскому королю северные пределы земли; говоря о Европе, он упоминает, что на востоке ее отделяет от Азии река Танаис, текущая с Рифейских гор в Мэотидские болота:

.... o rio
Que dos montes Rhipheios vai correndo
Na alagoa Meotis...

Далее идет речь о «расположенных близ полюса Гиперборейских горах»: «здесь светоч мира погасает на горных вершинах, покрытых снегом и вечными льдами, которые питают реки и источники»:

Lá onde mais debaixo está do polo
Os montes Hyperboreos apparacem,
E aquellos onde sempre sopra Eolo,
E co'o nome dos sopros se ennombracem...

(Camões, Os Lusiadas. Poema epico, Paris 1832, canto terceiro, VII—VIII, p. 79). Французский комментатор Камойнша, по поводу упомянутых у него Рифейских гор, оговорив ошибку о том, что Танаис—Дон течет с этих гор, считает нужным прибавить: «on les appela les monts Poyas» — «их называли Земным Поясом» (сл. ниже: Герберштейн).

Что касается Лэта, то в другой своей заметке он пишет: «Древние считали Танаис границей между Азией и Европой совершенно напрасно: не зная мест, они думали, что эта река течет с Рифейских гор, а самые горы доходят до Океана; все это ложно. Танаис начинается среди равнины и тотчас становится судоходным, Рифейские горы тянутся к востоку; близь океана их окружает широкая и просторная низменность, соединяющая Скифию с верхней Индией, расстояние от Рифеев до Гебра гораздо более, чем от этого последнего до Италии. Рифейские горы не всегда покрыты снегом». Кроме того, интересно отметить, что Лэт тщательно отделяет Рифейские горы от Гиперборейских, предвосхищая карту Джакомо Гастальдо (1546) (см. В. Забугин, стр. 79, 80—81).

В Тиле] Thyle — Балтийское море? Под островом Thule, положение которого подало повод ко многим спорам, древние понимали, вероятно, Скандинавию или Исландию (S. Günther. Das Zeitalter der Entdeckungen, Lpz. 1905, S. 6). Остров Туле упоминается у Олая Магнуса; знает его также, встречавшийся с Олаем в Венеции и Болонье (в 1547 г.) испанский историограф Франческо Лопец де Гомара (Karl Ahlenius. Olaus Magnus och hans framställning af nordens geografi, Upsala 1895, s. 168—169).

Соболей] Собольи, беличьи и куньи меха составляли главный предмет вывоза из приуральских областей в XIV, XV и XVI вв. По житию Стефана Пермского, составленному его учеником Епифанием, главным предметом охоты у пер-

мяков были соболи, куницы, горностаи, ласки, бобры, лисицы, медведи, белки. Пермятский сотник и жрец Пам говорил Стефану, что продукты пермяцкой охоты пользуются широким распространением и «посылаются и досязают» в европейские земли «и в Царьград, и в немцы, и в Литву, и в прочая грады и страны, и в дальные языки...» (Памятники старинной русской литературы, вып. IV, СПб. 1862, стр. 136, 141, 144). Полвека спустя после известия Лэта любопытное известие о югорских соболях оставил Günrat Gessner в своей «Thierbuch» (Zürich, 1563): он говорит, что соболь водится в «Скафской Венгерской земле», недалеко от «истока реки Танаиса, называемого Daushüls-Ihure» т. е. очевидно в Югрии (А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, т. II, стр. 79). Говоря далее о белках, Лэт называет их «по классически sciuri и по современному elossi (sic, l. dossi)» (В. Забугин, стр. 91—92).

у Сибарина] Нельзя не согласиться с В. Забугиным (стр. 92), что здесь имеется в виду Сибирь. Это название могло быть известно Лэту не только из рассказов русских, т. к., как указано было выше (см. примечания и Шильтбергеру, стр. 54) название земли Сибирской уже упоминается в летописях в половине XV в., но и из итальянских источников, т. к. оно отмечено уже на итальянской карте Фра-Мауро (1459).

Живут Пермяки] о них см. ниже в примечаниях к П. Иовию.

За Рифейскими горами начинается Индия] В Лекциях Лэта по Варрону Сибирь называется «Верхней Индией» (В. Забугин, стр. 81, 86). Эта мысль могла быть внушена Лэту П. Мелой, Плинием и несовершенной средневековой картографией.

XVI век

VII. МАТВЕЙ МЕХОВСКИЙ | MATTHIAS MIECHOWITA

(1517)

Меховский—польский историк, продолжатель хроники Длугоша, профессор и ректор Краковского Университета (р. 1457—ум. 1523), сочинение которого о Сармациях (Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis, 1517) впервые открыло русское государство Европе и оказало большую помощь в деле ознакомления с ним западного мира. Сам он в России не был (как это утверждает Meiners, Vergleich. d. älteren u. neuen Russland, Leipzig, 1798, I, S. 4—6, а за ним и Adelung. Krit.-Literär. Übersicht der Reisenden in Russland I, S. 179), а получал сведения от случайных русских, бывших в Польше, и тем не менее успел собрать многое такое, что до него не было известно ученым, основывавшимся на античной географической традиции и очень мало еще осведомленным о восточной части Европы, а тем более об Азии. Сам Меховский пытался уже критически подойти к этим известиям (см. введение к настоящей книге), хотя он частично и пользовался еще античной терминологией. „По сведениям, переданным нам древними, пишет он, существуют две Сарматии: одна в Европе, другая в Азии". На этом основании и свое сочинение Меховский разделяет на две части: одна посвящена обозрению Сарматии Азиатской, другая—Европейской.

Собственно о Сибири Меховский еще не говорит, но он упоминает о Башкирии, Югре и о местностях, лежащих северо-восточнее уральского хребта. Приводимые им данные очень характерны для географических познаний его времени. М. Корф, посвятивший специальное исследование анализу известий Меховского о восточной Европе и Азии, так отказывается об его сочинении: „рассказы его носят на себе печать какого-то особенного незлобивого добродушия, а излагаемые им сведения отзываются истинной любознательностью и сочувствием к описываемому предмету. Есть, конечно, много неверностей в его книге, но прочитавший ее всю со вниманием, обвинит скорее некоторых из тогдашних современников наших, не хотевших или не умевших оценить благородной его пытливости касательно всего, что относилось к нашему оте-

честву, и сообщивших ему вещи небывалые. Зато некоторые из показаний Меховского имеют, видимо, характер достоверности и могут служить подтверждением и частью дополнением местным источникам" („Библиографические отрывки. III. Матвей Меховский и его сочинение „О двух Сармациях", „Отеч. Записки" 1854, т. CXVII, отд. II, № 12, стр. 137—160). Новейший исследователь Меховского Б. Дитмар (Трактаты о двух Сармациях Матвея Меховского, „Землеведение", т. XXX, 1928, вып. 4, стр. 63—75) вполне правильно объясняет успех его книги тем, что Меховский „первый из западно-европейских писателей посягнул на авторитет Птоломея и других писателей древности"; „мало того, Меховский первый из писателей приводит русские названия рек взамен тех, которые укоренились в науке со времен Птолемея. Он в кратких словах описывает природу Московии, образ жизни населения и категорически отрицает существование людей с одним глазом, двухголовых и с собачьими головами". Подробный разбор известий Меховского о России и обитавших в ней инородцах см. еще Е. Замысловский, Герберштейн, и его историко-географические известия о России СПб. 1884, стр. 341—374.

О большом успехе книги у современников свидетельствует количество ее изданий; вслед за первым Краковским изданием 1517 г. появился немецкий перевод (Augsburg, 1517), второе латинское издание появилось в Кракове в 1521 г. с измененным заглавием («Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europeanae et eorum quae in eis continentur» и с приложением письма Меховского к издателю его, Галлеру, об отдаленных окраинах России, о беззакатном солнце и бесконечных северных ночах (русск. перев. в „Библиографических отрывках", стр. 151); это издание перепечатано в сборнике, приписываемом Симону Гринею: «Orbis novum regionum et insularum vetoribus incognitarum» (Париж, 1532). Существует еще ряд других изданий (см. „Журн. М. Н. Просв." 1880, № 9, стр. 71) и переводов—среди них польский—1545 г., итальянский—1561, 1634. Из книги Меховского много заимствовал в свою знаменитую „Космографию" (1544) Себастьян Мюнстер,—в частности все данные Меховского о Перми, Башкирии, Югре и Кореле; она была первоисточником также для Герберштейна. Еще ранее трактатом Меховского воспользовался Альберт из Кампена (Кампензе) в своем известном письме к папе Клименту, но все названия народов, живущих на севере и северо-востоке Московии у него сильно искажены, напр. Juhri, li Corelli, li Perusrani [Pezorani], li Vahulzrani [Ussarani], li Baschirdi e li Czeremissi (Е. Замысловский, Герберштейн, стр 377), если, впрочем, это не искажения печатного текста, так как в Ватиканской рукописи Альберта из Кампена (Vat. lat. 3922. 2 r., 4 v.), обследованной В. Н. Забугиным (см. его исследование: Ю. П. Лэт, Петр. 1914, стр. 80 прим. 79 и журнал: «Roma e l'Oriente» I, 1910—1911. p. 112) стоит более правильное: «Iuhri Coreli persuskani Vabulezkani (вогуличи), Baskirdi, Cziremissi», даже

«Permskani vahulczkani». Неточный и неполный перевод отрывка из книги Меховского, относящегося к северо-востоку, дает А. Оксенов. („Сибирь до эпохи Ермака по сведениям западно-европейских писателей“ „Томск. Губ. Ведом.“ 1889, № 6); приводимый ниже перевод сделан В. Н. Дурденевским по латинскому тексту, напечатанному в издании Старчевского: «Historiae Ruthenicae scriptres exteri saeculi XVI». Petropoli et Berolini, 1851, I, p. 5—6, а этот последний перепечатан из Corpus Historiae Polonicae J. Pistorii, edid. H. Petri, 1588. Подробная биография Меховского дана в названной выше статье М. Корфа (стр. 138—141; Б. Дитмар в указанной работе напрасно, кажется, приписывает эту анонимно опубликованную статью—К. Коссовичу), а также в «Wielka encyclopedya powszechna ilustrowana», t. XLV—XLVI, (Warsz. 1911), str. 1007—1010.

ОБ ОБЛАСТЯХ СКИФИИ—ПЕРМЬ, БАШКИРИЯ, ЮГРА И КОРЕЛА, ПОКОРЕННЫХ МОСКОВСКИМ КНЯЗЕМ

За Московией находятся к северо-востоку племена и области в конце северной Азии, именуемые собственно Скифией, подвластные московскому князю, и покоренные первоначально Иваном, князем Московским, а именно Пермь, Башкирия (Baskird), Черемиссия (Czermeissa) Югра, Корела; эти области упорно остаются в языческой вере и идолопоклонстве. Здесь почитают солнце, луну, звезды, лесных зверей и что придется; жители имеют собственные языки и наречия. В земле пермской собственный язык, в башкирской—свой, в Югре—свой и в Кореле также свой. В этих областях не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесною дичью (feris) которая у них водится в изобилии и пьют только воду; живут в густых лесах, в шалашах из хвороста. И постольку леса заполняют эти земли, люди стали одичалыми и озверелыми. Они подобны неразумным животным, не имеют одежд из шерсти, покрываются грубо и нескладно (rude et grosse) шкурами, употребляя вместе шкуры разных животных—волка, оленя, медведя, соболей, белок, (куниц (?ex scimis), смотря по тому как придется. И так как в их земле не открыто ценных металлов (mineras), то платят они дань

Рис. 8. Горностаи (С карты Олая Магнуса 1539 г.).

московскому князю не ими, а шкурами лесных животных, которых имеют в изобилии.

Те, которые живут близь северного океана, как-то югры и корелы, ловят рыбу и китов, либо морских коров и собак [тюленей], которых [жир] они называют ворвань (vor vol) и из кожи их делают повозки, мешки и одежды (redas, bursas et caletas), а жир, если заблагорассудится, хранят и продают.

В Югре и Кореле есть горы незначительной величины, без высочайших подъемов, как думали и писали некоторые. На приокеанские горы, которые не высоки и тянутся по всему северу вдоль океана, взбираются из моря рыбы, называемые морж (mors), упираясь клыками в склон горы, подталкиваясь и так продвигая свое восхождение; когда же они достигают верхушки горы, то в продвижении к дальнейшим местам, скатываясь, достигают другой стороны гор. Названные племена добывают, путем собирания, эти клыки, довольно большие, широкие и белые, очень тяжелые по весу, и отдают в дань и продают москвитянам; в Московии же из них делают употребление, а также посылают в Татарию и Турцию— для изготовления рукояток мечей, дротиков и больших ножей, так как своей тяжестью они дают более сильное и внушительное впечатление и полезны бывают наносящим удары, работающим, сражающимся и надрубающим [что-либо].

Рис. 9. Шаман верхом на олене
(С карты Вальдзеемюллера 1516 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Пермь, Башкирия, Югра] Пермией называлась область верхнего течения Камы, вплоть до р. Вычегды; границы Башкирии в понимании Меховского определить довольно трудно: о Югрии см. выше: стр. 70—71.

Ловят рыбу и китов, либо морских коров] В подлиннике: «canes marinos», т. е. морских собак. Е. Замысловский (Герберштейн и его историко-географические известия о России СПб. 1884, стр. 256—266) полагает, что «так вероятно назван какой-либо из семейства тюленей». Любопытно, что в немецком переводе Меховского 1518 г. canes marinos переведено словом «Mörkölber»: «Оно означает и тюленя, в смысле имени родового, и морского зайца (Phoca barbata), который составляет один из видов семейства тюленей.. Vitulus, повидимому, может быть приурочен к особому виду морских зверей, именно нерпе, т. к. она называется Phoca vitulina и ловится у северных берегов Европейской России (см. Исслед. о состоянии рыболовства в России, изд. Мин. Гос. Имущ. т. VI. СПб. 1862, стр. 83), но так как Меховский не дает подробного описания зверя, названного им vitulus, то мы не имеем права давать видовое значение этому названию. В выражении Меховского balenas, seu vitulos,—seu, по всей вероятности, имеет значение союза разделительного, т. к. едва-ли он не отличал китов от тюленей. Последние были хорошо известны уже классическим писателям».

Повозки мешки и одежды] redas, bursas et caletas. В статье о Себ. Мюнстере (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 9, стр. 123, прим. 19 и 20) Е. Замысловский делает к этому месту следующее, вполне справедливое замечание: «Не без вероятия можно предполагать, что Меховский неверно передал или не понял то, что ему говорили об изделиях из кож морских зверей. Не из этих кож, употребляемых на ремни, а обыкновенно из оленьих шкур самоеды шьют себе малицу и совик, и по всей вероятности, которую либо из этих одежд (род мешка с двумя рукавами, с отверстиями внизу и вверху, чтобы просунуть голову) и следует понимать под словом caletae у Меховского». Б. Дитмар (Трактаты о двух Сарматиях Матвея Меховского. «Землеведение» XXX, 1928, вып. 4, стр. 73) переводит: «бьют китов, тюленей и морских собак, которых они называют «ворванью»; из шкуры их делают мешки и калиты (?)».

Ворвань]. В подлиннике: vor vol. Ворванью называется сало, вытапливаемое из туш морских зверей. «По всей вероятности это слово и следует разуметь под словом vor vol... Меховского, который по ошибке дал ему совершенно неверное определение» (Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 266). То же полагает и А. Оксенов (Сибирь до эпохи Ермака. «Томские Губ. Ведомости» 1889 № 6): У Меховского, пишет он «как видно, произошло смешение части с целым: ворвань, название продукта, добываемого из тюленей, принято им за название самых тюленей».

Взбираются из моря рыбы, называемые morss]. «Морж, замечает С. Середонин (Джильс Флетчер и его сочинение «On the Russe common wealth», как исторический источник. СПб. 1891, стр. 123), принадлежал к числу животных, о которых средневековая география, не имея точных данных, рассказывала небылицы. Первые и точные сведения о ловле моржей находятся уже в рассказе Отера Альфреду Великому (VIII в.); но ясное и лишенное всяких натяжек описание Отера заменилось в средние века фантастическими рассказами о виде и ловле этого животного. Отголосок этих басен о морже представляет рассказ о нем Климента Адамса (XVI в.): «в прилегающем море живет зверь, которого называют морж; он отыскивает себе пищу на скалах, поднимаясь туда с помощью зубов». Подобный же рассказ воспроизвел в легенде своей карты Ант. Вид (1537—1540); см. H. Michow. Die ältesten Karten von Russland, Hamburg, 1884,

S. 135. Любопытно, что созвучие слова morss с латинским словом mors— «смерть» дало повод одному из переводчиков Герберштейна—Панталеоне (1567) заметить после описания зверя: «называется он жителями Mors oder Tod» (H. Michow, op. cit., S. 537). Джильс Флетчер (1591) продолжает считать моржа рыбой: «рыба, снабженная такими зубами, называется моржом и ловится около Печоры». С. Середонин (op. cit, стр. 123) полагает, что «отчасти он был введен в заблуждение русским названием клыков моржа: рыбий зуб». Под таким названием моржовая кость упоминается в русской летописи еще под 1160 г.; арабские писатели сообщают, что ее привозили в Булгар из Югорской земли и дорого ценили (Н. Аристов. Промышленность древней Руси, СПб. 1866, стр. 29, прим. 71; Е. Замысловский, Герберштейн, стр. 267).

Рис. 10. Охота на тюленей
(Деталь карты Олая Магнуса, 1539 г.).

VIII. ФРАНЧЕСКО ДА-КОЛЛО | FRANCESCO DA COLLO

(1519)

В 1517 г. имп. Максимилиан отправил в Москву послом к Василию III бар. Сигизмунда Герберштейна (о нем см. ниже) с целью устроить соглашение между правительствами Москвы и Польши. Так как переговоры эти успеха не имели, то в следующем 1518 г. Максимилиан с той же целью отправил в Москву новое посольство, во главе которого поставлены были два итальянца: Франческо Да-Колло и Антонио де Конти. Они пробыли в Москве с июня 1518 по январь 1519 года (Статейный список их переговоров напечатан в „Памятниках дипломатических сношений с державами иностранными", т. I, стр. 259—473; некоторые документы, относящиеся к посольству, напечатаны также в приложении к работе: J. Fidler. «Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I und Vassily Ivanovitch», «Sitzungzberichte d. Wiener Akademie», phil.—hist. Classe. Bd. 43, 1863). С этим посольством связана история одного научного спора, крайне характерного для этой эпохи, возникновению которого мы обязаны тем, что Да-Колло, будучи в Москве, собрал несколько сведений об Урале и прилежащих к нему областях. Незадолго до отъезда посольства из Австрии, Матвей Меховский послал имп. Максимилиану свое сочинение о двух Сарматиях, отрывки из которого приведены были выше. Новые сведения, сообщенные польским ученым, а особенно смелость, с которой он указывал на ошибки античных географов, сильно заинтересовала Максимилиана, большого любителя географической науки, и он решил поручить послам, помимо дипломатических переговоров, также и проверку некоторых утверждений Меховского. Дело шло об очертаниях восточной Европы и северной Азии, которые в начале XVI века представлялись европейским географам настолько туманными, что они предпочитали принимать на веру данные античных писателей, чем глухие и сбивчивые указания современников; не забудем также, что спор этот возник в эпоху расцвета увлечения классической древностью и еще не омраченной веры в авторитет античной науки. Да-Колло так рассказывает о возложенном на него поручении:

„Императору [Максимилиану] прислана была книга, написанная знаменитым врачом и ученым из Кракова, в которой он осмеливается уличить в досадных ошибках государя всех космографов Птолемея там, где последний описывает северные страны, и особенно там, где он учит, что Танаис берет начало в Рифейских горах, потому что якобы этого или подобного ему горного кряжа в России вовсе не существует. Его величество, хорошо осведомленный в географических вопросах и большой почитатель Птолемея, которому он, как все образованные люди, обязан своим знанием космографии, прочел его замечания о Птолемее с большим неудовольствием и дал нам ясное указание исследовать этот вопрос заново". Во время пребывания своего в Москве, Да-Колло старался собрать данные для опровержения известий Меховского. Он узнал, что в дальних северных пределах владений московского государя, в стране, называемой Югра, действительно есть горы (Уральский хребет), которые он и отождествил с Рифейскими горами Птолемея; эти горы, по утверждению Да-Колло, соединяются с другим хребтом—Гиперборейским, который, однако, ниже Рифейских гор; по этому же утверждению, источники великой реки Танаиса, т. е. Дона находятся в Рифейских горах, а не в княжестве Рязанском, как это утверждал Меховский. В своем донесении Максимилиану Да-Колло прибавляет, что на обратном пути из Москвы, в польском городе Петрокове, он имел случай видеть самого Меховского и разубедить его в его ошибке, и Меховский сознался, что был введен в заблуждение, основав свое показание на рассказах пленных москвитян, содержащихся в Кракове. „На самом деле,—справедливо замечает Л. Н. Майков, оба автора впадали в заблуждения и ошибки, оба пользовались только расспросными сведениями и лишь ходили около истины, но точно не знали ее. Кроме того, Да-Колло грешил и системою, непременно желая согласить узнанное из расспросов с тем, что он вычитал из Птолемея" (Летопись занятий Археографич. Комиссии, вып. XII, 1901, стр. 134—135); М. Корф („Библиографические отрывки" „Отеч. Зап." 1854 т. CXVII, № 12, отд. II, стр. 139—140) находит, что „места Епифановского уезда Тульской губ., где Дон берет начало свое из Ивановского озера, не очень далеко отстоят от Рязани и действительно некогда принадлежали к Рязанскому княжеству. Во всяком случае, показание Меховского ближе к истине, чем свидетельство Да-Колло, который и истоки Волги полагает в тех же местах"; что же касается Рифейских гор, то сведения о них у античных писателей так сбивчивы и противоречивы, что позволяют приурочивать их то к Уралу, то к волжской или так наз. среднерусской возвышенности, где берут начало и Зап. Двина и Дон (ср. А. Сапунов. Река Западная Двина Витебск, 1893, стр. 20—21). Собранные Да-Колло данные, не решили спора о Рифейских горах; у Меховского нашлись защитники в этом вопросе: таков был, напр.,

немецкий гуманист Иог. Майр фон Экк, выпустивший трактат Меховского в немецком переводе (Augspurg, 1518); утверждения польского ученого вызвали также похвалы Нюрнбергского гуманиста Пиркхеймера и принадлежавшего к тому же кружку Ульриха фон Гуттена, который в своем известном письме к Пиркхеймеру 1518 г. рассказывает, что, прочтя трактат Меховского, он не хотел верить, что Рифейских гор не существует, но что в этом убедил его только что вернувшийся из Москвы С. Герберштейн; это произвело на него прямо потрясающее впечатление («quod me audientem attonitum prope reddidit...»), и знаменитый автор „Писем темных людей" восклицает в восторге: „О, что за время! Как движутся умы, как цветут науки! Прочь варварство и невежество! Получив свою награду, ступайте в изгнание на вечные времена!" (D. Strauss. Ulrich von Hutten, S. 304; H. Michow. Das Bekanntswerden Russlands in Vor-Herberstein'scher Zeit, ein Kampf zwischen Autorität und Wahrheit. «Verhandlungen des 5 deutschen Geographentages zu Hamburg», Berl. 1885, S. 123—128; Е. Замысловский. Герберштейн, СПб. 1884, стр. 142—144; о Рифейских горах см. выше комментарий к Ю. П. Лэту, стр. 72—73 и ниже: введение к П. Иовию).

Тем не менее, сведения Да-Колло, отождествившего Рифейские горы с Уралом, представляют большой интерес. „До любознательного итальянца, говорит Л. Н. Майков (op. cit. стр. 134 –135), действительно дошли кое-какие сведения о северном Урале, о той гористой местности, где в начале XVI века еще жило племя Югра, давшее это название и самой стране. Об этой-то Югорской земле и ее обитателях Да-Колло сообщает любопытные известия, притом в большем количестве, чем все другие русские и иностранные источники, прежде него или одновременно с ним говорившие о Югре". Да-Колло сообщает и источник, из которого он получил все эти сведения: „в Москве он встретил уже давно жившего там и знавшего по-русски иноземца, которого он называет: «maestro Nicolò Lubacense, professor di medizina e di astrologia, e di tutte le scienze fondatissimo». Это никто иной, как Николай Любчанин, иначе Николай Булев, тот самый врач, который присутствовал при кончине в. кн. Василия Ивановича в 1533 г., а прежде того вел полемику с Максимом Греком по богословским и разным другим вопросам. Булев свел Максимилианова посланника с некоторым человеком, коего автор реляции называет «Ugrino Besarovich» и с его братом, не названным по имени. Да-Колло считал их уроженцами Югорской земли; несомненно, по крайней мере, что они бывали в ней и знали этот далекий край, почему и могли сообщить о нем много любопытных и новых сведений. В статейном списке о посольстве Да-Колло и Де-Конти также упоминается одно лицо, в котором можно узнать этого «Ugrino». По русски его звали Угрим Баграков; это был человек великого князя, находившийся у него в опале; из того же списка видно, что, по представлении Да-Колло, опала была снята с Багракова, и ему было „позволено видеть князевы очи". И сам

Да-Колло в своей реляции свидетельствует, что по его ходатайству «Ugrino» был возвращен вел. князем из ссылки. Кроме сведений о Югорской земле, есть в книге Да-Колло несколько других самостоятельных известий о тогдашней Московии, придающих этому сочинению значительную ценность. Нельзя также не принять в соображение, что сочинение Да-Колло написано ранее не только знаменитой книги Герберштейна, но и письма Альберта Кампенского и записок П. Иовия; по всему этому небольшой книге Да-Колло должно быть отведено почетное место в ряду иностранных сочинений о России XVI в.“ (Л. Майков, op. cit., стр. 135). Однако, по странной случайности, книга Да-Колло доныне плохо использована исторической и географической наукой. Из старых историков ее знал только Карамзин (Ист. Гос. Росс., т. VII, прим. 358), но ею не воспользовались ни Лерберг в своей сводке свидетельств об Югре, ни позднее Д. Н. Анучин; впрочем, она названа в „Обзоре“ Аделунга (I, № 32, стр. 116). Издание книги в русском переводе, которое Л. Н. Майков предлагал в 1900 году Археографической комиссии,—к сожалению не состоялось.

Быть может недостаточное знакомство с трудом Да-Колло объясняется большой редкостью самой книги. Латинский подлинник реляции Да-Колло никогда не был напечатан и доныне не отыскан. Внук автора, Латино Да-Колло, перевел ее на итальянский язык и издал ее спустя 85 лет после того, как состоялось самое посольство, под след. заглавием: «Trattamento di pace tra il Re Segismondo I di Polonia, e il Gran Basilio Sovrano di Moscovia avuto dai Signori Francesco da Collo Cavaliere Gentiluomo di Conegliano, e Antonio dei Conti Cav. Gentiluomo Padovano Oratori della Maestà di Massimiliano I, Imperatore l'anno 1518, scritta per lo medesimo Sig. Cav. Francesco, con la Relazione di quel viaggio, e di quei paesi Settentrionali de' Monti Rifei e Iperborei, della vera origine del fiume Tanai e della Palude Meotide; tradotte di latino in volgare, novamente data in luce» Padova, Lorenzo Pasquati, 1603.

Сведения об этой книге и несколько отрывков из нее помещены у Sebastiano «Ciampi. Bibliographia critica delle antiche reciproche Corrispondenze... dell'Italia colla Russia, colla Polonia et altre parti Settentrionali» t. III (Firenze, 1842), p. 98—101. Нижеследующий перевод сделан по экземпляру падуанского издания 1603 года, хранящемся в Гос. Публичной Библиотеке в Ленинграде (р. 34—35).

Он [Московский князь] владеет еще двумя обширнейшими северными областями—Югрой (Jarha) и Корелой (Corella), которые состоят из высочайших гор, обширнейших полей, долин и лесов, простираются до ледовитого моря и населены народами, совершенно лишенными всякой культуры, образования и торговли (politia, humanita et commertio). Они оказывают повиновение и почтение

только упомянутому государю и ежегодно платят ему дань шкурами соболей (Zibellini), барсов (Pardi) и других зверей, медом и воском, которые имеются у них в изобилии, так как не имеют никакого представления о золоте и других металлах. Они не имеют [над собою] ни крыш, ни каких-либо иных жилищ, кроме лесов и особых лачуг, построенных из ветвей; они не умеют ни пахать, ни

Рис. 11. Деталь карты С. Мюнстера (1552 г.).

сеять, и не знают, что такое хлеб, питаются мясом зверей, добытых на охоте, и одеваются в их шкуры, небрежно подобранные и сшитые (composte e cucite senza ordine). Поклоняются они Солнцу, Венере, лесам и змеям, как святыням. Свою жизнь они считают блаженной, и находят, что лучше ее быть не может. В этом краю есть различные горы очень большой высоты, среди которых наиболее знаменитой и самой высокой является Югориша (Jugorischa), которая среди Рифеев известна такой высотой, что хотя она и весьма доступна [для восхождения], ее вершины можно достигнуть не раньше чем после четырех суток пути. На вершине этой горы (как мне рассказывали об этом и утверждали многие достойные доверия лица, в частности маэстро Николо Любчанич, профессор медицины и астрологии, весьма искусный во всех науках) царит вечный день; это подтверждали мне Угрим Баграков (Ugrino Bezarovich) и его брат, с которыми я, по милостивому соизволению государя, имел длинные беседы, т. к. государь выписал их для меня с их родины, как людей, хорошо знакомых с отдаленными странами.

Упомянутый брат Угрима утверждал, что он поднялся до самой вершины этой горы или, по крайней мере, достиг такой ее точки, с которой все облака и туманы (tutte le nubi et turbedini dell' aere) очутились у него под ногами, вследствие чего свет держался там все время без всяких перерывов и сумерки (oscurità) не наступали. На этой горе водится особенно много соболей, а также и других диких зверей и животных, которых охотники преследуют на повозках (cacciatori), влекомых собаками величайшей силы и ловкости. Эта гора расположена ближе всего к области Югра (Jurha) и известна больше других, так что ее обитатели несколько более человечны или же менее скотоподобны. На середине ее находятся вечные снега.

ПРИМЕЧАНИЯ

Северными областями Югрой и Корелой]. О Югре см. выше Ю. П. Лэт, стр. 70—71; о Кореле—финском населении на Северной Двине—см. Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава 1873, стр. 57; Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические сведения о России. СПб. 1884.

Поклоняются они солнцу, Венере, лесам и змеям]. О поклонении приуральских племен солнцу, об их культе растений, вере в леших (в «эрысь—морт») —вероятно олицетворении шума леса см. Ф. А. Теплоухов в сборнике «Пермский край», т. III, стр. 293—294; 298—299; М. А. Лебедев. Пермь Великая. Ист. очерки, Ж. М. Н. П. 1917, № 11—12. Известие Да-Колло, видимо достоверно и подтверждается этнографическими данными, собранными впоследствии. У зырян, наприм., до недавнего времени встречалось «почитание отдельных деревьев и рощ» (А. Сидоров. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян. «Коми-му» 1924, № 1—2, стр. 49). По вопросу о почитании Венеры см. соображения А. Грена («Зырянская мифология» «Коми му» 1925, № 1, стр. 23—24), сопоставляющего культ Зарни-Ань, Анай (Венеры-Урании) с эсхатологическими сказаниями шумерийцев и персов.

Самой высокой являются Югориша]. В названии Jugorischa трудно определить какую-либо из вершин Уральского хребта, т. к. название это несомненно искаженное, восходящее, вероятно, к Югории. О Рифеях см. выше: Р. Бэкон, стр. 26—27.

Маэстро Николо Любчанин]. Nicolo Lubacenses, в России назывался: Николай Немчин, Николай Булев (или Люев). Сведения о нем довольно скудны. Предполагают, что он учился медицине в славившемся тогда своим медицинским факультетом Падуанском Университете, но интересовался также и другими науками, особенно астрологией; одно немецкое известие называет его переводчиком с греческого, латинского и немецкого языков (Beiträge zur Kunde Est-Liv-und Kurlands, Bd. I, H. I. Reval 1868, S. 85—86). До своего приезда в Россию Булев служил в Италии при папском дворе в качестве медика, получая большое содержание. В Россию он прибыл около 1508 г., для исправления календаря, вероятно вместе с Андреем Траханиотом, ездившим в Рим в 1506 г. и вывезшим оттуда ряд иноземных «мастеров»,—врачей, архитекторов и т. д. Приезд его в Россию был обусловлен громадным содержанием, которое ему было здесь

предложено, и обещанием отпустить его обратно, когда он пожелает. Папа Юлий II, кроме того, надеялся, что Булев развернет в России пропаганду в пользу соединения церквей. По окончании своей работы в Новгороде (в чем ему, вероятно, помогал Дм. Герасимов: сл. ниже: П. Иовий), Булев пытался было возвратиться, но должен был отправиться в Москву, где и остался в качестве врача при в. к. Василие III, причем «превелию честь получи врачебныя ради хитрости». Когда Максим Грек приехал в Москву, то он узнал, что Булев деятельно проповедует соединение церквей, и вступил с ним в полемику («Слово на Николая Немчина, прелестника и звездочетца»), в которой принял участие боярин Ф. И. Карпов. Несмотря на несогласие мнений М. Грек все же называет Булева «великим ритором», «доктором», «многоучительным», «мудрым» и «в словесном художестве искусном»: очевидно, ученость его не подлежала сомнению. Как сложилась дальнейшая жизнь Булева, мы знаем плохо; из одного «Слова» против Немчина— М. Грека мы знаем, что его постигло в конце-концов «разорение и бедствие»; подробности этого, однако, неизвестны. См. Л. Н. Майков. Николай Немчин, русский писатель XV—XVI в.в.—«Известия Отд. Русск. яз. и Словесности Академии Наук» 1900, кн. 2, стр. 379—392; В. С. Иконников. Максим Грек и его время, Киев 1915, стр. 228—230; 231—234, 270—271; P. Pierling, La Russie est le Saint-Siège, Paris 1896 I, p. 286; В. Ф. Ржига. Боярин-западник XVI в. Институт Истории. Ученые Записки, т. IV, М. 1929, стр. 42—43.

Угрим Баграков]. По предположению Л. Н. Майкова (Летопись занятий Археографической Комиссии, вып. XII, 1901, стр. 135), именно так следует понять называемого Да-Колло: Ugrino Besarovitch. О нем см. «Памятники дипломатических сношений с Державами Иностранными» т. I, стр. 259—473 и введение к настоящему тексту.

Рис. 12. Деталь карты Олая Магнуса, 1539 г.

IX. ПАВЕЛ ИОВИЙ | PAULUS JOVIUS

(1525)

В 1525 году в. к. Василий Иванович отправил в Рим, к папе Клименту VII в качестве своего посланника, Дмитрия Герасимова. Вероятно новгородец по происхождению (род. ок. 1465 г.), в молодости выучившийся латинскому и немецкому языкам в Ливонии, Герасимов был известным переводчиком, работавшим в сотрудничестве с Максимом Греком (перу Дмитрия принадлежат, между прочим, переводы латинской грамматики Доната, „Песни песней" 1498 г., с немецкого, и ряда богословских сочинений) и не раз уже ездил в чужие края в качестве толмача (Швеция, Дания, Пруссия; в Риме Герасимов был уже в 1491 году). Это был несомненно один из образованнейших русских людей своего времени, к моменту своей поездки в Рим в 1525 году имевший уже за собой почетное прошлое видного дипломата и культурного деятеля и выгодно отличавшийся от своих современников широтой кругозора, образованием и прекрасным знанием иностранных языков (См. о нем: P. Pierling, L'Italie et la Russie au XVI s. Paris, 1892, p. 33—42; В. С. Иконников, Максим Грек и его время, Киев, 1915, стр. 31—32; 256—257; Гамель, Англичане в России, Записки Акад. Наук 1865, т. VIII, стр. 176—179). Прибытие его в Рим, куда он приехал вместе с возвращавшимся из Москвы генуэзцем Паоло Чентурионе, было настоящим политическим событием: „полагали, пишет Иовий, что Дмитрий, как человек опытный в делах государственных и особенно сведующий в св. Писании, имеет какие-либо важные и тайные поручения, которые объявит папе на аудиенции словесно". Поэтому ему отвели прекрасное помещение, за ним очень ухаживали; папа допустил Герасимова к себе на аудиенцию и велел познакомиться с ним поближе комскому уроженцу литератору Павлу Иовию (или Джьови, как называют его некоторые, согласно итальянскому произношению его латинизованного имени; жил между 1483 и 1552 гг.). Иовий нашел, что Герасимов—человек образованный и сведующий (humanorum rerum et sacrarum literarum valde peritum) и успел получить от него много сведений о московском

государстве, которые были записаны им и составили целую книгу, вскоре изданную. По вычислениям Михова (H. Michow. Die ältesten Karten von Russland. Ein Beitrag zur historischen Geographie, Hamburg, 1884, S. 23), Герасимов был в Риме в июне 1525 г., а в июле того же года он уже уехал обратно в Россию; тотчас же по его отъезде Иовий отдал в печать небольшую книгу—плод его бесед с Дмитрием, которая носит следующее заглавие: „Книга о посольстве Василия, Великого Государя Московского к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описано положение страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указывается заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, нигде не существуют" (Roma, 1525). Книга эта имела много изданий (1537, 1545, 1551 и др.), переводилась на итальянский и немецкий языки и полностью вошла в географический труд Иовия: „Описание стран и островов, а также местностей" (Regionum et insularum atque locorum descriptiones, Basil ae, 1575). „Книга о посольстве" „заключала в себе не мало новых в западно-европейской литературе известий о народах на северо-востоке Европы и сведения о быте московской Руси", „более обстоятельные и полные, чем те, которые были сообщены ранее" (Е. Замысловский, Герберштейн и его историко-географические сведения о России СПб. 1884, стр. 378). До книги Герберштейна (см.) она „справедливо почиталось самой обширной" (Гамель, стр. 177). Как показывает заглавие его первого издания, Иовий, на основании известий, сообщенных ему Герасимовым (А. И. Малеин говорит, что „кроме сообщений Герасимова Иовий не имел, повидимому никаких других источников", но по предположению П. Пирлинга информатором Иовия был также Паоло Чентурионе), пытался оспаривать авторитет древних географов, по его мнению, плохо знакомых с территорией Восточной Европы.

Э. Вреден (Государствоведение Сансовино и всемирные реляции Ботеро. СПб. 1866, стр. 35—38) справедливо замечает о П. Иовие, что он даже „иногда не столько заботится о том, чтобы познакомить современников с государством, еще тогда мало известном в Европе, сколько увлекается желанием, простительным впрочем публицисту эпохи возрождения наук, поверять понятия древних о народах, населяющих описываемые им области. Это заставляет его говорить о скифах, готах, гипербореях и даже о баснословных пигмеях... и повсюду удерживать древние классические названия". Действительно, Иовий замечает, например, что „несмотря даже на неоднократные путешествия, в этой стране [Московии] не найдено никаких гор; поэтому большинство из занимавшихся древней космографией признает совершенно баснословными горы, которые столько раз прославляли древние". Несмотря, однако, на русского осведомителя, Иовий все же не мог уйти вполне из-под власти антич-

ного географического авторитета. Хотя по наслышке Иовию уже известен Китай (Kathayum) „славнейшее государство на краю восточного океана“, известно, что на востоке Московии „весьма широкие и пустынные местности вплоть до Китая“ занимают „татары“, но в его известиях не мало баснословного, особенно что касается стран, лежащих на отдаленном севере России и северовостоке от нее. Так, вероятно о самоедах он сообщает следующее, отчасти на основании античных сказаний (впрочем, по предположению Замысловского, Герберштейн, стр. 69 прим., вероятный источник этого рассказа—эпизод из русской редакции „Александрии“ в изложении Герасимова): „Некоторые свидетели выдающейся достоверности сообщили, что за лапландцами, в стране, овеваемой дуновеньем Кора и Аквилона [северные ветры] и окутанной глубоким мраком, живут пигмеи. Когда они достигают полного развития, то своими размерами едва превосходят нашего десятилетнего мальчика. Это люди от природы боязливые; свою речь они выражают щебетаньем; они, повидимому, настолько близки к обезьяне, насколько по своему росту и чувствованиям далеки от человека надлежащего развития. С севера же, власти московитов повинуются бесчисленные народы, которые простираются до Скифского океана на расстояние почти трехмесячного пути“.

Книга Иовия восторженно принята была современниками. „Перечитывая твой тщательный труд о Московии, я начал верить в иные миры Демокрита“, пишет Иовию в латинском посвятительном стихотворении один из его друзей (П. Курсий), и это подтверждает, что в ней было чрезвычайно много нового для своего времени. Ее часто цитировали в ученых сочинениях, на Иовия ссылались как на авторитет. Интересно отметить, что еще в 1557 г. книга Иовия была переработана и несколько дополнена неизвестным автором, в котором одно время хотели видеть венецианца Марко Фоскарини: «Relazione dell Imperio di Moscovia» (см. А. Ясинский „Донесение о Московии Марка Фоскарини“. Киевские „Университетские известия“ 1889, № 6; перевод «Relazione» сделан Вл. Огородниковым в „Чтениях в Общ. Ист. Др.“ 1913, II: „Донесение о Московии 2-ой половины XVI в.“; здесь же в предисловии разобран вопрос об авторе их, но ошибочно указана дата первого издания книги Иовия; оно вышло не в 1537, а в 1525 г.). Сочинение Иовия было известно также в рукописных копиях. Между прочим А. Тургенев в «Hist. Russ. Monumenta» t. I, p. 131, CXXVII, под заглавием «Frammento» напечатал отрывок из сочинения Иовия по рукописи из бумаг д'Альбертранди, не подозревая об авторе, и его цитировали, как произведение неизвестного автора. Иовию принадлежит еще одна статья, касающаяся России — краткая биография в. к. Василия Ивановича («Basilius, Moscoviae Princeps») помещенная в «Vitae illustrium virorum», Basileae 1578, p. 313—315. По словам Пирлинга, эта статья написана Иовием в старости,

когда он жил на покое в Комо, где находился привезенный Герасимовым из России портрет Василия Ивановича (См. P. Pierling, L'Italie et la Russie au XVI s., p. 125—127). Первое издание „Книги о посольстве“ перепечатал в своей работе H. Michow (op. cit., S. 73—91), в виду его большой редкости, а также и потому, что оно может служить лучшим комментарием к изданной им карте Баттиста Аньезе. Нижеследующий отрывок мы приводим по русскому переводу А. И. Малеина, напечатанному в приложении к изданию: бар. Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб. 1908, стр. 261—262.

В Устюг жители Пермии, Печоры (Pecerri), Югрии (Jnugri), Вогулии (Vgulici), Пинежане (Pinnagi) и другие более отдаленные народы привозят драгоценные меха куниц, соболей, волков, рысей (seruariorum) и черных и белых лисиц и обменивают их на разного рода товары. Наиболее превосходны собольи меха с гладкой шерстью и легкой проседью, они служат ныне для подкладки царского одеяния и для защиты нежных шей знатных женщин, воспроизводя собой как бы облик живого зверька. Такие меха доставляются жителями Пермии и Печоры, но они сами получают их, передавая из рук в руки, от еще более отдаленных народов, живущих у Океана. Жители Пермии и Печоры незадолго до нашего времени, на подобие язычников, приносили жертвы идолам, теперь же они чтут господа Христа. До Югричей и Вогуличей надо добираться через крутые горы, которые в древности, вероятно, назывались Гиперборейскими. На вершинах их ловят самых превосходных соколов. Одна порода их—белая, с пятнистыми перьями; она называется Геродий (Herodium). Водятся там и гиерофальконы, враги цаплей, и соколы священные и перелетные, которых не знала даже роскошь древних государей, занимавшихся птицеловством. Выше только что названных мною народов, которые платят дань московитским царям, есть другие отдаленные племена людей, неизвестных Московитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до Океана: о них знают только по слухам, да еще из баснословных по большей части рассказов купцов. Однако, достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к Северу, и что море там имеет такое огромное протяжение, что по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

Жители Пермии] Пермией, в начале XVI в. называлась область верхнего течения Камы, вплоть до р. Вычегды. О пермяках П. Иовия см. замечания St. Sommier, un estate in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, sirieni etc. Firenze, 1885, p. 196.

Печоры] Pecerri. Интересно отметить, что Печеру, как племенное название, знает и русская летопись. Кастрен (Ethnologische Vorlesungen, S. 190), а за ним и Н. П. Барсов (Очерки русской историч. географии. География начальной летописи, Варшава 1873, стр. 49) полагают, что под печерами летописи следует понимать «часть зырян, жившую к северу от Перми по Вычегде и до реки Печоры» Возможно, что под пермяками Иовий понимал не только предков позднейших пермяков, но и сосéдей их—зырян.

Югрии] У Иовия, вероятно вследствие опечатки, стоит Inugrii вм. Iugrii. См. выше (стр. 70—71).

Вогулии] Vgulici. «По данным наших летописей и актов, замечает Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 418), вогуличи, заметно выступающие на историческое поприще только в XV в., обитали в это время в области, которая граничила с землями «Вятскою, Пермскою и Угорскою, по обоим склонам Уральских гор, в области р. Оби». Столь широкое расселение вогулов действительно засвидетельствовано многими источниками (П. Кеппен, Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России, СПб. 1861, стр. 64—68; Патканов Статистические данные, показывающие племенной состав Сибири, язык и роды инородцев. СПб. 1912, стр. 41). Это финское племя, представляющее собою вместе с родственными им остяками остаток народа—угров или югров (A. Schlözer, Нестор. Russische Annalen, 1805 II, S. 344—345; J. H. Müller Der ugrische Volkstamm. Berl. 1839 II, S. 109; Д. П. Европеус. Ж. М. Н. Пр. 1868, ч. CXXXIX, стр. 339; В. Павловский, Вогулы, Казань, 1907, стр. 6—7) под именем вогулов появляется в документах не ранее к. XIV в.: под годом смерти Стефана Пермского (1396) между инородцами, жившими ок. Перми упоминаются гогуличи, т. е. вогулы (П. Кеппен, стр. 65); в выписке, приведенной Карамзиным из сибирских летописцев, говорится, что князь Ивак или Он, из ногайцев, управлял многими татарами, остяками и вогулами (Ист. Гос. Росс. т. IX, прим. 644). По Лербергу они получили свое название от зырян (Wagol), либо от реки Вогулья (приток Оби) или Вогулки (приток Чусовой) (Untersuchungen z. Erläuterung d. älteren Geschichte Russlands, St.-Petersb. 1816, S. 22), нужно думать, однако, наоборот, что указанные реки названы были по их обитателям. Правдоподобна догадка, что слово «вогул» перешло к русским от зырян, которые называют их «вогул или логул», т. е. «презренными, злыми, ненавистными» (Л. Кориков. Сосьвинские и Ляпинские вогулы Березовского округа. Тюмень, 1898, стр. 4). Сами вогулы называют себя маньси.

Пинежане] Pinnagii. Вероятно имеются в виду жители р. Пинеги, правого притока Двины.

Отдаленные народы привозят драгоценные меха] «Вопреки мнению некоторых исследователей, считающих пермский край в древнее время бедным пушными ценными зверями (так, напр., Трапезников. Очерк истории Приуралья, и Прикамья в эпоху закрепощения XV—XVI вв. «Изв. Арханг. Общ. Изучения Русского Севера» 1911, № 12—15), различные факты говорят иное»,—замечает М. А. Лебедев («Пермь Великая», Исторические Очерки. Ж. М. Н. Пр. 1917, № 11—12, стр. 140—142) и цитирует прежде всего приводимое у нас место из книги Иовия, где последний говорит об Устюжской ярмарке, куда привозятся

все меха. Другими исследователями уже собран материал, подтверждающий, что «в половине XVI в. этот край был еще богат соболями, куницами, бобрами, лисицами, оленями, лосями, не говоря уже о медведях, волках, белках» (И. Н. Смирнов. Пермяки. Казань 1891, стр. 179). См. выше, стр. 73.

Через крутые горы, которые в древности, вероятно, назывались Гиперборийскими] Имеется в виду Урал. О происхождении названия Гиперборейские горы см. выше (стр. 28 и 73). Это указание Иовия интересно тем, что оно подтверждает местопребывание Югричей и вогуличей на восточных склонах Уральского хребта.

Называется геродий] «Белый сокол, называемый Иовием Herodium,— замечает Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 280—282), есть очевидно наиболее замечательный из соколиной породы вид, известный у нас под именем кречета (falco gyrfalco, candicans)». Мейерберг замечает: «Et hierofalchos accerimos ardearum hostes, a Russis Kretzet nuncupatos» (Чтения в Общ. Ист. Др. 1874 IV, стр. 159). «Сопоставляя это замечание со словами Иовия, мы имеем право заключить, что в XVI—XVII вв. русские называли кречетами оба весьма близкие друг к другу вида Herodium и Hierofalco. На основании определений Палласа (Zoogeographia rosso-asiatica I, 325) фразу «соколы... священные и перелетные» Замысловский предлагает перевести: «соколы балабаны и сапсаны». В венгерских хрониках указывается, что в «скифских горах» водятся птицы legisfalk или legerfalk, «которые по-венгерски называются Kerecheth». Если в слове legerfalk можно видеть эмендацию Jegerfalk, то с другой стороны, принимая объяснение Вамбери, этимологизирующего слово «кречет» из тюркск. яз., можно вместе с Гомбочом полагать, что венгерское «kerechet» есть заимствование из русского языка; в доказательство того, что сокола в средние века транспортировались из Приуралья в другие страны и что именно благодаря этому слово «кречет» было усвоено венгерцами от русских продавцов ловчих птиц, Гомбоч ссылается на Марко Поло («Ung. Jahrb. VII, 1928; S. 444; сл. у нас выше, стр. 39-40). Слово «girifalco» было хорошо известно в итальянской литературе: им пользовались, кроме М. Поло и П. Иовия, Боккачьо, Саккетти и Ариосто (Vocabolario degli Accademici della Crusca[5], Firenze 1907, VII, 281); в итальянский язык оно попало, вероятно, из французского, girfale, gerfaut, а в последний из древне-верхне-немецкого. Littré (Dictionnaire de la langue française, II, 1876, p. 1866) этимологизирует его из gîri-Geier и Falke.

Рис. 13. Белый сокол
(Деталь карты Олая Магнуса, 1539 г.).

Роскошь древних государей, занимавшихся птицеловством] см. выше примечание к словам М. Поло: «когда великому хану понадобятся такие соколы» (стр. 39).

Есть другие отдаленные племена людей] Иовий имел в виду, главным образом, описание Московии, поэтому сведения о живущих в соседстве с этим государством народах почти совсем отсутствуют в его книге. Впрочем и для русских они были еще в общем, мало известны. Любопытно, что в книге епископа Венского Иоганна Фабра, написанной почти одновременно с книгой Иовия («Ad sereniss. Principem Fernandum, Archiducem Austriae, Moscovitarum juxta mare Glaciale religio, Basileae, 1526), на основании известий, сообщенных ему русскими послами в Вене в 1525 г. Ив. Засекиным и С. Б. Трофимовым, об инородцах севера сказано: «в числе подданных московского государя есть и такие, которые ни вина, ни хлеба не употребляют и не имеют их, а питаются, как звери, одним мясом животных. Этот похожий на татар, неизвестный и совершенно дикий народ живет близ Татарии, в лесах, на берегу Ледовитого моря» («Отеч. Записки» 1826, ч. XXV).

О них знают только по слухам] В дополнениях к рассказу Иовия неизвестного автора «Relazione» (см. введение к настоящему тексту) прибавлены следующие известия: «кроме вышеперечисленных [народов], есть там еще иные народы, с которыми трудно познакомиться во время путешествия по этой стране. О них ходят баснословные рассказы, несмотря на то, что нет возможности побывать в их пределах. У океана, как рассказывают, живет какой-то народ, который большую часть [времени] проводит в воде и питается исключительно сырой рыбой. Эти люди, подобно рыбам, покрыты чешуею и, вместо [членораздельной] речи, издают какой-то свист. Одного из таких я сам видел в Нормандии, как [впрочем], видели и многие другие; поэтому я и могу утверждать, что он похож на чудовище: таким я вам и описываю его. Есть там также сетрипоны (Setriponi), народ зверский и свирепый. Они совсем лишены способности членораздельной речи и цивилизации, и едят в сыром виде пойманных ими людей. Они живут среди неприступных гор и дремучих лесов, куда они скрываются, когда на них нападают. Одеваются они в шкуры медведей и других зверей. У них свирепое лицо, распущенные волосы, пронзительный и невнятный голос. Увидев что-нибудь необыкновенное, они страшно мычат. Я видел одного из них [пойманного] живым и привезенного в Норвегию (Orbegia, Norvegia); он всех удивил и поразил. Кажется, он был молод; лет двадцати, ростом 20 футов, весь в волосах, большие и красные глаза. Он наводил страх и ужас на тех, кто на него пристально смотрел. В конце-концов, в нем было больше звериного, чем человеческого» (В. Огородников. Донесение о Московии второй половине XVI в. «Чтения» 1913, II, стр. 19). Для анализа этого рассказа см. материалы, приведенные выше (Плано-Карпини, стр. 12—13; Рубрук, стр. 19—20) и ниже (Герберштейн и Рич. Джонсон). Известие о народе «который большую часть времени живет в воде» находит себе аналогию в рассказе русской статьи XV в. «О человецех незнаемых во восточной стране» о самояди, которая «Линная словет: лете месяц живут в море, а на сухе не живут того деля: того месяца, понеже тело в них трескается и они тот месяц в воде лежат и на берег не могут вылезти» (А. Титов. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М. 1890, стр. 4); в основе этой легенды лежат, вероятно, темные слухи о моржах или тюленях. Старинные русские источники знают также мохнатых и волосатых людей севера, что можно объяснить характерной меховой одеждой самоедов: «В той же стране, за теми людьми, над морем, есть иная самоедь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх—как и прочии человеци» (А. Титов, op. cit., стр. 5); сетрипоны,—не серпоновцы-ли это Герберштейна?

Можно добраться на кораблях до страны Китая] H. Michow (Die ältesten Karten von Russland, Hamb. 1884, S. 29—30) обращает внимание на то, что Иовий высказал здесь гораздо более правильное предположение, чем Герберштейн, который был введен в заблуждение рассказами о том, что р. Обь вытекает из «Китайского озера». У Рамузио (Navigationi e viaggi, приведено у Гамеля, Tradescant der ältere, S. 118) мы находим указание, что некий русский показывал

одному ученому в Аугсбурге карту для того, чтобы доказать, что Ледовитым морем, вероятно, можно достигнуть до Индии. Этот «русский» был, вероятно, Дмитрий Герасимов, один из информаторов П. Иовия, бывший в Аугсбурге до своего пребывания в Риме в 1525 г. или же на обратном пути оттуда (ср. O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 283). Возможно, что помимо Герасимова о предполагаемых дорогах из Московии в «Китай» Иовию рассказывал также Паоло Чентурионе, автор знаменитого проекта об устройстве регулярной торговли между западной Европой и Восточной Азией через Московию (Об этом проекте см. G. Coen, Le grandi strade del commercio internationale, proposte fino dal secolo XVI, Livorno, 1888, p.p. 100—128; 205—208, P. Pierling, La Russie et le St. Siège. Paris 1896 I, p. 276 sq.; Ch. la de Roncière, Histoire de la marine française, t. III, Paris 1906, p. 257). Во всяком случае, указание Иовия оказало несомненное влияние на поиски так называемого «северо-восточного морского пути» в Китай, мимо северных берегов Сибири. Из одного документа, открытого Госселэном, видно, что в 1522 году генуэзец Гаспар Чентурионе отправился было на корабле из Италии «в Индию» через Прибалтику, как предполагают для того, чтобы подтвердить предположения Паоло Чентурионе, но был задержан в Нормандии (E. Gosselin, Documents authentiques et inédits pour servir à l'histoire de la marine normande, Rouen 1874, p. 36—40, 77); La Roncière (op. cit., III, p. 245 246, 258—260) склонен в беседах того-же Гаспара Чентурионе с Джиованни Верацзано в 1523 году видеть источник замысла последнего отправиться на поиски морского пути в Индию и Китай («Cathay»), куда он должен был плыть северо-восточной дорогой (так полагает, помимо La Roncière, также и L. Delavaud. Les français dans le Nord. Sociéte Normande de Géographie. Bulletin de l'année 1911», t. XXXI, Rouen, p. 39—40). В 1527 г. англичанин Роберт Торн предлагал французск. королю Генриху VIII «снарядить экспедицию на север с тем, чтобы она, достигнув большой широты, повернула на восток и огибая Татарию, Китай, Малакку и Ост-Индию добралась до мыса Доброй Надежды и оттуда—в Европу, т. е. объехала вокруг света». Предполагают, что Торн руководствовался в своем плане именно книгой Иовия, точнее—указанным местом ее (М. С. Боднарский. Великий северный морской путь. Историко-географический очерк открытия северо-восточного прохода. М. 1926, стр. 11—12). Интересно, что еще в конце XVI в. на Иовия несколько раз ссылается Б. Мушерон в своей инструкции голландским мореплавателям в северные страны (см. Reizen Naar Het Norden door Jan Linschoten, 1594—1595, uitgegeven door S. P. L' Honoré Naber, 's Gravenhage, 1914, Bijlage VI, p. 234—235; p. LXXV). Неизвестный автор «Донесения о Московии» во 2-ой половине XVI в., упоминая о мнении П. Иовия, добавляет явно-недостоверное известие о том, что Иван Грозный назначил большие награды для открытия этого водного пути. Хотя еще и Карамзин (т. IX, прим. 648) сообщает, что московское правительство в лице Ивана Грозного послало в 1567 г. Ивашку Петрова с Бурнашем Ялычевым разведать о китайском царстве, и что они вывезли описание своего путешествия, но как доказывают позднейшие исследования, «Карамзин был введен в заблуждение составителями хронографов, которые ошибочно приписали описание путешествия Петлина, совершенное им в 1618 году, Петрову, с указанием на 1567 год» (Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI и XVII вв. Харьков, 1929, стр. 20—22). Достоверных данных о попытках русских сноситься с Китаем в XVI в. мы не имеем, однако уже в половине XVI в. русские имели возможность вести торговлю с китайскими караванами в Бухаре (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915, стр. 364—365), а может быть отваживались проникать и дальше на восток, что подтверждает ускользавшее от русских исследователей свидетельство португальского пирата Пинто 1543 г. (см. о нем ниже: Кильбургер).

X. СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН | SIGISMUND HERBERSTEIN

(1549)

Автор знаменитой книги „Записки о Московских делах", барон Сигизмунд Герберштейн (1486—1566) (Herberstain, Herberstein) в качестве посла имп. Максимилиана ездил в Россию дважды: в 1516—1518 гг. и в 1526—1527. В первый свой приезд в Москву Герберштейн и собрал наиболее важные сведения, вошедшие в его книгу. Однако, она смогла выйти в свет не скоро: в 1546 году сделаны были для нее некоторые рисунки; годы 1546—1548 были временем наиболее усиленной работы над книгой, наконец. в 1549 г. она появилась. „Можно представить себе, замечает Неринг, как тяжело было автору ждать так долго с опубликованием своих наблюдений о России, тем более, что некоторые авторы опередили его с публикацией данных об этой до тех пор совершенно неизвестной стране и использовали в них многие из его наблюдений. Но, верный своему долгу и ревностный к исполнению своих обязанностей, Герберштейн был занят, прежде всего, службой [он объехал почти всю Европу, выполняя различные дипломатические поручения], и ему было уже 63 года, когда он мог, наконец, выпустить свои „Записки" в свет" (A. Nehring. Über Herberstain und Hirsfogel, Berl. 1897, S. 11).

Следует, однако, отметить, что хотя со дня от его первого пребывания в России и до опубликования сочинения прошло много времени и что в Европе, действительно, появились некоторые сочинения о Московском государстве (Иовий, Фабр, Меховский, Мюнстер), но собранные им данные были так обширны, что, казалось, слишком долгая работа над книгой нисколько не лишила ее свежести, и она могла выдержать соперничество не только с предшествующими изложениями того же вопроса, но и со многими последующими, составив эпоху в изучении иностранцами России. „Хотя многие, говорит сам автор, писали о Московии, однако, большая часть их писана по чужим рассказам: из древнейших Николай Кузанский, а в наше время Павел Иовий (которого я называю по причине его чрезвычайной учености и любви ко мне) писал

весьма изящно и с великою верностью, ибо он пользовался толкователем весьма сведующим—interpreto locupletissimo (имеется в виду Дм. Герасимов), также Иоганн Фабр и Антоний Вид, оставивший карты и записки. Некоторые же, не имея целью описывать Московию, касались ее при описании стран, ближайших к ней, таковы Олай Гот в описании Швеции, Матвей Меховский, Альберт Каменский и Мюнстер" (Обзор сочинений иностранных писателей о России с XV в. до первого издания „Записок о Московии" см. Е. Замысловский. Бар. Герберштейн „Древняя и Новая Россия" 1880, № 9, стр. 320—237; его же, Себастьян Мюнстер „Журн. Мин. Нар. Просвещ." 1880, № 9, стр. 69, 71, 76—78). От всех названных писателей Герберштейн отличался прежде всего тем, что он хорошо знал русский язык, легко овладев им благодаря знанию славянских диалектов Австрии, и смог поместить в свое сочинение в переводе довольно значительные отрывки из русских летописей, из правил митроп. Иоанна (XI в.) из „Вопрошания" черноризца Кирика (XII в.), из Судебника Иоанна III и других памятников древне-русской литературы; это же знание русского языка весьма пригодилось ему при собирании в Москве географических сведений устным путем. Наконец, по своей обстоятельности и объему, сочинение Герберштейна значительно превосходит все, ему предшествовавшие; т. к. помимо описания путешествия самого посольства и приема, оказанного ему в Москве, Герберштейн постарался дать возможно более полную картину жизни Московского государства, описав не только посещенные им самим местности, но также и его окраины и пограничные с ним страны. В числе последних Герберштейном описана и Сибирь, в которую вскоре должна была направиться русская колонизация. Источниками Герберштейна при характеристике Сибири были расспросные сведения, собранные в Москве, а в особенности „Русский Дорожник" конца XV или 1-й половины XVI века, не дошедший до нас в русском оригинале и сохранившийся только в тех извлечениях, какие Герберштейн в переводе поместил в своей книге. В нем содержалось описание путей на Печору, в Югру и к реке Оби, т. е. к областям еще совершенно

Рис. 14. Портрет Герберштейна (Из «Gratae posteritati» Vienna, 1560).

неизвестным западному миру. К описанию стран, лежащих на северо-восток от Московии, Герберштейн поэтому отнесся с большим интересом и вниманием; однако, сообщенные им данные и выписки не вполне ясны и определенны; занося их в свою книгу с некоторым недоверием, Герберштейн все же не решился совсем опровергнуть даже те из них (как, напр., басню о жителях Лукоморья), которые казались ему особенно невероятными. Очевидно, эти неточности и неясности были и в русском дорожнике, которым он пользовался, т. к. русские еще только начинали знакомиться с долиной р. Оби и сопредельными с ней областями (Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические сведения о России СПб. 1884, стр. 434). Самое территориальное приуроченье Сибири кажется не вполне ясным и возбуждает ряд вопросов. О Сибири (Prouincia Sibier), Герберштейн упоминает вслед за Югорией. „Эта область лежит за Камою, граничит с Пермью и Вяткой, но имеет-ли какие-нибудь крепости и города", пишет он, „наверное не знаю. В ней берет начало река Яик, которая впадает в Каспийское море. Говорят, что эта страна пустынна, по причине близкого соседства с татарами, а теми частями ее, которые обработаны, владеет татарин Шихмамай. Жители ее имеют собственный язык; их главный промысел—добывание беличьих мехов, которые больше и красивее, чем в других странах". По мнению Е. Замысловского (op. cit., стр. 439) эти известия указывают на то, что „под именем Сибири в первой половине XVI века разумели область приуральскую, а упоминание о ней вслед за Югорией дозволяет предполагать, что по соседству с нею, именно к югу от нее, лежала та обширная область, которой русские в это время присваивали название Сибири. На основании тех-же известий можно думать, что эта область, по первоначальному о ней представлению, занимала пространство несравненно более значительное, чем то, которое занимало сибирское царство". В. О. Ключевский приходил к несколько иным заключениям. По его мнению, та область, которую Герберштейн называет Сибирью и помещает и в текст своей книги и на приложенную к ней карту, лежала „в области верхнего Яика по обе стороны южных Уральских гор, т. е. в нынешней оренбургской губернии, в том крае, который еще в первой половине XVII в. известен был в Москве под именем Башкирии" (Сказания иностранцев о Московском государстве, изд. 3-е, Петр. 1918, стр. 35). Но Герберштейн описывает также области, которые лежат на север и восток от той, которую он называет Сибирью и которые входят в состав собственно Сибири по современной географической номенклатуре. Так, на основании русского дорожника, Герберштейн описывает путь по северному Уралу в Югорию, в города Jerom, под которым следует, вероятно, понимать г. Верхотурье, Тюмень и далее до Иртыша и Оби. Громадное значение для западной географической литературы и картографии имело указание

Герберштейном „Китайского Озера“, из которого якобы истекала река Обь: в европейской литературе о Сибири и на посвященных ей картах оно фигурировало до конца XVII века. Догадки исследователей относительно происхождения этого названия и о том, какое озеро здесь могло иметься в виду, сгруппированы в примечаниях к тексту помещаемого ниже перевода. Ряд других географических имен, называемых Герберштейном, также вызывают сомнения и споры; таково, например, загадочное имя реки Tachnin, в которой Замысловский хотел видеть „реку плавежную Ташму“, текущую „из Томского города в киргисскую землю“, а Витсен полагал, что это одно из названий Енисея; но не подлежит спору, что географические сведения, сообщенные Герберштейном о нынешней Сибири, отличаются замечательной для своего времени полнотой и точностью и имеют громадный исторический интерес. Не менее интересны этнографические данные. Грустинцы, в которых Лерберг склонен был видеть гаустинцев, описанных Страленбергом в 20-х гг. XVIII века, описание ежегодной смерти и оживания жителей Лукоморья, т. е. северной приморской полосы до р. Оби, находящее себе соответствие и в древне-русских сказаниях о „дивьих людях“ крайнего севера и допускающее весьма удовлетворительное объяснение с современной точки зрения (см. ниже примечания к переводу), наконец, описание идола Золотой Бабы и „немого торга“ между грустинцами и лукоморцами, засвидетельствованного также в ряде других источников и несомненно некогда существовавшего в действительности,—все это говорит о богатстве и выдающейся ценности известий Герберштейна.

„Классический труд Герберштейна, пишет Середонин, достойным образом завершает первую эпоху иностранных описаний Московского государства. Этим трудом географическое положение Московского государства настолько было выяснено в западной литературе, что позднейшие иностранные писатели останавливались по преимуществу на условиях политической и общественной жизни русского народа“ (Флетчер, стр. 109), т. к. составилось уже довольно полное представление, как о природе страны, климате, почве, реках, городах, так и об их жителях.

Выдающееся значение книги Герберштейна давно понято русской наукой. Первый русский перевод ее был сделан переводчиком Академии Наук К. А. Кондратовичем еще в половине XVIII века (1748), но остался ненапечатанным, а новый перевод мог появиться лишь столетие спустя (См. П. Билярский. О первом опыте перевода Герберштейна на русский язык. „Записки Ак. Наук“ 1864, т. IV, стр. 98—100. Ср. Г. Геннади. Записки Герберштейна на русском языке. Временник М. Общ. Ист. Древн., 1855, стр. 9—12; М. Прахов. Об издании Герберштейна с русским переводом и объяснениями „Зап. Ак. Наук“ 1864, IV, стр. 245—264).

Из существующих русских изданий Герберштейна лучшим является следующее: „Записки о Московских делах, с приложением книги о Московском посольстве Павла Иовия Новокомского. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина“ СПб. 1908; помещаемый ниже отрывок взят из этого издания (стр. 129—131). Ему предшествовали: Записки о Московском быте. Сочинение С. бар. Герберштейна. Ред. латинского текста по базельскому изданию 1556 г. Варианты, примечания и указатель студ. Анонимова. Приложение к „Сборнику, издаваемому студентами Петербургского Университета“ СПб. 1857, вып. I, II. В I вып. этого сборника помещено сочинение Корелкина, Григоровича и Новикова: „С. бар. Герберштейн, его жизнь и значение, как писателя о России“, стр. 1—102; Записки о Московии бар. Герберштейна, с латинск. перевел Анонимов. СПб. 1866. Указатель русской и иностранной литературы о Герберштейне вплоть до нового комментированного издания: Moscovia. Rerum moscovitarum Commentarii. Übertr. von W. v. d. Steinen. Eingeleitet von Hans Cauders (Erlangen, 1926), дает книга В. А. Кордта. Чужоземні подорожні по схидній Европі, Київ, 1926, стр. 22—23. Всех изданий и переводов „Записок“ — латинских, немецких, итальянских, голландских, английских, чешских и русских, насчитывается свыше 35; важнейшие иностранные издания зарегистрированы у Аделунга, Krit.-Lit. Übersicht, S. 317—369; Лобойко. О важнейших изданиях Герберштейна с критическим обозрением их содержания. СПб. 1818; „Соревнователь Просвещения“ 1818, т. II, стр. 123 сл., 228 сл. F. Krones, Sigmund v. Herberstein «Mitteilungen des Hist. Vereins für Steiermark», Heft, 19, Graz, 1871, S. 63—72. Лучшими из оригинальных изданий считаются венское латинское 1551 г. и особенно два следующих: базельское латинское 1556 г., исправленное и дополненное автором и венское немецкое 1557 г., представляющее собственный перевод автора. Лучшим трудом по анализу историко-географических известий Герберштейна является названная выше книга Е. Замысловского (СПб. 1884). См. еще: А. П. Ерюхин. Историко-географические известия о севере московского государства в XVI ст., заключающиеся в „Записках о Московии“ Герберштейна (Труды Архангельского Губ. Статистического комитета за 1890 год, Архангельск, 1891, стр. 1—29: автор касается „только тех известий Герберштейна, которые непосредственно относятся к северу, прибрежьям Белого моря и Ледовитого Океана, в пределах Европейской России, и области Северной Двины“). А. Е. Ельницкий. Герберштейн. „Русский Биографич. Словарь“, т. „Герберский—Гогенлоэ“ П. 1916, стр. 1—9. Для полноты библиографии укажем еще, что под 1549 г. отрывок из сочинения Герберштейна помещает И. Щеглов (Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири; Ирк. 1883, стр. 14—15).

В 1560 г., в Вене, у Р. Гофхальтера, вышла в свет „Автобиография“ Герберштейна, под заглавием: Gratae posteritati Sigismundus Liber Baro. Viennae Austriae, excudebat Raphal Hofhalter, M. D. L. X. В этом редчайшем издании находится пять гравированных портретов Герберштейна в различных одеждах, а также его оригинальные рисунки.

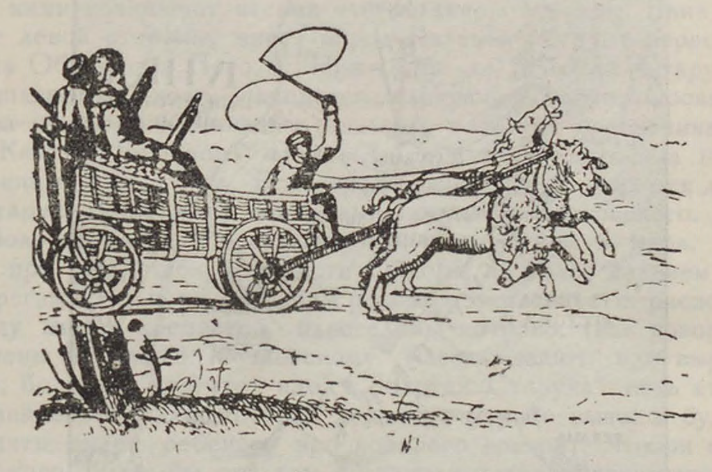


Рис. 15. Русская тройка
(Из «Gratae posteritati» Vienna, 1560).

Помещенный у нас на рис. 14 портрет Герберштейна, взят из этой книги (по перепечатке Дж. Бэддели из экземпляра Британского музея в Лондоне). Надпись гласит: «Sigis[mundus] Frei[herr] zu Herber [stain] und Gvetnhag. Aeta[tis] LXI», т. е. „Сигизмунд, барон Герберштейнский и Гютенгагский, в возрасте 61 года“. Автобиография Герберштейна перепечатана Караяном в «Fontes rerum Austriacarum Scriptores» I, p. 69—396.

ПУТИ ИЗ МОСКОВИИ В СИБИРЬ

(Из «Записок о московитских делах»).

Оставив Сосву справа, можно добраться до реки Оби, которая начинается из Китайского озера. Через эту реку они едва могли переправиться в один день, да и то при скорой езде: ширина ее до такой степени велика, что простирается почти до восьмидесяти верст. И по ней также живут народ Вогуличи и Югричи (Ugritzchi) Если подниматься от Обской крепости по реке Оби до устьев реки Иртыша, в который впадает Сосва, то это составит три месяца пути. В этих местах находится две крепости: Ером (Jerom) и Тюмень,

которыми управляют властелины, князья Югорские, платящие (как говорят) дань великому князю Московскому. Там имеется много животных и превеликое множество мехов.

Рис 16. Деталь карты Герберштейна (из изд. «Записок», 1549 г.).

От устьев реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути, отсюда до Китайского озера по реке Оби, которая, как я сказал, имеет в этом озере свои истоки,—более чем три месяца пути. От этого озера приходят в весьма большом количестве черные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собою разнообразные товары, прежде всего жемчуга и драгоценные камни, которые покупают народы Грустинцы и Серпоновцы. Эти последние получили имя от крепости Серпонова, лежащей в Лукоморье на горах за рекою Обью. С людьми же Лукоморья (Lucomorya), как говорят, случается нечто удивительное, невероятное и весьма похожее на басню; именно говорят, будто каждый год, и притом в определенный день XXVII ноября, который у Русских посвящен св. Георгию, они умирают, а на следующую весну, чаще всего к XXIV апреля, на подобие лягушек, оживают снова. Народы Грустинцы и Серпоновцы (жители городов Grustina и Serponovu) ведут с ними необыкновенную и неизвестную в других странах торговлю. Именно, когда

наступает установленное время для их умирания или засыпания, они складывают товары на определенном месте; Грустинцы и Серпоновцы уносят их, оставив меж тем и свои товары по справедливому обмену; если те, возвратясь опять к жизни, увидят, что их товары увезены по слишком несправедливой оценке, то требуют их снова. От этого между ними возникают весьма частые споры и войны. Вниз по реке Оби, с левой стороны, живет народ Каламы, которые переселились туда из Обиовии и Погозы. Ниже Оби до Золотой Старухи, где Обь впадает в океан, находятся следующие реки: Сосва (Sossa) Березва (Beresvua) и Данадим (Danadim), которые все начинаются с горы Камень Большого Пояса (ex monte Camen Bolschega Poiassa) и соединенных с нею скал. Все народы, живущие от этих рек до Золотой Старухи, считаются данниками Государя Московского.

Золотая баба, то есть Золотая Старуха, есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу. По берегам Оби и по соседним рекам, в окрестности, расположено повсюду много крепостей, властелины которых (как говорят) все подчинены Государю Московскому. Рассказывают, или выражаясь вернее, болтают, что этот идол „Золотая Старуха" есть статуя, в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто-бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук на подобие труб. Если это так, то я думаю, что это происходит от сильного непрерывного дуновения ветров в эти инструменты.

Река Коссин вытекает из Лукоморских гор; при ее устьях находится крепость Коссин, которою некогда владел князь венца (vuentza), а ныне его сыновья. Туда от истоков большой реки Коссина два месяца пути. Из истоков той-же реки начинается другая река, Коссима, и протекши через Лукоморию, впадает в большую реку Таханин, за которой, как говорят, живут люди чудовищного вида; у одних из них, на подобие зверей, все тело обросло шерстью, другие имеют собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы имеют грудь. В реке Тахнине водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями совершенно человеческого вида, но без всякого голоса: она, как и другие рыбы, представляет собою приятную пищу.

Все то, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне Русского Дорожника. Хотя в нем, повидимому, и есть нечто баснословное и едва вероятное, как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой Старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог указать ничего наверное от какого нибудь такого человека, который бы видел это собственными глазами (впрочем они утверждали на основании всеобщей молвы, что это действительно так),

все же мне не хотелось опустить что-нибудь, дабы я мог доставить другим более удобный случай к разысканию сих вещей. Поэтому я воспроизвел и те же названия местностей, которыми они именуются у русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

Оставив Сосву справа] Sossa. «Здесь это может быть р. Сосва, которую Штукенберг принимает за начало р. Тавды, впадающей в Тобол», замечает Е. Замысловский (Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПб. 1884, стр. 150, прим. 10).

Выше Герберштейн описывает перевал через Урал и упоминает реки Щугор (Stzuchogora), Artavuischa (м. б. р. Тавда? сл. ниже: комментарий к А. Тевэ) и Sibut, на пути к Ляпину—городку (Castrum Lepin). Под Sibut'ом не имеется ли в виду река Сыгва, приток Сосвы? (см. С. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого Чертежа. «Зап. И. Р. Геогр. Общ.» 1877, т. VII, стр. 28; А. Миддендорф, Путеш. на север и восток Сибири, СПб. 1860, т. I, отд. 1, стр. 31—32; Ф. Н. Белявский и С. Д. Чадов. «Историч. судьбы Западной Сибири», в серии: «Россия. Полное географ. описание», под ред. В. П. Семенова Тян-Шанского, т. XVI, СПб. 1907, стр. 203.

Из Китайского озера] See Chitaisko; Kitaia Lacus. Упоминание Герберштейном «Китайского озера» и помещение его на приложенной к книге карте в виде огромного озера, из которого вытекает р. Обь, было географической ошибкой, которая, однако с тех пор прочно держалась в западно-европейской литературе и картографии, вплоть до начала XVIII века. Возможно, что представление об этом озере возникло у Герберштейна под влиянием карты Фра-Мауро (1459 г.), на которой близь озера, куда впадает fl. Amu стоит: Chatajo и Cambalech; быть может Герберштейн воспользовался также указанием хорошо известной ему карты Ант. Вида (1542), где за Обью на Севере есть надпись: Kideisco, ниже по русски: Китаіско, не приуроченная ни к какому определенному пункту: повидимому она обозначает просто «китайское владение» (Л. Берг. Аральское море. Опыт физико-географической монографии, СПб. 1908, стр. 29—31). Во всяком случае, Герберштейн понимал смысл приводимого им географического названия (в другом месте книги он пишет: «Lacus Kithai—quo magnus Chan de Chattaia, quem Mosci Czar Kithaiski apellant, nomen habet»), и ввел его и в текст книги и на свою карту вполне сознательно; следовательно он располагал какими-то данными об озерах средней Азии. Было сделано много попыток объяснить причину ошибки Герберштейна и доискаться до того, какое озеро он мог иметь в виду. Лерберг (Untersuchungen..., S. 38—40) высказал предположение, что Китайское озеро—Телецкое озеро на Алтае; эту точку зрения поддерживал и Д. Н. Анучин («Древности» XIV, стр. 305) подчеркивавший, что из Телецкого озера вытекает река Бия, по соединении с Катунью составляющая Обь, что и дало повод к их смешению. Против этого, однако, возражал А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири. СПб. 1860 ч. I, отд. I, стр. 31—32): «Лерберг,—писал он,—желая найти Герберштейновых Grustinzi на р. Томи, естественно должен был допустить, что Герберштейн под верховьями своей Оби разумел настоящую Обь, а не Иртыш. Но в таком случае Герберштейново Китайское озеро можно принимать только за Телецкое озеро. Но это мне кажется маловероятным по незначительности этого небольшого нагорного озера, из которого, притом, Обь не вытекает». По собственному предположению Миддендорфа под Китайским озером разумелось «Озеро (нор) Дзайсанг или Зайсан, называвшееся у русских китайским», из которого вытекает Иртыш, так что Герберштейн мог принимать Иртыш за верхнюю часть Оби. По мнению А. Н. Пыпина («История русской этнографии», т. IV, 1892, стр. 202—203 прим.), этому объяснению мешает только то, что у Герберштейна

река Иртыш означена особо, как небольшой приток, гораздо севернее китайского озера (ср. «Списки населенных мест Росс. Имп. Тобольская губ.» В. Зверинского, СПб. 1871, стр. LXI; Замысловский. Ж. М. Н. Пр. 1891, июнь, стр. 335). H. Michow, ссылаясь на А. Дженкинсона, на карте которого (1562) также фигурирует это озеро, высказал догадку, что это Аральское море («Die ältesten Karten von Russland», Hamb. 1884; S. 47-48). Дженкинсон заимствовал свое «Китайское озеро», вероятно, из карты Герберштейна, но во всяком случае «знал по литературе о существовании оз. Kythay; слыша в Хиве о том, что к северу находится озеро, в которое впадает Аму и Сыр, он заключил, что это именно и есть Kitaia Lacus; знакомство с картой Мауро могло только убедить Дженкинсона в таком предположении» (Л. Берг, Аральское море, СПб. 1908, стр. 2). Акад. Бер (Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reich. XVI, 1872. S. 154), а за ним и Михов, догадывались, что Дженкинсон был введен в заблуждение созвучием названий «Синее море» (как Аральское море называется в Книге Большого Чертежа и др.) и Sina, Tzin (Китай), но все это построение искусственно и мало-правоподобно, как потому, что «синим морем» могло называться любое море и озеро (не только Аральское), но в особенности потому, что по справедливому замечанию В. В. Бартольда «Дженкинсон и его современники не подозревали, что Sina и Kathay—есть синонимы» (Л. Берг, op. cit., стр. 29). Наконец, еще одну догадку, пожалуй наиболее правоподобную высказал, Henning («Reiseberichte über Sibirien von Herberstein bis Ides»—«Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig», 1905, S. 263—265): по его мнению «Китайское озеро» это озеро Упса (Убса-нор) в северной Монголии. В слове «Китайское озеро» следует понимать не Китай в современном его значении, а Кара-Китай (Kara Cathay), страну черных монголов: государство кара-китаев было основано в XII столетии выходцами из северного Китая, бежавшими от нашествия чжурчженей или кин (d'Ohsson, Histoire des mongols I, p. 3) и занимало значительную часть территории от нынешнего китайского и русского Туркестана от Лоб-нора до среднего течения Сыр-Дарьи и от Хотана до Балкаша (Richthofen, China, I, p. 479). Имя кара-китаев сохранялось вплоть до XVII века; оно-то, по мнению Гэннинга и дало основание для названия озера «Китайским». С догадкой, что под «Китайским озером» Герберштейна следует понимать залив Пе-чи-ли в Китае недавно выступил J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol.I, p. LIX); это предположение, однако, представляется мне мало-обоснованным.

С легкой руки Герберштейна «Китайское озеро» прочно вошло в западноевропейскую литературу: его упоминает Барберини (см. ниже), оно значится на карте Г. Меркатора (1594), на копии снятой Класом Фишером (в 1651 г.), на карте Исаака Массы (1633), на копии, снятой с этой карты в к. XVII в. Аллардом и на многих других картах вплоть до начала XVIII века. Еще Н. Витсен (1692) искал «Китайское озеро» в одном из озер, расположенных в верховьях Оби, исток которой и в его время был неизвестен и, однако, именно этому почтенному амстердамскому географу мы обязаны тем, что легенда о «Китайском озере» была устранена из специальной литературы; в отдельных случаях эта легенда могла впрочем и возрождаться, особенно в популярной литературе (см. ниже: Г. Штаден), но с нею уже никто не считался, когда настоящие истоки Оби были описаны и изучены.

Ширина ее до такой степени велика]. На картах Герберштейна, приложенных к его «Запискам о Московии» 1549 и 1556 гг., где по словам Замысловского «нашли себе место новые в западно-европейской географической литературе гидрографические и топографические данные относительно великой реки Оби» (Герберштейн и его историко-географич. известия, стр 518—519; его-же. Чертежи Сибирских земель XVI—XVII вв. Ж. М. Н. Пр. 1891, № 6, стр. 335—336) fl. Oby «изображена рекою, имеющею более широкое русло, чем все другие... реки восточно-европейской равнины». В русских источниках реке Оби тоже придавалась раньше громадная ширина. В «Космографии», напечатанной у А. Попова (Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы рус-

ской редакции. М. 1869, стр. 528), говорится, что «Обь—великая река, еже широта от берегу до берегу шездесят верст, а иние и больши». Барберини (см. ниже: стр. 132), конечно только повторяет Герберштейна, утверждая что «в этом царстве (Сибири) протекает всего одна река, но которая, как сказывают, чрезвычайно широка, так что с трудом можно переехать через нее в один тамошний день: называется она—Обь». «Что касается реки Оби (Ob ou Obi), в области Обдорской, которая от нее получила свое имя, пишет еще P. Bergeron (Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII XIV et XV s. La Haye 1735 I, p. 124, в статье: «Traite de tatares»), то она считается одной из самых больших рек мира, хотя известия нескольких московитов эпохи царя Бориса [Годунова] утверждают, что они открыли за ней реки Енисей и Писиду, не менее, если не более широкие, чем Обь. Эта последняя вытекает из Китайского озера в Татарии и впадает в Ледовитый океан между Вайгачским проливом и мысом Табином; некоторые считают, что она имеет только 6 рукавов, другие насчитывают их до 70-ти, хотя эти шесть могут считаться главнейшими. Ширина ее устья определяется в 80 верст или 16 польских миль; проехать же его можно с трудом в два дня; некоторые утверждают, что даже в шесть; это заставляет вспомнить одного из наших поэтов, который говорит:

L'Ob Roi des douces eaux, l'Ob au superbe cours,
Fleuve qu'à peine on peut traverser en six jours...
[Обь — царица пресных вод, с гордым течением,
Река, которую с трудом можно переплыть в шесть дней...]»

Не лишенное интереса указание делает прусский почт-директор Вагнер, сосланный в к. XVIII в. на четыре года в Мангазею и Енисейск: «Обь на языке местного населения означает Великая. Поэтому русские называют ее Великой рекой, именем, которое она заслужила во всех отношениях... Калмыки и татары зовут ее Omer, остяки же Jach» (Mémoires de M. Wagner sur la Russie, la Sibérie et le royaume de Casan, Berne 1790, p. 186).

Вогуличи и Югричи] см. выше, в примеч. к П. Иовию (стр. 94).

Обской крепости] Obea castellum — крепостцы, острога. Штукенберг (Hydrograghie des Russischen Reiches Bd. II, S. 382) предполагает, что «Обская крепость» — нынешний Обдорск (Ср. Е. Замысловский, Герберштейн. стр. 437, прим. 21), имя которого по зырянски значит «конец, устье» (J. J. Egli. Nomina Geographica, Leipz. 1872, S. 407). St. Sommier (Un' estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni etc., Firenze 1885, p. 187) обращает внимание на название Obeacas, т. е. Obea Castellum, помещенное на карте Герберштейна, приложенной к Венскому изд. «Записок» 1549 г., при впадении Сосвы в Обь, и предполагает отсюда, что обская крепость—будущий Березов. Хр. Лопарев (Самарово. Село Тобольской губ. и округа. Материалы и воспоминания. СПб. 1892, стр. 8—9) думает, что Обская крепость расположена была недалеко от Самаровского яма, учрежденного в 1637 г.: «с устройством этих ямских слобод» «старое городище» или «Обский Большой» стал приходить в забытье и наконец, совсем исчез, оставив лишь одни развалины и остяцкий звук Руш—ваш (русская крепость). Впрочем, по рассказу одного иностранца, «город Обской город (Obscoygorodum) был впоследствии разрушен по приказанию сибирского воеводы, без указания тогда всей причины, однако я подозреваю, что причиной тому был необычайно сильный холод или сравнительная близость этого города к морю, как того с одной стороны желали русские, а с другой боялись как бы не случилось оттуда какого-либо несчастья. Поэтому, на одном острове р. Оби, в 50 приблизительно верстах (leucis) выше того разрушенного, построили город, имя которому Zergolta» (Сургут). «Russia seu Moscovia itemque Tartaria, Lugduni Batavorum 1630, p. 33». Еще до учреждения Самаровского яма, невдалеке от старинного Обского городка

был построен так наз. Мансуровский городок, называвшийся иначе «Обским большим»; по мнению Х. Лопарева (op. cit., стр. 5—6; 13) еще Шлейсинг (1690) упоминает Обский город, называя его: Makrobskoi (сл. ниже: Шлейсинг).

Ером] «В названном здесь Тюмене, говорит Лерберг (Исследования..., стр. 8), без труда можно указать старинный, в 1586 г. снова русскими укрепленный и лежащий на Туре город сего имени. Но об Ероме этого сказать нельзя, ибо название это, как и многие другие в Герберштейнских известиях, перепорчено; без сомнения, однако же, надобно под оным разуметь то место, которое некогда на языке тамошних жителей называлось Неромом, а теперь довольно известно под названием Верхотурья». Е. Замысловский (op. cit., стр. 437) разделяет мнение Лерберга. Не знаю, на чем основано утверждение, что «древний Нером, нынешнее Верхотурье» «у туземцев прежде называлось Еромом» («Сборник, издаваемый студентами СПб. Университета, вып. I, 1857, стр. 56). На карте Герберштейна (деталь ее воспроизведена у нас на рис. 16) вместо Jerom стоит Terom. J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol I, p. LIX) полагает, что последнее название находится в связи с рекою Турою.

Крепости Грустины] см. ниже s. v. Грустинцы. Штукенберг (Hydr. d. Russ. Reich. II, S. 684) пишет: «Витсен из Дании получил сообщение, что русские поверх устья... построили городок, называвшийся Obskojgorod, который, однако, сделался пустынным и разрушился. Вверху реки лежит острог Грустино (Grustino) под 61° 31′ широты, по которому и жившие поблизости племена стали называться грустинцы». Это известие, однако, едва-ли не восходит к Герберштейну.

От этого озера... приходят черные люди] «какие такие «черные люди» могли приходить оттуда (с Китайского озера) и приносить жемчуг (или раковины) и драгоценные камни?—спрашивает Д. Н. Анучин.—Витсен видел в них индусов, Лерберг — бухарцев; последнее более вероятно, т. к. позже, с проникновением в Сибирь русских, торговцами с юга оказались там именно бухарцы. По всей вероятности, они заходили для торговли и в более раннюю эпоху, а вместе с ними иногда и индусы, которые и теперь являются нередко в Туркестан и Кульджу» («Древности» XVI, стр. 305, N. Witsen. Noord en Oost-Tartarye, Amsterdam, 1692, p. 579—581; Lehrberg, Untersuchungen, S. 38; сл. ниже: И. Балак). В согласии со своим приуроченьем «Китайского Озера» к оз. Упса-нор, Гэннинг (см. выше, стр. 107) остроумно предположил, что «черные люди» Герберштейна— обитатели Кара-Китая, «черные» монголы, т. е. «платящие дань». В «Moscovitisch-tartarischen Reisebeschreibung» Таландера об области, занимаемой черными монголами говорится: «пограничная [с Китаем] страна начинается на юге, возле бухарских татар...; в том месте, где стена начинается, под нею [т. е. с этой стороны от нее] живут черные монголы; за стеной же расположены города и страны Китая» (R. Henning, op. cit., S. 264—465).

Грустинцы и серпоновцы] Лерберг (Untersuchungen, S. 40) в грустинцах видел гаустинцев Страленберга (Nord. und östliche Theil von Europa und Asien, Stockholm 1730, S. 187, 257) «остаток которых он нашел близ Томска живущими в хижинах; они были татары, идолопоклонники» и «евштинцев» Миллера (Sammlung Russisch. Gesch. VI, S. 523): «В сибирской истории упоминается о них при построении Томска в 1604 году. Здесь названы они Еуштинцами и также показаны, в числе 300 человек; и тогда еще считали они себя главнейшим народом тамошней страны». «Мнение наше, что сии Еуштинцы или Гаустинцы суть Грустинцы, — замечает Лерберг, — подтверждается тем, что мы здесь находимся в такой области, которая некогда не токмо в Сибири, но и у южных азиатцев была в великой славе, по хорошему состоянию жителей оныя. Вниз от Томска приходят по Оби в Нарым. Здесь была некогда славная Пегая орда, на которую в 1592 г., по царскому повелению, ходили войною казаки и вскоре после того завоевали оную». Мнение Лерберга принято и другими комментаторами Герберштейна («Сборник, издаваемый студ. СПб. Университета»,

вып. I, 1857, стр. 57; Е. Замысловский, Герберштейн, стр. 420). О серпоновцах, однако, Лерберг не мог собрать никаких данных.

Лукоморье] Лукоморье—морской залив. По мнению Лерберга (op. cit., S. 44) под «Лукоморскими горами» Герберштейн разумел «малый Алтай», след. Грустинцы и Серпоновцы посещали прибрежную страну дальнего севера. С моей точки зрения, под лукоморскими горами лучше понимать северную часть Приуралья (ср. в известном летописном рассказе Гюряты о Югре и поморской части северного Урала: «суть горы, зайдуче луку моря, им же высота аки до небесе»... Н. П. Барсов. Очерки русской историч. географии. География начальной летописи, Варш. 1873, стр. 53). Герберштейна буквально повторяют Гваньини, А. Тевэ (см. ниже) и еще Рейтенфельс (1673), говоря об области «Лукоморье», «с которою граничат дружеские с русским народом Grustini и Serpenovci, живущие близь Китайского озера (!), из которого вытекает Обь, и которым индийцы привозят на продажу разные товары и драгоценные камни» (Чтения в О. И. Др. 1906, III, стр. 209).

Случается нечто удивительное, невероятное] «Как ни мифичен рассказ об умирающих на зиму людях,—замечает Д. Н. Анучин, однако его далеко перещеголяли некоторые легенды о влиянии мороза, составившиеся в средневековой литературе Запада, напр., о звуках голоса и труб, застывающих на морозе и звучащих снова после оттаиванья; о всадниках, примерзающих к седлу лошади и т. д. Вера в подобные рассказы была тогда сильно распространена». Что же касается рассказа об умирающих на зиму Лукоморцах, то уже Олеарий (см. ниже) в XVII в. сделал попытку реалистически ее истолковать, объясняя ее возникновение тем, что зимой эти народы скрываются в юртах и сообщаются друг с другом ходами, вырытыми под снегом. В соответствии с таким объяснением, у Рейтенфельса (1673) эта легенда имеет следующий вид: «Лукоморцы, по образцу самоедов, спускаются зимой на жительство внутрь земли, а раннею весною снова выходят на солнечный свет и про них то Гваньини и рассказывает, что они подобно ласточкам и лягушкам ежегодно умирают» (Чтения в Общ. Ист. Др. 1906 III, стр. 209; сл. ниже Гваньини). Голландский живописец Корнелий де Бруин, живя в Архангельске (1701) и расспрашивая о северо-восточных окраинах России, узнал кое что о коряках (korakie) и чукчах (soegsie): «Русский, сообщивший мне все эти подробности,—замечает он,—сказал мне еще, что пять или шесть недель путешествуя по краям, где живут эти народы, он нашел еще и 6-ой народ, на морском берегу, называемый лежачие чукчи (Lasatie Soegtsie), потому что они лежат, либо сидят в своих палатках в продолжение всей зимы. Палатки эти делаются из моржей и заносятся снегом на целые пять месяцев в году. Поэтому и заготовляют они в своих палатках нужное себе пропитание в сухом виде. Впрочем этих животных едят они, как есть, и сырьем, а как наступает весна, выходят тотчас из жилищ своих» (Чтения О. И. Др. 1872, № 1, стр. 22).

Другое объяснение легенды предложил П. Н. Буцинский: «эта басня,—пишет он,—указывает на временное появление самоедов в южных местах, где их могли видеть другие народы, и на удаление в тундры»; «по крайней мере в XVII в., как видно из документов, ялмалские самоеды целое лето жили по р. Соби и даже Войкару. Здесь они кормили своих оленей, ловили рыбу, птиц и «съестного зверя», заготовляли из этого «юколу» и «порец» — зимний корм для собак и самих себя. А как только начнет падать снег и является нужда в мохе, они собирают свои чумы и переселяются в тундры. Отсюда произошла известная басня о замирании на зиму людей Лукоморья» («К истории Сибири»—«Зап. И. Харьковского Университета» 1893, кн. I, стр. 42). По мнению Н. П. Загоскина («Русские водные пути и судовое дело в допетровской России», Казань 1910, стр. 182—183): «весьма возможно, что все эти баснословия русского происхождения, к которым образованный Герберштейн относится, конечно, скептически, преследовали те-же цели, какие преследовались и фантастическими росказнями волжских булгар про сопредельные с ними финские территории: желание запугать конкуррентов и удержать за собою монопо-

лию торга с этими странами». Ко всему сказанному нужно прибавить, что легенда эта, несомненно имевшая в своей основе какой-то, первоначально непонятный, реальный факт, сложилась еще в глубокой древности. Одно из первых указаний на нее мы находим еще у Геродота (IV, 25), который рассказывает, что в отдаленных частях Скифии на север от «плешивцев» и людей с козлиными ногами обитает народ, который спит в течение шести месяцев (к истории объяснения этой легенды у Геродота см. A. Hauvette. La géographie d'Hérodote. «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», 1889, t. XIII, p. 6). Нет ничего невероятного в том, что Герберштейн мог знать этот рассказ Геродота, однако его собственное известие о лукоморцах основывается, конечно, не на античной легенде, а на русском источнике. В редакции, весьма близкой к Герберштейновской, тот же рассказ мы находим в русской статье, древнейший из известных списков которой относится к XV в.: «О человецех незнаемых в восточной стране» (о ней см. ниже: Р. Джонсон, стр. 127): «В той же стране [речь идет о северной Сибири], за теми людми, есть иная Самоедь такова, как и прочии человеци: по зиме умирают на два месяца, умирают же тако: как где застанет которого в те месяци, то туто и сядет, а у него из носа вода изойдеть, как от потока, да змерзнет к земли; и кто человек иные земли неведанием то только отразит, и него спхнет с места, он умрет, то уже не оживет; а не сопхнет с места, то той оживет и познает и речет ему: «О чем мя еси, брате, поуродовал?» А оживают, как солнце на лето поворотится. Такоже на всяк год оживают и умирают» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 4—5; «Древности» XIV, стр. 306; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV, стр. 187). Вскоре после Герберштейна, Рафаэль Барберини, посетивший Москву в 1565 году, писал о лукоморцах то-же, что и Герберштейн, рассказывая эту легенду со слов двух татар охотников (хотя есть основание заподозрить правдивость этого известия, сл. ниже: Барберини стр. 132), и прибавляя: «Находя это довольно странным и чудным, я смеялся тому, но татары мне клялись, что эта сущая правда, и я, однакожь, не довольствуясь этим, расспрашивал о такой диковинке еще у разных лиц, которые все мне отвечали, что действительно ходит такая молва, и что все, кто ни придет оттуда, подтверждают это». Тот же рассказ мы встречаем у Гваньини (1578), взявшего его из книги Герберштейна, у Петрея, Олая Магнуса, Мейерберга и др. Косвенным подтверждением тому, что в Москве подобная легенда была действительно распространена в течение долгого времени, является запись Бернгарда Таннера, бывшего в Москве в 1579 году; от других сочинений иностранцев о Московии сочинение Таннера отличается тем, что он почти не использовал сочинений своих предшественников, но писал на основании наблюдений, собранных им самим; о «ловцах соболей» на далеких северо-восточных окраинах московского государства Таннер пишет: «об этих людях москвитяне рассказывают, будто прислонясь зимой к дереву, они от холода погружаются в такую спячку, что делаются точно мертвые, когда извергаемая из их ноздрей сопля образует столь длинную сосульку, что она достигает земли; с приходом же лета или даже начала весны они воскресают точно из мертвых и возвращаются к своим занятиям» (Чтения в Общ. Ист. Др. 1891, III, стр. 107). «Может быть,—замечает Замысловский, сложившаяся в эпоху глубокой древности легенда об умирающих на зимние месяцы людях, обитателях крайнего севера, испытывала такие же странствования, как и некоторые другие баснословные предания, переносилась с юга на север и на азиатский восток все далее и далее, по мере того как расширялась область мира известного» (Герберштейн, стр. 419—420).

Комментаторы Герберштейна, насколько мне известно, еще не обратили внимания на одну любопытную подробность его рассказа, а именно на то, что лукоморцы умирают «в определенный день 27-го ноября, который у русских посвящен Св. Георгию», оживают же «чаще всего к 24 апреля», т. е. ко дню так называемого «весеннего Егория». Точные даты, приводимые Герберштейном, едва-ли случайны, в связи с соответствием их двум «юрьевым днем»—весеннему и осеннему, и, может быть, при детальном сравнительном исследовании, смогут пролить неожиданный свет на возникновение указанной легенды. Здесь доста-

точно напомнить, что по древнейшему житию святого (дошло до нас в греческом палимпсесте IV — V в.) Георгий три раза умирает и три раза воскресает, подробность, удержанная в позднейших славянских и мусульманских сказаниях о нем (М. О. Аттая, Мусульманские сказания о св. Георгии по Ат-Табари, «Этногр. Обозр.» 1895, кн. XXVI, стр. 122—134), причем самое имя его (γεωργός — земледелец) объясняет, почему в цикле связанных с ним поверий и обрядов Георгий являлся покровителем земледелия и скотоводства; недаром посвященные ему дни могли служить для начала и окончания земледельческих работ. Так, напр., чехи, обращаясь к св. Юрию 24 апреля, просили его, как и при заклинании весны, «отворить ключом землю»; в Кроатии и у Словенцев, обряды которых могли быть известны Герберштейну, в Юрьев день хор водил за собою парня, с ног до головы покрытого зелеными ветками—«Зеленого Юрия». Писатель XVI века Менеций рассказывает что пруссы, литва и жмудь в день св. Георгия «имеют обыкновение приносить жертву Перргрубиусу, которого признают богом цветов и растений»; аналогичный рассказ находится и у Стрыйковского. Повидимому, мы имеем здесь, на основе календарного совпадения, сопоставление христианских преданий с дохристианским земледельческим культом. Неудивительно, что и Маннгардт, в согласии со своей известной теорией, почувствовал связь жития Георгия с «первичным мифическим представлением о Baumseele, о Vegetationsdaemon, то обмирающей, то возникающей к новой жизни» (А. Кирпичников, Св Георгий и Егорий Храбрый, СПб. 1879, стр. 127 сл; А. Н. Веселовский, Св. Георгий в легенде, песне и обряде, Зап. Акад. Наук, т. XXXVII 1880, стр. 152—157; Е. Аничков, Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян ч. I, СПб. 1903, стр. 107; 233—239; 310—325). Все это подтверждает, что легенда о Лукоморцах, согласно утверждению Герберштейна, действительно могла стоять в какой-то связи с культом св. Георгия на Руси.

Необыкновенную и неизвестную в других странах торговлю] Описанная Герберштейном т. наз. «немая торговля», представляющая собою одну из примитивнейших форм торгового обмена, засвидетельствована очень многими древнейшими и позднейшими писателями. Геродот рассказывает о подобной торговле финикиян с жителями африканских берегов; Плиний и Помпоний Мела упоминают о подобных же торговых сношениях между сингалезцами (жителями о. Тапробаны) и римскими торговцами с одной стороны и народом серами (под именем которых у римлян были известны китайцы)—с другой. «Эти древние известия,— замечает Анучин, — могли казаться баснословными, покуда не были получены подтверждения тому в новейшее время, как из Африки так и из Азии» («Древности» XIV, стр. 302—305). По словам Эренрейха—немая торговля еще в XX веке «у многих народов примитивной культуры, особенно южной Америки, Африки и Австралии, является единственной формой товарообмена» (Zeitschrift für Ethnographie, Bd. XXXVII, 1905, S. 229; сл. M. Kulischer. Der Handel auf primitiven Kulturstufen.—Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, Bd. X, S. 378 ff.). Хотя O. Schrader (Lingistisch - historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde I, Jena 1886. S. 11) и полагает, что немая торговля «не была удостоверена у народов индо-германского происхождения», однако Max Förster («Stummer Handel» und Wielandsage «Archiv f. d. Studium der Neueren Sprachen und Literaturen» Bd. CXIX, 1907, S. 303 — 308), на основании анализа некоторых легендарных преданий, пытался доказать, что ею пользовались древние германцы в их сношениях с кельтами (к литературе о «немой торговле», указанной Анучиным, прибавим еще: H. Schurtz, Urgeschichte der Kultur, Leipzig 1900, S. 287; Hamilton Grierson. The Silent Trade, Edinburgh, 1903). Арабские путешественники, рассказывая о торговле волжских булгар с Югрой и «страною мрака», передают, что когда путешественники доезжают до «мрака» и делают там привал, то «каждый из них оставляет там товары, с которыми приехал, и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара, и находят насупротив него (известное количество) соболей, белок и горностаев.

Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же недоволен им, то оставляет его. Те, т. е. жители «мрака» набавляют его (своего товара), часто же убирают свой товар, оставляя (на месте) товар купцов. Так (происходит) купля и продажа их. Те, которые ездят сюда, не знают, кто покупает у них и кто продает им, джинны (духи) ли это или люди, и не видят никого» (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884, стр. 297—298: Ибн-Батута, «О стране мрака», XIV в.), «Подобные же известия—пишет Анучин, мы встречаем у Абульфеды, Бакуи и других арабских писателей, причем Абульфеда приписывает немой торг народам, живущим к северу от русских, а Бакуи говорит, что такой торг ведется Болгарами в стране Uaisua или Ualsa, находящейся в трех месяцах пути на север» (извлечения из этих писателей приведены у St. Sommier, Sirieni, Ostiacchi e samoiedi dell' Ob. Firenze, 1887, p. 44—45. Д. А. Хвольсон Известия о хозарах, буртасах и т. д. СПб. 1869, 188—189). Павел Иовий, со слов русского посла Дмитрия Герасимова сообщает о таком же торге у лопарей со своими соседями; о том же сообщает и Шеффер, (Lapland, 1657), замечая, впрочем, что «они (лопари) ведут торговлю не знаками, как прежде, а при помощи слов». («Древности» XIV, стр. 310—312). Анучин отмечает еще что «свидетельство о немом торге мы имеем также в рассказе летописца со слов Гюряты Роговича (в XI в.)», и что в любопытной отписке Енисейского воеводы кн. К. О. Щербатого в сибирский приказ—«О диких людях Чюлюгдеях» 1685 г. (напечатана в «Чтениях Общ. Ист. Др.» 1888)—«зафиксировано старинное тунгусское предание о немом торге с каким-то народом, который занимался железной промышленностью». В другом месте (op. cit., стр. 305) Д. Анучин ставит в связь «немой торг» со старинным охотничьим обычаем, и доныне существующим на севере: «если кто (охотник, странник, торговец) найдет где в лесу пустую избушку и в ней какие либо вещи, которые ему могут понадобиться, то он берет, что ему нужно, но оставляет взамен взятого предметы соответствующей годности и ценности, или деньги. Обычай этот, по крайней мере, в прежнее время, соблюдался свято».

Возникают весьма частые споры и войны] После этих слов, в другом издании «Записок» Герберштейна прибавлены еще следующие слова (привожу по Е. Замысловскому, Герберштейн, стр. 418): «Приморские места Лукомории лесисты; в них лукоморцы живут, не строя вовсе домов. Хотя составитель этого дорожника говорил, что весьма многие племена Лукомории подвластны князю Московскому, однако, т. к. вблизи находится царство Тюмень, государь которого татарин, и на их языке называется Тюменским царем, т. е. rex in Tumen, и так как он не очень давно нанес большой урон московскому князю, то правдоподобно, что эти племена подвластны ему, потому что он им близкий сосед». «Это предположение,—замечает Замысловский (op. cit., стр. 419), едва-ли справедливо. Тюменского царя, о котором говорится в вышепреведенном известии, звали, как догадывается Лерберг, Мамуком. В 1496 г. он напал на Казань и ограбил ее, чем, вероятно, и причинил вел. князю тот большой урон, о котором упоминает автор Записок. Мамук перенес свою резиденцию из Тюмени в Сибирь, и умер в 1496 г. Его преемники, еще менее, чем он сам, могли быть опасными соседями московского государства, а потому предположение Герберштейна о зависимости Лукоморья от Тюмени лишено основания. Он же сообщает, что Тюмень зависела от югорских князей—данников московского государя, и это свидетельство не лишено вероятия».

Живет народ Каламы] Комментаторы (Лерберг, Замысловский) не объясняют, ни какой народ может здесь иметься в виду, ни где находились Obiovua и Pogosa; По замечанию Замысловского (Герберштейн, стр. 420—421) «на основании дальнейшего изложения можно притти к заключению, что следует причислить к данникам вел. князя народов, обитавших на западной стороне Обской долины»; отметим, однако, что в системе Подкаменной Тунгуски, Енисейского округа есть река Калами (П. Семенов, Географическо-статистический Словарь Росс. Имп., т. II, СПб. 1865, стр. 435).

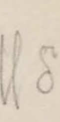
До Золотой Старухи] См. ниже: Золотая баба.

Березва] Е. Замысловский (op. cit., стр. 150 прим. 10) ссылается на то, что по словам Миллера («Описание Сибирского царства» СПб. 1787, стр. 111) берег на реке Тоболе называется «березовым яром» и что здесь находится деревня того же имени, но едва-ли это говорит за то, что под именем Beresva Герберштейн мог понимать Тобол; скорее всего здесь имеется в виду какая-нибудь другая, притом более мелкая река; важно указание Герберштейна, что названные им Сосва и Березва «начинаются с горы Камень».

Данадим] С. М. Соловьев в статье «Географические известия о древней России» («Отечеств. Записки» 1843, № 2, стр. 117) принимает Danadim Герберштейна за реку Тобольск. губ.—Надым, берущую начало из большого озера Торм-лора, примыкающего с юга к топкому непроходимому болоту, а с севера—к высокому густому лесу (см. дневник Хондажевского, проехавшего зимою 1879 г. из Обдорска через реку Полуй к р.р. Надыму и Ныде: «Поездка до устья р. Надыма». Зап. Зап.-Сиб. Отд. РГО 1880, т. II); р. Надым является правым притоком Обской губы. Эта северная река, за исключением низовья, в общем, мало исследована. По утверждению Г. М. Дмитриева-Садовникова («Река Надым». «Ежегодник Тобольск. Губернск. Музея», вып. XXVIII, 1917, стр. 1–24), Надым—название самоедское (от Нады-ям—богатое, обильное место): «первоначальным населением Надыма, из известных в настоящее время племен, были самоеды. Кто жил здесь раньше и кому принадлежат остатки глиняной посуды, встречающиеся в приобских городищах—неизвестно. Следующими за самоедами местными поселенцами были остяки, частью совершенно осамоедившиеся и из народа оседлого превратившиеся в кочевой».

Камень большого пояса]... ex monte Camen Bolschego Poiassa. В другом месте своей книги Герберштейн говорит, что, нося в различных местностях различные названия, горы на северо-востоке Европы имеют, однако, одно общее имя: Земной пояс—Semnoi poyas. Земной пояс—Уральский хребет. «Земной пояс,—замечает Замысловский—может быть, было переводом названия инородческого и потому дано было хребту, принимаемому за естественную грань двух частей света, что он тянется на весьма значительном расстоянии от юга к северу, между тем как ширина его сравнительно ничтожна» (Замысловский, Герберштейн, стр. 128–130; о происхождении этого названия здесь же, стр. 130–131 и A. Humboldt. Asie Centrale, t. I. Paris, 1843, p. 412, 471–472; St. Sommier Un' estate in Siberia, etc. Firenze 1885, p. 271–272).

Золотая баба] Рассказ о «Золотой бабе» приобрел большую известность в западно-европейской литературе XVI и первой половины XVII вв.; редкий писатель, говоря о Московии, не упоминает о ней. В русской литературе впервые, кажется, она упоминается в Софийской первой летописи под 1398 г. по поводу кончины Стефана Пермского, где сказано, что он «живяше посреде неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящеся идолом, огню и воде, и камню, и Золотой бабе, и вълхвом, и древью» (Полн. Собр. Русск. Летоп., т. V, стр. 250). Далее, в послании митроп. Симона «Пермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам большим людем и меньшим» (1510 г.) говорится о поклонении пермичей Золотой бабе и болвану Войпелю; «однако, в чем заключается это поклонение,—из послания не видно; но вероятно, до митрополита доходили очень скудные сведения об этой религии» (В. Трапезников. Чудские идолы и пермские боги. «Атеист» 1930, № 52, стр. 69 и сл.). Между тем около того-же времени сведения о золотой бабе появились уже и в европейской литературе. Первым иностранцем, давшим ее описание, был М. Меховский (см. выше, стр. 77 и сл.); впрочем, весьма вероятно, что первый глухой намек на этого идола сделал уже Ю. П. Лэт (сл. у нас выше, стр. 70). Меховский около 1517 г. получил известие от пленных москвитян, находившихся в Кракове: «За землею,



называемою Вяткою, при проникновении в Скифию,—пишет он,—находится большей идол Zlotababa, что в переводе значит золотая женщина или старуха; окрестные народы чтут ее и поклоняются ей; никто, проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без приношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстину и, благоговейно склонившись, проходит мимо». Следующим иностранцем, подробно описавшим идол, был Герберштейн (неточный перевод этого известия дан у И. Толстого и Н. Кондакова, Русские древности, т. III, стр. 32—33). Рассказ Герберштейна, с некоторыми, впрочем, вариациями, повторен у Климента Адамса (1556)—в его отчете королеве Марии о первом плавании англичан в Белое море («Anglorum Navigatio», напеч. сначала в сборнике Гэклюйта, а затем вошел в компиляцию «Respublica Moscoviae et urbes», Lugduni Batavorum, 1630; по мнению Х. Лопарева «описание идола у Кл. Адамса напоминает скорее шаманов»); из Герберштейна же, вероятно, взял этот рассказ Гваньини, прибавивший указание, это идол был «высечен из камня» (?)—de lapidum excisum (рассказ Гваньини воспроизведен у нас ниже). Наконец к Герберштейну, вероятно, восходит также рассказ. Тевэ (см. у нас ниже). Изображение «Золотой бабы» появилось также на ряде иностранных карт: у Антония Вида (1542 г.), Ант. Дженкинсона (1562); изображена она также на обоих картах Герберштейна, причем любопытно, что рисунок мало в чем напоминает его собственный рассказ. На основании всех перечисленных известий, по вопросу о «Золотой бабе» высказан был ряд догадок о ее происхождении, значении и т. д. Н. Костомаров (Славянская мифология, Киев, 1847, стр. 30), комментируя рассказ Гваньини, обращал внимание на то, что этот идол, бывший в почете у финских народов, носил русское имя «Златой бабы», что и дало ему повод заключить отсюда, что божество заимствовано от славян; делаемые им сближения Золотой бабы с славянской богиней Сива или Жива, на основании показания Длугоша о горе называемой «Бабою» («Baba, mons altissimus supra fluvium Sota»...), с находящимися на ней городе «Живце», конечно, совершенно произвольны и неправдоподобны. А. С. Уваров, исходя из указанного выше места Софийской летописи, предполагал, что этот идол был каменной бабой. Н. И. Веселовский в статье: «Мнимые каменные бабы» СПб. 1905 (из «Вестника Археологии и Истории», вып. XVII), стр. 4—12 произвел пересмотр этого вопроса и пришел к заключению, что с «каменными бабами» «Золотая баба» не имеет ничего общего; «упоминание о детях указует скорее всего на эмблему плодородия». Н. С. Трубецкой («К вопросу о Золотой бабе»—«Этнографическое Обозрение» 1906 кн. 1-2, стр. 56—65) пытался еще более уточнить это соображение и на основании ряда сближений с вогульской мифологией пришел к заключению, что Золотая баба была изображением вогульской богини: Куальтысь-са́н-торум. От русских исследователей ускользнули два иностранных мнения по этому поводу. H. Michow (Die ältesten Karten von Russland, Hamburg 1884, S. 39—42), собрав ряд указаний о «Златой бабе» картографов и писателей, высказал предположение, что она была «сделанной из глины и позолоченной статуей мадонны, которая завезена и оставлена была на севере русскими во время одной из завоевательных экспедиций. По крайней мере, нечто подобное рассказывают о мужском идоле, который в эпоху покорения Сибири казаками был найден у остяков, и по их собственным словам ранее почитался в России в качестве изображения Христа. Он был вылит из золота и сидел на блюде, так что вероятно это была крестильница. Остяки лили на нее воду и гадали, а выпивая эту воду были вполне уверены, что с ними отныне не случится никакого несчастья» (Müller, Samml. Russ. Gesch. VI, S 322; Миллер Описание Сибирского царства, стр. 155—157; ср. В. Павловский. Вогулы. Казань, 1907, стр. 185). Эта догадка любопытна, но мало-правдоподобна хотя бы уже потому, что русские не имели скульптурных образов мадонн, а если и имели, то они резались из дерева (как например собранные в пермском музее, интересные культовые деревянные скульптуры) и, кроме того, конечно, едва-ли куда вывозились из церквей. В другой

своей работе H. Michow (Das erste Jahrhundert russischer Kartographie, Hamburg, 1906, S. 24) обращает внимание на то, что, как описание «Златой бабы», так и изображение ее на европейских картах, уже в XVI в. пережило известную эволюцию. У М. Меховского (1517) она представляется обыкновенной женской статуей; на карте А. Вида (1542) она изображена в виде статуи, держащей рог изобилия; в копии этой карты, сделанной Hogenberg'ом (1570) она приняла вид мадонны и держит ребенка на руках; у Себ. Мюнстера (1544) ребенок превратился в золотую дубинку; изображение Золотой бабы на латинской карте Герберштейна походит на статую Минервы с копьем в руках, но на его-же немецкой карте 1557 г. она опять представлена «Золотой старухой» («Guldene vetl») сидящей на троне, с ребенком на руках; наконец, на карте А. Дженкинсона (1562)—золотая баба изображена также мадонной, но не с одним, а уже с двумя детьми (ряд рисунков воспроизведен у Анучина, «Древности» XIV, стр. 53—60). Эти

Рис. 16. Золотая баба у Герберштейна (латинск. изд. 1551 г.).

Золотая баба у Герберштейна (немецк. изд. 1557 г.).

изменения, которые претерпевало изображение золотой бабы на западе, свидетельствуют, конечно, о том, что сведения, доходившие о ней были сбивчивы и противоречивы; поэтому при изучении вопроса всецело основываться на европейских известиях, а тем более рисунках, было бы рискованно. Лишь одно обстоятельство заслуживает полного внимания. D. Morgan (Early voyages and Travels to Russia and Persia, London 1886, vol. I, p. CXXVIII—CXXIX) подметил, что чем позже встречается рассказ о Золотой бабе, тем дальше на восток отодвигается ее местопребывание; прежде всего ее помещают на территории Вятки или Перми; на карте Вида она помещена уже в Обдории (Abdoria), на запад от Оби; наконец, ее помещают на Обь или даже еще восточнее: у Петрея (1620), например, который сравнивает ее с Изидой, она помещена именно на берегах Оби. В XVII в. известия о Золотой бабе почти совсем прекращаются, хотя еще у Левека, в его «Histoire de la Russie» мы найдем весьма фантастическую картинку с ее изображением. Перемещение идола с запада на восток—факт несомненный и требующий объяснения. Первоначально «Золотая баба» (если речь идет об одном идоле, а не о нескольких) находилась, видимо, на западе от Урала; об этом говорят русские свидетельства, приведенные выше. Нужно думать далее, что это был идол вогульский; попытки связать известия о золотой бабе с зырянским Олимпом нужно признать неудачными. «Некоторые исследователи религиозной жизни Коми и их потомков культу золотой бабы придают особое значение,—пишет

М. А. Лебедев. (Пермь Великая. Исторические очерки. Ж. М. Н. Пр. 1917' № 11—12, стр. 154—155), и от ее имени склонны производить даже самое название зырян, как «людей (кум—человек), почитающих з[с]ар женщину (ан)». Но кажется, что это любительская филология: зырянское название кумира Зарни—ан (транскрипция Михайлова, см. Красов. Зыряне и св. Стефан Пермский, СПб 1896, стр. 14) есть ничто иное, как «золотая баба» (золото—зарни, от иранск. zaranja)»... Скорее всего, что культ «Золотой бабы» приписан зырянам ошибочно (И. Н. Смирнов. Пермяки. Казань, 1891, стр. 263). Наибольшее количество известий свидетельствует о том, что уже в середине XVI ст. «Золотая баба» находилась за Уралом. Ряд данных позволяет утверждать, что у вогулов в XVII и еще в XVIII вв., в глуши зауральских лесов находился ряд идолов, среди них, вероятно и Золотая баба. Так напр. какой то золотой идол находился в пещере верховьев Сосвы («Вестник И. Р. Географич. Общ». 1857 г. V, стр. 23—31); на р. Конде, в непроходимой лесной чаще, стоял главный идол вогульского народа, обоготворяемый также и остяками. «Внеш ий вид и устройство его неизвестны были и самим обоготворявшим. Постоянно охраняемая двумя стражами в красных одеждах, с копьями в руках, его кумирня была закрыта для вогулов. Один только старейший и главный шаман имел право входить в кумирню, узнавать волю идола, который, по словам вогулов, если требовал жертвы, то издавал голос младенца» (Ипполит Завалишин. Описание Западной Сибири, т. I, М. 1862, стр. 250—251, 286; В. Павловский. Вогулы, Казань 1907, стр. 185—186); кажется именно этого идола, который, судя по указанию на младенца, мог быть и Золотой бабой, описывает и Григ. Новицкий в 1715 г. называя его «Кондийским» (Краткое описание о народе остяцком» под ред. Л. Н. Майкова, СПб. 1884, стр. 56—59). Описание Золотой бабы сохранила нам и сибирская летопись: «Ту бо у них молбище болшее богыне древней, нага с сыном на стуле седящая, приемлюще дары от своих, и дающе ей статки во всяком промысле; а иже кто по обету не даст, мучит и томит; а кто принесет жалеючи к ней, тот перед нею пад умрет, имяще бо жрение и съезд великий» (Краткая Сибирская Летопись (Кунгурская), изд. Зоста, СПб. 1880, стр. 21). Причина перенесения идола в отдаленные местности восточного Приуралья, на Конду, и, наконец, в обдорский край,—повидимому завоевательные успехи сибирских казаков и распространение христианства, часто жестоко и насильственно прививавшегося инородческому населению Сибири. От одного старого вогула с реки Конды К. Д. Носилов записал юлбопытное предание о золотой бабе: «она не здесь,—рассказывал вогул,—но мы ее знаем. Она тогда же [с приходом русских] через наши леса, была перенесена верными людьми на Обь; где она теперь, у остяков ли где в Казыме, у самоедов-ли где в Тазу, я точно не знаю, но с той поры, как она здесь была, у нас остался с нее слиток—«серебряная баба», которая и до сих пор хранится у одного вогула в самой вершине нашей реки (Конды). «—Ты видел ее, дедушка?—спрашивал путешественник у рассказчика.—Не раз, не два видел на своем веку, ответил Савва.—Какая же она?—Серебрянная... На кого-же походит? Как сделана?—На бабу походит, бабой и сделана...—Одета?—Нет, голая... Голая баба—и только. Сидит. Нос есть, глаза, губы, все есть, все сделано, как быть бабе...—Большая?—Нет, маленькая, всего с четверть, но тяжелая такая, литая; по «золотой бабе» ее и лили в старое время; положили ту в песок с глиной, закопали в землю, растопили серебра ковш и вылили, и обделали, и вот она и живет.—Где же она у этого ямнельского вогула хранится?—В юрте хранится, в переднем углу. Как зайдешь к нему в юрту, у него в переднем углу полочка небольшая сделана, занавесочкой закрыта, за ней в ящике старом она и сидит. Как откроешь ящик—и увидишь ее на собольей шкурке».—Что же ей приносят?—Большие шелковые платки, потом серебро она любит и шкурки дорогие.—Куда же это все после идет?—На нее идет; серебро кладут в ящик, шкурки стелют под нее; платками ее закрывают, окутывают»... (К. Д. Носилов. У вогулов. Очерки и наброски. СПб. 1904, стр. 109—119); «Серебрянная баба охранялась менее золотой;—замечает Н. Трубецкой, «Этногр. Обозр.» 1906, № 1, стр. 52,—и финскому ученому Карьялайнену, кажется, удалось приобрести ее и перевезти в Гельсинфорс»). По смыслу этого рассказа «Золотая баба»

с которой отлита была серебряная копия, уже своими размерами мало подходит к той, о которой рассказывают западно-европейские писатели. Однако, записанное Носиловым предание интересно тем, что подтверждает существование у вогулов золотых женских идолов. Были они также и у остяков. М. А. Лебедев (op. cit., стр. 155), обращает внимание на то, что по известию Герберштейна Золотая баба стояла там, «где Обь впадает в океан, т. е. собственно уже в самоедско-вогульском крае, где женские кумиры довольно нередки, где и теперь на острове Я(л)мале находится жертвенное место самоедов—Яумал-хе (состоящее из семи отдельных куч идолов-сядаев), на поклонение которому они приезжают даже из Урала» (сведения об Яумал-хе: Б. Житков. Краткий отчет о путешествии на полуостров Ялмал. Зап. Р. Г. Общ. 1909, стр. 482—483, 496); ср. замечание Ю. И. Кушелевского (Северный Полюс и земля Ялмал. СПб. 1868, стр. 114): «В настоящее время коренных идолов, напр. Золотой бабы и других уже нет, а существуют их копии, которые поддерживаются не народно, а избранными, в особенности шаманами, из одних только корыстолюбивых их видов»; никаких следов культа Золотой бабы ни у вогулов, ни у остяков не нашел St. Sommier Un' estate in Siberia fra Ostiachi, Samoiedi etc. Firenze 1885 p. 249—250. Не знаю, на основании каких данных Хр. Лопарев (Самарово. Село Тобольской губ. и округа. Материалы и воспоминания о его прошлом СПб. 1892, стр. 3—4) полагает, что Золотая баба находилась «при самом впадении Иртыша в Обь у Белых гор (ныне деревня Белогорье)». Остается еще упомянуть об одной гипотезе, недостаточно обоснованной, несмотря на то, что она имеет уже двухвековую давность. Еще Страленберг (Historie der Reisen in Russland, Siberien und der Grossen Tartarey, Leipzig, s. a., S. 103—105) высказал предположение что Золотая баба—тот же идол, который под именем Иомалы описан в скандинавских сагах, при рассказе о наездах скандинавов в Белое море. По известиям саг, этот идол Биармийского божества находился в священной ограде близ северного берега Двины; он был из дерева, на шее имел драгоценное ожерелье, а на коленях держал чашу с монетами. Вспоминая, что «финские племена зовут своих божков Jumis, Jumala Junn», и что лопари «небесного бога называют Jmmel или Jubmal», Страленберг сопоставляет имя Биармийского божества со шведскими словами Gammal и Gumma которые означают «старика» и «старуху», и замечает при этом: «как я сам приметил у остяков и у других сибирских язычников, они часто называют своих главнейших богов русскими словами «старик» и «старуха»; отсюда он делает заключение о родстве биармийского божества с описанной у Герберштейна Золотой бабой. Недавно В. Трапезников (op. cit, стр. 69—70), сравнивая биармийскую Иомалу с «Иома-бабой», сверхестественным существом пермяцкой или зырянской демонологии, также утверждал, что скандинавы, судя по саге, ограбили «храм Золотой бабы». Несмотря на соблазнительность этой гипотезы, ее следует признать пока недоказанной; не говоря уже о затруднительности пользования сагами, как историческим источником (ср. С. К. Кузнецов. К вопросу о Биармии. «Этнографич. Обозрение» 1905, № 2—3), следует заметить, что новейшая лингвистика отзывается объяснить имя Иомалы из западно-финских языков; недавно А. И. Соболевский предложил сопоставить Иомалу с древне-индийским божеством подземного мира Joma и с рассказом русской начальной летописи о божестве заволоцкой чуди, «сидящем» или «живущем» в бездне, т. е. в глубине земли («Древняя Пермь. К вопросу о Биармии»—Известия О-ва Арх., Ист. и Этнографии при Казанском Университете, т. XXXIV, вып. 3—4, 1929, стр. 22—26): если это предположение правильно, то сопоставление Иомалы с золотой бабой падает само собой. Напомним кстати, что еще Н. С. Трубецкой «Этногр. Обозр.» 1906, № 1—2, стр. 55) довольно резко заявлял о том, что сопоставление Золотой бабы с Иомалой—«мысль совершенно нелепая и основанная на совершенном невежестве в области угро-финской этнографии», но все же думал что Золотая баба была известна пермякам под именем «Калдысин». Ничего не объясняет также и случайное звуковое сходство Иомалы и Ялмала, точнее Яумала (по Житкову «яу-мал»-устье, конец реки; устье обской губы, полуостров Ямал «конец земли»), тем более, что не может быть и речи о путешествии скандинавов

в XI в. к устью Оби (которое они якобы приняли за устье Двины), к жертвенному месту самоедов—Яумал-хе. На основании интересного собрания пермских деревянных скульптур, среди которых «имеются изображения с инородческими физиономиями», Н. Н. Серебренников (Пермская деревянная скульптура, Пермь 1928, стр. 35) высказал догадку что «наиболее почитавшееся изваяние—Сидящий спаситель заменил, повидимому, особо чтимую прежде Златую Бабу финноугорских народов, которая, надо думать, по своей сидящей позе имеет что то общее с сидящим Буддой восточных народностей, с которыми финноугорские народы имели некоторое родство и по крови, и еще больше—по взаимодействию культур». J. Baddeley (op. cit., p. LIV) отождествляет Золотую бабу с «тибетской и китайской богиней бессмертия Kwan-in». По вопросу о связи культа Золотой бабы с религиями дальнего востока, нужны, однако, специальные разыскания, вне которых подобные догадки будут иметь мало цены.

Река Коссин] Затруднительность географического приуроченья этого названия заключается в том, что через несколько слов Герберштейн упоминает о другой реке с весьма сходным именем: Кассима. Если под Кассимой Герберштейн имел в виду реку Казым в бассейне Оби (литература о ней указана в «Географическо-статистическ. Слов. Росс. Имп.» П. Семенова, т. II, стр. 429), то очень трудно принять мнение С. М. Соловьева («Отеч. Записки» 1853, № 2), что под р. Коссин может иметься в виду река Косья; ведь Герберштейн говорит, что Коссин вытекает из Лукоморских гор (из Урала? или малого Алтая, по мнению Лерберга? ср. выше, стр. 105), и что Кассима начинается там-же («из истоков той же реки»...); однако р. Косья составляет левый приток р. Усы, б. Арх. губ., Мезенск. у., а Казым, или Казыма, как утверждают, берет начало из оз. Тормлора и общее направление течения имеет к западу.

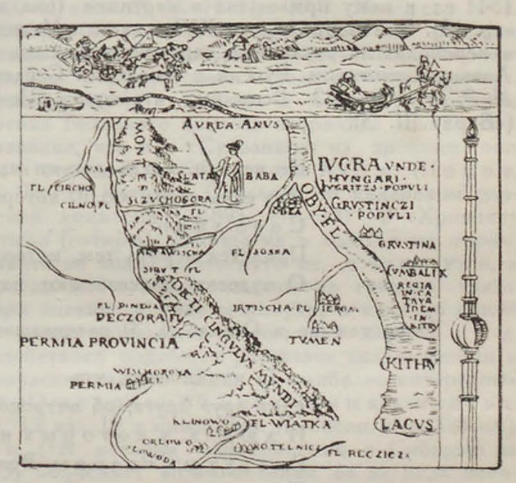


Рис. 17. Правый угол карты
(Из «Записок» Герберштейна, изд. 1549 г.).

Князь венца] Из текста видно, что слово vuentza—не собственное имя, но о каком властителе идет речь, мы объяснить не умеем. Равным образом не поддается определению упомянутая Герберштейном «крепость Коссин».

Кассима] Вероятно, Казым. Сл. выше: Коссин.

Таханин] Штукенберг (Gydrographie d. Russ. Reiches Bd. VI, S. 189) отказывается определить, какая река здесь и меется в виду, Е. Замысловский (op. cit. стр. 150) приводит следующее известие из «Дополнений к Актам Историческим» (т. X. № 80, 1683—1699, стр. 392): «А из Томского города в Киргисскую землю... переходить многие реки поперег: 1, река плавежная Ташма и т. д.», но не обосновывает далее своего сближения. И. И. Полосин улавливает звуковое сходство Тахнина и загадочной Тахчеи, Tachsea иностранцев (сл. ниже: Г. Штаден). Прибавим, что у позднейших писателей та-же река называется Tachnim (иногда Tachmin), например, у Гваньини (см. ниже). Витсен полагал, что это название Енисея (Nord en Oost Tartarie, 1692, p. 468, 477—480, 539). У J. Bad-

deley (Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. I, p. LX) находим предположение что под Тахнином имеется в виду р. Таз.

Люди чудовищного вида] Выше (стр. 12—14; 19—20) было уже указано, что в средние века вера в существование чудовищ, подобных описанным у Герберштейна была сильно распространена. К приведенным рассказам Исидора Севильского, Павла Диакона, Адама Бременского и т. д. можно было бы прибавить ряд свидетельств более позднего времени. «Ведай,—говорит (в славянском переводе) один из знаменитых средневековых ученых Раймонд Люллий,—ведай, иже людие разные образы плоти имеют: есть земля иде-же людие родятся с песьею головою; есть иные, где уши людям висят на плечах: есть, где родятся люди о единой ноге великой и тою (ногою) закрываются от солнца, а бегают вельми скоро без труда; есть еще и такий род человеческий, иже глав не имеют, но очи, уста и прочие чувства в грудях носят». Подобные рассказы распространялись на западе не только в рукописях, вплоть до самого изобретения книгопечатания, но попали еще и в книги XVI в. Так напр., рассказ, почти дословно повторяющий Раймунда Люллия, мы находим в «Космографии» Себастьяна Мюнстера 1544 г.; к нему приложена и картинка (она воспроизведена и в нашей книге на стр. 13). В течение всего XVI в. книга Мюнстера перепечатывалась много раз в переводах на различные европейские языки (Е Замысловский. Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии Себастьяна Мюнстера Ж. М. Н. Пр. 1880, № 9, стр. 66—123). Вспомним, что еще у Шекспира Гонзаго говорит о Калибане («Буря» III, 3):

Не верили, когда детьми мы были, —
Что есть такие люди, которые имеют на груди
Свое лицо . . . .
Придется верить тем, которые из странствий возвратившись
О чудесах рассказывают нам.

Точно так же и Отелло (I, 3) рассказывал Дездемоне —

... О каннибалах, что
едят друг друга, об антропофагах
И людях, у которых ниже плеч
Растут их головы. Все это слушать
Серьезно полюбила Дездемона.

Предполагают, что эти известия о чудовищных людях (ср. слова о Калибане Стефано и Тринкуло: «Буря» II, 2, 70, 97; III, 2, 9—10) взяты Шекспиром именно из «Космографии» Себ. Мюнстера, извлечения из которой вышли в английском переводе в 1572 и 1574 гг., однако о таких же людях рассказывает и мореплаватель В. Рэли (Raleigh) в книге «Открытие Гвианы» 1596 г. (R. R. Cawley. Shakespear'es use of the voyages in the «Tempest», «Publications of Modern Language Association of America» vol. XLI, № 3, 1926, p. 688—726); Мюнстер же несомненно пользовался рассказами Герберштейна. Что же касается Герберштейна, то хотя он и знал Плиния, Солина и т. д., у которых имеются подобные известия, но занося в свою книгу известия о народах, живущих за рекою Тахнином, пользовался не античными и не средиевековыми сочинениями, а русскими источниками. Возникает, следовательно, вопрос о том, как эти сведения попали в русский дорожник, который был в руках у Герберштейна.

Еще Ф. И. Буслаев («Этнографические вымыслы наших предков».— «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей принадлежащих». М. 1868, кн. I, стр. 93—101) указал, что главным источником сведений о чудовищных народах, распространявшихся в русской письменности

до к. XVII века, а позднее перешедших и в лубочные издания, был переводной роман «История об Александре Македонском» («Александрия»). Роман этот пользовался у нас огромной популярностью и сохранился в большом количестве списков. Новгородцы еще в XI в. открыли след «поганых народов», заклепанных Александром в восточных горах к востоку от Югры: «суть горы зайдуче луку моря, им же высота аки до небесее, и в горах тех кличь велик и говор, и секут гору, хотяще высечися; и в той горе просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не розумети языку их (Лаврент. Летоп., 107; интересную параллель см. в сказании запис. в северной Монголии о народах, заклепанных Чингисханом «Изв. В.-Сиб. Отд. Р. Г. О»., т. XV, № 1—2, стр. 11); вера в существование в Сибири чудовищных народов, о которых рассказывает «Александрия», была у нас настолько велика, что еще в к. XVII века А. Ф. Палицын, читавший роман, как рассказывает С. В. Бахрушин: «пытался найти в Сибири местоположение «прехода великого Александра» и «превысокого холма Каракаура, иде же обитают люди единоногие и единорукие» («Века». Исторический Сборник I. Петр. 1924, стр. 94). На карте С. Ремезова 1697 г. также отмечено около устья р. Амура: «До сего места Александр Македонский доходил, ружье спрятал, колокол оотавил» (А. В. Григорьев, Подлинная карта Сибири XVII века. Ж. М. Н Пр. 1907, № 10, стр. 377). В вошедшем в «Александрию» «Сказании об индийском царстве» мы находим перечень чудовищ, сильно напоминающих те, о которых рассказывает Герберштейн; здесь являются: «люди немы, иже кормляху дети в воде рыбами сырыми», «мнокли человеци (т. е. monoculi-одноглазые), а око им в чели»; со времени перевода на русск. яз. хроники Мартина Бельского явилось вторичное знакомство, с чудовищами, носившими то-же название, что и в «Сказании»; из хроники они попали в хронограф 2-ой редакции, а отсюда и в азбуковники XVII в. (Попов, Обзор хранографов, II, стр. 93, 97, 99; В. Истрин, Сказание об индейском царстве. «Древности». Труды славянской комиссии I, 1895, стр. 13). В «Хронике» описываются «люди глаголемые сатыре [сатиры], жилище их в лесах и по горам; а хожение их скоро, егда текут, никто не может настигнути их, а ходят наги, а живут со зверьми, а тела их обросли волосами, а языком не говорят, токмо гласом кричат» или: «люди мономери зовемы, а инде монокули, а коли об одной ноге, а коли солнце печет, а он может покрытися ногою как лапою» и т. д. Вероятно, уже в XV веке под воздействием подобных рассказов складываются и самостоятельные русские этнографические статьи. Один из наиболее интересных памятников подобного рода—статья «О человецех незнаемых в восточной стране» (см. о ней выше, стр. 12 сл., 19 и ниже: Рич. Джонсон, стр. 127 сл.). Напечатавший ее Д. Н. Анучин («К истории ознакомления с Сибирью до Ермака «Древности» XIV, стр. 273) объясняет возникновение ее из ряда непонятых рассказчиком этнографических фактов (например одежда самоедов, которая своим покроем могла дать повод к легенде о людях с лицом на груди); поэтому он отвергает влияние письменности на возникновение указанной статьи и приводит этому в доказательство то, что «большая часть переводных сочинений, содержащих рассказы о дивных людях, стала распространяться у нас сравнительно поздно, не ранее, надо полагать XVI века» (op. cit, стр. 243); это неверно: «в XV в. замечает В. М. Истрин,—была уже Александрия 2-ой редакции, содержащая в себе сказание об индейском царстве, которое сохранилось в ркп. XV в., а явилось оно след., раньше» (op. cit., стр. 46). Таким образом, нужно все таки думать, что влияние письменности на статью «О человецах незнаемых» было возможно, и что она создавалась под двойным воздействием письменных и устных известий; причем, вторые, еще глухие, сбивчивые, непроверенные, наслаивались на прочно сидевшие в памяти русского книжника факты письменности, которым он слепо верил. Конечно, в отдельных случаях было возможно и обратное влияние: так напр. один из списков «Сказания об Индейском царстве», по указанию М. Н. Сперанского (изв. по русск. языку и словесности, 1930, т. III кн. 2, стр. 398) «испытал на себе влияние статьи «О человецех незнаемых»: это можно заключить по упоминанию самоедов. Во всяком случае в «Сказании о человецах незнаемых» мы находим несколько рассказов довольно близко соответствующих и Герберштейновским: «В той

же стране, за теми людми, над морем есть иная Самоядь: по пуп люди мохнаты додолу, а от пупа вверх—как и прочии человеци»... «В той же стране, за теми людми, над тем же морем, иная Самоядь такова: вверху рты, рот на темени, а не говорят; а видение в пошлину человеци; а коли едят, и они крошат мясо или рыбу да кладут под колпакы или под шапку, и как почнут ясти, и они плечима движуть вверх и вниз»... «В той же стране есть такова Самоедь: в пошлину аки человецы, но без голов; рты у них меж плечима, а очи в грудех. А ядь их головы сырые оленьи; и коли им ясти, и они головы оленьи взметывают собе в рот на плечи и на другый день измещут из себя туда-же. А не говорят»... (А. Титов, Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 4—5). Очень возможно, что этой статьей воспользовался автор того русского дорожника, который был в руках Герберштейна; впрочем, обращая внимание на то, что «в рассказах инородцев приуральских областей о людях, обитавших далее на востоке, могла быть примесь элемента чудесного», Замысловский (op. cit., стр. 133) предполагает, что, вероятно, именно «от этих инородцев русские слышали о необыкновенных людях, живущих за р. Тахнином». «Говорил же самоед Миклей нашему известному путешественнику Василию Николаевичу Латкину, записавшему с его слов драгоценный рассказ о жизни самоедов в тундре, что к востоку от р. Оби, за областью, обитаемой Карачеями, «живут еще чудные люди: их можно видеть только издали, а подойдешь ближе—они скроются, а куда, никто не знает, видно—в землю уходят» (Дневник В. Н. Латкина в время путеш. на Печору в 1840 и 1843 гг.—«Зап. И. Р. Г.» 1853, кн. VII, I, стр. 249).

В реке Тахнине водится также некая рыба] Е. Замысловский (op. cit., 301, прим. 24), а за ним А. И. Малеин, в примечаниях к своему переводу Герберштейна, замечают, что «аналогичные рассказы нередки и у древних писателей» и ссылаются при этом на H. O. Lenz. Zoologie der alten Griechen und Römer, deutsch in Auszügen aus der Schriften nebst Anmerkungen». Gotha 1856, S. 495 f., однако здесь указано лишь то место из «Естественной Истории» Плиния, где он, ссылаясь на Теофраста, рассказывает о необыкновенных рыбах, которые, после обмеления рек, живут в лужицах, а затем переходят по суше, употребляя свои плавники вм. ног и т. д. Аналогия рассказу Герберштейна, как видим, невелика. Скорее следует думать, что в основе его рассказа лежат сведения о тюленях и моржах (Lenz, op. cit, S. 262; сл. у нас выше: стр. 81—82) Герберштейн—житель континентальной Европы, должен был иметь о них смутное представление.

XI. РИЧАРД ДЖОНСОН | RICHARD JOHNSON

(1558)

Ричард Джонсон приехал в Московию с первым английским кораблем, достигшим северных берегов русской земли (в 1553 г.) В 1556 г., вместе со Стефеном Берро, он ездил на о. Вайгач и Новую Землю. В начале 1557 года он побывал у самоедов, а в 1558 г.—в Новгороде (Ю. Гамель, Англичане в России, СПб. 1865, стр. 40, 49, 55; В. А. Кордт, Чужоземні подорожні, Киев, 1926, стр. 27—28). В том же 1558 году, вместе с агентом английской торговой компании Антоном Дженкинсоном, он совершил из Москвы путешествие с караваном в Бухару, во время которого собрал от русских и иностранцев данные о путях из Москвы в Китай (Cathaya) и о разных народах, живущих между этими двумя государствами. Эти расспросные сведения заключают в себе „три маршрута татарских торговцев от Астрахани через Бухару в Китай", одно показание Пермского торговца, будто-бы ездившего туда же „другим путем", „ближе к морскому берегу" и, наконец, „сведения о некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морским берегам за этой рекой, переведенные слово в слово с русского языка". Эти отчеты напечатаны в сборнике Гэклюйта 1598 I, р. 387—389 (изд. 1809, I, 375—377) и перепечатаны в приложении к текстам путешествий Ант. Дженкинсона в издании Гэклюйтовского общества: «Early voyages and travels to Russia and Persia by Ant. Jenkinson and other englishmen», ed. by D. Morgan, Lond. 1886 vol. I, p. 101—104.

Все эти краткие заметки, еще не переводившиеся на русский язык, полны громадного исторического интереса: любопытный англичанин буквально воспроизвел в них все то, что ему удалось узнать в России об еще таинственной и для русских Сибири. Особенно интересна вторая из приводимых ниже заметок Джонсона, т. к. она „слово в слово переведена с русского языка". Д. Н. Анучин в статье „К истории ознакомления с Сибирью до Ермака" („Древности" т. XIV, стр. 259—260) обратил внимание на то, что сообщенные в ней данные очень близко соответствуют тем, которые

приведены в одной старой русской этнографической статье: „О человецех незнаемых в восточной стране“; правда, сравнительно с русским подлинником, английская версия этой статьи много короче; из нее выпущено „все то, что представляется более невероятным и преувеличенным“. Это дало основание Д. Н. Анучину думать, что „Джонсон ознакомился, непосредственно или при помощи какого нибудь русского“ с этой статьей, и что „упомянутый им житель Холмогор Федор Товтыгин был, быть может, именно составителем статьи „О человецех незнаемых“ (Ibid., стр. 260). В статье „Самоеды в XVII веке“ („Северная Азия“ 1925, № 5—6, стр. 85—94) С. В. Бахрушин использовал еще один из рассказов Джонсона о самоедах и их шаманах, которых английский путешественник наблюдал сам; но этот рассказ относится к северу Европейской России и поэтому у нас не воспроизводится.

В публикуемой ниже заметке Джонсона упоминается Обь. Первым англичанином, который водным путем старался доехать до Оби (в 1556 г.) был, как известно, Стафен Борро. Он выехал из устья Печоры вместе с самоедами и впоследствии привез на родину те сведения об Оби, которые он собирал от местных рыбаков и охотников на моржей. Одним из его информаторов был некий Федор (Theodor), которого, вероятно, можно отождествить с тем «Pheother Towtigin», который дал Джонсону материал для следующего донесения (Ср. Hakluyt, ed. 1589, p. 311—312). Вторая из публикуемых заметок переведена А. Ю. Трубниковой.

Рис. 18. Корабль XVI века
(Из Gratae posteritati, 1560).

ИЗВЕСТИЯ НЕКОЕГО ПЕРМЯКА, КОТОРЫЙ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ОН ЕЗДИЛ В КИТАЙ ВЫШЕОПИСАННОЙ ДОРОГОЙ, А ТАКЖЕ ДРУГИМ ПУТЕМ БЛИЖЕ К МОРСКОМУ БЕРЕГУ, ЗАПИСКА О ЧЕМ БЫЛА ОТПРАВЛЕНА ИЗ РОССИИ ДЖИЛЬСОМ ХОЛМСОМ

Прежде всего из двинской области (prouince of Dwina) известна дорога на Печору, а от Печоры до Оби, если путешествовать на оленях по суше—шесть дней пути, а летом—водою и больше.

Река Обь полна мелями, а устье ее [шириною] свыше 70 русских миль; отсюда в трех днях пути по правую руку находится местность, называемая Чернолесье (Chorno-lese), что значит по английски blacke woods; наподалеку отсюда живет народ, называемый пешийконный (Pechey—kony), носящий волосы, по описаниям вроде как-бы по ирландской моде. От пеших-конных до желтых Калмыков (Joult Calmachey)—три дня пути, а отсюда до черных Калмыков (Chorno Callachey) три дня в юго-восточном направлении.

Оба этих народа имеют татарскую веру и платят дань великому хану.

О НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ САМОЕДОВ, ЖИВУЩИХ ПО РЕКЕ ОБИ И ПО МОРСКИМ БЕРЕГАМ ЗА ЭТОЙ РЕКОЙ, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЛОВО В СЛОВО С РУССКОГО ЯЗЫКА. СТРАНЫ ЭТИ БЫЛИ ПОСЕЩЕНЫ ОДНИМ РУССКИМ, РОДОМ ИЗ ХОЛМОГОР (Colmogro), ПО ИМЕНИ ФЕДОРОМ ТОВТЫГИНЫМ (Pheother Towtigin), КОТОРЫЙ, КАК ГОВОРЯТ, БЫЛ УБИТ В СВОЮ ВТОРУЮ ПОЕЗДКУ В ОДНОЙ ИЗ НАЗВАННЫХ СТРАН

1. В восточной стране, за югорскою землею, река Обь составляет ее самую западную часть. По берегу моря живут самоеды и страна их называется Молгомзей (Molgomsay). Они питаются мясом оленей и рыб, а иногда и едят друг друга. Если к ним заезжают купцы, они убивают одного из своих детей, чтобы угостить их им. И если купец умрет у них, они не хоронят его, но съедают его. Они едят также и своих умерших. Они некрасивы на вид, имеют маленькие носы, но проворны, очень хорошо стреляют, ездят на оленях и собаках и одеваются в собольи и оленьи шкуры.

2. В той же местности, за этим народом живет на берегу моря другое племя самоедов, говорящих на другом языке. Один месяц в году они проводят на море и в течение всего этого месяца не возвращаются на сушу.

3. Далее, на берегу моря имеется еще одно племя самоедов. Они питаются мясом и рыбой и торгуют соболями, белыми и черными лисицами (которых русские называют Pselts—песцами) и шкурами оленей и диких коз.

ПРИМЕЧАНИЯ

Устье ее... свыше 70 русских миль]. О ширине р. Оби по старым описаниям см. комментарий Герберштейну (s. v. «Обь», выше, стр. 107). Выражение «70. Russe Miles» следует понимать, вероятно, в смысле верст. Для правильного истолкования обозначений расстояний в XVI и XVII вв., как в этом, так и во многих приведенных в этой книге текстах, следует иметь в виду, что они в то время значительно разнились от последующих. До второй половины XVII в. у нас было в ходу исчисление расстояний днями пути, наряду со счетом на версты; однако верста в XVI в. состояла сначала из 700 сажен, впоследствии увеличена была до 1000 сажен, и, наконец, уменьшена до 500 с. В 1518 г. были в употреблении еще семисотенные версты, что видно, напр. из вполне точного указания М. Меховского («verst est quinta pars miliaris germanici»). П. Буцинский (Заселение Сибири и быт ее первых насельников, Харьков, 1889, стр. 17), основываясь на книге Сошного письма 1629 г. говорит, что верста в XVII веке—1000 сажен; это неточно: Г. Спасский («Временник Московск. Общ. Ист. и Др.» II, стр. XI) утверждает, что в 1672 г. в Сибири еще употреблялись семисотенные версты, а Ремезов в своей «Чертежной книге» (в к. XVII в.) пользовался уже тысячными; наконец, по летописи Черепанова Тобольская губ. измерялась уже пятисотенными верстами. Все это создает большую путаницу в расшифровке обозначений; для Сибири в ней попытался разобраться А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, отд. I, стр. 44), но вопрос этот нуждается еще в специальном исследовании. Нужно подчеркнуть также, что и старая английская миля в половине XVI в. была отлична от нынешней; последняя окончательно установлена лишь статутом Елисаветы в 1593 г. и с тех пор равняется 8 форлонгам (furlong восьмая часть мили=320 ярдам) или 320 польз'ам (poles) или 1760 ярдам (см. Сп. Close. The old english mile. «The Geographical Journal», vol. LXXVI, 1930, № 4, p. 338—342).

Чернолесье] Приурочить эту местность к современнику географическому названию довольно затруднительно. Чернь, черный лес, черный яр и др.— названия обычные для диких и незаселенных местностей от густых, непроходимых лесов, покрывающих горы. В этом же смысле, вероятно, В. Перглоу (см. ниже) говорит, что «между Обью и Енисеем находится высокая черная страна».

От пеших — конных] Слова «Pechey - kony» в подлиннике, кажется, можно толковать только при помощи русского выражения, обычного в XVII в. для обозначения сибирских казаков («пешие» и «конные» казаки); однако, трудно догадаться, о каком народе говорит Рич. Джонсон. Слова «по ирландской моде» намекают на большие волосы, которые носили ирландские пехотинцы в XVI — нач. XVII вв. «Может показаться,—пишет о них один из современников, что они не христиане, а бразильские дикари» (D. Mothley, United Netherlands, II, p. 155).

Желтых Калмыков] Слова подлинника Joult Calmachey можно понимать только в смысле русского обозначения «желтые калмыки», известного документам XVI—XVII в. «А по другую сторону черных мунголов желтые мунголы и до моря» (Андрей Попов. Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, стр. 433; здесь же, стр. 436: «черные калмаки»). «Желтые» и «Черные» монголы различаются также в «Moscovitisch—tartarischen Reisebeschreibung» Талландера (= August'a Bohse) (J. Beckmann, Litteratur der älteren Reisebeschreibungen I, 285—287). «Желтых Калмыков» знает и Эрик Палькмвист (см. ниже).

Черных Калмыков] В русских и иностранных сочинениях они называются также кара—колмаки.

За Югорскою землею] beyond the country of Vgori. Под Югорскою землею здесь следует понимать, вероятно, северо-восточное Приуралье. Однако П. Н. Буцинский («Г. Мангазея и Мангазийский уезд» — «Записки И. Харьковского Университета» 1893, I, стр. 36—37) думает, что под Югрой следует понимать самоедов, живших около устья Мезени. «О местоположении этой Югры,— пишет он, высказывались довольно различные мнения, но мы полагаем, что она там, где место ей указано в чертежной книге Сибири, составл. Ремезовым в 1701 г.» (около устья Мезени). Сл. выше, стр. 72—73.

Молгомзей] т. е. Мангазейская земля. Название это было получено англичанами от русских и долгое время именно в этой форме держалось в западноевропейской литературе и картографии. На карте Дженкинсона 1562 г. страна Molgomzaia, показана за Югорией, к востоку от р. Оби. Еще в 1683 г., в атласе Сансона, на карте Московии и Татарии, по берегу Ледовитого Океана, также показана страна Malgomzaia, соответствующая стране «немирной самояди юрацкой» на сибирском чертеже Ремезова 1701 г. Собранные Д. Н. Анучиным («Город Мангазея и Мунгазейская земля» «Землеведение» 1903, IV, стр. 35—42; немецк. перевод: «Globus» 1905, Bd. 87, S. 12, 222 f.) данные, показывают, что еще до основания в Тазовской губе г. Мангазеи (основан в 1601 г., след. через сорок лет после известия Джонсона), игравшего большую роль в нач. XVI в., а отчасти и после, «то-же или сходное название придавалось всей окружающей стране — от рек Таза и Пура вдоль Ледовитого моря до Енисея, а также и реке Тазу». В одном из хронографов Госуд. Публичной Библиотеки в Ленинграде (нач. XVII в.), в статье «О сибирском царстве» говорится, что «меж теми великими реками Обью и Енисеем река, рекомая Таз, сия исходить из Пегия Орды и шествующи к северной стране и своим устьем течет в морскую губу; на той-же реке Тазу город, зовомый Тазовский и паки Мангазея, сиречь самоеджая земля». Исходя из этого текста и других соображений, Д. Анучин совершенно правильно заключил, что возникший в 1601 г. на р. Таз городок — Мангазея — получил свое название от всей окрестной страны, а не наоборот, и поэтому категорически отвергнул все прежние этимологические догадки об этом имени (Миллер возводил его к слову мокассе, другие — к слову магазин) и предложил новую, которая представляется вполне правдоподобной. Обращая внимание на то, что в различных списках «Сказания о человецех незнаемых», вероятно первоначальное написание «молгонзеи» изменяется в «молгозии», а затем в «молгозеи», Анучин возводит «молгонзеи» к зырянскому молгон — mâlhana — «крайний, конечный»; след; молгонзеи,— народ «краевой, окраинный, живущий на краю области самоедов», что вполне применимо к юракам, кочевья которых простираются на север до моря, а на восток соприкасаются с кочевьями тунгусов».

Как указано во введении к настоящему тексту, в другой, более ранней своей статье, Д. Н. Анучин («Древности» XIV, стр. 259—260) указал и на источник этого известия Джонсона — статью «О человецех незнаемых в восточной стране и о языцах розных». Эта статья нередко встречается в старых рукописях (древнейший список ее относится к XV в.) и давно уже была издана (Н. Фирсовым, в книге: «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, Казань, 1866, стр. 30—31, по той же рукописи Соловецкой библиотеки, которую в основу своего текста положил и Анучин, давший, однако, более отчетливое чтение ее и приложивший варианты из других рукописей), но не обращала на себя внимания исследователей потому, что баснословные подробности, которыми она украсила рассказ о «незнаемых людях», заставляли ее относить к числу фантастических средневековых сказаний, где так трудно бывает докопаться до зерна истины. Некоторым ученым казалось даже, что в данном случае было не только наивное фантазирование о малоизвестной стране, но и намеренная выдумка (так у А. Н. Пыпина «История русской этнографии» т. IV, СПб. 1892, стр. 185). Реальный комментарий, который к указанной рукописи с большим тщанием и эрудицией составил Д. Н. Анучин, пока-

зал, что мы имеем дело с весьма ценным этнографическим источником, данные которого могут получить соответствующее истолкование на основании более поздних наблюдений или в свете истории представлений о народах крайнего севера. Таковы и те данные, которые Рич. Джонсон сообщает о самоедах «молгомзейской» земли. Известие Джонсона является простым переводом части указанной русской статьи, но с характерными сокращениями: англичанин выбросил все, что ему показалось неправдоподобным и оставил только то, что представлялось заслуживающим доверия. Поэтому выброшенными оказались известия о самояди, которая ежегодно умирает на два месяца,—рассказ, уже ранее воспроизведенный у Герберштейна в басне о лукоморцах (см. выше, стр. 111), о «немом торге» и т. д.; первые же абзацы переведены почти слово в слово. Для сравнения текста Джонсона с его русским источником, приводим соответствующий отрывок из статьи «О человецех незнаемых», по тексту, напечатанному в сборнике А. А. Титова. Сибирь в XVII веке. М. 1890 стр. 1—6 (он воспроизводит рукопись Погодинского собрания): «На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живут люди Самоедь зовомы Малгонзеи. Ядь их мясо оленье, да рыба, да межи собою друг друга ядять. А гость к ним откуду приидеть, и они дети свои закалають на гостей, да кормять; а который у них гость умреть, и они того снедають, а в землю не хороняють, а своих також. Сии ж людие не велики возрастом, плосковиды, носы малы, но резвы велми и стрелцы скоры и горазды. А ездят на оленях и на собаках; а платье носять соболие и оление, а товар их соболи. В той-же стране, за теми людьми над морем, живут иная Самоедь такова: Линная словет; лете месяц живут в море, а на сухе не живут того деля: того месяца понеже тело в них трескается, и они тот месяц в воде лежат, а на берег могут вылезти» и т. д. О сказании этом см. еще: И. К. «Сибирь по одной старинной рукописи» «Енисейск. Губ. Ведом.» 1900, № 25. По указанной выше книге Н. Фирсова, «Сказание» перепечатал А. Оксенов («Слухи и вести о Сибири до Ермака»—«Сибирский Сборник» IV, СПб. 1887, стр. 113—114). К статье Анучина в «Древностях»: (немецкий перевод ее H. Michow'a: Zur Bekanntschaft mit Sibirien vor Jermak. Alt-russische Erzählung «Über die unbekannten Völker der Ostgegend», — «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien» Bd. X, и отдельно Wien, 1910; в это издание Д. Н. Анучин внес несколько поправок, изменив также и иллюстрации): Ed. Brückner «Petermann's Mitteilungen» 1892, Lit.-Bericht, № 47; O. A. Johnsen, Et traeck af den dansk-norske regierungs handelspolitik under Kristian III og Friedrik II=«Christiania Videnskabsselskabs Forhandlinger for 1909 № 3, S. 25; А. Н. Пыпин. Первые известия о Сибири—«Вестник Европы» 1891, № 8, стр. 753; Cronheim, «Quellen und Forschungen zur Erd-und Kulturkunde» 7, 1913, S. 160—162; С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928, стр. 149.

Иногда и едят друг друга] Новейшие писатели (начиная с XVIII в.) большей частью опровергают мнение, что самоеды были людоедами и пытаются имя «самоед» возвести не к словам «сам» и «есть», как это делали прежде. Различные этимологии слова см. в статье Д. Н. Анучина («Древности» XIV, стр. 263—264; Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа.—Зап. Геогр. Общ., по отд. этнограф. 1879, т. VII, стр. 37—44; Е. Замысловский, Герберштейн, стр. 416 сл.; сл. у нас ниже: Флетчер, Олеарий). «Что касается до производства названия самоедов от сам и ед, то я считаю совершенно излишним доказывать эту нелепость, ибо никакие предания не доказывают, чтобы они друг друга пожирали»,—замечает еще Ф. Белявский («Поездка к Ледовитому морю» М. 1833, стр. 154). Однако, новейшие этнографы полагают, что людоедство самоедов в древние времена факт возможный. На людоедство, как на характерный usus азиатцев, указал уже Геродот в своем рас-

сказе о массагетах, говоривший о том, «если у них кто-нибудь состарится, сходятся его родные, убивают и варят с мясом разных животных и потом съедают»; подобные же предания имеются и о «педиях»—индийских кочевниках (Н. Баталин. Сказание об Индейском царстве. Воронеж, 1876, стр. 36—38). Позже, по замечанию Анучина, «с расширением пределов известного мира, местопребывание антропофагов переносилось все далее—к северу и востоку; русские же люди, повидимому с давних пор отождествили их с самоедами». Культовое людоедство, после обряда убийства дряхлых стариков, засвидетельствовано также у многих народов, стоящих на низкой ступени развития (см. напр. статью В. В. Каллаша. «Положение неспособных к труду стариков в первобытном обществе» — Этногр. Обозр.» 1889 III, стр. 142—151). Повидимому этот обряд существовал также и у самоедов. Интересное свидетельство на этот счет находим у Ю. И. Кушелевского (Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПб. 1868, стр. 52—53): «В беседах с самоедами (Тазовской губы), я спрашивал их: отчего им дали такое название? Единолично почти все отозвались, что это не название их, ибо их завут хазово (человек), а что самоедин—слово бранное, которым их предков поносили русские», однако «в преданиях самоедов и остяков еще в настоящее время сохранилось в памяти следующее обыкновение самоедческих предков: удрученный летами самоедин, когда чувствовал себя неспособным к промыслам и езде на оленях, когда жизнь свою считал в тягость потомству... приказывал себя убить в честь счастливой жизни своего потомства и тело свое съесть. Этот обряд отцеубийства исполняли дети при шаманстве с особенным благоговением и тело съедали». Далее Кушелевский рассказывает, что «в преданиях остяков сохранилась еще быль, как одного казачьего сотника Какаулина, приехавшего с самоедом за сбором ясака, самоедский старшина, желая угостить прилично, убил дочь свою, и, отрезав у нее груди, вынув сердце, положил то и другое в котел, чтобы поподчивать казака этим блюдом, но тот, испугавшись, убежал из чума». Ср. самоедское предание, записанное также на Ямале: Б. М. Житков, Полуостров Ямал. СПб. 1913, стр. 245. Если подобные предания существовали еще в половине XIX в., то тем вероятнее существование их в более ранние времена. Во всяком случае, писатели XVI—XVII вв. упоминали о людоедстве самоедов большею частью со ссылкой на русских; Герберштейн толкует слово Samoged как «сами себя ядущие»; Флетчер, говорит, что «самоиты» (Samoits) «носят такое название (по словам русских) от того, что они едят самих себя, ибо в прежнее времена они жили как людоеды и ели друг друга. Что это правдоподобно, можно заключить из того, что они и теперь еще едят всякое сырое мясо, даже падаль, валяющуюся в ямах»; то-же сообщает Петрей («Samiedi — es ist ein solch Volk, das sich selber frist») и Олеарий: русские назвали самоедов так потому, что «они действительно ели человеческое мясо и даже тела своих умерших друзей, которые они смешивали с дичиной» (Д. Анучин, op. cit., стр. 274). Англичанин Ричард Джемс в своих недавно опубликованных заметках о русском севере (1618—1620 гг.) утверждает, в свою очередь: «Самоед (Samoθed)—народ этот так зовут русские—как будто самоеды (αυτοβορθξ), что правдоподобно,—как те, которых мы там видели пожирающими, как то: сырые внутренности собак, лисиц и медведей» (П. К. Симони. Заметки Рич. Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах «Сборник Ленинградского О-ва Исследователей Культуры Финно-угорских народностей», Лгр. 1929, I, стр. 127—128).

XII. РАФАЕЛЬ БАРБЕРИНИ | RAFFAELLO BARBERINI

(1565)

Рафаэль Барберини принадлежал к известной итальянской фамилии; он был дядей папы Урбана VIII. Несомненно начитанный, способный к математическим наукам, он, как типичный человек эпохи Возрождения, отличался большой предприимчивостью и энергией и много путешествовал ради торговых интересов крупной купеческой фирмы Барберини в Анконе. Он ездил на Восток, посетил Грецию и в 1504 г. был в Нидерландах (См. N. Tscharykow. Le chevalier Raphael Barberini chez le Tsar Ivan le Terrible, 1564,—«Revue d'histoire diplomatique» 1904, avril, p. 256). Соблазненный примером англичан, выхлопотавших у Ивана Грозного привилегию на право торговли в Московии, Рафаэль Барберини также решился отправиться в Москву для той же цели. В семье Барберини сохранились воспоминание о благосклонном приеме, оказанном ему Иваном Грозным, но благоприятных коммерческих последствий поездка его, все же, кажется, не имела (Н. Чарыков, Посольство П. Менезия. СПб. 1906, стр. 4, 40; Adelung, Krit.-Lit. Übersicht, I, 233—239; Гамель, Англичане в России, статья 1-ая, стр. 72—77; 82; K. Waliszewski, Ivan le Terrible, Paris, 1904, p. 374). Весть о благополучном возвращении Барберини из Москвы в Италию достигла, между прочим, библиотекаря папы Пия IV Медичи, кардинала Амуле; последний, через посредство графа Нугаролы (в печатном тексте Барберини он ошибочно назван Nubarola, но должен иметься в виду, однако, Nugarola, тот самый, который был посланником Карла V в Москве) попросил у него описание его путешествия по Московии. Так как Рафаэль Барберини уже сделал это в письме своем к отцу, он переписал его и присоединил к нему несколько новых данных. Именно этот текст, рукопись которого хранится и в поныне существующей Барбериниевской библиотеке в Риме (S. Ciampi, Bibliographia critica delle antiche reciproche correspondenze... dall' Italia colla Russia, Polonia, etc., Firenze, 1834, II, p. 142) была издана столетие спустя в 1658 году Николаем Барберини, внуком Рафаэля, под заглавием «Relazione di Moscovia scritta da Raffaello Barberino

al conte di Nugarola, Anversa (т. е., конечно, Антверпен, а не Aversa в Италии, как полагает Аделунг), le 16 Ottobre 1565". Помещена она в книге: Viaggi di Moscovia degli anni 1633, 1635 e 1636 etc., Viterbo, 1658, p. 191—222, представляющей собою итальянский перевод путешествия Олеария (см. о нем ниже); по словам издателя, реляция Рафаэля Барберини приложена к основному тексту книги для того, чтобы исправить неблагоприятные отзывы Олеария о России. В бумагах Рафаэля, хранящихся в Барбериниевской библиотеке, посреди разнообразных исторических материалов о России XVI века нашелся еще один интересный документ: рисованная от руки карта Западной России и Прибалтики, с указанием границ и городов, посещенных Рафаэлем во время его путешествия; она относится, повидимому, к 1564 г. (напечатана у N. Tscharykow, op. cit, p. 261, а также у H. Michow, Weitere Beiträge zur älteren Kartographie Russlands,—Mitteil. der Geogr. Gesellsch. in Hamburg 1907, S. 165—169, № III).

Сочинение Барберини довольно хорошо известно в русской литературе. В переводе с итальянского оно напечатано было в книге В. Любич-Романовича. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб. 1843, стр. 1—64, ранее в „Сыне Отечества" 1842, № 7, июль, отд. I, откуда заимствован и прилагаемый ниже отрывок (стр. 30—32); я сверил перевод с итальянским текстом 1658 г. и сделал в нем несколько поправок. Хотя заключительные слова Барберини и могут дать повод к мысли, что сообщаемые им данные о Сибири собраны им в Москве непосредственно от лиц, там бывших, но следует думать, что они заимствованы им все же, главным образом, из печатных источников; в частности все, что Барберини говорит о Лукоморах и реке Таханин, вероятно, взято у Герберштейна и других писателей. В сочинении Барберини есть еще несколько данных об Урале и Сибири; так, он один раз упоминает „Сибирских татар": „есть еще народ, близ Персидского моря (mar di Persia), по Волге,—это так называемые Сибирские татары (Tartari Zibiri), и в этой земле, как сказывают, протекает река Тайх (Taich) (Ibid., стр. 32): если под персидским морем Барберини разумел Каспий, то не Яик-ли назван у него Taich? Об Уральском хребте далее сказано еще: „Во многих и многих сутках пути от реки Двины, у Златой Бабы находятся Рифейские горы, именуемые Поясом мира, и те, кто бывал там, сказывают, что взбирались на них пешком семнадцать дней, что состоят они из отвесных и голых утесов, и что водятся на них белые соколы, именуемые кречетами (girifalchi), которые привозятся в Москву".

Много премного суток надо плыть этой рекой, Двиною, чтобы доплыть до того места, где находятся знаменитые Рифейские горы, для открытия которых, сказывал мне один русский, посылаемы были отцом нынешнего повелителя Руси, отец этого русского и многие другие; и, сказывал он мне, каким образом взошли они на самое высокое место этих гор, и как, запасшись в этот путь всем необходимым, взбирались пешком семнадцать дней на поверхность хребта. Горы эти, говорят, утесисты и бесплодны, и водятся на них только белые соколы, чрезвычайно отважные и сильные. Я видел их в Москве у государя, который очень их любит за храбрость. За этим же горами находится царство Сибирских Татар; народ этот покорен Московиею и находится у нее в подданстве,—поклоняется истукану какой-то старухи, которую зовут Златою бабою (Slata baba); нет у них домов или постоянных жилищ, но всегда разъезжают они повсюду в санях, по снегам и лесам, промышляя звериною ловлею. Но преимущественно вывозят оттуда богатейших соболей, и когда наступит пора собственно для ловли этих зверьков, что бывает весной, когда природа одевает их самым пушистым мехом, звероловы отправляются на охоту; они дают сначала обещание своей богине, что первый мех со зверя, которого убьют, привезут ей в благодарность, лишь бы только она благоприятствовала им на ловле, и уж свято соблюдают свой обет; таким образом столько там всяких мехов на нее навьючивают, что даже меха эти просто загниваются. Отправясь же на ловлю, находятся они там столько времени, сколько именно продолжается у них мясная порция из животных, которых ежедневно налавливают; тем они и живут. Я разговаривал и даже ел с двумя такими звероловами, которые были при дворе, по случаю привоза своей обычной дани государю. Дань эта вся состояла в разном пушном товаре, в большом количестве. Сами же они были одеты в камзолы и модное платье, но сшитые из оленьих шкур с шерстью, и с длинными глухими рукавами, впрочем с прорехой внизу для свободного просова руки оттуда, когда нужно; на голове у них были тоже меховые шапки, и притом еще длинный меховой тулуп поверх всего. Они были высокого роста, но без румянца в лице и без бороды, почему, собственно, походили более на старух; впрочем это, говорят, происходит вообще от постоянных там холодов. В этом царстве протекает всего одна река, но кажется, как утверждают, чрезвычайно широкая, так что с трудом можно переехать через нее в один тамошний день; называется она—Обь (Obi), и говорят, что вытекает она из одного большого озера—Катая (Cattajo) в том месте, где находится и главный каттайский город, именуемый Конбулик (Conbuliche); по свидетельству же тех двух Татар, которые мне про это рассказывали, есть, помнится, за этой рекой еще какой-то народ, именуемый Лукоморами (Locumori), которые в ноябре месяце такие флегматики,

что вытекает у них в большом количестве какая-то клейкая материя через поры, в особенности носом, так что захватывает им дыхание, и тогда погружаются они в глубокий сон до апреля месяца. Находя это довольно странным и чудным, я смеялся тому; но Татары мне клялись, что это сущая правда, и я, однако-жь, не довольствуясь этим, расспрашивал о такой диковинке еще у разных лиц, которые все мне отвечали, что действительно ходит такая молва, и что все, кто ни приедет оттуда, подтверждают это. Рассказывали они мне также, хотя и я слышал это от других, что за

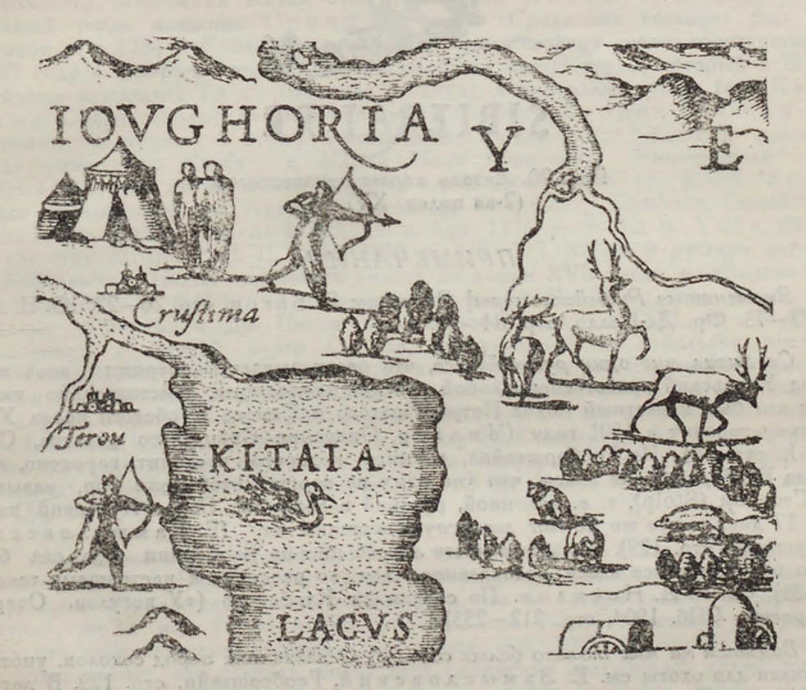


Рис. 19. Югория и Сибирь (Деталь карты неизвестного, по Меркатору и Герберштейну, 2-ая полов. XVI в.).

этими Лукоморами находится еще большая река, именуемая Таханин (Tachanin), в которой живут будто-бы рыбы, совершенно похожие на человека, т. е. они имеют все те-же члены, только покрытые чешуею, как у прочих рыб. На берегах же этой реки есть огромные леса с чудовищными народами, у которых голова звериная с глазами во лбу; там находятся также и другие тому подобные чудовища, о которых, впрочем, не имеют более никакого сведения . .

. . . .

Я не хотел ничего пропустить в этом письме, что только сам видел во время нынешнего моего путешествия, и что только мог

извлечь из сведений, собранных мною о дальних краях; а собирал я такие сведения со всею точностью, чтоб как-нибудь доискаться истины, и таким образом передаю теперь все, виденное или слышанное мною.

Рис. 20. Деталь карты неизвестного (2-ая полов. XVI в.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Знаменитые Рифейские горы] Сл. выше: Р. Бэкон, стр. 26—27. Ю. П. Лэт, стр. 72—73. Фр. Да-Колло, стр. 84—85.

Сказывал мне один русский] Все, что рассказывает Барберини о восхождении на Уральский хребет специальной русской экспедиции, действительно имело место; это был известный поход Петра Ушатого и Семена Курбского через Урал к Ляпину городку в 1501 году (Миллер, Описание Сибирского царства, СПб. 1787, I, стр. 50). Из Герберштейна, к книге которого восходит, вероятно, этот рассказ Барберини, мы знаем, что «на одну из вершин этой цепи гор, называемую Столпом (Stolp), т. е. колонной, русский воевода кн. Семен Курбский взбирался 17 дней и все же не мог достигнуть вершины ее» (Е. Замысловский, Герберштейн, стр. 129). В другом месте своего письма Барберини еще раз буквально повторяет все здесь рассказанное (см. во введении к настоящему тексту, стр. 131). Сл. К. Д. Носилов. По следам кн. Курбского («У вогулов. Очерки и наброски» СПб. 1904, стр. 212—255).

Водятся на них только белые соколы] О названиях пород соколов, употреблявшихся для охоты см. Е. Замысловский, Герберштейн, стр. 129. В латинском издании Герберштейна: «quos nos Girofalcones, hos illi (русские) Kretzet apellant» в других изданиях Gurfalken, Gerofalcones, у Мейерберга: Gerfalken (из Hierofalco); сл. Шафарик, Славянские древности т. I, кн. 2, М. 1848, стр. 344. О родине соколов, о соколиной охоте в России, уходе за ними, любви к ним и т. д. см. Adelung. A. Fr. v. Meyerberg und seine Reise nach Russland, St.-Petersburg, 1827, S. 211—219; русск. перевод, стр. 210—231; Н. Кутепов. Великокняжеская, царская и императорская охота, т. I.—IV, Петр. 1911, а также примечание к текстам М. Поло, П. Иовия, (стр. 39—40; 95). Мейерберга.

Златою бабою] Сл. выше: Герберштейн, стр. 114—118.

Когда наступит пора собственно для ловли этих зверьков, что бывает весной] Барберини ошибается: ловля соболей всегда производилась в начале зимы, в ноябре, декабре и половине января, что отмечали и другие иностранцы; сл. напр. ниже: Иог. Арнольд Бранд (1673), который вполне правильно отметил, что когда уже в январе «солнце начинает пригревать», «волос у соболей начинает выпадать и делает мех негодным».

С трудом можно переехать через нее в один тамошний день] Известие об Оби также взято Барберини из Герберштейна (сл. выше, стр. 107—108, 126).

Одного большого озера Катая] Выше уже было указано, что представление об этом озере могло возникнуть у Герберштейна под влиянием итальянской карты Фра-Мауро (1459 г.), на которой изображено озеро с надписью: Chatajo, около Cambalech; но что Барберини пользовался именно Герберштейном, видно из того, что и у него Обь (не отмеченная еще у Фра-Мауро) вытекает из китайского озера. Сл. выше, стр. 106 и сл.

Конбулик] Испорченное Хан-балык, «город хана», столица, как после монгольского завоевания Китая стал называться Пекин. В 1215 году Пекин, носивший тогда название Chung-tu, т. е. «Срединная столица» был взят Чингисом, а в 1284 г. Кублай-хан переместил сюда столицу своего государства, но в 1267 году к северо-востоку от нее он построил новый город, который с 1271 г. китайцами назывался Ta-tu (Великая столица), а монголами Хан (или Кан)—Балык. Средневековый итальянский путешественник Одорик из Порденоне пишет: «Я пришел к этому благородному городу Cambalech, древнему городу знаменитого Катая», а Марко Поло объясняет: «Благородный город Cambaluc, что на их языке означает город императора» (J. B. Scherer. Wahre Bestimmung des Wortes Chanbaleg, Chanbalik, Cambalu, Cambala»,— в «Nordische Nebenstunden» I. Frankf. u. Lpz. 1776, S. 9—12; H. Yule, Cathay and the way thither, vol. II, Lond. 1913, p. 216—217, Note). В русских источниках Канбалыком Пекин назывался вплоть до конца XVII века: в «Ведемости о Китайской земли» (1669): «А царствующий город Камбалык, где живет царь Богдохан» (Памятники Др. Письм. и Искусства, вып. CXXXIII, стр. 20—21); в объяснениях к первой карте Сибири, вычерченной в Тобольске воеводой П. И. Годуновым: «и в том городе другой каменной же город, а зовут Камбализком; и в том городе живет Китайский царь, и подле Камбалиска города выкопан ров» и т. д. (А. Титов. Сибирь в XVII веке М. 1890, стр. 37; так называется Пекин еще у Ф. Байкова (1656), в дополнениях к наказу Н. Спафарию (1675) и во многих других источниках этого времени, однако сам Спафарий писал уже и «Камбалык» и «Пежин» (Путешествие Н. Спафария, изд. Ю. В. Арсеньева, СПб. 1886, стр. 19, 153, 154, 170).

Именуемый Лукоморами] Это место также как будто взято у Герберштейна, сл. выше, стр. 110. Впрочем, эго трудно утверждать с полной уверенностью. Ведь осторожный Герберштейн пишет, что хотя, он и «старательно расспрашивал об этом», но не мог узнать ничего верного, «от такого человека, который бы видел это собственными глазами» (см. выше: стр. 105). Р. Барберини, напротив, подчеркивает, что слышал это от двух сибирских звероловов—татар, привезших ясак в Москву, которые «клялись, что это сущая правда». Таким образом, Барберини как бы вступает в противоречие с Герберштейном. Есть-ли это маскировка литературного заимствования или запись разговора, действительно имевшего место? Во всяком случае, было уже подчеркнуто (см. выше, стр. 111), что во второй половине XVI века эта легенда была в Москве сильно распространена и поэтому Барберини мог ее слышать независимо от Герберштейна, которого он, кстати, не упоминает ни разу. С другой стороны, в своем письме Барберини сохраняет тот же порядок изложения, что и Герберштейн: он говорит о лукоморах, потом о реке Тахнин и т. д.; тем подозрительнее звучат последние слова письма: «извините, что пишу к вам в таком беспорядке и несвязности»... Не являются-ли они такой же маскировкой заимствования, как и настойчивое подчеркивание того, что все известия собраны им совершенно самостоятельно?

XIII. АНДРЭ ТЕВЭ | ANDRÉ THEVET

(1575)

Андрэ Тевэ (1502—1592)—французский путешественник и географ. Родился в Ангулеме, рано вступил монахом во францисканское братство, но не имея склонности ни к теологии, ни к монастырскому образу жизни, кажется, плохо следовал правилам своего ордена. В 1537 г. он уехал в Италию, откуда в 1547 г. начал свои разнообразные путешествия. Ориентироваться в маршрутах этих путешествий довольно трудно; по его собственным словам, странствования его продолжались „семнадцать лет или около того". Сначала он уехал на ближний Восток, около двух лет провел в Константинополе, затем был на о. Корфу, в Морее, на Крите, Хиосе, в Адрианополе, Филиппополе и др. Плодом этой поездки был несколько раз изданный труд «Cosmographie de Levant» (Lyon, 1554, 1556, Anvers, 1556). В 1555 году он ездил в Бразилию; изданная им по возвращении во Францию книга: «Les singularitez de la France antarctique autrement nommée Amerique» (1558), принесла ему славу; он получил место духовника королевы Екатерины Медичи и в то же время должность космографа короля и хранителя придворного кабитета редкостей. В этот период своей жизни, Тевэ много писал; его многочисленные объемистые труды, однако, в значительной части остались в рукописях, и едва ли когда-нибудь будут полностью опубликованы. К географическим работам Тевэ уже издавна довольно прочно установилось отрицательное и насмешливое отношение. „Бедный писатель, географ, лишенный всякого критического чутья, который верит самым неправоподобным легендам, если не сам сочиняет их, Тевэ, тем не менее, все же очень интересен для нас",—отзывается о нем Шинар. „Он кажется нам, в том же смысле, что и Раблэ, одним из последних представителей средневекового знания" (G. Chinard, L' Exotisme Americain dans la littérature française au XVI s.; Paris 1911, p. 84—87; сл. еще Paul Laumonnier в «Revue de la Renaissance» 1903, février, p. 65—69). „А. Тевэ,—говорит в свою очередь Гаффарель, переиздавший его сочинение об Америке (Paris, 1878),—много путешествовал и много написал, но его стран-

ствования не отмечены ни одним необыкновенным приключениим, а книги почти все очень посредственны и тяжелы для чтения. Даже в его время суждения его не считались особенно достоверными, и его враги нападали на него с пылкостью, которая сейчас кажется нам очень странной. Мы однако, не колеблясь отведем ему почетное место среди ученых путешественников XVI века, так как он посетил страны забытые в то время или еще неизвестные, а его сочинения еще в наши дни могут быть использованы для интересных справок, особенно по части Америки“ (Paul Gaffarel, André Thevet «Buleetin du Géographie historique et descriptive» 1888, № 3—4, p. 166). Действительно, не отличаясь стремлением к критической проверке фактов и уменьем их систематезировать, Тевэ, однако, был очень начитан и осведомлен в интересующих его вопросах и тратил не мало труда на то, чтобы записывать устные сообщения и рассказы от самых разнообразных свидетелей и путешественников. Интерес его личности придают его обширные знакомства и связи; в числе его знакомых числились Раблэ (с которым он встречался в Париже и Риме, начиная с 1536 г.), Клеман Маро, Меланхтон; он был близок также с поэтами „Плеяды“; Иоахим дю-Беллэ, Жоделль, Баиф и другие сочинили в его честь приветственные оды и послания; Ронсар написал ему прославительное стихотворение. Все эти произведения Тевэ счел нужным приложить к одному из своих главных трудов—„Всемирной Космографии“.

„Всемирная Космография“ («Cosmographie Universelle») представляет собою объемистый фолиант (в двух частях), изданный в 1575 г. В этой книге описаны: Африка, Азия, Европа и Америка, с тою подробностью, какую только допускало знание этой эпохи; описание каждой части света снабжено особой картой. „Верный своему методу,—отзывается об этой книге Гаффарель,—Тевэ не удовольствовался здесь простым описанием отдельных стран; к географическим сведениям он примешал исторические данные и современные известия. Легенды и басни, генеалогии и героические происшествия, все это путается и смешивается вместе; здесь есть также наблюдения естественно-исторического характера; автор не забывает в тоже время рассказать о своих собственных приключениях, о своих приобретениях и открытиях. Мимоходом он опровергает то одного, то другого своего предшественника или защищается от нападок современников. В результате получается несуразная и плохо написанная книга, трудная для чтения целиком, но очень интересная для справок“ (Gaffarel, op. cit, p. 187).

Ряд глав этой книги посвящен московскому государству; среди них есть несколько данных и о Сибири, приводимых ниже в русском переводе. Для правильной оценки помещаемых отрывков следует помнить, что Тевэ писал их в те годы, когда во Франции имели очень сбивчивые представления о „стране московитов или русских“. Франция познакомилась с Московией значи-

тельно позже других европейских держав. Поводы для непосредственных сношений Парижа с Московией нашлись только в 80-ые годы XVI века. Хотя французский дипломат Шарль Данзэ в своих донесениях из Дании еще в 70-е годы XVI в. убеждал французское правительство вступить в коммерческие переговоры с Москвой, но первая привилегия, данная представителям французской торговой компании на право свободной торговли в России относится лишь к октябрю 1585 г., а первый французский корабль, ехавший в Россию северным путем, достиг Архангельска лишь в июне 1586 года (Ср. L. Delavaud. «Les Français dans le Nord. Notes sur les premiers relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie Septentrionale depuis l'antiquité jusqu'à la fin du XVI s.» «Société Normande de Géographie». Bulletin de l'année 1910, t. XXXVII, p. 242—292, t. XXXVIII, p. 31—88 и отдельно: Rouen, 1911; Ср. также П. В. Безобразов. О сношениях России с Францией „Русск. Обозрение", 1891, № 1, стр. 205—236, В. С. И[конников]. Сношения России с Францией XVI—XVIII вв., Киев, 1893, стр. 3—5 и др.). Все это было причиной того, что сведения о России распространялись во Франции чрезвычайно медленно и с большим запозданием сравнительно напр. с Англией. О „московитах или русских, самых коварных разбойниках из всех жителей Севера"—«les plus cruels volleurs de tous les septentrionaux», как их аттестует одна рукопись 1582 года (Ch. de la Roncière, Histoire de la marine française, t. IV, Paris, 1910, p. 255) во Франции ходили самые нелестные предания и рассказы. То, что об их государстве сообщал Тевэ, частью на основании печатных источников, частью устных расспросов, было для французских читателей свежо, ново и интересно.

Но относительно северо-восточных окраин русского государства и в частности Сибири, в которой как раз в те годы шла борьба туземного населения с русскими завоевателями и колонизаторами, и он не мог сообщить почти ничего нового, заимствуя свои сведения из Герберштейна, Меховского и античных писателей, и весьма некстати хвастаясь при этом знанием русского языка, т. к. это сомнительное знание (выразившееся у него в желании объяснить своим читателям чуть ли не каждый русский географический термин) видимо нисколько не увеличило его скудных данных о России. Один раз встречается у него в „Космографии" слово „Сибирь", под которой он, также как и Герберштейн (ср. Замысловский, Герберштейн, стр. 439) разумеет пустынную область расположенную между Пермью и Вяткой («Entre Permie et Vviatka, gist la prouince dite Sibier, toite déserte à cause que les tartares y sont toujours dedans et y font lenr courses»...); не лишен интереса его рассказ о „Золотой бабе", (которую он помещает на Урал), т. к. к его сочинению приложен рисунок этого идола, полученный Тевэ, по его собственным словам, от одного поляка, которого он встретил в Турции (см. рис. 21). Следует помнить, что страны северо-

восточной Азии предоставляли тогда для французов полную загадку; о них сообщались в печати самые легендарные данные и баснословные известия; примером может служить книга Hubert de l'Espine. Description des admirables nt merveilleuses régions de Tartarie Paris, 1558. Любопытно, что знаменитый современник Тевэ,—Фран-

Рис. 21. Золотая баба
(Из «Космографии» Тевэ, 1575 г.).

суа Раблэ, в своем „Пантагрюеле“ поместил свою утопию там же, где и Томас Мор, т. е. на Дальнем Востоке, неподалеку от северной части Китая, — в наименее известной тогда европейцам части земного шара; что же касается его „страны жаждущих“—Дипсодии, играющей такую важную роль в общей композиции романа, то она, по догадке исследователей, находилась в Скифии и должна была, по представлениям Раблэ, лежать где то на территории современной Восточной Сибири или Манчжурии (Abel Lefranc. Les navigations de Pantagruel, Paris, 1905, p. 21—22); это объясняет нам, почему на острове Medamothi, под которым Раблэ разумел, вероятно, Канаду, он упоминает купцов, приехавших из Скифии, т. е. татар (Les scythiens Gelones), и почему он описывает соболя (Soubelin) —„большую кошку с шелковистым мехом“: по мнению Шнееганса,

описание Дипсодии соответствует представлениям Раблэ о Манчжурии еще и потому, что Пантагрюэль с товарищами покупает здесь Tarande, т. е. оленя для езды в упряжи («Zeitschrift f. Französ. Sprache u. Litteratur» 1906, XXX, S. 11—25). Итак, полярные страны и особенно страны Дальнего Востока были для французов эпохи Раблэ и Тевэ еще совершенно неизвестны. Здесь можно было локализовать самые причудливые вымыслы воображения. Неудивительно поэтому, что сведения об этих краях, приведенные в „Космографии“ Тевэ отличаются такой скудностью и сбивчивостью; положительные данные он мог привести только о местностях наиболее близких к Уралу, но известия его об Оби и реках западной Сибири довольно фантастичны. Одним из важнейших источников Тевэ была, конечно, книга Герберштейна, к известиям которой он, впрочем, самостоятельно прибавил несколько новых данных. Тем не менее, для своего времени, эта часть книги Тевэ отличалась несомненной новизной. В том же 1575 году, когда „Космография“ Тевэ вышла в свет, появился труд его вечного антагониста— Бельфорэ (François de Belleforest. La Cosmographie Universelle de Tout le Monde, Paris, 1575). Эта книга представляет собою, собственно говоря, не самостоятельное сочинение, но лишь перевод и переработку „Космографии“ немецкого географа Себастьяна Мюнстера (1489—1552), издававшуюся много раз (по немецки, «Cosmographia Universalis» издана в 1541, 1550, 1559, 1569, 1578, 1592, 1598, 1614 гг., по-латински—в 1550, 1554, 1559, по французски—в 1552, 1556, 1565, по итальянски—в 1558 году и т. д.; сл. выше, стр. 120), в труде Бельфорэ есть несколько известий о северо-восточной Азии; сопоставление их с теми, какие помещены у Тевэ, показывает, однако, насколько последний осведомленнее своего противника. Бельфорэ— еще в полном плену античных географических терминов, а Себастьяну Мюнстеру верит слепо; результаты европейских путешествий в северные страны дошли до него в искаженном виде и не занимают много места. Так например, изложив мнения древних о народах севера, Бельфорэ говорит, что несмотря на почтительность которую он питает к древней учености, он думает все же, „по крайней мере относительно стран, которыми москвитяне владеют в Азии“, что „там нет большого количества гор, разве что в пустынях Моеды и Молгузеи (déserts et solitudes de Moyède et Molgousay: вероятно „Самоедии“ и „Мангазеи“), которые находится в Азии за Волгой и Гипербореями, где некогда (как говорят Михов и барон Сигизмунд) обитали Венгры, прежде чем переселиться в Европу, и где до сих пор вопрошают и поклоняются идолу „Златой Бабы“ (Slotà Babà), представляющему собою статую старухи, держащей ребенка, о которой некоторые думают, что это изображение богини Кибелы“. „Эти рифейцы,—продолжает он далее—были прозваны „базилисками“ (Basiliques), что значит царственные, как происшедшие от Геркулеса и я не знаю какой колдуньи этой

страны, с которой Геркулес был в связи. Древние называли этот народ справедливым и любимым Юпитером, который благосклонно взирал на них со своего Олимпа,—по той причине что этот народ любит покой, поддерживает мир, никому не делает зла и, в свою очередь, никем не притесняем, тем более, что соседи уважают его, как посвященного божеству: но как я заявил в начале этой книги, я не буду останавливаться на подобных баснях“... Тем не менее, на следующей же странице Бельфорэ рассказывает о том, что „за рекою Ра или Волгой, в том повороте, который она делает на восток, вы можете видеть птирофагов (Pthirophages), т. е. пожирателей блох, которые питаются даже червячками, выходящими из их тела и не употребляют в пищу ничего другого, до такой степени велика их бедность и ничтожество (dissette)“; далее, по его словам, „находится область, которую сейчас называют Siroen, а раньше называли Nesioti; жители ее похожи на живущих на Кавказе; соседями же их являются Rhombites, которые живут в области Тюменской (de Thumen), которая так-же пустынна, как и вышеупомянутые; жители ее питаются сырым лошадиным мясом а пьют кобылье молоко, к которому они примешивают кровь, взятую из туш этих животных“ (Belleforest, La Cosmographie Universelle de Tout le Monde., t. II, Paris 1575, p. 849—852). Отсюда видно, насколько сведения Тевэ о Сибири обширнее и достовернее, чем только что приведенные.

Московского государства в своих трудах Тевэ касался много раз. Ему принадлжит напр. выпущенный в 1584 г. под влиянием перевода Плутарховых „Жизнеописаний“ Амио объемистый труд,—галлерея биографий исторических и современных деятелей: «Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres» (в 1670 г. переиздано под другим заглавием: «Histoire des plus illustres et sçavants hommes de leur siècle»), в котором русского исследователя может заинтересовать весьма любопытная биография в. кн. Василия Ивановича; к ней приложен его интересный портрет, имеющий за собой, по словам Н. Собко, „много достоверности“ („Сборник Археологического Института“, СПб. 1881 кн. V, I, стр. 241, 303, 518). В ряде других неизданных трудов Тевэ есть также не мало интересных данных о Московии. La Roncière цитирует, напр. по рукописи Национальной Библиотеки в Париже его «Relations de deux voyages faits aux Indes Australes et Occidentales», где есть сведения о дипломатических сношениях России и Франции в XVI в. и о путешествии первого французского посла в Москву — Франсуа де Карля («Histoire de la marine française», t. IV, Paris 1910, p. 255). В другом, также неизданном, труде Тевэ: «Description des plusieurs Isles» есть описание „снежных островов“ в Московии—на Белом море; в «Grand Insulaire et Pilotage» — труде 1586 года (Нац. Библ. в Париже: Ms. Fr., № 15452) весьма интересно описание находившегося на Дону „Лисичьего острова“ (см. выше, стр. 66). В этой же рукописи Тевэ поместил целый „Московский словарь“,

содержащий в себе 644 слова и маленьких фразы,—крайне интересный образчик фонетической записи живого северно-великорусского наречия в к. XVI века; словарь этот издан Полем Буайе в «Recueil des Mémoires Orientaux. Textes et traductions publiées par... l'école spéciale des langues orientales vivantes». Paris 1905, p. 437—495. Этот словарь подтверждает, что для изучения московского государства Тевэ обращался не только к печатным известиям, но прибегал также и к расспросам отдельных лиц. В главе о кн. Василии в «Vrais pourtraits» Тевэ сообщает, между прочим, что в 1576 г. он распрашивал о московитах одного англичанина (un seigneur anglois), который в качестве посланника провел в России семь лет; Н. Собко (op. cit., стр. 318) догадывается, что это мог быть Ант. Дженкинсон. Авг. Голицын выпустил отдельным изданием главы „Космографии“ Тевэ, относящиеся к России («Cosmographie Moscovite» Paris, 1858). Нижеследующий перевод сделан, однако, по парижскому изданию 1575 года (vol. II, p. 847 verso — 848 v.).

По ту сторону Печоры (Petzora) и Щугора (Stzuchogora), по направлению к горам „Каменный пояс“ (Camenipoiaz), как на берегу моря, так и на близлижащих островах, живут различные народы, которых русские, однако, зовут одним общим именем самоеды, что значит люди, себя пожирающие (Samoged, qui signifie se mangeant soy mesme), по той причине, что эти народы весьма не изобильны чем бы то ни было; и тем не менее они имеют много всякой птицы, различных пород и цветов, и зверей с красивым мехом, как напр. соболей, куниц, бобров, горностаев, бурых медведей, волков и диких лошадей, а также большое количество зайцев. Среди водящихся у них зверей находится один, которого они зовут россомаха (Rossomaka), величиной с восьмимесячного теленка и столь же коварный, как львы или тигры Африканских пустынь. Случается нередко, что, поймав оленя или другую какую нибудь дичь, россомаха так обжирается ею, что бывает принуждена, для того, чтобы освободить и прочистить свое брюхо, поместиться между двумя деревьями, по возможности близко растущими друг от друга; протискиваясь между ними, она так бывает сдавлена ими, что выбрасывает на землю пищу, не переварив ее, в том виде, в каком она поглотила ее и пожрала. Там водятся также рыбы-амфибии, логовища которых находятся на земле, в море, озерах и реках; они имеют чудовищный вид и чрезвычайно опасны; самый же опасный их род тот, который тамошние люди называют Colkeof; величиною они с английского дога и столь же хорошо вооружены зубами. В этом самом море находится такое большое изобилие других рыб, что это прямо кажется чудесным; притом они так безобразны, что подобных им не водится больше где бы то ни было

в другом месте на земле. Страны, расположенные ниже, ближе к Америке, гораздо холоднее; ими владеют и повелевают вышеупомянутые московиты. Люди же там живущие, ростом в полтора фута, а иногда и выше, и толще, так что кто бы их увидел, подумал, что это великаны. подобные тем, которые живут в другой части света по реке Ла-Плате. Кажется прямо удивительным, что такая большая страна повинуется Московиту, так как от Щугора (Suchogore) до реки Пояс (здесь города и области называют по именам рек) находятся расстояние более чем в двадцать дней пути; оттуда вы доходите до горы Камень (Kamen), подъем на которую занимает три дня; опускаясь по ней в восточном направлении, доходят до реки Artavuischa, затем до Сибута (Sibut), где расположена крепость Лепин (Lepin), оттуда же до реки Сосвы (Sosse); народы, живущие вдоль по этой реке, называются вогуличи (Vuogulices). Оставив Сосву в стороне, идут до реки Обь (Oby), которая вытекает из Китайского [озера] (Kitaisko), и эта Обь так велика, что имеет двенадцать лье в ширину, правда только в некоторых местах, а не на всем своем протяжении. На Оби расположена крепость Обея (Obea), а также Иером (Jerom) и Тюмень (Tumen), владетели которых являются подданными и данниками Московитов; от этой страны до Китая (Cataï) расстояние более чем в 60 дней пути. Между реками Обью и Югрой (Juhri) расположена область, носящая название Югра, откуда, как это достоверно известно, вышли первые гунны, от которых произошли венгерцы и которые вышли отсюда в лето господне 367-ое, заставив много говорить о себе в нашей Франции; также нет сомнения, что это были скифы и притом особенно северные и наиболее отдаленные от нашего Запада. Кстати, по соседству с рекою Обью живут Лукоморы (Lucomories), народ, ютящийся в лесах и около моря, так как Лукоморье обозначает морское побережье (lieu maritime), подобно тому, как у русских и другие названия составляются в зависимости от качества и расположения местности; так напр., высокий мыс Нос (Nosz) назвали они так потому, что он выдается в море и походит на нос человека, а вышеупомянутые высокие горы,—по той причине, что они, по их мнению, окружают землю,—зовут они „Земной пояс“ (Zemnoï — Poiaz), т. к. Poiaz по-московски значит „пояс“ (Ceinture)... Возвращаясь к морю вы находите безконечное количество народов, то язычников, то магометан, не столь упрямых, как те, что живут в Барберии и Малой Азиии, то, наконец, довольно грубых христиан, которые повинуются московиту и платят ему дань, не смотря на то, что каждый народ имеет собственных князей; живя в отдалении от тирана, они не боятся, что он прогонит их с их земли, которая тоже, по правде сказать, не слишком то прибыльна, чтобы могла вызвать к себе зависть...

ПРИМЕЧАНИЯ

Щугора] р. Щугор — приток Печоры; искаженное вогульское слово «Сакур», именно так произносимое зырянами.

Каменный пояс] Сл. выше: Герберштейн, стр. 105, 114.

Самоеды] Сл. выше: Рич. Джонсон, стр. 128, 129.

Россомаха] Приблизительно то-же рассказывают о россомахе и позднейшие писатели. См. напр. Е. Замысловский, Герберштейн, стр. 271—273; сл. выше: М. Поло, s. v. erculin, стр. 43—44; Страленберг (Historie der Reisen, Lpz., s a., S. 360—361) рассказывает, что лучшие россомахи идут из Сибири; у Миллера (Samml. Russ. Gesch, III, 495 f.) мы встречаем указание что меха россомах идут из всей Сибири, но спрос на них не так велик, как в прежние годы; в Китай же они сбываются охотно.

Тамошние люди называют colkeof] Трудно догадаться, какое животное Тевэ может иметь в виду; несомненно однако, что все, что он рассказывает о «рыбах - амфибиях» относится к моржам и тюленям. Colkeof — вероятно именно какое либо название моржа, искаженное до неузнаваемости.

Великаны, подобные тем...] Тевэ, вероятно, имеет в виду патагонцев.

До горы Камень] Под словом «Камень» в XVI - XVIII вв. и в северной России и в Сибири разумелся всякий горный хребет (ср. напр. Списки населенных мест Росс. Имп. Вологодск. губ. СПб. 1866, стр. XXXV; Н. Н. Козьмин «Открытая книга природы», в сборн. «Северные Зори» М. 1916, стр. 240), но в данном случае несомненно имеется в виду одна из гор Урала. Воеводы Петр Ушатый и Семен Курбский шли в 1501 г. «через Камень щелью, а камени в облаках не видати... и убили воеводы на Камени самоедов 50 человек и взяли оленей. От Камени шли неделю до первого городка Ляпина...» «Расспрашивая вогулов, стариков этого края, — пишет К. Д. Носилов («По следам кн. Курбского. Из путешествия по северному Уралу», в книге: «У вогулов. Очерки и наброски» СПб. 1904, стр. 217), — я узнал, что путь его был сначала по реке Щугору, притоку реки Печоры, и только потом уже через Уральский хребет по одной замечательно низкой долинке, которая прямо и вывела его на притоки реки Сыгвы, к Ляпинскому городку, откуда уже недалеко была самая река Обь со своим обширным бассейном». Сл. выше: Р. Барберини, стр. 134.

До реки Artavuischa, *затем до Сибута, где расположена крепость Лепин*] Эти имена заимствованы из Герберштейна (Замысловский, Герберштейн. стр. 150). Artavuischa—б. может искаженное название Иртыша; J. Baddeley (Russia Mongolia, China, Lond, I, p. CIX) видит здесь р. Тавду; то же название фигурирует на карте мира Г. Меркатора 1569 г. (Artawische fl.), куда оно попало из того же Герберштейна; на карте Гастальдо, приложенной к итальяискому изд. «Записок» Герберштейна обозначено: Artanuza или Artaniza; под Сибутом подразумевают р. Сыгву (сл. выше, стр. 106); крепость Лепин — вероятно, Ляпин городок, при р. Сыгве, впадающей в Сосву. Этот городок упомянут уже в описании пути, пройденном русской ратью от Печоры к Оби в 1499—1501 гг. Беляев («О географических сведениях в древней России». Зап. И. Р. Г. О. 1852, кн. VI, стр. 250), «стараясь согласить северное направление движения отряда Курбского и Ушатого к устьям Оби со сравнительно скорым прибытием этих воевод при переходе через Урал городок в Ляпин,—допускает кроме исторически известного городка Ляпина еще существование другого Ляпина—Обдорского, находившегося «где нибудь по течению Соби». Но такое предположение не выдерживает критики. Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 436—437), замечает, что, по свидетельству Герберштейна, русские с Печоры двигались не по р. Усе, а к ниже, по тем

притокам ее, которые отделяются уральским хребтом от речной области Сосвы. «А в реку Сосву, левый приток Оби, впадает с левой стороны р. Сыгва, берущая начало с восточного склона Сев. Урала; при слиянии с этой рекой рукава Сорах (Сукер-я) и находится остяцкая деревня Ляпина (Ломпус - пауль) Березовского округа Тобольск. губ. На месте этой-то деревни находился Ляпин «Югорский», южнее мнимого Ляпина «Обдорского». Ср. А. В. Оксенов. Политич. отношения Моск. Государства к Югорской земле, Ж. М. Н. Пр. 1891 № 2, стр. 262—263. Г. Миллер сообщает (Samml. Russ. Gesch. VI, S. 404—405; «Описание Сибирского царства», 2-ое изд. 1787, стр. 162—164; 200—205): «Ляпин, при р. Сыгве, впадающей в Сосву, расстоянием ок. 30 верст от устья оной, при малой речке, именуемой Ляпина, по вогульски Лопинг-Соим, по которой и бывший там городок назван Лопинг или Лопинг-уш» (ср. В. Радлов. Сибирские древности т. I, вып. 3, стр. 119). Д. И. Иловайский (Верхнеюрские аммониты, М. 1917, стр. 17—18) упоминает, однако, что «вогульское название р. Ляпина: «Сакья», означающее, вероятно, «реку—кормилицу», и что оно перешло у зырян в «Сыгва». Путь через Уральский хребет от р. Щугора к юртам Ляпинским см. в «Топографическом описании северного Урала и его рек» Зап. РГО 1852, VI, стр. 309—313; ср. St. Sommier, Un' estate in Siberia, etc. Firenze 1885, p. 187.

Называются вогуличи] сл. выше: П. Иовий, стр. 94.

Из Китайского озера] сл. выше: Герберштейн, стр. 106—107.

Крепость Обея, а также Иером и Тюмень] Обский городок, Верхотурье и Тюмень; сл. выше: Герберштейн, стр. 108—109.

До Китая] Слово «Китай», (Cathay) обозначающее то же, что и Sina, China в западно-европейских языках, и употребляемое, помимо русского, также в языках греческом, персидском и в различных диалектах Туркестана, произошло от монгольского Китат и служило первоначально для обозначения Китая, завоеванного монголами. Монголы же слово «китат» произвели от народа китанов, манчжурской расы, обитавшего на северо-востоке северного Китая. Около 1125 г. названия Китан, Китат или Китай стали прилагаться уже к Китаю в целом: позднее, основание государства кара-китаев, завоеванного китайцами, способствовало утверждению этого имени для всего Китая у его западных соседей (Bretschneider, Mediaeval Researches I, 204, 225. 232; II, 280—281, note 1104; H. Yule. Cathay and the way thither, Hakl. Soc. Sec. Series № 38, London 1915, vol. I, p. 146—147; F. v. Richthofen, China, I, S. 520). Под именем «Китая» (Cathay) европейцы XV—XVI вв. понимали преимущественно, именно северный Китай, часто смешивая Cathay и China. Слово же China, Sine, по мнению Рихтхофена, явилось у западных народов через посредство малайского языка, причем зайти в Европу оно могло двумя путями — или через Персию и малую Азию или благодаря морским путешествиям в Индию. («О происхождении западно-европейского названия Китая» Изв. Р. Г. Общ. т. XI, 1875, стр. 236—237). A. v. Gutschmied (Kleinere Schriften III, S. 606) показал, также, что различие между двумя этими терминами было «не столько пространственное, сколько хронологическое».

Область, носящая название Югра] см. выше: Ю. П. Лэт, стр. 70—71.

Живут Лукоморы] Это известие также взято у Герберштейна, сл. выше, стр. 110 сл.

Земной пояс] о значении этого названия сл. выше, Герберштейн, стр. 114.

XIV. ДАНИИЛ ПРИНТЦ | DANIEL PRINTZ

(1577)

Даниил Принтц из Бухова (Printz a Buchau), советник имперского апелляционного суда в Чехии (р. 1546; ум. 1608), был в Москве вместе с посольством Иоанна Кобенцеля, посылавшимся имп. Максимилианом II к Ивану Грозному с предложениеми заключить союз против турок, в 1576 году. Аделунг (Krit. - Liter. Übersicht, I, S. 188—196), а за ним и переводчик Принтца — И. А. Тихомиров и С. Р. Минцлов (Обзор записок, дневников и т. д., Новгород 1911, вып. I, стр. 33) ошибаются, утверждая, что он был в Москве и второй раз, в 1578 г. (см. Uebersberger, Österreich und Russland I, S. 448, Anm. и 463, Anm). О своем посольстве Д. Принтц, по приказанию имп. Максимилиана, составил в 1577 г. на латинском языке краткую записку, разделенную на девять глав; эта записка впоследствии была издана в г. Нейсе в 1668 г. под заглавием: „Начало и возвышение Московии" («Moscoviae ortus et progressus»); в ней Принтц сообщает много любопытных данных, касающихся русских и России того времени. Ему же принадлежит и другое сочинение: «Genealogia Magni Moscoviae Ducis», изданное А. В. Старчевским в Hist. Ruth. Script. exteri, II, 23 sq. В первом из этих сочинений Принтц поместил ряд данных, добытых им в Москве собственными наблюдениями, а также из расспросов людей, заслуживавших доверия; в его сочинении часто встречаются такие фразы: „расспросив достопочтеннейших мужей... мы слышали... узнали от людей достойных веры", что доказывает его личные сношения с различными свидетелями и очевидцами; как член чешского суда и владелец чешских имений Фалькенау и Кроссена, он хорошо знал чешский язык, что облегчило ему понимание русского; вероятно, он пользовался даже русскими летописями, на что укалывают напр. следующие его слова; „как они [русские] пишут в своих книгах... в летописях почти нет упоминаний... перевел, как мог, с русского". В конце XVII века, когда несколько раз было издано его сочинение (в Нейсе, Силезия — 1668, в Губене — 1679, 1681, 1687), европейская литература располагала уже гораздо более обширными данными о Сибири,

чем те, которые привел Принтц; однако, для 1577 года, когда оно писалось, в нем заключались все же некоторые свежие данные, напр. о соболях, образ жизни и способ ловли которых весьма интересовал тогда европейцев, благодаря сбыту русских мехов за границу. Латинский подлинник сочинения издан вновь в Scriptores rerum Livonicarum, 1848 II, p. 625—728, где перепечатан с издания 1681 г. и отдельно в Риге в 1857 г. Отрывки из него в русских переводах напечатаны были в „Вестнике Европы" 1829, № 1, стр. 1—17 („Об иностранных посланниках в России", перев. А. Цветаева), „Сыне Отечества" 1838, т. I, стр. 1—9; в „Журн. Мин. Нар. Просв." 1845, № 1 и в „Архиве" Калачова 1860, стр. 101 сл. Ср. В. А. Кордт. Чужоземні подорожні, стр. 46. Полный русский перевод с латинского дал И. А. Тихомиров (М. 1877, также в „Чтениях в Общ. Ист. Др. Росс." 1876, III и IV). Приводимый ниже текст дается по этому переводу („Чтения" 1870, III, отд. IV, стр. 30—31).

Он [царь] берет также довольно большие пошлины с товаров, вывозимых из Московии. А из областей более отдаленных, каковы Пермь (Permia), Сибирь (Sibiria) и Устюзия (Ustyusia), где родится дерево кедр (Cedrus), ему доставляют в величайшем множестве драгоценные меха, употребляемые для опушки одежды князей, которые он при помощи купцов продает в разные страны и копит серебро с великою жадностью. Маленькие животные, которых шкуры мы зовем собольими (Zebellinas), питаются кедровыми орехами. Эти области населяют люди дикие и даже совершенные варвары. Занимаясь одной только охотой, они добывают диких зверей посредством метательных копий, и в этом искусстве так опытны, что очень редко промахнутся на расстояние более самого носа; сняв меха, они сшивают их и передают воеводам (Praefectis) Великого Князя. Не зная никакого земледелия, они питаются одним только мясом диких зверей, а вместо лошадей употребляют оленей, которых запрягают в телеги, и собак, на которых ездят верхом (quibus equitando insident), как это мы узнали от многих достойных веры людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пермь] О термине «Пермь» в западно-европейской литературе и картографии см. А. Ф. Теплоухов. Пермяки и зыряне. «Пермский Краеведческий Сборник» вып. II, Пермь, 1926, с. 113—124, сл. также выше: М. Меховский, стр. 81, П. Иовий, стр. 93, 94, С. Герберштейн, стр. 100; А. Тевэ, стр. 138, 148 и ниже: А. Гваньини, стр. 150, 153, Д. Логан и т. д.

Устюзия] Имеется в виду Великий Устюг ч прилегавшая к нему область. В. Устюг — являлся древнейшим опорным пунктом Новгородско-Суздальской колонизации Поморья и старым торжищем русских промышленников и купцов. Во второй половине XVI в., со времени открытия Беломорского пути, Устюг сделался важнейшим после Вологды торговым пунктом между Москвой и Архангельском, чем и объясняется к нему интерес иностранцев (А. Е. Мерцалов. Вологодская старина. Материалы для истории Северной России СПб. 1889, стр. 104). «С возникновением ярмарки в устье р. Двины и с укреплением русского влияния на берегах Оби и Енисея, он оказался в узле двух важнейших торговых дорог, связывавших внутренние области государства с ново-завоеванными провинциями и западно-европейским рынком» (К. В. Базилевич. Торговля Великого Устюга в средине XVII в.—Институт Истории. Ученые записки, т. IV, М. 1929, стр. 89). Описание Устюжского и Пермского края мы находим у А. Гваньини (см. стр. 150); он пишет, между прочим: «называется же Устюг от устья (по лытыни ostium) и Юга, — реки, текущей с юга на север. Они (жители устюжского края) богаты шкурами диких зверей разного рода, особенно же черными лисицами, которые иногда приравниваются к соболям» и т. д. (М. П. «Наш север в описании иностранца XVI в.» «Известия Арханг. Общ. Изуч. Русского Севера» 1911, № 1, стр. 2—7). Об устюжской меховой ярмарке рассказывал уже П. Иовий в 1525 г. (см. выше, стр. 94—95).

Питаются кедровыми орехами] «Соболь... также не брезгает кедровыми орехами, но они составляют для него только предмет лакомства, как и княжника северных урманов Бурундук, рябчик и молодые тетери составляют главный предмет его промысла» (И. Словцов. В стране кедра и соболя. Очерк Тавдинско-Пелымского края. «Зап. Зап.-Сиб. Отд. РГО 1892, XIII, 1, стр. 10). «Соболь кормится мелкими птичками, ловит молодых рябчиков, глухарят, тетеревят и куропаток...; орехи и ягоды составляют лакомство этого зверька» (А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири. СПб. 1884, стр. 270).

Редко промахнутся на расстояние более самого носа] Сл. ниже в примечаниях к Иоганну Арнольду Бранду.

Собак, на которых ездят верхом] Следует понимать, конечно, в значении упряжных собак. Употребление латинского глагола equito давало и раньше повод к подобным недоразумениям (см. выше: стр. 38).

Рис. 22. Деталь карты неизвестного (Вторая полов. XVI в.).

XV. АЛЕССАНДРО ГВАНЬИНИ | ALLESSANDRO GUAGNINI

(1578)

Алессандро Гваньини (1538—1614) был полонизованным итальянцем. Родившись в Вероне, он почти всю жизнь прожил в Польше и там умер, заслужив себе двойную славу—военного деятеля и администратора, а также писателя. В войсках Стефана Батория он много сражался в войнах Польши с Ливонией, Молдавией и Московией, выслужил себе польское дворянство (при короле Сигизмунде Августе) и в течение четырнадцати лет был начальником крепости г. Витебска. На склоне лет он обратился к литературной деятельности и написал „Историю Польши" (Rerum Polonicarum tomi tres, Francf. 1584). Едва-ли справедливо мнение некоторых библиографов, что хроника эта принадлежит перу М. Стрыйковского; по существующей, но не доказанной легенде, Гваньини „похитил готовый к печати манускрипт, и, хотя он был только переводчиком, опубликовал его за своей подписью". Несомненно, однако, что труды Гваньини мало самостоятельны; он был только компилятором. Ранее хроники, Гваньини составил обширную компиляцию „Описание Европейской Сарматии" (Sarmatiae Europae descriptio, 1578), заключающую в себе описание Московии и пограничных стран, и имеющую мало значения; сообщенные здесь данные об областях: Сибири, Югре, Обдоре, Кондоре, Лукоморьи и т. д. большею частью повторяют предшествующих авторов, напр. Герберштейна, или украшены неверными, маловероятными подробностями (ср. оценку А. Оксенова, Сибирь до эпохи Ермака по сведениям западно-европейских писателей и путешественников. „Томские Губ. Ведомости" 1889 № 13). Тем не менее сочинения Гваньини были довольно хорошо известны в древней Руси и не раз переводились на русский язык еще в половине XVII века (А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб. 1903, стр. 73—74, 77—78); так, между 1652—54 гг. сделано было извлечение из его „Истории Польши", вероятно Симоном Азарьиным (И. Шляпкин. Дмитрий Ростовский и его время, СПб. 1891, стр. 56, 83); в 1653 г., по царскому указу, кн. Репнин-Оболен-

ский купил какое-то сочинение Гваньини в Польше среди других иностранных книг („Летописи русск. литературы и древности“ Тихонравова, т. III, 5, стр. 34; С. Соловьев. История России, т. XIII, стр. 169), и может быть именно эту книгу Никон поручал перевести в 1655 г. (Р. Ист. Библ., т. V, стр. 543); среди русских переводов Гваньини. сохранившихся в ряде рукописей (И. А. Шляпкин, op. cit., стр. 80), находится и старинный перевод его описания Московского государства, из которого издан только небольшой отрывок, касающийся Двинской области, Устюжского края и Вологды („Извлечение из старинного перевода сочинения Гваньини“, — „Вологодск. Губернск. Ведомости“ 1841, № 35; в переводе непосредственно с латинского подлинника, по изд. 1581 г. тот же отрывок Гваньини напечатан в статье М. П. „Наш Север в описании иностранца XVI века“ — „Известия Архангельского Общ. Изуч. Русск. Севера“ 1911 № 1, стр. 2—7), части же, относящиеся к Сибири, не изданы. Помещаемый ниже русский перевод сделан В. Н. Дурденевским по латинскому тексту, напечатанному в «Historiae Rutheniae Scriptores exteri saec. XVI», ed. A. Starczewski (Berolini et Petropoli, 1851) vol. I, здесь же он перепечатан по изданию: «Omnium regionum Moscoviae monarchiae subjectorum morum et religionis descriptio» (Spirae, 1581). Гваньини умер в Кракове в 1614 году, 76 лет от роду (P. Bayle. Dictionnaire Historique et Critique, Amsterdam, 1734, t. III p. 144).

Провинция Сибирь

Эта провинция расположена при реке Каме, между областями Пермью и Вяткой. Она почти совсем лишена укреплений и городов. В ней берет начало мощная река Яик, которая, пройдя татарские кочевья, впадает в Каспийское море. Ее жители пользуются собственным языком, не знают употребления хлеба; питаются мясом зверей; ведут торговлю пушниной, — шкуры у них ценнейшие, — и платят ею же дань московскому великому князю. Почти вся эта область лесиста и болотиста и, говорят, благодаря соседству татар, пустынна в большей своей части.

Область Югра

Область Югра или Угра (Jugra sive Juhra), жители которой зовутся Угры или Югричи, расположена по северному океану: из нее, как рассказывают, некогда вышли венгры из-за ее неплодородия и, говорят, осели сначала около Мэотидских болот. Затем они двинулись к реке Дунаю в направлении на Паннонию и по-своему

назвали Паннонию — Угорией, позже — Венгрией и под предводительством Аттилы завоевали много земель в Азии и в Европе. Московитяне этим очень гордятся, говоря, что их подданные некогда опустошили пределы Германии, Италии и Греции и были страшны всему миру. Жители этой области платят подать великому Московскому князю и говорят на том же языке, что и венгерцы.

Об истукане Золотой Бабы [в Обдорской области]

В этой Обдорской области около устья реки Оби находится некий очень древний истукан, высеченный из камня, который московитяне называют Золотая баба, т. е. золотая старуха (id est aurea

Рис. 23. Обдорский край (Деталь карты неизвестного. 2-ая полов. XVI в.).

anus). Это подобие старой женщины, держащей ребенка на руках и подле себя имеющей другого ребенка, которого [местные жители] называют ее внуком. Этому истукану обдорцы, угричи и вогуличи, а также и другие соседские племена воздают культ почитания,

жертвуют идолу самые дорогие и высокоценимые собольи меха, вместе с драгоценными мехами прочих зверей, закалывают в жертву ему отборнейших оленей, кровью которых мажут рот, глаза и прочие члены изображения; сырые же внутренности жертвы пожирают, и во время жертвоприношения колдун вопрошает истукана, что им надо делать и куда кочевать: истукан же (странно сказать) обычно дает вопрошающим верные ответы и предсказывает истинный исход их дел. Рассказывают даже, что в горах, по соседству с этим истуканом слышен какой-то звон и громкий рев; горы постоянно издают звук на подобие трубного. Об этом нельзя сказать ничего другого, кроме как то, что здесь установлены в древности какие-то инструменты или что [там] еть подземные ходы, так устроенные самой природой, что от дуновения ветра они постоянно издают звон, рев и трубный звук.

От реки Оби, идя от левой стороны [живут] каламы (Calami populi), бродящие кочевьями, данники князя московского. Вниз от устьев Оби и Золотой бабы находится ряд больших рек, Иртыш (Irtischae), Березовая (Beresva), Сосьва (Sasa), Тахним (Tachnim), Данадим (Danadim) и многие другие, вытекающие из гор, называемых поясом земли (cingulus terrae). Обитатели этих рек, живущие до Золотой бабы и северного океана, уплачивают, как говорят, дань великому московскому князю.

Область Лукоморье

Область Лукоморье тянется длинной полосой подле северного моря; ее обитатели живут без всяких построек в лесах и полях. По соседству с этой областью находятся народы грустинцы и серпоновцы, от крепости Грустины до Китайского озера, где берет свой исток вышеназванная река Обь. Живущие близ этого озера черные люди, не владеющие общепонятной речью, имеют обычай приходить к Грустинской крепости, принося с собой разные товары, в особенности жемчуг, драгоценности и дорогие камни, которые грустинцы и серпоновцы приобретают от них путем обмена. Племена Лукоморья, а равно грустинцы и серпоновцы и еще некоторые живущие в области Оби и озере Китайского вдоль рек Сосьвы, Березовой, Данадима и Тахмина, вплоть до великого океана, как говорят, платят дань великому московскому князю. Далее, о некоторых народах Лукоморья рассказывают нечто чудесное и неправдоподобное, якобы они ежегодно 27 ноября, как пьявки и лягушки умирают от сильного мороза, сопровождаемого туманом. Когда затем приходит день 24 апреля, они, говорят, опять оживают. Рассказывают о них, что они ведут следующим образом торговлю со своими соседями Грустинцами и Серпоновцами: когда они уже

чувствуют, что им грозит смерть в недалеком будущем, то они сносят свои товары в надежное место; их уносят Грустинцы и Серпоновцы, в промежутке [их зимнего сна], оставив свои равноценные товары в том-же месте. Когда же те оживут, то берут они товары за свои, если они им понравятся, по справедливому обмену; если же [мена] не была справедливой, то требуют обратно свои товары от грустинцев и серпоновцев, в силу чего между ними, как говорят, очень часто вспыхивают тяжбы и войны. Из гор Лукоморья выходит крупная река Коссин, которая, пробежав Лукоморье, впадает, как говорят, в большую реку Тахнин. В реке же Тахнин, рассказывают, водятся рыбы, которые головой, глазами, носом, ртом и ногами напоминают человека, но лишены какой либо способности объясняться словесно. Говорят также, что по ту сторону этой реки живут люди громадных размеров, из которых одни, покрытые щетиной на подобие зверей, а другие—с собачьими головами; живут они в подземных пещерах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Эта провинция расположена] О местоположении Сибири по сведениям иностранцев XIV — XVI см. выше: Шильтбергер (Примечания, стр. 54—55) и Герберштейн (Введение, стр. 100). Все, что Гваньини говорит о Сибири, заимствовано у него из книги Герберштейна; точно так же, и, вероятно через посредство той же книги Герберштейна, географическое положение Сибири между «Пермью и Вяткой» определяет А. Тевэ в своей «Космографии» (см. выше, стр. 138, 148).

Область Югра] см. выше: Ю. П. Лэт (стр. 70—71).

Из нее, как рассказывают, некогда вышли венгры] Сл. выше: Плано—Карпини (стр. 9—10, 70); о выселении венгров из приуральеких областей см. еще: K. Lüttich. Ungarnzüge in Europa im 10 Jahrhundert, Berl. 1910.

Мэотидских болот] Под болотами Мэотиды, или Мэотидским озером (palus, lacus Maeotis) античные писатели обыкновенно понимали Азовское море (Mar delle Zabacche); однако, название его «болотом» а не «озером» в средние века неоднократно давало повод к смешению его с другими местностями. Так, Бенедикт - Поляк, ездивший вместе с Плано - Карпини к монголам, под «болотами Мэотиды» понимал соленые озера в степях к северу от Каспийского моря (d'Avesac, Recueil de voyages et de memoires, t. IV, 2, 1839, p. 777), а Рубрук писал про Дон, что он «начинается из болот Мэотиды» которые «простираются к северу до океана» (перев. А. И. Малеина, СПб. 1911, стр. 87). Ср. выше: стр. 23 и 27.

Под предводительством Атиллы] Гваньини, подобно другим писателям XVI века смешивает походы гуннов на Европу в V веке и выселение венгров из Приуралья, происшедшее значительно позднее (в X веке).

Об истукане Золотой бабы] См. выше, стр. 115 и след. К сведениям о Золотой бабе, заимствованным из Меховского и Герберштейна, Гваньини прибавляет указание, что она «высечена из камня» (?) (Ср. Шишонко. Пермская летопись I, стр. 17). Среди других известий о Золотой бабе, рассказ Гваньини пользовался

в XVII веке особенной популярностью, благодаря перепечатке в сборнике «Respublica Moscoviae et urbes» Lugduni Batav. 1630, p. 52 — 54; ср. Я. Березин-Ширяев, Материалы для библиографии СПб. 1868, стр. 10. Хр. Лопарев (Самарово. Село Тобольск. губ. Материалы и воспоминания о его прошлом СПб. 1892, стр. 3—4), сверивший этот текст с изд. Гваньини в «Rerum Mosc. auct.» (p. 108—109) нашел, что «между обоими текстами есть легкая разница».

Тахним] Tachmin Герберштейна (сл. выше, стр. 119 — 120), напечатанный так, вероятно, по ошибке. Все перечисленные здесь географические имена взяты Гваньини из Герберштейна

Лукоморье] Это географические имя, введенное в научный оборот Герберштейном, долго держалась в литературе. Еще в энциклопедическом словаре Гюбнера (Joh. Hübner's Reales Staats-Zeitungs und Conversationslexicon, Leipz. 1811, S. 823) под словом «Лукоморье» объясняется, что это «провинция в пустынной Татарии, подвластная (русскому) царю. Она лежит по ту сторону р. Оби в Азии и простирается до Ледовитого Океана».

Как пьявки и лягушки] А. Оксенов («Томск. Губ. Ведом. 1889 № 13) уже обратил внимание на то, что текст в этом месте испорчен. Напечатано: hirundines et ranae; ласточки и лягушки; вм hirundines следует, конечно, читать hirudines, пьявки, что мы и восстанавливаем в переводе. Эта типографская ошибка из текста 1578 г. перешла в последующие издания, и воспроизведена многими писателями.

Рис. 24. Деталь карты неизвестного
(Вторая половина XVI в.).

XVI. ГЕНРИХ ШТАДЕН | HEINRICH STADEN

(1578)

Вестфальский уроженец Генрих Штаден (р. 1542) — типичный авантюрист, переменивший на своем веку множество различных профессий. Он начал свою карьеру в роли простого землекопа, а завершил ее при дворе имп. Рудольфа II в качестве дипломата-прожектера. В промежутке он долго жил в России, по предположениям его русского биографа И. И. Полосина, — всего около 12 лет (с 1564 по 1576), причем около шести лет он был опричником царя Ивана Грозного, имея свой собственный отряд - дружину; грабежом наживая добро, он пожалован был поместьями и поставил себе хоромы на Москве, а после набега Девлет-Гирея на Москву (1572), при пересмотре поместных и вотчинных дач, лишился своих имений, покинул Москву, завел мельницу в Рыбинске, а затем вскоре уехал в Поморье (1574—1575); здесь он жил в северно-русских городах, занимаясь выгодной меховой торговлей и несомненно побывал в Вологде, Белоозере, Каргополе и Коле. В 1576 г. с иностранным кораблем Штаден покинул Россию и приехал в Голландию, побывал затем в Германии и Швеции, наконец, явился в Вогезы, в Люцельштейн, резиденцию пфальцграфа Георга Ганса Вельденцского. Представленный пфальцграфу, Штаден очень заинтересовал его своими рассказами о московитах и, по его поручению, составил описание Московии (кон. 1577—1578 г.), а также любопытный проект ее военной оккупации от Колы до Онеги, послуживший в 1578—79 гг. предметом оживленной дипломатической переписки пфальцграфа.

Рукопись „Описания правления и страны московитов" Штадена, а также упомянутого проекта оккупации русского севера, долгое время оставалась неизвестною. В 1902 г. ее открыл в ганноверском госуд. архиве д-р Макс Бер. В русской печати на этот важный для русской истории памятник первый обратил внимание Д. Островский в статье: „Вновь открытое описание России XVI века" („Историч. Вестник" 1905, № 5, стр. 539—544), которому рукопись Штадена стала известна по копии, снятой М. Бером

и еще в 1902 г. присланной им А. В. Половцову. Однако, ни статья Островского, ни вызванная ею заметка Fr. v. Keussler'a: «Heinrich von Stadens Nachrichten über die Livländer in Moskau zur Zeit Joanns Grosnys» («Rigaer Sitzungsberichten» 1905, Riga 1906, S. 47—99; ср. A. Feuereisen, Livländische Geschichtsliteratur 1905, Riga 1909, № 77; то же для 1906, Riga 1909, № 73) не привлекли к себе широкого внимания, хотя Общество Истории и Древностей при Московск. Университете в 1906 г. через посредство А. Станкевича уже вступило в переговоры с М. Бером по поводу предполагавшегося русского издания рукописи Штадена (Чтения Общ. Ист. и Др. 1907 I, Проток., стр. 13); однако, издание это не состоялось, и копия с рукописи вторично вернулась в Германию. Новый интерес к этому замечательному историческому документу возник лишь после опубликования тем-же М. Бером больших извлечений из рукописи: «Eine bisher unbekannte Beschreibung Russlands durch Heinrich von Staden» («Historische Zeitschrift», 1917, Bd. 21, S. 229—252); тогда о ней вновь заговорили и в русской литературе. См. В. П. Бузескул: „О доселе неизвестном описании России"—„Наука на Украине" 1922, № 3, стр. 145; его-же. „Новое известие иностранца о России XVI в."—„Анналы. Журнал всеобщей истории" 1922, I, стр. 206—210. В 1925 г. напечатан был полный русский перевод „Описания" по копии рукописи Ганноверского архива: Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина М. 1925 (Рецензии: П. Н. Миллер, „Печать и Революция" 1925 № 5—6, стр. 402 сл.; И. С. Макаров. „Историк-Марксист" 1926 I, стр. 305; F. Epstein. «Revue Historique» 154, t. 1927, p. 179—183); ср. И. И. Полосин. „Новый источник по истории русского севера XVI в."—„Север" 1928 № 7—8, стр. 50—56; его-же: „Записки Г. Штадена, старицкого помещика и опричника царя Ивана" „Материалы О-ва Изучения Тверского Края", вып. 3, 1925, стр. 24 и сл. Недавно появилось первое полное немецкое издание рукописи Штадена, сопровожденное обильными комментариями: Heinrich von Staden: Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Nach der Handschrift des Preussischen Staatsarchiv in Hannover, herausgegeben von Fritz Epstein-Hamburg, 1930 (=Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandkunde, Bd. 34, Reihe A, Bd. 5). Живя в Поморье и торгуя мехами, Штаден должен был получить кое-какие данные и о Сибири, куда как раз направлялась русская колонизация. В своем „Описании правления и страны московитов" Штаден, действительно, кратко говорит о самоедах, съезжавшихся из восточных стран в Пустозерск для торговли мехами. Источником сведений Штадена о самоедах и тунгусах, о Мангазее и Тахчее (о том, какая область могла иметься здесь в виду см. примечания к этому тексту) был сборщик ясака с самоедов и контрагент Штадена по меховой торговле Петр Вислоухий (Peter Wischowhow, Wislauch), о котором он сам говорит: „я имел дела и дружбу с Петром Вислоухим [сборщиком] на Пустоозере, который собирает

годовую дань соболями с самоедов“ („О Москве Ивана Грозного“, стр. 143). В рукописи Штадена Сибири посвящено всего лишь несколько строк, впрочем несколько раз повторенных дословно, но что о странах северо-востока и о народах, там живущих, Штаден располагал гораздо большими сведениями, чем те, которые занесены в его сочинение, можно судить по тому, что, некоторые дополнительные данные об этом находятся в дипломатической переписке пфальцграфа Георга Ганса, который мог получить их только от Штадена. В письме пфальцграфа к гроссмейстеру немецкого ордена Генриху фон Бобенгаузену от 2-го сентября 1578 г., из которого мы ниже приводим отрывок, находится несколько данных о „дикой стране Тунгусии“ (в других рукописях—„Мангазее“), о реке Оби и о предполагаемых путях из Сибири в Америку: письмо это, по подлиннику, хранящемуся в Государственном секретном архиве в Берлине, напечатал Теодор Шиман в статье: «Das Pfalzgrafen Georg Gans Anschlag auf Livland» — «Mittheilungen aus der livländischen Geschichte», Bd. XV, Heft I, S. 117—129; приводимый нами отрывок находится здесь на стр. 123 — 124; перепечатано в изд. F. Epstein'a, S. 211—217. Отрывок из сочинения самого Штадена мы приводим по русскому переводу И. И. Полосина (op. cit., стр. 54), воспользовавшись при этом его комментариями (стр. 143, 176) и приложенной к изданию статьей „Западная Европа и Московия в XVI веке“, (стр. 9—53), но заново сверив текст с изданием подлинника у F. Epstein'a. Следует отметить, что хотя в словах Штадена о Сибири и нет ничего нового сравнительно с предшествующими известиями, но они лишний раз подтверждают частые и регулярные сношения русских с туземными обитателями Сибири накануне походов Ермака.

Рис. 25. Область самоедов
(с карты Вальдзеемюллера, 1517 г.).

ИЗ «ОПИСАНИЯ ПРАВЛЕНИЯ И СТРАНЫ МОСКОВИТОВ»

У самоедов (Samaeden) нет государей; люди они дикие, питаются рыбой, птицей и мясом оленей. Они же стреляют и ловят в своей стране соболей, приносят их на продажу русским и выменивают их на сукно, котлы, сало, масло, панцыри и толокно. Съезд бывает в Пустоозере (Pusta Ossorra), лежащем в глухом месте. С их земли великий князь получает ежегодно много соболей в дань. Земля их лежит приблизительно в 700 милях от Москвы. Имя теперешнего сборщика дани [с самоедской земли] — Петр Вислоухий. Он не может требовать с этих народов ничего сверх того, что они дадут ему [сами] по доброй воле.

Мунгазея также не имеет государей; люди здесь ловят соболей и другое. Тахчеи (Tachzea) совсем пусты. В этой стране нет совсем никакого народа. Говорят, что в римские времена ссыльных посылали именно в эту страну.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ПФАЛЬЦГРАФА ГЕОРГА ГАНСА К ГРОССМЕЙСТЕРУ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА ГЕНРИХУ V-му ФОН БОБЕНГАУЗЕНУ ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 1578 г.

В 30 милях от Холмогор расположена другая гавань — Мезень (Mesena); вслед за нею — Пустоозеро (Pusta Osora), где есть река и городок (offen Fleck), куда самоеды (Samogieten) ради [торговли] соболями съезжаются вместе с русскими и которое находится от него на расстоянии 100 миль.

Новая земля (Noua Semela), где живут самоеды, находится отсюда приблизительно на расстоянии 90 миль. За нею, на расстоянии 130 миль, расположена дикая страна Тунгусия (Tungosia); далее расположена Обь (Oba), где живут сибирцы (Sibirier); отсюда до Тунгусии считают 60 миль. Между Пустоозером и Сибирью ведется соболиный торг. Обь выходит из стоячего Китайского озера (kombt die Oba ausz dem stehenden mehr Kithaia); на этом месте можно также вести, пожалуй, наибольший торг, безо всякого препятствия, т. к. тамошние жители все сплошь язычники. Таким образом, вслед за страной московитов, которая не простирается далее Мезени, живут на протяжении тысячи миль пути язычники и дикие народы, а из Оби—реки можно проплыть в Америку, причем два рейса из Колы или Оби в Америку равняются одному тому, который можно сделать туда из Испании.

ПРИМЕЧАНИЯ

У самоедов нет государей] О самоедах и древнейших известиях о них в западно-европейской литературе см. выше: Плано-Карпини (стр. 11), Рич. Джонсон (стр. 125 сл.). То, что рассказано здесь, Штаден повторяет почти слово в слово в своем проекте военной оккупации Московии: «Далее лежит Пустоозеро. Здесь встречаются и торгуют самоеды с русскими. Русские выменивают у самоедов соболей на сукно, сало, масло, кольчуги и толокно. До сих мест доходят русские торговые люди. Дальше (Пустоозера) у великого князя нет уже власти, т. к. русские не ходят в море; у них нет кораблей, и морем они не пользуются»... (F. Epstein, Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat, Hamburg 1930, S. 139, 161; «Север» 1928, № 7—8, стр. 52).

В Пустоозере] Пустоозеро, позднее — Пустозерск; расположен на полуострове Пустого или Городецкого озера, которое прежде соединялось мелководной протокой с Печорой; одно из древнейших русских поселений в низовьях Печоры; был основан в 1499 г. во время похода на Югру Курбского и Ушатого для сбора ясака среди самоедов (Огородников, Зап. Р. Географ. Общ. по отд. этн. 1877, т. VII, стр. 232; Н. Е. Ончуков. Печорская старина. — Изв. Отд. Р. Яз. и Слов. Академии Наук 1900 кн. 2, стр. 342 сл.). Для Штадена Пустозерск являлся конечным пунктом русской колонизации северо-востока. Русские и немецкие исследователи подчеркивают опорное значение Пустозерска в к. XVI в. для дальнейшего продвижения в Сибирь: B. Kuske. Die weltwirtschaftlichen Anfänge Sibiriens und seiner Nachbargebiete vom 16 biss 18 Jahrhundert, «Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung und Volkswirtschaft» 1922, Bd. 46, S. 208; Jos. Klein. Der Sibirische Pelzhandel und seine Bedeutung für die Eroberung Sibiriens. Diss. Bonn, 1906.

Мунгазея] г. Мангазея, известный своей меховой торговлей, был построен только в 1601 г. След. Штаден говорит не о нем, а о целой области, которая простиралась от рек Пура и Таза вдоль Ледовитого моря до Енисея. См. выше: Р. Джонсон (стр. 127).

Тахчеи] В подлиннике: Tochsea, Tachsea. По объяснениям И. И. Полосина («Записки немца-опричника». 1925, стр. 176) «зауральская область, входившая в состав сибирского ханства; упоминается в грамоте 1574 г.; позже упоминаний не встречается. Ср. Tachnin у Герберштейна». По словам С. В. Бахрушина (Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928, стр. 150) «вопрос о Тахчеях до сих пор остается невыясненным. В позднейших документах это название не сохранилось, и попытка Дмитриева отождествить Тахчеи с Тахтанской волостью Туринского уезда не может считаться решающей. Во всяком случае это не народ, а страна, которая, судя по контексту, лежала в верховьях Тобола, т. к. в грамоте 1574 г. упоминание о Тахчеях всякий раз предшествует упоминанию о Тоболе. Упоминается название Тахчеев только в 70-ые годы XVI в. и очевидно, впоследствии было заменено другим. Легче всего предположить, что так называлась область по Туре, за которой впоследствии установилось название Епанчин юрт, название новое и возникшее только после похода Ермака». F. Epstein (op. cit., S. 89) думает, что под Тахчеями или Тахчеей разумеется «страна остяков», т. к. самоеды остяков называли «Тахе» (Огородников, Зап. Р. Г. Общ. по отд. этн. т. IX, 1882, стр. 57); в последнем случае название это, вероятно, было непонятно Штадену (Epstein, напротив, думает, что Штаден усвоил его в бытность свою в Лапландии), т. к. едва-ли о «стране остяков» он мог сказать тут-же: «в этой стране нет совсем никакого народа»; косвенным подтверждением догадки Эпштейна, однако, является указание грамоты 1574 г. (на которую ссылаются, не указывая ее точно, и И. Полосин и С. Бахрушин: это известная жалованная грамота Строгановым; напечатана у Н. Устря-

лова. Именитые люди Строгановы, СПб. 1842, стр. 13), что остяки жили «круг Тахчеи». Ссылка И. Полосина на реку «Тахнин» у Герберштейна подменяет одно неизвестное другим, не намечая никакого пути для решения вопроса, поскольку попытки определить позднейшее наименование этой реки нужно признать пока неудавшимися (см. выше: Герберштейн, стр. 119—120).

Ссыльных посылали именно в эту страну] По остроумной догадке F. Epstein'a (op. cit. S. 99) «в основе этого свидетельства Штадена лежит, вероятно, школьное воспоминание»: говоря о Тахчее, благодаря случайному звуковому сходству, он думает о Дакии (Dacia), куда действительно ссылали провинившихся во времена Римской империи.

Дикая страна Тунгусия] Tungosia — так напечатано в тексте у Шимана («Mittheilungen aus der livländischen Geschichte» Bd. XV, H. I, S. 124) У Epstein'a op. cit., S. 213), также напечатавшего текст письма пфальцграфа по нескольким рукописям (ср. Einleitung, S. 35), отличающимся между собой, главным образом, в написании собственных имен, стоит Mungosia, т. е. Мангазея; соответственно этому и дальше фраза: «отсюда до Тунгусии считают 60 миль» читается у него: «отсюда до Мангазеи...» Повидимому, эту редакцию следует предпочесть Шимановской.

Из стоячего Китайского озера] В примечании к этому месту Шиман замечает (op. cit. S. 124): «Вероятно озера Байкала». Это несомненная ошибка: здесь имеется в виду именно «Китайское озеро», фигурировавшее на картах и в писаниях путешественников с середины XVI в. (о попытках локализации его см. выше: Герберштейн, стр. 106—107). Как долго держалось заблуждение, что Обь вытекает из «Китайского озера», видно напр. из того, что в начале XVIII в. в энциклопедии Гюбнера мы встречаем следующее известие: «Oby, Obius» — «большая река в Восточной части Московии, которая в стране калмыков выходит из Китайского озера, протекает всю Сибирь... и вливается в Ледовитый океан» (Joh. Hubner's Reales Staats- Zeitungs- und Conversationslexicon, Leipzig 1711, S. 1003). Шиман был, вероятно, введен в заблуждение тем, что и Байкал назывался иногда, но не раньше, впрочем, XVIII в.) — «Китайским озером» — Lacus Sinicus (Н. Катанов Известия Лоренца Лянге. «Ежегодник Тобольск. Губ. Музея» XIV, стр. 8).

Из Оби реки можно проплыть в Америку] В тексте, напечатанном у Epstein'a (S. 214) прибавлено: «и в Татарию». Штаден также, говорит, что «man kann auch bis an und in Amerikam aus dem umbligenden lenderen kommen» (Epstein, S. 163). Представление о близости Америки к северо-восточным берегам Азии засвидетельствовано западно-европейской картографией XIV — XVII вв. Ср. Д. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака — «Древности» XIV (1890), стр. 296 прим. 146; A. E. Nordenskjöld. Periplus. An Essay on the early history of charts and sailing-directions. Stockholm, 1897, p. 80 sq. Этот домысел Штадена основан именно на изучении западно-европейских карт: в Москве ему еще не могли высказать подобного предположения, хотя Америка уже была известна русским книжникам; вероятно Максим Грек первый сообщил на русском языке сведения об открытии Нового Света («Понятие наших предков об Америке, из древних хронографов», «Московский Телеграф» 1832 IV, стр. 594—599; Н. Спасский. Одна из русских космографий. «Русский Филологический Вестник» 1896, т. XXXV, стр. 95 и сл., 187 и сл.; В. С. Иконников, Максим Грек и его время, Киев 1915, стр. 348—350); зато уже в половине следующего столетия Америка привлекла к себе внимание русских администраторов Дальнего Востока (сл. ниже: И. Масса, Ф. Авриль, примечания).

XVII. ГЕРАРД МЕРКАТОР | GERARDUS MERCATOR

(1580)

В начале XVI века в приморских странах центральной Европы зародилась мысль достигнуть Китая морским путем, вскоре же вызвавшая длинный ряд смелых попыток осуществить эту задачу и много способствовавшая расширению географических познаний о северо-восточной Азии. Причины столь энергичных и напряженных поисков в эту эпоху кратчайших дорог из стран Запада на Дальний Восток указаны во введении к настоящей книге; напомним, что завоевание богатых восточных рынков явилось одной из самых существенных проблем в экономической политике тех государств, где цвел тогда торговый капитализм и зачиналась промышленная деятельность. И вот, на место ганзейских купцов и итальянских городов, некогда (XII—XV вв.) снабжавших весь Запад продуктами Востока — пряностями, драгоценными камнями, шелками и другими предметами роскоши, — в борьбе за мировой рынок и колонии на Востоке выступили сначала Португалия, а с половины XVI века — Англия. В конце XVI и начале следующего столетия в эту борьбу вступила и Голландия. В Англии эта эпоха является периодом расцвета торгового мореплавания: специально организованные компании (напр. „Общество купцов, искателей стран, земель, островов, государств и владений, неизвестных и доселе не посещаемых морским путем“) под покровительством и с поощрениями правительства посылали в Средиземное море свои собственные суда за товарами Малой Азии и Персии, вели торговлю с Гвинейским берегом и со Скандинавией, непрерывно расширяя сферу своего коммерческого влияния и горизонты своих плаваний; началась серьезная борьба Англии за колонии с Испанией и Португалией: отсюда ее стремление независимо от последней найти новый морской путь в Китай, более краткий, чем существующие, и притом такой, каким бы она могла пользоваться без опасности пиратских нападений и совершенно самостоятельно. Так возникает идея — проникнуть в Китай северными морями, мимо неизвестных еще тогда северных берегов Сибири.

Одно из первых указаний на возможность такого путешествия сделал еще в 1525 году, со слов русского посла в Риме Дм. Герасимова — Павел Иовий (см. выше, стр. 96 — 97); свидетельство Герберштейна о том, что р. Обь вытекает из „Китайского озера“ (см. выше, стр. 106), еще более утвердило в таком предположении (ср. O. Peschel, Geschichte der Erdkunde 1865, S. 286 ff.; S. Ruge, Geschichte der Zeitalter der Entdeckungen, 1881, S. 521; Brinner, «Abhandlungen zur Verkehrs- und Seegeschichte», VII, 1913 S. 49—53); на Западе долго верили неправдоподобному известию, что еще Иван Грозный назначил большие награды для отыскания этого северного морского пути (В. Огородников. Донесение о Московии 2-ой половины XVI в. „Чтения“ 1913 II, стр. 43 сл.); во всяком случае, несомненно, что искать северо-восточный путь в Китай побудили рассказы русских, записанные иностранцами-путешественниками в Московии (сл. замечание К. Бестужева-Рюмина в рецензии на книгу Замысловского о Герберштейне Ж. М. Н. Пр. 1884, № 5, стр. 109). Англия первая сделала попытку осуществить указанный проект. Ряд замечательных плаваний, предпринятых англичанами в этой надежде, начался в 1553 году плаванием Виллогби, когда Себастьян Кабот убедил короля Эдуарда V снарядить специальную экспедицию для отыскания Китая с севера. Виллогби погиб у берегов Лапландии, товарищ же его по путешествию — Рич. Ченслор, плывший с ним на отдельном корабле, как известно, достиг русских берегов Белого моря, съездил оттуда в Москву, затем благополучно вернулся в Англию. Это путешествие, открывшее для англичан вместо Китая — Московию, послужило причиной возникновения интенсивной русско-английской торговли (этому эпизоду русско-англиских сношений посвящена большая литература: назовем, напр.: Гамель. Англичане в России. Зап. Ак. Наук, 1865, т. VIII и 1869. т. XV; Ю. В. Толстой. Первые сношения Англии с Россией. Рич. Ченслор. „Русский Вестник“ 1873, № 6, стр. 489—522, его-же: „Россия и Англия“ СПб. 1875; С. Середонин. Английские известия о России 2-ой половины XVI в. Ж. М. Н. Пр. 1885, № 12, стр. 131—133; его-же: Сочинение Джильса Флетчера «On the Russe Common Wealth» как исторический источник СПб. 1891, стр. 10 и сл.; Ф. Мартенс. Россия и Англия в продолжении XVI и XVI и XVII вв. „Русская Мысль“ 1891, кн. I; Инна Любименко. История торговых отношений России с Англией, вып. I, (XVI в.) Юрьев, 1912, стр. 6—8; E. Vaughn, «English Trading Expeditions into Asia under the Authority of Muscovy Company» — в сборнике: «Studies in the History of English commerce in the Tudor Period». University of Pensilvania, New-York, 1912, p. 117—144). Интересно отметить, что около того-же времени (1554) шведский король Густав Ваза также задумал послать экспедицию для проверки предположения, можно ли северным путем достигнуть Китая и Восточной Индии («ut experiatur, an per Septentrionem in Cathaiam seu Indiam Orientalem navigare possit»...),

предложив начальствование в ней французскому эмигранту Юберу Лангэ, гуманисту и блестящему писателю этой эпохи; экспедиция не состоялась, сам же Лангэ, сохранивший известие об этом неосуществленном проекте, кажется нисколько не огорчился по этому поводу, т. к. „странам новым и диким“ он, по собственному признанию, предпочитал „страны цивилизованные“ (W. Mollerup «Et bidrag til Nordostpassagens historie» — «Geografisk Tidskrift» 4, Kjöbhenavn 1880, 79 ff.; сл. Г. Лангэ, Мнение о России — „Русск. Стар.“ 1885, т. XLVI, стр. 411—416). Аналогичные проекты возникли и во Франции, еще в 1527 г., затем в Италии (сл. выше, стр. 97), но они также, по различным причинам, осуществлены не были. Иначе обстояло дело в Англии. Вслед за Рич. Ченслором, отправившийся в Белое море Стефен Бёрро, плывя на восток от Печоры, 10 августа 1556 г. достиг Карских ворот и Вайгача: льды помешали ему проникнуть далее; но он был уверен, что искомая дорога уже найдена, т. к. кормщик встреченного им русского судна Лошак сообщил Берро, что последний уже миновал дорогу к Оби, считавшуюся воротами, ведущими в северо-восточный проход. Несмотря на обещания русского кормщика, в случае благоприятной погоды, сопровождать английский карабль до р. Оби, Берро побоялся пуститься далее в путь в такое позднее время года и вернулся обратно в Холмогоры, собрав интересный картографический материал. Оставленные Берро дневники свидетельствуют, что он был первым из западно-европейцев, побывавшим на Новой земле, в Югорском шаре (об этой и последующих экспедициях для отыскания северо-восточного морского пути в Китай см. В. Берх. Хронологическая история путешествий в северные полярные страны СПб. 1821, т. I, стр. 18—25. Ф. П. Литке. Четырех-кратное путешествие в Северный Ледовитый океан, ч. I—II. СПб. 1828. Ф. Студитский. История открытия морского пути из Европы в Сибирские реки и до Берингова пролива СПб. 1883; Б. П. Дитмар. Краткий очерк открытия северо-восточного и северо-западного проходов. М. 1909; Северный морской путь. Статистические материалы, относящиеся к северному морскому пути, плаванию экспедиций, начиная с XVI стол. по настоящее время. Омск, 1919. М. С. Боднарский. Великий северный морской путь М. 1926). В 1568 году лондонская торговая компания, в руках которой была сосредоточена торговля с Москвой («Muscovy Company»), поручила трем морякам: Басседину, Вудкоку и Брауну проникнуть через открытый Берро пролив до устья р. Оби; однако об участи и результатах этой экспедиции до нас не сохранилось никаких данных. Во всяком случае, трудности и опасности подобных путешествий на некоторое время охладили искательский пыл английских мореплавателей. Однако в 1580 г. вновь сделана была попытка совершить разведочную экспедицию из Белого моря к устьям сибирских рек.

Так как с нею ближайшим образом связано публикуемое ниже письмо Г. Меркатора к Рич. Гэклюйту, мы остановимся на ней несколько подробнее. Летом 1580 года „Московская Компания“ снарядила два небольших судна (barks) „Джорж“ и „Вильям“ под командою Артура Пета и Чарльса Джекмана, которые должны были отправиться в далекий путь. 30-го мая они вышли из Гарвича и 23 июня прибыли в Вардегуз. Задержанные здесь сильными ветрами они лишь 1-го июля смогли продолжать свой путь, и 7-го августа увидели берег, который приняли за Новую Землю. Проследив его до 14 числа, они поплыли далее к северо-востоку и 16-го числа того-же месяца прибыли к о. Вайгачу. 2-го августа Пет прошел через Карские ворота в Карское море. Джекман со своим судном также пробрался в это море, но направляясь на восток вдоль южного берега, встретил много льда. С трудом выбравшись оттуда в Югорский шар корабли решили повернуть назад. 27 августа оба корабля снова прошли Карские ворота, направляясь на Запад. 1-го сентября корабль Джекмана „Вильям“ пропал из виду. А. Пет на „Джорже“ 26 декабря благополучно прибыл в Ратклиф, Джекман же пропал без вести... Гамель выразил догадку, что Джекман, перезимовав в Норвегии, с октября 1580 г. по февраль 1581 г., возобновил затем свою попытку, достиг р. Оби и там погиб в схватке с самоедами, которое приняли пришельцев за врагов, явившихся для покорения себе туземцев. Основанием для этой догадки послужило глухое известие, что какое-то европейское судно, вооруженное пушками, около этого времени погибло у Оби именно таким образом. Известие это идет от англичанина Джерома Горсея, который, будучи в Москве, слышал об этом от „сибирского царя“, находившегося здесь в плену. Вот подлинные слова Горсея: „Русские были в это время заняты завоеванием Сибири, сильно распространяли свои пределы и перевезли в Москву сибирского царя Чиглика Алоса (Chiglicke Aloth), с матерью и мурзами (т. е. лучшими дворянами). Здесь [в Москве] я видел, когда он делал странные военные маневры, то на коне, то пешком, по ихнему обычаю; и слышал я от него, что в их земле были англичане или люди такие как я, взятые ими с кораблем, года два тому назад, с пушками, порохом и другими запасами, когда они ехали по реке Оби искать пути в Китай через северо-восток“ (Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея. Перевод с английского Н. А. Белозерской. СПб. 1909, стр. 76). По разъяснениям Гамеля, под „Сибирским царем“ может подразумеваться только привезенный в Москву в 1583—1584 г. „сибирский царевич Маметкул“—известный у нас под именем сына или племянника Кучума; что он не был его сыном, видно из того, что его называли в Москве „Алтауловичем“, по имени брата Кучума—Алтаула.

Гамель высказывает также остроумную догадку о загадочном имени, которым его называет Горсей (повидимому Горсей удержал

в памяти имя казанского экс-царя: „Шилик-Алик“ и наделил им и „сибирского царевича“). Несмотря на хронологические совпадения, трудно все-таки с уверенностью утверждать, что погибшее у северных берегов судно было судно Джекмана, как думает Гамель. „Очень возможно,—замечает М. Боднарский,—что постигнутое несчастьем судно было не „Вильям,“ а принадлежавшее Muscovy Company, на котором плавали Басседин, Вудкок и Браун“ (Боднарский, op. cit., стр. 20; ср. К. Свенске. Новая Земля в географическом, естественно-историческом и промышленном отношениях, СПб. 1866, стр. 3—4). Однако, вполне справедливо другое предположение Гамеля, что самоеды прибытие этого корабля поставили в связь с походами Ермака и потому то и расправились так жестоко с его командой (см. J. Hamel. «Sir John Franklin's Nordwestexpeditionen und Charles Jackmann's Nordostfahrten von 1580—1581» — «Mélanges Russes» t. IV 1860, p. 110—112; ранее в «Bulletin de l'Acad. des Sciences de St. Petersbourg» I. 1860, p. 497—505; к статье приложен набросок карты о. Вайгача и Карского моря, сделанный Г. Смитом, помощником Пета, 1580 г.). О том, с каким интересом следили современники за открытиями английских мореплавателей, видно из того, что в известной и в те годы очень ценившейся поэме Вильяма Уарнера (W. Warner, 1558?—1609) «Albion's England» (1586), представляющей в нескольких тысячах стихов историю Англии от древнейших времен до эпохи Елизаветы, автор нашел место рассказу о начале русско-английской торговли и, правда, в несколько тяжелых на наш вкус стихах 66-ой песни прославил отважных путешественников в северные моря. Уарнер упоминает о плаваниях Стефена Берро к Вайгачу, к землям диких самоедов, в поисках морского пути в Обь, об экспедициях Пета и Джекмана и т. д. (Early voyages and travels to Russia and Persia, vol. I, London, 1886, p. CXLIX—CLI):

It is no common Labour to the Riuer Ob to sayle,
Howbeit Burrough did therein, not Dangerles preuaile.
He through the foresaid frozen Seas in Lapland did ariue,
And thence, to expedite for Ob, his Labours did reuiue.
What he amongst the Vaigats and the barbarous Samoeds,—notes
Their Idols, Deer-skin Tents, how on their backs they bare their Botes,
In which, but Hides, securely they doe fish those Seas all day;
And how on Deere they ride, and all on sleds by Deere conuay;
To eate their Dead; to feast their friends, their Children sometime slay;
Their store of Sables, Furres, and Pealts fetcht thence from farre away:
How at our Crab and Lion Signes their Frost and snow is greate,—
Let be, and many things we might of this new Tract intreate,
By Burrough found, whose Praise not much is Chancelors behinde,
As Master in that Ship with him that first did Russia finde,
And in this Northeast Trade with Praise do Pet and Jackman mind.

Нет, не легко проплыть на Обь, и путь туда далек,
Но смелый Берро там бывал, трудами пренебрег,
Через холодные моря в Лапландию проплыл,
Весьма опасный путь на Обь для Англии открыл.
Что видел он среди Вайгат и Самодов там?
— Их чумы, идолов, и как рыбак по берегам
Таскает лодку на спине, рыбача целый день,
Как возит на себе людей послушный им олень,
Как мертвецов они едят, едят своих детей,
Как привлекают всех они богатством соболей;
Про их мороз и снег я рассказать вам рад.
Сколь много Берро повидал чудес в стране Вайгат!
Как подвиг Ченслора велик его упорный труд.
Как Пэт и Джэкман он страдал в снегах суровых тут.

(Перев. Б. Миротворцева).

Еще более популярности все эти путешествия приобрели благодаря Ричарду Гэклюйту, и его продолжателю Перчасу, географам-компиляторам к XVI — нач. XVII вв. которые опубликовали все важнейшие дневники, путевые журналы, инструкции и т. д. оставшеся от этих мореплавателей.

Рич. Гэклюйт (1557—1616), к которому обращено печатаемое ниже письмо Г. Меркатора, в 1577 году окончил Оксфордский Университет и сначала был преподавателем географии в „обычной" школе, затем принял духовное звание. В 1583 г. он собрался было ехать в путешествие с сэром Гэмфри Джильбертом, но ему что-то помешало, и он спасся от гибели, постигший эту экспедицию. Зато делом его жизни сделалось собирание рассказов английских моряков, и он умел раздобывать их с редкой настойчивостью и удачей. Значительную услугу для его деятельности в этом направлении оказало пятилетнее пребывание его во Франции, в должности духовника английского посланника при французском дворе. „Широкое образование, знакомство с шестью языками, помимо английского, которыми он овладел настолько, что мог по крайней мере читать написанные на них книги, сделало его способным к этой работе; перепиской он был связан с почти невероятным количеством друзей и знакомых, — из ученой среды, из придворной знати, из купеческого сословия, наконец из моряков всех стран, что также обеспечило успех его литературным предприятиям" (Max Böhme, Die grossen Reisensammlungen des 16 Jahrhunderts und ihre Bedeutung, Strassburg, 1904. S. 152—153). Вернувшись в Англию, и и занимая различные духовные должности в ряде городов Англии, Гэклюйт до самой смерти (он умер в звании архидиакона Вестминстерского аббатства в 1616 г.) интересовался только путешествиями и смог выпустить ряд книг, доныне сохраняющих выдающееся значение. Уже первая его книга, посвященная Ф. Сиднею: «Divers voyages

touching the discoverie of America» (1582) сообщила ряд важных данных для истории открытия Америки. В 1589 г., через год после гибели „Непобедимой Армады“, появился первый том его знаменитого труда: „Главные плавания, путешествия и открытия английского народа на море и на суше, сделанные в отдаленнейших углах земли за последние 1600 лет“ (The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, made by Sea or Over-Land, to the remote and farthest distant quarters of the Earth» etc). Через десять лет, тот же труд, переработанный и дополненный, вышел уже в 3-х томах, и это издание сделалось источником драгоценных сведений о многих уголках земного шара. В нем напечатаны полностью и в извлечениях дневники странствований, в том числе и названных выше. В первом томе собраны многие известия англичан и о Сибири; часть из них в переводе на русский язык вошла и в настоящую книгу О Гэклюйте и его труде см. Clements Markham. Rich. Hakluyt, his Life and Works, Lond. 1896; „Трехсотлетие со дня смерти Р. Гаклюйта“ — „Историч. Вестник“ 1916, № 12, стр. 799—800; новая работа: Parks, George. Richard Hakluyt and the english voyages, New-York, 1928, известна мне лишь по рецензии L. Gallois в «Revue Historique» 1928, 54 année, p. 152—154, см. еще: E. G. R. Taylor, Tudor Geography 1485 — 1583, London, 1930. «The principal Navigations» переиздавались несколько раз, в 1809, в 1865 и 1885 гг. Недавно появились новые издания: в 10-ти томах, Lond. 1927—1928, а также в сокращениях: Hakluyt's Voyages. Selected and Arranged by A. S. Moth, with Illustrations by H. R. Miller and Maps by E. H. Fitchew Oxford, 1929; Hakluyt. The Voyages, Traffiques and Discoveries of Foreign Voyagers with other Matters relating thereto contained in the «Navigations», Introd. by E. Rhys, New edit. Two vols. London 1928. Ср. Martin, G. W. Traffiques and Discoveries «Quaterly Review», vol. CCLIII, 1928, p. 257—276. Еще в 1739 г. при Петербургской Академии Наук, как сообщает П. Пекарский, История Акад. Наук, I, стр. 585, француз Малярд перевел из Гэклюйтовского сборника путешествия англичан по Московскому государству; далее ими широко пользовались историки русско-английских сношений в XVI—XVII в., но русскими географами они далеко еще не использованы до конца. О сборнике Гэклюйта см. еще статью А. В. Дружинина. (Собр. Сочинений, СПб. 1865, т. V, стр. 276—287).

Материалы, собранные Гэклюйтом были так велики, что при жизни он не успел опубликовать их полностью. Это было сделано продолжателем его Самюэлем Перчасом (Samuel Purchas, 1577—1626), который выпустил их в 1625 г., с добавлениями к ним материалов, собранных им самим: «Hakluyts Posthumus or Purchas his Pilgrimes — Contaning a History of the World in sea - voyages and lande-travels, by Englishmen and others» (переиздано в Glasgow 1905, 20 томов; характеристика этого труда: M. Böhme, op. cit., S. 161—162).

Приводимое ниже письмо Г. Меркатора к Гэклюйту — единственное, сохранившееся из их вероятно длительной переписки.

Автор его не менее интересен, чем адресат. Герард Меркатор, (1512—1594) — знаменитый фландрский математик и географ. С именем его связан настоящий переворот в географической науке, в частности в картографии. В начале своей деятельности он, однако, блуждал в потемках. Его знаменитый Глобус, выполненный в 1541 году и последовавшие за ним карты мира показывают, как много труда и старания потратил он на собирание исторических данных, и сколь многого, в то же время, не хватало его знаниям. Большой известностью пользовался его „Атлас или космографические размышления о строении мира и устройстве чертежей“. Этот труд представляет свод всех географических данных, добытых наукой к концу XVI в. Свои знания Меркатор черпал не только из книг, но также из рассказов путешественников, имея большие связи и разнообразные знакомства во всех странах Европы. Правда, как настоящий ученый эпохи возрождения, Меркатор воспитан был в уважении к античной науке: учившийся на книгах Страбона, Плиния, Птолемея (см. ниже письмо И. Балака), он зачастую пользовался античной географической терминологией, и ему приходилось с большим трудом примирять несогласующиеся сведения, добытые из книг и из непосредственного общения с выдающимся современниками-путешественниками. Тем не менее, уже карта Европы, выпущенная им в Дейсбурге в 1554 г. доставила ему славу самого выдающегося географа его времени (A. Heyer. Drei Mercator-Karten in der Breslauer Stadtbibliothek,—Zeitschrift für wissenschftliche Geographie, Bd. VII, H. 2—6, Weimar, 1888), а последующие его работы утвердили за ним его значение в науке. На карте Европы изд. 1554 г. мы находим ряд сведений о русских северо-восточных владениях, которые, позаимствованы, вероятно, с карты А. Вида и Герберштейна; так, Канин нос назван здесь „Святым носом“, как у Вида, а у Герберштейна заимствован рисунок „Золотой бабы“. В 1572 г. Меркатор напечатал исправленное и дополненное издание этой карты, к чему побудили его „северо-восточные плавания и открытия англичан“, однако до нас не дошло ни одного экземпляра этого издания, и о нем мы можем судить лишь по уменьшенной копии, включенной Румольдом Меркатором в посмертное издание атласа отца (1595 и сл. годы) (см. В. Кордт. Материалы для истории русской картографии. Вторая серия, вып. I. Карты северной России, северных ее областей и Сибири, Киев 1906, стр. 8—9); надпись же, сделанную на карте, о том, что к переизданию карты Меркатор был побужден открытиями англичан, перепечатал Гэклюйт в своих «Navigations» (F. van Ortroy, L'oeuvre géographique de Mercator. Bruxelles, 1893, p. 38—42). В 1569 году Меркатор издал большую карту всего света. При составлении этой карты, для тех ее частей, которые обнимают северо-восточную Европу и Северную Азию, Меркатор воспользовался картой и „Записками“ Герберштейна, а также дневниками путешествий англичан, которые сообщил ему, вероятно, Гэклюйт. С точки зрения современной кар-

тографии, те изменения, которые были сделаны Меркатором в чертеже Европы, сравнительно с изданием карты 1554 г., нельзя признать удачными, для Азии же у Меркатора явно не хватало сведений: он сохранил ряд имен, позаимствованных у Плиния и Птолемея, — напр. мыса Табина, другие же названия взял из Марко-Поло, поэтому очертания Северной Азии и Сибири вышли у него далеко не соответствующими действительности. И несмотря на это, вплоть до появления карты Сибири Витсена в 1687 г., именно карта всего света Меркатора 1569 г., в различных копиях и варияциях, была единственной, считавшейся авторитетной картой Сибири. После „Татарии" Ортелиуса, напечатанной в различных изданиях географии Птолемея (1586, 1617), пишет В. Кордт — „западно-европейская картография Сибири не дала каких либо заметных результатов". „В атласе Меркатора, дополненном Иодоком Гондиусом и изданном в 1606 г.... встречается впервые новая карта Сибири, составленная Гондиусом, очевидно на основании карты всего света Меркатора в 1569 году и озаглавленная ‹Tartaria›. Всматриваясь в остальные карты Сибири до второй половины XVI в., можно притти только к тому заключению, что все они находятся в некоторой зависимости от карты всего света Меркатора и „Тартарии" Гондиуса, что на них не заметно никаких личных наблюдений составителей, и что они были дополнены и изменены, очевидно, на основании географической литературы того времени" (В. Кордт, op. cit, стр. 22). А. Э. Нордельшильд („Первая карта Северной Азии, основанная на действительных наблюдениях". Перевод со шведского Э. В. Кориандера—„Записки Военно-топографич. Отдела Главного Штаба", ч. XLIV, СПб. 1889, стр. 1—11; ср. A. E. Nordenskjöld Periplus. An Essay on the early History of Charts and Sailing-Directions. Transl. A. Bather, Stockholm, 1897, p. 149—160) также замечает, что в карте Меркатора 1569 и в последующих больших картографичасских работах к. XVI и нач. XVII в. карта северной Азии „все еще украшалась по недостатку новых исследований старыми легендами".

После всего сказанного, нас не должно удивить и содержание публикуемого ниже письма Меркатора к Гэклюйту. Оно написано в 1580 г. в момент отправления экспедиции Пета и Джекмана из Англии на поиски северо-восточного пути в Китай. Через Гэклюйта Меркатор инструктирует английских моряков и поручает им в то же время собрать некоторые интересующие его сведения о берегах северной Азии. Воспользоваться сообщенными сведениями Пету и Джекману не удалось, но кто знает, не виновно-ли отчасти и настоящее письмо в погибели Джекмана? Ведь Меркатор, — самый славный и авторитетный из географов своего времени, — утверждает в нем, что „плавание в Китай северо-восточным проходом весьма удобно и легко" и развертивает перед моряками заманчивые перспективы многообещающей торговли с богатейшими странами востока. Как было не поверить ему и не попытаться на опыте

проверить все выставляемые им положения? Однако, настоящее письмо должно было соблазнить на опасные путешествия не одних только Пета и Джекмана, к которым оно обращалось через посредство Гэклюйта. Сам Гэклюйт, даже после неудачи экспедиции Пета и Джекмана, нашел это письмо столь важным и интересным, что напечатал его полностью в своем сборнике (The Principal Navigations 1599, vol. I, p. 443 sq). На него поэтому могли ссылаться, его могли изучать и последующие исследователи северо-восточного прохода. Настоящее письмо, в качестве важного исторического документа для истории плаваний в северные моря, поэтому, перепечатывалось много раз. Французский перевод его напечатан у P. Bergeron, Relation des voyages en Tartarie de Fr. Guillaume Rubruquis, etc. Paris 1734, p. 207—209, а также в книге того-же автора: «Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV s. La Haye 1735, p. 114—11; немецкий перевод помещен в книге: J. Chr. Adelung. Geschichte der Schiffahrten und Versuche, welche zur Entdeckung der Nordöstlichen Weges nach Japan und China unternommen wurden, Halle 1768, S. 59, в отрывке также у F. v. Richthofen. China. Ergebnisse einer Reise, Berlin 1877, S. 669. Мы помещаем его в переводе с латинского подлинника, напечатанного у Гэклюйта.

ПИСЬМО ГЕРАРДА МЕРКАТОРА К РИЧАРДУ ГЭКЛЮЙТУ

(1580)

Сударь, я был очень огорчен, узнав из вашего письма, что англичане потеряли так много времени и упустили столь удобную возможность осуществить свое намерение; мне-бы очень хотелось, чтобы прежде чем ехать, ваш Артур Пет был бы предупрежден о многих важных вещах, касающихся сего предмета, ибо плавание в Китай северо-восточным проходом весьма удобно и легко, и я часто удивлялся, что столь успешно начав его осуществление в этом направлении, его оставили, чтобы повернуть паруса на запад, несмотря на то, что соотечественники ваши уже достаточно хорошо ознакомились более нежели с половиной этого восточного пути. Ибо за островом Вайгач и Новой Землей находится большой залив, перед которым лежит знаменитый Мыс Табин, и в который вливаются большие реки, кои должно быть орошают весь Катай (Cathay) и Серику (Sericana); по ним можно проникнуть на больших судах в самую глубь этих стран, а там завязать прекрасную торговлю товарами, происходящими из Китая, Манги (Mangi), Миен (Mien) и других соседних областей; вот почему я не могу себе представить, чтобы оставили путь этот безо всякой причины; я полагаю, что великий князь Московский воспротивился этому, и думаю также,

что если бы туда можно было проехать, предварительно заручившись разрешением и милостью этого князя, следовало бы разыскивать в первую очередь не Мыс Табин, а скорее всего этот большой залив, с реками в него впадающими, и, избрав там какую-нибудь удобную гавань, закрепить ее за английскими купцами, дабы иметь таким образом время и подходящий случай с большим удобством обогнуть этот Мыс, а оттуда добраться до Китая. Из Плиния (I.6.6.17), других древних писателей, а также из нескольких карт, довольно грубо исполненных, мы знаем, что в этих местах есть большой Мыс Табин, который очень далеко вдается в море. Из некоторых магнетических наблюдений я узнал также, что Магнитный полюс вероятно не слишком далек оттуда, что вокруг этого Мыса есть много скал, делающих плавание весьма трудным и опасным. И все же западный проход, который ныне пробуют, представляется мне еще более трудным и опасным, так как я полагаю, что этот западный проход будет лежать еще ближе к Магнитному Полюсу, чем та дорога, к которой он не слишком сильно приближается. Итак, поскольку Магнит имеет иной полюс нежели Полюс Мира, на который он смотрит и который окружает со всех сторон, очевидно, что чем сильнее мы к нему приближаемся, тем сильнее магнитная стрелка отклоняется от Севера, то к Востоку, то к Западу, в зависимости от того, находимся ли мы в меридиане более восточном или более западном, чем тот, который проходит через полюсы Магнита. Отнюдь не замечательное, колебание это, может, тем не менее, легко ввести в заблуждение мореплавателя, если он не достаточно знаком с этим магнитным непостоянством, и если он время от времени не будет следить, как нужно, за возвышением Полюса при помощи хороших и хорошо выверенных инструментов. Если сэр Артур не вполне сведущ и опытен во всем этом, и если, обнаружив ошибку, он не будет достаточно ловок, чтобы исправить ее немедленно, боюсь, чтобы он не сбился с дороги и не оказался в очень большом затруднении из-за льдов, которые застигнут его на пол-пути, так как они говорят, что залив этот каждый год сильно замерзает. Если, случайно, это произойдет, полагаю, что лучше всего было-бы, как я сказал, отыскав там, в этом заливе, или в этих реках защищенную гавань, отправить оттуда посла от имени вашей светлейшей королевы, дабы войти в дружбу и заключить союз с великим ханом татарским, который, я в этом убежден, будет очень рад выгодам, кои сможет принести ему торговля со столь отдаленной страной. Думаю также, что от устьев рек Баутизия (Bautisus) и Эхарда (Oechardes), до Камбалыка—царской резиденции этого князя—будет не более 300 немецких лье, и что правильным был-бы путь через город Эзину (Ezine) и область Тангутскую, принадлежащую этому хану и расположенную от устьев этих в расстоянии не более ста немецких лье. И наконец, я был-бы весьма рад узнать истинную величину прилива и отлива в той гавани Московии, где обычно

останавливаются, а также и в других близлежащих местах вплоть до Мыса Табина...

Когда ваш Артур вернется, прошу вас также узнать у него, не встречал-ли он где-либо в пути пресного или мало соленого моря, ибо у меня имеются некоторые основания полагать, что именно таким должно быть море между Новой Землей и Табином.

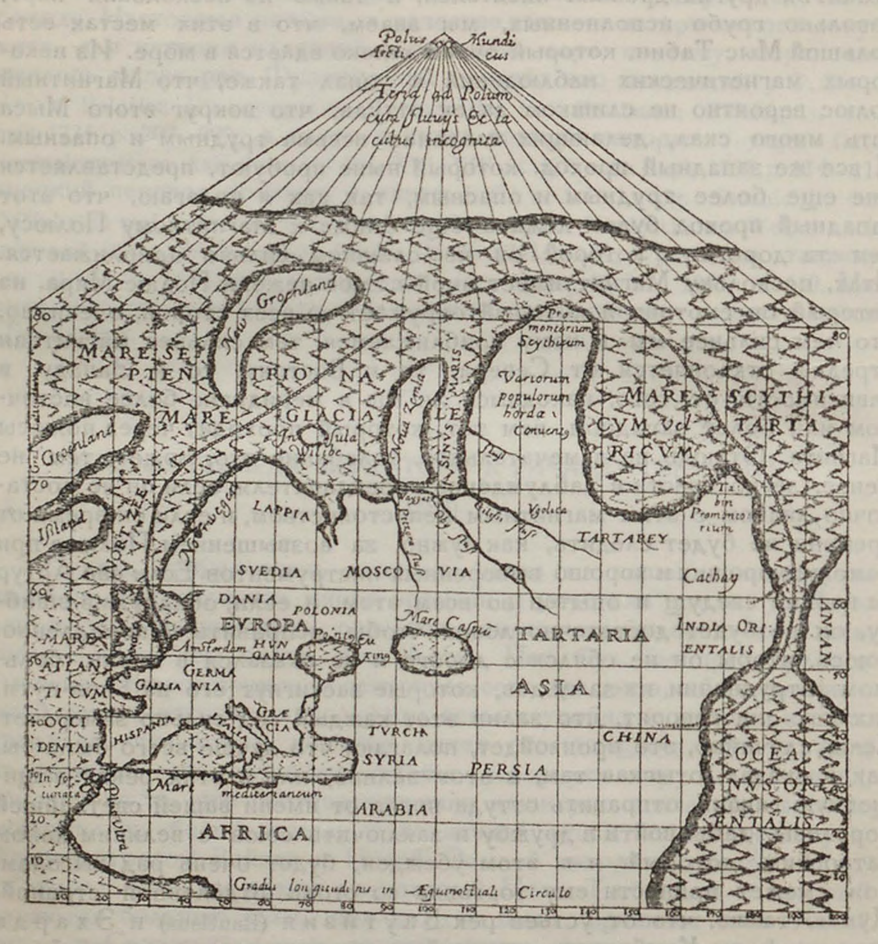


Рис. 26. Северо-Восточный путь в Китай (Из книги Е. Рёслина, 1611 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Ваш Артур Пет] См. введение к настоящему тексту, стр. 164—165.

Знаменитый мыс Табин] Этот мыс, действительно сделавшийся знаменитым в истории северных путешествий XVI—XVII вв., представляет собою, вероятно, одну из географических фикций, созданных еще античными учеными. Римский географ I-го века до нашей эры, Помпоний Мела, первый из древних ученых, который мог, хотя бы и кратко, описать северную Азию, говорит, между прочим: «После пустынных стран северного океана, дорога делает поворот в восточное море, мимо земли, которая обращена к востоку... Здесь живут скифы - антропофаги и саки, разделенные страной, которая необитаема по изобилию в ней диких зверей. Далее идут огромные области, изобилующие дикими зверями, до горы Табина, которая возвышается над морем» (Pomp. Mela. Chorographie, ed. Frick, Lpz. 1880; III, 59—60; G. Coedès, Textes d'auteurs grecs et latins relatifs à l'extrême Orient, Paris, 1910, p. 10—13). E. H. Bunbury (A History of Ancient Geography, London 1883, vol. II, p. 364) полагает, что мыс этот помещался первоначально в индийском океане, а затем, — в географических представлениях древних, — постепенно переместился к северу; весьма возможно, что это тот же самый мыс, который под именем мыса Tamaros упоминает и Страбон (XI, 519), в свою очередь заимствуя это название у Эратосфена (Hugo Berger, Gesch. d. wissenschafflich. Erdkunde der Griechen, Lpz. 1891, III, S. 76). У Плиния (Nat. Hist. VI, 17, § 53), очевидно на основании общего источника с Мелой, он также помещен в северном океане и называется Табином (E. Bunbury, op. cit., p. 414). J. G. Cuno (Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde, I Th. Berl. 1871, S. 134), приводя выписку из Плиния, упоминает также и о Меркаторе, который, по его мнению, под именем Табина понимал полуостров Таймыр (ср. O. Peschel. Geschichte der Erdkunde, S. 294).

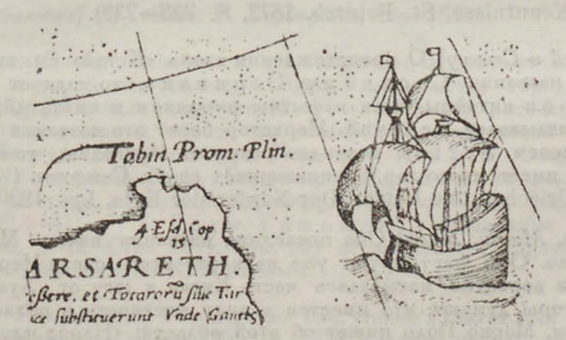


Рис. 27. Мыс Табин.
Деталь карты Сибири (Тартарии) А. Ортелиуса, (вторая половина XVI в.).

Promontorium Tabin часто встречается на западно - европейских картах северо-восточной части европейского материка. С карты всего света Меркатора 1569 г. он скопирован в атласе Абрагама Ортелиуса (лист: «Septentrionalium Regionum Descriptio»), в карте Иодока Гондиуса (Tartaria), в карте открытий Баренца, вычерченной Гондиусом для «Истории Амстердама» Понтана, 1611, в атласах Иоанна Янсония в Амстердаме, во II томе атласа Блау «Theatrum Orbis terrarum» 1635 г. и во всех последующих изданиях его, в карте Сансона, Де Витта, Филиппа Клювера (1683) и во многих других (сл. Edward Heawood, A History of

Geographical Discovery in the XVII and XVIII Century, Cambridge 1912, p. 18; В. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия. Вып. I; Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, 1906, стр. 12, 22—23, табл. XVI—XXIII). В существовании мыса Табина не сомневались ни английские, ни голландские путешественники в северные моря: так, он описан, напр., со ссылкой на «разных авторов», в инструкциях Балтазара Мушерона (1595), вдохновителя голландских путешествий на поиски северо-восточного морского пути в Китай (Reisen Naar Het Norden door Jan Linschoten, 1594—1595, uitgegewen door S. P. L'Honoré Naber, 1914, 's Gravenhage, p. 231—232: «De selue Cape Tabin legt onverhindert van eeinighe Eylanden, ende aen wyde diepe zee, ende naer het bescryuen van diversche authoren die man de gelegentheyt van t' Landt van Tartarien geschreuven habben...»); соображения о местоположении его мы встречаем у Геррита де Фера и др. Попытку дать точное географическое определение мыса Табин мы находим также в любопытном трактате Helisaeus'a Roeslin'a: «Mitternächtige Schiffahrt von den Herrn Staden in Niderlanden vor XV Jaren vergebenlich fürgenommen, wie dieselbige anzustellen, dasz man daselbst herumb in Orient und Chinam kommen möge» etc. Oppenheim 1611, S. 10—14. Пользуясь известиями голландских путешественников, впрочем в очень неточной передаче Levinus'a Hulsius'a, Реслин доказывает возможность проезда в Китай и Индию северными морями, и, основываясь на комете 1572 г. утверждает, согласно наивным воззрениям своего времени, что этому предприятию заранее можно предсказать полный успех. К трактату приложена любопытная карта, которую мы воспроизводим в нашей книге (рис. 26). Реслин нисколько не сомневается в существовании мыса Табин и определяет, что он лежит между 50 и 60° сев. широты. Мыс Табин встречается еще в книге и на карте Витсена, который, по словам Бэра, «не мог отречься от уважения к древним и к Плинию», несмотря даже на то, что на карте путешествия Исбранта Идеса этот мыс уже назван: Swätoi Noss sive Heilige Kaap: Бэр думает, что в своей карте Витсен внес исправления в Ремезовский чертеж Сибири; к числу их относится и мыс Табин (K. E. Baer. Peters des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse, St. Petersb. 1872, S. 238—239).

Весь Катай и Серику] О происхождении слова «Катай» см. выше, стр. 145; что же касается названия Серика или Серикана, то следует заметить, что под именем серов китайцы были известны римлянам и византийцам, а Китай, «страна шелка» назывался Серикой. Меркатор берет это название у Птолемея, который под именем Serica очевидно разумеет Монголию, говоря напр. что «область Серика имеет много гор, начинающихся еще в Скифии» (K. Mannert. Geographie der Griechen und Römer. Der Norden der Erde, Lpz. 1820, S. 494—495).

Из Китая, Манги, Миен] Оба последних названия взяты Меркатором из книги Марко Поло. Они фигурируют уже на карте всего света Меркатора 1569 г. Манги или Манзи вероятно называлась часть Китая к югу от Хуан-хэ (Желтой реки): комментаторы думают, что имеется в виду местность в области Хань-чжун по реке Ханьцзян. Марко Поло пишет об этой области: «Народ идолопоклонники, торговый и ремеслами занимается. Много в этой области рождается инбирю, и расходится он по всей большой области Китай, а тамошним жителям большая прибыль и выгода от него. Есть у них и пшеница, и рис и всякого другого хлеба вдоволь, и он дешев. Земля тут плодородная. Главный город называется Акмалик Ман-ги, что значит белый город на границе с Ман-ги» (перев. И. П. Минаева, стр. 166, 159 прим. 3). Mien Марко Поло (иногда Minin) — это, вероятно «Мянь — китайское название Бирмы» (М. Поло, р. перев. стр. 182 прим. 3). Меркатор, следовательно, утверждает, что по рекам, впадающим в Ледовитый океан, можно добраться до северного, южного Китая и Индии. Ср. Richthofen, China, I, S. 643.

От устьев рек Баутизия и Эхарда] Оба этих названия взяты Меркатором из трудов античных географов, вероятнее всего у К. Птолемея. Аммиан Мар-

целлин (конец IV в. нашей эры) пишет в своей «Истории», что «за землями обеих Скифий с восточной стороны высокие черные хребты, образуя округлую линию, охватывают область серов, которые известны плодородием своих обширных земель... В этой стране, которая, будучи ограждена крутыми горами, постепенно переходит в огромную низменность, медленно протекают две реки: Эхард и Баутис» (Аммиан Марцеллин, История. Перев. Ю. А. Кулаковского, вып. II, Киев 1907, стр. 189—109). Под именем Эхарда (ὁ Οἰχάρδης Птолемея) некоторые исследователи подразумевают р. Селенгу, под Баутисом или Баутизием — Хуан-хэ (K. Mannert, op. cit., S. 491, 495), другие, напротив, думают, что под Эхардом имеется в виду р. Тарим, а под Баутисом — р. Яру-Цзамбу. В. В. Григорьев (Землеведение К. Риттера. География стран Азии и т. д. Восточный или Китайский Туркестан, СПб. 1873, вып. II, стр. 64—66) замечает, что Птолемей «ошибочным образом представил себе направление обеих рек, о существовании которых в Серике и За-Имайской Скифии сообщили ему его источники». Обе эти реки текут на восток (Яру-Цзамбу поворачивает потом на юг), «а Птолемею, смешавшему их со сказаниями торговцев о Хуан-хэ, вообразилось, что протекши несколько к востоку, поворачивают они потом на северо-восток и на север»; «на северо-восток, потом и окончательно на север, заставил Птолемей течь реку Эхард по той, быть может причине, что в дорожниках торговцев нашла место слышанная ими от китайцев гипотеза, будто Хуан-хэ есть продолжение Тарима... С тою-же Хуан-хэ, текущею по Западному Китаю через Туркестан, но берущею начало около Восточного Тибета, мог смешать Птолемей и свой Баутис, почему и его также заставил течь на север». Ошибка Птолемея полностью усвоена Меркатором: на его карте всего света 1569 г. на запад от области Mangi и Cathaia изображена большая речная система, очень ветвистая, берущая начало в глубине центральной Азии и впадающая в северный океан: она состоит из реки Oikhardes, которая принимает в себя другую, меньшую: «Bautisos oder Brius» (сл. F. v. Richthofen. China I, S. 643).

До Камбалыка] Сл. выше: Р. Барберини, стр. 135.

Через город Эзину] Это имя взято Меркатором из книги Марко Поло, LXIII-ая глава которой озаглавлена: «Здесь описывается город Езина» (Ezina, Egina, Ezima и др.); повидимому, это И-цзи-най-лу китайских источников, «стоящий в начале песчаной степи, на севере, в Тангутской области» (Сл. А. Иванов, Тангутские рукописи из Хара-хото, Изв. Р. Г. Общ., т. XLV, 1909, стр. 495). По объяснению В. В. Бартольда «Эцзина, на реке Эцзин-гол, к северу от Гань-чжоу-фу, на пути в Каракорум» (Марко Поло, перев. И. П. Минаева, стр. 80 — 81). Г. Е. Грум-Гржимайло (Описание путешествия в Западный Китай, т. II, СПб. 1899, стр. 62) отождествляет Эцзину с городищем Хара-хото, исследованным П. К. Козловым.

Область Тангутскую] Государство Тангутское (Тангут или Хиа) в северном Тибете существовало между 1004 и 1226 годами нашей эры, когда было разрушено Чингисханом после первого неудачного нападения на него в 1209—1210 гг. (См. d'Ohsson, Histoire de mongols I, p. 8, 95—96, 105—106, 139—140, 370; E. Bretschneider, Mediaeval Researches I, 27, 38, 58, 104, 184 etc., II; 16, notes 46, 518; Пржевальский, Монголия и страна тангутов, СПб. 1875, стр. 256 сл.). Меркатор берет имя из книги Марко Поло, где подробно описывается страна тангутская (русск. перев. стр. 74, 94).

XVIII. ИОГАНН БАЛАК | JOHANN BALAK

(1581)

О личности голландского купца Иоганна Балака известно очень мало. По всей вероятности, Балак жил некоторое время в Лувене или Дейсбурге и был в дружеских отношениях с знаменитым географом Герардом Меркатором (о нем см. предыдущий текст), которого он называет своим „добрым приятелем“ (H. Averdunk und J. Miller-Reinhard. Gerhard Merkator und die Geographen unter seinen Nachkommen, Gotha 1914, S. 114—115). Он несомненно отличался хорошим образованием и, подобно всем культурным людям эпохи, был довольно начитан в классической литературе; по крайней мере, в том же письме он напоминает Меркатору, как они жили вместе, читая Гомера и географические и исторические труды Страбона, Аристотеля, Плиния, Диона и др. В феврале 1581 г. Балак жил в г. Аренсбурге на острове Эзеле. Город этот, проездом в Голландию, посетил Оливье Брюнель; он был в гостях у Балака и получил от него рекомендательное письмо к Г. Меркатору в Дейсбург. Так как письмо это ближайшим образом касается О. Брюнеля, мы должны сказать о нем несколько слов. Оливье Брюнель родился, вероятно, в 40-х гг. XVI в. в Брюсселе. Еще юношей приехал он на Лапландский берег, „должно быть на одном из первых голландских кораблей“ (В. А. Кордт, Сборник Р. Ист. Общ. т. 116, стр. XXX-XLIX: подробная биография Брюнеля; см. еще о нем: S. Muller, Geschiedenis der Noordsche Compagnie. Utrecht, 1874, p. 26: Peschel-Ruge, Geschichte der Erdkunde, S. 325 f.; Jules Leclerq, Olivier Brunel, un navigateur belge dans les régions boréales au XVI-me siècle, «Le Mouvement Géographique» 1904, № 30, p. 352—355; Reizen Naar Het Norden door Jan Huyghen van Linschoten, uitgegeven door S. P. L'Honoré Naber. 's Gravenhage 1914. Werken uitgegeven door de Linschoten-vereeniging, VIII, p. XLII, LVIII, LIX). В 1565 году, на русской ладье, из Колы он послан был в Холмогоры для изучения русского языка; здесь, однако, над ним стряслась беда. По проискам английских купцов, боявшихся конкурренции в торговле со стороны голландцев, которые все сильнее и настойчивее добивались права торговать в России,

Брюнель, вскоре после своего прибытия на Двину, был обвинен в шпионстве и присужден к тюремному заключению в Ярославле. Здесь пришлось просидеть ему несколько лет, пока он не был освобожден благодаря ходатайству известных сольвычегодских купцов Якова и Григория Строгановых. Строгановы сумели использовать голландца для своих целей; несколько раз (до 1577 года). Брюнеля посылали в Нидерланды с товарами. Он продолжал служить у Строгановых и по их поручению ездил несколько раз на восток, за Урал к р. Оби. Некоторые из этих поездок были совершены им вниз по Печоре, а оттуда морем на Восток (так, в 1576 г. он достиг Оби через Югорский Шар, в 1584 г. был на Новой Земле). Эти путешествия привлекли его внимание к дальнему и мало-известному краю. „Совершив в период времени с 1577 до 1588 г. эти путешествия, — пишет Кордт, — и познакомившись с крайним севером Сибири, он решил взяться за осуществление вожделенной цели, к которой до тех пор безуспешно стремились англичане, т. е. за отыскание северного морского пути в Китай, чтобы завязать торговые сношения с китайцами". Подробности, касающиеся проекта Брюнеля и содержит в себе приводимое ниже письмо И. Балака и Меркатору, который должен был живо заинтересоваться этим смелым предприятием. Сделавшийся основателем голландской торговли в России Оливье Брюнель позднее перешел на службу к датчанам и в 1583 году поселился в Бергене. Письмо же Балака перешло от Меркатора к Рич. Гэклюйту, который и напечатал его в своем сборнике (Principal Navigations, 1589 I, 509—510), в латинском подлиннике и в английском переводе. Столетие спустя Н. Витсен сделал его голландский перевод и поместил в своей «Nord en Oost Tartarie» (изд. 1692 I, 579—581, изд. 1705, II, 933—935). Во французском переводе, но с пропусками, письмо это напечатано также у P. Bergeron, «Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV s.» La Haye, 1735, I, p. 117—119. Письмо это представляет, действительно, большой интерес, т. к. содержит в себе ряд очень интересных данных, напр. о торговле в южной части Оби, в Китае, и очень наглядно свидетельствует как о географических исканиях, так и о заблуждениях его времени. „В нем, конечно, прежде всего поражает то, — говорит Кордт, — что его автор считал возможным проникнуть туда по Оби, но морской путь был ему известен по собственному опыту только до устья этой реки, а остальные источники, которыми он увлекся при составлении своего плана, могли действительно ввести его в заблуждение и убедить в целесообразности выбранного им пути. Гессель Герритс сообщает нам, что Брюнель пользовался, во-первых, описанием пути в Печору, Югру и к р. Оби, переведенным Герберштейном из русского дорожника на латинский язык и включенным в его Записки о Московии, далее картою Ант. Вида, составленною ок. 1537 г. и, наконец, картою, составленною англичанами (Beschryvinghe van der Samoieden

Landt, pag. A 2a). Карта, о которой здесь идет речь, есть, вне всякого сомнения, карта России Антония Дженкинсона, изд. в 1562 г. в Лондоне. Немудрено, что у Брюнеля, на основании названных источников, составился, подобный план" (Кордт, op. cit, стр. XL—XLI). Выше, в комментарии к Герберштейну, уже приведены были материалы, касающиеся загадочного „Китайского озера", о котором говорит Герберштейн и которое, с его легкой руки, до конца XVII века держалось на иностранных картах России. Аральское ли это море или же одно из озер Монголии, — в данном случае неважно. Важно лишь то, что, пользуясь лучшими пособиями своего времени, Брюнель невольно введен был ими в заблуждение. Но уже и Балак в своем письме высказал относительно планов Брюнеля маленькое сомнение... „В начале письма он, правда, усердно рекомендует Брюнеля и высказывает надежду, что тот окажет Меркатору большие услуги при разрешении вопроса о мысе Табин и о существовании северо-восточного морского пути в Китай. Но, с другой стороны от Балака не ускользнуло, что Брюнель не ученый, а практик: „жаль, говорит он, что Алферий (Оливье) не знает лучше космографии, он много бы мог сделать для нее" (Кордт, стр. XLI). Нижеследующее письмо приводится по сборнику Гэклюйта, изд. 1809 I, 575 — 578. Небольшой отрывок из письма напечатан у А. А. Введенского: Торговый дом XVI—XVII вв. Лгр. 1924, стр. 102—103; из сборника Гэклюйта оно полностью перепечатано в названной выше книге S. P. L'Honoré Naber, Reizen Naar Het Norden etc.- 's Gravenhage 1914, p. XLVI—XLIX, с комментариями.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ И НА РЕКУ ОБЬ, ИЗЛОЖЕННОЕ В ПИСЬМЕ К ГЕРАРДУ МЕРКАТОРУ

Настоящее должно быть вручено знаменитому и известному Герарду Меркатору, уважаемому и единственному моему другу, живущему в Дюисбурге, в Клевлэнде.

Вспоминая, дорогой друг, какое огромное удовольствие вам доставляло, когда мы были вместе, чтение географических произведений Гомера, Страбона, Аристотеля, Плиния, Диона и других, я не мало радуюсь тому, что я случайно встретился с таким человеком, как податель сего, которого я особенно вам рекомендую, и который недавно приехал сюда в Аренсбург (Arusburg) на реке Озелле (Osella). Опытность этого человека, я полагаю, будет вам очень полезна для изучения того известного вопроса, которым вы так страстно интересовались, над разрешением которого вы с такой пытливостью трудились, и о котором космографы держатся столь различных мнений, а именно открытия огромного мыса Табин

(Tabin), а также прославленных и богатых стран, подвластных императору Катая (Cathey) на Северо-восточном морском пути. Этого человека зовут Алферий (или Оливер), по происхождению он нидерландец и прожил несколько лет в плену в России на службе у двух знаменитых тамошних людей Якова (Jacovius) и Аникия (Unekius); он был послан ими в Антверпен, чтобы добыть искусных лоцманов и моряков, которые за щедрое вознаграждение поехали-бы к вышеупомянутым двум знаменитым лицам, поручив шведскому корабельному мастеру построить на р. Двине два корабля для такой экспедиции. Северо-восточный проход в Китай (как он, хотя неискусно, но очень толково излагает дело, в чем вы и сами легко можете убедиться, и над чем я прошу вас подумать), без сомнения очень короток и легок.

Этот человек сам ездил на р. Обь, как сухопутьем через страну Самоедов и Сибирь, так и морем, вдоль берегов р. Печоры на восток. Ободренный своим опытом, он уверенно берется провести судно, нагруженное товаром, киль которого не сидел-бы слишком глубоко в воде, в гавань Св. Николая в России, если его снабдят всеми вещами, необходимыми для такой экспедиции и новым запасом съестных припасов по приезде туда, а также если в его команду будут наняты некие хорошо известные русские, которые в совершенстве говорят на языке самоедов и знакомы с р. Обью, т. к. ездили туда из года в год. Затем, к концу мая, он намерен отплыть из гавани Св. Николая на восток Югорским морем (Maine of Joughoria) и мимо восточной части Печоры, к острову, называемому Долгим. Он намерен исследовать здесь ширину, изучать и описывать местность, измерять глубину моря и отмечать расстояние между разными местностями всюду и всякий раз, когда к тому представится случай. И так как Печорская губа чрезвычайно удобное место и для гавани и для склада съестных припасов, как на пути туда, так и на обратном пути, в случае льда или бури, он намерен посвятить один день на исследование мелей (Hats) и на изыскание наиболее удобного входа для кораблей; до сих пор об этом месте предполагали, что глубина воды достигает здесь только 5 футов, но он сомневается в том, что есть более глубокие места. Затем он намерен плыть дальше вдоль этих берегов на расстояние от 3 до 4-х лиг (leages) мимо острова называемого Вайгач и лежащего на пол-пути между Югорией и Новой Землей. Затем он думает пройти мимо некоего залива между Вайгачем и Обью, который вдается к югу в страну Угория и в который впадают две маленькие реки — Мармезия (Marmesia or Naramsey) и Кара-река (Cara Reca or Carah). По берегам этих рек живет варварское и дикое племя самоедов. Он нашел много низменностей на этом пространстве суши и много порогов на водных путях, но таких, мимо которых он мог проплыть. Когда он дойдет до р. Оби,—которая (как говорят самоеды) имеет семьдесят устьев и которую,

вследствие ее большой ширины и наличия многих островов, заселенных различными народами, едвали кто-либо может хорошо исследовать, т. к. никто не желает потратить слишком много времени, на это,—он намерен изучить три или самое большее четыре из ее устьев, преимущественно те, которые будут признаны наиболее удобными для плавания, по мнению местных жителей; из числа последиих он хочет иметь несколько человек с собой в путешествии; он думает взять в этой местности три или четыре лодки, чтобы исследовать эти устья, держась насколько возможно ближе к берегу, который населен на расстоянии трехдневного пути от моря, и выяснить, в каком месте река наиболее удобна для судоходства.

Если ему удастся подняться по р. Оби против течения и дойти до того места, куда он, в сопровождении некоторых друзей, уже доезжал сушей через Сибирь, которое находится на континенте недалеко от р. Оби, приблизительно на расстоянии двенадцати-дневного пути от места впадения р. Оби в море и называется Якс-Ольгуш (Yaks—Olgush), беря свое название от мощной реки, впадающей в Обь, тогда, без сомнения, он будет считать, что преодолел величайшие трудности, так как местные жители, которые переплывали от этого места на противоположную сторону р. Оби в три дня (из чего можно судить о ширине этой реки: это является очень редким случаем там, так как многие отплывавшие в кожанных лодках только на один день пути от берега, были отнесены бурей: они не умеют управлять своими лодками ни при солнечном свете, ни при звездном) говорят, что они видели большие суда, нагруженные богатыми и драгоценными товарами, спускаемые по этой великой реке черными или смуглыми людьми. Они называют эту реку Ардох (Ardoh); она впадает в Китайское озеро, которое они называют Параха (Paraha); на берегах его живет могучее и большое племя, называемое Кара-Колмаки, и это никто иные, как китайцы (which is none other then the nathion of Cathay). Там, если понадобится, он сможет провести зиму, отдохнуть сам и дать отдохнуть своим спутникам, а также приобрести вещи, которые ему будут нужны. Если это совершится там, он не сомневается, что за это время он многое сделает в исследовании и изучении многих вещей в этой местности. Как-бы то ни было, он надеется достигнуть Китая (Cathaya) в то-же лето, если он не будет задержан большим количеством льда в устье реки Оби; его иногда, бывает больше, иногда меньше. Если это случится, он думает вернуться на Печору и там перезимовать; если же ему и это не удастся, то он намерен вернуться в р. Двину, куда он сумеет воротиться во время и следующей весной снова двинуться в путь.

Одну вещь я забыл рассказать в своем месте.

Люди, которые живут в местности, называемой Якс-Ольгуш, (Yaks-Olgush) утверждают, что они слышали от своих прадедов о замечательно нежном звоне колоколов на дне китайского озера и

о виденных ими там больших и красивых зданиях. И когда они упоминают о народе, называемом Кара-колмаки (их страна Cathay), они испускают глубокие вздохи, и, поднимая руки кверху, смотрят на небо, выражая этим славу и величие этого народа. Я-бы хотел, чтобы этот Оливер был-бы более сведущ в космографии; это значительно обогатило-бы его опыт, который без сомнения, очень велик. Дорогой друг, я пропускаю многое, и хотел-бы, чтобы вы послушали собственные рассказы этого человека; он обещал мне непременно посетить вас, когда проедет через Дюисбург, т. к. он желает поговорить с вами и, без сомнения, вы будете ему очень полезны. Он, повидимому, хорошо обеспечен деньгами и друзьями, в чем, как и в других услугах, я предлагал ему помощь, если-бы он захотел использовать меня.

. . . .

Прощайте, добрый сэр, мой единственный друг!

Аренсбург на реке Озелле

20-го февраля 1581 г.

Готовый к услугам Джон Балак.

Рис. 28. Деталь карты неизвестного (Вторая полов. XVI в.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Географических произведений Гомера, Страбона. . .] Балак имеет в виду важнейшие географические сочинения древности: Аристотеля (384—322 до нашей эры), Страбона (I в.), Диона Хрисостома, «Естеств Историю» Плиния — (римского писателя I в.). Так называемыми «Гомеровскими поэмами», — «Одиссеей» и отчасти «Илиадой» также пользовались долгое время для географических целей. (сл. Konrad Mannert. Geographie der Griechen und Römer, Lpz. 1820, IV, S. 85—86).

В Аренсбурге на реке Озелле] В латинском подлиннике: Arusburgi ad Osellum Fluvium: Гэклюйт также переводит «at Arusburg...» Это место затрудняло комментаторов: H. Averdunk und J. Miller (Gerh. Merkator und die Geographen unter seinen Nachkommen, Gotha 1914, S. 549) ставят знаки вопроса против имени города и реки, спрашивая даже: «an der Osella — an der Ostsee?» А. А. Введенский (Торговый дом XVI — XVI вв. Лгр 1924,

стр. 102) также переводит, не оговариваясь: «на реке Оселле». Однако здесь имеется в виду город Аренсбург, находящийся не на несуществующей реке Озелле, а на острове Эзеле, в Рижском заливе. До 1561 г. замком и островом владели епископы Эзельские, из которых последним был герцог Магнус Датский, известный в истории Ливонии. В 1563 г. он дал поселившимся около Аренсбургского замка городское право. До 1645 г. городом владели датчане, затем он перешел к шведам, а от них в 1721 г. — к России.

Открытия огромного мыса Табин] сл. выше: письмо Меркатора к Гэклюйту, стр. 173.

Этого человека зовут Алферий или Оливер] Оливье Брюнель: см. введение к настоящему тексту.

Знаменитых тамошних людей Якова и Аникия] Строгановых. Сыновьями Аники Строганова (1498—1570), известного основателя торговой и концессионной фирмы в стиле европейсих торговых компаний XVI в. (Kuske. Die weltwirtschaftlichen Anfänge Sibiriens, «Schmollers Jahrbuch» 46, 1922, S. 210; А. Кизеветтер. Русский Север. П. 1919, стр. 21; С. В. Бахрушин Очерки по ист. колонизации Сибири, М. 1928, стр. 98, 148) были братья Яков и Григорий Аникиевичи, получившие еще в 1568 г. большие привилегии на р. Каму и Чусовую. В. А. Кордт (Сборн. Р. Ист. Общ. т. 116, стр. XXXVIII) предполагает, что названные в тексте письма Jacovius и Unekius означают просто Якова Аникиевича Строганова, т. к. Аника Федорович умер в 1570 г., и это весьма вероятно. Другим хозяином Брюнеля должен был быть Григорий или Семен Аникиевич, скорее первый, т. к. около того-же времени, к которому относится письмо Балака, Г. Штаден (сл. выше, стр. 155) называет также: «Jacop und Gregorgi Annikowi Strogenow» (изд. Fr. Epstein'a, S. 21). Однако М. С. Боднарский (Великий северный морской путь, М. 1926, стр. 21) почему-то говорит, что Брюнель был освобожден по ходатайству «братьев Якова и Григория Аникиевых, приказчиков знаменитого торгового дома Строгановых в Сольвычегорске», не подозревая, видимо, что это и были сами владельцы предприятия.

Гавань св. Николая в России] Губа, бухта, гавань св. Николая — якорное место, рейд перед Корельским устьем Двины в Белом море — куда обычно приставали английские и вообще иностранные карабли. См. Гамель. Англичане в России, стр. 91 — 92; С. Огородников. Очерк истории г. Архангельска. «Морской Сборник» 1889 № 8, стр. 145, 150.

Югорским морем] Югорским проливом, называемым обычно Югорским шаром.

К острову, называемому Долгим] этот остров находится неподалеку от о. Матвеева.

Две маленькие реки — Мармезия и Кара] Под рекою «Marmesia or Naramsey» Гамель (op. cit., стр. 212) понимает небольшую реку впадающую в океан и называемую в других иностранных источниках Naramsy, Naromske Reca, Niarontza. S. P. L'Honoré Naber (Reisen van Jan Huyghen van Linschoten naar het Noorden, s'Gravenhage, p. XLVI), ссылаясь на Гамеля, также говорит, что Мармезия — река Нярмская или Няромская на Ялмале. Что касается названия «Cara Reca or Carah», то оно относится, конечно, к р. Каре или Черной (иначе Пай-яга), упоминаемой и в «Книге Большого Чертежа» (сл. ниже: А. Марш).

И называется Якс—Ольуш] «Слова Yaks — Olgush остаются до сих пор неразгаданными, — замечает В. А. Кордт (Сб. Р. И. Общ., т. 116, стр. XXXIX»,

но Гамель предполагает, что они относятся к Тазовской губе. Место, о котором здесь говорит Брюнель, было то, где впоследствии построен был Тазовский городок, Мангазея. (С. Гамель, Англичане в России, стр. 211). Витсен пишет в своем голландском переводе письма Балака: «Yaks Olgush of (т. е. или) Jazis» (Nord en Oost Tartarye, II. p. 934). Чем он руководился, прибавляя это слово — неизвестно: в нем, впрочем звучит слово Таз». L'Honoré Naber (op. cit. p. XLVIII) присоединяется к мнению Гамеля. Однако, если правильно указание Вагнера, жившего в Мангазее и Енисейске в половине XVIII в., что остяки называют Обь — Jach (Memoires de M. Wagner, Berne 1790 p. 186), то очень возможно, что слово Yaks или Iazis Витсена восходят именно к этому названию; ведь и Балак, со слов Брюнеля утверждает, что местность получила название от громадной реки, впадающей в Обь. Лерберг (Untersuchungen, S. 42) говорит, что остяки называют Обь — Jag (As); Stéphen Sommier (Un' estate in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, sirieni etc. Firenze 1885 p. 278—279) ссылается на Ahlquist'a, который в сочинении «Über die Sprache der Nord—Ostjaken» утверждает, что они не знают иного имени для Оби, кроме As, что значит «Великая река».

Они называют эту реку Ардок] В подлинном тексте: Ardoh. Эта река, без сомнения есть та самая, которую Ант. Дженкинсон в описании своего первого путешествия в центральную Азию называет Ardocke. По словам Дженкинсона река Окс впадает в реку «называемую Ардоком, которая течет к северу, теряется в земле, протекает под почвой около 1000 миль, потом снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай» (Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Antony Jenkinson. Ed. by E. Delmar Morgan and C. H. Coote, London 1886, vol. I, p. 67—68). Далее Дженкинсон о реке Ардок говорит в несколько иных выражениях, чем раньше: «Река Ардок велика и очень быстра, вытекает из упомянутого Окса, проходит 1000 миль к северу, там теряется в земле, протекает под ней ок. 500 миль, снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай» (op. cit., стр. 74—75). «Под Ардоком, — замечает В. Бартольд («Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века», Ташкент, 1902 = Изв. Туркестанск. Отд. Р. Г. Общ. т. VI, стр. 105—106; W. Barthold, Nachrichten uber den Aral—See etc. Deutsche Ausgabe mit Berichtigungen u. Ergänzungen der Verfasser. Quellen u. Forsch. zur Erd-und Kulturkunde, hrsg. v. R. Stübe, Bd. II, S. 68—70) Дженкинсон несомненно понимает нынешнее главное русло Аму-Дарьи, Курдер арабских географов, проток, вытекавший из реки несколько ниже Кета... Проток, который у Ибн-Батуты совсем не упоминается и еще в эпоху Тимура не имел почти никакого значения, ко времени Дженкинсона обратился в широкий и многоводный рукав, хотя настоящим «Оксом» Дженкинсон все еще мог считать рукав, протекавший мимо Ургенча и Везира. Еще труднее объяснить, как возникло представление Дженкинсона о подземном течении Ардока и о лежащем на далеком севере озере Китай. Из двух мест, где говорится о подземном течении, ближе соответствует представлению самого Дженкинсона, повидимому, первое: по крайней мере на карте [Дженкинсона, 1562] Ардок протекает на север не 1000 миль, а только небольшое расстояние, и оканчивается небольшим озером; значительно севернее, на одной широте с Пермью, помещено озеро Kitaia, в которое впадает река Sur (Сыр) и из которого вытекает река Oba (Обь); на левом берегу последней помещен город Siber (Сибирь). Можно допустить, как и полагает де-Гуэ, что в воспоминаниях Дженкинсона рассказы об Иртыше и озере Зайсан смешались с рассказами об Аральском море; де Гуэ приводит слова другого автора XVI в. (Брюнеля?) у которого Иртыш носит название Ardoh» (De Goeje, Das alte Bett des Oxus, Leiden 1875, S 81). Другая литература вопроса указана у В. А. Кордта (op. cit., XLI прим. 2) и у нас выше (Герберштейн, стр. 106-107).

Она впадает в Китайское озеро, которое они называют Параха] С этим именем Китайское озеро не встречается ни у одного из называвших его писателей (см. выше: Герберштейн, стр. 106); объяснить это имя я не умею. S. P. L' Ho-

норé Naber (op. cit, p. XLVIII) спрашивает: «Jenissei en Baikalmeer?», но это догадка, думается, лишена всякого основания.

Кара-колмаки] Черные калмаки или монголы (сл. о них Рич. Джонсон, стр. 126). Балак был недалек от истины, когда говорил, что «это никто иные как китайцы» т. к. они назывались также кара-китаи (сл. выше: Герберштейн стр. 107), причем, как объяснено было выше (стр. 145), самое слово Китай произошло от монгольск. Китат.

О нежном звоне колоколов на дне китайского озера] В анлийском переводе Гэклюйта: most sweete harmonje of bels in the lake of Kitthay» (Hakl. III, p. 473) т. е., собственно, не «на дне», как у нас переведено ради литературности, а просто «в озере». Трудно сказать, имеем-ли мы здесь дело с одним из распространеннейших мировых сюжетов о затонувших в морях или озерах городах (или даже целых государствах), откуда слышится колокольный звон (большой сравнительный фольклористический материал собран в работах: Н. Ф. Сумцов Сказание о провалившихся городах, Харьков, 1896; В. Н. Перетц. Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах. «Изборник Киевский в честь Т. Д. Флоринского». Киев, 1904, стр. 75—82; Хр. Лопарев. К легенде о затонувших городах. — «Труды XV Археологического оъезда» М. 1914 т. I, стр. 347—356; Franz Semargel, Die Sage von der untergegangenen Stadt (Literathist. Forschungen, hrsg. v. J. Schick u. M. Waldberg, 53 Heft); особенно S. 54—57; А. Розенберг, Китежский летописец. «Науков. Записки Науково-дослідчоі катедри історіі европейськоі культури» II, Харьков 1927, стр. 85—94: здесь и прочая литература. В Монголии записано сходное легендарное сказание с приурочепьем к буддийскому монастырю: Г. Н. Потанин. Путешествие по северо-западной Монголии, IV, стр. 897 519; ср. еще легенду об озере Куку-норе, приведенную у Н. Пржевальского, Монголия и страна тангутов СПб. 1875, стр. 279—281): вероятнее, что перед нами характерное искажение какого нибудь предания о чудесных звуках, слышимых в пустыне; подобные предания также сильно распространены и объясняются различными непонятными человеку природными явлениями; так, китайские историки рассказывают, что в стране уйгуров есть пустыня, в которой по временам «слышатся, звуки, пение, плач... голоса духов и домовых»; Марко Поло, описывая пустыню Лоб-Нор говорит, что путешественники, проезжая по ней «слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах, словно на барабане» (пер. И. П. Минаева, стр. 73): возможно, что именно этот рассказ М. Поло был источником той сцены Шекспировской «Бури», где духи, под предводительством Ариэля и невидимые для путешественников, попавших на остров, тревожат их таинственной музыкой. Арабские легенды рассказывают о «поющих песках» в пустыне: неподалеку от Синая находится «Холм колоколов»; в окрестностях Алтая есть также гора, звуки которой, по преданиям, предсказывают погоду и т. д. (литературу см. The book of ser Marco Polo, ed. Yule- Cordier, Lond.1903 vol, I. p. 201—202). Henning (Die Reiseberichte über Siberien, «Mitteilungen des Vereins f. Erdkunde zu Leipzig» 1905,S. 279), объясняя легенду о колоколах мерным звучанием валов, разбивающихся о каменистые берега, напоминает, кстати, о том, со ссылкой на Риттера, что озеро Зайсан у калмыков называетоя Kung-chotu-Nor, т. е. «озеро колоколов» т. к. гул прибоя о прибрежные скалы будто бы действительно напоминает колокольный звон. Рассказ, подобный приведенному в письме Балака есть также в сочинении о Сибири Исаака Массы (сл. ниже); его-же в половине XVII века воспроизвел Джон. Мильтон (сл. ниже).

XIX. АНТОН МАРШ | ANTON MARSH

(1584)

Антон Марш был фактором английской торговой компании. Его личность отчасти известна нам благодаря делам и тяжбам, возникшим в московских канцеляриях по случаю ряда предпринятых им торговых спекуляций. „Приказчики московской компании, жившие в России, часто плутовали, вследствие того, что деятельный надзор за их действиями был решительно невозможен,—замечает С. М. Середонин; сни обыкновенно, вели торг и от себя, хотя это им строго запрещалось; они брали у русских деньги взаймы от имени компании, потом исчезали, а когда русские предъявляли свои иски компании, то новые ее агенты отказывались платить, что и подавало повод к бесконечным пререканиям. Одним из таких агентов был Антон Марш; в то время, когда Грозный разгневался за что-то на компанию, он выпросил у царя позволение на самостоятельный торг в Астрахани и Сибири; соучастниками его были Горсей и другие англичане, состоявшие в то же время на службе компании. Впоследствии в делах Марша заинтересован был и дьяк Андрей Щелкалов" (Середонин, Сочинение Дж. Флетчера, СПб 1891, стр. 41—43). Марш, как видно из относящихся к нему документов (они напечатаны у Ю. В. Толстого, Россия и Англия, М. 1875, №№ 61, 65, 68, 78—76 и в «Сборн. Русск. Ист. Общ.» т. 38, стр. 186—246) наделал много долгов (на сумму 23.553 р.), занимая у частных лиц, у Бориса Годунова и даже в царской казне, когда-же иски были предъявлены к взысканию, то агенты английской компании уверяли, что у Марша был собственный двор и что компания не может отвечать за его действия, предпринятые всецело по его собственному почину. Дело оказалось несколько сложным, что в Англию с документами послан был специальный посол Р. Бекман, а в 1588 г. в Москву приехал Джильс Флетчер (см. ниже), с поручением ликвидировать это дело и добиться для компании подтверждения права монопольной торговли в России. Приводимые ниже в русском переводе известия, относятся к самому началу задуманных Маршем спекуляций. Он начал с найма русских

торговых агентов, без которых тогда не могли обходиться крупные предприниматели (см. статью С. В. Бахрушина. Агенты русских торговых людей XVII века. Институт Истории. Ученые Записки т. IV, М. 1929 стр. 71—88) и поручил им исследовать морской путь в Обь и условия сибирского пушного рынка. Спекулятивным замыслам английского „торгового гостя" мы обязаны сохранением весьма интересного документа: ответного письма, которое написали ему русские мореходцы. В современном английском переводе с подлинника, оно напечатано в сборнике Перчаса (1625, III, p. 804—805), нужно думать, полностью, и описывает впечатления людей, видимо нередко бывавших на севере Сибири. И самое описание морского пути в Обь, и ряд географических названий, и несколько естественно-исторических данных, приведенных здесь, очень интересны; их оценил еще Гамель (Англичане в России, стр. 118), говоря, что они могут повести к разъяснению некоторых старинных карт и что, с другой стороны, „они доказывают, что в то время наши промышленники часто совершали поездки вокруг Обского полуострова". Не забудем, что эти сведения относятся к начальной поре русского владычества в Сибири. „В то время Сибирь уже была завоевана, а вскоре после того, в 1585 году, несколько выше на Оби, пушки Мансурова окончательно покорили и обложили данью ту часть края, где построены были Тюмень (1586) и Тобольск (1587)" (Гамель, 219). Нанятые Маршем люди счастливо исполнили поручение и в Обском крае купили для него много мехов на большую сумму. По их возвращении, однако, царские служилые люди отняли у них все товары и передали их в казну. Маршу же запретили устраивать подобные экспедиции. Известия эти Перчас получил от Христофора Холмса, агента московской компании и тоже напечатал в своем сборнике (t. III, 805). Русский перевод сделан по этому изданию А. Ю. Трубниковой.

ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗ РУКОПИСНОГО СВИТКА (Roll), НАПИСАННОГО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ЗАМЕТКА ОБ ЭКСПЕДИЦИИ НА Р. ОБЬ, ПРЕДПРИНЯТОЙ АНТОНОМ МАРШЕМ, ГЛАВНЫМ ФАКТОРОМ АНГЛИЙСКОЙ КОМПАНИИ, В МОСКОВИИ, И ДРУГИЕ ЗАМЕТКИ О СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КРАЕ.

В лето 7092 по русскому летосчислению, т. е. в 1584 году, он [А. Марш] прежде всего написал письмо четырем русским, которые вели торговлю между Холмогорами и Печорой и далее на Восток. Ответ их был следующий:

Из письма, полученного от тебя, и из других сообщений, мы видим, что ты хочешь, чтобы мы исследовали устье реки Оби, что мы охотно и сделаем, но ты должен заплатить за это пять-

десят рублей. Для поездки нужно иметь две кочимы или команды (two Cochimaes, or companies) и на каждой кочи должно быть по десять человек, а отправиться мы должны вверх по Печоре весной, во время ледохода, что потребует две недели. Затем мы должны спуститься вниз по реке Усе (Ouson river) до реки Оби, что весной займет сутки. Потом нам нужно будет плыть восемь дней вниз по Оби, чтобы достигнуть устья. Поэтому пошли нам грамотного человека (a man that can write) и будь уверен, что р. Обь в устье глубока. На русской стороне Оби живут самоеды, называемые угорскими и сибирскими самоедами (Vgorskoi and Sibirskie Samaeds), а на другой стороне живет другое племя самоедов, называемых мангазейской самоядью (called Monganei or Mongaseisky Samoeds). Мы должны проехать мимо пяти городков, расположенных на р. Оби. Первый называется Тазовский городок (Tesuoi Gorodok) и находится в устье реки Пады (Padou) Второе селение (small castle)—Носовой городок (Nosoro - Gorodock) стоит на самом берегу р. Оби. Третий называется Necheiour—goskoy. Четвертый—Charedmada. Пятый—Надежная (Nadesneaa), т. е. крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю. Некогда ваши люди уже достигли (have bin...) устья названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди ваши были убиты самоедами, которые думали, что они приехали ограбить их. По берегам реки растут хвойные деревья белой, мягкой легкой породы, которые мы называем елями (Yell). Берега с обеих сторон очень высоки, течение не быстрое и река спокойная и глубокая. В ней водится [разная] рыба, как-то: осетр и чир (Cheri) и пелет (Pidle) и нельма (Nelma),—нежная рыба вроде белого лосося, и максун (Moucoun), и сиги (Sigi), и стерляди (Sterlidi), но лохов (Salmons)—нет. Недалеко от материка в устье Оби имеется остров, на котором водится много зверей, например, белых медведей, моржей и т. п. Самоеды говорят, что в зимнее время они часто находят там моржовую кость (Morses-teeth). Если ты хочешь, чтобы мы поехали к устью р. Оби морем, то мы должны пройти мимо островов Вайгач, Новая Земля, Земля Матвея, т. е. Матвеевой Земли (Land of Matheoue that is, by Matthewes Land), и ты можешь убедиться в том, что от острова Вайгача до устья Оби не очень трудно проехать. Писано на Печоре, лета 7092-го, двадцать первого февраля.

МАРШ ИЗУЧИЛ ТАКЖЕ БЕРЕГОВУЮ ПОЛОСУ И ПРИСТАНИ ОТ КАНИНА НОСА ДО ОБИ.

От Канина носа (Caninos) до Медемского залива (Bay of Medemske), который находится немного восточнее р. Печоры—семь дней пути морем. По Медемскому заливу плывут немного больше полутора суток. От Медемского заворота (Medemske Zauorost) до реки Кары (Cara-reca) —шесть дней плавания. От Карского залива (Karske Bay)

до дальнего берега р. Оби—девять дней плавания. По Карскому заливу от одного берега до другого плывут сутки.

Он изучил и другой путь, северо-восточнее, через Новую Землю (Noua Zembla) и Матюшин Шар (Mattuschan Yar) на Обь. От Канина Носа до острова Колгуева (Colgoieue)—сутки пути морем. От Колгуева до Новой Земли — 2 дня. На Новой Земле есть большое озеро, в котором водится множество гусей и лебедей. В период линяния, около Петрова дня (Saint - Peters day) они теряют свои перья: холмогорцы ездят туда ежегодно, наши же англичане вкладывают в это предприятие свою долю денег: они привозят оттуда большое количества пуха, сушеных лебедей и гусей, медвежьих шкур и рыбы. От реки Няромской (Naromske Reca or Riuer) до Матюшина Шара (Mattuschan Yar)—шесть дней плавания. От Матюшина Шара до теплого переволока (Perouologli Teupla) т. е. до теплого перехода по суше—тринадцать дней плавания среди песчаных мелей. При высокой воде над песками бывает семь саженей (fathoms) воды, а при низкой — две. Такое поднятие воды объясняется впадением в море трех рек и встречей двух морей — Северного и Восточного (North Sea and East Sea); и то и другое способствует поднятию воды и наносу песков. И нужно остерегаться того, чтобы корабль подходил близко к острову, лежащему у р. Оби. От Матюшина Шара до этого острова пять дней плавания. Матюшин Шар местами имеет сорок верст в ширину, а местами—не больше шести.

Вышеупомянутый Антон Марш послал своего служащего, русского родом, Богдана, вместе с четырьмя вышеупомянутыми русскими и молодым самоедом, который также был его слугой, в экспедицию на р. Обь, сухопутьем, через страну самоедов, с хорошим запасом товаров, чтобы торговать с населением. И эти его люди совершили очень выгодное путешествие и выменяли у народа, живущего по р. Оби соболиных и других хороших мехов, стоимостью в тысячу рублей. Но царь, услыхав об этой экспедиции и о пути, которым Богдан возвращался обратно, послал одного из своих приставов (chief officier)—подстеречь и арестовать его; вышеупомянутые соболя на тысячу рублей и другие товары были у него конфискованы, доставлены в царскую казну и опечатаны, а бедняга Богдан был отправлен в Москву и заключен в тюрьму, где его высекли, продержали долгое время, но, в конце концов, освободили. Кроме того, англичанам было запрещено вести торговые дела во владениях московского царя, чем они не были очень довольны, но они дали ему большой выкуп и отказались от вышеупомянутых товаров на тысячу рублей, прося его не продолжать этого дела. Повидимому, русские очень боятся, чтобы какие-либо христианские народы не познакомились с их соседями на северо-восточной границе их владений; на это у них есть тайные причины, о которых они никому не говорят. Так по крайней мере понял я, Христофор Холмс.

ПРИМЕЧАНИЯ

Две кочимы или команды] Кочами назывались в Сибири палубные судна, с веслами и парусами, приспособленные для хождения по морю, однако очень примитивного устройства (В. Даль, Толковый Словарь, ч. I, М. 1863, стр. 787, Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России, Казань 1910, стр. 460—462). «К постройке старинных русских кочей,—пишет Загоскин,—не применялись никакие сложные технические приемы и приспособления, не требовалось для их сооружения и никаких знаний специального характера... Суда эти были плоскодонные, с одною палубою; имея 12 сажен длины, они были построены из одного дерева, так что деревянными были в них гвозди и другие судовые скрепления. Ходить в этих судах можно было как греблею, так и на парусе, в последнем случае пользуясь только прямым ветром, так как на этих кочах нельзя было ни лавировать, ни даже пользоваться частью ветра». «Европеец, — замечает Фишер (Сибирская История, СПб. 1774, стр. 204—206) — едва-ли отважился бы итти на таких худых судах по морю, с которого никогда лед не сходит: между тем архангелогородцы в прежние времена не знали ни о каких других морских судах и ходили на них в Мезень, Пустоозеро, да и в Новую Землю». «Из этих последних слов Фишера, — прибавляет Загоскин, — лично знавшего Сибирь половины XVIII ст. и б. м. заставшего здесь подобие старых кочей, следует заключить, что родиной сибирских кочей было беломорское поморье, откуда этот судовой тип проник и к северным побережьям Сибири. Если незатейливо было устройство старинных кочей, то еще более упрощенным бывало их снаряжение. Не говоря уже о деревянных судовых скреплениях, для кочей иногда делали, по словам Фишера, даже деревянные якоря, к которым подвязывали для тяжести «великие камни». Нужда иногда заставляла употреблять на этих судах, взамен канатов — ремни, вырезанные из оленьих кож, взамен парусов — сыромятные оленьи кожи, что, впрочем, практиковалось в Сибири еще и во времена самого автора «Сибирской Истории» (Ср. Фишер, op. cit., стр. 373 прим. 41)». Об устройстве «кочей» на основании архивных документов см. еще С. В. Бахрушин (Очерки по ист. колонизации Сибири М. 1928, стр. 116—117).

Вниз по р. Усе] В подлиннике: Ouson river; вероятно, имеется в виду р. Уса, приток р. Печоры. По р. Усе шла одна из древних дорог в Сибирь; из Усы пробирались на речку Елец, а затем через небольшой волок в Собь, впадающую в Обь (П. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьк. 1889, стр. 176); этот путь и имеют в виду авторы письма.

Племя самоедов, называемое мангазейской самоядью] По мнению Д. Н. Анучина, объясняющего «молгонзеи» из зырянского языка — народ „окраинный, живущий на краю области самоедов», вероятно — юраки (сл. выше: Джонсон, стр. 127).

Тазовский городок] Некоторые отождествляют Тазовский городок, упоминаемый и в других известиях англичан, с Мангазеей. Против этого говорит указание настоящего текста, что он находится в устье р. Пад, т. е. вероятно Соби (см. ниже).

Реки Пады] Гамель (Англичане в России, статья II, стр. 218) разъясняет, что «под этой рекою разумели, должно быть, Pad-jaha, по русски просто Пад, которая по Большому Чертежу называлась также Сба. „Повидимому, гидрографы наши не заметили, что эта загадочная река Сба ничто иное как Соб, которая называлась также и Собой, и впадает не в Усу, как ошибочно сказано в Большом Чертеже, а в Обь“.

Носовой городок] Думается, что именно так следует перевести исковерканное в английском тексте название: Hosoro-gorodock. Носовым городком называлось русскими остяцкое селение, на месте которого, на высоком берегу

р. Полуя, в 6 верстах от его впадения в Обь, через десять лет после настоящего письма (в 1595 г.) основан был для сбора ясака с самоедов и остяков г. Обдорск. Название Носового городка сохранилось и за Обдорском; так назывался, он местными жителями еще в XIX веке (Schrenk, Reise... durch die Tundren, Dorpat 1854, II, S. 187), на ряду с официальным названием Обдорска. Ключ к этому имени, кажется, дают туземные названия Обдорска. «Один зырянин объяснил мне, — замечает С. М. Чугунов («От Тобольска до Обдорска». «Ежегодник Тобольского Губ. Музея», вып. XXVIII, 1917, стр. 13), — что свое название Обдорск получил от двух зырянских слов О б—река и д о р—мыс. Несколько это верно, судить не могу, мне известно лишь, что по самоедски Обдорск называется Селе-харат, что значит «мыс—город», следовательно название Обдорск — не самоедское». Авторитетно указание Б. М. Житкова (Полуостров Ямал, СПб. 1913, стр. 223), что Обдорск по самоедски—Саленгар, «город на мысу». Прибавим, что остяцкое название Обдорска — Полноватьваш (ср. Ипполит Завалишин. Описание Западной Сибири, СПб 1862, стр. 273; П. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьк. 1889, стр. 178); самоедскому названию — «мыс город» вполне соответствует и старинное русское название — «Носовой городок», т. к. «мыс» часто назывался у нас — носом (ср. Канин нос, Святой нос и т. д.)

Третий называется Necheiour - goskoy] Определить точное название и географическое местоположение, как этого городка, так и крепости «Надежной», я затрудняюсь. Впрочем, не имеется ли здесь в виду городок на Оби Нецкгаркир, упоминаемый в числе 33 городов, завоеванных в походе Курбского и Ушатого (см. выше, стр. 144—145) в „Книге Большого Чертежа“? На Оби указано здесь таких 18 городков („Книга Большого Чертежа“ изд. Г. Спасского, СПб. 1846, стр. 203—207; Списки населенных мест. Тобольск. губ. СПб. 1871, стр. LXIII. С. Огородников, по поводу этого списка замечает, что „многие из этих городов и в настоящее время могут быть приурочены к различным населенным местностям, лежащим по р. Оби“ (Зап. РГО., по отд. этн. СПб. 1877, т. VII, стр. 28—29). Быть может, внимательный анализ этого списка позволит определить также и четвертый городок, упомянутый Маршем: — „Charedmada“ (Карымкан? Емдыр? Курмыш-Юрган?)

Некогда ваши люди уже достигли...] не идет-ли здесь речь о корабле Джекмана (см. выше, стр. 164—165)?

В ней водится разная рыба] Это место переведено согласно разъяснениям Гамеля (op. cit. II, стр. 219; ср. С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера «On the Russe Common Wealth» как исторический источник, СПб. 1891, стр. 135); письмо называет: осетров и стерлядей (Acipenser sturio et ruthenus), чира (Salmo nasutus), нельму (Salmo Nelma); Pidlae — быть может пелет (Salmo pelet), максуна (Salmo muksun), сигов (Salmo lavaretus), лохов (Salmo solar).

Земли Матвея, т. е. Матвеевой земли] Основываясь на показании письма что русские мореходцы, идучи к Оби, проходят мимо трех островов: Новой Земли, Вайгача и Матвеева, Гамель (op. cit., стр. 208—209) заключил, что название Новой Земли принадлежит только южному острову, а северный должен называться Матвеевой землею. Имя Матвей навело его и на другую мысль, что и «Маточкин шар» должен называться по настоящему Матюшкин, Матюшин, т. е. Матвеев шар. На карте И. Массы (см. ниже) «составленной не позже 1608 г., к северу от Новой Земли отмечен пролив, названный «Matsei of tsar». «Это значит Матвеев шар и доказывает, что теперешнее название: «Маточкин шар» неправильно. К северу от этого пролива (Матвеева шара) показана твердая земля... Это и есть земля, которая в письме из Пустозерска от 21-го февраля 1584 г. названа Матвеевой землей». «Как пролив этот, так и земли к северу от Новой Земли, должно быть, открыл некто Матвей, уменьшительное

имя которого было Матюша; поэтому и лежащую к северу от пролива землю, которая, как мы теперь знаем, образует остров, следовало бы также называть Матвеевой». Ко всему этому Гамель прибавляет, что Розмыслов первый изменил название Матюшкин в Маточкин. Против указанного мнения высказался К. Свенске (Новая Земля в географическ., естественно-историч. и промышленном отношениях, СПб. 1866, стр. 46—47): „есть-ли какая нибудь вероятность, — замечает он, — чтобы промышленники, которым работы Розмыслова оставались большею частью неизвестными, вдруг единогласно приняли придуманное им новое название, если б они прежде в самом деле называли пролив Матюшкиным или Матвеевым? Эти догадки едва-ли имеют какое нибудь основание». На острове Матвееве в к. XVI в. находилась застава, взимающая пошлину с судов, идущих в Сибирь (А. А. Жилинский. Крайний Север Европейской России, Петр. 1919, стр. 41, прим.).

От Канина Носа] Мыс Канин, на Канинском полуострове, лежащем между Баренцовым и Белым морями; по самоедски носит название «Яптозале», что значит «тонкий мыс» (А. А. Жилинский, Крайний Север, стр. 24). Русское название произошло, вероятно, не от слова «Камень» «под которым известна состоящая из твердых пород возвышенность, «проходящая вдоль северной части полуострова, издалека видная с моря»; гораздо вероятнее предложенная К. Ф. Тиандером (Поездки скандинавов в Белое море, СПб. 1906, стр. 74—78) догадка, что «Канин нос» произошло из более древнего Кандин нос, из сканд. Gandnäs; в пользу этой этимологии высказался и Ф. Браун (Ж. М. Н. Пр. 1907 № 10, стр. 421). С. Г. Григорьев (Полуостров Канин. М. 1929 стр. 7—8) замечает, что «у некоторых старых авторов (Озерецковский, Савельев) мы встречаем указания, что раньше весь этот полуостров называли также иногда «Каниным носом», по имени мыса, составляющего его северную оконечность», но что он «не слышал названия «Канин нос» в применении к какому либо другому месту, кроме мыса, ограничивающего Белое море с северо-востока и заканчивающего собою полуостров на северо-западе». На европейских картах Московии Caninos появляется только во второй половине XVI в., после английских путешествий на поиски северо-восточного прохода (первый раз на карте Дженкинсона, 1562 г.); его часто упоминают английские и голландские путешественники в к. XVI — нач. XVII в. (С. Григорьев, op. cit., стр. 18—22). Русский посол в Китай Спафарий (1675), рассказывая о «великом хребте меж Лены и Амура реки», который идет «до моря и в море далеко», упоминает «нос морской, который именуется от земнописателей канин нос, а от наших собачья» (Путешествие Н. Спафария, изд. Ю. В. Арсеньева, СПб. 1882, стр 134), но это известие несомненно стоит в связи с какими нибудь плохими иностранными картами Московии и основано на недоразумении: спутан Канин нос и, вероятно, мыс Челюскин; этимология же этого названия, от случайно созвучного ему латинского слова canis—собака, — неудачный личный домысел Спафария.

От Медемского Заворота] В иностранных источниках он называется также; Medenskoy Zauorot (см. ниже: Дж. Логан), и такая транскрипция является более правильной. Меденский (или Медянский) заворот показан в Книге Большого Чертежа от р. Песчаной — Бурловой (по берегу Ледовитого моря), в 25 верстах к востоку. «Это водное сообщение составляет морское течение вод между островом Долгим и материком, и в путешествиях называется Мединским Заворотом» (С. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа. Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр. 1879, т. VII стр. 219).

До Кара-реки] Кара или Черная река, иначе Пай-яга, прорывается через хребет Арвис-хой и впадает в Песчаную бухту Северного океана; Кара-река некогда составляла границу уездов Мезенского (Арханг. губ.) и Березовского (Тобольск. губ.), она упоминается и в «Книге Большого Чертежа». («Печорский край»

«Ж. М. Вн. Дел» 1851, т. XXXIV, июнь, стр. 448—449; С. Огородников, op. cit., стр. 220).

Матюшин шар] Извилистый пролив, называемый ныне Маточкиным шаром. Выше (s. v. Матвеева земля) было указано мнение Гамеля о родстве названий «Матвеева земля» и «Маточкин шар»; его нельзя считать принятым: в написании Mattuschan Yar мы можем видеть простое искажение слова Маточкин, притом скорее именно последнего, а не слова Матюшин, т. к. двойное t мешает ударению на втором слоге; в английском произношении оно звучит приблизительно «мэтьюшен». «Маточкою, — замечает Свенске (op. cit., 47), — называется в Архангельской губ. маленький компасик, употребляемый поморами и лесопромышленниками. От этого происходит б. м., название Маточкина шара, реки Маточки и пр. Происхождение название шар неизвестно. Тамошние мореходы разумеют под этим пролив, идущий от одного моря к другому». Иное объяснение дает А. А. Жилинский. (Крайний Север Европейской России, Петр. 1919, стр. 29): «Название шар на севере вообще означает пролив, название же Маточкин произошло, вероятно, от слова «матка», т. е. материк, как прежде поморы называли Новую Землю».

До острова Колгуева] Остров Колгуев — против Шешеходского полуострова, образуемого Чешскою губою.

На Новой Земле есть большое озеро] Быть может здесь имеется в виду «большое соленое озеро, называемое Гусиным»; так показано у Крестинина («Новые Ежемесячные сочинения» ч. XXXI, стр. 167); ср. однако замечание К. Свенске (op. cit., стр. 53 прим.). Сл. Г. П. Горбунов. Птичьи базары Новой Земли М. 1925 (Труды Научно-исследов. института по изучению Севера, вып. 26).

От реки Няромской] Гамель (op. cit., стр. 212) сопоставляет название реки Marmesia в письме к Меркатору (сл. выше: И. Балак, стр. 182) с той, «которая у Стефена Берро, со слов лодейника Лошака (1556) называется Naramsey, а в инструкции, составленной Стефеном и Вильямом Берро (1568) названа Naramsy; вероятно эта река и есть та, которая в нашем тексте называется Naromske Reca, а на карте Массы «помещена гораздо севернее Мутной и обозначена: Niarontza». «И из Книги Большого Чертежа видно, — прибавляет Гамель, — что весь западный берег Обского полуострова назывался Няромским, Няронским и вероятно, не столь правильно, Нарымским берегом. На нашей новейшей карте этой реки вовсе нет». А. М. Филиппов («Речной путь в Сибирь через полуостров Ялмал». — Записки по гидрографии, вып. XXVI, СПб. 1904, стр. 167) высказал пожелание, чтобы «найдено было местоположение большой, повидимому, реки в северной части полуострова Ялмала, которая под названиями Naramsay, Naramsy, Naramsia, Naramske reca, Naramsy, Narontza (карта Массы в атл. Кордта № XXIX) и Maromtsa (тем-же, карта Герритса № XXXI) неоднократно упоминается путешественниками и картографами XVI—XVII ст. и которая дала повод нашим предкам называть Карское море — Нярзомским морем (Р. Ист. Библ. II, ст. 1089)». Кажется, этот призыв остался без ответа. Этимологические догадки J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. I, p. CXXXV, note) представляются мне неправдоподобными по фонетическим и другим соображениям.

Над песками бывает семь сажен воды] Сажен — в подлиннике fathoms. Fathom -- шестифутовая мера для измерения глубины воды.

XX. ФРЭНСИС ЧЕРРИ | FRANCIS CHERRY

(1587)

Фрэнсис Черри, называемый Перчасом одним из важнейших агентов английской торговой компании в Москве, несколько раз исполнял важные дипломатические поручения московского и английского правительства во время пребывания своего в России. В 1587 г. Черри передал на Розовом острове подарок Дж. Горсею от Бориса Годунова; вскоре после того он сам приехал в Англию с письмом царя Федора к Елизавете; в 1591 году он снова привез королеве письмо от царя Федора и Бориса Годунова, в 1598 прибыл в Москву с письмами Елизаветы. По словам Гамеля Черри „получил практическое свое развитие в России, а в особенности в Москве. Уже при царе Иване Грозном он молодым человеком находился при английской конторе на Варварке в Китай-городе. Русский язык он знал так хорошо, что и при дворе служил толмачом. В наших московских актах его называют Фрянчиком Чарей, а также: Фрянчик Иванов, Фрянчиш Черей, Чирей, Черея (См. „Сборн. Русск. Историч. Общ." т. 38, СПб. 1883, по указателю). Его хорошее знакомство с русским языком доказывается и тем, что в 1601 году он в Лондоне помогал переводить на английский язык русские письма, привезенные Ричардом Ли от Годунова к Елизавете (Англичане в России в XVI и XVII ст. „Записки Ак. Наук" 1869 т. XV кн. I, стр. 184—186). Кроме того, известно, что Черри встретил в Англии русского посла Григория Ивановича Микулина и состоял при нем в качестве переводчика. Они несомненно свободно понимали друг друга, т. к. Черри ввел Микулина в курс английской политической жизни и подробно рассказал ему о недавнем заговоре Эссекса, что Микулин и изложил очень толково в своем донесении („Сб. Р. Ист. Общ." т. 38, стр. 338—339; 318—321; 327—330; Н. Чарыков, Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600—1601 гг. М. 1876, стр. 8—10; отд. отт. из „Древней и Новой России" 1876, II). Перчас свидетельствует, что Черри ездил на восток московского государства „в пермский край". Где был он, в точности неизвестно, но Гамель

говорит, что „повидимому он пробрался за черту Строгановских владений, а именно на восточную сторону Урала, потому что, по словам его, он ел обских осетров“. В. Н. Александренко („Материалы по смутному времени“. „Старина и Новизна“ XIV, СПб. 1911, стр. 293) также говорит, что Черри „кажется первый из англичан проник сухим путем за Урал в Сибирь“. С. Ф. Платонов („Прошлое русского Севера Пгр. 1923, стр. 70) высказывается осторожнее: по его мнению Черри“ повидимому, добрался до Северного Урала“. Когда совершено это путешествие, установить также трудно. Нужно думать, однако, что это было не в приезд его в Москву в 1598 г., о котором сохранилось его донесение: «Francis Cherrys voyage to Russia» (напечатано в сборнике: «The Egerton Papers. A collection of public and private documents from the original, the property of the right-honor. Lord Fr. Egerton. Ed. by Payne Collier, London, 1840, p. 292—301), а в более ранние годы (1587?), потому что, заняв важное и почетное положение среди главных членов „Московской компании“ (сохранилась грамота о нем от дек. 1598 г. Бориса Годунова—„Сб. Русск. Историч. Общ.“ т. 38, стр. 261—265), Черри едва-ли согласился бы на длинное и опасное путешествие. Скорее всего это путешествие было совершено вскоре после 1585 года, к которому относится грамота ц. Федора Ивановича, предоставлявшая Черри торговлю в России с половинной пошлиной и другие льготы: „... и мы Аглинские земли гостя Фрянчика Иванова пожаловали в наше государство на Колмогоры к новому городу с товаром ходить и торговати в нашем государстве поволили есмя;... а пошлину с его товару имали-б есте по нашему указу половину пошлин, а похочет будет он с товаром ехати на Вологду, а с Вологды до нашего государства до Москвы, и вы-б по городом воеводы наши и дьяки и всякие наши приказные люди Аглинского гостя Фрянчика Иванова и с его людми и с товаром к нашему государству к Москве пропущали везде без задержания“ и т. д. („Сборник Р. Ист. Общ.“ т. 38, стр. 150—151). Хорошо знавший Россию, Черри в 1603 году отправил в Колу корабль «The Grace», который, по данным им инструкциям „должен был отправиться к северу, с тем, чтобы, в случае возможности, пробраться до 80° и сделать новые географические открытия“. „Под 74° 30′ корабль этот открыл остров (правда уже известный голландцам под именем Медвежьего острова), и по возвращении корабля в Англию, с богатым грузом мехов и моржовых клыков, остров этот назван был в Лондоне островом Фрэнсиса Черри“. (Сл. ниже стр. 207). Интересно отметить, что дочь Черри была замужем за Дж. Мерриком (ум. 1638), первым постоянным дипломатическим представителем Англии в России („Ст. и Нов.“ XIV, стр. 295—296). Перевод нижеследующего отрывка сделан по книге Purchas'а (London, 1625), vol. III, p. 806.

СООБЩЕНИЕ ФРЭНСИСА ЧЕРРИ, ОДНОГО ИЗ ЧЛЕНОВ АНГЛИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ В МОСКВЕ И ТОМАСА ЛИНДЕ О ТЕПЛОМ МОРЕ К ЮГО-ВОСТОКУ ОТ РЕКИ ОБИ.

Фрэнсис Черри, один из главных агентов Английской Торговой Компании в Москве, который был переводчиком (interpreter) царя Ивана Васильевича и ездил в Пермский край (into Permia), далеко на востоке России, рассказывает, что он ел осетра, пойманного в Оби. Он говорит также, что в этой местности он неоднократно слышал от русских, которых он считает великими путешественниками, о теплом море, которое находится за Обью в юго-восточном направлении. По русски они говорят: «Za Oby reca moria teupla», что означает, что за Обью находится теплое море. Кроме него Томас Линде, честный и скромный английский купец, который провел много лет в этих краях Московии, говорит, что это море находится за Обью и что, по словам русских, которые много путешествовали, там насколько тепло, что все виды морских птиц живут на нем и зимой и летом. Это свидетельствует о том, что это море расположено далеко на юге Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ездил в Пермский край] О термине «Пермский край» в западной литературе см. выше, стр. 94, 100 и ниже, стр. 200, 216, 219.

О теплом море] Повидимому, имеется в виду Тихий океан. «Теплым» море названо, повидимому, в отличие и по аналогии со «студеным» морем, т. е. Ледовитым океаном. На берегах Тихого океана русские появились в 1639 году (Л. С. Берг, «Открытия русских в Тихом океане» в сборнике: «Тихий океан. Русские научные исследования», Лгр. 1926, стр. 1 и сл.), но очень возможно, что через посредство тунгусов и других туземцев кое-какие известия о нем русские получили уж в конце XVI в.; весьма правдоподобно также, что о «теплом море» на юге Азии могли сообщить русским средне-азиатские купцы, бывшие в Китае. «Теплое море», возле которого жил «черный хан» упоминается в былинах минусинских татар («Этнографический Сборник» вып. IV, СПб. 1858, стр. 122). Ср. ниже: И. Масса, Мильтон.

Томас Линде] Повидимому это тот самый англичанин «Томас Лин», который упомянут в грамоте и «памяти» Бориса Годунова 1598 г. в числе иноземцев, сопровождавших «в Англинскую землю» Фрянчика Чирей, т. е. Фрэнсиса Черри. (Сборник Русск. Ист. Общ. т. 38, стр. 266). Это позволяет с достаточной вероятностью отнести все приводимое выше «Сообщение» к 1598 году, т. е. ко времени их совместного возвращения из Московки в Англию, хотя самое известие, в нем заключенное, может относится и к более раннему времени. В приведенном у нас тексте выражение «провел много лет в этих краях Московии» недостаточно ясно; его, конечно, нужно понимать не в том смысле, что Т. Линде был в Сибири; речь может итти, повидимому, только о пермском крае, о котором говорит и Черри.

XXI. ДЖИЛЬС ФЛЕТЧЕР | GILES FLETCHER

(1591)

Сведения о Джильсе Флетчере (1549?—1611) довольно скудны. „Из всех англичан, посетивших в XVI в. Россию, Флетчер был наиболее образованный человек, замечает С. М. Середонин („Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», как исторический источник“ СПб. 1891, стр. 40). Действительно, он воспитывался сначала в школе в Итоне, а затем в Кэмбриджском Университете, который и окончил со степенью баккалавра, а впоследствии (1581) получил в этом же Университете степень доктора прав. После того он посылаем был с дипломатическими поручениями в Шотландию, Германию, и Нидерланды. В 1588 г. он отправлен был послом Елизаветы к царю Федору в Россию, где и пробыл с сентября 1588 по июль 1589 г. Возвратившись в Англию, он, помимо донесения своему правительству о посольстве, написал книгу о России, под заглавием: „О государстве русском, или образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем московским, с описанием нравов и обычаев жителей этой страны“ (1591), занимающую важное место среди сказаний иностранцев о московском государстве в XVI веке. Критический разбор содержащихся в этой книге данных представлен в указанной выше книге С. М. Середонина. Первая попытка издать сочинение Флетчера на русском языке была сделана в 1848 г. О. М. Бодянским (перевод принадлежит Д. И. Гиппиусу — см. Д. Д. Языков, Обзор жизни и трудов русск. писателей, вып. 13, Пг. 1916, стр. 63), но это вызвало известную цензурную историю, а самая книга была конфискована и уничтожена (документы, относящиеся к этому делу, напечатаны в „Русск. Старине“ 1890, ноябрь, стр. 54, декабрь, стр. 387—428, 1889 т. 58, стр. 240; в статье А. А. Титова „История первого перевода сочинений Флетчера“, в приложении к Суворинскому изданию русского перевода, а также в статье С. А. Белокурова, Чтения в Общ. Ист. и Др. 1908, I). По одному из случайно сохранившихся экземпляров А. Бурцев перепечатал этот перевод в своем „Описании редких российских книг“ (Пб. 1897

ч. III, стр. 169—297); впоследствии А. С. Суворин сделал его доступным публике, перепечатав его в третий раз вместе с предисловием М. А. Оболенского: „О государстве русском“. Сочинение Флетчера, изд. 3-е, СПб. 1906. В 1911 г. в Петербурге вышел еще один перевод этой книги, под ред. Н. В. Голицына. Из иностранных изданий, помимо крайне редкого первого издания 1591 г. (которое также в значительной своей части было уничтожено по настоянию членов лондонской „Московской компании“, боявшихся недовольства русского правительства, в случае если бы эта книга дошла до Москвы и была здесь прочитана), следует упомянуть о перепечатке сочинения в Гэклюйтовском сборнике («Navigations», изд. 1643 г.), а также в книге: E. A. Bond. Russia at the close of the sixteenth century etc., ed. Hakluyt Society, London 1856. В 1864 г. вышел французский перевод: La Russie au XVI-e siècle. Avec une introduction par Ch. de Bouset, vols. 1—2, Leipzig—Paris. Из небольшой русской литературы о Флетчере, помимо названных изданий, назовем статьи Ю. Толстого: „О Флетчере“, „Библиотека для чтения“ 1860 т. 158, № 1—2; Джильз Флетчер—„Современник“ 1865 № 3, стр. 105—132; „Статейный список приезда Елизара Флетчера“ напечатан во „Временнике Моск. Общ. Ист. и Древн.“ VIII (1850), стр. 1—96; другие документы, относящиеся к его приезду в Россию напечатаны у Ю. Толстого. Россия и Англия СПб., 1875 № 61—64; 67—74, 76, 80. Помимо сочинения „О русском государстве“ Джильсу Флетчеру принадлежит также целый ряд других сочинений: исторический трактат о происхождении татар — «Essay upon some probable grounds that the tartars... are the Posterity of the ten Tribes of Israel» напеч. в 1677 г., и ряд поэтических произведений: «Licia, or Poems of Love» (1593; здесь находятся 4 поэмы, 3 элегии и 2 сонета), латинская поэма, изданная его сыном—Финеасом в 1633 г.: «De litteris antiquae Britanniae», а также ряд мелких стихотворений; перечень их дает Thomp. Cooper в своем биографическом очерке Флетчера («Dictionary of National Biography» vol. XIX, p. 299—302) а также Grosart в «Misc. Fuller Worthies» Lond. 1876, p. XXXVI — XXXIX. Ср. «Encyclopaedia Britannica», 13-th edition, 1926, vol. IX, p. 497—498.

В скудной русской литературе о Флетчере об его поэтической деятельности почти ничего не говорится; М. Оболенский в предисловии к изд. Суворина, стр. XVI—XVII, основываясь на старых библиографических пособиях, замечает только: „некоторые библиографы называют... Флетчера поэтом“, но в то же время приписывает его перу поэму: «Christs Victory» etc. (Cambridge, 1640), которая в действительности принадлежит его сыну, известному поэту Джильсу Флетчеру—младшему (называемому так в отличие от посланника) и написана в 1610 году. Ср. H. Morley. English Writers, vol. XI, 1895, p. 378—379 u Chalmers's Cyclopaedia of Engl. Lit., vol. I, 1906 p. 445—446. Ниже мы приводим отрывок из книги Флетчера о самоедах по Суворинскому изданию (стр. 86—87), по сверке с ан-

глийским подлинником по тексту: «Haklyts Posthumus or Purchas his Pilgrimes» ed. 1906 vol. XII, 583—584. Следует отметить, что одним из главных поводов приезда Флетчера в Россию было дело Антона Марша (см.), торговавшего одно время с Сибирью на свой риск и страх и отправлявшего туда собственные торговые экспедиции. Все то, что Флетчер сообщает о пермяках, под которыми, вероятно, следует иметь в виду коми-зырян, и особенно о самоедах, он мог узнать либо от самого Марша, которого Флетчер вез с собою в Англию, либо от других англичан, живших в Москве (Ср. Середонин op. cit., стр. 68, 135—136). Сравнительно с известиями прежних писателей, напр. Герберштейна, о Перми Флетчер не сообщает ничего нового; гораздо интереснее и самостоятельнее его известия о самоедах и об их образе жизни. О Сибири Флетчер упоминает еще несколько раз в других местах своей книги, но эти разрозненные данные не объединены у него в связный рассказ. Так, напр., в главе 18-ой он говорит, что „на север в сторону к Сибири принадлежит царю весьма широкое и длинное пространство земли, от Вычегды до реки Оби, числом около 1000 миль, так что он величает себя теперь „повелителем всея Сибирския земли“ (стр. 72). Далее Флетчер говорит: „Что касается до Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежит царю, то их (туземцев) удерживают тем-же простым способом, каким они были покорены, то-есть, более грозою меча, нежели самым оружием. Во-первых: царь поселил в этих странах столько же русских, сколько там туземцев и содержит в них, сверх того, гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдат, но достаточные для удержания туземцев в повиновении. Во-вторых: здешние начальники и судьи все русские и сменяются царем очень часто, именно каждый год по два и по три раза, несмотря на то, что здесь нечего слишком опасаться какого-либо нововведения. В-третьих: он разделяет их на многие мелкие управления, подобно трости, преломленной на несколько мелких частей, так что, будучи разделены, они не имеют никакой силы, которой, впрочем, не имели и тогда, когда составляли одно целое. В четвертых: царь заботится, чтобы тамошние жители не имели оружия, ни денег, и для того налагает на них подати и обирает их, как только ему заблагорассудится, не оставляя им никаких средств сбросить с себя или облегчить это иго“ (стр. 73). Наконец, в той же 18-ой главе Флетчер сообщает следующее известие: „в Сибири, где царь продолжает свои завоевания, построено несколько крепостей и поставлены гарнизоны, в числе около шести тысяч солдат, из русских и поляков, которые царь усиливает, отправляя туда новые партии для населения, по мере распространения владений. Теперь, сверх того, во власти его находится брат царя Сибирского, которого некоторые из военачальников убедили оставить свою родину, обещав ему отличное содержание и лучший образ жизни с русским царем, нежели тот, какой он вел у

себя в Сибири. Его привезли в прошедшем году, и теперь он живет вместе с царем в Москве, получая хорошее содержание" (стр. 74). Здесь, вероятно, имеется в виду сибирский царевич Магмет-кул (Мамет-куль), привезенный в Москву в 1583—84 гг. и бывший не братом, но племянником Кучума. Интересно отметить, что его упоминает в своих записках и другой англичанин, Джером Горсей, называя его «Chiglicke Aloth» (о том, что здесь может иметься в виду только Мамет-Куль см. выше, стр. 164—165). В сочинении Флетчера есть еще несколько более мелких упоминаний о Сибири (стр. 7: суровость климата и бесплодность почвы зимою; стр. 32: ссылка дворян в Сибирь; стр. 45: доходы, получаемые от подати в Сибири, ср. С. Середонин, стр. 330; стр. 47: сибирские меха в государевой казне и т. д.), из которых интереснее других, хотя и не отвечающий действительности, рассказ о приобретениях Строгановых на сибирской границе: „говорят, что царю платили они ежегодно до 23.000 рублей, почему им и дозволено было производить торговлю и, кроме того, содержали несколько гарнизонов на сибирской границе, близкой к ним. Царь был доволен их податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири и не сделали ее удобною к населению, истребив огнем и вырубкой леса от Вычегды до Перми, на расстоянии 1.000 верст: тут он насильно отнял у них все" (стр. 55—56) С. М. Середонин (op. cit., стр. 208—209) показал, до какой степени это сообщение неверно.

П е р м я к и (Permians) и с а м о е д ы (Somoyt), обитающие на севере и северо-востоке от России, происходят также, как полагают, от Татар. Такое заключение подтверждается отчасти их наружностью, ибо у них вообще широкие лица, как у татар, за исключением только черкесов. Пермяки почитаются народом очень древним и в настоящее время находятся под властью России. Промышляют они звериною ловлею и меховою торговлею, также как и самоеды, которые живут далее к северному морю. Самоедами называют их (по словам русских) от самоядения, ибо в старину они были людоедами и пожирали друг друга. Мнение это тем более вероятно, что и в настоящее время они едят всякого рода сырое мясо без различия, даже падаль. Сами же самоеды утверждают, что называются так от слова с а м о е (samoie). выражая тем, что они суть народ к о р е н н о й, или взросший на том самом месте, где живет и теперь, и что никогда не меняли его на другое, подобно большей части других народов. В настоящее время они подвластны русскому царю.

Я говорил с некоторыми из них и узнал, что они признают единого бога, олицетворяя его, однако, предметами, особенно для них нужными и полезными. Так, они поклоняются солнцу, оленю, лосю и проч., но что касается до рассказа о з л а т о й б а б е (Slata baba) или золотого идола, (о которой случалось мне читать в

некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи), дающей на вопросы жреца прорицательные ответы об успехе предприятий и о будущем, то я убедился, что это пустая басня. Только в области Обдорской, со стороны моря, близ устья большой реки Оби (Obba), есть скала, которая от природы (впрочем отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях с ребенком на руках (так точно, как скала близ Нордкапа представляет собою монаха). На этом месте, обыкновенно, собираются Обдорские самоеды, по причине его удобства для рыбной ловли, и, действительно, иногда (по своему обычаю) колдуют и гадают о хорошем или дурном успехе своих путешествий, рыбной ловли, охоты и т. п. Они одеваются в оленьи шкуры, спускающиеся до самых колен, шерстью вверх, с такими же штанами и обувью, как мужчины, так и женщины. Все они черноволосые и от природы нет у них бороды, так что трудно различить мужчину от женщины, кроме того, что последние носят клок волос, опущенный на уши. Они ведут дикий образ жизни, переходя с места на место и не имея ни домов, ни земли, которые бы принадлежали кому-либо из них в отдельности. В каждом отряде начальники или правители у них попы или жрецы (Papa or Priest).

Рис. 29. Моление Обдорских самоедов. (Деталь карты неизвестного, вторая половина XVI в.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Пермяки] Здесь, как и в других известиях англичан, под пермяками следует понимать «северных коми» (Коми-войтыр), т. е. зырян. Сл. ниже: примечания к Д. Логану, стр. 216.

Сами же самоеды утверждают, что называются так...] Этимология Флетчера довольно фантастична, однако именно так объясняли слово на Западе еще во 2-ой половине XIX в. — «Die Ssamojeden, — russ. Ssamojedin — einsam, Einsiedler» (Zeitschrift für wissenschaftliche Geographie, 1880, I, S. 81). Ср. еще Ф. Белявский. (Поездка к Ледовитому морю М. 1833, стр. 154): «Самоеды между собою называют один другого не поименно, а просто общим названием для всего народа: Хазова. Слово хаз значит сам, а ово значит один или сам-един, соответствующее их названию Хазово. И так, не очевидно-ли, что название самоед есть искаженное из переводного их имени: Сам един? Не подтверждается-ли сие и тем, что они живут обыкновенно не обществами, а по одиночке?» Автор статьи о самоедах в «Этнографическом Сборнике», изд. И.Р.Г.О., вып. IV, СПб. 1858, стр. 43 полагал, что с этим трудно согласиться на том осно-

вании, что «от слова хозово мог образоваться только термин самоедин, а не слова самоед и самоядь, в которых вовсе нет слова един. Кроме того, нынешнее название самоедин есть новейшее, а в древности было в употреблении самоядь и самоед». Ранее J. B. Scherer (Nordische Nebenstunden. Das ist Abhandlungen über die alte Geographie, Geschichte und Alterthümer Nordens I, Th., Frankfurt. Leipzig 1776, S. 44—45) производил слово самоед из лапландского языка: Samaedna, Sameladde, «как они называют свою страну: или иностранцы в Архангельске или же сами русские исковеркали это слово в самоед» Словопроизводство Шерера принял и И. Е Фишер («Сибирская История» СПб. 1774, Введение § 65); Георги («Описание всех, обитающих в Росс. Гос. Народов», ч. III, стр. 4), вслед за Фишером также производил слово самоядь или от самеядны, названия лопарской страны или «от слова соома, болото, потому что в пустынях их множество болот». «В Сибири западные самоеды называют себя ненец (человек) или ненця (люди), а восточные—хасов (муж) или хасово (муж) и самоеды, обитающие в мезенском уезде Арханг. губ., канинские и тиманские, также называют себя ненец или ненця, а большеземельские—хасово или хосово... По значению слова самоед на языке русском можно бы почитать самоедов людьми, которые едят сами себя, но такое производство их имен ничем не подверждается: нет никаких известий, чтобы самоеды были когда нибудь у нас людоедами [Ср. у нас выше: стр. 129]. В старинных русских приказных ведомостях самоеды назывались иногда сыроядцами, потому что издавна употребляли в пищу сырое мясо. Может быть русские заметив между ними такое странное употребление мяса дали им наименование самоедов, или потому, что видели их самое (сырое, неприготовленное мясо) ядущих (sic!) или потому, что из зверского употребления ими в пищу сырого мяса ошибочно заключили, будто они едят самих себя («Этнографический Сборник» IV, стр. 40—44). Нужно сказать, что и это толкование слова кажется очень натянутым. (Сл. выше: Плано-Карпини, стр. 11 и Рич. Джонсон, стр. 128). Наиболее общепринятые толкования этого слова см. также у Н. Фирсова. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань 1866, стр. 30—33 прил.

Они признают единого бога] Речь идет о «Тявуй-Нуме».

Рассказа о Златой бабе] В числе многочисленчых иностранных свидетельств о Золотой бабе (они собраны у нас выше: Герберштейн, стр. 114 сл.), соображения Флетчера стоят совершенно особняком. Кроме него никто не сомневался в действительном существовании идола. Первоначальным источником сведений Флетчера о Золотой бабе была, вероятно, книга Герберштейна или отчет Климента Адамса: «Anglorum Navigatio» (см. выше, стр. 115). По мнению С. М. Середонина (Сочинение Джильса Флетчера «Of the Common Wealth» как исторический источник» СПб. 1891, стр. 137) «Флетчер здесь, вероятнее всего имеет в виду сочинение и карту Герберштейна, и может быть Клим. Адамса; его данные представляют несомненно значительный шаг вперед. Такими точными данными Флетчер обязан, кажется, Антону Маршу, который в 1584 г. отправил несколько пустозерцев — человек двадцать к Оби». Иного мнения придерживается Н. И. Веселовский (Мнимые каменные бабы, СПб. 1905, стр. 9): «Хотя Флетчер повидимому и старался проверить слух о Золотой бабе при посредстве самоедов, и пришел к заключению, что Золотой бабы в действительности не существовало, но с этим едва-ли можно согласиться, и другие источники в данном случае достовернее... Точно так же представляется неудовлетворительным объяснение легенды о Золотой бабе существованием скалы, напоминающей, при помощи воображения, женщину в лохмотьях с ребенком на руках (как на карте Дженкинсона?) Странно думать, чтобы скалу могли называть Золотою бабою, а не каменною». С таким мнением нельзя не согласиться: действительное, а не мнимое существование Золотой бабы подтверждается согласными свидетельствами иностранных и русских источников.

Рис. 30. Заглавный лист книги Н. Витсена «Северная и Восточная Татария».

XVII ВЕК

XXII. ПЕТР ПЕТРЕЙ | PETRUS PETREJUS

(1601—1610)

Петр Петрей де Эрлезунда (Petrus Petrejus, по шведски — Peer Persson) — шведский дворянин, родом из Упсалы. Жизнь его плохо известна (все сохранившиеся данные собраны в шведском биографическом словаре: Biographiskt Lexikon öfver namnkunnige svensa män, Bd. XI, Upsala, 1845, p. 164—168). По приезде в Россию в 1601 году, он провел здесь около четырех лет, став очевидцем смутной эпохи, важнейшия события которой он и описал по возвращении в Швецию в особом сочинении: «Regni Mushovitici sciographia. Thet är: Een wiss och egenteligh Bescriffning om Rydzland» (Stockholm, 1615); здесь даны: история России от Рюрика до 1612 г., основанная отчасти на „Хронике" Буссова (см. об этом статьи А. А. Куника в журн. «Das Inland» 1850, № 7 и Erman's «Archiv f. wiss. Kunde Russlands» XI, 1850), а также описание России в нач. XVII века, на основании личных наблюдений и по известиям других иностранных авторов. Аделунг (Krit. Lit. Übersicht II, 145) отзывается о Петрее очень лестно, говоря о нем, что „Петрей по справедливости почитается одним из замечательнейших писателей касательно древнейшей истории и учреждений русских", но уже Юрий Крижанич в XVII веке дал довольно резкую его характеристику: „Петер Петреиш немчин есть написал книги дебелыя об сем царству, а в них на всяком листу все полно ядовных, лаячных, ненавидных вещей и ложных повестей. Он своя книга зовет Историею Русского селити вестинными книгами; али по правде имаит ся звать пасвината, се есть оговорныя, ущипливыя, шутския, поругательския книги" (П. Бессонов, Русское государство в половине XVII века I, стр. 166). „Петрей не может считаться хорошим источником, — замечает новейший историк. Он заражен предрассудками, недостаточно беспристрастен в своих суждениях и по большей части повторяет то, что уже было сказано другими" (А. М. Ловягин в „Русском Биографическом словаре", т. „Павел—Петр", СПб. 1902, стр. 636—637). Тем не менее, следует признать несправедливым отзыв Е. Козубского („Заметки об иностранных писателях о России", Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 № 5, стр. 9—10), который

говорит, что „большая часть Петрея или переписана у Герберштейна или содержит небылицы“, т. к. в его книге все же много интересных данных относительно смутного времени. В 1620 г., в Лейпциге, Петрей выпустил свою книгу о России (с дополнениями), на немецком языке. Она перепечатана в «Scriptores Rerum Rossicarum exteri», (Petropoli 1851, p. 137 sq.), с вариантами шведского издания; на русский язык сочинение это переведено А. Н. Шемякиным под заглавием: „История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о Московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах“ („Чтения“ 1865—1867 и отд. М. 1867), откуда мы и заимствуем небольшой отрывок о Сибири („Чтения“ 1865, IV, стр. 44—45). Отметим, что в шведском журнале «Le Monde Oriental» в течение двух лет (1906—1908) объявлялось о скором напечатании специальной работы A. Almquist'а о Петрее и об источниках его „Истории“, но по справкам, обязательно наведенным для меня Prof. K. V. Zetterstéen'ом (Stockholm) у автора, — она в печати совсем не появлялась. О Петрее см. еще: Schück, Svensk Litteraturhistoria I, 442 f.; Helge Almquist. Sverge och Russland (1595—1611), Uppsala 1907; Я. К. Грот. Из русской истории СПб. 1901.

Княжество Сибирь (Siberien) прежде находились под властию казанских царей и не имело ни крепостей, ни городов. Когда же великий князь завоевал его и привел в свое подданство, он велел построить там семь городов и местечек и населил их русскими. У жителей особенный язык. К северу граничат они с большою рекою Обью (Obi). Одежда у них из кож и мехов, шерстью вверх. Хлеба там не родится, но вместо него они кормятся жареной рыбой, мясом диких птиц и зверей. Из этой области приходит чрезвычайно много дорогих мехов: соболей, куниц, белых, черных, голубых и красных лисиц, белых медведей, волков, рысей и самых красных белок—их выменивают русские на хлеб, водку и тому подобные необходимые для жителей вещи, и наживают при этом значительную прибыль. В этом краю водятся очень большие и сильные собаки, которых так приучили жители, что запрягают их парами в сани и ездят на них по своим делам через горы и долины; не надо давать им слишком скоро бежать, чтобы не остаться на дороге.

Дань великому князю жители платят разными мехами. В этом краю такая стужа, что не вырастает совсем ни трава, ни лист на дереве, а тем менее хлеб или садовые плоды. Туда ссылаются все, находящиеся в немилости у Великого князя, и в чем нибудь провинившиеся или согрешившие перед ним; они остаются там и ведут бедственную жизнь до тех пор, пока великий князь опять не примет их в милость к себе и не позволит возвратиться оттуда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Велел построить там семь городов] Цифра семь — несомненно случайного происхождения. Ко времени, когда Петрей писал свою «Хронику» (1614—15), русское правительство успело основать в Сибири гораздо большее количество городов и острогов. Однако, летописные и исторические данные дают об этом несогласные сведения. По одной из сибирских летописей, в Сибири построены: сначала Тюмень (1586) «на месте Чингидеса», затем Тобольск (1587) «вместо бесерменского града Сибири, по которому ныне и вся страна названа Сибирью»; в 1588 г. воевода Елецкой строил г. Тару, а между 1591 — 1594 гг. построены были: Пелым, Березов, Сургут (все три 1591 г.), Нарымск (1592 г.). Томск (1593) и Кетской острог (1594) (См. А. А. Ионин «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири» — «Сибирск. Архив» 1913, № 9—11, стр. 465); Миллер и Фишер дают несколько иные сведения. Тара построена в 1594 г., Пелым. Березов, Сургут — в 1593 г., Нарым и Кетской острог в 1596, Томск в 1604 г. Ср. Müller. Samllung Russ. Gesch. VI, S. 127 ff.; И. Тыжнов. Заметки о городских летописях Сибири. СПб. 1898. Сл. Н. В. Турчанинов. Города Азиатской России. «Азиатская Россия», П. 1914 т. I, стр. 285 — 361.

В этом краю водятся очень большие и сильные собаки] сл. выше, стр. 148.

Туда ссылаются все, находящиеся в немилости] Известие Петрея, — если не считать, вероятно, основанного на недоразумении, свидетельства Г. Штадена и указания Д. Флетчера (сл. выше, стр. 199) — принадлежит к числу наиболее ранних печатных показаний о ссылке в Сибирь. В этот период, как показывают исследования П. Н. Буцинского (Заселение Сибири, Харьков 1889, стр. 196—215) ссылка не получила еще широкого распространения и применялось московским правительством, главным образом, с колонизационными целями (иного взляда держался Н. М. Ядринцев. Исторические очерки русской ссылки — «Дело» 1870 № 10, стр. 208, 211, 221; «Колонизационное значение русской ссылки», там же, № 12, стр. 3; его-же: Сибирь как колония, изд. 2-е, СПб. 1892, стр. 245), находивший что «у древних русских царей эта мера была мерой чисто административной и почти всегда сопровождалась заточением на месте ссылки»; ср. И. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири Ирк. 1883, стр. 59). Санкцию закона ссылка получила только в «Уложнии» Алексея Михайловича (1649 г.), хотя применялось уж задолго перед тем. Н. Ядринцев указывал, что «когда явились первые ссыльные, города и остроги уж обстроились. Туринск, Пелым и Тюмень были первым местом их назначения. Ссыльные не входили, однако, здесь в число свободноге населения». На этом основании он заключал, что колонизационное значение ссылки было ничтожно. Однако уже И. Масса, в известии, относящемся к первому десятилетию XVII века ставил в связь рост городов в Сибири и ее быстрое заселение именно с большим количеством людей, высылаемых в эту страну (это свидетельство приведено у нас ниже: И. Масса). По Буцинскому, просмотревшему во всех важнейших русских архивах все сохранившиеся дела о ссылке в Сибирь за время от 1593 до 1645 гг., ссылке подверглись «около 1500 человек, не считая жен и детей и разных свойственников». Точную цифру можно указать лишь за десятилетний период 1614 — 1624 гг.: 560 человек. Любопытно отметить, что среди ссылаемых было много иноземцев, гл. образ. военно-пленных; тут были поляки, литвины, немцы «цесарской земли», немцы ливонские и и шведские, латыши, черкесы, один француженин» (П. Буцинский, op. cit, стр. 199—200; сл. Н. Н. Оглоблин Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. II, М. 1895, стр. 301; ч. III, М. 1900 стр. 61—63, 115 и др.)

XXIII. ДЖОСИАС ЛОГАН | JOSIAS LOGAN

(1611)

В 1611 году английская торговая компания, директором которой был тогда Томас Смит, в надежде на большую прибыль, попыталась завязать непосредственные сношения с крайним северо-востоком России и для этого послала специальный корабль, который предпринял путешествие к устью Печоры. Корабль назывался „Дружба" («Amitie») и капитаном на нем был Джемс Вэден (James Vadun), опытный и смелый моряк, хорошо изучивший условия плавания по полярным водам и не раз ходивший до Шпицбергена. Снявшись с якоря в Темзе 11 апреля 1611 г., „Дружба" обогнула Норвегию и, пройдя Белое море, сделала попытку продвинуться как можно дальше на восток. Устья Печоры корабль достиг 11-го июля этого года. На корабле находились Вильям Гордон из Гулля (William Gordon of Gull), „тот самый Гордон, который в 1603 г. по поручению Черри, вместе с Беннетом, отправился на север и первый из англичан прибыл на остров Черри" (Гамель, стр. 190, см. у нас выше: Ф. Черри стр. 194), затем Ричард Финч (см.) и, наконец, факторы Джосиас Логан, его помощник Вильям Персглоу (Pursglove) (см. ниже) и ученик Мармадьюк Уильсон. Логан, Персглоу и Гордон на шлюпке с шестью гребцами проехали через Сухое море к реке Печоре и поднялись по ней до Пустозерска, куда прибыли 16-го июля. Здесь не без труда выхлопотали они разрешение у таможенных сборщиков на некоторое время остаться в Пустозерске. Не забудем, что дело происходило в самый разгар смутного времени. Даже отдаленный Пустозерск испытал на себе влияиие всеобщей разрухи: воеводы в нем не было; последний, как рассказывали Логану, в 1610—1611 году зажег острог, принеся этим пожаром большие опустошения, а затем уехал. Характерно, что во время поездки в Пустозерск, — когда англичане приставали к различным рыбачьим шалашам, хозяева их почти все убегали, принимая чужих пришельцев при первом взгляде за поляков. Только безвластием и полной независимостью местных администраторов и можно объяснить удачу предприятия Логана и его

спутников и продолжительностъ их пребывания в этом крае. Закупив много товаров, Гордон с Персглоу возвратились на корабль „Дружбу", „первый с тем, чтобы поплыть дальше, а второй для того, чтобы с Уильсоном опять проехать в Пустозерск и привезти с корабля различные товары" (Гамель, стр. 191 и сл.). Логан, Персглоу и Уильсон остались в Пустозерске на зиму, изучая условия местных рынков и особенно интересуясь странами, расположенными к Востоку от него. Как путешествие „Дружбы" до устья Печоры, так и дальнейшие странствования и приключения англичан на суше, известны нам довольно подробно, благодаря ряду донесений, посланных ими в Англию и по дошедшим до нас их путевым дневникам. Из них наибольший интерес представляют для нас материалы Логана и Персглоу, касающиеся Сибири и полученные ими расспросным путем, главным образом в Пустозерске.

Логан был довольно сведущим лицом в торговых делах. Еще в 1603 году он был назначен торговым агентом в Колу и пробыл там пять лет. Вероятно, он выучился тогда русскому языку, который очень пригодился ему во время путешествия 1611 года и зимовки в Пустозерске для собирания сведений о странах северо-востока и торговых путях и Китай. Некоторые исследователи отдают предпочтение известиям Персглоу, с которыми донесения Логана зачастую имеют не только сходство, но и текстуальную близость, и предполагают, что Логан в некоторых случаях пользовался известиями Персглоу, как первоисточником (так думает напр. Henning, Die Reiseberichte S. 296), однако, такой вывод, если он даже и правилен, все же нисколько не делает их менее интересными, так как известия двух англичан собирались ими в одном и том же месте и, вероятно, от одних и тех же лиц; кроме того, известия эти не совпадают друг с другом вполне, а иногда Логан рассказывает пространнее, чем Персглоу; Логан несомненно сам знал русский язык и имел возможность собирать сведения самостоятельно. Интересно отметить, что Логан был знакомым Ричарда Гэклюйта, и быть может, собирал географические данные по его инструкциям и поручению: это, в свою очередь, увеличивает их ценность. Между прочим, Логан и Гордон, будучи на Колгуевом острове, даже назвали одну реку по имени Гэклюйта, что говорит об их уважении к английскому историографу. Письма Логана к Гэклюйту могут подтвердить, что Логан, пожалуй, интересовался географическими вопросами не только с узко-практической точки зрения, и сделался, вероятно, корреспондентом интересным и очень ценимым. Однако, сам Гэклюйт, умерший в 1616 году, не смог воспользоваться всеми материалами, доставленными ему Логаном, и они достались его продолжателю Перчасу, который и напечатал их в своем сборнике (III, 541—546). Среди этих материалов находились письма Логана и род дневника, веденный им во время зимовки в Пустозерске в 1611—1612 г., в который он заносил все интересовавшие его сведения, полученные

из бесед с местными жителями и приезжими туземцами — самоедами, тунгусами. Как в письмах, так и в дневнике, много данных о Сибири. Логан уже слышал про реку Енисей и случайно увидев купленный у самоеда кусок слонового зуба (вероятно мамонтова кость) полагал, что находится на пути в Китай и Индию. В письме к Гэклюйту от 16 августа Логан описывал морской путь к Оби через Югорский шар, упоминая об Енисее, тунгусах и делая предположения, правда, неудачные, об этимологическом сходстве названий тунгус и Тангут. В описании мощной реки за Енисеем, текущей на юг, с большой долей вероятия можно видеть Амур. Все эти известия заслуживают большого внимания. Логан вместе со спутниками энергично изучал также местный рынок и выяснил, что главным центром русско-сибирской торговли была Слободка (теперь предместие г. Мезени). Англичане накупили много ценных товаров, по преимуществу пушнины, и сухопутьем вернулись в Холмогоры в конце сентября 1612 года.

Известия, письма и дневники Логана, напечатанные у Перчаса, давно обратили на себя внимание. „Рассказ русского, много ездившего по пути от Печоры до Оби" в голландскомпереводе напечатан у Витсена (Noord en Oost Tartarie, изд. 1692 II, 588, изд. 1705 II, 941—942). Шренк в своей книге Reise nach dem Nordosten europäischen Russland durch die Tundren der Samoieden, zum Arktischen Uralgebirge» Th. II (Dorpat, 1854), S. 199-202 привел выдержки из этих известий, но напечатанные у него в немецком переводе отрывки касаются, главным образом, северной части Урала, так как данные о Сибири Шренка специально не интересовали. Небольшое извлечение из письма Дж. Логана к Гэклюту привел в русском переводе А. Филиппов („Речной путь в Сибирь через полуостров Ялмал".—„Записки по гидрографии" вып. XXVI, СПб. 1904, стр. 162—163). Об англичанах на русском севере см. еще С. Ф. Платонов Иноземцы на русском севере в XVI—XVII вв. „Очерки по истории колонизации Севера и Сибири" вып. II, П. 1922, стр. 7—17; перепечатано в книге: „Прошлое русского севера" П. 1923, стр. 58—71. Мы приводим ниже в русском переводе, по сборнику Перчаса, не все материалы Логана, но лишь те из них, какие имеют отношение к Сибири. Перевод сделан А. Ю. Трубниковой.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЖОСИАСА ЛОГАНА НА ПЕЧОРУ И ЗИМА, ПРОВЕДЕННАЯ ИМ ТАМ С УИЛЬЯМОМ ПЕРСГЛОУ И МАРМАДЬЮКОМ УИЛЬСОНОМ В 1611 ГОДУ.

[Февраль 1612 г.] Рассказ русского, много ездившего по пути от Печоры до Оби.

Двадцатого февраля я имел разговор с одним русским относительно его торговли с Мангазеей (Molgomsey). Он был там дважды

и был первым человеком, который когда либо пытался проникнуть туда; никто не ездил дальше его на восток. Он сказал мне, что от Меденского заворота (Medenskoy Zauorot) около устья Печоры до двух островов, называемых Зеленец (Zyelensa) два дня и три ночи пути морем при благоприятном ветре. Оттуда до Бритвина носа (Breit - vinnose) в проливе Вайгач трое суток при благоприятном ветре. А оттуда еще пять или шесть дней плавания мимо острова или вернее скалы, называемой Соколья Лодья (Socolia Lowdia), которую нужно оставить направо, чтобы избежать подводных камней, держа курс все время на северо-восток до места, где с правой стороны песчаная гряда вдается в море на три мили. От этого места нужно держать курс немного более на юг и плыть еще пять или шесть дней; тогда вы придете к реке Оби (Ob), в устье которой находится остров; вы же должны держаться морской его стороны, так как между островом и материком мелко. Местность по берегам представляет собою прекрасную низменность, а вход в реку находится на востоке от острова. Говорят, что для того, чтобы пересечь реку поперек на лодке, требуется в летнее время целый день, и что она полна островов; при этом говорят, что здесь мелко. Но по-моему такая большая река не может быть без фарватера, который еще не изучен, вследствие чего река и считается несудоходной. Говорят также, что она очень обильна рыбой различных видов, но местные жители и русские не хотят, чтобы мы туда ехали.

Кроме того, он рассказал мне о местности, простирающейся на восток от реки Оби. На расстоянии пяти или шести дней плавания к востоку от Оби имеется еще река, такая же большая, как и Обь. Она очень глубока и течет с юга, но протяжение ее еще неизвестно, хотя он и утверждал, что сам он плыл по крайней мере три недели вверх по реке и все время встречал различные племена народа, называемого самоедами (samoyeds), которые отличаются друг от друга по языку. Он и местные жители утверждают, что выше по реке и южнее живут татары, которые ездят на лошадях. Он утверждает также, что они находили части плугов Ploughes), которые были принесены с гор во время разлива, вызванного таянием снегов. Эта река очень глубока и имеет очень высокие берега (very high lands), с обеих сторон. С восточной стороны в нее впадает другая река, называемая Тунгуской (Tingussey) и народ, живущий на ней, называется также тунгусами, из чего я заключаю, что это недалеко от города Тангут в Китае (Cathay). Эти тунгусы говорят, что есть еще другая огромная река, которая течет на юг и которую полоса земли отделяет от Тунгуски. По этой реке ходят большие корабли, похожие на русские, имеющие много мачт и пушек, которые, когда из них стреляют, сотрясают землю. Эти корабли принадлежат, повидимому, китайцам (Chinians), которые торгуют там летом и возвращаются до наступления зимы

Это подтверждается одним русским, бывшим на Тунгуске, где слух об этом распространен среди местного населения.

[Апрель]. Рассказ пермяка.

Двадцать первого апреля я имел беседу с одним пермяком относительно товаров, которые можно приобрести в городе Усть-Цильме (Ust-zilma). Он сказал мне, что за рекой Енисеем (Yenissey) на восток простирается земля, и что там имеется река, называемая Пясида (Peaseda), а за нею другая, называемая Хатанга (Catonga), которая течет в Китай (Cathay); царя этой местности пермяки и русские называют Teulka-tsar. Река протекает и на севере и на юге, но жители берегов Енисея не могут сказать на каком расстоянии, так как никто из них не плавал по ней по той причине, что они боятся быть убитыми (of their [?] shot). И этот пермяк рассказал мне, что на морском берегу, приблизительно на полпути между этими реками Пясидой и Хатангой были найдены камни, из которых некоторые похожи на золото, а некоторые на серебро.

[Июль] Пожар Томска

Пятого июля мы получили известие о том, что воевода (governor) и солдаты Томска сожгли город и бежали оттуда по причине недостатка съестных припасов и невыплаты жалованья. Около трехсот человек из них имели намерение прибыть в Усть-Цильму (Ustzilma) и ограбить население этого города. В этот день мне сказали, что от Пустозерска (Pustoser) вверх по Печоре до реки Усы (Ouse) три недели плавания при благоприятном ветре; оттуда вверх по реке Усе до Подкаменья (Podcamen) — десять дней, а оттуда до Оби восемь дней езды на оленях; оттуда же шестнадцать дней до Березова (Beresoua) — торгового города. Хозяин мой рассказал мне, что он был в плену (prisoner) в Березове и в Тобольске (Tobolsko); он утверждает, что Тобольск ведет крупную торговлю и что таджики (Teseesks), бухарцы (Bowhars) и татары приезжают туда торговать и привозят шелка, бархат (veluets), гробгрины (Grogran), сендали (sendames) и киндяки (kindackes), и что там можно продать большое количество сукна, оловяной и медной посуды. Там имеется также большой запас мехов, как-то: соболей, белок, лисиц, россомах (Rosamackes) и бобров. Он говорит, что от Пустозерска до воды в Югории (Vade in Jugoria), которая находится на этой стороне Оби, месяц езды на оленях, а в Носовой [городок] (Nosoua), — который находится по ту сторону Оби и на расстояние две с половиной недели пути в легкой повозке или с почтой. Кроме того, он сказал мне, что Печора течет в Пермь Великую (Velekapermia), которая находится в пяти неделях пути от Пустозерска, а от Перми до Верхотурья (Verhotowria) — девять дней пути на лошадях и в санях; оттуда до Тюмени (Tumen) по реке — десять дней, а от Тюмени — шесть дней по реке Иртышу (Irtish) до Тобольска (Tobolsko), глав-

ного города во всей Сибири. От Тобольска до Сургута (Sowrgut) — шесть недель пути вверх по реке Оби. Оттуда получаются все богатые меха, которые доставляются в Архангельск (Arcania). От Сургута до Томска (Tome), который расположен среди татар — три недели вверх по реке Оби, и все же, по его словам, никто не знает, как далеко течет река Обь. Он проезжал через эти места [направляясь] до Москвы (Musco) в начале царствования Расстриги (Rastriga).

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДВУХ ПИСЕМ ДЖОЗИАСА ЛОГАНА С ПЕЧОРЫ К МИСТЕРУ ГЭКЛЮЙТУ — ПРЕБЕНДУ ВЕСТМИНСТЕРА

Зимой сюда в Пустозерск приезжают до двух тысяч самоедов со своими товарами, среди которых могут быть и такие, о которых мы никогда и не мечтали. Так, случайно кто-то доставил нам кусок слоновой кости, которую он яко-бы купил у самоеда. Здесь есть также люди, называемые тунгусами (Tingussies), страна которых находится за реками Обью и Тазом (Taes) и доходит до большой реки Енисея,—хорошей и большой реки, которая впадает в море Няромское (Naromzie). Повидимому она [страна эта] находится недалеко от Китая. Поэтому, вы можете понять, какие надежды возлагаются на это предприятие, если, с божьей помощью, его удастся осуществить как следует.

Июля 24-го 1611 г.

ИЗ ДРУГОГО ПИСЬМА, С ПЕЧОРЫ, 16-го АВГУСТА

Русские и пермяки ежегодно торгуют с жителями берегов Оби и местности, лажащей за ней. Они едут туда морем через большую бухту за Печорой, называемую Югорский шар (Yowgorsky Shar), в которую впадает четыре реки; самая восточная из них называется река Кара (Cara Reca), что значит Черная река. Пройдя ее, они входят в другую, называемую Мутной рекой (Moetnaia reca); затем они подходят к волоку (voloc), т. е. полосе земли в три версты, через которую они перетаскивают свои лодки и товары, и таким образом доходят еще до одной реки, называемой Зеленая река (Zelena Reca), которая доходит до Оби. В нее впадает с восточной стороны река Таз (Taes), образуя общую губу с рекой Обью. Эта река мелкая, но настолько широкая, что, говорят, человек едва может различить противоположный берег, и имеет много островов.

Кроме того, за Тазом имеется еще большая река, называемая Енисеем (Yenissei), которая, говорят, больше и глубже Оби.

Никто не знает, на каком протяжении она течет, хотя вверх по течению ее уже плавали по четырнадцать дней. Этого нельзя узнать от местных жителей, которые называются тунгусами и являются особым народом. Самоеды же говорят, что, видели белый город (White Citie or Towne) который, казалось, был построен из камня, но они не посмели подойти к нему, чтобы убедиться в этом; и они слышали также, что у них есть [животные, имеющие] длинную гриву и хвост, которые не имеют рогов, и что копыта у них круглые и не раздвоены, как у оленей; повидимому это лошади. Далее они рассказывают, что к ним вышли люди, все сделаные из железа; я полагаю, что это были люди, одетые в латы. Так как они говорят, что двести таких людей могут, по их мнению, завоевать все их царство (all their Realme), то из этого вы можете заключить, что они находятся недалеко от Китая и Хины (Cataia and China). Таким образом, я вам открыл самый большой секрет и то, что, насколько я знаю, ближе всего подходит к истине; если вы найдете это нужным, доставьте графу Сэлсбери (Salisbury) копию с этого письма. Я кончаю, желая вам здоровья и благополучия в этом мире и радостей в мире будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Торговли с Мангазеей] О Мангазейской земле см. выше (Рич. Джонсон, стр. 127—128; Штаден, стр. 159). Ко времени настоящего известия, в Мангазейской земле, на Тазу, на месте промышленного зимовья, возник (в 1601 г.) Мангазейский город, — большая укрепленная фактория, игравшая значительную роль в меховой торговле первой половины XVII века. «Закинутый в глубь студеной тундры, пишет С. В. Бахрушин («Легенда о Василии Мангазейском». Известия Академии Наук СССР. Отд. Гум. Наук, 1929 № 6, стр. 479 сл.; его-же: «Мангазейская мирская община в XVII в.» «Северная Азия» 1929 № 1, стр. 50—54) почти под самый полярный круг, затерявшийся в беспредельных пространствах северных болот, среди воинственных инородческих племен — кровавой самояди» и других «немирных иноземцев» — отрезанный от Руси и даже от прочей Сибири бурями Мангазейского моря, Мангазейский город силою своего положения на одном из важнейших пунктов промышленного движения в Сибири был в течение первых десятилетий XVII века значительной станцией на пути торговых и промышленных людей на енисейские и ленские промыслы. Постоянного населения в городе не было, но из года в год, в начале осени, сюда прибывали морем караваны кочей, и безлюдный в обычное время город оживлялся». Один из таких поморских промышленников был информатором Логана о морском пути в Сибирь. Однако представляется странным указание Логана, что «он был там дважды и был первым человеком, который когда либо пытался проникнуть туда», так как описанным у Логана путем «поморские промышленники несомненно уже пользовались в первой половине XVI века и продолжали ходить до 1620 г., когда он был закрыт для них вследствие запрещения, последовавшего от властей. По словам самих промышленных людей в 1617 году, они ходили морем, «которого лета льды пропустят» в Обскую Губу и в Мангазею «для своих промыслов» с Двины, с Пинеги и с Мезени «лет по 20, по 30 и больше» (Русская Историч. Библиотека, т. II № 254, 10, стр. 1052; С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928, стр. 80; сл. у нас выше: Штаден, стр. 159,

Марш, стр. 186—187). Возможно, что московскому правительству «этот путь был долгое время мало ведом, или вернее оно не имело о нем точных, определенных сведений, хотя и знало, что промышленные и торговые люди плавают морем в Мангазею. Точные сведения о морском пути правительство получило только в начале 1616 года от Тобольского воеводы Куракина: последний, сообщая в Москву сведения об этом пути, в то же время высказал опасение, что оным могут воспользоваться немцы для торговли с сибирскими инородцами, как уже и были с их стороны попытки по рассказам торговых и промышленных людей, «а по здешнему, государь, — писал этот воевода, — по сибирскому смотря делу, никоторыми обычаи немцам в Мангазею торговати ездити повелить не мошно; да не токмо им ездити, ино-б государь, и русским людям морем в Мангазею от Архангельского города для немец ездить не велеть — чтоб на них смотря немцы дороги не узнали, а приехав бы воинские многие люди сибирским городам какие порухи не учинили» (Р. Ист. Библ. II № 254, 11, стр. 1055; П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьк. 1889, стр. 183—184). Напуганное этим известием московское правительство в том же году запретило под страхом смертной казни плавать этим путем в Мангазею и обратно (РИБ, там-же, стр. 1059). «Те торговые и промышленные люди, — замечает по этому поводу Буцинский (op. cit., стр. 174), — которые рассказывали Куракину о попытках немцев пробраться в Сибирь, и не подозревали, что эти рассказы им-же принесут великое горе. Поэтому они,узнав о правительственном распоряжении относительно морского пути, запели уже иную песню. «В сыску в Мангазее многих городов торговые и промышленные люди сказали, что от двинского устья морем в енисейское устье большими и малыми кочами сами не бывали, и изначала про ходоков русских и никаких иных людей не слыхали; а то де они слыхали, что от Мутные реки и до Обского устья и к Енисейскому устью морем непроходимые злые места от великих льдов и всякия нужи, а у Карские-де губы кораблей немецких не видали, а с моря на Енисею кораблями или кочами про проход немецких людей не слыхали и на Карскую губу за большим льдом ездити не мошно». Но в то же время торговые и промышленные люди били челом, чтобы им разрешили ездить в Мангазею и обратно прежним путем, «большим морем». Несмотря на резко бросающееся в глаза противоречие межу «показаниями на сыску» относительно морского пути и упомянутой просьбой, правительство забыло свой страх и в нач. 1618 г. снова разрешило ездить по этому пути. А одного из виновников рассказов про немецких людей... Еремку даже велено «за то бити нещадно, чтобы на то смотря иным было неповадно воровством смуту затевать» (Русск. Ист. Библ., т. II, стр. 1066 — 1067). Однако русские недолго, по крайней мере открыто, пользовались этим путем; уже в конце 1619 г. по указанию Тобольского воеводы издан указ, которым снова запрещалось торговым, промышленным и всяким людям плавать морем в Мангазею (РИБ, т. II, стр. 1075). А чтобы это запрещение не нарушалось, в 1620 г. велено было построить острожек на волоке между речками Мутной и Зеленой и посылать туда дозорных, чтобы они никого не пропускали тем путем в Мангазею и обратно; это распоряжение исполнено только в 1624 г. (op. cit., стр. 1094). Таким-то образом был прегражден морской путь в Сибирь» П. Буцинский, op. cit., стр. 176; П. Буцинский. К истории Сибири. Мангазея и мангазейский уезд 1601—1644 гг. «Записки Харьковского Университета» 1895 I, стр. 69—71. С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 85—86. Сл. Русс. Ист. Биб., т. VIII, столб. 363: «Отписка Тобольск. воеводы о том, чтобы немецкие люди ни водяным, ни сухим путем не прошли в Сибири», 1620—1629 гг. Логан и его спутники были как раз одними из тех иностранцев, против которых направлено было челобитье Тобольского воеводы государю; однако, дело происходило еще в 1611 году и поэтому предприятие Логана увенчалось полным успехом; он не даром замечает, однако: «местные жители не хотят чтобы мы туда ехали». Подробная характеристика морского пути в Мангазею, на основании русских документов и иностранных свидетельств сделана С. В. Бахрушиным (Очерки, стр. 80—82). Ср. еще Б. М. Житков. Г. Мангазея и торговый путь через Ялмал «Естествознание и География» 1903 № 5, стр. 80 и след.

По словам Н. Степанова («Описание Енисейской губ.», ч. II, стр. 125) гор. Мангазея сгорел в 1619 г. и управление его перенесено в острог Туруханский. Г. Спасский говорит, напротив, что тамошняя крепость разрушена и гарнизон оттуда выведен в 1662 г. (П. И. Третьяков, Туруханский край, его природа и жители СПб. 1871, стр. 134; Г. Н. Тарасенков. Туруханский край. Экономический обзор с историческим очерком, Красноярск 1930, стр. 15—16). Впоследствии место, где он стоял, долго оставалось неизвестным и указывалось только приблизительно. Первым точно местоположение Мангазеи определил О. В. Маркграф, посетивший р. Таз в 1899—1900 г.; далее развалины Мангазеи описал И. Н. Шухов (Общий обзор бассейна реки Таза, Ачинск, 1915); в августе 1927 г. экспедиция Р. Е. Кольса еще застала здесь кое-какие остатки развалин: „по берегу, от оврага к ручью, постепенно понижающемуся, торчат бревна построек. По расположению этих бревен можно заключить, что это остатки стен, обращенных к материку, стены же, выходившие к реке, уничтожались обвалами, подмывом реки и уносились половодьем. По берегу оврага тянется ряд бревен, забитых стоймя, как сваи, плотно друг к другу, очевидно какая-то стена, возможно крепостная. Проследить ее удалось шагов на двадцать, а дальше она теряется под землей. Из других построек хорошо сохранился какой-то сруб, отстоящий от берега шагов на 100—150... По всей вероятности это гнездо от потолочной балки. Рядом с этим срубом, немного в стороне, находятся остатки другого строения, но лежат они ниже уровня земли, бревна поросли мохом и квадрат, ими образованный—заболочен... Вся площадь кочковатая, покрыта кустарником, а по берегу, ближе к оврагу, где находятся остатки часовни—деревьями березы, ольхи и др.». «У русских и туземцев название Мангазея почти не сохранилось, а говорят больше просто «часовня»... Вся местность носит название Тагаревы—харад, разломанный город». Р. Е. Кольс. Река Таз (Тасу-Ям), Лгр. 1930, стр. 27—29.

От Меденского заворота] сл. выше, А. Марш, стр. 191. «Мединский заворот теперешних карт Логан называет Medianskoy, а Финч — Meddenitzkoi; в Большом Чертеже назван Медянским»,—замечает Гамель (Англичане в России, стр. 190). В действительности, Логан в издании Перчаса называет его так, как у нас напечатано: Medenskoy Zauorot.

Островов, называемых Zyelensa] В пустозерской губе находится несколько островов. Среди них довольно значительны острова Большой и Малый Зеленец, которые, вероятно, и имеются здесь в виду; они расположены к югу от острова Долгого против Хайпудры. Большой и Малый Зеленец имеются также около Лапландского берега (Ср. П. Семенов. Географическо-статистический словарь, т. II, стр. 269).

До Бритвина носа] Вероятно название Breit-vinnose следует понимать именно так. Под этим именем известен мыс Бритвин на северо-западном побережьи Новой Земли, против которого находится гряда камней и подводных скал. По смыслу рассказа здесь однако может иметься виду только остров Бритвин к югу от Новой Земли. Есть собственно, два Бритвина острова: Большой и Малый; они расположены невдалеке от Оленьего острова (К. Свенске, Новая Земля, СПб. 1866, стр. 48); впрочем, не имеется ли здесь в виду Болванский мыс? Не следует также путать упоминаемый у Логана мыс с Бритвиным столбом иностранных карт (Britvinstolb или Britnstolb)—между Мутным шаром и рекою Мутной,—которому, по мнению А Филиппова, соответствует нынешний Белужий нос (Записки по гидрографии, вып. XXVI, 1904, стр. 165); на некоторых новых картах ему уже возвращено его старинное название.

Острова или, вернее, скалы, называемой Сокольья Лодья] На карте Массы восточнее о. Вайгача, отмечен маленький островок, называемый «Socolia loeda oft de Valken eylant»; этот остров и имеет в виду Логан, но написание его у Массы правильнее, т. к. на языке поморов лудою называется «островок, состоящий из голого камня, а иногда и подводная скала» (К. Свенске, Новая

Земля, стр. 48 прим.), Логан же введен был в заблуждение сходством слов «ладья» и «луда». Сходные названия нередко встречаются в Белом море: известна напр. Сокольяя губа — каменистая мель с утесами на Терском берегу Белого моря и др. (Ср. П. Семенов, Геогр.-статист. славарь, т. IV, стр. 667; III, стр. 80; Сл. выше: стр. 39).

К востоку от Оби имеется еще река. . .] Вероятно имеется в виду Енисей. О путях в Енисей из Мангазеи рассказывает С. В. Бахрушин (Очерки, стр. 110 — 122).

Недалеко от города Тангут в Китае] Логан был введен в заблуждение сходством названий Тангут и Тунгус; об области Тангутской см. выше: Меркатор, стр. 176, впрочем оба имени смешивались и в русских современных документах; так напр., в одной из грамот 1635 г. говорится о «Тунгузском лабе», т. е. о «тангутском Далой-ламе» (М. П. Пуцилло, Указатель делам и рукописям относящимся до Сибири М. 1879, стр. 26).

Есть еще другая огромная река] Henning («Reiseberichte über Siberien von Herberstein bis Ides» — «Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig» 1905, S. 294 — 295) замечает по этому поводу: «Предположение, что другая большая река, отделенная полосой земли от Тунгуски и текущая на юг указывает на Китай, можно считать вполне справедливым. Мы можем подумать об Амуре и вспомнить, что продвижение русских на Уду, верховья Лены, к Байкалу делали все отчетливее признаки китайской торговли. Таким образом, в слухе о большой реке мы в самом деле можем видеть указание на Амур». При всей заманчивости отождествления «другой огромной реки» с Амуром, нужно признать его все-же несколько рискованным, т. к. в 1611 г. сибирские промышленники едва-ли знали что либо об этой реке, продвинувшись только за Енисей. По поводу аналогичного замечания В. Перглоу (см. след. текст) Nordenskiöld высказал предположение, что здесь имеется в виду река Лена (Vega, B. I, S. 240 Anm. 1, русск. перевод: «Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе Вега», т. I).

Русским, бывшим на Тунгуске] Под Тунгуской, и здесь, и выше разумеется, как думает Шренк, — Средняя или Подкаменная Тунгуска, но не о Нижней-ли Тунгуске идет речь? (сл. ниже: Рич. Финч, стр. 232).

Рассказ пермяка] По справедливому замечанию Шренка (Reise nach dem Nordosten europäischer Russland, durch die Tundren der Samojeden, zum Arktischen Uralgebierge, Th. II, Dorpat 1854, S. 179 Anm.) под «пермяком», как здесь, так и в других известиях англичан (сл. выше: Р. Джонсон, стр. 125; Дж. Флетчер, стр. 220) следует понимать коми-зырянина. А. Ф. Теплоухов в статье: «Пермяки и зыряне». («Пермский краеведческий сборник» вып. II, Пермь 1926, стр. 115—116), ссылаясь на Д. Логана, также замечает, что «здесь речь идет... не о коми-пермяках, в современном значении этого слова, а о коми-зырянах». По данным, собранным тем же исследователем, впервые пермяки упоминаются в 1467 г. во время их похода на вогулов: в 1471 г. мы видим пермяков на р. Вашке, в 1483 г. они упоминаются в походе против вогульского князя Асыки; в 1545—теснят канинских и тиунских самоедов. «Упоминание пермяков рядом с вычежанами сысоличами, вымичанами и печорянами, в связи с нахождением их в 1471 г. на Вашке, притоке Мезени, с посещением ими Мангазеи... заставляет предположить, что под пермяками здесь надлежит разуметь скорее всего зырян по Мезени и Вашке, зырян удорских и едва ли ижемцев». «Едва ли не впервые пермяки в современном значении этого слова, как проживающая в Великой Перми южная отрасль пермского племени упомянуты у Витсена». Сл. у нас выше: стр. 94, 100.

В городе Усть-Цильме] Усть-Цильма — селение, возникшее в первой половине XVI в.; основание его приписывают новгородцам. По местной церковной летописи, в 1542 г. здесь поселился новгородец Ивашка Дмитриев Ластка с товарищем и к ним вскоре присоединились другие выходцы. Г. Усть-Цильма лежит к

югу от Пустозерска, т. е. выше на р. Печоре, как раз против р. Цильмы, откуда и его название. Некогда это местечко было административным центром Печорского края. (См. Дневные записки Лепехина, Зап. Геогр. Общ. VI, 2, 279; С. Огородников Прибережья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа, Зап. Геогр. Общ., по отд. этногр. 1879, т. VII, стр. 232).

Река называется Пясида] т. е. Пясина, иногда называемая также Пясида или Пясинга (см. Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reiches 1841 Bd. IV, S. 283). — река Енисейского края, впадающая в Ледовитый океан. А. Миддендорф (Путешествие на Север и Восток Сибири, СПб. 1860 ч. I, отд. I, стр. 88—89) замечает: «Из разных правописаний этой реки только это (Пясина) нашел я в устах туземцев, хотя, побывав в этом краю, как то невольно покушаешься на правописание Пясинга, потому что этот вставочный звук часто слышится в языке туземцев. Сверх того, самоеды, живущие на Пясине, называли мне свою реку Нямиэ». Витсен называет эту руку Pesida, Peisida, Piasida, и даже Tarsida (Noord en Oost Tartarie, Amsterdam, 1705, S. 758), на карте же его, как догадывается Миддендорф, эта же река помещена под именем Paschi. Перевод названия Пясида словами «низкая безлесная земля», пущенный в ход Миллером (Sammlung Russisch. Gesch. VIII, S. 49), по словам того же Миддендорфа «обязан своим происхождением, как мне кажется, только ученому толкованию», однако оно встречается и у позднейших авторов; так, П. И. Третьяков (Туруханский край, его природа и жители, СПб. 1871, стр. 132 — 133) говорит, что «все окрестные места, через которые эта река протекает, назывались тогда Пясиди, что значит ровная безлесная земля». Река Пясидай есть и на Ямале; это самоедское название означает именно «без деревьев (кустарника) река». (Б. М. Житков. Полуостров Ямал СПб. 1913 — Зап. РГО. по общ. геогр., т. XLIX, стр. 304). Первые сведения о Пясине относятся к 1610 г., когда двинянин Куркин с товарищами достиг на «кочах» Пясины, плывя морем на восток от устья Енисея, куда он выплыл из Туруханска (сл. А. И. Кытманов, Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губ. 1594—1893, корректурное издание, s. a. l., стр. 5); по другим известиям, около того же времени партия промышленников, открыв эту реку, спустилась по ней до Северного океана; по словам Миддендорфа, отряд, посланный Исааком Лемэром «проник к Пясине с помощью союзных остяков, самоедов и тунгусов, двигаясь кажется обыкновенным впоследствии путем — вниз по Турухану к Енисею» — а оттуда морем; «это открытие и огромные приувеличения, которыми оно изукрашено, побудили правителей Сибири отправить туда отряд, состоявший, как кажется из 700 человек» (Миддендорф, op. cit., 89); Путешествие кончилось тем, что на всю Пясинскую самоедь в 1614 г. был наложен ясак; однако в 1618 г. упоминается только 26 человек пясинских самоедов, плативших ясак. «Обыкновенно смутному времени приписывается объясачение громадных пространств по правому берегу Енисея (низовья Нижней Тунгуски, бассейны Пясины, Хатанги), — замечает Н. Н. Торнау (К истории приобретений России в Азии Ж. М. Н. Пр. 1914 № 4, стр. 267). Мы же полагаем, что следует ограничить эти приобретения низовьями Нижней Тунгуски, так как об этом имеются положительные средения (см. Н. В. Латкин. Енисейская губерния СПб. 1882, стр. 397). К тому же Андриевич, Щеглов и Латкин согласно заявляют, что пясинские самоеды были объясачены только в 1614 г. (в 1610 г. низовья Енисея и низовья Пясины были только обследованы)». На карту след этой реки впервые занесен уже в 1612 г. Исааком Массой (см. ниже) который тогда же напечатал и известие о первом предприятии для разведок Пясины (Витсен, op. cit., изд. 1692 II, p. 516; изд. 1705 II, p. 832; Samml. Russ. Gesch. VIII, 93 ff; П. И. Третьяков, op. cit., стр. 132; Фишер, Сибирская История, стр. 237; Strahlenberg, Nord und östl. Theil Europas und Asiens, Stockh. 1730, S. 101; И. Словцов, Историческое Обозрение Сибири II, стр. 210).

Другая, называемая Хатанга, которая течет в Китай] Под рекою Catonga здесь нужно разуметь р. Хатангу, впадающую в Туруханском крае в

Ледовитый океан (Ср. П. И. Третьяков, op. cit., стр. 50—52); о том как возникло представление о том, что она течет в Китай см. мнение Геннига, изложенное во введении к следующему тексту.

Пермяки и русские называют Teulka - tsar] См. введение к следующему тексту.

Пожар Томска] Томск был основан ок. 1604 г. (сл. выше: Петрей, стр. 206); обращенный сразу же в резиденцию воевод средне-обского края, он занял «видное место в ряду тогдашних пригpаничных городков Сибири»; как видно из настоящего рассказа, «смута», разгоравшаяся в Москве, довольно быстро докатилась и сюда (о смутном времени в Сибири ср. замечания Катанаева в «Записках Зап. Сибирск. Отд. РГО» XIV, 1893, стр. 52—53).

От Пустозерска вверх по Печоре до реки Усы] О Пустозерске (Пустоозере) сл. выше: Г. Штаден, стр. 159; о р. Усе, притоке Печоры, сл. выше: А. Марш, стр. 189.

Вверх по р. Усе до Подкаменья] Шренк (Reise nach dem Nordosten, etc. Th. II, S. 187) название «Podcamen» толкует как Уральский хребет (по аналогии с русским выражением «под Камень выходит», которое мог иметь в виду и рассказчик Логана, говоря о реке Усе, текущей с Уральских гор).

До Березова — торгового города] Березов был основан в 1593 г. для сбора ясака близ остяцкого селения Сумгут—Вож, т. е. Березовый городок (П. Семенов: Геогр.-Стат.-Словарь, I, стр. 243). В рукописи сочинения «О градех и реках того Сибирского царства» (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и т. д., М. 1869, стр. 403) говорится: «в тое реку [Обь] течет река, зовомая Сосва, из земли Пермския, над тою же рекою стоит град, иже именуется Березов, имя себе стяжа по сей вине. В прежняя лета живяху ту люди пермского языка и поставиша себе град, и зваху его по своему языку Кыдчь-пукар, а по русски перетолкуется Березово дерево город, и того ради и ныне зовомый Березов»... Г. Ф. Миллер замечает: «Березовым городком назывался прежде тот остяцкий городок, вместо которого потом г. Березов построен. В нескольких верстах выше города есть при р. Созве высокой мыс Пудовольной называемой, На оном, по сказке тамошних жителей, был старинный городок. А по следам, которые там видны были на том мысу, два городка: только неизвестно, в обоихли в одно время, или сперва в одном, а потом в другом жительство имелось. Остяки назвали оной городок Сугмут-ваш, а вогуличи Халь-уш. И понеже Сугмут и Халь на помянутых языках значит березу, то сие к российскому именованию г. Березова причину подало» (Описание Сибирского царства, 2-ое изд. 1787, стр. 162 — 164; Samml. Russ. Gesch. VI, S. 404 — 405; В. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. 3, стр. 119).

Хозяин мой рассказал мне] Хозяином Логана был поляк из военнопленных— Юрьевич. Таможенные сборщики, являвшиеся главнейшими должностными лицами в Пустозерске в 1611 году (воеводы в нем тогда не было) с большим трудом разрешили Логану и его спутникам перезимовать в Пустозерске. «Довольно странно, —замечает по этому поводу Гамель («Англичане в России», стр. 191), что последние потом жили у поляка Юрьевича (Uriawich), который прежде содержался в плену в Тобольске и Березове, а во времена Дм. Самозванца поехал в Москву». При обращении его в православие, Юрьевич назвался Трифоном.

Он утверждает, что Тобольск ведет крупную торговлю ..] В конце XVI в еще при Кучуме в Сибири поселились многие узбекские, таджикские, и особенно бухарские средне-азиатские купцы. Еще при начале завоевания Сибири упоминаются бухарские караваны, производившие торговлю с русскими около озера Ямыша (Г. Н. Потанин. О караванной торговле в Джунгарской Бухарии, Чте-

ния в Общ. Ист. Др. 1866 кн. II, стр. 37) С начала XVII в. весьма значительную роль стали играть бухарские купеческие дворы г. Тобольска: они торговали здесь главным образом средне-азиатскими тканями, с русскими и татарами, но распространяли свою деятельность и дальше: так напр. у обдорских остяков они выменивали пушнину (ср. А. В. Панков. «К истории торговли средней Азии с Россией XVI—XVII вв.» в сборнике: «В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели» Ташкент 1927, стр. 33—35; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст. Харьк. 1929, стр. 10—11; Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ч. II, М. 1895, стр. 169—170; А. Титов. Сибирь в XVII в. М. 1890, стр. 186—187 и др.). В приписываемой Габелю рукописи — дневнике путешествия в Сибирь в 1666 году (см. ниже)—целая глава посвящена характеристике быта тобольских бухарцев.

Гробрины] В подлиннике — «Grogran». Мы переводим русским термином XVII в. «Гробгрин» (с немецк. Grobgrün), под которым разумелись шелковые и шерстяные материи.

Сендали] В подлиннике — «Sendames»; очевидно имеется в виду сендаль, легкая шелковая ткань, точное определение которой затрудняется многообразием видов ее, и употребление которой растягивается на время между IX и XVII в. (Victor Gay. Glossaire Archéologique du moyen âge et de la Renaissance, Paris 1867, t. I, p. 295 — 297). Средняя Азия издавна славилась производством сендаля: о самаркандском сендале упоминает еще Клавихо в своем дневнике путешествия к Тимуру в 1403—1406 гг.

Киндяки] Киндяком называлась, по Кильбургеру «крашеная выбойка различных цветов, как и травчатая выбойка и набойчатые одеяла и скатерти» (Б. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле Киев, 1915, стр. 151). Название этой восточной ткани И. П. Минаев (Старая Индия. Заметки на хожение за 3 моря А. Никитина, СПб. 1881, стр. 26) объяснял тамильским словом Киндан (род бумажной ткани); предположение это показалось очень правдоподобным и К. Иностранцеву (Из истории старинных тканей. Зап. В. Отд. Р. Арх. Общ., т. VIII, вып. 4, стр. 084), на том основании, что «в наших «индейских делах» значительную часть вывозимых товаров занимают киндяки»; однако, по объяснению Ф. Е. Корша, слово «киндяк» происходит от персидского кунаг что значит нить хлопчатника или шелка. В. Клейн («Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века и их терминология»,—«Сборник Оружейной Палаты» М. 1925, стр. 69) замечает, что киндяк бывал различного цвета: кирпичный, зеленый, лимонный, песочный и др.; окрашенный в красный цвет, он носил название кумача; вообще же эта бумажная ткань была «одноцветная и без узоров, следовательно не «выбойка», как ее определяют Даль и Савваитов».

От Пустозерска до воды в Югории] В английском подлиннике: «Vade in Jugoria». Логан, вероятно, не понял русского выражения «до воды в Югории» т. е. до воды (реки), которая первой встретится на восточном склоне Уральских гор; англичанин же принял выражение «до воды» за имя несуществующего города. Так, по крайней мере, толкует его Шренк (Reise nach dem Nordosten etc. Th. II, S. 187); в английских известиях такое обозначение попадается несколько раз (см. ниже: неизвестный англичанин, 1616 г.).

Носовой] Nosoua, — Нозова или Носовой городок. Сл. выше: А. Марш, стр. 189—190.

Печора течет в Пермь Великую] В эпоху Логана еще различали две Перми: Великую, главным местом которой была Чердынь и старую Пермь (Турей, Усть-Вымь). (С. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей, стр. 200—201).

До Верхотурья]. Верхотурье основано в 1598 г. на старом чудском или вогульском городище Нером-Кура (сл. выше: Герберштейн, стр. 109) на

р. Туре, впадающей в Тобол; через Верхотурье на Тюмень в 1597 г. Артюшка Бабинов проложил сухопутную дорогу в Сибирь, которая в течение долгих лет являлась главным путем между Россией и Сибирью (сл. С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 104—106; Б. Г. Курц. Г. Верхотурье в XVII в. Юбилейный Сборрик Историко-Этнографич. кружка, Киев, 1915).

До Сургута] Когда последователи Ермака поднялись в к. XVI в. вверх по Оби, на том месте где сейчас находится Сургут они нашли укрепленное остяцкое селение, в котором правил остяцкий князек Халанок; он был взят, и в 1593 г. воевода Волконский заложил здесь г. Сургут. «Сургут был, — говорит Кастрен, — одним из сильнейших укреплений казаков и базой для их дальнейших походов. Отсюда от времени до времени разбойные казачьи дружины делали набеги, покорив все самоедские и остяцкие племена от Ледовитого Океана на севере до реки Кеть на юге и заставили их платить себе ясак. Факт тот, что в эпоху покорения Сибири мало сибирских местностей играли столь выдающуюся роль, как смелый казацкий острог Сургут». Это значение свое он сохранял еще в первой половине XVII века; но в 50-х гг. XIX в. Кастрен нашел уже здесь картину полного упадка: «жалкие хижины, лежащие расбросанно и без всякого порядка между развалин сгоревшего в 1840 г. города — таковы жалкие остатки некогда столь могучих укреплений. Здесь нет ни одной приличной улицы, ни одной хорошей постройки, здесь редки даже окна из стекол; целая чашка является редким исключением. В последние десятилетия бедность его столь усилилась, что город не смог платить необходимейших государственных податей. Вот почему он лишился своих привилегий, и теперь уже имеет ничтожное утешение в том, что носит титул города» (Castrén, Studier och forskningar, Helsinforgs 1855 II, p. 100). От этой картины мало чем отличаются и наблюдения путешественников конца XIX века (см. Die Sammlung F. R. Martin, Ein Beitrag zur Kenntniss der Vorgeschichte und Kultur Sibirischer Völker, Stockholm 1895, S. 3—5; С. Швецов «Очерк Сургутского края» в «Записках Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О.» кн. X (1889), стр. 4, 5, 8, 84, 85; А. А. Дунин-Горкавич, Тобольский Север. СПб. 1904, стр. 82).

Архангельск] В подлинном тексте Arcania; так (или даже Arcaria) нередко назывался в иностранных источниках, основанный в 1586 г., Архангельск.

В нач. ле царствования Расстриги] т е. Дмитрия Самозванца.

Выдержки из двух писем Логана... к мистеру Гэклюйту] О Гэклюйте см. выше: Г. Меркатор, стр. 166—167.

Кусок слоновой кости] Это была, вероятно, мамонтова кость.

В море Няромское] около западного берега Обского полуострова; сл. выше: А. Марш, стр. 192.

Река Кара] сл. выше: А. Марш, стр. 191—192.

В другую, называемую Мутной рекой] «Ныне Се-яга, т. е. Проходная река, самоедское название, соотвествующее русской волочанке». «Мутная река, маленькая реченка («чрез можно камень перебросить»), настолько мелкая, что в грузу кочи не проходят, а дожидаются с моря прибылые воды» (прилива), протекала по пустынной тундре, поросшей мелким лесом, «ярником», по которой кочевала лишь карачейская самоядь. По ней шли «прибылою водою», «тянулись бичевой» в течение 20 дней «до озер, из коих вышла Мутная река, а вышла Мутная река из тех озер невеликих, версты по две». Дойдя «до озера, до вершины Мутные реки», запасы волокли «меж озерцами», в «павозках», т. е. небольших лодках, а проводили павозки от озера до озера паточинами (тянули, по воде бродячи)... а от третьяго озера шли на волок до большого озера, из которого

вышла Зеленая река» (С. В. Бахрушин. Очерки, стр. 82). Долгое время, благодаря слабой исследованности полуострова Ямала, реки Мутная и Зеленая вызывали недоумения исследователей Так, напр. Stuckenberg (Hydrographie d. Russ. R. II, S. 322 f.) предположил, что под Мутной имеется в виду р. Юребей, а под Зеленой—р. Ойя; А. Дунин-Горкавич (Тобольский Север, СПб. 1901, стр. 271), в свою очередь, полагал, что Мутная—это р. Сосбея, а Зеленая—р. Ивога; на большинстве карт XIX в. даже нанесены были эти последние реки, которых на Ямале нет. Анализируя известия английских путешественников нач. XVII в. и сопоставляя их с показаниями пинежанина Л. И. Шубина, что «р. Мутная устьем пала в море с полуденные стороны» (Русск. Ист Библ., т. II, стр. 1089) А. Филиппов (Записки по гидрографии, вып. XXVI, СПб. 1904, стр. 765) пришел к заключению, что «старинная Мутная река тождественна с рекою Морды наших теперешних карт», и этот вывод вполне подтвердил изыскания Б. М. Житкова («Краткий отчет о путешествии на полуостров Ямал»—Изв. И. Р. Г. О. т. XLV, 1909, стр. 487; его-же, Полуостров Ямал СПб. 1913, стр. 110, 114, 142, 143, 304), который замечает, что «Сё-яга—горловая (проходная река), одна или вместе с нижним течением Морды, направленным к западу, носила в древности название Мутная»; «Название Мутная как нельзя лучше подходит к этой реке Сё-яга, впадающей в Морды, т. к. она течет в берегах, сложенных из серой глины, и воды ее совершенно не прозрачны».

Называемой Зеленая река] «Достигнув «большого озера», пересекали его, и входили в вытекавшую из него Зеленую реку. Последняя была еще «меньше Мутные и мельче», и «шли... на низ Зеленою рекою, првозили запас в павозках, а кочи тянули порожние всеми людьми». Б. М. Житков подтверждает, что «летом Сё-яга—Зеленая гораздо беднее водой, чем реки западного склона (Сё-яга и Морды), как это и должно быть по историческим данным. Из Зеленой реки попадали в Обскую губу и бежали «парусным погодьем» (т. е. при благоприятном ветре) до «заворота» день. У Заворота (ныне мыс Каменный) береговая линия Ямала делает резкий поворот на юго-запад: здесь сворачивали на восток в Тазовскую губу, все время имея в глазах «по обе стороны берег». и въезжали в устье реки Таза, берега которого были известны под именем Мангазеи» (С. В. Бахрушин, op. cit., стр. 82; ср. Б. Житков, Изв. И. Р. Г. О. т. XLV, стр. 487; «Полуостров Ямал», стр. 114, 142—143 и сл).

Недалеко от Китая и Хины] Логан не знал еще, что Cathay и China означают одно и то-же (сл. выше, стр. 107—145).

Доставить графу Сэлсбери] Роберт Сесиль, граф Сэлсбери, известный министр королевы Елисаветы. О Роб. Сесиле (1563—1612), (с 1506 по 1608 г. заведывавшем внешними сношениями) см. «Старина и Новизна», т. XIV, стр. 325. В архиве его, хранящемся в поместье Гасфильд-Хоузе, хранится ряд документов, относящихся к России к. XVI — нач. XVII вв., напр. письмо к нему из Архангельска английского посла в Москве — Ричарда Ли (см. «Calendar of the manuscripts of the Marquis of Salisbury», Part X, London, 1904, 275 — 276; последующие тома этого издания остались для меня, к сожалению, недоступны). Не хранится ли в этом архиве и копия письма Дж. Логана к Гэклюйту?

XXIV. ВИЛЬЯМ ПЕРСГЛОУ | WILLIAM PURSGLOVE

(1611)

Вслед за донесениями Дж. Логана Перчас (Pilgrimes III, p. 550–551) напечатал также и донесения Персглоу. Уже это одно говорит за то, что несмотря на частичные совпадения известий обоих авторов, Перчас придавал значение и тем и другим. Однако, новейшие исследователи, напр. Henning (Die Reiseberichte über Siberien, S. 296), сопоставляя эти донесения, склоняются к тому мнению, что первоисточником должны считаться донесения Персглоу, т. к. составленные Логаном, в сравнении с ними, кажутся „искаженными и изуродованными"; настаивать на таком мнении, как указано и во введении к предшествующему тексту, я бы не решился, на том основании, что и Логан и Персглоу собирали свои сведения на одном и том же месте и, вероятно, даже от одних и тех же лиц, чем и может объясняться их значительная, порой почти текстуальная близость. Во всяком случае, сопоставление и сравнительное изучение двух этих параллельных рядов известий может оказаться очень поучительным для восстановления истины, тем более, что в некоторых случаях тексты Логана и Персглоу дают довольно резкие расхождения: так, напр. Персглоу говорит о реках Пясине и Хатанге, которые впадают в Ледовитый океан на востоке за Енисеем; то-же находим и у Логана, но далее, говоря о реке, которая течет на юг, Логан и Персглоу противоречат друг другу, т. к. один пишет: „течет в Китай" (runnet into Cathay), а другой: „вытекает из Китая" (commeth out of Cathay). Указание Логана, вероятно, находится в связи с предшествующим известием о „большой реке" за Тунгуской, в которой Гэннинг, повидимому вполне правильно, признал Амур.

По предположению Гэннинга известие Персглоу вернее, т. к. оно находится в связи с данными, у Логана отсутствующими: последний смешал Хатангу, которая названа у него Catonga — с Катунью, притоком Оби, и поместил около нее местопребывание «Teulka—tsar», в котором можно видеть одного из Телеутских князьков; далее, однако, Логан вновь говорит о Пясине и Хатанге. Мне кажется, однако, более правдоподобным предположение Дж. Бэддели о тождестве

Teulka-tsar, с мелким остяцким князьком Тулкиным (см. ниже примечания), что устраняет необходимость в Catonga Логана видеть Катунь, а не Хатангу, которая несомненно и имеется здесь в виду. Ниже мы помещаем не все известия Персглоу, но лишь то, в котором говорится о Сибири, и которое дополняет или видоизменяет известия Логана. Как и донесения Логана, известия Персглоу использовал уже Шренк (Reise nach dem Nordosten europäisch. Russlands durch die Tundren der Samojeden, Th. II, S. 199—202), однако перевод его, по сверке с подлинником, оказался неполным и неточным; нижеследующий перевод сделан по сборнику Перчаса.

ДРУГИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ВЫШЕНАЗВАННОГО ВИЛЬЯМА ПЕРСГЛОУ

От Меденского Заворота (Medenskoie Zauorot) до острова Вайгача два дня пути морем на русской лодье (Lodia). От Вайгача до реки Оби — четыре дня плавания. Река Обь соединяет Север с Югом. Путь от Вайгача до Touko-coskoi идет на северо-восток, а оттуда — на восток, к устью Оби. В трех днях плавания от Оби, на восток, находится река, называемая Таз (Tas), имеющая заграждение при входе в нее; здесь всегда глубина одиннадцать или двенадцать футов, но и выше она очень широка. Оттуда, поднимаясь по реке Таз, русские построили крепость Мангазею (Molgomsey), куда приходят все звероловы и приносят с собою меха. Сюда приходят также соймы (soymas) или боты русских и пустозерских жителей со своею мукою и другими товарами. Продав или обменяв свои товары, они возвращаются обратно, одни в Пустозерск, а другие — в Россию; охотники также запасаются на ближайшую зиму, чтобы иметь возможность охотиться снова.

На материке Угорском и в Нарамзее (Naramsei) есть три реки; много моржей (morsses) находится у мыса Нарамзей, куда обитатели Пустозерска посылают осенью ладью, нагруженную различными товарами, чтобы производить торговлю с угорскими самоедами (Ongorian Samoieds); при этом случае они убивают много моржей, собирая их зубы. Между самоедами, ради торговли с ними, они путешествуют целую зиму, и возвращаются обратно лишь в январе месяце. В иные годы, когда благоприятные ветры устанавливаются недостаточно рано, они все-же готовы отправиться в путь; так случилось, напр. в 1611 году, когда мы сами там зимовали. Холод настал прежде, чем они дождались благоприятного ветра, и они принуждены были покориться этому. Однако, как только установился санный путь, некоторые богатые местные жители посылали с кое-какими товарами своих сыновей и приказчиков для торговли с самоедами, а за ними, в течение зимы отправились и их отцы и друзья, чтобы купить все меха и прочие товары. Когда русские

плывут в Мангазею в своих соймах, то они идут не через мыс Нарамзей, чтобы попасть к устью Оби, но узкой рекой, названной Мутная река (Moetnaia Reca), что значит [по английски] the Muddie Riuer, а из нее они тянут свои боты волоком по небольшой косе в реку Зеленую, что значит the Green Riuer, и переправляются в реку Обь; так плывут они на юг по реке Оби, пока не достигнут реки Таз. От истока этой реки до ее устья—около суток плавания. Около устья Таза местность довольно высокая. От-

Рис. 30. Тунгус в зимней одежде. (Из «Путешествия» Избранта Идеса).

туда до города, оставляя остров по левую руку, — восемь дней плавания. Прежде чем достигнуть реки Таз, доходят до реки, называемой Пур или Пит, где находятся лучшие во всей Молгомзее соболя. Рекою Таз плывут до Волочанки против течения шесть дней на восток, пока не достигают волока или сухопутного перевоза, который составляет около $1^1/_2$ миль болота; через него рус-

ские и пустозерцы волокут свои лодки до другой реки, называемой Турухан (Torowhan), которую они проплывают в три дня и достигают могучей реки Енисей (Yenisce). В устье Турухана находится остров, который обитаем и на котором находится маленький город и церковь. Оттуда они плывут вниз до Hawtick [Хатанга?]— большой реки, текущей к востоку.

Река Тунгуска находится на расстоянии 3-х дней и трех ночей плавания от реки Енисея. Около устья Енисея нет лесов, но зато их много на реке Тунгуске. Между устьем Енисея и Тунгуской находится две или три реки, но нет ни одной, столь-же широкой, как эта последняя, на которой русские ловят рыбу; как только ударит мороз, они возвращаются к своему прежнему ремеслу, к охоте на соболей, бобров и лисиц. Проработав так две зимы, те из них, которые являются хорошими хозяевами, возвращаются домой в Россию с прибытком, но предпринимают это еще раз только в том случае, если они лишились имущества вследствие пожара или чего нибудь в этом роде.

Тунгусы — народ более высокий, чем самоеды, и их одежда сделанная из кожи, короче и плотнее облегает их тело, чем у самоедов. К тому же, народ этот очень кроткий. От устья Оби до большой реки Енисея, как рассказал мне один русский, четыре дня и четыре ночи плавания. Между Обью и Енисеем находится высокая черная страна. К востоку от Енисея находится другая большая река, называемая Писида (Pisida); за рекой Енисеем на восток, страна простирается к Писиде и к другой реке, называемой Catowga, которая течет из Китая; пермяки называют ее государя Теулька-царь (Teulka tsar). Река протекает и на севере и на юге, но неизвестно, как далеко. Тунгусы, от которых мы имели сведения об этой реке, боятся выстрелов, которые они слышали в южной части реки и поэтому они не решаются туда ездить. На этой реке они видели корабли с двумя или тремя парусами, которые весною плывут на север, а осенью возвращаются обратно к югу. Но они не знают, плывут-ли они ради рыбной ловли, или ради разработки каких-нибудь рудников, которые предполагают в этой местности, так как не отваживаются подойти к ним ближе. Они также передали мне, что между Пясидой и Хатангой, приблизительно на полпути к морскому берегу, были найдены различные минералы, как-бы похожие на золото, другие белые и похожие на серебро. Около этой большой реки, называемой Хатангой (Catowga), тунгусы видели также людей верхом на конях; это значит, что в этой местности находится великое множество скота: лошадей, овец и баранов.

ПРИМЕЧАНИЯ

От Меденского Заворота] сл. выше: А. Марш, стр. 191; Логан, стр. 215.

На русской ладье] В числе судовых терминов, употреблявшихся в древней Руси, термин «ладья», «лодья» считают одним из наиболее древних. «Он,— по словам Н. П. Загоскина («Русские водные пути и судовое дело в допетровской России, Казань 1910, стр. 358—361; 401—402),—имеет такое же общее значение, как и слово корабль. В противоположность слову корабль название «лодья», «лодка» на ряду с другими судовыми терминами стремится приобрести у нас значение уже в практическом применении его к условиям русского судоходного дела. Только во второй половине XVII в. появляется у нас практическое и более или менее конкретное представление о корабле в смысле морского, военного и грузового судна». В Белом море «ладьями» назывались корабли, приспособленные для берегового плавания, и торговых перевозок, на которых, однако, поморы отваживались совершать далекие путешествия. Краткое описание их дает Стефен Бёрро (1556) (см. в сборнике Hakluyt'a, vol. II, p. 328); Традескант (1618) характеризует несколько родов русских судов, среди них и «ладьи» (Гамель, Англичане в России, стр. 142). Довольно подробные сведения находим мы также у Койета (1675), который говорит что у русских есть барки, дощаники, а также лодьи (Lotjas), большею частью открытые, с будочкой сзади и обыкновенно с одним парусом: «Я их видел,—пишет он, — и с небольшой бизанью сзади. На этих судах они переезжают через Белое море, вдоль Лапландского берега, до Колы, и других мест, лежащих там, и ходят даже в Новую Землю» (Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу СПб. 1900, стр. 316). Подробное описание «ладьи» дает и другой голландец — Н. Витсен, в своем руководстве к кораблестроению: «Scheepsbouw en Bestier» (2-ое изд. Amsterdam, 1690). Ср. S. P. L'Honoré Naber, Reizen van Jan Huyghen v. Linschoten naar het Norden, 's Gravenhage, 1914, p. XLIX—L. Для морских путешествий русские в XVII в. пользовались также кочами (сл. выше: А. Марш, стр. 189), карбасами (англ. баркас), соймами или ботами и др.

От Вайгача до Touko-coskoi] Расшифровать последнее название я не мог. Сл. С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 81.

Крепость Мангазею] Как уже было указано (сл. выше, Логан, стр. 213, Г. Штаден, стр. 159), Мангазейский город возник в 1601 г.

В Нарамзее] Нярмским, Няромским назывался западный берег Обского полуострова (см. выше: А. Марш, стр. 192; Логан, стр. 220). Ниже Персглоу упоминает и «мыс Нарамзей».

Узкой рекой, названной Мутная] О реках Мутной и Зеленой сл. выше Логан, стр. 220—221.

До реки, называемой Пур или Пит] Р. Пур — приток Таза — была открыта казаками в 1600 г. (Словцов. Историч. Обозр. Сибири, т. II, стр. 191, Пестов, Записки об Енисейской губ., стр. 25); р. Пит—правый приток Енисея.

Рекою Таз плывут до Волочанки] В «Росписи Сибирским городам и острогом» этот путь описывается в следующих выражениях: «А водяным путем из Мангазеи до Енисейскова острогу Тазом рекою вверх воды до речки до Волочайки в кочах ходу 2 дни: а Волочайкою рекою вверх воды до Волоку ходу 6 дней, а волоком с полверсты; а от волоку кочами не ходят, а лехкие суды, каюки и струги, через волок волочат на себе до другие Волочайки речки, а в другую Волочайскую речку вниз воды до Турухану реки ходу 2 дни. А Туруханом рекою вниз воды до Туруханского зимовья ходу 6 дней» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 21—22). С. В. Бахрушин (Очерки, стр. 120—

122) пишет: «От Мангазеи на Енисей путь шел вверх по р. Тазу и далее по притоку его Волочанке в «Круглое озеро», затем «россохами» и «режмами» добирались до волока. По мелководным «россохам» можно было протаскивать лодки только ранней весной; позднее приходилось прибегать к помощи «прудов, парусных и земляных», т. е. искусственных запруд... Таким образом добирались до так называемого «Енисейского волока». «От креста до креста, т. е. от конечных пунктов волока считалось сажен 700 или верста.. (сл. выше: стр. 126). Через волок груз переносили на руках или переволакивали «на тележках», а каюки перетаскивали «десятью человеки» каждый. Перевалив через волок, вступали опять в болотные режмы, рассохи и озерки... Из «режм», через «Подволочное» и три других озера, попадали в Волочанку «другую», впадающую в Турухан, приток Енисея. Общая продолжительность пути от Туруханского в Мангазею определялась в 2—3 недели, в обратном направлении от $2^1/_2$ до 4 недель». «Описанный путь на Енисей в течение первой половины XVI в. оставался излюбленной дорогой поморских промышленников».

В устье Турухана находится остров, который обитаем] На Енисей русские попали, в начале XVII в. с севера. Следуя от устья Таза вверх по реке, они переправились на р. Турухан. В устье Турухана, впадающего в Енисей ок. 1607 г. построено было Туруханское зимовье, о котором и говорит Персглоу. См. Фишер, Сибирская история, стр. 237; Schrenk, Reise nach dem Nordosten europäischer Russland Th. I, Dorpat 1852, S. 608; Müller, Sammlung Russ. Gesch. IV, 103; VI, 513 ff.; А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, т. I. ч. 1, стр. 81; П. И. Третьяков, Туруханский край СПб. 1871, стр. 129—132. А. И. Кытманов, Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края, S. l. a., стр. 4.

Плывут вниз до Hawtick — *большой реки, текущей к востоку*] Вероятно, Хатанга (сл. выше: Дж. Логан, стр. 217 и введение к настоящему тексту). Также думает и Шренк. Персглоу называет «Hawtick» большой рекой: то-же представление было и у ряда исследователей; однако, по замечанию А. Миддендорфа, «оказалось, что эта река обильна водой только весною, когда она разливается далеко, особенно по низменному левому берегу, который быв изрезан глубоко вдающимся заливами, протоками и глухими рукавами, теряется в низменностях, то песчаных, то повидимому поросших травой и чахлым ивняком» («Путешествие на север и восток Сибири», ч. I, отд. I, стр. 93—95; ср. «Записки Гидрографического Департамента» IX, 1851, стр. 40—41).

К востоку от Енисея находится другая большая река] Как указано во введении к настоящему тексту, известия Логана и Персглоу довольно близки друг к другу, хотя имеют и противоречия; перевод не может дать представления об их текстуальной близости, поэтому приводим в качестве образца, указанное место в двух подлинных текстах:

W. Pursglove (Purchas III, 551)
Beyond Jenisce Eastward is another great Riuer, called Pisida. The Land trendeth due East beyond the Riuer Jenisce to Pisida: and to another Riuer, called Catowga, which commeth out of Cathay, whose King the Permackes call Teulka Tsar. The Riuer lyeth North and South, they know not how farre...

(Русск. перев. см. у нас выше, стр. 225

J. Logan (Purchas III, 544)
... he [a Permack] told me, that beyond the Riuer of Yenissey, the Land trendeth due East, and then there is a Riuer called Peaseda, and beyond that another, called Catonga, which runneth into Cathay; whose King, these Permacks and Russes call Teulkatsar. The Riuer lieth North and South as they of Yenissey say, but that cannot tell how farre...

(Русск. перев.—выше, стр. 211)

находится высокая черная страна] В подлиннике: «Betwext Ob and Jenisce, is high black Land». Выше (стр. 126) сделана попытка объяснить это выражение.

Другой реке, называемой Catowga] см. введение к настоящему тексту.

Называют ее государя Теулька—царь] Как указано во введении, мне представляется очень правдоподобным предположение J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, vol. II, Lond. 1919, p. 17, 10), что Теулька-царь это мелкий остяцкий князек Tulkin, упомянутый в одном из документов нач. XVII в., находящихся в «Портфелях Миллера»: Владимир Молчанов посылал казаков из Черного острога к сыну этого Тулкина, которого реляция считает данником киргизов.

боятся выстрелов] are afraid of Gun-shot, that they doe heare. Все, что здесь рассказывает Персглоу, гораздо подробнее и в несколько ином порядке изложено у Логана (сл. у нас выше, стр. 213). Но некоторые подробности расходятся. Так, напр. у Логана есть интересное известие, отсутствующее у Персглоу. Логан пишет, что «самоеды» (тунгусы?) видели «белый город» и слышали, что у местных жителей есть животное, по всем признакам напоминающие лошадей. Перелглоу ничего не упоминает о «белом городе» (см. о нем в примечаниях к Дж. Мильтону), но зато прямо говорит, что тунгусы «видели людей, верхом на конях». Этому известию у Логана соответствует сообщение, что к тунгусам «вышли люди, все сделанные из железа»; «я полагаю, — прибавляет он, — что это были люди, одетые в латы». Догаться о том, кто были эти латники, довольно трудно, т. к. железные панцыри тогда носили киргизы, татары, монголы (включая калмыков), манчжуры и русские (См. J. Baddeley, Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. II, p. 18 note 2). Миллер (Samml. Russ. Gesch. VIII, S. 311, 322) дважды делает указание на то, что калмыки носили панцыри; монголо-ойратский кодекс законов 1640 г. включает в себя закон о том, что «сорок кибиток ежегодно должны сделать двои латы» (К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб. 1880, стр. 42); по другому узаконению, «убивший на войне неприятеля получает в награду его панцырь, соучастники — латы, шлем и другое снаряжение» (В. А. Рязановский, Монгольское право. Историч. очерк, Харбин. 1931, стр. 47). О манчжурских войсках Нурхаци 1618 г. мы знаем, что «в передовом отряде каждого корпуса, имевшего собственное знамя (7.500 чел.), были одетые в броню копьеносцы» (E. Backhouse and J. O. P. Bland, Annales and Memoirs of the court of Peking, 1914, p. 139; цитовано у Baddeley). Таким образом, очень трудно решить, о каких людях «в латах» Логан мог слышать от туземцев. Очень правдоподобно предположение Baddeley, что речь идет просто о русских казаках.

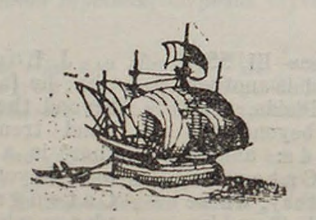


Рис. 32. Деталь карты неизвестного (2-ая полов. XVI в.).

XXV. РИЧАРД ФИНЧ | RICHARD FINCH

(1611—1616)

Рич. Финч (Finch)—английский торговый агент, с 1605 г. служивший в „Московской компании“ в России и здесь основательно изучивший русский язык (см. о нем Гамель, Англичане в России, стр. 190, 193, 196, 232). „Заметки о путешествии русских“, Рич. Финчем „переведенные с русского языка“ Джон Меррик (см. о нем выше, стр. 194) привез в Англию; Перчас нашел их среди бумаг Рич. Гэклюйта и напечатал в своем сборнике (Pilgrimes, 1625 III, p. 530). В голландском переводе Витсен включил их в свою книгу: «Noord en Oost Tartarye» изд. 1692, p. 582, изд. 1705, II, p. 935). G. Henning (Reiseberichte, S. 293—294) датирует их приблизительно 1610—1616 гг., т. к. в одном известии упоминается г. Туруханск, основанный около 1610 г., а Рич. Гэклюйт, в бумагах которого это известие найдено, умер в 1616 году, но может быть его следует датировать тем-же 1611 годом, к какому относятся известия Логана и Персглоу, т. к. он ездил в Печорский край вместе с ними, выполняя на корабле «The Amitie» должность переводчика. „В известии этом,—пишет Геннинг—идет речь о двух Енисеях, Большом и Малом, под которыми разумеются собственно Енисей и Нижняя Тунгуска, неподалеку от слияния которых расположено было зимовье Туруханск. Так как этот город назван здесь еще „зимовьем“, то приводимые известия относятся, вероятно, к первым временам существования поселения, а так как здесь даны разведочные данные первых поселенцев, то они падают, вероятно, еще на более раннее время, потому что основание Туруханска датируется только приблизительно: около 1610 г.“ (Отметим, впрочем, что А. И. Кытманов, Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губ., s. l. a., стр. 4 приурочивает «основание зимовья Туруханского» к 1607 году, и эту дату можно считать принятой в русской литературе. Сл. Г. Н. Тарасенков. Туруханский край, Красноярск 1930, стр. 9). Несмотря на свою краткость, известие это полно громадного исторического интереса, так как в нем даются не только географические, но и этнографические

сведения о народах, живущих в приенисейском крае. Для правильного понимания этих известий следует помнить, что они исходят из двух источников: от русских и от тунгусов, которые определяли географическое положение каждый со своей точки зрения. Русские говорят, что „проехав" Туруханск, попадают на „реку Тунгусов", т. е. Тунгуску; т. к. они прибыли сюда с запада, из Мангазеи, то по отношению к Туруханску эта Тунгуска, следовательно, находится на восток. „Далее", т. е. значит, еще далее на восток, живут народы — булаши (The Boulasches) и силахи (Seelahee), имена которых не поддаются точной расшифровке. (Остяко-самоеды? см. примечания). Однако, известие об этих народах принадлежит уже тунгусам, которых русские пришельцы нашли в окрестностях Туруханска, и у которых они расспрашивали о местностях, расположенных не на восток, а на юг и на север от Туруханска. И вот, с точки зрения их местожительства, тунгусы свидетельствуют, что по ту сторону Енисея, т. е. на восток от них или на север от Туруханска живут остяки и имбаки, в которых нетрудно узнать два племени енисейских остяков, еще в в XIX веке отличавшихся между собою по языку. Наибольшее затруднение представляет, однако, определение того, какая река имеется в виду далее под именем Geta. В известии Финча, со слов тунгусов сказано, что Geta находится „за землей тунгусов" и что по ней ездили „русские из Vashen." Но с точки зрения тунгусов, „за их землей" может значить также и на левом берегу Енисея, т. е., иначе говоря, под рекой Geta мы можем понимать не Хету, левый приток Хатанги, а Кеть, связывающую Обь с Енисеем южнее Туруханска. Именно через Кеть русские перешли на Енисей с Оби. Это объяснит тогда и слова текста о Geta, „по которой ездили русские с Vashen и с Печоры", где под именем Vashen можно понять не Мезень, как думает Гэннинг, а реку Вах или Ваг, правый приток Оби. В XVII в. Вах служил также путем для торговых сношений с Оби на Енисей (между Тобольском и Туруханском); разделяюший обе системы волок находился между рекою Волочанкою, притоком Ваха и Черною, притоком Елогуя (Ср. Словцов, Историч. Обозр. Сибири II, стр. 174; Географ.-Статист. Словарь I, стр. 405). Благодаря такому толкованию, становится также понятным рассказ о русском, по имени Волк, который от самоедов узнал о посещающих Енисей русских судах, т. е. от самоедов, живших на левом, а не на правом берегу Енисея. Впрочем, не исключена возможность, что под именем Geta следует понимать и Хету, приток Хатанги, с которой русские должны были познакомиться как раз в те годы, к которым относится известие Финча, как видно из приведенных выше текстов Логана и Персглоу.

Имя Р. Финча не безызвестно в русской литературе. Кроме акад. Гамеля, на него обратил внимание А. М. Филиппов

(„Речной путь в Сибирь через полуостров Ялмал“ — „Записки по гидрографии“, вып. XXVI, СПб. 1904, стр. 160—162). В этой статье, по сборнику Перчаса (III, p. 539) дан русский перевод письма Р. Финча к Т. Смиту, главе „Московский Компании“ („Наименование мест, которыми проходят русские от Печорского Заворота до Мангазеи, с указанием способа их путешествия и расстояний или времени плавания между означенными местами“), а также и той „Заметки о путешествии русских“, которая приводится нами

Рис. 33. Езда в Сибири на оленях. (Из «Путешествия» Исбранта Идеса).

ниже; однако, в соответствии с целью своей статьи, А. Филиппов привел не всю эту „Заметку“, но лишь несколько первых ее фраз, опустив середину и конец, особенно интересные благодаря заключающимся в них этнографическим данным. Поэтому я привожу ее полностью в новом переводе А. Ю. Трубниковой, сделанном по сборнику Перчаса (III, p. 530). Письмо же Р. Финча к Смиту использовано мною в примечаниях к этому тексту. Об известиях Р. Финча, вслед за А. Филипповым упоминает также и Б. М. Жит-

ков Полуостров Ямал. СПб. 1913, стр. 5,110; ср. его-же, „Морской торговый путь в Сибирь“ „Естествознание и География“ 1910, май.

ЗАМЕТКА О ПУТЕШЕСТВИИ РУССКИХ СУХОПУТЬЕМ И ВОДОЮ ОТ МЕЗЕНИ, ОКОЛО БУХТЫ СВ. НИКОЛАЯ, НА ПЕЧОРУ, ОБЬ, ЕНИСЕЙ И РЕКУ ГЕТУ ДО ГРАНИЦЫ КИТАЯ, ДОСТАВЛЕННАЯ В АНГЛИЮ ДЖОНОМ МЕРРИКОМ, АНГЛИЙСКИМ ТОРГОВЫМ АГЕНТОМ В МОСКОВИИ, И ПЕРЕВЕДЕННАЯ С РУССКОГО ЯЗЫКА РИЧАРДОМ ФИНЧЕМ.

От Мезени до Печоры — тысяча верст езды на оленях. От Печоры до Мутной реки (Montnaia Reca or The troubled river) и до Мангазеи плывут семь недель на лодках, называемых кочи (coaches). Из Мутной реки упомянутые лодки или суда (Boats or Vessels) тянутся некоторое расстояние людьми волоком до Зеленой реки (Zelena Reca or the greene Riuer). По Зеленой реке, вниз по течению, три надели спускаются до р. Оби. При благоприятнэм ветре этот путь можно проделать в трое суток. От Оби до Тазовского городка (Taes castle) неделя пути на лодке. От Тазовского городка до р. Енисея три недели пути на длинных деревянных полозьях по снегу, а на упомянутых лодках, называемых „кочи“ по глубокому проливу — четыре недели. Таким образом доезжают до места, называемого Туруханское зимовье (Toorou-hansko Zeemovia); это зимнее местопребывание некоего Турухана. Проехав это Туруханское зимовье они прибыли в место, называемое река Тунгуска (of Tingoosie). Это река каменистая, т. е. со скалистыми берегами (a stonie or Rocky river)· которая впадает в Енисей. В этой местности живут тунгусы, т. е. жители страны, называемой Тунгусия (Land of Tingoosi). Далее живет народ, называемый булаши (The Boulasches), а за булашами живет народ, по имени силахи (Seelahee). Эти народы рассказывают про Большой Енисей и про Малый Енисей. [Они говорят], что за Енисеем живут татарские племена Имбаки и остяки (Imbaki and]Ostaki). За землей тунгусов находится также река Гета (Geta), по которой ездили русские из Ваши (Vashen) и с Печоры. Говорят, что эти люди жили в окрестностях Геты шесть лет, после чего один вашский русский (one of the Russes of Vashen), по имени Волк (Wolfe), вернулся в Сибирь. Он говорит, что путешествие от земли тунгусов до Хеты он совершил летом. Он говорит также, что по рассказам одного самоеда, на Большом Енисее видели суда с большим грузом, и что очень много людей тащили их на бичеве, но он не мог сказать ни кто были эти люди, ни куда они везли упомянутые суда.

ПРИМЕЧАНИЯ

До Мутной реки] сл. выше: Логан, стр. 220. В подлинном печатном тексте, конечно, опечатка: Montnaia вм. Moutnaia.

На лодках, называемых кочи] сл. выше: А. Марш, стр. 189.

Волоком до Зеленой реки] сл. выше: Логан, стр. 221. Подробнее тот же путь описан Р. Финчем в письме к Т. Смиту (см. введение к настоящему тексту): «От Карской губы до этой Мутной реки 20 миль. Следует также отметить одну небольшую часть Югорского шара, а именно возвышенную землю, которая называется Сокольей Лудой (Socolia Looda) [сл. у нас выше: стр. 225]. А перейдя по Мутной реке, для чего 8 суток приходится тащить лодки мелководьем вдоль берега на бичеве (by the Beacheva), они приходят к двум озерам. По этим двум озерам они обыкновенно идут на веслах один день или две прибылых воды, так как длина озер не превышает десяти или двенадцати лиг. Достигнув конца этих двух озер, вступают на место, называемое Наволоком (Nauolock). Оно имеет в длину почти 200 фатомов. И разгрузив свои суда, называемые кочами, они подкатывают под них бревна и соединенными усилиями команды 4-х, 5-ти лодок (в каждой лодке имеется 12—13 человек) перетаскивают свои суда и спускают их в третье озеро, которое называется Зеленым (Zelenoy Ozera). Существование здесь волока заставляет их формироваться в артели (companies); иначе им никогда бы не добраться этим путем до Мангазеи. На конце этого зеленого озера они вступают в Зеленую реку. Спускаясь по ее течению, они часто принуждены бывают разгружать свои большие суда и свои лодьи и складывать товары на берегу; после этого они выгребают на порожних судах через отмели, и пройдя отмели, опять переносят товары на суда. И таким образом поступают они в нескольких пунктах Зеленой реки. По этой причине им требуется обыкновенно дней десять для прохода по вышеупомянутой реке, хотя все время они идут по течению; но точно судить об этом расстоянии невозможно. Достигнув конца этой Зеленой реки, они входят в реку Обь и, пройдя некоторое время вверх по последней, доходят до места, которое также называется заворотом. От заворота они поворачивают в реку Таз (Tawze — Reca)» (Перевод А. Филиппова).

От Оби до Тазовского городка] сл. выше: А. Марш, стр. 189.

На длинных деревянных полозьях по снегу] В подлиннике: vpon long Woodden Pattens through the Snow, т. е. не на полозьях, а собственно на подошвах; конечно, имеются в виду лыжи.

Туруханское зимовье] сл. выше: Перглоу, стр. 227. Название Туруханска произошло, по Третьякову, от «кочевавшего вблизи Тунгусского хана Туру» (П. И. Треков, Туруханский край, СПб. 1871, стр. 142; Г. Н. Тарасенков. Туруханский край, Красноярск 1930, стр. 16).

Река Тунгуска] Имеется-ли здесь в виду Средняя, Подкаменная Тунгуска или Нижняя? сл. выше: Логан, стр. 216. Гэннинг (см. введение к настоящему тексту) склоняется к последнему предположению.

Живет народ, называемый булаши] Трудно догадаться, какие племена названы здесь именами «булашей» (Boulasches) и «силахов» (Seelahee). Название булаши встречается у Миддендорфа (Путешествие на север и восток Сибири, т. II, VI, 1878, стр. 726), который так называет буралов (буйларов, биляров) — иначе оленных тунгусов; но последние едва-ли имеются здесь в виду, т. к. их настоящее название было бирары, как называли их в своих донесениях и казаки с Амура и Зеи, где они жили (И. Шренк. Об инородцах Амурского края СПб. 1883 т. I, стр. 182 – 183). Б. И. Долгих обратил мое внимание на то, что

термины «булаши» и «силахи» несомненно представляют собою искаженную форму какого-либо из местных племенных названий и, пожалуй, смогут получить объяснение из кетского, тунгусского или остяко-самоедского языков. Действительно, по свидетельству Г. Н. Прокофьева («Остяко-самоеды Туруханского края»—«Этнография» 1928 № 2, стр. 97) «русское население гор. Туруханска называет остяко-самоедов, живущих по Турухану и Ванхе «ляками», от Остяцко-самоедского слова lakká «друг». Так-же точно этот термин усвоен енисейцами, живущими по соседству с остяко-самоедами, как нарицательное для остяко-самоедского племени». Таким образом, оба названия упомянутые, у Финча, быть может, восходят именно к этому слову; слово bu—lák по кетски буквально значит «он—остяко-самоед»; нельзя-ли тогда и имя «силахи» возводить напр. к «sellakka», в значении «плохой остяко-самоед»?

Про Большой и про Малый Енисей] По мнению Гэннинга (Reiseberichte über Siberien, S. 293—294)—собственно Енисей и Нижняя Тунгуска.

За Енисеем живут татарские племена Имбаки и остяки] Imbaki—одно из двух главных племен т. наз. «енисейских остяков (кетов)», исчезающего, малоизученного и очень загадочного народа. Под именем имбатов они упоминаются в одном из русских хронографов, в интересном перечне сибирских народностей (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений, М. 1869, стр. 401 ср. здесь-же, стр. 403—404: «По реке Енисее языцы Имбатцкой, Земшайской, Сымской, Тунгусской»...) Кастрен (Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker. «Nordische Reisen und Forschungen», hrsg. v. A. Schiefner, Bd. IV, 1857, S. 87) писал, что енисейские остяки «являются остатком народа, который некогда жил в северной Азии и затем был почти уничтожен, вследствие опасных войн и опустошений, обрушившихся на эту страну». Все попытки исследователей разрешить эту этнографическую загадку не привели пока к ощутительным результатам: еще Th. Benfey (Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland, München 1869, S. 770—777) подчеркивал затруднительность решения вопроса о происхождении енисейских остяков по данным их языка: те-же затруднения стояли перед G. J. Ramstedt'ом («Über den Ursprung der sogen. Jenissej-ostjaken»—«Journal de la société Finno-Ougrienne. XXIV, 1907, S. 2) и Kaj Donner'ом («Beiträge zur Frage nach den Ursprung der Jenissej-Ostjaken», Ibid. 1920, I, S. 7); недавно современный русский этнограф мог также заявить, что «наши сведения об этой племенной группе... остаются до сих пор столь же неопределенными, как и во времена Кастрена» (В. Г. Богораз, Кастрен—исследователь палеоазиатов, в сб. «Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию дня смерти», Лгр. 1927, стр. 94). Ср. H. Findeisen, Neue Untersuchungen und Materialien zum Problem der westsibirisch. Altaziaten—«Zeitschrift f. Ethnologie», 59, 1927, H. 3—6, S. 281—290). В специальном труде об языке енисейских остяков Кастрен (Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und kottischen Sprachlehre, 1858. Nord. Reisen u. Forsch. Bd. XII, S. VIII) различает два главных наречия их: Сымское (на р. Сыми и между дер. Анциферово и Каменной Тунгуской — не их ли имеет в виду имя Seelahee?) и Имбацкое (от Бахты до Курейки). Об енисейских остяках см В. Анучин. Предварит. отчет по поездке к енисейским остякам в 1905 г. («Известия Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологич., лингвистич. и этнографич. отношениях» 1906 № 6, стр 43—44); его-же, Очерк шаманства у енисейских остяков. «Сб. Музея Антропологии и Этнографии при Ак. Наук» т. II, 2, СПб. 1914, стр. 1—89; Синельников. Енисейские остяки (Изв. О-ва Люб. Естествозн., Антропол. и Этнографии т. 28, I, М.1914); В. В. Передольский. Быт енисейских остяков. СПб. 1908; Hans Findeisen, Reisen und Forschungen in Nordsibirien. Skizzen aus dem Lande der Jenissejostjaken, Berlin 1929; его-же: Bei den Fischer-und Jägervolk der Jenissej-Ostjaken in Nordsibirien. Aus dem Ergebnissen einer etnographisch. Forschungsreise im Herbst und Winter 1927,—«Der Erdball» Jhg. 59. H. 9, S. 338—346. Г. Финдейзен. Из поездки к Кето—«Северная Азия» 1929 кн. 2, стр. 126—131. Из старых источников отметим, кстати, забытую книгу: «Mémoires

de M. Wagner sur la Russie, la Sibérie et le royaume de Casan» Berne 1790), в которой ряд страниц посвящен енисейским остякам (р.р. 117—119; 211—228.

За землей тунгусов находится также река Хета] Geta. По Миддендорфу это первое упоминание р. Хеты в литературе (Путешествие, т. I, отд. 1, стр. 94).

По которой ездили русские из Ваши] Vashen. Во введении к настоящему тексту высказано предположение, не идет ли здесь речь об одном из притоков р. Оби. Возможно, впрочем, что здесь имеется в виду р. Вах или Важка, Вашка, левый приток Мезени; впадает в Мезень, ниже погоста Усть-Вашка (П. Семенов, Географическо-статистический словарь, т. I, стр. 384, 405). «Важскою Землею» уже в к. XIV в. называлась земля, занимавшая все течение р. Ваги, части Двины и рек: Шенги, Двиницы, Вели, Пежмы, Кокшеньги и т. д. (М. Едемский. О старых торговых путях на Севере. «Зап. Отд. Русск. и Славянск. Археологии Р. Арх. Общ.» т. IX, 1913, стр. 47—48).

Один вашский русский по имени Волк] Слово Wolfe я перевожу русским «Волк» не только потому, что оно соответствует ему по смыслу, но и потому также, что слово Волк в качестве собственного имени было у нас сильно распространено в XV—XVII вв. (Н. М. Тупиков, Словарь древне-русских личных имен, СПб. 1903, стр. 90—92); между прочим, и в Мангазейскую землю был отправлен в 1601 г. один из будущих воевод — Савлук или Влук (Волк?) Пушкин (П. Третьяков. Туруханский край, СПб. 1871, стр. 131).

Рис. 34. Тунгусы (Из книги Н. Витсена).

XXVI. ИСААК МАССА | ISAAC MASSA

(1612)

Исаак Масса род. 1587 г. в Гаарлеме в старинной нидерландской семье, торговавшей сукнами (см. письмо Массы — „Вестн. Европы" 1868, № 1, стр. 238). „Предки мои, — свидетельствует он сам, — проливали кровь за отечество во Франции и в брабантских войнах". Отец его умер между 1610 — 1613 г., — как предполагает В. Кордт, — „в бедности, иначе Исаак Масса незадолго до смерти отца не мог бы называть себя „молодым человеком, потерявшим все ради религии". В родительском доме и вообще в детстве он не получил никакого образования: „меня не обучали ни письму, ни наукам", говорит он; „своим образованием я обязан, главным образом, самому себе" (Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени, СПб. 1874, стр. 3, 5, 6). Путем самообразования он впоследствии действительно приобрел себе солидный запас знаний. Родители отправили его еще юношей в Россию для изучения торгового дела. Он прибыл сюда в 1601 г. и прожил восемь лет в самой Москве, где был очевидцем многих достопамятных событий, совершившихся здесь в те годы: он видел ужасы голода 1602 г., присутствовал в 1605 г. при травле медведей, устроенной по приказу Лжедмитрия на заднем дворцовом дворе, видел труп узурпатора, лежавший на земле"... (В. А. Кордт, „Очерк сношений московского государства с республикою соединенных Нидерландов по 1631 г." Сб. Р. Ист. Общ., т. 116, [1902], стр. CXII—CCV: биография Массы). Живя в Москве, Масса выучился русскому языку и настолько хорошо овладел им, что даже перевел с голландского на русский описание побед принца Морица Нассауского. Это знание особенно пригодилось ему тогда, когда он стал собирать сведения о географии северо-восточных окраин России, а также исторические материалы, начиная с царствования Ивана Грозного. Московские события смутной эпохи заставили его в 1609 г. уехать из Москвы и отправиться на родину морем через Архангельск.

По возвращении в Голландию, Масса принялся за обработку собранных им в Москве материалов и вскоре написал книгу под

заглавием: „Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии“, в которой он изложил свои воспоминания о смутной эпохе и попытался объяснить ее на основании исторических данных.

Рис. 35. Исаак Масса.
(Гравюра А. Матама с портрета Ф. Гальса).

Сочинение это принадлежит к числу весьма важных иностранных источников о смутном времени. При жизни Массы оно не было напечатано и увидело свет только в XIX веке (в первый раз в изд.

Археологической комиссии: Rerum Rossicarum Scriptores exteri, t. II, p. 1—125; далее голландский текст с франц. переводом и биографией Массы издан М. Оболенским и А. фан-дер-Линде: Histoire des guerres de la Moscovie, 1601—1610, Bruxelles, 1866, 2 vols.; русский перевод: Сказания Массы и Геркмана о смутном времени в России, СПб. 1874). Однако, уже вскоре по возвращении на родину, Масса смог издать в Голландии два сочинения о Сибири, представляющие для нас особенно большой интерес.

Трудно сказать вполне определенно, когда именно и под влиянием каких причин возник у И. Массы интерес к Сибири. Отдаленной и еще плохо известной европейцам страной он, нужно думать, заинтересовался сначала, подобно другим иностранцам, как рынком сырья и сбыта; любопытство вызывали к себе также и ведущие через нее торговые пути в Китай, но собранные Массой данные показывают, что он не чужд был и географических и этнографических интересов вообще, и чувствовал особую склонность к науке землеведения. Мы знаем, во всяком случае, что уже к концу своего первого пребывания в Москве, благодаря одному русскому, который ездил в Сибирь при Борисе Годунове, а также знакомству с царедворцами и дьяками приказов, с которыми он постоянно старался поддерживать дружеские отношения, Масса располагал уже довольно обширными и точными сведениями о Сибири. Между прочим, вероятно, в 1608 году, Масса получил предложение от нидерландского торговца Исаака Лемэра принять участие в качестве фактора в экспедиции для отыскания северо-восточного морского пути, но отказался от этого предложения. Причины этого отказа изложены им самим в его известии о дорогах из Московии на Восток: „Я прекрасно знаю, и могу это доказать, что этот северный путь закрыт, и что все желающие его открыть, претерпят неудачу в своих попытках".

Написанное Массой по возвращении в Нидерланды „Краткое повествование" о смутном времени, в посвящении книги принцу Морицу Нассаусскому выражает надежду, что автору удастся передать ему хотя-бы в устной форме все то, что он знает о России, о ее берегах и о путешествиях, предпринятых по повелению московских князей в Китай и Монголию („Сказания", стр 6—7). Вскоре Массе, действительно, представился случай не только изложить все это в письменной форме, но и увидеть свое сочинение в печати.

В 1612 году в Амстердаме вышел сборник географа Гесселя Герритса под заглавием: «Beschryvinghe van der Samoyeden Landt in Tartarien», в котором были помещены две статьи Массы о Сибири, с приложением карты. Сочинения эти сразу же обратили на себя внимание, издавались неоднократно и вскоре же переведены были на многие языки. Библиографическая история их очень запутана, отчего я считаю необходимым на ней несколько остановиться.

В 1613 г. оба сочинения переведены были на латинский язык и изданы в книге: «Descriptio ac Delineatio Geographica Detectionis

Freti» etc. вместе с описанием плаваний Гудзона, а также путешествий Фердинанда де Квироса (De Queiros). В том же 1613 году сделан был и немецкий перевод: он помещен в десятом томе издания de Bry, Ostindische Reisen; перевод этот принадлежит Готарду Артхусу (или Артусу) из Данцига (Gotthard Arthus Dantiscus, 1570—1630), плодовитому немецкому компилятору и публицисту нач. XVII века, в списке работ котораго значится довольно много переводов с голландского языка (см. J. Chr. Adelung, Fortsetzung und Ergänzungen zu Jöcher's Gelehrten Lexico, Bd. I, Leipzig, 1784, S. 1148-1149; Kelchner, в «Allgemeine Deutsche Biographie», I, 1875, S. 613). С книгой Артуса познакомился А. Н. Пыпин, который, не подозревая о том, что в части, касающейся Сибири, она есть ничто иное, как перевод Массы, писал: „Происхождение этой книжки до сих пор не исследовано; любопытно было бы разыскать, откуда были им взяты сведения, изложенные в книжке о Сибири; могло быть, что они заимствованы были из устных рассказов людей, бывших в Москве" и т. д („Сибирь и исследования ее", „Вестник Европы" 1888, № 4, стр. 702—703). В своей позднейшей „Истории русской этнографии" (СПб. 1892, т. IV, стр. 206) А. Н. Пыпин исправил допущенную им ошибку и указал, кстати, „в пример библиографической запутанности" на П. Пекарского (Наука и Литература при Петре Великом СПб. 1862 т. I, 340) и Аделунга (II, 296), „где Артусу приписано издание Массы и Герарда (Герритса), им только перепечатанное"; однако А. Пыпину все же осталось непонятным, почему в книге Фан дер Линде и Оболенского (t. II, p. XIV) немецким переводчиком Массы с первого латинского издания назван L. Hulsius,— „под которым надо разуметь вероятно того же Артхузиуса. Мы знаем эту книжку по экз. Публичной библиотеки [в Ленинграде]: Zwölfte Schiffahrt oder kurtze Beschreibung der Newen Schiffahrt gegen Nord-Osten, etc. Oppenheim MDCXXVII (Ср. Catalogue de la Séction des Russica SPb. 1876, II, p. 265). Редкость изданий, которых нет сполна и в Публичной Библиотеке оставляет пока неясной историю этих изданий"... В виду того, что в русской литературе этот вопрос до сих пор еще не распутан, считаю необходимым сделать несколько пояснительных замечаний. Levinus Hulsius и Gottfr. Arthus—совершенно разные лица. Гульзиус — математик и знаток иностранных языков, был издателем в Нюренберге. В 1598 г. Гульзиус приступил к изданию в Нюренберге коллекции путешествий в различные страны на немецком языке в 26 томах; издание это было задумано в подражание коллекции Теодора де Бри и в числе сотрудников своих Гульзиус взял нескольких из тех лиц, которые участвовали в издании собрания де Бри; среди них был и Артус, который и поместил в изд. Гульзиуса свой немецкий перевод сочинений Массы, напечатанный уже в коллекции Де-Бри. Отношения Гульзиуса и Артуса разобраны в сочинении: A. G. Camus. Mémoire sur la collection des grands et petits voyages et sur la collection des voyages

de M. Thevenot, Paris, an XI (1802) p. 11—12, 23, 84—85. Таким образом, Артус дважды напечатал свой немецкий перевод сочинений Массы в начале XVII века. Отметим также, что в 1613 году полный немецкий перевод обоих сочинений Массы, по сборнику Г. Герритса дал И. Мегизер в книге: «Septentrio Novantiquus, Lpz. 1613» (см. след. текст). Вероятно около того же времени сделан был и французский перевод Массы. „Не знаем, был ли он напечатан, пишет А. Пыпин, но рукопись его мы видели в Парижской Нац. Библиотеке. Получив теперь копию этой рукописи (Ms. 19474, Coll. Dupuy), мы нашли в ней старый французский перевод обеих статей Массы о Сибири, только в другом порядке, сделанный по латинскому изданию 1613 г.: «Brieue Description des chemins qui mènent et des fleuves qui passent de la Moscouie uers le Septentrion et l'Orient en la Sibérie» и далее: «Description des pais de Siberie, Sâmoiede et Tingoesie frequentez par les Moscouites». При обеих статьях названо имя Массы" (А. Пыпин, Ист. русск. этногр. т. IV, стр. 207). Отметим тут-же, что много позднее, по одному из изданий того же Артуса сделан был и русский перевод сочинений Массы. Он был указан уже Пекарским среди рукописей Публичной Библиотеки, и, по его мнению, сделан белоруссом или южно-руссом не позже начала XVIII века. (П. Пекарский, Наука и литература при Петре В. I, стр. 340): „Индии восточной часть седьмая, плавании две содержащая... составителем М. Готардом Артхусом гдащанином вся преизящнейшими на меди изображенными иконами объясненна и свету преданна... року 1606". Как заметил уже Пыпин: „1606 год, поставленный в русском переводе, повторен из латинского издания, указанного тем-же Пекарским, но едва-ли существующего: 1606 г. мог произойти из 1609, поставленного на первой карте Массы". А. И. Соболевский (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., СПб. 1903, стр. 71—72) указал на два русских списка этого перевода (Публ. Библ. F. IV. 116 и Q. IV, 124) „из которых первый, без конца, похож на беловой, а второй на черновой", но заметил при этом, что две части латинского оригинала с датой Francof. 1606 он имел в руках. Ошибка объясняется, вероятно тем, что статьи о Сибири взяты русским переводчиком не из седьмой части оригинала, которая действительно датирована 1606 годом, и из которой переведена только часть, а из десятой (Indiae Orientalis pars X, quâ continetur historica relatio sive descriptio novi ad aquilonem transitûs, supra terras americanas in Chinam atque Japonem ducturi... addita descriptione regionum Siberiae... quae nuper a Moscis detectae et occupata sunt: auctore M. Gothardo Arthusio Dantiscano.., Francof. Typis vyd. Matthiae Beckeri, 1613). В этом латинск. изд. оба сочинения Массы (здесь не названного по имени) находятся на стр. 20—32. В рукоп. Гос. Публ. Библиотеки — F. IV, 116: „Повестное описание королевств Сѣберии, Самоедии и Тингоезіи вкупе с путешествіями от Москвы до всходу и полунощной страны тамо про-

водящими зане чрез оние московский народ всегда преходит“ (нач.: „Есть род на Москве“, л. 279 об.).

В 1625 г. в Лондоне появился английский перевод сочинений Массы о Сибири. Его же поместил Перчас (о нем см.стр. 169): в своем сборнике: His Pilgrimes III, c. VII p. 522—529 со ссылкой на изд. Гесселя Герарда, но без имени автора. Этот перевод перепечатан у J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, vol. II, London 1919, p. 3—11).

В 1675 г. появился новый немецкий перевод, принадлежащий Рудольфу Капелю (Rudolf Capel). Это издание также послужило поводом для ряда библиографических недоразумений. В 1675 г. Капель издал в Гамбурге книгу: «Vorstellung des Norden oder Bericht von einigen Nordländern etc. Auf guter Freunde Begehrten—aus D. Capel P.P. ausgefertigt». Через три года та-же книга вышла под новым заглавием: «Norden oder zu Wasser und zu Lande im Eise und Schnee, mit Verlust Blutes und Gutes, zu Wege gebrachte und fleissig beschriebene Erfahrung und Vorstellung des Nordens... von Rudolf Capel, der Heilig. Schrift D.» etc. Hamburg und Stockholm. 1678. Это второе издание было известно Аделунгу, который поместил Капеля в число путешественников по России и заметил при этом, что последний не только сам был в Москве, но „кажется предпринял путешествие и в северо-восточные области русского государства, что видно из показания, помещенного в его книге («Norden», S. 27): „Теперь я хочу показать, какими путями пользуются из Москвы в эти страны Сибирь, Самоедию, Тунгусию, что я с большим трудом и особенным старанием получил, живя в Москве, от придворных“... (Adelung, Krit.-Lit. Übersicht, I, 35—37, II, 347). Ошибку Аделунга повторил Carl Hiekisch. Die Tungusen, Diss. St. Petersburg, 1879, S. 8, который также утверждает, что Р. Капель сам путешествовал по России и что он, „как видно из его книги, был очень образованным и просвещенным человеком, оставившим ряд заметок о русском государстве“, в подтверждение чего выписаны известия о тунгусах из книги Капеля «Norden». Ошибка Гикиша тем более непонятна, что несколькими страницами ранее (S. 2—5) он говорит об Исааке Массе, называя его первым европейским писателем, обратившим внимание на тунгусов и приводит выписки из обоих его сочинений о Сибири. Между тем, указанная Аделунгом и Гикишом глава в книге Капеля есть ничто иное, как перевод обоих сочинений Массы (сделанный независимо от Артуса), а приведенная Аделунгом цитата, является лишь заключительными словами сочинения Массы: „Описание областей“ в первом голландском изд. 1612 г. (в латинском изд. 1613 г. они отутствуют). Гикиш введен был в заблуждение именно потому, что под руками у него было латинское изд. Массы 1613 г., Капель же — имя настоящего автора статьи не называет, указывая лишь на сборник Гесселя Герритса, и статья носит у него след. заглавие: «Kurtze Beschreibung der Reise aus Muscaw, Ost-Nort-Ostwärts in die neuerkündigte Länder: Siberia, Samoedia und Tingosia, wie

solche Reise heutiges Tages von den Muscowitern stätig gebraucht wird: sambt einer Erzählung was für Städte in Siberia neulich seyndt erbaut worden».

На ошибку Гикиша указал уже Henning (Reiseberichte über Siberien, S. 267). Чтобы покончить с немецкими переводами сочинений Массы укажу еще на один, сделанный А. Шренком, в книге: «Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojeden zum Arktischen Uralgebirge» Bd. II, Dorpat, 1854, S. 213–221.

По странной случайности имя Массы и на этот раз также видимо, осталось неизвестно переводчику, т. к. он переводил не с оригинального текста, а с английского перевода в сборнике Перчаса! Таким образом, несмотря на обилие переводов обоих сочинений Массы, имя настоящего их автора было часто в тени, а тем самым затруднена была оценка приведенных им данных, самый же текст известий нередко сильно искажался. Рассмотрим теперь голландские издания этих сочинений и укажем, какой текст можно считать наиболее исправным.

Как уже указано было выше, первый раз сочинения Массы о Сибири появились в сборнике Гесселя Герритса на голландском языке в 1612 году (A) и в том-же году в Амстердаме вышел латинский перевод его, сделанный, вероятно, самим Массой (B). В 1612-м же году вышло так называемое 2-ое голландское издание, точно воспроизводящее первое, но с небольшим приложением: «Verhael van d'ontdeckinghe van de nieu-ghesochte strate in 't Nordwesten» (C); тогдаже издано и 2-ое латинское издание, точно соответствующее первому, но с прибавлением подзаголовка: «Exemplar libelli supplicis» (D) В 1613 г. появилось третье переработанное и дополнительное издание издание на латинском языке (E). Далее, как указывает Fr. Müller (Essai d'une bibliographie Néerlando-Russe, Amsterdam, 1859, p. 103–104) голландский текст перепечатан был в первом томе издания: Begin ende Voortgangh van de Vereenighde Nederlandsche Geoctroyeerde Ost-Indische Compagnie, 1646, и снова в издании той же книги 1648 1, 50—54. Тот же голландский текст перепечатал Витсен в своем труде «Noord en Oost Tartarye» (изд. 1692 II, 509—518; изд. 1705 II, 826—829). Еще раз голландский текст был перепечатан в крайне редкой брошюре американского посла в Голландии Henry C. Murphy. Henry Hudson in Holland, The Hague, 1859, p. 66—72; новое изд. 1909 (здесь на стр. 81—97 дана лучшая и наиболее полная библиография сочинений Массы о Сибири) и, наконец, в издании Linschoten-Vereeniging, 1924. Первые голландские издания книги Массы чрезвычайно редки, т. к. сохранились лишь в нескольких экземплярах: это видно между прочим из того что Схельтема называет лишь латинское издание 1613 г., но и его он кажется не имел под руками (Scheltema, Rusland en de Nederlanden, Amsterdam 1817, I, 94), а акад. Бэр, посвятивший тому же латинскому изданию специальную статью, предлагал именно его переиздать в «Beiträge zur Kenntniss d. Innern v. Russland», не зная о существовании голландского подлинника, вышедшего годом

раньше. K. E. Baer, (Ueber das Werkchen: Descriptio ac Delineatio Geographica, Amsterdam 1613 und das Interesse, welches es für die Geschichte Russlands gewährt. «Bulletin scientifique publié par l'Academie Imp. des Sciences» St. Petersburg», t. X № 17, p. 267—271 и отд. St. Petersbourg, 1842). Мюллер в цитированой библиографии упоминает, что первое издание соч. Массы (A) имеется лишь в трех голландских библиотеках: в Амстердаме, Гааге и Лейдене; однако, латинское издание 1612 г. (B) имеется также в Гос. Публичной Библиотеке в Ленинграде, а изд. 1613 г. (E) — в Библ. Акад. Наук; чрезвычайная библиографическая редкость изд. A ослаблена теперь новым роскошным переизданием его (фотолитографическая репродукция) С. Миллера в 1878 г.: «Detectio Freti Hudsoni or Hessel Gerritz's collection of tracts by himself, Massa and De Quir on the N. E. and W. Passage. Siberia and Australia, Reproduced, with the maps: in Photolitographie by S. Muller Fz. Amsterdam», и недавним (1924) изданием S. P. L.' Honoré Naber. (Полное заглавие его см. ниже).

Латинский текст обоих сочинений о Сибири Массы переиздан также в приложении к цитированному выше изданию: «Histoire des guerres de la Moscovie» etc. Bruxelles 1866 t. I, 268—274, 275—285.

Никто из пользовавшихся сочинениями Массы географов не обратил внимания на то, что первые издания по тексту своему несколько отличаются друг от друга не только в написании собственных имен, но также и в редакционном смысле. Подробное сличение их делает Fr. Müller (Essai d'une bibliographie, p. 103 — 104; см. также P. A. Tiele Memoire bibliographique sur les journaux der navigateurs néerlandais, Amsterdam, 1867, 179—190). Во всяком случае важнейшими следует считать изд. A, B и E. Редкость отдельных изданий и большое количество их препятствовали сведению вариантов и установлению сводного текста, и, как мы видели, неоднократно давали повод к различным недоразумениям. Вот почему сочинения Массы, несмотря на популярность его имени, в общем мало и плохо использованы русской наукой. Почти все исследователи Сибири имели в руках неисправные тексты их: так, Шренк знал их по английскому переводу в сборнике Перчаса, А. Миддендорф пользовался весьма неисправным немецким переводом Гульзиуса в издании 1627 г. (Путешествие на север и Восток Сибири т. I, отд. I, СПб. 1860, стр. 49—50); И. Тыжнов („Обзор иностранных известий второй половины XVI в". „Сибирский сборник" Н. Ядринцева, СПб. 1887, стр. 105—112) дал русский перевод лишь одного сочинения Массы, совершенно опустив второе, при том наиболее важное; кроме того, перевод Тыжнова сделан по перепечатке Массы у Витсена (1705 II, 826—829), сильно сокращен и очень неточен: перевод того-же сочинения Массы и опять по тексту Витсена, но с сильными сокращениями, дан также в книге А. А. Введенского. Торговый дом XVI—XVII вв. Лгр. 1924, стр. 160 — 163. Познакомимся теперь с самими этими сочинениями, представляющими едва-ли не самый ценный исторический источник среди сказаний европейцев о Сибири в первой половине XVII в.

Заглавие первого голландского издания в русском переводе гласит следующее: „Описание страны Самоедов в Татарии, недавно

Beschryvinghe
Vander
Samoyeden Landt
in Tartarien.
Nieuwlijcks onder 't ghebiedt der Moscoviten gebracht.
Wt de Russche tale overgheset, Anno 1609.
Met een verhael
Vande opsoeckingh ende ontdeckin-
ge vande nieuwe deurgang ofte straet int Noord-
westen na de Rijcken van China ende Cathay.
Ende
Een Memoriael gepresenteert aenden
Coningh van Spaengien / belanghende de ont-
deckinghe ende gheleghentheyt van 't Land ghe-
naemt Australia Incognita.

t'Amsterdam / by Hessel Gerritsz. Boeckvercooper / opt
Water / inde Pascaert / Anno 1612.

Рис. 36. Титульный лист первого издания книги И. Массы «Описание страны самоедов в Татарии».

приобщенной к московскому государству, переведенное с русского языка в 1609 году“ и т. д. Витсен также повторил в своей

перепечатке указание, что в 1609 году „Массой было переведено с русского и издано описание дорог и открытия Сибири так, так передано далее". Г. Миллер внес было поправку в эту дату („Ежемесячные Сочинения" 1764 т. I, стр. 197), но она, тем не менее, кажется очень правоподобной, т. к. именно тем же 1609 годом датирована изданная Массой карта северных берегов Сибири (о ней ниже). Вспоминая о том, что именно в 1609 году Масса уехал из Москвы, можно думать, что „перевод с русского" сделан им незадолго до отъезда на родину. Однако, самое изучение им вопроса было несомненно делом нескольких лет. „Все, что я знаю, говорил Масса, я собрал с величайшим трудом и обязан этим дружбе с несколькими московскими придворными, которые, в знак расположения ко мне, сообщили мне эти данные, после того, как долго в них отказывали. Они могли поплатиться за это жизнью, т. к. русский народ чрезвычайно недоверчив, и не терпит того, чтобы открывали тайны его страны" (Ср. H. Michow. Das erste Jahrhundert Russisch. Kartographie, Hamburg, 1906, S. 36). Собранные им таким образом данные, Масса включил в текст своего сочинения о Сибири, разбивающегося на две самостоятельных части: в первой Масса рассказывает о покорении Сибири, собственно о начале русской торговли с сибирскими туземцами, предпринятой Строгановыми, во второй — дает краткое описание дорог, ведущих из Москвы в Сибирь, рек протекающих на севере и востоке и список сибирских городов, основанных москвитянами.

Первое сочинение, по отзыву Тыжнова, „на первый взгляд кажется очень странным", так как повествование о покорении Сибири обходится без Ермака. Уже Витсен, перепечатывая его, обратил на это внимание и старался согласить этот рассказ с теми шестью рассказами, какие у него помещены перед тем, и в которых рассказывается о покорении Сибири приглашенной Строгановыми дружиной Ермака со стороны среднего Урала. „Хотя это открытие Сибири, говорит Витсен, на первый взгляд как-бы противоречит тому, что было рассказано выше, все-таки эти сообщения и события могут быть примирены. Можно предположить, что открытие Аники произошло на западе и притом со стороны России, а открытие Строганова и Ермака началось с востока, причем оба открытия произошли в одно время или, быть может, Аника (Anica) прозвище или имя („Bynaem of Fornaem des Geslechts) рода Строганова и оба они рассказывают об открытии одного деяния, но таким образом, что в одном говорится о событиях вокруг Тобола, где была применена сила, а в другом, как при помощи кротких мер и любви в наиболее западных областях Сибири инородцы принуждены были сдаться или б. м. оба рассказа трактуют об одном и том-же событии, случившемся в одно время и в одном месте". (Witsen, op. cit., II, 826). Основная мысль этого рассуждения Витсена представляется А. А. Введенскому правильной: „проникновение в Сибирь с севера на Обь

за пушниной в нач. XVI в. при Анике Федоровиче Строганове и появление в Сибири Строгановых в 80-х гг. XVI в. с дружиной Ермака со стороны среднего Урала, были явлениями одного порядка: поисками торговых путей к низовью Оби за пушниной. См. такую постановку вопроса в статье С. Ф. Платонова „Строгановы Ермак и Мангазея“ „Русское Прошлое“ кн. 3, стр. 7 („А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв. Лгр. 1924 г., стр. 160; ср. его-же замечание в „Сборнике статей, посвященных С. Ф. Платонову“ П. 1922, стр. 102). „Вопрос, который представлялся для Витсена в противоречии между повествованием Массы и другими, ему известными, для нас представляется праздным, ибо нам хорошо известно, что Сибирь покорил Ермак“, замечает, в свою очередь, И. Тыжнов („Сиб. Сборник“, СПб. 1887, стр. 111). „Для нас повествование Массы имеет цену в тех пунктах, где означается деятельность Строгановых (Аники) на сибирской окраине и отношение государства к колонизации“. Аналогичную точку зрения высказывает и А. Н. Пыпин (Ист. русск. этнографии т. IV, стр. 209—210). „Повествование Массы имеет еще и ту цену, продолжает Тыжнов, что показывает, как постепенно подготовлялось покорение Сибири. Было бы весьма ошибочно думать, что поход Ермака был одиноко стоявшей попыткой проникнуть за Урал. Известно, что попытки эти ведут свое начало с XI-го века; еще новгородцы предпринимали походы на Югорию, затем политические сношения московского государства с северо-азиатскими владетелями проходят через царствование Ивана IV, оканчиваясь покорением Сибири“. Таким образом, рассказ Массы представляется в общем очень ценным историческим источником. В нем есть, однако, некоторые хронологические неясности: так, напр. он рассказывает, что привилегию дал Строганову Борис Годунов, тогда как известно, что уже Иван IV сыновьям Аники, Якову и Григорию подарил земли между Камой и Чусовой, дав им привилегию торговли в этих краях. Правда, могущество Строгановых было особенно сильным при ц. Федоре (1584—1598) и Борисе (1598—1605), и это могло быть поводом к тому, что Масса спутал хронологию, и события более раннего времени, полученные им, кстати, вероятно, из устных рассказов, отнес к более позднему. Акад. Бэр (op. cit. p. 268) также полагает, что Масса основывался на непроверенных слухах. Странным, однако, представляется утверждение А. Введенского (Торговый Дом, стр. 160), что „хронологическая путаница у Витсена (следовало-бы сказать: у Массы) и его приписывание событий начала XVI в. событиям 80-х гг. XVI в. происходят от его малой осведомленности иностранца, получившего лишь беглые впечатления о стране и ее истории“.

По общему отзыву исследователей, из двух сочинений Массы о Сибири гораздо больший интерес представляет второе: „Краткое описание путей“. Таково было мнение ак. Бэра (op. cit, p. 269), Henning'a (op. cit., S. 267) и др. А между тем оно гораздо менее из-

вестно, чем первое и не переводилось на русский язык. По указанию А. Н. Пыпина (Ист. русск. этногр. IV, 210—211), который дал в русской литературе наиболее полную его характеристику, „Краткое описание“ Массы — „есть вообще первое описание этого рода в старой литературе о Сибири. Это сочинение, опять, очевидно, взятое из русских источников, дает указание путей, какими совершались тогда сообщения с Сибирью и перевозка товаров. Главными путями были, конечно, реки, при этом Масса дает также описание главных городов, говорит о туземных народах и их обычаях, об управлении воевод, отмечая великие успехи московских людей в занятии Сибири“. Идя в своем описании с запада на восток, от Сольвычегодска к Уралу, Иртышу и Оби, Масса описывает уже Енисей, кончая свое сочинение описанием первых попыток русских проникнуть за эту реку. По обилию названий рек и городов, по точности сообщенных о них сведений, это сочинение занимает совершенно исключительное явление в современной ему европейской географической литературе. Как указано было выше, ценность этих данных увеличивалась для современников еще и тем, что сведения были добыты Массой „с величайшим усилием“, благодаря его связям с некоторыми представителями московской администрации. В руках его была также и русская карта, которой он руководствовался в своем описании: „жил в то время в Московии брат одного моего друга, сам участвовавший в этих открытиях в Сибири; этот друг передал мне одну карту, полученную из уст своего брата, ныне уже покойного, и им начерченную, сам же он проплыл пролив Вайгач и знает все места до р. Оби; о положении стран за этой рекой он узнал от других“. По приезде в Голландию Масса вскоре же напечатал эту карту (Russiae vulgo Moscoviae dictae. Partes septentrionalis et orientalis. Auctore Isaaco Massa. Apud Ioannum et Cornelium Blaeu, 1609), а затем перепечатал ее в приложении к сочинению о Сибири, но с некоторыми изменениями. Анализ этой карты и комментарии к ней см. Е. З а м ы с л о в с к и й. „Чертежи сибирских земель XVI — XVII вв.“ „Журн. Мин. Нар. Просвещ.“ 1891, № 6 стр. 337—339; А. Пыпин, Ист. р. этногр. IV, 1892, стр. 211 прим., Г а м е л ь, Англичане в России, стр. 208, 212, 215 — 216; H. M i c h o w, Das erste Jahrhundert Russischer Kartogaphie 1525—1631, Hamburg, 1906, S. 33—36; Б. М. Ж и т к о в. Полуостров Ямал, СПб. 1913, стр. 110; Зап. по Гидрографии, вып. XXVI, СПб. 1904; В. А. К о р д т. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия, вып. I, Киев, 1906, стр. 16 — 17; в этом издании воспроизведены и карты Массы (табл. XII, XIII, XIV).

В Россию Масса вернулся вероятно в 1612 г. в звании посла генеральных штатов и впоследствии не раз выполнял ответственные дипломатические поручения своего правительства, до 1634 г. часто ездя из Московии в Голландию и обратно. Умер Масса в 1635 году. Подробные биографические данные о нем приведены у

В. А. Кордта (Сб. Р. Ист. Общ. т. 16, стр. CXIII—CCV), с меньшей обстоятельностью и полнотой также в издании: Histoire des guerres de Moscovie, t. II: Etude sur Isaac Massa p. III—CXVI (также по-голландски: Dr. A. v. der Linde. Isaac Massa van Haarlem. Een historische Studia, Amsterdam, 1861. Указатель рукописей И. Массы, хранящихся в СССР см. C. C. Uhlenbeck, Verslag aangaande en onderzoek in de archieven van Rusland ten bate Nederlandsche Geschildenis, 's Gravenhage 1891, p. 19—21. Ниже мы приводим в русском переводе оба сочинения Массы: в основу перевода положен текст голландского издания 1612 г. по

Рис. 37. Самоед (из латинского издания книги И. Массы 1613 г.).

перепечатке у S. P. L'Honoré Naber: Hessel Gerritsz, Beschryvinghe van der Samoyeden Landt en histoire du pays nommé Spitzberghe. Uitgegeven door S. P. L' Honoré Naber, 's Gravenhage 1924 (= Werken der Linschoten-Vereeniging, deel XXIII), где приняты во внимание и все другие издания, как голландские, так и латинские.

Портрет Массы, написанный знаменитым Францом Гальсом из Гаарлема и гравированный A. Matham'ом мы воспроизводим по чрезвычайно редкому экземпляру из собрания гравюр Д. А. Ровинского (кабинет эстампов Гос. Публ. Библиотеки в Ленинграде).

I

[ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ]

Живут в Московии люди низкого происхождения, прозываемые Аниковичами (Anicouvij), и происходящие от крестянина (een Land-man) по имени Аника. Этот Аника был богатым человеком в своем краю, а жил он в области, расположенной на реке Вычегде (Witsegda), которая впадает в Двину, текущую в Белое море в ста милях от крепости Михаила Архангела. Аника имел много детей и всем был от бога щедро наделен и благословлен, но, побуждаемый страстью к наживе, возымел серьезное желание узнать, кем населены те страны, откуда приходили с дорогими мехами и другими товарами те люди, которые по языку, одежде, обычаям и вере отличались от остальных и называли себя самоедами и другими неизвестными именами. Эти люди ежегодно приходили рекою Вычегдою и вели меновую торговлю с русскими и московитами в городах Усолье (Osoyl) и Устюге (Ustinga), лежащих при реке Двине, т. к. там именно находились главные склады и рыночные места для всевозможных товаров, преимущественно же для драгоценных мехов. Аника же потому так страстно хотел узнать, откуда приходят эти люди, что легко мог заключить о том, что у них можно приобрести большие богатства, т. к. они ежегодно привозили мехов на большую сумму денег. Тогда потихоньку он вошел с некоторыми из этих людей в соглашение и дружбу (alliantie ende vruntschap) и послал вместе с ними своих 10 или 12 людей в их страну, приказав им самым точным образом заметить, через какие земли будут они совершать свое путешествие, а также произвести наблюдения над обычаями, жилищами, образом жизни этих людей, чтобы по возвращении они могли дать ему об этом всесторонний отчет. Когда же они благополучно возвратились, он принял их ласково и дружески, но приказал им никому не говорить обо всем этом, да и сам оставил при себе все полученные от них известия, никому не говоря об этом ни слова.

В следующем году послал он туда-же большое количество людей, дав им в спутники нескольких своих родственников и доверенных людей. Они взяли с собою некоторое количество малоценных товаров, как напр. маленьких колокольчиков, а также другого подобного им „немецкого товара“ (Duytsche Cramerye), и с усердием высматривали особенности этой страны. Проехав различные пустынные местности и большие реки, достигли они, наконец, реки Оби, где свели знакомство и дружбу с самоедами и узнали, что здесь меха можно купить по очень низкой цене и что из страны легко можно извлечь большие богатства; они заметили также, что этот народ вовсе не имеет городов, но живет мирно общинами и управляется старейшинами из своей среды, что он питается отврати-

тельной пищей — мясом зверей, добытых на охоте, ничего не зная ни о землепашестве, ни о хлебе; замечено было также, что все они хитрые и ловкие стрелки из луков, что свои луки делают они из мягкого или гибкого дерева. а к концу стрелы прикрепляют они заостренные камни или рыбьи кости, употребляемые также вместо иголок, и что их нитки сделаны из сухожилий различных мелких животных; так сшивают они вместе различные меха, которые служат им одеждой, причем летом носят они шкуры ворсом наружу, зимою же внутрь, обращая их к телу. Свои жилища покрывают они шкурами оленей или других животных, меха которых у них мало ценятся. Словом, посланцы Аники с любопытством заметили все, что им встретилось и возвратились назад, к своему покровителю, сильно нагруженные богатыми мехами.

Зная теперь от своих посланцев все, что он так стремился узнать, Аника в компании с некоторыми своими друзьями, в течении ряда лет вел торговлю с этой страной, благодаря чему род Аники приобрел значительное могущество и большие владения. Жившие рядом с ним соседи не мало удивлялись его сокровищам, не зная их происхождения; в многих своих деревнях Аниковичи строили церкви; в конце концов в городе Усолье на реке Вычегде, где они жили в то время, была ими выстроена необыкновенно красивая церковь, которая вся до самого основания была сделана из белого, чисто-обтесанного камня. Короче говоря, они не знали, куда им деваться со своим богатствами.

Тогда подумали они о том, что легко может случиться, что счастье повернется для них в обратную сторону, как это часто и бывает в подобных случаях, тем более что они заметили, что многие очень завидовали их богатствам, хотя они никому не сделали никакого зла. Поэтому, чтобы остаться на прежнем месте и удержать при себе свои богатства, они с большой предусмотрительностью решили принять свои меры. Существует у московитов пословица о том, что у кого нет друзей при дворе, тот не настоящий человек (die te Hove gheen Vrunden heeft, gheen mensch te gheljcken is); т. к. обычно случается, что если кому завидуют, а он на плохом счету при дворе, то его можно угнетать, несмотря на отсутствие вины, просто потому, что у него не было при дворе могущественного покравителя.

Поэтому богатые Аниковичи заручились дружбой знатного и влиятельного при дворе лица, по имени Бориса Годунова (Boris Goddenoof), который был шурином царствовавшего тогда Федора Ивановича и после смерти его занял его место в качестве русского царя, как это подробнее изложено в описании московских войн. Этому то Борису они и решили все открыть. По обычаю страны, они поднесли ему подарок и просили его, чтобы он выслушал их, так как дело их имеет в виду выгоду целого государства. Он отнесся к ним весьма милостиво и даже с необычным

вниманием, и когда они рассказали ему о местоположении Самоедии и Сибири, а также о том, что они там видели, и обратили его внимание на сокровища, которые благодаря этому открытию могли сделаться доступными для всего московского государства, Борис обнаружил живейшее желание продолжать эти открытия дальше. К Аниковичам отнесся он, как к своим родным сыновьям и дал им от царского имени широковещательную грамоту, по которой они без противоречия с чьей бы то ни было стороны могли взять в свое вечное потомственное владение те земли, где только пожелают. Далее, т. к. случилось что они задержались в Москве (а было это зимою), то проехался он вместе с ними в своих санях, а это считается у москвитян самой большой честью, тем более, что она в данном случае исходила от знатнейшего боярина, каким Борис был в ту пору, человека громадного влияния, в руках которого находилась большая власть.

Борис внимательно обдумал это дело и доложил обо всем царю, который изъявил свое удовольствие по этому поводу. Тогда, не медля более, Борис наметил несколько офицеров (capiteynen) и с ними несколько бедных придворных людей, из своей свиты, приказав им быть готовыми к путешествию, которое они должны были предпринять вместе с людьми Аники. Он нарядил их в богатые одежды, в какие обыкновенно одевались послы, присоединил к ним отряд солдат и снабдил их недорого-стоющими подарками, которые они должны были раздать тем племенам, мимо которых они будут проезжать; им приказано было внимательно заметить все дороги, леса и места (alle Passagien, Rivieren, Bosschagien ende plaetsen), которые встретятся им по-пути и спрашивать об их названиях, чтобы по возвращении они могли представить об этом правдивый отчет; он прибавил к этому, что они должны дружески обходиться с тамошними людьми и замечать все удобные места, на которых впоследствии можно было-бы построить крепости или остроги (eenighe Sterckte oft Castelen), а кроме того привезти некоторых из этих людей с собою в Москву.

Посланцы, хорошо снабженные всеми необходимыми для путешествия вещами, как-то одеждой, оружием, золотом и подарками, покинули Москву и отправились в Вычегду, где Аниковичи присоединили к ним нескольких из своих людей а также родственников и друзей (oock viel kinderen ende vrunden). Прибыв в самоедскую землю поступали они согласно приказанию, выказывая диким людям всяческую дружбу, почтение к их старейшинам и награждая некоторых из них многими подарками, самой ничтожной ценности, которые, впрочем, казались тем роскошными и весьма дорогими, так что когда московиты приближались к ним, они радостно бросались к ним навстречу, хлопали в ладоши и падали перед ними на колени, как будто принимали их за богов. С помощью некоторых туземцев, которые от русских крестьян в дерев-

нях научились русскому языку, московиты рассказали дикарям про своего царя, утверждая, что это почти земной бог (dezelve by na eenen aertschen god te zijn) и приплели к своему рассказу другие замечания, благодаря которым самоеды возымели желание увидеть все это собственными глазами. Это желание их очень понравилось московитам, которые со своей стороны выказали удовольствие относительно всего, что они видят, и прибавили также, что некоторых из своих они желали бы оставить у них в качестве заложников, чтобы они научились их языку, в то время как самоеды будут находиться в Москве. Таким образом, многих людей с восточной стороны Оби склонили они к своему намерению, так что они добровольно подчинились русскому царю, позволили обложить себя данью и выразили желание ежегодно давать московскому государю, как взрослые, так и дети, умеющие стрелять из лука, по паре соболиных шкурок, которые у них ценятся невысоко, у мо-

Рис. 38. Езда в Сибири. (Из книги Н. Витсена).

сквитян же считаются драгоценностями. Они обещали отдавать их тому, кто будет поставлен у них в качестве сборщика дани для царя, а также обещались держать свое слово.

После этого посланцы перешли реку Обь и продолжали свое путешествие почти на 200 морских миль вглубь страны по направлению к востоку и северо-востоку, видя много редких животных, чистые источники, незнакомые травы и деревья, красивые леса; также видели они самоедов различных племен; некоторые из них ехали верхом на оленях, другие на санях, возимых оленями, наконец, третьи — на собаках, которые бежали так-же быстро, как и олени. Словом, они встретили много вещей, о которых не знали ранее, и которые повергли их в удивление. Все это они аккуратно и тщательно отмечали, чтобы иметь возможность по возвращении дать точный отчет обо всем.

Наконец, взяв с собою некоторых самоедов, которые отправлялись с ними добровольно и оставив со своей стороны несколько людей у самоедов для изучения их языка, воротились они обратно в город Москву, где на первом же приеме рассказали Борису, а через него и царю, о ходе своего путешествия.

С великим удивлением смотрели здесь на привезенных самоедов, заставляли их показывать свое искусство в стрельбе из луков, что они и исполняли, проявляя прямо новероятную ловкость, так как они прикрепляли к ветке дерева монету, меньшую чем голландский стюйвер, затем отходили на такое расстояние, что ее едва можно было различить, и всякий раз в нее попадали. Зрители этому не мало удивлялись.

Со своей стороны и самоеды с высоким изумлением наблюдали образ жизни, нравы москвитян и красоты столицы: на царя же они смотрели с настоящим ужасом, когда он появлялся в роскошной одежде, верхом на лошади или в коляске, в которую запряжено было много лошадей, окруженный толпою разодетых бояр, и стражей, вооруженной мускетами, которая следовала за ним примерно в количестве 400 человек. Слыша звон колоколов, которых москвитяне имеют великое множество, или глядя на богатые лавки со многими дорогими товарами и на другие диковинки столицы, они выказывали свое удивление, точно попав на небо, в жилище богов. Они считали себя счастливыми, что могут повиноваться такому повелителю, как царь, приписывая ему прямо божественное могущество. Кушанья, которыми их угощали москвитяне, они пожирали с жадностью, из чего можно было усмотреть, что она им больше понравилась, чем сырое мясо и вяленая рыба, которые составляли их пищу на родине. Наконец, они обещали считать царя своим повелителем и убедить в том же всех своих собратьев. Они униженно просили также царя, как о милости, чтобы он послал им своих начальников, которые правили бы ими и собирали наложенную на них дань. Что же касается их языческой веры, то о ней не

было сделано никакого упоминания и их оставили при их прежних обычаях. Тем не менее я думаю, что христианство легко могло бы распространиться среди них, и нисколько не сомневаюсь, что москвитяне приняли бы к этому свои меры, если бы их не отодвинули на задний план глубоко-несчастные войны.

После того как дела эти приняли такой оборот, как мы рассказываем, Аниковичи еще более возвысились, и получили большие

Рис. 39. Заклание овец тунгусами. (Из «Путешествия» Исбранта Идеса)

привилегии и власть над многими местностями, которые были присоединены к их земле; они имели владения более чем на сотню миль друг от друга на реках Двине, Вычегде и Сухоне; они были очень богаты и могущественны и с каждым днем приобретали все более почета и уважения.

В Москве же решено было построить крепости на реке Оби и в соседних местностях, которые и по природе своей были достаточно недоступны, снабдить их гарнизонами и послать туда гене-

рал-губернатора, для того, чтобы открыть более отдаленные страны и сделать их подвластными царю, что и было приведено в исполнение.

Сначала делали некоторые крепости из больших, скрепленных вместе деревянных бревен, укрепляли их земляным валом, и снабжали солдатами. Туда ежедневно посылали так много народа, что в некоторых местах выросли целые города из людей различных национальностей, как напр. поляков, татар и русских, потому что в эти страны отсылали всех воров и убийц, изменников и преступников всякого рода, из которых некоторые содержались там в заключении и в кандалах, а другие должны были прожить там определенное время,—сообразно величине своего преступления. Таким то образом мало-по малу в этой стране набралось так много народу, что она, в настоящее время, со своими городами и крепостями, могла бы составить целое особое государство; туда отправляются толпы бедного люда, потому что они там освобождаются от всех исков, податей и налогов.

На упомянутой реке Оби есть местность, которая называется Сибирь (Siberia), а в ней город Сибирь (Siber). В первое время москвитяне пугались, если навлекая на себя неудовольствие, слышали слово „Сибирь“, потому что туда обычно ссылали в качестве наказания; теперь же они к этому настолько привыкли, что никто и внимания не обращает. Только знатные и родовитые люди, впадающие в немилость у великого князя, питают отвращение к этому имени, так как иногда их посылают туда вместе с женами и детьми; им поручается там какая либо правительственная должность, до тех пор пока не смягчится гнев царя, и тогда они снова возвращаются в Москву.

Теперь я хочу указать, какими путями пользуются для того, чтобы из Москвы ездить в эти местности, что я, будучи в Москве, собрал не без большого труда и разнообразных попыток от придворных. Все эти рассказы я не мог напечатать без большой опасности для жизни, пока я еще жил в Москве, так как москвитяне не так то легко поддаются тому, чтобы можно было публиковать тайны их страны.

II

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПУТЕЙ И РЕК, ВЕДУЩИХ ИЗ МОСКОВИИ НА ВОСТОК И СЕВЕРО-ВОСТОК, В СИБИРЬ, САМОЕДИЮ И ТУНГУСИЮ, ПОСТОЯННО ПРОХОДИМЫХ РУССКИМИ, С ДАЛЬНЕЙШИМИ ОТКРЫТИЯМИ В СТОРОНУ ТАТАРИИ И КИТАЯ.

Верхотурье (Vergateria)--первый город страны, называемой Сибирью, постройка которого началась одновременно с несколькими другими городами за последние 21 год. В нем довольно много зданий, а земли вокруг него обработаны так же, как и в Московии. Там живет воевода московского царя, который ежегодно, в начале весны, сплавляет по рекам большие запасы хлеба и съест-

Рис. 40. Туринск или Япанчин. (Из книги Н. Витсона).

ных припасов во все сибирские городки, где имеются гарнизоны, снабжая таким-же образом московитов, живущих за Обью, так как

земля в этих местностях еще не возделывается, самоеды же, как сказано было раньше, питаются большею частью мясом диких зверей.

Спускаясь по реке Туре (Toera) в течении пяти дней доезжают до Япанчина (Japhanis), городка, построенного и заселенного за последние два года. Оттуда опять едут вниз по р. Туре в течение двух дней, но бывают вынуждены, вследствие частых изгибов и поворотов реки пересекать ее в некоторых местах для сокращения пути. Там живут отдельно татары и самоеды, занимаются, большею частью, рыбною ловлей. Наконец, покинув Туру, доходят до могучей реки Тобола, которая находится на расстоянии около двухсот лиг от Верхотурья. Оттуда едут дальше до Тюмени (Tinnen), многолюдного города, построенного вышеупомянутыми людьми. Зимою многие ездят из Япанчина в Тюмень, что занимает двенадцать дней. Здесь ведется большая торговля дорогими мехами между московитами, татарами и самоедами, и это очень удобное место для тех, кто не намерен оставаться в стране больше шести месяцев. Однако многие ищут более отдаленных мест и уезжают далеко за Обь на Восток и на Юг.

Река Енисей (Jenisce) гораздо больше, чем Обь, и на восточном берегу своем имеет высокие горы, среди которых есть такие, которые извергают огонь и серу. На Западе лежит равнина, чрезвычайно плодородная и изобилующая растениями, цветами и деревьями различных пород. Там растет также много странных фруктов и встречается множество редких птиц. Весною Енисей заливает поля на семьдесят миль подобно тому, как, говорят, Нил в Египте. Тунгусы, хорошо зная это, держатся за рекой и в горах, пока не спадает вода, и затем возвращаются вновь, и пригоняют стада свои на равнину. Будучи народом очень кроткого нрава, тунгусы по совету самоедов, быстро подчинились правителям, которым повинуются последние, и стали почитать их как богов. Но каким богам они поклоняются и какие [исполняют] религиозные обряды — неизвестно и пока не может быть выяснено, т. к. московиты не интересуются подобными вещами.

Я не буду удивлен, если узнаю, что Вайгачский пролив забит на северо-востоке огромными ледяными горами, так как реки Обь и Енисей и еще много других рек, имена которых неизвестны, гонят такое количества льда, что этому прямо трудно поверить. В начале весны случается, что вблизи моря лед бывает так толст, и его так много, что он сносит целые леса. Это без сомнения и является причиной того, что около берегов пролива Вайгач наблюдается так много плавающего леса. Неудивительно поэтому, что так холодно в этом проливе около Новой Земли, если при узости его в нем накапливается и замерзает такая масса льда, причем толщина льда достигает 60-ти или, покрайней мере 50-ти шестифутовых саженей (fathom), как это в настоящем году [1612] было измерено теми, кто поехал туда за счет Исаака Лемэра в неболь-

шой лодке. Упомянутый Исаак Лемэр хотел и меня послать в эту экспедицию, но я отказался, потому что готов доказать, что этот путь непроходим, и что труды всех, кто бы ни сделал эту попытку, пропадут даром, если они не возьмут другого курса в своем плавании. Но вернемся к нашему рассказу.

Те люди, о которых я упоминал выше, предприняли большое путешествие за р. Енисей на восток, итти же на юг немного боялись, — так как несколько тунгусов, которых они взяли с собой, рассказали им, что на юге живет много народов, очень от них отличающихся, и что цари их находятся в постоянной войне друг с другом. Пропутешествовав несколько дней без больших результатов, они, наконец, вернулись домой, но перед возвращением они поручили тунгусам исследовать эти места более тщательно. Тунгусы обещали это сделать. И они возобновили союз, который раньше заключили с московитами. Уезжая, московиты оставили несколько своих людей в этих местах, а также несколько самоедов и татар, своих союзников, тунгусам же роздали небольшие подарки.

На следующий год тунгусы послали на восток несколько своих людей, которые, пройдя немного далее, чем раньше, нашли другую могучую реку, не такую большую, как Енисей, но такую же быструю. Следуя по течению ее несколько дней, они нашли каких-то людей, которых они нагнали, будучи быстрее на ходу, чем эти последние. Однако, они не могли понять их языка, кроме того, что по некоторым знакам и словам дикарей, часто повторявших „ом“, „ом“ они заключали, что последние часто слышат гром на той стороне реки. Они добавляют также, что эти люди часто повторяли слово Писида (Pisida), из чего тунгусы заключили, что таково должно быть название реки. Что же касается слов „ом“ „ом“, то москвиты позднее догадывались, что они означали звон колоколов. Возвращаясь оттуда, тунгусы взяли с собой несколько человек из той страны, но все они умерли по дороге или от страха или же от перемены воздуха. Тунгусы были очень огорчены их смертью, потому что по своем возвращении они утверждали, что это были понятливые люди, хорошо сложенные, с маленькими глазами, плоскими лицами и коричневой кожей красно-бурого оттенка.

Московиты, услышав об этом от самоедов, вернувшихся в Сибирь из страны тунгусов, вскоре возымели сильное желание исследовать более отдаленные местности этой страны и вошли в подчинение к воеводе, с тем, чтобы получить возможность быть посланными туда, вместе с подмогой. Воевода удовлетворил их просьбу, предоставив в их распоряжение отряд солдат, и приказал тщательно исследовать все, взяв с собою тунгусов, самоедов и татар. Итак, в количестве около семисот человек они перешли р. Обь и дошли до реки Енисея через страну самоедов и тунгусов. Перейдя эту реку, они пошли дальше на восток, имея проводниками тунгу-

сов, которые служили им не только проводниками, но также обильно снабжали весь отряд съестными припасами, ловя с удивительною ловкостью птиц, коз, оленей и тому подобную дичь, а также немалое количество рыб из рек, которые они встречали на пути. Дойдя до реки Писиды (Pisida), они раскинули свои палатки на ее берегу, с целью дождаться возможности пересечь ее, т. к. лед вскоре должен был вскрыться, потому что они прибыли туда перед наступлением весны. Однако перебраться через реку Писиду они все же не решились, так как теперь вполне ясно слышали звук, о котором были предупреждены заранее, и который они признали ничем иным, как звоном медных колоколов; когда ветер дул с дальней стороны Писиды, они иногда слышали также голоса людей и [ржанье] лошадей. Кроме того, они видели какие то паруса, хотя и не много, из чего они заключили, что это были суда, плывшие вниз по течению. Они также говорили, что паруса были квадратные, подобные индийским, как мы предполагаем. Не видя совсем ни каких людей на той стороне реки, на которой они остановились, и пробыв там некоторое время, они заметили, что река значительно поднялась (что однако, они едва-ли могут утверждать с достоверностью, так как берега высоки с обеих сторон). Наконец после долгого путешествия, но еще до наступления осени, они вернулись домой, в Сибирь, рассказав под присягой, что в апреле и мае месяцах они были поражены чрезвычайно красивым видом страны, и что они видели там много редких растений, цветов, фруктов, деревьев, птиц и диких животных. Но московиты совсем не интересуются такими вещами, как люди, которые ничего не ищут, кроме наживы, а во всем другом очень небрежны и грубы.

Когда эти вести дошли до московского двора, царь Борис и бояре, бывшие при нем, много дивились им и воспылав сильным желанием в точности исследовать все подробности, решили на следующий год отправить туда послов, которые повезли бы с собой подарки и взяли с собой татар, самоедов и тунгусов. Они должны были исследовать местность по ту сторону реки Писиды, заключить дружественный союз с царями, если бы таковые там нашлись, и описать все, что они увидят на пути, представив точный отчет обо всем. Но это не было приведено в исполнение вследствие разразившейся в это время у московитов гражданской войны.

Я придерживаюсь того мнения, что около этой страны начинается граница царства Катайского (Cataia), которое граничит с Хиной. Но я боюсь, что труды московитов будут напрасны, если они когда либо вернутся туда. Впрочем, это покажет время.

Несмотря, на все это, по распоряжению воеводы, даже во время смуты все же было совершено путешествие в эти места, при участии многих жителей Сибири. Экспедиция, перейдя р. Енисей, продолжала путешествие пешком. Многие из участников ее умирали на дороге, так как не привыкли к подобным трудностям [пути].

Они также видели многое такое, что представляет интерес по отношению к прежде описанному. Они также часто слышали звон медных колоколов, но, по совету тунгусов, не решались перебраться за реку. Все это время они оставались в горах, из которых, как они часто видели, подымалось пламя огня. Они привезли оттуда небольшое количество серы и образцов камней, так что, повидимому в этих горах находятся богатые руды. Кроме того воевода сибирский приказал построить особые крытые лодки, спуститься на них вдоль берегов реки Оби, в самом начале весны, и итти вдоль ее берегов, пока они не придут к реке Енисею, по которой они поплывут дальше в течение нескольких дней, дойдя (как он думал) до моря. Других людей он послал также сухопутьем — чтобы они оставались у реки до тех пор, пока не придут лодки, а если они не прибудут, то чтобы они вернулись через год. Тем-же, которые поедут в лодках, и капитаном которых назначен был некий Лука (Lucas), он поручил тщательно изучить берег и все то, что они найдут на нем достойным исследования. Они сделали то, что им было приказано. Экспедиция [плывшая] в лодках, достигнув устья реки Енисея, встретила там других исследователей, путешествовавших по суше и посланных до этого на лодках и яликах вниз по реке.

В это путешествие всё произошло так, как предвидел воевода. Но так как Лука и несколько других лиц умерли на пути, обе партии решили вернуться тем же путем, каким сюда пришли. Вернувшись в Сибирь они доложили воеводе об успехе своего путешествия, что заставило воеводу отправиться к царю. Доклад его хранится среди сокровищ московского государства до окончания войны и затем, вероятно, он будет рассмотрен. Но мы боимся, что до этого времени он пропадет, что поистине будет очень печально, т. к. путешественники нашли много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей, — все это далеко за Енисеем.

Река Таз (Taes) впадает в р. Обь, а вытекает, повидимому из местности, лежащей недалеко от р. Енисея, в больших лесах, в которых также, неподалеку от р. Таза берет свое начало и другая река, впадающая в Енисей. Так что от самой Оби едут водой вдоль самоедских берегов, потом проходят только две лиги сушей и попадают на реку Toergaef. по течению которой спускаются в Енисей. Это очень удобный путь, только недавно открытый самоедами и тунгусами.

Без сомнения, очень жаль, что голландцам не удалось пройти пролив Вайгач, но конечно, они не знают, как приступить к этому, потому что если они даже сто раз будут пытаться пройти его на кораблях, им это не удастся. Если они хотят тщательно исследовать эти страны, они должны провести два или три года около Печоры и Вайгача, где нет недостатка в хороших гаванях и съестных припасах. А оттуда они должны послать кого нибудь на маленьких

лодках для исследования более отдаленных местностей. По примеру русских, с которыми им следует подружиться, они легко отыщут проводников на суше и на море. Таким образом, в конце концов, все эти берега будут тщательно исследованы.

Без сомнения будут открыты [при этом] красивые страны и не только острова, но и материк. Все же есть основание предполагать, что Америка соединяется около Китая с какой нибудь из трех частей старого мира, подобно тому, как Африка соединяется с Азией узким перешейком около Красного моря. Это кажется очень правдоподобным. В самом деле, откуда знают о существовании этого прохода, как не из некоторых сочинений, в которых указано, что он действительно существует, что служит доказательством и из чего извлекают много аргументов? А если эти части [света] и не соединены вместе, то они, во всяком случае, не отделяются узким проливом.

ПРИМЕЧАНИЯ

Называемое Аниковичами] В голландском тексте изд. 1612 г. напечатано Anicoÿ, но в латинском 1613 г. исправлено на Anicouvÿ, т. е. сыновья Аники [Строганова] (сл. выше: И. Балак, стр. 182).

в городах Усолье и Устюге]. Под Усольем Масса имеет в виду г. Сольвычегодск, возникший в начале XIV в. и к концу XVI в. превратившийся уже в крупный торговый и промышленный центр. Кроме крупного солеварного промысла (у одного лишь Аники Строганова было здесь на западной стороне Солонихи 10 варниц) в XVI—XVII вв. в Сольвычегодске процветало сребротканное, финифтяное, чеканное и черневое дело, медно-литейное, железо-кузнечное- Здесь был также богатый рынок. Сл. Б. И. Дунаев. Г. Сольвычегодск. Исто, рико-культурный очерк. «Баян» 1914 № 1—3 и отд. М. 1914. В. А. Ешкилев. Г. Сольвычегодск и памятники былой его культуры. Историко-культурный очерк. В.-Устюг, 1926. Подробнее литература указана у Н. Макаренко. Исскуство Древней Руси. У Соли Вычегодской Петр. 1918, стр. 140 и сл. Ustinga— Массы (на карте Меркатора 1572: Ustinga, на «Tabula Russiae» Гесселя Герритса, 1614: Ostiuga Veliki)—г. Великий Устюг, в к. XVI—нач. XVII в. один из виднейших торговых пунктов северной Руси. А. Е. Мерцалов. Устюг Великий в первой четверти XVII в.—«Вологодский сборник» т. V, стр. 130 и сл.; В. П. Шляпин, Из истории города Великого Устюга.—«Записки Северо-Двинского о-ва изучения местного края», вып. II (В. Устюг, 1926), стр. 1—16; А. Е. Мерцалов. Вологодская старина. Материалы для истории северной России, СПб. 1889, стр. 104 сл.; ср. выше Д. Принтц, стр. 148.

маленьких колокольчиков] S. P. L'Honoré Naber (Hessel Gerritsz. Beschryvinghe van der Samoyeden Landt. t'Amsterdam, p. 13 Anm.) замечает, что колокольчики и бубенцы составляли предмет важной торговли европейцев с примитивными народами Азии. A. Schrenk, Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands durch die Tundren der Samojeden, Bd. II, Dorpat S. 214 полагает, что упомянутые Массой колокольчики шли на одежды самоедским женщинам. О «немецком товаре» см. примечания к следующему тексту.

в городе Усолье... была ими выстроена необыкновенно красивая церковь]. О строительстве Строгановых в г. Сольвычегодске см. в книге Н. Макаренко. Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской, Петр. 1918.

Как это подробнее изложено в описании московских войн] Масса имеет в виду собственное сочинение: «Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии»: см. введение к настоящему тексту. Напомним, что Борис Годунов вступил на престол в 1598 г.

Они должны дружески обходиться с тамошними людьми] Рассказываемое Массой подтверждается и другими документами о сибирской колонизационной политике московского государства. В 1600 году, напр. в Москве наказывали: «сибирских бы есте всяких ясачных людей велели беречи и ласку и привет к ним держали и их ничем не жесточили» (Г. Ф. Миллер. Описание сибирского царства, изд. 1750, стр. 351 прим.; Русск. Ист. Библ. II, стр. 47). При обложении ясаком вновь покоренных племен повелевалось «сперва ясак взять с иноземцев небольшой, чтобы их сперва ясаком не ожесточить и от царские высокие руки не отгонить» («Чт. Общ. Ист. и Др.», 1861 I, смесь: «Наказ письмянному голове Василию Пояркову от воеводы П. П. Головина о походе его на р. Шилку и Зею», Доп. к Акт. Историч. XII, № 8). Вновь привлеченным к ясаку инородцам иногда посылалось государево жалованье: ножи, топоры, огнива, тарелки, котлы, сукна. Воеводам приказано было взимать ясак «лаской, а не жесточью и неправежем»... Прекрасно понимая то впечатление, какое на первобытного человека оказывает внешний блеск и пышность, правительство пользовалось им для своих целей. Так, напр., воевода по приезде в город или острог должен был «сказать инородцам государево милостивое жалованное слово», «урядяся в цветном платье» (А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в московском Государстве СПб. 1900, стр. 421—422). «Итак,—замечает Лаппо-Данилевский (op. cit., стр. 424—425), в отношениях своих к инородческим племенам московское правительство обнаруживало глубокий политический смысл. Оно понимало, что при незначительном количестве военных сил, имевшихся в его распоряжении, нечего было и думать о насильственном покорении Сибири, о завоевании новых землиц. Оно разумно отстраняло обманчивые призраки военной славы и стремилось лаской, а не жесточью приучить инородцев к повиновению; оно старалось прельстить их, сперва внешним блеском, а затем и внутренним содержанием европейской цивилизации, но взамен этого требовало от них выполнения известных податных обязанностей, которые приносили существенные выгоды казне царской».

То-же констатируют и новейшие исследователи. «Одним принуждением, «жесточью» добиться аккуратной уплаты ясака, даже при наличности аманатов, было фактически невозможно,—пишет напр. С. В. Бахрушин («Ясак в Сибири в XVII веке» Новосибирск 1927, стр. 22—23). Чтоб иноземцы «государю были послушны и ясак с себя давали, надо было действовать «ласкою и приветом», добиваться добровольного подчинения. С необходимостью действовать ласкою пришлось считаться даже разбойничьей шайке казаков, снаряженной Строгановым. Князьков, приносивших ясак, Ермак отпускал «честно жалуя», по выражению Ремезова. Так, Суклема и Ишбердея он,—«приим ясак, одарив их, отпустил на свои жилища». Этой «лаской» объясняется то, что казаки брали ясак не только «с боем», но и «без боя», и что в целом ряде случаев туземцы им «любезно данью и ясаком поклонишася» (Сибирские летописи, изд. Арх Ком. СПб. 1907, стр. 333, 335, 337). С этой же необходимостью должно было считаться правительство и в XVII и даже в XVIII в. В Мангазейской ясачной книге 1703 г. сказано, что «по указу в. государя и по наказанным статьям из Сибирского приказу велено сбирать на ясачных людях... мягкую рухлядь с великим радением, ласкою, а жесточью на них... не править, чтобы тем ясачных людей не оскорбить». «Средством привлечь «ласкою» дикарей ясаку,—продолжает С. В. Бахрушин—служили подарки, «государево жалованье»,—

которые выдавались ясачным людям «за ясачный платеж», в качестве известной премии... Особенно щедрые подарки приходилось делать в первое время после призвания туземцев под государскую руку, «для прилуки». Из документов Сибирского приказа С. В Бахрушин извлек много интересных данных от этих подарках (op. cit., стр. 22—23): «подарки состояли из тех товаров, которые имели наибольший спрос среди дикарей»; тут были всевозможные виды бисера, олово (барабанское, т. е. голландское) в блюдах и тарелках, а также слитками, медь зеленая и красная в котлах и тазах, железо в слитках и железные изделия: топоры, ножи, железца ножевые. реже пилы, иглы, наконец предметы роскоши: медные перстни, гребни. «В Нерчинском уезде, где туземцы были избалованы щедростью китайцев и имели более высокие запросы, подарки состояли, кроме того, из сукон анбурских (гамбурских) и шептугов, огнив, удил конских и т. д.» Во многих из перечисленных предметов мы узнаем тот «немецкий товар» (Duutsche Cramerye), о котором говорит Масса.

Монету, меньшую, чем голландский штюйвер] Мелкая голландская монета. И. Тыжнов неудачно переводит: «голландскую копейку»; в английском переводе в сборнике Перчаса стоит «penny», в немецких переводах «Pfennig». Я предпочитаю сохранить чтение голландского подлинника.

В эти страны отсылали всех воров и убийц] Рассказ Массы подтверждает правильность взгляда П. Буцинского (Заселение Сибири и быт ее первых насельников, Харьков 1889, стр. 196—215) на колонизационное значение ссылки в Сибирь в XVII веке. Сл. выше: П. Петрей, стр. 206.

А в ней город Сибирь] Город Сибирь, известный также под именем Искера, лежал на р. Иртыше, неподалеку от нынешнего Тобольска (Müller, Samml. Russ. Gesch. IV, S. 7 ff.; III, S. 241); показание Миллера о местоположении его, как известно, расходится с показаниями Фишера, на что обратил уже внимание O. Peschel, Gesch. der Erdkunde[2], Berl. 1877, S. 333. В западно-европейской литературе этим вопросом специально занимался J. J. Egli. Jermaks Kriegszug 1578—1581 und die Lage von Ssibir — «Zeitschrift für wissenschaftliche Geographie» 1880 I, S. 93—104: Ср. его же: «Nomina Geographica. Versuch einer allgemeinen Onomatologie» Lpz. 1872, S. 526—527; новейшие разыскания произведены Вас. Пигнатти. Искер (Кучумово городище) «Ежегодник Тобольского Губ. Музея“ вып. XXV (1915), стр. 1—36. сл. выше: И. Шильтбергер, стр. 54—57.

Верхотурье] Строить Верхотурье поручено было Чердынскому воеводе Сарычу Шестакову, из «росписи» которого от 3 октября 1597 г. видно, что «при постройке города правительство преследовало не только экономические, обусловленные основанием его на транзитной дороге в Сибирь, цели, но и политические,— создать в новом крае неприступную крепость «для береженья от калмыцких и иных орд». (Вл. Трапезников. Очерк истории Приуралья в эпоху закрепощения, XV—XVII вв.—«Изв. Арханг. Общ. Изуч. Русск. Севера» 1911 № 17, стр. 443—444); описание Верхотурья сл. ниже в рукописи неизвестного 1666 г. и в примечаниях к ней. Слова «за последние 21 год» означают: с 1588 г.

Сплавляет по рекам большие запасы хлеба] Об организации снабжения хлебом служилых людей, размещенных по городам и острогам Сибири в XVII в. см. А. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 412,415—416.

До Япанчина городка] В голландском издании 1612 г. у Массы ошибочно напечатано Japhanim, откуда пошли и другие искажения этого названия у западно-европейских писателей. В латинском же изд. 1613 г. Масса исправил: Japansin, т. е. Япанчин, как первоначально назывался г. Туринск. В одном из «Хронографов» Гос. Публичн. Библиотеки в Ленинграде, в статье «О Сибирском царстве» сказано: «А грады Верхотурье, ниже Туринской остров,

его же зовут Епанчино по сей вине. В прежния времена тут жил Вогульской князек, именем Епанча» (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений, М. 1869, стр. 402). В книге Витсена «Noord en Oost Tartarye» среди видов сибирских городов есть и изображение «Turynskoy of Japanczyn». (См. у нас рис. 38) В самом тексте книги Витсен несколько раз называет этот город: «Turinsko, anders Japansin of Japanzin», «Turin of Jepantschin», но также Japansin, Pansin и Japhanim (ср. В. Радлов. Сибирские древности т. I, вып. 1, стр. 37; вып. III, стр. 140). Ермак разбил князя Япанчу близ нынешнего села Усенинова 1 авг. 1580 г. «Туринск построен на крутом правом берегу р. Туры, в 60 в. от Ирбита почти на самой границе Пермской губ. Он основан в 1600 г. воеводой Иваном Лихаревым на месте, где стоял древний город, близ которого шедший из-за Урала Ермак разбил татар Здесь почти от самого завоевания Сибири пролегала дорога из Перми в Сибирь» (Ипполит Завалишин. Описание Западной Сибири М. 1862, стр 227, 333). «В Туринском уезде, волость Япанчино, иначе Япанчинские юрты, создавалась на развалинах татаро-вогульского княжества Япанчи, прославившегося своим сопротивлением шайке Ермака. В 1628—29 г.г. «лучшим человеком» волости был сын этого самого Япанчи—Агим Япанчин» (С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII в. Новосибирск 1927, стр. 6) Ср. А. Оксенов. Сибирское царство до эпохи Ермака. Томск 1888, стр. 28, прим. 41.

До Тюмени] В голландском подлиннике ошибочно напечатано Tinnen, вм. Tiumen, точно так же как выше имя Тобол в голландск. изд. Tabab, в латинск. изд. 1613 г. исправленное на Tobol. Описание Тюмени см. ниже в рукописи неизвестного 1666 г. Вслед за этим абзацем в голландском издании идет описание торговли между русскими и татарами, в латинском издании опущенное. Оно воспроизведено полностью в перепечатке текста Массы S. P. L'Honoré Naber 1924 г. (р. 23.)

Уезжают далеко за Обь на Восток и на Юг] Далее следует краткое описание ряда сибирских городов: Тобольска, Томска, Тары, Castel Noxinscox (так в голландском изд., в латинском Narmiscoy, т. е. Narimscoy, Нарым) Березова (Beresai—в голландск., Beresow—в латинск изд.), Comgofscoy (латинск. изд. Congoffskoi,—вероятно Кетский острог; река Кеть названа здесь же: Telt), и нескольких других местностей; это описание мы пропускаем в нашем переводе, сохраняя полностью лишь важнейшую и наиболее интересную часть этого сочинения Массы—описание путей к Енисею и дальше.

За счет Исаака Лемэра в небольшой лодке] Исаак Лемэр (или Ле-Мэр)—богатый нидерландский торговец, пускавшийся на большие коммерческие предприятия. Так напр. он был первым в Нидерландах, кто решился в компании с тремя другими купцами отправить в 1599 г. 6 или 8 кораблей в Китай вокруг Африки мимо Доброй Надежды; в первое десятилетие XVII века Лемэр пытался испробовать Северный морской путь. И. Тыжнов (Обзор иностранных известий о Сибири 2-ой полов. XVI в. «Сибирский Сборник» СПб. 1887, стр. 103) ошибочно утверждает, что Лемэр в 1612 году вел переговоры с Массой об этой экспедиции, предлагая ему участие в ней в качестве фактора; вероятно, переговоры эти велись в 1608 г., т. к. экспедиция Лемэра вышла в море из Нидерландов 5-го мая 1609, а уже в 1612 г. Масса занес известие об этом в свое сочинение (В. А. Кордт, Сборн. Р. Ист. Общ. т. CXVI, стр. CXIV; S. Muller, Geschiedenis der Noordsche Compagnie, Utrecht, 1874, p. 36—47). О Лемэре см. еще R. C. v. d. Brink. Isaac Le Maire. Eene Voorlezing, в журнале «Gids» 1865, IV, p. 1—56; P. Foucart, Isaac et Jacques Lemaire, Valenciennes, 1892.

Повторяли слово Писида] р. Пясина (сл. выше: Логан, стр. 217); На карте Массы обозначена: Peiswa, на карте Г. Герритса—Pesida Reca. Как уже было отмечено выше, известие Массы об экспедиции на Пясину является одним из первых в литературе: разбор его см. у Müller'a Samml. Russ. Gesch. VIII, S. 92 ff. Опровергая Витсена, который перепечатал это известие Массы

oesen landt : alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is .

Beloi ostroof

Ostorf

Gentium Samojedarum. pellibus a capite usq ad Calcem. adversus intolerabilem frigoris injuriam. indutorum effigies.

Obi reca

Jenisseia reca

TINGOESI

NEN LANT

Toergaef boeck

Tasoofscoigorod

Voloc of overtoom

Motsianca

Reviere taes

Tasoofscaiagoeba of inham Tosoua

Pyhr Riviere

achmen by hooghwater vaeren, anders ist droogh

Sarapoui coosci

Narontza

Moetnaia

Ozero

Voloc of overtoom

Socolioloeda oft der valken eylant

Meescoi

Pritum stolb

Corjma

SAMOIEDA.

Tsenaia

Reebnaia

SIBIRIA.

Toboll metropolis Sybiriae

Michalova

Ditsiasina

Joboecoua

Trascouaja

Saguas diua

Kara

Mongintzar

Paderitza

Рис. 41. Карта Сибири И. Массы.

(изд. 1692, S. 516, 1705, S. 832) Миллер, по справедливому замечанию А. Миддендорфа, ошибочно утверждает, что Исаак Лемэр предпринял свое северо-восточное путешествие не раньше 1605 г... Т. к. Масса замечает, что люди, посланные Лемэром и принесшие первое сведение о Енисее ездили туда «за семь лет до того», то мы получаем по меньшей мере 1605 г., если допустим, что сочинение Массы было написано в том же году, в котором издано, хотя это маловероятно. Итак, Миллер во всяком случае ошибается, полагая, что Енисей открыт в 1606 г.» (А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири СПб. 1860 ч. I. отд. 1, стр. 88—89).

Часто повторявших „ом“, „ом“] Г. Миллер предположил, что слова «ом», «ом» указывают на буддийскую молитву: Om mani padme hum! Иначе говоря, он думает, что экспедиция встретила отряд монголов, в котором находился лама: «эти люди часто удаляются в пустыни, чтобы замолить грехи или распространить свое безбожное учение» (Samml. Russ. Gesch. VIII. S. 100); этот лама вместе со своими спутниками будто бы и бормотал указанную молитву, известную и ныне под именем Джюрган усук мани (более правильная транскрипция ее: Om mani padme Hung!) J. Baddeley, Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. I, p. LXXXIV переводит: «О, бог, драгоценный лотос, привет тебе!» или «Привет тебе, о драгоценность в цветке лотоса!» но, как известно, эти шесть слов, истекших по преданию из уст Абиды при устроении судеб мира, по существу непереводимы; по одному из толкований, тибетскому речению «ом» соответствует монг. тенгери, ма—монг. асури, ни—кумун и т. д.; в шести словах «находят буквальное указание на 6 классов существ,—тенгеринов, асуринов, людей, бессловесных тварей, биритов и обитателей преисподней. Буддисты понимают эту молитву в смысле воззвания о милости и помощи ко всем живущим, а тем паче и к богам». (Арх. Нил, «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» СПб. 1858, стр. 28, 40, 147, 169, 298). Иное толкование этим словам дает Гэннинг (Die Reiseberichte über Siberien, «Mitteilungen des Vereins f. Erdkunde zu Leipzig», 1905, S. 281 f.); он полагает, что вместо «Om» нужно читать «Lam», как яко бы по тунгуски называется Байкал; (это совершенно неверно, отметим, кстати, что слово «Байкал» якутского происхождения и обозначает «богатое озеро» Fischer, Sib. Gesch., II, S. 747 Изв. ВСГО, Г. XXXVI 1905, стр. 92; впрочем П. А. Словцов, Историч. Обозрение Сибири, СПб. 1886 I, стр. 41, по поводу слова Лама замечает: «В Сибирских летописях так называлось охотское море, хотя и небезъизвестно, что тунгузское речение Лама есть общее имя морей»). Гром и колокольный звон Гэннинг поэтически объясняет, как известие о столкновениях пловучих льдин на Байкале и о звучном гуле валов озера. J. Baddeley (op. cit., II, p. 15 sq.) полагает, что здесь, конечно, не имеются в виду ни первые слова буддийской молитвы, которая в нач. XVII в. едва ли еще могла быть известна на далеком севере Сибири, ни имя озера Байкала, но находит вероятным все же, что в этих словах нашли свое выражение глухие и спутанные сведения м. б. о реке Лене, оз. Байкале или озерах Китая; к такому выводу его приводит сопоставление известия Массы с письмом И. Балака (см. выше, стр. 184).

Который они признали ничем иным, как звоном медных колоколов] Аналогичный рассказ мы находим уже в письме Иог. Балака (сл. выше, стр. 184). Возможно, что мы в данном случае имеем намеренное со стороны туземцев искажение действительности. Так, тунгусский князек Илтик сообщал русским разные фантастические известия, имевшие целью, запугав русских, удержать их от похода на восток: «а ходят де тою рекою суды большие: и из пушек де с тех больших судов стреляют... а вода в той великой реке соленая, а что де в нее не кинеш, и из нее де мечет вон на берег“ и т. д. (Фишер. Сибирская история, СПб. 1774, стр. 278; Л. С. Берг, История географического ознакомления с Якутским краем, в сб. «Якутия» Лгр. 1927, стр. 2). Совершенно неправдопобное предположение делает П. А. Словцов (Историч. Обозрение Сибири, СПб. 1886 г. I, стр. 33): «воеводства: Мангазейское, Енисейское и Красноярское заглядывали

порознь за преграды рек к востоку, получали ясак и слушали нелепые вести о заенисейских племенах и о больших у них колоколах. Но прилетают ли на реку Тунгуску дрозды-звонари? Тогда бы и звон и трезвон надлежало приписать живым колоколам».

Это были понятливые люди, хорошо сложенные и т. д,] G. Henning (Die Reiseberichte über Siberien von Herberstein bis Ides, «Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig» 1905, S. 359) полагает, что Масса говорит о бурятах, хотя и не называет их, и что это первое известие о бурятах в западно-европейской литературе; однако, это предположение представляется мне маловероятным.

Около этой страны начинается граница царства катайского] О слове «Катай» и его отличии от «Хины» по понятиям европейцев XVI—XVII вв. сл. выше, стр. 145.

попадают на реку Toergaef] В голландском издании 1612 г. «Soo comense in een Riviere diese Torgalf»; на карте Массы: Torgaef; так же и в латинск. изд. 1613 г.

без сомнения очень жаль, что голландцам не удалось пройти пролив Вайгач] См. следующий текст: И. Мегизер, примечания. Это место подверг критике Гессель Герритс в своих «Anmerkinghen op deze Russche Caerte» (Массы). Сл. S. P. L'Honoré Naber, op. cit., 32—33 Anm.

что Америка соединяется около Китая] На Птольмеевом типе карт Северной Азии—Азия и Америка приближаются друг к другу широкими и далековыдающимися мысами, отделяющимися однако-же между собою Аниански м проливом (Fretum Anian); с этим названием мы встречаемся на итальянской карте Зальтериуса, изданной в Венеции в 1566 г. (Winsor, Bibliographie of Ptolemeys Geography, Cambridge, S. 35), на карте Меркатора 1569 г. и впоследствии на больших картографических работах конца XVI и первой половины XVII в.: Ортелия, Гондия, Баавия и т. д. (А. Э. Норденшильд, Первая карта северной Азии, основанная на действительных наблюдениях, «Зап. Военно-Топогр. Отд. Гл. Штаба», т. XLIV, СПб. 1889; сл. выше. стр. 160). О происхождении названия Anian см. Л. С. Берг Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. «Записки по гидрографии» т. II (XLIII) вып. 2, 1919, стр. 80 и сл. В латинском издании сочинения Массы 1613 г. вслед за последним абзацем нашего перевода есть еще несколько фраз, которые мы опускаем, т. к. они не имеют отношения к интересующей нас теме. См. «Histoire des Guerres de la Moscovie», t. II. p. X,—XI и S. P. L'Honoré Naber, op. cit., p. 33.

XXVII. ИЕРОНИМ МЕГИЗЕР | HIERONYMUS MEGISERUS

(1613)

Иероним Мегизер (Hieronymus Megiserus; Megiser, 1553—1618)—плодовитый историк, переводчик и компилятор начала XVII столетия. „Ученый с основательными и многосторонними знаниями и богатым опытом путешественника,—отзывается о нем его биограф Эльце,—Мегизер заявил себя в литературе, как издатель исторических, географических, философских и поэтических произведений. Ему мы обязаны первым изданием ‹Fürstenbuch› Эненкеля, первым немецким изданием путешествий Марко Поло,*) первых карманных путеводителей (Венеция, Неаполь), первой турецкой грамматики. Он оставил свыше 36, в большинстве случаев изданных по нескольку раз, сочинений, которые в настоящее время принадлежат к числу редкостей наших библиотек“ (Th. Elze, H. Megiser. ‹Allg. Deutsche Biographie›, Bd. XXI, 1885, S. 183—185). Мегизер много путешествовал и знал много языков, что подтверждается, между прочим, большим трудом его—„Сокровище всех языков“ (Thesaurus Polyglottus, Francf. 1603, 2-te Aufl. 1613)—сравнительным словарем всех важнейших наречий старого и нового света, не исключая и славянских. Мегизер был компилятором, но не ученым творцом; отсюда разнообразие его трудов, в которых для его времени было много поучительного и важного, благодаря обилию заключенного в них свежего материала, но которые устарели уже в XVIII веке. Из них наиболее важными можно считать, кроме указанного словаря (Мегизеру принадлежит еще ‹Dictionarium quattuor linguarum› 1593, 2-ое изд. 1603: словарь немецкого, латинского, иллирийского и итальянского языков): ‹Chorographia Tartaria. Beschreibung der Reise des Marco Polo, aus dem italienisch., mit Kupfern›, Lpz. 1610, ‹Annales Carinthia› Lips. 1608, 2 тома in-fol; ‹Ephemeris Austriaca› 1614, ‹Respublica venetor›, Francf. 1616, ‹Chorographia Neapolitana› Lpz. 1605, ‹Propugnaculum Europa d. i. Beschreibung der Insul Malta› Lpz. 1606, ‹Paradisus Deliciarum, d. i. eigentliche und wahrhafftige

*) Это известие неточно; см. выше: стр. 31—32.

Beschreibung... der Stadt Venedig» 1610; «Decimatoris Silvam... acced. Proverbia et Sententia com plurium linguarum» Lpz. 1606. Изложенные популярным языком и довольно живо, книги Мегизера много читалось в первой половине XVII века.

Среди его компиляций есть одна книга с замысловатым, по обычаю эпохи, заглавием, в которой находятся некоторые данные и о Сибири: „Новый северный мир, т. е. основательное и правдивое описание всех полночных или на севере лежащих стран и островов" («Septentrio Novantiquus, der Mitternächtigen und Nordwärts gelegenen Landen und Insulen, Lpz. 1613). Содержание этой книги очень разнообразно: здесь дается прежде всего описание Исландии, затем следует в переводе с итальянского известное „Путешествие братьев Дзени для открытия островов Фрисландии, Эстляндии, Энгронилландии и Икарии", признаваемое в настоящее время авантюрным романом XV века; далее идут: описание открытия „новой Вест-Индии", путешествие испанца Педро де Квира, описание Швеции, Норвегии и Виргинии, описание „чортовых островов"—эпизод из путешествий Жака Картье, рассказами которого заслушивался Ф. Раблэ (Ch. de la Roncière, Histoire de la marine française, t. III, Paris 1906, p. 320). Глава L посвящена Северному полюсу и близлежащим странам, гл. LI—„краткому рассуждению о том, можно-ли северными и полночными странами доплыть до Восточной Индии"; глава III носит название: „Что за полночные страны, острова и народы открыты мореплавателями, искавшими пути в Китай, с приложением небольшого описания Новой Земли"; глава LII (S. 389—395) „О стране самоедов" приведена ниже в русском переводе; за нею Мегизер поместил оба сочинения И. Массы о Сибири.

Глава „О стране самоедов" не самостоятельна, как не самостоятельны и все, приведенные в книге, материалы. Целью Мегизера было, очевидно, дать свод всех известий о северных странах, известных в его время, и он это сделал довольно живо, добросовестно и с большой эрудицией. Сибирь, естественно, должна была интересовать Мегизера, и он поместил в свой труд прежде всего сочинения Массы, незадолго перед тем опубликованные, предварив их небольшим пересказом голландских путешествий конца XVI в. В наш сборник извлечения из путешествий голландских мореплавателей не вошли, на том основании, что собственно Сибири голландцы не достигли, хотя и собрали расспросным путем, от самоедов и русских, ряд данных о реках Оби и Енисее, нами неоднократно использованные. Тем охотнее помещаем мы небольшой перевод из книги Мегизера, дающий общее представление о географических и этнографических результатах голландских путешествий, но так как он не делает ссылок на источники, мы должны сказать о них несколько слов.

Богатая республика Нидерландов, вслед за Англией и в силу тех же экономических причин (сл. выше, стр. 161), стремилась найти

путь в Индию и Китай, отличный от того, которым пользовались испанцы и португальцы. Начавшиеся торговые сношения нидерландов с Россией через Белое море вызвали в Нидерландах интерес к тому самому пути на северо-восток вокруг Азии и Европы, которым уже ранее безрезультатно пытались пройти англичане. Вдохновителем специальных экспедиций для открытия этого пути был нидерландский купец Балтазар Мушерон. „Начав в 1584 г. торговые сношения с Россией и сделав „маленькую попытку“ открыть северо-восточный путь, он систематически и обдуманно взялся за исполнение этого нового плана. Его факторы в России должны были доставлять ему достоверные сведения о севере России и о северном океане. В Лондоне дополнительные сведения собирал его брат Пьер де Мушерон“ (В. А. Кордт. Очерк сношений московского государства с республикою соединенных Нидерландов по 1631 г. „Сб. Р. Ист. Общ“. т. 116; СПб. 1902, стр. XCIII). „Добытые Балтазаром в течение почти десяти лет сведения, оказались благоприятными. Можно было надеяться, что дорога вокруг Европы и Азии будет не только на 2000 миль короче, чем вокруг Африки, но и безопаснее, благодаря отсутствию морских разбойников. Наконец, новая дорога и в гигиеническом отношении обещала преимущества. В конце 1593 г. Мушерону назначил аудиенцию принц Нассауский; ему Мушерон изложил собранные им сведения о возможности достигнуть Китая, плывя морем на северо-восток мимо Вайгача. Предприятие осуществлено было на счет государства. Но советы и указания Мушерона играли важную роль при снаряжении двух экспедиций, предпринятых в 1594 и 1595 г. нидерландским правительством для открытия северного пути в Китай и Японию“ (В. А. Кордт, op. cit., стр. XCIV).

В первой экспедиции 1594 г. участвовало 4 судна, снаряженных компанией купцов из Амстердама, Миддельбурга и Энкгейзена. Капитаном амстердамского судна („Посланник“) был известный мореплаватель Вильг. Баренц, миддельбургского („Лебедь“)—Корнелис Корнелиссон Най. По совету Мушерона, два корабля должны были плыть мимо Вайгача через Югорский шар, а третьему судну, на котором плыл Баренц, с рыбачьей яхтой, предписано было итти к северу вдоль западного берега Новой Земли. В то время как Баренц достиг островов Матвеева и Долгого, К. Най через Вайгачский пролив, названный Нассауским, вышел в открытое море, т. е. Карское, назвав его Новым Северным морем (Nieuwe Noort Zee)... В расстоянии ок. 50 миль от Вайгачского пролива они видели к северо-востоку другой берег, из чего заключили, что большая река должна быть Обь (между тем как это была, вероятно, Мутная губа), что берег оттуда простирается прямо к мысу Табину (Tabijn; см. о нем выше: Г. Меркатор, стр. 173—174) и далее прямо к Китаю, и что им не остается более ничего открывать. Вследствие этого,

назвав берег между Нассаусским проливом и рекою Обью Новою Голландией, они, по общему соглашению, решили прекратить дальнейшее путешествие. 16-го сентября 1594 г. экспедиция вернулась на родину. „Хотя эта экспедиция и не вполне разрешила возложенную на нее задачу, однако она, во всяком случае, была важнейшею из всех, дотоле предпринятых в Ледовитое море, впервые сообщив достоверные сведения о западном береге Новой Земли и о Югорском шаре, который был назван Вайгачским проливом" (К. Свенске. Новая Земля в географическом, естественно-историч. и промышленном отношениях, СПб. 1866, стр. 7). Надежды, возбужденные в Нидерландах этой экспедицией, были так велики, что в следующем 1595 г. при содействии Генеральных Штатов и принца Морица, для продолжения изысканий была снаряжена целая эскадра из 7 судов. Б. Мушерон и на этот раз принимал самое деятельное участие в приготовлениях этой экспедиции. Зеландским штатам он представил подробное „рассуждение и заявление о плавании в Китай через Нассауский пролив". Он старался здесь устранить все сомнения в возможности его осуществления и высказывал убеждение, что интересы нидерландской торговли требуют постройки крепости на острове Вайгаче. „Берег Тартарии,—рассуждает он, теперь открыт, река Обь судоходна и со временем можно будет направить торговлю из Белого моря в новую крепость. О. Вайгач и соседний берег Тартарии изобилуют соболями, куницами и другими пушными зверями и, кроме того, здесь много разных товаров, которые туземцы охотно будут привозить в крепость, если узнают, что их можно там сбыть" (В. А. Кордт, op. cit., стр. XCVI). Надежды, однако, не оправдались. Оставив берега Голландии 2-го июля 1595 г., корабли, после весьма опасного плавания, прибыли в Югорский шар, который был совершенно загроможден льдами. Укрывшись близ острова Вайгача, они простояли там 6 дней и тогда увидели 2 русских ладьи. От бывших на ней промышленников они узнали, что из Холмогор ежегодно несколько людей ходят в Обь и далее в Енисей (Гиллиси) с сукнами и дорогими товарами (сл. J. Chr. Adelung, Gesch. der Schiffahrten und Versuche etc. 1768, II, S. 57, 61—62; III, S. 108, 119, 187; Гамель, Англичане в России I, стр. 54—55; Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, СПб. 1828, I, стр. 13—19, 23, 37, 43—44, 122; Е. Замысловский. Герберштейн, СПб. 1884, стр. 89 прим.)

Обстоятельства помешали им плыть далее, и они предприняли обратный путь. После неудачи этого предприятия, стоившего таких больших издержек, Генеральные Штаты отказались от снаряжения новой большой экспедиции на свой счет, однако, чтобы не пресечь дальнейших попыток, объявили, что всецело предоставляют их частной инициативе и обещают выдать 25,000 гульденов тому, кто откроет искомую дорогу. В 1586 г., действительно, в надежде на

эту награду совершенно было еще одно путешествие Баренца, Якова Гемскерка и Яна Корнелиса Рипа.

Северо-восточные экспедиции нидерландцев описаны Геррнтом де-Фером и Яном фан-Линсхотеном. Г. де-Фер описал все три путешествия 1594, 1595 и 1596 г.г. но участвовал только во 2-м и 3-м; труд его вышел под заглавием: «Waerachtige Beschryvinghe van drie Seylagien... deur de Hollandtsche ende Zeelandsche schepen by noorden Noorweghen, Moscovia de opdoeninghe vande Weygats, Nova Zembla, ende van't Landt op de 80 graden, dat men acht Groenlandt de zijn (in 1549—1596). Gheden deur Gerrit de Veer van Amstelredam, Amst. 1598. Ян-Фан-Линсхотен участвовал в первых двух экспедициях и составил описание их под заглавием: «Voyagie ofte Schip-vaert van J. H. van Linschoten van by Noorden om langes Noorvegen, de Noortcaep, Laplant, Vinland, Ruslandt, de witte Zee... door de Strate ofte Engte van Nassau tot voorby de Rivier Oby..., Anno 1601. Библиографию этих сочинений см. P. Tiele, Memoire bibliographique sur les journaux des navigateurs néerlandais, Amst. 1867, p. 103 116, 194—155. P. Tiele, Nederl. bibliographie van landen volkenkunde, Amst, 1884, p. 155—156. Второе сочинение переиздано с интересными приложениями и комментариями: «Reizen Naar Het Noorden door Jean Huyghen van Linschoten 1594—1595, uitgegeven door S. P. L'Honoré Naber, 's Gravenhage, 1914 (= Werken uitgegeven door de Linschotenvereeniging, VIII); здесь в приложении напечатаны и проекты Б. Мушерона. Обзор указанных экспедиций на основании первоисточников см. у С. Миллера (Geschiedenis der Noordsche Compagnie, Utrecht, 1874, p. 36—47).

Интересно отметить, что о голландских полярных экспедициях сохранились и русские известия; С. А. Белокуров в „Чтениях Общ. Ист. Др." 1893 IV, смесь, стр. 18—14 и 1895 IV, смесь, стр. 3—5 напечатал относящийся к 1597 г. русский документ: „О плавании голландских двух кораблей к северным странам для изыскания проходу мимо Новыя Земли в китайское государство и оттуда к Восточной Индии".

Приводимая ниже глава из сочинения Мегизера основана, главным образом, на сочинении Линсхотена; возможно, что ему были знакомы и некоторые английские источники; интересно, что С. Миллер (Geschied., p. 33) нашел у Мегизера некоторые новые данные об Оливье Брюнеле (ср. В. А. Кордт, op. cit., стр. XLVI, XLVIII) сл. у нас выше: И. Балак. стр. 176 и сл.

О ЗЕМЛЕ САМОЕДОВ, ЛЕЖАЩЕЙ ОКОЛО ПРОЛИВА ВАЙГАЧ, ПРОТИВ ОСТРОВА «НОВАЯ ЗЕМЛЯ» И НРАВАХ ЕЕ ОБИТАТЕЛЕЙ

Подле узкого моря Вайгачского или пролива Насcауского, прямо против острова Новая Земля, находятся неко-

торые земли, несколько лет назад сделавшиеся подвластными царю московскому и платящие ему дань; таковы Самоедия, Сибирь, Обдора, Печора, Кондора и Тунгусия; обитатели их обыкновенно называются самиуты или самоеды. Эти страны сделали более известными для нас путешествия голландцев, потому что последние с самоедами несколько раз вступали в беседу и довольно много узнали об обстоятельствах их жизни.

Самоеды эти,—согласно описанию их в нидерландских путешествиях,—представляют собою весьма низкорослых людей (ober vier Schuch nicht hoch oder lang), которые носят длинные волосы, заплетенные в свисающую назади косу, имеют широкие и плосконосые лица, с темным цветом кожи по причине холодов, большую голову, маленькие глаза, короткие бедра, изогнутые подобно луку; колени их смотрят не вперед, как у нас, а в разные стороны; несмотря на это они очень быстры в беге и прыжках, настолько, что ни один голландец не мог угнаться за ними.

Одежды их сделаны из оленьих шкур, плотно облегающих их тело с головы до ног. Их головные уборы также совершенно плоско прилегают к голове и имеют мех наружу. Оружие их составляют луки и стрелы. Женщины и мужчины, богатые и бедные—все носят одинаковую одежду.

Бога они не знают: когда у них есть солнце, которое светит им только в течение 9 недель, они, видя его и днем и ночью, воздают ему почести, когда же солнце скроется, они молятся луне или Полярной звезде; почитают они также много деревянных истуканов.

Едят они только сырое или вяленое на воздухе мясо диких зверей, от которого они имеют очень противный запах. Однако они очень понятливы и толковы: делают челны или лодки, на которых ездят по реке и ловят рыбу.

Между прочим умеют они также ловить китов, делают же это следующим образом: человек 20 или 24 самоедов садятся в челн, имея канат, длиною в двести или триста саженей, на конце которого укреплен крюк, с замечательной ловкостью бросают они его в кита, когда подойдут к нему достаточно близко, а затем быстро гребут к берегу. Кит же, почувствовав, что он смертельно ранен, позволяет себя вести, следует за канатом и таким образом добровольно позволяет себя вытащить на берег; когда море отступит, они бьют его и стреляют в него до тех пор, пока он не издохнет и разрезают его на части; когда же вновь набегает волна, укрепляют они оставшиеся части; другими канатами, чтобы вместе с волной они не уплыли в море таким образом добывают они много китового жира, которым наполняют кожи других животных, и торгуют им с московитами.

Они не знают ни золота ни серебра, когда же мы давали его им в руки, они кусали его, полагая, что его можно есть, так как не знали, что это было такое.

Они имеют своего короля, которого очень почитают и которого слушаются; он одет так-же, как и прочие, за исключением того, что вместо меховой шапки он носит сделанную из красного, зеленого или голубого сукна. Некоторые пишут, что у короля в носу и ушах продеты оловяные [побрякушки].

Своих покойников они хоронят, принося большие жертвы солнцу, луне и Полярной звезде; в качестве жертвы сжигают они целиком, с ногами и рогами, много оленей; голландцы видели, что в некоторых местах лежало такое большое количество оленьих рогов и ног, что ими можно было бы нагрузить целый большой корабль.

У них есть также идолы, вырезанные из дерева, скверно сделанные и отвратительного вида; их лица сделаны широкими и плоскими, несколько округлыми, нос еле-еле возвышается; на обеих сторонах сделаны две зарубки или разреза, которые должны означать глаза: под носом опять разрез, который должен изображать рот. Идолов этих помещают они обычно на берегу моря, молятся им и очень почитают.

Они ездят на санях, в которые запряжены один или несколько оленей (похожих на наших оленей),—как это видно из приложенного рисунка, сидят же на санях в одиночку или попарно и едут так быстро, что за ними нельзя было бы угнаться на лошади.

Вот что рассказывают голландцы о самоедах. В виду того, что у географов и историков мы встречаем немного известий о них, а также потому, что указанные местности вплоть до самой Великой Татарии плохо известны европейцам, я считаю не бесполезным сообщить об этом подробнее, особенно потому, что я располагаю недавно изданным в Амстердаме у Герарда Гесселия (Gherardo Hesselio) новым известием, которое я для удовольствия благосклонных читателей перевел на немецкий язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

когда же мы давали] мы, т. е. голландцы. Мегизер буквально воспроизвел фразу из путешествия Линсхотена, забыв согласовать ее с целым рассказом, ведущимся от лица автора.

как это видно из приложенного рисунка]. В книге Мегизера воспроизведен рисунок из книги Гесселя Герритса (при соч. Массы), тот самый, который помещен и у нас (см. выше, стр. 248).

я располагаю недавно изданным в Амстердаме...] Вслед за указанной главой Мегизер приводит в немецком переводе по сборнику Гесселя Герритса «Beschryvinghe van der Sanoyeden Landt in Tartarien» оба сочинения И. Массы, не называя его, впрочем, по имени: «Eine Newe Relation von der äussersten Nortländern Samoëdia, Siberia, Tingoesia etc». (S. 395—416); «Kurze Beschreibung der Reise aus Moscaw Ost-Nort-Ostwärts» (S. 416—437); сл. у нас выше, стр. 249 сл.

XXVIII. НЕИЗВЕСТНЫЙ АНГЛИЧАНИН | ANONYMUS

(ок. 1616 г.)

Происхождение этого отрывка неизвестно: он принадлежит, вероятно, одному из английских купцов—агентов «Московской Компании». Среди других аналогичных известий он напечатан в сборнике Перчаса (His Pilgrimes 1625 vol. III, p. 551—552), откуда и сделан нижеследующий перевод. Условно датируем известие 1616 годом, т. к. в этом году русские дошли до страны «царя Алтына», а в 1617 г. посольство от него прибыло в Москву; некоторые данные, однако, относятся к более раннему времени; так, здесь упоминается о таможенных сборах г. Сургута 1611 г. Никогда не перепечатывавшийся (его нет, напр. у Витсена), отрывок этот обращал на себя очень малое внимание, а между тем он очень интересен уже своим описанием путей из России в Сибирские города; особый интерес представляют, однако, сведения о торговле в Сургуте персидских и китайских купцов и торговцев из страны «Алтын-Хана». Обращая внимание на сходство этих известий с данными Иог. Балака, Henning (Die Reiseberichte, S. 299) замечает, что «если... в обоих имеется, в виду торговля на Иртыше, (а не на Оби), то второе из них тем замечательнее, что оно впервые дает отчетливые сведения о торговле Китая с Обью через посредство страны Алтын-хана, указание, которое подкрепляет высказанное выше предположение, что под китайским озером имелось в виду озеро Убса-Нор» (см. выше стр. 107). Вероятно тому же автору принадлежат два перечня товаров, которые можно выгодно сбывать в Сибири; они напечатаны у Перчаса непосредственно вслед за известием о путешествии туда (III, p. 552). Мы также проводим их в русском переводе, в виду несомненного интереса их для экономической истории Сибири. Перевод сделан А. Ю. Трубниковой.

Путешествие под парусом от Пустозерска (Pustozera) вверх по реке Печоре до реки Усы (Ouse) при благоприятном ветре длится

четырнадцать дней. От Усы до Подкаменья (Podcamen)—десять дней. От Подкаменья до Оби, ездою на оленях в зимнее время, как только снег выпадет и реки встанут—8 дней. Оттуда шестнадцать дней пути до торгового города Березова (Bereseua); от Пустозерска до Вады в Угории (to Vade in Ougoria), которая находится на западном берегу Оби—месяц езды на оленях. Этот Ваде—маленький городок, в котором дома построены под землей. Река Печора протекает через Пермь великую (Great Perm), и верховье ее находится в пятинедельном пути от Пустозерска. От великой Перми десять дней санного пути до Верхотурья. Vercho по-русски значит «верхний» (the higher), так что Верхотурье (Vercho—towria) означает «Towria the higher» Оттуда по реке десять дней по Тюмени. От Тюмени до Тобольска—шесть дней вниз по реке Иртышу. Тобольск—главный город Сибири. От Тобольска до Сургута (Surgut or Sergalt) шесть дней пути вверх по реке Оби. От Сургута до города Томска (Tom), расположенного среди татар, три недели пути вверх по реке Оби. Русские не знают ни местностей далее Оби, ни то, как далеко она простирается на юг, но они предполагают, что она заходит на юг очень далеко, потому что много различных народов спускаются по этой реке, чтобы вести торговлю в Сургуте или в Тобольске, а именно: люди из Бухары (Boughar), таджики (the Tesicks) или персидские купцы и татары различных племен. [Некий] Абрам Михайлович (Abraham Michaelouich), бывший главным казначеем (chiefe customer) в Сургуте в 1611 году, рассказал мне, что для царской таможни, за товары, купленные и проданные в этом году, он получил сумму в шестнадцать тысяч рублей или марок.

Кроме того, он рассказал мне, что в Сургуте торгуют приезжие из Китая (Cathay), а также и из других государств, как например из [страны] Алтына-царя (Alteen Tsar or King Alteen). Эти торговцы среди других вещей привозят серебряную утварь и продают ее. Другой русский, по имени Филат (Philat), который ездил к тунгусам дальше других русских и говорит на их языке, рассказал мне, что у тунгусов, за двадцать голубых стеклянных бус, он купил слиток серебра, который на русские деньги стоил сорок два алтына и сорок денег.

Город Березов на Оби, не доезжая Тобольска, ведет торговлю мехами и в особенности лосиными шкурами (Losh—hides), которые покупаются по десять алтын штука. Один пермяк рассказал мне, что какой-то русский купил там четыре тысячи лосиных шкур по четвертаку за штуку.

К востоку от Печоры имеется множество соколов, которых я считаю такими же хорошими, как и турецкие сокола, а именно маленькие сокола, ястреба, курятники и кречеты (Jer-falcon), из которых некоторые белые как снег, а другие пятнистые—белые с красным. Там имеются также все виды богатейших соболей, привозимых из Мангазеи (Molgomsey) и чернобурых лисиц. Есть также

горный хрусталь. Если бы мы могли свободно путешествовать по этим странам, мы могли бы покупать там эти товары дешевле, чем на Печоре. А на Оби мы могли бы продавать наши товары за лучшую цену.

ТОВАРЫ ДЛЯ ПЕЧОРЫ, СИБИРИ, ПЕРМИ УГОРИИ И ДЛЯ ТУНГУСОВ.

Во-первых, так как употребляющиеся на Печоре деньги—русские деньги, лучше и важнее всего не дать другим воспользоваться ими, а также получить кредит у купцов на первое время после нашего приезда, пока торговля не наладится и не станет известной в Перми и Сибири.

Нужны следующие товары: соль, рожь, крупа, белая датская крупчатка для употребления на корабле (White Danske Rie-Kie), овсяная крупа и масло для самоедов; все сорта грубого сукна, немного тонкого сукна, котелки (Kettles) из красной и желтой меди, среднего размера, от двух фунтов до тридцати или тридцати пяти, но из желтой меди не свыше пятнадцати фунтов с ушками из желтой же меди, котелки с ушками из целого куска. Также напильники (Files), чтобы делать стрелы и другие вещи, маленькие бубенцы для лошадей, грубая парусина для верхнего платья. Гвозди ценою в 4,6 и 10 пенсов; маленькие якоря в двадцать четыре фунта каждый. Ладан для их церквей и домов.

ТОВАРЫ ДЛЯ ТУНГУСОВ.

Олово, оловяные блюдца, маленькие тарелки, плоские мисочки для каши, вырезные и простые, чашки вырезные и простые, солонки, листовая белая латунь. Гамбургские ткани (Lichenaes), синяя, красная [кармазинная] и краснобурая [tawny]. Но я думаю, что наши грубые северные ткани и грубые северные ситцы (Kersies) пойдут так же хорошо, и даже лучше, так как они толще, а самоеды очень любят толстое сукно. Серые дешевые материи пошли бы хорошо среди пермяков, которые носят много серого и пестрого грубого сукна. Некоторые грубые материи, выкрашенные в желтый цвет или северное грубое сукно, выкрашенное в красный и желтый цвет, были бы неплохим товаром. Водка двух сортов, лучшая и все равно какая—для самоедов, стеклянные голубые бусы, иголки круглые и трехгранные, медные пуговицы, русское полотно, польское полотно. Хмель, солод, русское мыло. Все сорта крепких вин, как например сект (Sacke) и канарские вина. Законсервированное мясо (Bacon) — хороший товар для Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

от Пустозерска... до реки Усы] сл. выше, стр. 159, 189.

до Подкаменья] сл. выше, Логан, стр. 218.

до Вады в Угории] сл. выше, Логан, стр. 219.

через Пермь Великую] сл. выше, стр. 219.

до Сургута] сл. выше 220.

из страны Алтына—царя] В 1616 г. В Тюменец и Ив. Петров из Томска пошли проведывать китайское царство, но дошли только до страны царя Алтына; их показания о Китае были записаны в посольском приказе (Ф. И. Покровский, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ив. Петлина в 1618 г. Изв. Отд. Русск. Яз. и Словесн. 1913 кн. 4, стр. 24—25). Русские в Швеции рассказывали, что «у Китайскова ж государства блиско за месяц от него кочевные два государства великие, Жолтово царя да Алтына царя, а по их языку—Золотого царя». «И ныне те Алтына царя послы у государя нашего... были при нас на Москве» (К. Якубов. Россия и Швеция. Чтения в Общ. Истории и Древностей 1897 III, стр. 47—48). Документы об этом посольстве напечатаны у J. Baddeley, Russia, Mongolia, China, Lond. 1919. vol. II, p. 46 sq.

сорок два алтына и сорок денег] Один алтын равнялся 3-м копейкам, одна денежка—$^{1}/_{2}$ копейке; след. сумма стоимости серебряного слитка исчислена была Филатом ок. полутора рублей, что было по тому времени суммой довольно большой, особенно если принять во внимание, что она получена была в обмен на 20 стеклянных бусинок.

ястреба, курятники и кречеты] сл. выше, стр. 134.

Товары для Печоры, Сибири, Пермии, Угории и для тунгусов] Характеристику торговли англичан в России, помимо указанных выше (стр. 162) работ см. также у В. Трапезникова. Торговые сношения англичан с Россией через северный край в XVI—XVII вв.—«Северный Край» 1922, I; Н. А. Бакланова Привозные товары в московском государстве во второй половине XVII в. (Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в нач. 18 стол. М 1928, стр. 5—118). Для сравнения настоящего перечня с другими источниками см. еще Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 334—335; Г. Н. Потанин. Привоз и вывоз товаров г. Томска в половине XVII в. «Вестник И. Р. Г. Общ.» 1859 XII, стр. 137.

сект] В подлиннике Sacke. Повидимому имеется в виду сект—сладкое канарское вино (Б. Г. Курц, op. cit., стр. 334—335).

XXIX АДАМ ОЛЕАРИЙ | ADAM OLEARIUS

(1647)

Адам Олеарий (Olearius, настоящая его фамилия Oelschläger, 1603—1671), сын бедного портного из Ашерслебена, выдающийся немецкий ученый и писатель. Настойчивость и прилежание позволили ему, несмотря на необеспеченность, подготовить себя для поступления в Лейпцигский Университет, который он и окончил, получив в 1627 году за диссертацию «De actu et potentia» ученую степень магистра философии; затем (с 1632 г.) он был асессором философского факультета и коллегиатом Fürstenstiftung, одновременно занимая должность помощника ректора Николаевской школы («Николайшуле») в Лейпциге. К этому времени его жизни и спокойной академической деятельности относится целый ряд латинских и немецких сочинений на самые разнообразные темы, доставивших ему известность в ученом и литературном мире («Fanum honoris Magistralis», «Neues Astrolabium», «De Summo bono» и т. д.) Среди этих научных работ есть и большой стихотворный панегирик в честь Густава Адольфа: «Siegs und Triumphzeichen Gustavi Adolphi». (Ср. Joh. Molleri, Cimbria Literata, Havniae. 1744, II, p. 593—600).

В 1633 голштинский герцог Фридрих III отправил в Москву посольство, целью которого было добиться у русского правительства права беспошлинной торговли с Персией через Московские пределы; во главе его стали послы Брюггеман и Крузиус, а секретарем его назначен был Олеарий, который, в свою очередь привлек к этому делу некоторых своих друзей (поэта Павла Флеминга и врача Гартмана Грамана). Посольство было удачно; несмотря на то, что ему предшествовал длинный ряд безуспешных попыток венецианцев, англичан и французов добиться подобного же разрешения, голштинцы на этот раз исхлопотали просимое, и им было разрешено проехать в Персию Волгою на специальном корабле для организации интересовавшей их торговли с ближним Востоком через Россию. (А. Лаппо-Данилевский. Иноземцы в России в царствование Мих. Федоровича, Ж. Мин. Нар. Просв. 1885, № 9, стр. 67—68; его-же, Россия и Голштиния. Очерк из истории гер-

мано-русских отношений. «Историч. Архив» 1919, кн. I, стр. 257—259). В 1635 г. посольство возвратилось в Голштинию с радостной вестью о полученном разрешении, пополнило свой состав, сделало необходимые приготовления и затем снова отправилось в Россию, для того, чтобы начать оттуда путешествие в Персию через Москву, Нижний, Астрахань и пристани Каспийского моря. Олеарий наилучшим образом воспользовался своей поездкой, которая заняла в общем около 6 лет. Он вел путевой дневник, занося в него самые разнообразные данные, и впоследствии написал книгу, ставшую знаменитой, как одно из лучших сочинений о России в XVII веке. Обстоятельные познания в математике, естественных и философских науках, способности незаурядного лингвиста, наблюдательность, восприимчивость и энергия позволили ему собрать весьма обширный, свежий и интересный материал о русском и персидском государствах. Он интересовался всем: определял долготы и широты местностей, по которым проезжал, изучал обычаи и нравы, собирал документы и памятники письменности и т. д., словом прилагал все старания к тому, чтобы его сочинение было полным и всесторонним. И это ему удалось. «Из всех иностранных изданий XVII века, посвященных России,—пишет А. М. Ловягин в предисловии к переводу Олеария,—сочинение Олеария самое знаменитое, самое распространенное и самое богатое по содержанию. В многочисленных изданиях, переведенных на разные языки, оно, вплоть до XVII века, считалось одним из основательнейших трудов о России. Отличали этот труд не одни лишь осведомленность, наблюдательностью и в то же время выдающаяся эрудиция его автора, но и изобилие прекрасно исполненных на меди рисунков, с особою тщательность изображавших диковинные для наблюдателя XVII века стороны жизни в Московии». Конечно, наиболее полно освещен Олеарием тот путь, который он проделал сам вместе с посольством, но в своей книге он нашел место и для таких данных, которые были получены им распроссным путем, и которые касаются местностей, им самим не посещенных. Эти данные были внесены в книгу уже по окончании путешествия, на основании дополнительных материалов, полученных во время повторных приездов в Москву. Возвратившись в Голштинию с посольством в 1639 году, Олеарий еще дважды приезжал в Россию с поручениями от голштинского правительства, и ему предлагали, между прочим, остаться здесь в должности придворного астронома и математика; Олеарий, однако, отказался от этого предложения и вернулся обратно в Германию. Во время пребывания своего в Москве в 1643 году, Олеарий в Посольском приказе встретился с самоедами; беседа его с ними дала материал для специальной главы его книги: «О качествах северных народов и о народах, называемых самоедами», которую мы приводим ниже целиком. Глава эта может дать представление о всей книге в целом, так как в ней весьма характерно отражаются все

достоинства и недостатки его, как ученого и писателя. Олеарий не ограничился записью своей беседы с самоедами, но попытался, на основании ее, сделать проверку различных литературных данных о северных народах вообще. Здесь проявились как весьма обширная и разносторонняя эрудиция Олеария, так и его критическое чутье. «В общем, он очень умело из разных мнений выбирает наиболее близкое к истине, хотя иногда и отдает дань своему веку, слишком доверчиво относясь к рассказам о знамениях и т. п.» — замечает о нем А. М. Ловягин.— «Речь его как нельзя лучше отражает и век и автора. То она кудрява и напыщена и блещет ученостью, то отличается суровой прямотой, искренностью, сжатостью и краткостью, В данном случае, Олеарий, не только произвел сводку литературных данных о северных народах, которых он, подобно большинству своих предшественников, безоговорочно причисляет к скифам, но и высказал ряд собственных соображений. Так, упоминая о северных жителях, которые яко-бы умирают на зиму и оживают весной, басне, известной ему из Гваньини и Олая Магнуса, Олеарий пытается объяснить ее образом жизни самоедов, юрты которых совершенно покрываются снегом; „они, рассказывает он, редко вылезают на воздух, особенно во время полярной ночи, сообщаясь друг с другом посредством прокопанных подземных ходов»; это-то, вероятно, и послужило основанием для указанной басни. Кроме того, Олеарий дал реалистическое и притом весьма правдопобное истолкование и другой некогда весьма популярной легенде: рассказы о людях с собачьими головами, покрытых шерстью, с лицом на груди и т. п.. по его мнению, произошли от тех одежд, которые носили северные народы: шерстью наружу, с одним разрезом около шеи и т. д. «Во второй половине XVII века, замечает В. О. Ключевский, подобные рассказы считались сказками старух, по выражению Мейерберга. Между тем, тот же Мейерберг называет самоедов людьми, которые едят друг друга, хотя Олеарий, на которого он при этом ссылается, говорит об этом, как о прошедшем, не решаясь признать, чтобы так было и в его время» (Сказания иностранцев о Московском государстве,[3] Пг. 1918, стр. 37—38). Это указание подчеркивает превосходство Олеария над другими исследователями даже более позднего времени; в самом деле, он повествует только о том, что сам видел или знает из достоверных рассказов, какие могли быть им разнообразно проверены, если же материала недостаточно и он кажется ему сомнительным, он не преминет сделать необходимую оговорку (напр. „Русские сообщают и другие свидетели согласно утверждают, пожалуй, заимствовав один у другого“...); он все время заботится о том, чтобы сообщать лишь наименее известный материал: метод компиляции, к которому так часто прибегали иностранные писатели о России, ему чужд („На самоедах я имею виду остановиться подробнее... как потому, что о них у землеописателей особых сведений не

имеется, так и потому, что сам я с ними беседовал и получил сведения о их жизни"). Указанная глава о самоедах—единственная в книге Олеария, где он говорит о восточных окраинах русского государства; как он сам предупреждает, „об устройстве страны и о произведениях местностей, расположенных к северу" он „не может сообщить ничего определенного" т. к. он сам там не был. И тем не менее эта глава дала так много новых этнографических данных, что ею пользовались и позднейшие авторы, писавшие специально о Сибири, напр. Шлейсинг. Перепечатывалась и приложенная к главе картинка, представляющая несомненный интерес. Как указано выше, особенностью книги Олеария является множество рисунков. В предисловии к первому изданию своей книги (1647 г.) Олеарий заявляет, что они „не взяты из других книг или рисунков на меди. Напротив, я сам нарисовал собственноручно большинство этих рисунков с натуры. Потом они были приведены в законченный вид при помощи хорошего художника Августа Иона, много лет тому назад учившего меня в Лейпциге рисованию; при этом применялись модели, одетые в национальные костюмы, вывезенные мною сюда". В силу этого и рисунок, изображающий са-

Рис. 42. Самоеды. (Из книги Олеария).

моедов, представляет несомненный интерес. В изданин 1656 г. этот рисунок повторен с некоторыми изменениями в сравнении с изданием 1647 года: в левом углу прибавлены две фигуры вооруженных самоедов вместо двух оленей; во всем остальном различия нет. Оба рисунка воспроизведены в русском издании А. М. Ловягина „в виде примера тех перерисовок, которые предприняты были для издания 1656 г." (стр. 168—169). В первой редакции картинка эта была воспроизведена еще раз, без всякого, однако, указания на Олеария в книге Якоба Сандрара „Краткое описание Московии

или России“ (Kurze Beschreibung von Moscovien, oder Russland. Aus Französischen, Holländischen und andern neuen Scribenten mit Fleiss zusammen gefasset... Samt einer Erzehlung wie die Moscowiter neue Länder gesucht gegen Morgen und die grosse Tartarei... Hrsg. von J a c o b S a n d r a r t, Kupffer-stechern und Kunsthändlern in Nürnberg, 1688, S. 23).

Якоб Сандрар (1630—1708), рисовальщик и гравер, переселившийся в Германию из Голландии, известен как весьма плодовитый художник своего времени, оставивший около 400 портретов, видов местностей и карт (см. G. K. N a g l e r. Neues Allgemeines Künstler-Lexicon, Bd. XIV, München, 1845, S. 257—260; F r i e d r i c h G w i n n e r, Kunst und Künstler in Frankfurt a. M. Frankf. 1862, S. 193; E. Bénézit, Dictionnaire critique et Documentaire des peintres sculpteurs, dessinateurs et graveurs, Paris, 1924, III, p. 714). Это давало право некоторым исследователям заключать, что и помещенные в указанной книге многочисленные рисунки местностей России сделаны им самостоятельно, а между тем рисунок, изображающий самоедов, является ничем иным, как точной копией рисунка Олеария. Заметим, кстати, что текст указанной книги составлен, вероятно, также самим Як. Сандраром на основании разнообразной литературы, как это отмечено и в подзаголовке ее; рассказ о самоедах (S. 23—27) основан на Олеарие, хотя здесь есть и данные, отсутствующие у него; он говорит, например, также о л у к о м о р ц а х и т у н г у с а х; о лукоморцах он пишет: „жители Лукоморья, расположенного в нижнем течении реки Оби (gegen den Oby fluss) живут в юртах (unter Zelten), в которых они принуждены ежегодно оставаться в течение 6 месяцев, т. е. до тех пор пока не растает снег. Тунгусы образуют свою речь более при помощи гортанных звуков (mehr mit Halse), чем при помощи языка“; на стр. 37—38 книги Сандрара помещен слегка видоизмененный рассказ Исаака М а с с ы о продвижении москвитян на северо-восток и покорении Сибири. Рассказ Олеария о северных народах широко использован также многими другими писателями, напр. Мейербергом, Ад. Шлейсингом и т. д.

Книга Олеария издавалась много раз: 1647, 1653, 1653, 1663, 1671 и т. д.; в 1651 г., вышел голландский перевод, в 1656, 1659, 1666— французский, 1666, 1669—английский, 1658—итальянский переводы. Все важнейшие издания зарегистрированы у Ф. Аделунга Krit.-literärisch. Uebersicht, II; дополнения у В. А. К о р д т а, Чужоземні подорожні, Київ, 1926, стр. 104—105. Интересно, что первый русский перевод сделан был уже в конце XVII века, с Гамбургского издания 1696 г., и сохранился в двух списках, неполном—Гос. Публичн. Библиотеки в Ленинграде (F. IV 15) и полном Академии Наук (34. 3. 1), см. об этом переводе П. П е к а р с к и й, Наука и литература при Петре Великом, СПб. 1862, стр. 339; В. С. И к о н н и к о в, Опыт русской историографии т. I, ч. 2, стр. 1426; А. И. С о б о л е в с к и й, Переводная литература Московской Руси XV—XVII вв. СПб. 1903 стр. 73—74; А. А р х а н г е л ь с к и й. Образование и литература в

Московском государстве XV—XVII вв. „Ученые Записки Казанск Университета“ 1900 № 9, стр. 89—90. Первые печатные издания Олеария появились на русском языке только в XIX веке; не упоминая об отрывках, печатавшихся в журналах и провинциальных изданиях 1822—1872 гг. (все они зарегистрированы в указателе С. Р. Минцлова. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий etc. вып. I, Новгород 1911, стр. 52), укажем лишь на важнейшие: „О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича“ (третья книга „Путешествия“ Олеария). Перевод с немецкого изд. 1656 г. А. Михайлова. „Архив исторических и практических сведений, относящихся до России“ Н. В. Калачова 1859, кн. III, 1—56, кн. IV, 57—102, кн. V, 1862, 1—26; отдельно: 1861. Новый перевод всех шести книг (однако, с некоторыми сокращениями) дал П. Барсов: „Подробное описание голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М. 1870. (Оттиски из „Чтений Общ. Ист. и Др.“ 1868, I, IV; 1869, I—IV; 1870, II). Лучший по своей точности и литературным достоинствам перевод: Ад. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина, СПб. 1906, уже неоднократно цитирован выше. Нижеследующий перевод главы „О качествах северных народов“ извлечен из этого издания (стр. 166—172). Литературу об Олеарие см. у В. А. Кордта, (op cit., стр. 204—205), кроме того: Д. В. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования М. 1890, стр. 172—176; Г. К. Лукомский. Московия в представлении иностранцев XVI—XVII вв. Очерки П. Апостола. Берлин 1922 (несколько отрывков и иллюстраций из Олеария); в беллетристической форме жизнь и приключения Олеария в России и Персии недавно рассказаны в книге В. Снегирева. Похождения Бернгарда Шварца М. 1928.

О КАЧЕСТВАХ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ И О НАРОДАХ, НАЗЫВАЕМЫХ САМОЕДАМИ

Об устройстве страны и о произведениях местностей, расположенных к северу, в роде двинского, югорского и пермского краев, Сибири и Самоедской страны, которые признают великого князя своим государем, я, не быв там, не могу сообщить ничего определенного.

Русские сообщают и другие свидетели согласно утверждают — пожалуй, заимствовав один у другого, — что те страны, вследствие сурового воздуха, долгой зимы и короткого лета, совершенно бесплодны и особенно неудобны для земледелия (как для хлеба, так

и для плодовых деревьев), что жители ничего не знают о хлебе, но вследствие изобилия в обширных диких местах, в реках и озерах дичи и рыбы, питаются этими последними, одеваются в звериные шкуры и ими же платят великому князю свои подати и налоги. Говорят, что прекраснейшие соболя, куницы, а также шкуры белых медведей, которые вельможами в Москве накидываются сзади на сани, рысей и иные меха весьма часто получаются оттуда и поступают в продажу в Москве и иных местах.

На самоедах я имею в виду остановиться подробнее, чем на других северных народах, как потому, что о них у землеописателей особых сведений не имеется, так и потому, что сам я с ними беседовал и получил сведения о их жизни. Ведь когда я в 1643-м году 30-го июля должен был явиться в Москве на аудиенцию перед его царским величеством, а перед тем должен был ждать в Посольском приказе, пока не спустится персидский посол, до меня призванный во дворец, то пришли сюда и два самоеда, которые были посланы из своей страны к великому князю для предложения ему в дар нескольких северных оленей и шкур белых медведей. Я пустился в разговор с ними: они говорили откровенно и понятно, отвечая на все вопросы вполне достаточно, так как они хорошо понимали русский язык, на котором я обращался к ним через моего переводчика.

У древних писателей не говорится о том, чтобы они именовались самоедами, но называются они скифами, и я думаю, что нынешнее название получено ими лишь от русских, когда они подпали под русское владычество. Так как они раньше ели людей— даже мясо собственных друзей после смерти их мешали они с дичью и поглощали, как о том рассказывают Плиний и Олай Великий— их и прозвали самоедами от русских слов „сам“ и „ем“. Об этом упоминает Гваньин в описании Московии при упоминании о провинции Печоре. Название это обозначает то же, что греческое слово „антропофаги“ (т. е. „людоеды“), которым их титулует Плиний; подобное рассказывают, между прочим, и о бразилианцах.

Страна их вовсе не называется Самогитиею (эту последнюю землеописатели полагают между Литвою, Польшею и Лифляндиею, а русские называют ее Жмудскою землею), но Самоедиею, которую на новых картах можно найти за Сибирью у гор, именуемых Гиперборейскими, перед и за великою рекою Обью, у Татарского моря и Вейгата [Вайгача], как называют это место голландцы.

Это те варвары, татары и язычники, которые в древности назывались „скифами северными, европейскими и азиатскими“, так как жили они у границы и раздела Европы и Азии. О них упоминает Страбон в 7-ой книге и Квинт Курций в 7-ой книге, называя иных из них абиями-скифами—без сомнения от реки Аби или Оби. О том же говорит Юстин во 2-й книге, Олай Великий в своей „Истории северных народов“ кн. 4 гл. 3, и Мюнстер в своей

„Космографии“, кн. 5, в 60-й и следующих главах. У них нет укрепленных городов со строениями, но они и теперь еще живут в лесах и диких местах, как во время Александра; послы их утверждали у Курция в означенной книге: „Мы скорее живем в пустынных и лешенных человеческой культуры местностях, чем в городах и среди изобильных пашен“. Так как живут они в холодном поясе, то большую часть года они имеют суровую зиму и весьма высокий снег. Указанные только что нами послы дали это понять Александру, говоря: „Когда ты победишь весь род людской, то придется тебе вести войну с лесами и снегами, с реками и дикими зверями“. Они живут в маленьких, глухих, наполовину в земле построенных избах, которые, как они говорили, кверху закругляются и заостряются и имеют посередине отверстие в качестве трубы, через которую они в зимнее время вылезают. Их избы совершенно покрываются снегом, который, как говорят, набирается выше роста двух человек, так что никто не может уже часто выходить. Однако, они устраивают себе ходы под снегом, через которые они перелезают из одного дома в другой. Так как они в это время почти полгода не имеют ни солнца, ни дня, но непрерывную ночь, и вне домов почти ничем не могут заняться, они тем легче переносят погоду. Тем временем они пользуются для света рыбьим жиром и обходятся с его помощью до тех пор, пока не получат солнечного света: а именно—когда солнце вновь поднимется над линией равнодействия и начнет проходить полуночные созвездия, то оно уже перестает заходить у них, и тогда у них нет ночи. Тогда снег исчезает, они опять выходят на сухую почву, и могут запасаться на зиму.

Может быть верно и то, что некоторые люди писали о полуночных народах, а именно, будто среди них имеются люди, которые, на подобие ласточек и лягушек, полгода, а именно зиму, лежат мертвыми, а потом вновь оживают и начинают ходить летом. Смотри об этом у Гваньина в описании „Лукоморья“ и у Олая Великого. У них нет земледелия, они ничего не знают о хлебе, но едят вместо хлеба вяленую рыбу, мед и дичь, по рассказам, весьма у них обильную.

Самоеды низкорослы, имеют широкие лица, небольшие глаза и короткие ноги; они очень сходны с гренландцами, из которых я некоторых видел в Голштинии.

Что касается одежды самоедов, то она сделана из меха северных оленей. Они носят широкие шапки, иные—из разноцветных кусков сукна, полученных ими от русских, а опять иные—лишь из меха; на шапках висят длинные наушники, которые они застегивают под шеею. Рубашки свои они шьют из шкур молодых оленей, очень гладких и с коротко остриженной шерстью. Под рубашками у них шаровары, и над ними длинные кафтаны. Внизу рубашек и кафтанов у них пришиты длинноволосые хвосты. Их сапоги

также из мехов, и во всех их одеждах мех выворочен наружу. Нитки, которыми они шьют свои одежды, приготовлены из жил. Носовые платки они готовят из зеленого дерева, скобля его в тонкие стружки и волокна, так что оно с виду становится похожим на тонко выскобленный рог или пергамент. Они берут горсть этих стружек, которые очень мягки и ими вытирают себе нос.

Кафтаны свои они иногда, когда очень холодно надевают на голову и дают рукавам свисать с боков, что пред- ставляет странное зрелище для непривычного человека. Вид издали таких людей, особенно с судна, пристающего к берегу, может быть дал основание некоторым из древних писателей утверждать, будто существовали люди, не имевшие голов, но с лицом на груди, а также, что были люди со столь большими ногами, что они ими могли покрываться. Если бы действительно в мире существовали подобные люди, то, я думаю, мы имели бы теперь о них больше известий. Ведь за истекшие 100 лет весь мир на воде и на суше в достаточной мере обследован и изучен голландскими, английскими и испанскими мореплавателями, но, как видно из описаний их путешествий, они ничего подобного нигде не встречали. Если, однако, видели у этих людей большие ноги, то весьма возможно, что за таковые были приняты их большие, так называемые, лыжи.

Все эти народы, как и лапландцы, финны и черемисы, зимою, для перехода через глубокий снег, надевают длинные и широкие лыжи, частью из коры, частью вырезанные из дерева; на них они умеют быстро передвигаться. У финнов задняя часть за каблуком также выдается, как и передняя и некоторые из этих лыж достигают 3 локтей в длину; их называют Suksit. Подобного рода передвижение мы видели в Нарве, где полковник Порт, для нашего увеселения, велел некоторым финнам из числа своих солдат съезжать с большого холма перед городом. Самоедские лыжи называются „нартами“, как справедливо указывает Гваньин в описании области Пермской. Их сапоги также из подобных меховых шкурок, внутри выложены мехом и доходят до колен.

Северные олени по величине и внешности почти схожи с обыкновенными оленями, имеют белый с серым мех и широкие ноги, как у коров. Мы несколько штук видели в московском Кремле. Самоеды так приручают их, что они свободно приходят и уходят. Их употребляют вместо лошадей, впрягая их в небольшие легкие сани, которые устроены вроде получелноков или лодок; на них они чрезвычайно быстро ездят.

И голландцы в 1595 г. по Р. Х.. во время второго своего путешествия на север, невдалеке от Вайгача застали подобных самоедов. Они пишут об этом так. Когда они 31-го августа этого года у Вайгача прошли милю по суше, то они застали человек 20 этого народа. Сначала они сочли их совершенно дикими. Действительно, самоеды, прежде всего, прибегли к луку и стрелам, с кото-

рыми они очень хорошо умеют обходиться и хотели напасть на голландцев, как на непрошенных гостей. Когда они, однако, услыхали от русского переводчика—ведь, как сказано, самоеды понимают по-русски,—что голландцы пришли не врагами, а друзьями, они сложили лук и стрелы, приветствовали, любезно кланяясь, голландцев, пустились в разговор с ними и сообщили хорошие сведения о положении суши и моря. Они казались, однако, весьма робкими и недоверчивым, несмотря на то, что голландцы обращались с ними любезно и выказывали доброжелательность. Когда одному из них подан был сухарь, он, правда, принял его почтительно, сейчас же откусил от него и стал его есть, но все время при этом робко озирался; когда они услыхали раздавшийся издали со стороны моря выстрел из ружья, они испугались и заскакали, точно бешенные. Об этом можно прочитать подробнее в вышеупомянутом морском путешествии, голландской печати, на странице 8-ой. Из описаний и рисунков голландских также видно, что самоеды заплетали свои волосы в длинные косы, причем они свешивались сзади через их одежды. Подобного явления я не замечал у тех, кого я видел в Москве. Один из них, которого, после рассказа о их, по нашему мнению, суровой и трудной жизни, спросили, между прочим, о том, как им понравились страна и жизнь московитов, и не чувствуют ли они охоты жить скорее здесь, чем в собственной своей стране,—отвечал на это так: „Правда, Московия не мало ему нравится, но та страна, в которой он родился, нравится ему гораздо больше, чем все другие страны; там для них жизнь привычная, и они вполне удобно и хорошо могут жить там. Он даже не сомневается, что если бы великий князь знал о доброй их жизни и о великолепии ее, то он оставил бы столицу и переселился к ним на жизнь“.

Эти люди были настроены поодобно Улиссу, который—как Мурет говорит по первой книге Цицерона „Об ораторе“—скорее желал жить в своей скалистой и суровой родине, чем у Калипсо среди всяких удовольствий о увеселений; об этом можно прочитать у Гомера в [V-ой] песне „Одиссеи“. Можно сказать и с Овидием (lib. 1 de Ponto eleg. 3):

Для всех нас край родной неизъяснимо мил,
Забыть его нельзя—то свыше наших сил.
Где лучше, чем в Москве, что Скифии скудней?
Но сердце варвара тоскует лишь о ней.

Эти народы раньше, будучи язычниками, почитали солнце и луну и резные идолы—как об этом можно узнать из неоднократно уже упомянутого описания морского путешествия. Голландцы на мысе или на углу Вейгата нашли расставленными несколько сот подобных грубых и бесформенно вырезанных идолов: когда они,

уходя из этой страны, захватили один из идолов с собою, то какой-то самоед последовал за ними, и с жестами, свидетельствовавшими о волнении, попросил вернуть ему изображение и отнес его на место.

Приблизительно 23 года тому назад самоеды присылали посольство к великому князю и просили его о присоединении к русской вере. Это и было сделано, и епископ владимирский с несколькими попами или священниками был послан туда, чтобы обучить их вере и крестить.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассказывают Плиний и Олай Великий] О Плинии см. выше, стр. 12, 181. Олай Великий (Olaus Magnus)- шведский историк и географ (1490—1557). Он учился в германских университетах (1510—1517), по возвращении на родину предпринял путешествие по крайнему северу Норвегии и Швеции, с 1525 года выполнял дипломатические поручения шведского короля в Германии, Нидерландах и Польше. В 1537 году он совсем переселился в Италию, где вскоре же стал заниматься географией, чему особенно способствовало знакомство его с секретарем Венецианской Республики и известным издателем путешествий—Баттиста Рамузио. Результатом этих занятий явилась в 1539 году его большая карта Северной Европы. «Карта обнимает северные страны от Гренландии до Лапландии и от Шотландии до Новгорода... Образцами при составлении карты Олаусу, очевидно, служили итальянские морские карты. Как они, так и карта Олауса украшена этнографическими картинками и фантастическими изображениями государей разных стран и чудовищных предметов и животных. В левом нижнем углу карты напечатан по-латыни обстоятельный комментарий (index)... Чтобы сделать карту доступной возможно большему кругу читателей, Олаус напечатал отдельно по итальянски и по немецки особую обработку своего комментария» (В. А. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев, 1906, стр. 6—8 и табл. II и III). Впоследствии Олай Магнус написал также «Историю о северных народах» (Historia de gentibus Septentrionalibus earumque diversis, statibus, conditionibus, moribus et superstitionibus» Roma, 1567, Basel, 1567), о которой и говорит Олеарий. Сведения Олая о северо-востоке Европы отличались еще большой скудостью, хотя он уже имел возможность использовать издания географии Птолемея, трактат Матвея Меховского и книгу П. Иовия (о них см. выше, стр. 77, 90, 174). Интересно что на карте Олая 1539 г. впервые изображено Белое море, названное озером «Lacus Albus», а северный берег Скандинавского полуострова и Лапландии омывается Северным ледовитым океаном, который, вероятно под влиянием Иовия назван Скифским—«Oceanus Scithicus». Олай имел также представление о северо-восточном морском пути к Азиатскому берегу; он мог его получить еще в 1518 г. во время странствований своих по северу Норвегии, но во всяком случае он прочел об этом также у Иовия. Как бы там ни было, о возможности такого плавания Олай еще в 1547 сообщал в Болонье и Венеции испанскому историографу Франческо Лопес де Гомара (см. K. Ahlenius, Olaus Magnus og hans fremtalling af Nordens geografii, Upsala 1895, p. 136—138, A. Schumacher. Olaus Magnus und die ältesten Karten der Nordlande—«Zeitschritt d. Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin, 1893, S. 192). Детали карты Олая Магнуса воспроизведены у нас на рис. 6, 7, 8, 10, 12, 13.

От русских слов „Сам“ и „ем“] Этимологии слова «Самоед» см. выше Рич. Джонсон стр. 128—129 и Флетчер, стр. 200—201.

упоминает Гваньин] О Гваньини см. выше, стр. 149.

Страна их вовсе не называется Самогитиею] Благодаря случайному звуковому сходству названия эти, действительно, путались, и самоедов называли «Samoged» (сл. выше: Г. Штаден, стр. 158).

У гор, именуемых Гиперборейскими] Урал. Сл. выше, стр. 27.

у Татарского моря и Вейгата, как называют это место голландцы] Название Вайгача («Вейгат») некоторые иностранцы производили от голландских слов: wauien—дуть и gat—ворота, т. е. те ворота, в которые с большой силой дует ветер; таким образом название это скорее могло бы относиться к проливу, чем к острову. Очевидно мы имеем дело с народной этимологией голландских моряков; однако уже Витсен говорит, что название Вайгач происходит от имени русского промышленника Ивана Вайгача, и это указание кажется правдоподобным (Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый Океан, I, стр. 239; П. Семенов, Географ.-статистич. Словарь, т. I, стр. 385).

О них упоминает Страбон... и Квинт Курций] Страбон—знаменитый греческий географ времен Августа и первых годов правления Тиберия, автор очень ценившегося и в эпоху возрождения труда «География»,—дошедшего до нас почти целиком. См. о нем введение к настоящей книге и выше: И. Балак, стр. 181; Квинт Курций Руф, римский историк I века нашей эры, автор «Истории Александра Великого», о времени возникновения которой спорят исследователи (Г. К. Шмидт. Когда К. Курций Руф написал свое сочинение: «De gestis Alexandri Magni», Ж. М. Н. Пр. 1874 № 7, 8); источниками этой «Истории» были мемуары Птолемея и других сподвижников Александра, но также и легендарные рассказы Онесикрита и Каллисфена, принятые на веру Курцием Руфом (A. Raegg, Beiträge zur Erforschung der Quellenverhältnisse in der Alexandergeschichte d. Curtius, Basel, 1906); можно поэтому допустить, что его сочинение преследовало более повествовательные, чем ученые цели.

называя иных из них абиями—скифами] Народ абии (Ἄβιοι)— упоминается еще в поэмах Гомера и вслед за тем у многих греческих писателей, своеобразно идеализировавших первобытные северные племена (A. Riese, Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur, Francfurt a. M. 1875). Под «абиями» понимались скифы и сарматы на границе с фракийцами. Страбон, на которого ссылается Олеарий, пытается дать этимологию их имени, отличную от обычной. Слово «абий» значит собственно «не имеющий средств к жизни»; ссылаясь на причину наименования ἄβιοι по Посейдонию, Страбон говорит: «о всех их поэт сказал: достойные удивления доители кобыл, питающиеся кумысом, и Абии—самый честный народ. Абиями их называют собственно потому, что они живут без жен... Абиев не столько можно принять за безбрачных, сколько за бездомных, живущих по кибиткам» (VII, 3, 2—4; Страбон. География. Перевод Ф. Мищенка М. 1879, стр. 298). Исходя из толкования Страбона и увлекшись случайным звуковым сходством имен реки Оби и абиев, Олеарий отождествляет последних с кочевниками северной Азии, для чего, конечно, нет никаких оснований. Между тем такое сопоставление делали и другие иностранные писатели, напр. Рейтенфельс (см. ниже). Еще К. Маннерт, вообще увлекавшийся стремлением приурочить к Сибири многие сведения об Азии, приведенные у греческих писателей, замечает, характеризуя Птолемея: «кто мог бы предположить, что невинные «абии» Гомера будут изгнаны на север до самого Енисея и Лены?» (K. Mannert, Geographie der Griechen und Römer. Der Norden der Erde, Leipz. 1820, S. 412). Разбор изветий Страбона о северной Азии см. J. Cuno. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde I, Die Scythen, Berlin 1871, S. 114 ff.

О том же говорит Юстин во 2-ой книге] Марк Юстиниан Юстин— римский историк времен Антонина (жил ок. 60 г. нашей эры), автор извлечения из недошедшего до нас обширного исторического труда Трога Помпея «Historiae Philippicae», в 44 книгах. Извлечение содержит в себе всемирную историю, которая очень ценима была уже в средние века (Rühl. Die Verbreitung des Justinus im Mittelalter, 1871); в 1640 году ее издал Исаак Фоссиус. Этим изданием, повидимому, пользовался и Олеарий.

Мюнстер в своей „Космографии"] О Себ. Мюнстере и его труде см. выше, стр. 120, 140.

может быть—верно и то, что некоторые люди писали о полуночных народах] Этому переводу А. М. Ловягина я предпочел бы перевод: «Может быть это то и послужило причиной того, что некоторые люди» и. т. д. О правдоподобности такого толкования Олеарием легенды об умирающих на зиму народах см. выше: Герберштейн, стр. 110 112. Олеарий повторяет описку Гваньини «на подобие ласточек и лягушек», тогда как следовало сказать: «пьявок и лягушек» (сл. выше, стр. 154.).

будто существовали люди, не имевшие голов] сл. выше стр. 12—14, 19—20, 120.

и голландцы в 1595 г... застали подобных самоедов] Олеарий имеет в виду голландские экспедиции для отыскания северо-восточного пути в Китай 1594—1595 г., снаряженные по советам и указаниям Балтазара де Мушерона, известные под названием экспедиций В. Баренца и описанные участником их Герритом ди Фером: «Waerechtige Beschryvinghe van drie Seylagien... deur de Hollandtsche ende Zeelandsche schepen by norden Noorveghen, Moscovia de opdoeninghe van de Weygats, Nova Zembla, ende van't Landt op de 80 graden dat men acht groenlandt te zijn gedhaen deur Gerrit de Veer. Amst. 1598. Библиографию этого сочинения см. P. Tiele. Mémoire bibliographique sur les journaux des navigateurs néerlandais, Amst. 1867, p. 103—116. Сл. выше: И. Мегизер, стр. 268 и сл.

из описаний и рисунков голландских]. Книга Геррита-де-Фера была богато иллюстрирована, что очень дополняло его суховатый рассказ.

Эти люди были настроены подобно Улиссу]. Улисс или Одиссей,— герой древне-греческой эпопеи. Бури долго носили его по морю, заставляя блуждать по неведомым странам. Он попадает, между прочим, на баснословный остров Огилию, принадлежащий нимфе Калипсо и живет здесь 7 лет, тоскуя по родине и жене, несмотря на то, что Калипсо, тщетно желая соединиться с ним навеки, предлагает ему бессмертие и вечную юность. Этот эпизод V-ой песни «Одиссеи» и имеет в виду Олеарий. Мурет (Muretus),—согласно латинизованной форме его имени,—правильнее Марк Антуан Мюре (1526—1585),—французский гуманист, переселившийся в Италию и получивший там известность своими публичными чтениями о греческих и римских классиках. Олерий имеет в виду его книгу «Variae lectiones» (Венеция, 1559), в которой Мюре, между прочим, комментирует диалог «Об ораторе» Цицерона—римского оратора, философа и государственного деятеля (р. в 20 г. до нашей эры—ум. 43 г. н. э.)

Голландцы на мысе или на углу Вейгата нашли...] На южной оконечности острова Вайгача находится мыс, известный под именем Болванского. Этот мыс был главным местом идольских мольбищ самоедов. Еще в 1556 г. Стефен Бёрро видел там до 300 идолов грубой работы, с окровавленными глазами и ртами. Тех-же идолов описал и Геррит-де-Фер. Их видели еще русские путешественники нач. XIX в., штурман Иванов (1824), Ф. П. Литке и др. (Ф. П. Литке Четырехкратное путешествие в северный Ледовитый океан, СПб. 1828, стр. 68; «Вестн. Геогр. Общ.» 1855, стр. 123—125).

XXX. ДЖОН МИЛЬТОН | JOHN MILTON

(1649—1652)

В творчестве Джона Мильтона (1608—1674), знаменитого английского поэта, идеолога английской пуританской буржуазии революционной эпохи, обособленное место занимает небольшой историко-географический трактат, в котором дается описание московского государства и особенно его северо-восточных окраин. Трактат этот увидел свет только через восемь лет после смерти Мильтона и в первом издании носил следующее заглавие: «A Brief History of Moscovia and of other less known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay. Gather'd from the Writings of several Eye-witness, by John Milton, London, 1682, 12°, 109 стр. Как отмечает в своем предисловии издатель Aylmer, сочинение это было написано собственной рукой Мильтона, еще до потери им зрения; незадолго до смерти он сам распорядился отдать его в печать; издатель, однако, задержал его выпуск, надеясь, что „найдется еще какая либо-подходящая статья того-же автора", чтобы ею можно было пополнить издание этой небольшой вещицы. Следует подчеркнуть, что это сочинение Мильтона, если и не являлось „юношеской компиляцией Мильтона", как ее называл Вахлер (Geschichte der historischen Forschung und Kunst. I, 347), то во всяком случае, написано было задолго до того времени, когда Мильтон задумал ее отпечатать: у нас она почему то относится к работам Мильтона его последних лет. Сам Мильтон, готовя ее к изданию, отметил, что она написана „много лет назад",—когда именно, об этом можно догадаться только приблизительно. Alfred Stern (Milton und seine Zeit, Leipzig, 1879, V, S. 177–179) обращает внимание на то, что повидимому „Краткая история Московии" составляет только первую часть задуманного, но не осуществленного Мильтоном большого труда, целью которого было дать политическую географию отдельных государств тогдашней Европы, с рядом особых экскурсов в область быта и нравов обитателей отдельных стран; недостаток в подобного рода английских книгах почувствовался им, вероятно, тогда, когда он, занимаясь преподавательской деятельностью, мечтал о коренном преобразовании английской школьной системы (ср. трактат „О воспитании", 1642). По мнению лучшего английского биографа Мильтона—Массона,

трактат о Московии мог относиться к ранним годам службы Мильтона в качестве государственного секретаря молодой английской республики, примерно к 1649—1652 г.г. (David Masson. The Life of John Milton, vol. VI, 1880, p. 812—813), причем на выбор темы и характер обработки материала могли оказать не только его педагогические интересы и собственные занятия историей и географией, но также и непосредственные его служебные дела; в 1657 году, когда Кромвель озабочен был англо-русскими торговыми делами, одно из писем в Москву, к царю Алексею Михайловичу, по поручению Кромвеля, написал именно Мильтон: это было верительное письмо, данное английскому послу в Московию Richard'у Bradshaw (подробности и выдержки из этой грамоты см. D. Masson, op. cit, V, p. 292—294). Мильтон не сразу нашел подходящую форму для своего сочинения: аналогичные пособия, уже имевшиеся в литературе, казались ему „то слишком краткими и полными пробелов“, то, наоборот, „переполненными длинными историями о смешных суевериях, обрядах, необыкновенных обычаях и других незначущих и неинтересных вещах“, он же хотел дать рассказ точный, основанный на первоисточниках, собранных в разных местах, освобожденный от ненужных подробностей и специально приспособленный для широких читательских кругов: это был, по словам Штерна „первый решительный опыт популяризации науки, того типа, который получил столь неожиданно большое распространение в следующем столетии“ (A. Stern, op. cit., S. 178), и, прибавим, опыт, с этой стороны крайне характерный для демократических тенденций пуританина революционной поры. Видимо, Мильтона удовлетворил найденный им тип популярной книги историко-географического содержания, т. к. он много лет спустя после ее написания, позаботился все же о том, чтобы она увидела свет. Таким образом, „Краткая история“ Московии была не самостоятельным трудом, но лишь компиляцией из различных источников, и, как таковая, она лишена научного значения: по типу своему она примыкает к таким изданиям эпохи, каковы „Всемирные реляции“ Ботеро или известная хрестоматия Эльзевиров: «Respublica Moscoviae». Тем не менее она не лишена известного интереса, во первых потому, что она несомненно читалась многочисленными поклонниками английского поэта, и сообщенные в ней известия считались вполне соответствующими действительности еще в XVIII веке, с другой же стороны и потому, что занятия Мильтона историей и географией России оставили некоторый след и в его поэтическом творчестве.

Книга Мильтона давно известна в русской литературе, но получила здесь не вполне справедливую оценку. Первым указал на нее М. П. Полуденский („Русская история Мильтона“, „Русск. Вестник“ 1860, т. XXVI, № 8, апрель, кн. 2, стр. 533—545); изложив ее вкратце и приведя из нее отрывки, он замечает: „Мильтон сам не был в России, но сочинение его имеет значение по источ-

никам, которыми он пользовался, потому что он имел в руках многие до сих пор неизданные реляции о России"; через несколько месяцев „Отечественные Записки" напечатали полный перевод сочинения Мильтона, сделанный Е. П. Карновичем („Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих на восток от России"... „Отеч. Зап." 1860, т. XXXI отд. I, стр. 1—142); в предисловии переводчик говорит, что книга Мильтона имела для англичан „особое значение: она представляла им полный сборник всех замечательных сведений, имевшихся в то время о России в английской литературе, т. к. Мильтон воспользовался решительно всем, что только было написано в ту пору о России его соотечественниками. Таким образом, книга Мильтона была как бы ученым результатом почти столетних, постоятных сношений России с Англией, как дипломатических, так и торговых" (стр. 102). Через несколько лет в „Чтениях в Общ. Истории и Древностей" (1874, № 3, стр. 1—24) Юрий Толстой напечатал „Заметку по поводу статьи Полуденского"; мнение его о значении книги Мильтона резко отличается от взглядов Полуденского и Карновича. Сочинение Мильтона, говорит Ю. В. Толстой, „выбранное из сочинений многих очевидцев", как сказано в его подзаголовке, „выбрано чрезвычайно недобросовестно и было со стороны Мильтона не более как спекуляцией на современный ему вкус английских читателей, всегда интересовавшихся тем, что относилось до отдаленной Московии и еще более отдаленного Китая". В конце своего сочинения Мильтон приложил список своих источников (19 названий). Как устанавливает Ю. Толстой, из них „одиннадцать находятся в I томе Гэклюйтова сборнике путешествий, семь напечатаны во 2-м и 3-м томах сборника Перчаса, девятнадцатое есть описание сэра Томаса Смиса, напечатанное сперва отдельною книгою, а потом также вошедшее, впрочем в сокращении, в 3-й том Перчасова сборника"; следовательно, пособиями Мильтона оказываются, собственно говоря, только три книги, да и те пользовались широкой популярностью у английских читателей XVII века. Однако Ю. Толстой не совсем прав; в действительности, Мильтон назвал не все использованные им источники; Штерн (op. cit., S. 178) находит, например, возможным высказать предположение, что некоторые материалы о Росссии Мильтон получил от своего друга Marvell'я, бывшего секретарем известного посольства в Москву в 1663 году лорда Карлейля; кроме того, Мильтон не просто переписывал реляции английских путешественников, но обрабатывал их в духе, соответственном цели своего сочинения; в специальном интересе Мильтона к истории Лжедмитрия или Яна Собеского можно было бы увидеть, какие разнообразные материалы привлекал Мильтон для разрешения волновавших его тогда вопросов революционного порядка, идеи народного суверенитета и т. д. Правда, Мильтон меньше всего обработал те части своего сочинения, в которых дается описание

Сибири и путей из Москвы в Китай: здесь он в полной власти своих источников и ни на шаг не отступает от них; по отношению к ним справедливо, пожалуй, замечание Ю. Толстого, что Мильтон „не умел воспользоваться любопытными и обильными материалами, которые имел для своего труда, не подверг их исторической критике и совершенно выпустил из вида, что они относятся к разным эпохам“ (стр. 12); не нужно, однако, забывать, что в половине XVII века Сибирь и страны Дальнего Востока представляли еще края, очень мало известные европейцам, и что Мильтон в своей книге воспроизвел почти весь круг тех данных, какими мог располагать образованный англичанин его времени; картина, им нарисованная, поэтому получилась очень типичной: налицо огромный интерес к странам сказочного востока и заманчивым перспективам колониальной торговли со стороны английской богатеющей буржуазии, и в то же время этот интерес парализуется отсутствием достоверных известий об этих отдаленных краях. Вот почему едва ли вполне прав К. Н. Бестужев-Рюмин, когда он говорит, что „сочинение знаменитого Мильтона важно только по имени своего автора“ (Русская история, т. I, СПб. 1872, стр. 194).

Интересно отметить, что Мильтон так заинтересовался Московией и в особенности восточными окраинами ее, что увлечение это оставило след в поэме его «Потерянный рай»: здесь упоминаются реки Печора и Обь и страна самоедов, а полет сатаны уподоблен полету коршуна, «выросшего на снеговом хребте Имауса, естественной восточной границе кочующих татар». В д е в я т о й песне Мильтон описывает сатану, выгнанного из рая, который в досаде и неутолимой жажде мщения три ночи кружился около линии равноденствия и четыре раза перелетал в разных местах от одного полюса к другому, „пересекая все поясы тепла и холода“: „он за это время успел уже увидеть все страны от Эдема до Понта Эвксинского и Мэотидитских болот; оттуда промчался он до реки Оби и еще далее к северному полюсу“:

. . then sought
Where to lied hid: sea he had searcht and land
From Eden over Pontus, and the pool
Maeotis, up b e y o n d t h e r i v e r O b;
Downward as far antarctic . . (IX, v. 75–79).

В д е с я т о й песне поэт уподобляет Грех и Смерть носящимся в бездне хаоса, и гонимым полярными ветрами, ледяным глыбам, которые «запружают собой предполагаемый пролив, находящийся восточнее Печоры и ведущий к цветущим берегам Китая».

As when two polar winds . . . .
. . . .
Mountains of ise, that stop th' imagin'd way
B e y o n d P e t s o r a e a s t w a r d, t o t h e r i c h
C a t h a i a n c o a s t . . . . (IX, v. 289—293)

В той же песне, рассказывая о мировых катаклизмах после грехопадения, Мильтон упоминает, что полярные ветры, „вооруженные снегом, градом, вьюгами и бурунами“ стали бушевать „с севера от Норумбегии и берегов, где живут самоеды“.

. . from the north
of Norumbega, and the Samoed shore . . .
(X, v. 695—700).

Д. Морган справедливо замечает, что Мильтон во всех этих своих описаниях основывался на типично-средневековой географической традиции (Early voyages and travels into Russia, ed. by D. Morgan, vol. I, London 1886, p. 135, 147, 153). Прилагаемые отрывки из сочинения Мильтона: „Московия или известия о Московии, по открытии английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев; также и другие малоизвестные страны, лежащие на восток от России до самого Китая, недавно в разное время открытые русскими“ взято из перевода Ю. В. Толстого („Чтения в Общ. Ист. Древн.“ 1874 III, стр. 11—16). Перевод этот может считаться лучшим из существующих; он отличается „точностью и верною передачею подлинника“, замечает Е. Замысловский, сличив все русские переводы с подлинником („Древняя и Новая Россия“ 1875 № 8, стр. 388—390“). Подлинный текст сочинения Мильтона недавно вышел в новом издании: „A Brief History of Moscovia and ot Other lessknown Countries lying eastward of Russia as far as Cathay... To which are added other Curious documents Ed. by Pr. D. S. Mirsky“, London, Blackamore Press, 1929.

О СТРАНЕ САМОЕДОВ В СИБИРИ И О ДРУГИХ СТРАНАХ, ЛЕЖАЩИХ К СЕВЕРО-ВОСТОКУ И ПОДВЛАСТНЫХ МОСКВИТЯНАМ

К северо-востоку от России, при реке Оби, лежит страна самоедов; открыл ее один один русский по имени Аника (Oneka), который первый завел с самоедами торговлю и, добывая от них богатые меха, нажил большое богатство и узнал их страну, а впоследствии, дав знать о своем открытии Борису, правителю Федора, указал, сколь полезно будет для государства приобрести эту страну. Борис отправил к самоедам пышное посольство и миролюбивыми средствами достиг того, что они отдались в подданство России, с обязанностью ежегодной поголовной дани, состоящей из двух богатейших собольих шкур. Гонцы Борисовы, проехав двести миль к востоку за Обь, донесли, что там красивая страна, изобилующая лесами и источниками, и что жители ездят верхом на оленях и лосях, другие же в санях, запряженных оленями, а иные еще на собаках, столь же прытких, как и олени. Самоеды, приехавшие с этими гонцами, на возвратном пути их в Москву, удивлялись красоте этого города и возбуждали равное удивление своею стрель-

бою, попадая без промаха в цель величиною в деньгу, на таком расстоянии, что ее едва можно различить.

По донесениям русских река Обь так широка, что переправа через нее занимает целый летний день, но она наполнена островами, которые безлесны и, до последнего времени, не были обитаемы. Из реки Оби переправляются в реку Таз (Tawze). С тех пор как самоеды покорились русским, там находятся двое воевод, с тремя или четырьмя стами стрельцов; русские также построили селения и несколько небольших крепостей; всю эту местность они называют Мангазея (Mongozey или Molgomsay) Далее во внутренности страны ими также построены другие деревянные города, заселенные преимущественно поляками, татарами и русскими из беглых, или из осужденных преступников; таковы города: Верхотурье (Vergateria), Сибирь (Siber), по имени коего называется вся страна, Тюмень (Tinna), потом Тобольск (Tobolska), по сю сторону Оби, на реке Иртыше, и Тоболь (Tobol), главное местопребывание русского воеводы, выше Сургут (Zergotta), на острове реки Оби, где находится таможня, далее на другой стороне Оби—Нарым (Narim) и Томск (Tooina), сделавшийся теперь значительным городом. В странах этих построено также несколько церквей, но никто не терпит принуждения в вере. За Нарымом, на восток, на реке Telta, построена крепость Comgoscoi. Построение этих городов и многих других, им подобных, началось с 1590 года. Из этих то стран и привозятся соболя и другие меха.

Самоеды не имеют городов или постоянных мест пребывания, но кочуют там, где найдут мох для своих оленей. Они живут обществами миролюбиво и управляются несколькими из старейших между ними; впрочем, они идолопоклонники. Они стреляют удивительно искусно; острие их стрел делается из заостренных камней или рыбьих костей; рыбьи кости употребляются также для иголок, а вместо ниток употребляют жилы некоторых маленьких животных, и жилами этими сшивают меха, в которые одеваются: летом они носят шкуры мехом наружу, зимой—мехом внутрь. Они имеют по нескольку жен, а дочерей своих продают тому, кто их купит дороже. Если жена не понравится, то муж возвращает ее ее родным, возвращая только отцу издержки на свадебный пир. При родах мужья помогают своим женам, которые встают на другой день после родин. Самоеды не обрабатывают земли, но питаются мясом диких зверей, за которыми охотятся. Они являются единственными проводниками для тех, которые зимою путешествуют по Югории, Сибири и какой-либо другой из этих северо-восточных стран. Путешествия эти совершаются на санях, везомых оленями, которые мчатся днем и ночью, если только ночь лунная. Живут самоеды на снегу, под навесами из оленьих шкур, останавливаясь в тех местах, где довольно белого моха для корма упряжных оленей, которые, будучи пущены на свободу, сами отрывают его из

под глубокого снега. Кто-нибудь из самоедов приносит из ближнего леса дров, чтобы развести огонь, кругом которого остальные располагаются со своими шатрами, имеющими сверху отверстие для прохода дыма; таким образом, шатры эти столь же жарки, как печка в России. Запас мяса путешественники возят с собой, пользуясь также птицами и дичью, которые могут быть убиты их проводником-самоедом на пути; пьют они только снег. Два оленя, впряженные в сани, при скорой езде, в сутки, не отдыхая, везут двести миль, с поклажей провезут тридцать миль в двенадцать часов.

О ТУНГУСИИ (TINGOESIA) И ДРУГИХ ПРИЛЕЖАЩИХ С ВОСТОКА СТРАНАХ ДО САМОГО КАТАЯ

В 1605 году солдаты Нарымского и Комгосского (Comgoscoi) гарнизонов, посланные далее по распоряжению русского воеводы, нашли много прекрасных необитаемых стран, много обширных пустынь и рек. Но, наконец, после десятинедельного пути, они увидали несколько хижин и толпы людей, которые пришли к ним с почтительностью и объяснили самоедам и татарам, служившим проводниками русским солдатам, что они зовутся тунгусами (Tingoësi) и обитают на великой реке Енисее. Река эта, говорят, гораздо более реки Оби, от устья которой находится на расстоянии четырех суток плавания и с которой впадает в одну и ту же Губу Нарымскую (Sea of Naramzie). К востоку от Енисея находятся высокие горы, из которых некоторые огнедышающие, к западу—плоская и плодородная страна, которая в весеннее время заливается рекою на пространстве около семидесяти миль; в продолжение этого разлива, жители удаляются в горы, а по окончании его возвращаются со своим скотом на равнину. Тунгусы—народ очень кроткий; они имеют большие распухшие зобы, подобно жителям Альп в Италии. По убеждению самоедов, они немедленно покорились русскому правительству и, по просьбе их, отправившись на следующий год для дальнейших открытий на восток, пришли, наконец, к реке, которую туземные дикие называли Pisida и которая несколько менее Енисея. Слыша за этим местом звон медных колоколов, а иногда шум людей и лошадей, они не посмели идти далее. Они видели там также вдалеке несколько парусов четвероугольной формы, и по тому предположили, что эти паруса похожи на Индийские или Китайские, тем более что, по их рассказам, слышны были выстрелы из больших пушек, стоявших на судах. Они были восхищены красотою этой страны в апреле и мае месяцах, когда она наполнена множеством редких деревьев, растений и цветов, животных и птиц. Некоторые полагают, что здесь граница Тангута на севере Китая.

Около 1610 года некоторые из этих самоедов продолжали свой путь, пока не увидали Белого города, в котором им слышался большой звон колоколов: они рассказывали, что к ним вышли с ног до головы вооруженные железом люди.

Рис. 43. Быт тунгусов (Из «Путешествия» Исбранта Идеса)

А в 1611 году несколько жители Катая и другие, посланные от царя Алтына (Alteen czar), который называют себя „Золотым царем", прибыли на реку Обь в Сургут (Zergolta or Surgoot) и торговали там, привезя с собою плиты серебра. Вследствие сего русский царь Михаил Федорович, в 1619 году, послал несколько лиц от себя из Томска (Tooma) к Алтыну и в Катай, которые возвратились с посланниками от этих государей. По рассказам этих лиц, они ехали от Томска десять дней с половиной до царя Алтына (Alteenking or King of Alty), ехав в это время три дня по озеру, в котором растут рубины и сапфиры; землей царя Алтына ехали они пять недель до земли Мугальской (Sheromugaly or Mugalla), где царствовала царица Манчика (Manchika); оттуда в четыре дня доехали они до пределов Катая, обнесенных каменной стеной в пятнадцать сажен (fathom) вышиной; вдоль по этой стене, около которой лежит

много красивых городов, принадлежащих царице Манчике, они ехали десять дней, не видавши никого на стене, покуда не подъехали к воротам, у которых они увидали очень большие пушки и три тысячи человек на страже. Тамошние жители производят с другими народами мену у этих ворот и очень не многим позволяют входить в них зараз. От Томска царские посланные ехали до этих ворот двенадцать недель, а оттуда до столицы Катая десять дней. По прибытии туда, они были отведены на посольское подворье; немного дней спустя к ним приехал секретарь царя Тамбура (king Tambur) в сопровождении двухсот хорошо одетых людей, ехавших верхами на ослах. Он угостил их разными винами, спросил о причине их приезда. Но так как они не привезли с собой никаких подарков, то и не были допущены к царю, но возвратились, как уже сказано [?] в Тобольск (Tobolska) с его письмом к их государю.

Они говорят, что земля Мугальская простирается от Бухары (Boghar) до Северного моря, что в ней много крепостей, построенных из камня четыреугольниками, с башнями, крытыми муравленной черепицей, по углам, и что в воротах висят большие набатные или вестовые колокола, весом фунтов в двадцать. Дома также построены из камня, и потолки в них искусно расписаны разноцветными цветами. Жители идолопоклонники, страна чрезвычайно плодородна. Там есть ослы и лошаки, но лошадей нет. Жители Катая говорят, что великая стена простирается на протяжении четырех недель пути, от Бухары до северного моря, что на ней беспрестанно встречаются башни на расстоянии небольшего выстрела одна от другой, что на каждой башне спереди есть огни, и что самая стена служит границей между Магуллой и Катаем; в стене всего пять ворот, которые узки и до того низки, что всадник, сидя прямо верхом, не может в них въехать. Около самой стены находится город Широкалга (Shirokalga), в нем есть крепость, вооруженная короткими пушками и небольшими орудиями, из которых ежедневно, при заходе и восходе солнца, производится тройной выстрел, людьми, содержащими стражу у ворот, на башнях и на стенах. Город изобилует богатыми товарами, бархатами, камками, золотою парчою, разными тканями и разными сортами сахара. Таков же и город Яра (Yara), в котором рынки благоухают пряностями, а город Тайты (Taytte) еще богаче, но Широ (Shirom) и того великолепнее, длиною в полдня проезда и чрезвычайно населен. Оттуда до столичного города Катая два дня пути: этот город построен из белого камня, четвероуголен, имеет в окружности четыре белые, очень высокие и большие башни, вдоль по стене находятся другие башни, очень красивые, попеременно белые и голубые, и бойницы, уставленные пушками. В середине этого белого города стоит крепость, построенная из магнита, в которой живет царь в великолепном дворце с позолоченной крышей. Город стоит

на равнине, которую обтекает река Юхо (Youga) на расстоянии семи дней от моря. Жители очень кротки, но не воинственны и чрезвычайно склонны к торговле.

Эти известия внесены сюда потому, что мы их имеем от русских, которые также рассказывают, что за Обью есть море, до того теплое, что в окружностях его живут всякого рода морские птицы и зимой и летом. Таковы вкратце сведения о море и странах между Россиею и Катаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

О стране самоедов, о Сибири и т д.]. Вся эта глава сочинения Мильтона есть ничто иное, как пересказ сочинения И. Массы; сл. у нас выше, стр. 249-255. Это подтверждают и географические имена, порою воспроизводящие опечатки изданий Массы 1612 г. (напр. Tinn—Тюмень, Toiina—Томск и т. д.), повторенные в английском переводе Перчаса 1625 г., которым пользовался Мильтон. Что Мильтон пользовался сочинениями Массы, хотя и в английском переводе, не знает и Ю. Толстой (Заметка по поводу статьи Полуденского «Русская история Мильтона», «Чтения» 1874 III, стр. 10), который упрекает Мильтона вслед за его английским источником за хронологическую путаницу: „знаменитый Аникий Федорович Строганов вовсе не был современником царя Бориса и основал свои варницы в Вычегде в 1515 году, т. е. за 83 года до избрания Борисова. Флетчер упоминает уже в 1589 г. об оставшихся после него трех сыновьях: Якове, Григорие и Семене (ch. XII), которые по его словам, благодаря поборам царя, лишились большей части богатств своего отца (сл. у нас выше: Флетчер, стр. 199). Притом, если Аника и действительно первый начал торговать с самоедами, то ни в каком случае не открыл их: ибо Герберштейн, приезжавший последний раз в Россию в 1526 г. вовсе не говорит о них, как о недавно открытом народе».

За Нарымом, на восток, на реке Telta *построена крепость* Comgoscoi] Как указано было выше, под рекою Telta у Массы имеется в виду р. Кеть (см. выше, стр. 264). Kongoffskoi (Kungorskoi)—первоначальное название Кетского острога (ср. Müller, Sammlung Russ. Gesch. VII, S. 94). W. Radloff, Aus Siberien I, S. 161 указывает на 1598 г., как на год основания Нарымского и Кетского острогов, однако Müller (Samml. Russ. Gesch. VI, S. 493), упоминая, что основание Нарыма в точности неизвестно, полагает все же, что в 1596 г. он существовал.

В 1605 г. солдаты Нарымского и Комгосского гарнизонов]. В переводе Ю. В. Толстого: „солдаты Нарымского и гарнизонов". Восстанавливаем пропуск по подлиннику: „Beyond Norim and Comgoscoi the soldiers of those garnisons"... И эта глава сочинения Мильтона в значительной степени является просто переводом второго сочинения Массы о Сибири (сл. у нас выше, стр. 259).

которую туземные дикие называли Pisida] р. Пясина; сл. о ней выше, стр. 217.

пока не увидели Белого города] ср. выше, стр. 184, 228, 265. По замечанию Геннинга—это неопределенный город; туземцы передавали русским только широко распространенный слух. Baddeley (II, p. 81), напротив, исходя из анализа рассказа Петлина и разъяснений Е. Тимковского, Путешествие в

Китай через Монголию СПб. 1824, ч. I, стр. 300, полагает, что это Sin-Pao-ngan, окруженный красивой каменной стеной.

посланные от царя Алтына] сл. выше, неизвестный англичанин, стр. 277.

в 1619 г. послал несколько лиц от себя из Томска к Алтыну и в Китай]. Речь идет несомненно о посольстве И. Петлина 1618 г. (сл. выше, неизвестный англичанин, стр. 277). Это посольство отправлено было не самим московским правительством, а по замыслу Тобольского воеводы, из Томска. Поэтому московские приказы не считали это посольство оффициальным началом посольских сношений с Китаем (первым послом считался Ф. Байков, 1654 г.; см. ниже: Кильбургер). Правда, по итальянскому известию, еще Грозный посылал на разведки о Китае, но это известие неправдоподобно (см. выше, стр. 97). Известное в старых рукописях путешествие И. Петрова и Б Ялычева (Карамзин, Ист Гос. Росс., т. IX, прим. 648; И. П. Сахаров, Сказ. русск. нар. II кн. 8, стр. 183—186; А. Попов, Изборник славянск. и русск. соч. М. 1869, стр. 430—437), повидимому, представляет собою недоразумение (см. выше, стр. 97). Тем интереснее свидетельство португальца Пинто (род. 1509 г.), который рассказывает, что видел „московитов" в северном Китае, в городе Tuymicao, в 1544 г., в посольстве некоего татарского владетеля Сагао (из Бухары, Крыма или Казани?): «они белокуры, хорошо сложены, одеты в широкие штаны, дорожные плащи с широкими рукавами и шапки, подобно фламандцам и немцам... причем более знатные из них были одеты в кафтаны, подбитые соболями и другими мехами. Все они носили большие и широкие сабли, и мы заметили, что в своем языке они употребляли и некоторые латинские слова, и что даже, зевая, они трижды повторяли: Dominus! Dominus! Dominus! Это показалось нам скорее по-язычески, чем по христиански; что-же еще хуже было в них—это содомский грех, которому они были очень подвержены». («Peregrinacao de Fernao Mendes Pinto» Lisboa, 1829: это лучшее доныне издание его путешествий; оно воспроизводит изд.: Coimbra 1614, сделанное по утраченной рукописи автора, через 30 после его смерти; E. Breitschneider, Mediaeval Researches from eastern As. sources, Lond. 1888, II, p. 155 цитирует это место по испорченному французск. переводу Figuier, 1628; оно искажено также в английск. переводе Перчаса, ed. 1906 vol. XII, p. 137). Свидетельство Пинто стоит совершенно особняком и заслуживает специального разбора, который я постараюсь представить в другом месте, тем более, что „московитов", по иному случаю, Пинто упоминает еще раз, в связи с „алеманами", т. е. немцами. О Пинто см. Baddeley, op. cit., vol. I, p. LXI—LXV и работы St. Wheeler, A. Wirth, G. Schurhammer, названные во „Введении" к настоящей книге (см. прим. 73).

Царица Манчика]. В путешествии И. Петлина говорится: «А третей город в Мугалской земле Лобунской..., а воеводит в нем женщина, имя ей княгиня Манчикатут, да сын ее князь Ончин-тайчи. А та княгиня Манчикатут указывает в Мугальской земли во всем, по всем городам» и т. д. (Ф. И. Покровский. Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г.—Изв. О. Р. Яз. Слов. Ак. Наук 1913, IV, стр. 288). В лучшем списке реляции Петлина княгиня названа: «царица Манчика» (Baddeley, Russia, Mongolia, China, Lond., 1919, vol. II, p. 71). «Упоминаемая Петлиным монгольская княгиня есть известная в истории династии Мин—Сань-нян-цзы (троекратная боярыня в переводе, т. к. она была последовательно за тремя мужьями), урожденная из Ордоса; в молодости она была замечательною красавицею; из-за нее едва не возгорелась война между Ордосом и Бай-шин хотоном. Хотя действительными князьями аймака были ее дети и внуки, но вся власть и влияние находились в ее руках; она строго следовала политике Анды и стремилась держать свой аймак в подчинении пекинскому двору, за что последний пожаловал ей титул Чжун-шунь-фу-шень, т. е. верной и покорной боярыни. Она жила в Бай-шин-хотоне (нынешний Куку-хотон) вместе с своим внуком (а не сыном) Бошокту; в других городках жили других два внука ее Соном и Маоманган» («Заметки арх. Палладия о путешествии в Китай казака Петлина»

Зап.-Вост. отд., т. VI, 1892, стр. 306—307). См. о ней также Д. Покотилов история восточных монголов в эпоху династии Мин. СПб. 1893, откуда цитаты с поправками привел Baddeley, II, p. 75.

ехал секретарь царя Тамбура]. У Петлина упоминается «царь Тамбун», в других списках Тайбун. Г. Спасский («Сибирский Вестник» 1818, ч. II, отд. III, стр. 1—36) предполагает, что нужно читать Да-Мин, т. к. «в реляции Петлина буквы *б* и *м* смешиваются». Палладий (op. cit., стр. 306) вполне соглашается с этой конъектурой, напоминая, что Петлин ехал в Китай в то время, когда «власть манчжуров еще не простиралась ни на Китай, ни на Монголию»; речь идет, следовательно, о китайском императоре династии Мин.

простирается от Бухары]. «Бухарами Петлин называет восточных туркестанцев» (Палладий, op. cit., стр. 307).

находится город Широкалга] «Широкалга, по моему то же, что Широхотон»,—замечает Палладий (op. cit., стр. 308); последним именем, по свидетельству китайских писателей, монголы называли одну из важнейших крепостей близ Ша-ху-коу; как застава, она могла называться Калга, как город Хотон». Подробные разъяснения, что за город здесь имеется в виду см. у J. Baddeley, Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. I, p. 71 note.

таков же и город Яра]. Сравни у Петлина: «А от Широкалги до китайского же города Широ день езду»... «А от Широ города до китайского же города до Яру 3 дни езду»... «А от Яру города до Тайты города 3 дни езду.,. А от Тайты города до Белого города 2 дни езду. А город каменной, бел, что снег, потому слывет Белгород... а стоит город на четыре углы, а кругом езду 4 дни. А по углам стоят великие и высокие башни; а посередь стен стоят башни же велики и высоки и белы, что снег, с подзоры, с красными и с лазоревыми и с желтыми... Да в том же болшем Китае стоит магнитовый город, где сам царь Тайбун живет... стоит на ровном месте, а кругом его река, имя реке Юхо.... а до моря от большево Китая, сказывают, 7 ден» (Изв. О. Р. Яз. Сл. 1913, IV, стр. 291—294).

Эти известия внесены сюда потому, что мы их имеем от русских]. Это известие справедливо. Как видно из предыдущего, весь этот рассказ ничто иное, как сокращенный перевод реляции Петлина, которая помещена была в книге Перчаса 1625 г. (ср. у нас выше, стр. 167). Как попала эта реляция к Перчасу? Baddeley (op. cit. II, p. 67—68) высказывает вполне правдоподобное предположение, что ее привез в Англию Джон Меррик (о нем выше, стр. 194), который весьма интересовался землями к востоку от России и в 1614 г. даже просил в Москве разрешения основать вольную торговлю по р. Оби с Индией и Китаем, но получил отказ; бояре ссылались на то, что «Сибирь далеко, до первых городов с полгода ходу и то зимою», что «сами туземцы не знают, откуда Обь-река вышла и куда вошла, сторона та самая студеная» и т. д. «Про китайское государство сказывают, что оно невеликое и небогатое и добиваться к нему нечего». Нельзя думать, что в этих словах отразилось действительное незнание дела, это была лишь уловка для того, чтобы отбить интерес к нему у английского посла. Характерно, что спрошенные московские гости о дороге в Китай сказали, что они китайского государства не знают (но посол уличал их в противном), мало про него слыхали, в Сибири не торговали, «а слыхали они, что давно уже англичане туда дороги ищут, да не найдут, и впереди им туда не дорога-ж, поискав да покинут» (Н. П. Лыжин, Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие СПб. 1857, стр. 76; Щеглов, Хронологич. перечень, Ирк. 1883, стр. 71—72); с тем большим интересом Дж. Меррик должен был ознакомиться с реляцией Петлина, раздобыв ее лучший список (Baddeley, II, 68, 71); при первой возможности он отправил его в Англию.

За Обью есть море, до того теплое]. Это место взято из известия Фр. Черри (см. выше, стр. 195).

XXXI. ЛАМАРТИНЬЕР | LA MARTINIÈRE

(1653)

Пьер Мартин де Ламартиньер —французский врач, много путешествовавший по Азии и Африке, автор нескольких медицинских трактатов и книги: „Путешествие в северные страны“. В 1635 г., в бытность его в Копенгагене, Датское торговое общество отправило морскую экспедицию к северным берегам Европы для изучения местных рынков и закупки мехов. Ламартиньер на отправляемом корабле получил место судового врача. В путь двинулись в конце февраля 1653 г. Через северные берега Норвегии и Лапландии путешественники добрались до Печоры, затем до Новой Земли; потом совершили путь до Гренландии и вернулись в Копенгаген. Описание этой экспедиции Ламартиньер издал в 1671 г. в книге: „Voyage des pays septentrionaux. Dans lequel se void les moeurs, manière de vivre et superstitions des Norvégiens, Lapons, Kiloppes, Borandiens, Sybériens, Samojèdes, Zemblins et Islandais“. Как то обстоятельство, что между самым путешествием и изданием описания его прошло 18 лет, так и то, что в книге находится много легендарных или плохо объяснимых известий, а географические названия большею частью сильно искажены,—составили книге плохую репутацию. Уже старые иностранные исследователи, как, например, Иог. Бекман отзывались о ней не слишком лестно (Joh. Beckmann. Litteratur der älteren Reisebeschreibungen, Bd. I. Göttingen 1807 S. 102-103), как о книге, в которой много „давно уже разоблаченных басен“ (Ср. Adelung II, 320-322), а В. Н. Берх в своей „Хронологической истории всех путешествий в северные полярные страны“ СПБ 1821 ч. I, стр. 95-101 упоминал об этом „баснословном путешествии“ даже „единственно для того, чтобы показать читателям, до какой степени простиралась ложь древних странствователей“. Новейший исследователь А. Браудо отмечает, в свою очередь: „Действительно-ли De la Martinière является автором этого описания, или он дал ему только свое имя, был-ли он действительно в описываемых им местностях, или нет— эти вопросы не представляются важными, потому что каких-либо новых, особенно интересных данных сочинение De la Martinière'а не заключало в себе даже для того времени, когда оно появилось в свет“. (Необходимо, однако, отметить, что Витсен, описывая в „Noord

en Oost Tartarie страну самоедов, цитирует неоднократно Martinière'a. „Но оно имело большой успех, выдержало в течение полустолетия более пятнадцати изданий на разных языках, и заслуживает поэтому внимания, как показатель интереса, какой общество того времени проявляло к такого рода сочинениям вообще и в частности к описаниям России" (А. Браудо, „Russica"—Сборник в честь Д. Ф. Кобеко СПб. 1913, стр. 251—256). В 1911 г. В. Н. Семенкович издал это сочинение в русском переводе по франц. изд. Роже 1671 г., а в предисловии и комментариях пересмотрел заново вопрос о достоверности его, как исторического и географического источника: „Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев и исландцев". Перевод, объяснения и примечания В. Н. Семенковича—„Записки Московского Археологического Института" т. XV, 1912, стр. XXXI+229, и отдельно, М. 1911. Реабилитация Ламартиньера-путешественника В. Семенковичу удалась в значительной степени Сличая многочисленные издания книги, автор показал, что позднейшие издания и заслужили Ламартиньеру упрек в легковерии и невежестве; отдельные издания разнятся между собой не только редакционными или стилистическими поправками, но в некоторых из них сделаны столь большие и существенные вставки, что они совершенно изменяют характер книги. Благодаря обилию изданий и переводов книги Ламартиньера, в характере этих изменений разобраться не легко (в руках Семенковича не было всех изданий; большим количеством их располагал А. Браудо, на стр. 252—253 указанной статьи давший перечень всех изданий имеющихоя в Гос. Публ. библ-ке в Ленинграде, но и он видимо, имел под рукою на все; наиболее полный список их дает книга J. Chavanne, A. Carpf, Fr. Monnier. Die Literatur über die Polar-regionen der Erde, Wien, 1872, S. 48-49 № 1125—1127, где названо, между прочим, и издание 1656 года, неизвестное русским библиографам, если это не корректурный недосмотр, вообще отличающий эту книгу; следующие французские издания: 1671, 1672—76: 1672, 1690, 1708, английские, начиная с 1674, немецкие — с 1675 г.). Однако, Семенковичу удалось все же показать, что разные, приписываемые Ламартиньеру, нелепые сообщения о рогатых людях, о „китайской Мавритании", о людоедстве самоедов и т. д принадлежат не автору, а издателям, исказившим первоначальный текст или же переводчикам, непонявшим подлинника; в некоторых же случаях, например, при описании покупки ветра у лопарей, сам Ламартиньер „добросовестно ошибался, подчиняясь распространенному тогда взгляду на лопарей, как на волшебников". Комментируя Ламартиньера, Семенкович дал вполне правдоподобное объяснение и некоторых странных, встречающихся у автора, названий. Так, город Витцорана на Печоре есть, вероятно, село Виска или Великовисочное, Борандия, на-

селенная борандайцами, есть часть материка между Печорой и Хайпудырской губой, против острова Варандея; „килопами“ автор называет „диких лопарей“ („дикая лопь“ русских текстов); Папингород—Ляпин городок, остяцкая деревня на реке Сыгве; горы, будто-бы закрывающие проход между Вайгачем и материком, которые Ламартиньер называет Патенотр, есть. вероятно искажение самоедского названия части Урала—«Пае-Нер» и т. д.

Таким образом, можно как будто считать доказанным, что Ламартиньер самолично „совершил одно из удачнейших путешествий по северу Европы в половине XVII столетия“ и что „эта заслуга или,—как склонны думать другие,—это слепое счастье во всяком случае должны быть отмечены в историко-географической литературе нашей“ (Семенкович, стр. 1). В вопросе, однако, нет согласия. «Нельзя не согласиться с переводчиком, замечает и Г. Танфильев, что книга Ламартиньера, которую считали не заслуживающей внимания, является, на самом деле, очень интересной и важной для познания прошлого нашего севера“ (Известия Одесского Библиографического Общества, т. II. вып. 8, 1914, стр. 349-352). Особого мнения придерживается А. Браудо (op. cit. стр. 225), который считает, что „если относительно плавания от Копенгагена до Колы, а пожалуй и до Новой земли, еще может быть допущено предположение, что автор действительно принимал в нем участие, то длинный рассказ о высадке в устьях Печоры и пребывание среди самоедов и борандийцев носит характер вымысла. Мы встречаемся в этой части описания с рядом географических названий, которые, все именно в таком искаженном виде, могли быть заимствованы у других авторов или из географических карт того времени“. Следует, однако отметить, что для Сибири книга дает, в сущности, очень мало; помещенный переводчиком в приложении отрывок из Амстердамского издания, где дается описание России (и между прочим Сибири) со слов ссыльного лотарингца, которого будто бы Ламартиньер встретил в низовьях Печоры, является ничем иным как переводом из книги Самюэля Коллинза (см.), о чем, впрочем, В. Семенкович не знает. Что же касается приводимого ниже описания перевала через Урал и Ляпина городка в березовском уезде, то заключающийся в них фактический материал очень незначителен и, по справедливому замечанию С. В. Бахрушина, считающего возможным пользоваться книгой Ламартиньера, как источником, „точно установить, где он совершил перевал, невозможно“ (Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII в. в. М. 1928 стр. 62). Отметим еще, что пересказ путешествия Ламартиньера в Борандай и Сибирь находится в книге: Everhar-

Рис. 44. Самоеды (Из книги Ламартиньера)

dii Guerneri Happelii, Mundus Tripartitus oder Wunderbare Welt, Ulm 1689, III, S. 608—616. Нижеследующий отрывок приведен по изданию Семенковича, стр. 59—61.

Мы перевалили горы, которые разделяют Борандай от Сибири, — путь очень тяжелый и трудный, по причине безлюдности этих мест, которые и не могут быть обитаемы, как по своей бесплодности и множеству снега, так и по чрезмерному количеству белых медведей и волков. Их так много, что мы постоянно были в страхе, пробегая этими местами и ежеменутно ожидая нападения, хотя, оказывается, они нас столь же боялись, как и мы их, и видно было, как они разбегались то в ту, то в другую сторону при нашем приближении, считая нас за охотников, благодаря нашему блестящему оружию, а мы были просто купцы. И вот, после больших затруднений, с которыми должны были справляться олени при перевале через хребет, на что мы употребили 10 или 12 часов, мы спустились в одну сибирскую деревушку, обитатели которой были одеты в медвежьи шкуры, шерстью вверх, но носили белье и сапоги с подковами, из чего мы заключили, что они более образованы, чем те, которых мы только что оставили. Они и приняли нас более учтиво, и расспрашивали: кто мы, откуда и куда едем? Мы выпили и закусили с ними тем, что имели, а они нам принесли своего угощения, которое состояло из соленого волчьего и медвежьего мяса, пряников и водки; мы скупили у них на деньги меха, за исключением соболей, потом, отдохнув часов пять на медвежьих шкурах в одной из хижин, построенной на лапландский манер, мы выпили на каждаго по глотку водки, сели в сани и продолжали наш путь к Папинову городку, куда и прибыли часов через 20, с отдыхом для кормежки наших оленей.

Рис. 45. Самседы
(Из книги Ламартиньера)

Мы отдохнули 6 или 7 часов в доме воеводы, который встал тотчас-же, как только один из слуг доложил ему, что мы проснулись и пришел нас проведать в нашу комнату; за ним слуга нес бутылку водки: сам он выпил большую чарку и нас угостил. Затем он спросил, хотим ли мы купить его меха; приказчик отвечал утвердительно, попросив осмотретъ их все, сторговался и уплатил деньги. Не имея больше мехов сам, воевода позвал некоторых обывателей, у которых, как ему было известно, были меха, и мы купили их с его разрешения; после этого нам снова пришлось приняться за выпивку и курение табаку. В то время как наш приказчик с подручным был занят торговлей, я пошел прогуляться по городу, который расположен в красивой местности, в

небольшой болотистой котловине, окруженной довольно высокими горами; подле города протекает очень красивая и рыбная река; дома дурно построены, низки, все сделаны из дерева и дерна, щели между бревен проконопачены мхом, а городская мостовая состоит из деревянных досок, плотно пригнанных одна к другой.

Важные обитатели этого города носят штаны, чулки, длинное платье, которое у них спускается до пят, и узкие рукава, — все из сукна, у одного одного, у другого — другого цвета; обувь составляют кожанные сапожки, то синие, то красные, то желтые, с железными подковами на каблуках, как у поляков, а на голове суконная шапка, отороченная то черной лисицей, то белкой, то горностаем, а у некоторых соболем. Что касается женщин, то они очень красивы, белы и полны, с темно-русыми волосами и, как все московиты, очень приветливы; подобно своим мужьям, они носят платье до пят из сукна красного, фиолетового или голубого цветов, сшитое наподобие полукафтанья, отороченное белым лисьим или собольим мехом, с длинными висячими рукавами, которые приколоты к платью; других рукавов, куда-бы они могли поместить свои руки, у них нет, так как рукава их рубашек необычайно длинны и каждый имеет до пяти локтей длины: сшиты они из очень тонкого полотна и собраны на рукавах в складки. На голове носят они род овального чепчика, а волосы заплетены у них в косы, украшенные лентами, которые спускаются позади плеч. Башмаки у них из русского сафьяна: они носят также пояса из жемчуга средней величины. Что касается до родившихся в Сибири, то они не очень отличаются от самоедов, борандайцев и других северян, как по нраву и костюму, так и по образу жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

Мы перевалили горы, которые разделяют Борандай от Сибири]. Под Барандией, как, вслед за Ф. П. Литке убедительно показал В. Н. Семенкович (Ламартиньер. «Путешествие в северные страны» М. 1911, стр. 40—42) нужно понимать часть материка между Печорой и Хайпудырской губой, против острова Варандея. На европейских картах начала XVII в. мы встречаемся с этим названием—Bolsoi Borandey: так назван мыс, находящийся к востоку от устья Печоры на картах Исаака Массы (1612), Гесселя Герритса и т. д. (В. А. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев 1906, табл. XIII, XV). О «борандайцах» же, т. е. очевидно о жителях этой местности еще Klinsgtedt (Historische Nachricht von den Samojeden und Lappländern, Riga und Mitau, 1769), по указанию А. И. Браудо («Russica» в «Сборнике в честь Д. Ф. Кобеко», СПб. 1913, стр. 256) заметил, что это «народ, существующий только в воображении». Не зная о толковании Семенковича, P. Cronheim (Fahrten und Forschungen der Holländer iu den Polargebieten, Léipz. 1913: Quellen und Forschungen zur Erd- u. Kulturkunde Bd. VII, S. 161) замечает: «Что касается Борандийцев, то название такого народа вообще неизвестно». Ф. Литке (Четырехкратное путешествие, СПб. 1828 г. I, стр. 66) пишет: „Загадочный Борандай... не сомневаюсь я принять за остров Варандей, лежащий под Большеземельским берегом, в 68 ит. милях к В. от устья Печоры. Ламартиньер... легко мог

название одного острова распространить на всю прилежащую землю и ее жителей. Его могли также ввести в заблуждение и карты того времени: на всех почти надпись, принадлежащая острову Варандею, Bolsoy Boranday, продолжена на матерой берег, так что и в самом деле не легко догадаться, что она относится к острову. Итак, борандийцы его суть, конечно, ничто иное, как самоеды и россияне, выезжавшие на промыслы к острову Варандею".

Продолжали наш путь к Паниновугороду]. Papin seu Papinovugorod известен также Герберштейну, который заметил даже, что «жители его называются папинами и имеют язык, отличный от русского», фигурирует он и на картах, напр. на карте Гильома Сансона „Russia Bianca Moscovia", на карте Кантелли „La gran Tartaria divisa" (см. В. А. Кордт, op. cit., таблица XVI). Весьма вероятно, что это—Ляпин городок, получивший свое название от р. Ляпина или Сыгвы (сл. выше: А. Тевэ стр. 144) и завоеванный русскими в 1501 г. Новейший путешественник по Ляпинскому краю Д. И. Иловайский (Верхнеюрские аммониты Ляпинского края М. 1917=Работы геологического отд. И. О. Л. Е. А. Э., I стр. 11), сославшись на то, что „Папинов город" Ламартиньера—Ляпин горсдок, замечает: «В книге де-Ламартиньера я могу отметить одно место, из которого видно, что автор или сильно прикрасил свой рассказ или же совсем не был на Ляпине: описывая Ляпин город, де-Ламартиньер говорит, что он расположен «в небольшой... котловине окруженной довольно высокими горами». Между тем, прежний Ляпин-городок находился, по всему вероятию, на берегу Ляпина против Саран-Паула, как раз там, где и теперь еще можно видеть развалины старинной крепости... В этом месте берег реки низменный, котловины никакой нет, гор тоже нет, да и Урал отсюда едва виден". В другом месте тот же автор рассказывает, что «в Ляпинском крае имеются следы очень старинных поселений: на левом берегу Ляпина, напротив Саран-Паула, недалеко от реки находятся довольно хорошо сохранившиеся остатки старинной деревянной крепости, которая без сомнения, может представить большой интерес для археологов. Мне осталось совершенно неизвестным, построена ли эта крепость русскими или вогулами до прихода русских Возможно, что это и есть тот Ляпин город, о котором говорит де-Ламартиньер" (op cit., стр. 30—31). Небезынтересно отметить для характеристики рассказа Ламартиньера, что в описываемое время Ляпин городок, вероятно, играл большую роль в русско-сибирской торговле. Так, Лерберг (Исследования СПб. 1816, стр. 3) находит очень вероятным „утверждение тамошних жителей, что в упомянутом Ляпине были некогда порядочные русские лавки, и что место это уже до XVI века было известно по торговле, которая производилась там, как в складочном месте товаров, русскими и зырянами, с предками тамошних природных жителей». По словам И. Завалишина (Описание Западной Сибири, М. 1862, стр. 295)—„в древности тут был вогульский городок, славившийся своей меновой торговлей».

Затем он спросил, хотим ли мы купить его меха]. Как известно, продавать соболей или куниц можно было только в казну; поэтому открытой продажи их частным лицам не было, но была тайная: характернейшей иллюстрацией злоупотреблений воевод в этом направлении является рассказ Ламартиньера; кроме того, он упоминает в своей книге, что воевода Печоры продал датчанам в 1653 г. из царского магазина два наилучших сорока совсем черных соболей (Путешествие в северные страны, М. 1911, стр. 91); поэтому, за воеводами отдаленных сибирских городов иногда числились весьма значительные недочеты, не говоря уже о том, что они умели скрыть. Так, напр., на воеводу якутского (кн. Волконского) в 1675 г. начтено было всего: „12.413 р. 3 алтына 3 деньги, да мягкой рухляди два сорока двадцать четыре соболя, да лоскут, да хвост, да четыре сорока, да четырнадцать пупков собольих, да девятнадцать лисиц красных" (Сл. Б. Чичерин, Областные учреждения, стр. 327—329; А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения о московском государстве, СПб. 1900, стр. 432—433).

XXXII. А. МЕЙЕРБЕРГ | A. v. MEYERBERG

(1661—1663)

Барон Августин Мейерберг (1622-1688), родом из Силезии, был советником апелляционного суда в Глогау. Имп. Леопольд I вызвал его в Вену и много раз отправлял послом в разные страны: в Турцию, Польшу, Данию, Россию. Путешествие его в Москву совершено было в 1661-1663 г.г. Помимо представленного им донесения о ходе дипломатических переговоров, о приеме посольства в Москве и его результатах (Relatio humillina Augustini de Meyern et Horatio Calvucci ablegatorum in Moscoviam . . . . 1663), Мейерберг написал еще книгу „Iter in Moschoviam“ (Кельн, 1663? в 1688 г. в Лейдене вышел французский перевод; в 1667 г. в Неаполе—итальянский), в которой, кроме описания самого путешествия, дана картина Московского государства при царе Алексее; сочинение это является ценным историческим источником и значение его еще увеличивается приложенным к нему альбомом рисунков, сделанных состоявшим в его свите художником. Интересной особенностью книги Мейерберга является точность приводимых им географических названий; возможно, что он до некоторой степени знал русский язык. Во всяком случае он был очень внимательным и осведомленным наблюдателем. Небольшое известие его о Сибири любопытно потому, что, насколько мы можем догадываться, Мейерберг собрал сведения о северовосточных окраинах из довольно верного источника. Говоря о юграх и сожалея о том, что он не мог самостоятельно проверить на опыте близость югорского и венгерского языка, Мейерберг замечает: „Только слышал я от одного немца, бывшего в ссылке в Сибири и наезжавшего иногда в Югорию, что югры говорят на собственном наречии, которое плохо понимают сибирские татары“ (Чтения в Общ. Ист. Др. 1873 IV, стр. 148). Как „Донесение“ Мейерберга, так и „Iter in Moschoviam“ хорошо известны русской науке и несколько раз переводились на русский язык. „Донесение“, по тексту, напечатанному Вихманом („Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schiften zur älteren Gesch. u. Kenntniss des Russisch. Reiches, Berl. 1802) напечатали в русских переводах Доброклонский („Русск. Зритель“ 1828 № 3 6)

и Барсов (Чтения в Общ. Ист. Др. 1882, I-III); „Путешествие в Московию“ перевел с латинского А. Н. Шемякин (Чтения в Общ. Ист. Древн. 1873, III, IV; 1874, I). Биографические данные о Мейерберге и оценка „Путешествия“ как исторического источника даны Ф. Аделунгом в книге, одновременно вышедшей на немецком и русском языках на средства гр. Н. П. Румянцева: „Бар. Мейерберг и путешествие его по России“ СПб. 1827. Аделунг же выпустил в свет и „Альбом“ рисунков, приложенных к „Путешествию“; он переиздан в 1903 году под загл.: „Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Объяснительные примеч. к рисункам, сост. Аделунгом, вновь просмотрены и дополнены А. М. Ловягиным, СПб. 1903. Нижеследующий отрывок приводим по переводу А. Н. Шемякина (Чт. в Общ. Ист. Древн. 1873 IV, стр. 135-136).

Сибирь (Sibiria) сначала сделал свою данницею Иван Васильевич старший, а потом совершенно покорил ее младший. Это самая обширная область, известная, как несчастное ссылочное место виновных, а также и невинных изгнанников. Понемногу захватывая соседних татарских князей и время от времени делая их своими данниками, благодаря опустошительным набегам в разные стороны, Московия распространила свои расбросанные пределы даже до Иммауса (Immaum) (если правду говорят москвитяне); перенесла бы их и еще дальше, если бы недавние военные неудачи не остановили ее нападений. Главный город Сибири Тобольск (Tobolia), построенный москвитянами на высокой горе, при самом впадении Тобола в реку Иртыш (Irtischii), обнесенный деревянной стеною, под защитою тут же пристроенной деревянной крепости. Город пользуется почестью архиепископства и мужского монастыря; населяют его одни москвитяне, а для всех других пришлецов отведен, подчиненный Тобольску, городок на берегу Тобола. В известное время года в Тобольск со всех сторон стекаются татары из своих царств для торговли, однако же они никак не хотят отдавать своих товаров за деньги, а только меняют на другие, привезенные из Архангельска. К Тобольской области принадлежит и другой большой город Тюмень (Tumenium), в 64 верстах к югу от Тобольска, при реке того же имени; он обнесен деревянным острогом и тоже населен одними москвитянами, так как татары должны довольствоваться своими жилищами на другой стороне реки. Также и Верхотурье (Virchaturia), деревянный город, не уступающий обширностью Тюмени, в 220 верстах от него, тоже к югу, и построенный на горе при реке Туре (Tura), впадающей потом в Тобол. Между ним и Тюменью поднимаются очень высокие горы, поросшие множеством кедровых лесов, откуда великий князь ежегодно получает огромный доход с этого обширного царства в раз-

ных очень дорогих мехах. Природные жители татары—идолопоклонники, говорят собственным наречием, и даже до сих пор не знают употребления хлеба. Не потому, однако же, как пишут некоторые, чтобы стужа не давала дозревать жатве, но вследствие обычая, почти общего всем народам этой области, которые довольствуются звериным мясом, да рыбой, а этого у них большое изобилие и потому они пренебрегают употреблением хлеба. Впрочем, Московские поселения, заведенные там, также ссыльные воины и воеводы обрабатывают, для собственного употребления, самые плодородные поля, особливо у Тюмени, и в свое время собирают с них вверенное им семя с самой богатой для себя прибылью, сверх всякого ожидания. Пьют вино, квас и водку. Меду у них нет, потому что совсем нет пчел. О виноградном вине также не заботятся, так как очень удобно привозить его из залива Белого моря.

ПРИМЕЧАНИЯ

Иван Васильевич старший]. Имеется в виду Иван III. Под именем Ивана Васильевича младшего разумеется Иван Грозный.

даже до Иммауса]. Под Имаусом Птолемей и другие древние писатели, а за ними и европейские географы, вплоть до XVIII века, понимали ту меридиональную систему гор, которая по их представлениям делила Азиатскую Скифию, т. е. Северную Азию на две части,—западную и восточную,—по сю и по ту сторону Имауса («Древности» XIV, стр. 285). Страленберг (Historie der Reisen in Russland, Siberien etc., s. a., S. 49, 326—327), пытаясь доказать, что под Имаусом Птолемей понимал Саянский хребет, делает также довольно рискованную с лингвистической точки зрения попытку объяснить его название из татарского языка: «если название Альп (Montes Albi) обозначает ничто иное, что русские называют Белками (Bielaji), т. е. белые горы, горы покрытые снегом, то то же значит и название Imaus'a, который татары на своем языке называют Imus-tag или же Imussahr; слово же Mus или Maus означает у них лёд, произнося которое они отбрасывают начальный гласный «I»; «Tag» же означает «гору», причем так называют и снежные горы. Отсюда и получилось испорченное название: Имаус». В современной науке однако приняты или предложены в настоящее время другие этимологии этого имени. В средневековых латинских текстах слово Имаус появляется о различной форме: Imaos, Imeus, Imaus (примеры см. у G. Coedès. Textes d'auteurs grecs et latins relatifs à l'Extrême Orient, Paris 1910, p. 4—5, 34, 45—47, 57, 66, 68, 70, 93). Очевидно имелись в виду Гималаи, название которых (Himâlaya) производят от санскритских слов «Hima»—снег, и álaya—жилище, т. е. снежное жилище, снеговой хребет; от производной формы himavat—снежный, ветряный, еще Франц Бопп производил и название Ἠμωδός—«принадлежащий Гималаям», в котором ava перешло в ō, а отсюда вполне объяснимы также форма Ἴμαως, что будет значить «снежный, обильный снегом» (см. Lassen, Indische Altertumskunde I, 17; Ritter, Asien II, S. 420; J. G. Cuno. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde I. Berl. 1871, S. 115, J. J. Egli, Nomina Geographica, Lpz. 1872, S. 245 s. v. «Himalaya»). Аналогично название Siue-Schan, которым китайцы называют Тянь-шань (Timkowski, Voyage à Peking à travers la Mongolie. Publ. avec des corrections et des notes par M. I. Klaproth, Paris 1827, I, p. 440). По Рихтхофену (China. Ergebnisse einer Reise. Berl. 1877, I·

S. 479)—под Имаусом следует понимать Памир. Мейерберг в 1663 году, конечно, не мог иметь в виду ни одно из приведенных толкований слова, употребляя его в том достаточно неопределенном значении, какое придавали ему европейские комментаторы Птолемея; следовательно, его фразу «Московия распространила свои пределы даже до Имауса» следует понимать в значении: «в глубь восточной Азии».

Тобольск... обнесенный деревянной стеною]. Характеристику Тобольска, его внешнего вида и бытового уклада см. ниже в рукописи неизвестного—1666 года.

Город пользуется почестью архиепископства]. «Тобольск в это время был административным и церковным центром, городом, в котором находилось главное управление краем: в нем жили главные сибирские воеводы, от коих находились в известной зависимости воеводы других сибирских городов и в нем же пребывали тобольские и сибирские архиепископы, впоследствии митрополиты». К 60-м годам г. Тобольск, построенный в 1587 г. вырос в довольно значительный по тому времени город, с большим и разнообразным населением (С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. М. 1906 г. гл. IV. Крижанич в Сибири в 1661—1676 г., стр. 108—158; П. Буцинский. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьк. 1889, стр. 103—110. Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М. 1885, стр. 10, 27, 32—44 и т. д.).

Отведен, подчиненный Тобольску, городок на берегу Тобола]. Мейерберг имеет в виду ремесленный квартал Тобольска, в котором тогда жили преимущественно татары. См. описание его ниже, в рукописи неизвестного 1666 года.

Тюмень]. Шведский военный агент Эрик Пальмквист, приезжавший в Москву в 1674 году вместе с посольством Г. Оксенширна, интересовался между прочим и Сибирью и расстояниями между отдельными сибирскими городами. По его собственным словам он «в разных местах тайно наблюдал и рисовал, рискуя собою, а также получил за деньги некоторые сведения от русских подданных»; в в альбоме, который явился результатом этих расспросов, к двум картам Сибири, представляющим копии „чертежа" П. И. Годунова (сл. Ю. В. Готье. Известия Пальмквиста о России. «Археологические Известия и Заметки» 1899 № 3, 4 и 5, стр. 75—76; В. А. Кордт. Материалы для истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев 1906, стр. 23—26) автор приложил лист, под заглавием: «Сообщается копия [описания] путешествия в Сибирь. Подробное обозначение стран, городов и различных народов московского государства вплоть до киргизской страны, Монголии и Китая, а также растояний между ними» (цитирую по изд.: «Någre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tsaren Muskou giorde observatione öfver Ruszland, Stockholm» 1898, без нумерации страниц): здесь расстояние от Верхотурья до Япанчина определено в 36 миль, от Япанчина до Тюмени—18 миль и от Тюмени до Тобольска—46 миль. Этот лист рукописи представляет как думает Ю. Готье, пояснения к карте, но составлен автором самостоятельно, т. к. не имеет ничего общего с рукописным русским описанием «Чертежа» П. И. Годунова (напеч. у А. Титова, Сибирь XVII веке, М. 1890, стр. 41—101), в котором расстояния между отдельными поселениями, согласно традиции, определяются днями пути (ср выше: неизвестный англичанин, стр. 275: «От Тюмени до Тобольска—шесть дней пути вниз по Иртышу»). Они не соответствуют и тем (в верстах), какие привел, ездивший вместе с Пальмквистом, Кильбургер, в его сочинении о русской торговле: от Верхотурья до Япанчина 180 верст, от Япанчина до Тюмени—90, от Тюмени до Тобольска—230; всего от Москвы—2.750 верст (о неопределенности термина «верста» в XVII веке см. выше, стр. 126). Б. Г. Курц, Сочинения Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 202—203. О Кильбургере и Пальмквисте см. у нас ниже: s. v. Ср. также у Витсена II, 848: „Список расстояний в милях, считая по 5 верст в милю, от Тобольска до Москвы"

XXXIII. НЕИЗВЕСТНЫЙ | ANONYMUS

(1666)

В брошюре Я. К. Грота „Записка о ходе в 1860 г. приготовительных работ по изданию Державина и несколько библиографических заметок во время заграничного путешествия“ СПб. 1860, стр. 27—28 содержится указание на то, что в Копенгагенской публичной библиотеке находится ряд датских и немецких рукописей, „имеющих некоторую связь с русской историей“. „Покуда могу сообщить одни заглавия их, — замечает Грот, — потому что время не позволило мне заняться на месте просмотром, а тем более выписками из них“. Далее, указав, что он „распорядился об изготовлении с них верных копий“, которые надеется вскоре получить, Грот указывает заглавия пяти рукописей из „Старого Королевского Собрания“ (Gamle Kgl. Samling) и несколько заглавий рукописей из других собраний той же библиотеки. Среди первых в его перечне, под № 2323 GKS значится рукопись, привлекшая мое внимание, под заглавием: „Beschreibung der Reise auf Siberien und weiter ins Land 1666 (Grammio adnotante) durch Fr. v. Gabell“.

Все мои розыски других литературных указаний на эту рукопись и следов, быть может изготовленной для Грота, копии ее, остались безуспешны. Тогда я обратился в Копенгагенскую Королевскую Публичную Библиотеку, с просьбой сообщить мне, действительно-ли в библиотеке находится указанная рукопись, а также издана она или нет. Администрация библиотеки любезно известила меня, что указанная рукопись в библиотеке действительно имеется, но что она неиздана и еще никем не изучена; благодаря просвещенному содействию администрации, я вскоре же смог получить фотографические снимки заинтересовавшей меня рукописи и заняться разбором ее, переводом и исследованием.

Первый же просмотр рукописи убедил меня в том, что я имею дело с очень интересным для истории и этнографии Сибири документом. Приходится удивляться тому, что рукопись эта до сих пор не обращала на себя внимания исследователей, и что приведенное выше указание Я. К. Грота было единственным упоминанием ее в литературе, которое не заинтересовало никого в течение 70-ти лет!

Со своей же стороны, я был очень рад возможности включить в настоящее собрание иностранных текстов о Сибири еще один очень важный и прежде неопубликованный текст.

Слова каталога „Grammio adnotante“, выписанные Гротом, означают: „по приписке Граммия“: Граммий, как писалась латинизованная форма его имени, или Ганс Грам (Hans Gram), был в 1740 — 1748 годах директором Королевской библиотеки в Копенгагене и считался большим эрудитом; на первой странице интересующей нас рукописи его рукой сделана помета: Hn Friderich von Gabels. Так как в самой рукописи автор ее нигде не назван, то эту заметку обычно толковали в том смысле, что автором ее и является Фридрих фон Габель. Чем Грам руководствовался, делая эту помету, неизвестно.

По ряду соображений, изложенных ниже, я должен, однако, отказаться от предположения, что автором рукописи является Габель и помету Грама склонен толковать в том смысле, что рукопись только принадлежала Габелю. Но обратимся сначала к самой рукописи. С внешней стороны рукопись представляет собою тетрадку, состоящую из 32 страниц в 4-ку, исписанных мелким, но довольно четким почерком XVII века (см. прилагаемые рисунки, на которых мы воспроизводим 3-юю и 29-ую страницы подлинника); на обложке тетрадки (первая страница по нашему счету) содержится общее заглавие: „Beschreibung Der Reise auff Ziberien und Weiter Ins Land, Orth und Stelle“ („Описание путешествия в Сибирь и далее, в различные местности страны“); оборотная страница и заключительная 32-ая страница обложки — пустые, а на остальных написан самый текст путешествия, имеющий в начале отдельное заглавие, а в середине также несколько особо озаглавленных частей. Заглавие начала текста: „Einen Richtige Beschreibung Unsern Weitten Reise von Muscow durch die Statd (sic) Tobolski die Haupstadt in Ziberien die Ich Selber gethan und mitt Fleiss nach Möglichkeit obseruiret: geschehen im Jahr 1666, mit ein Comitat von 46 Officieren, dem Liebhabenden zum Sicherl. Nachricht“ (т. е. „Правдивое описание нашего дальнего путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, делая по возможности прилежные наблюдения, в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для точного осведомления интересующихся“). Рукопись делится на несколько частей. После заглавия дается подробный дневник пути из Москвы до Тобольска, совершенного автором в период между 5-м января и 3-м марта 1666 года, причем автор методически отмечает все привалы и ночевки путешественников, количество верст между отдельными городами и местами остановок, давая в то же время краткую характеристику местностей, мимо которых он проезжал: внешний вид городов, местечек и сел,

крепостей, укреплений и правительственных зданий; занятия, обычаи и нравы населения, иногда и картины природы (стр. 3—15); далее дано: „Описание города Тобольска и его окрестностей“ (стр. 15—20); „Описание бухарцев и их промыслов“ (стр. 20—23)—интересная этнографическая статья, основанная на личных наблюдениях автора в бухарском квартале Тобольска; далее, на стр. 23—29 (без особого заглавия) дается этнографическое описание Сибири, причем автор особенно подробно останавливается на калмыках, характеризуя их домашний и общественный быт, религиозные воззрения и сообщая попутно расспросные сведения о Тибете и о Далай-Ламе; стр. 29—31 заняты небольшим поверхностным обзором: „О народах и племенах в Сибири, насколько я их знаю“; заключает рукопись краткий перечень (стр. 31): „Главнейшие реки этого путешествия“.

Об авторе этой рукописи из текста ее можно извлечь самые незначительные сведения. Заглавие первой части „Дневника“, свидетельствует, что путешествие было совершено „в обществе 46 офицеров“ (mit ein Comitat von 46 Officieren), притом, повидимому, все эти лица ехали из Москвы в Тобольск, но неизвестно с какой целью, скорей всего на постоянную военную службу. Из самого „Дневника“ мы узнаем, что автор рукописи выехал из Москвы 5-го января 1666 года и ждал в подмосковной деревеньке, вместе с другими участниками путешествия „нашего полковника“ (unser Obersten, стр. 3); рассказывая о проезде через Верхотурье, автор говорит: „несмотря на то, что мы имели царскую грамоту с государевой печатью о том, что он (воевода) должен пропустить нас беспрепятственно“ „мы все же должны были подвергнуться осмотру“ (стр. 13); это указание также не дает нам никаких определенных данных о характере и цели поездки, т. к. подобными грамотами-подорожными снабжены были все, ехавшие в Сибирь из Москвы по служебным делам. По случайному поводу автор назвал далее имя одного из участников поездки: за Верхотурьем, в лесу „случилось несчастье с нашим лейтенантом, некиим Гансом Адамом Меллером (Möller): он здесь сломал себе ногу“ (стр. 13); если этот Меллер тождественен с тем, которого упоминает Эрик Пальмквист в 1674 году, в своем перечне иноземных офицеров на русской службе, то это может служить лишним доказательством того, что „общество офицеров“, с которым автор отправлялся в Тобольск, ехало туда на военную службу.

Следует, пожалуй, обратить внимание еще и на следующее обстоятельство: любопытные сведения о калмыках, Тибете и Далай-Ламе (Talilama) открыл автору „некий еврей по рождению, сделавшийся калмыцким священником, который еще превосходно говорил на своем немецком языке“; „впоследствии же, будучи послан в Москву с посольством и уже возвращаясь домой, он был убит своими же товарищами“ (стр. 27). Так как встреча автора с названным ли-

цом произошла в г. Тобольске, то известие о его последующей судьбе автор получил, вероятно, в том же городе, следовательно он жил в нем, вероятно, довольно долго. За это косвенно говорит и подробность собранных им этнографических данных: едва-ли они могли быть собраны им в короткое время. Стоит сравнить описание Сибири, данное в настоящей рукописи, с тем, которое составил Альбрехт Доббин (см. ниже), проживший там 17 лет; вместо неотчетливых и неточных данных, которые дает этот иноземный офицер на русской службе, искажая географические имена и имея самое приблизительное представление о карте Сибири, у автора нашей рукописи мы находим значительно более точные и обстоятельные сведения о том же предмете, собранные с гораздо большим пониманием дела; конечно, это не может свидетельствовать о продолжительности пребывания автора в Сибири, но, во всяком случае, говорит об его большей наблюдательности и образовании, чем у Доббина, при сходном, повидимому, общественном положении их.

Язык и стиль рукописи также не дают нам определенных указаний на ее автора. Интересно отметить некоторые формы, свидетельствующие как будто о нижне-немецком его происхождении. В верхне-немецком языке, как известно звук d последовательно заменен звуком t, слова же, в которых звук d остался— нижне-немецкого или франкского происхождения (Herm. Hirt, Etymologie der Neuhochdeutschen Sprache, München, 1909 S. 228) в рукописи же мы встречаем напр. Dannenbaum—ель, при старо верхне-немецком Tanna, ново-верхне-немецком: Tannenbaum; spreiden, вм. spreiten, расстилать, andworten вм. antworten и др.; употребление слова Haber, овес вместо верхне-немецкого Hafer, при ahd. habaro, mhd. habere, (Willmanns, Deutsche Gramm. I. 1911, S. 107), а также такие глагольные формы, как gewest (=gewesen), как будто говорят о том-же. Сюда же нужно отнести употребление глухого ch после плавных и носовых вм. регулярного в верхне-немецком k или g (ср. Willmanns, D Gramm. I, 669, 70): в нашей рукописи мы последовательно имеем Birche, береза, вм. верхне-немецкого Birke; Getranch, напиток вм. Getrank; Falche, сокол, вм. Falke, strachs, быстро, скоро, вм. straks; starch, крепкий, вм. stark, danchen, — благодарить вм. danken, наконец Cloche, колокол вм. Glocke, kar вм. gar и т.д. Нужно, однако, заметить, что орфография рукописи отличается вообще большой неустойчивостью; колебания проявляются не только в иностранных словах, особенно географических именах,— что понятно в устах иностранца, вероятно плохо знавшего русский язык,—но и в обычных немецких словах, так что напр. нередко мы находим различные написания одного и того-же слова в непосредственном их соседстве друг с другом. На одной странице мы встречаем: Calot, Caloth и Kaloth, Camin и Kamin, Wald и Walld, Elltesten и Eltesten, ausgenehet и ausgenähet и т. д. Это может свидетельствовать о том, что автор не литературный чело-

век, не писатель-профессионал, что подтверждает также и в общем достаточно неряшливый стиль, не свидетельствующий о литературной культуре; обилие слов французских или взятых из латинского языка, особенно в глагольных формах (ordinieret, regieret, comandieret, ficcitieret, Accord, Discretion и т. д.) характерно для немецкого языка XVII века вообще. Следует также отметить, что в рукописи встречается ряд несомненных описок, говорящих за то, что она была написана или переписана несколько наспех; так, мы имеем wohen вм. wohnen, Leinewad вм. Leinewand, Siep вм. Stiep (русское слово „степь"), как всюду написано дальше; Reuir вм. Reuier, как в других местах; ser на ряду с sehr и т. д. Одною из характерных особенностей стиля автора является постоянное употребление синонимических и тавтологических выражений, сильно затрудняющих перевод рукописи; на ряду с некоторымн узаконенными не только в разговорной, но и в литературной речи выражениями, (как Ort und Stelle), мы встречаем здесь рядом: Waszern und Strömen, köstliche und kostbare; weit und vom Verne; Mars (Marsch) oder Fuhr, sauber und reinlich, schlagen oder setzen, gestopfft und genehet, genehet und gestichet, Eszen und Speise и т. д. Наконец, произвольностью и даже порою бессмысленностью отличается расстановка знаков препинания, не сохраненная нами в транскрипции (см. приложение II), точно так же, как и совершенно случайное употребление заглавных букв в именах существительных.

Все сделанные наблюдения позволяют признать, что автор получил некоторое образование, знал, вероятно, латинский язык, но что он не владел хорошей литературной речью; наличие в написаниях отдельных слов форм нижне-немецкого произношения может свидетельствовать о нижне немецком происхождении автора. Слова заглавия текста: „dem Liebhabenden zum sicherl. Nachricht" могут свидетельствовать о том, что автор готовил свою рукопись для печати, отчего он и устранил из нее довольно тщательно все то, что касалось его самого; в основе же ее лежит несомненно путевой дневник и заметки, последовательно делавшиеся во время пребывания в Тобольске, впоследствии подвергнутые некоторой систематизации и литературной обработке. Цель рукописи—дать „Описание Сибири",—возможно более полное и точное. Характерно, что в рукописи нет ни одной ссылки на литературный источник, ни одного литературного указания: повидимому, существовавшая к 1666 году довольно большая европейская литература о Сибири; осталась автору совершенно неизвестной; его рукопись представляет собою непосредственные заметки и наблюдения путешественника, даже в обработанном виде не сверенные с литературой вопроса. Вероятнее всего, рукопись писалась в Сибири, а ее автором явился иноземный офицер на русской службе.

Посмотрим теперь, можно-ли приписать рукопись Фридриху фон Габелю, согласно подписи на ней, сделанной Гансом Грамом.

Фридрих фон Габель (Friedrich von Gabel, или Gabell) — не безызвестное лицо в русской исторической литературе. В 1676 году он был отправлен в Москву, с довольно широкими полномочиями, в качестве датского посла. Инструкция и верительная грамота от имени короля Христиана V вручена была ему датским правительством 11-го мая 1676 г.; в ней сказано, что он „имеет заключить оборонительный и наступательный союз против шведского короля"; „Габель должен приложить все старания к тому, чтобы окончательный разрыв между Россией и Швецией последовал как можно скорее" (эти инструкции напечатаны у Ю. Н. Щербачева, Датский архив. Материалы по истории древней России, находящиеся в Копенгагене, 1326—1690 М. 1893, стр. 265—269, 271, 274, 283). 11-го ноября 1676 г. Габель прибыл в Москву, как гласят русские документы „для поздравления царя Федора Алексеевича со вступлением на престол", а также „для склонения о учинении наступательного и оборонительного с Данией против Швеции союза" (Н. Бантыш-Каменский „Обзор внешних сношений России", ч. I, М. 1894, стр. 232—233). Габель приехал с женою; вместе с ним прибыли также: „Толмач майор Юрья Бой", секретарь „Гелдебрант фон Горн", „маршалок Яган Георгий" и другие лица, всего в количестве 33 человек (перечень свиты и др. документы о посольстве Габеля в Москве напечатаны у С. А. Белокурова, Юрий Крижанич в России, М. 1906, стр. 184—185, 191—192, 193—194; в „Приложениях", стр. 76—86: „Список приехавших с Габелем в Москву", письма Габеля в посольский приказ, наконец, документы о выезде Габеля из Москвы). О пребывании Габеля в Москве известно немного; источники сведений наших об этом—двоякого рода: донесения самого Габеля датскому правительству, а также документы, сохранившиеся в делах посольского приказа. Относительно первых С. А. Белокуров пишет: „В Датском государственном архиве имеется целый ряд донесений Габеля, из числа коих иные очень обширны, при некоторых множество приложений...; донесения эти касаются исключительно вопросов внешней политики; здесь говорится о войне, Швеции, Польше, Турции" (op. cit., стр. 193, 194). Несколько ранее (op. cit. стр. 184) тотже С. Белокуров утверждал, что „донесения Габеля имеются в числе документов, собранных проф. Соловьевым в конце 30-х г.г. в датских и шведских архивах", ссылаясь при этом на „Протоколы Заседаний Археографической Комиссии" 1835—1840, вып. I, СПб. 1885 и вып. II, 1841—1849, СПб. 1886, а также на Ж. М. Н. Пр. 1837—1839; в указанных книгах, однако имя Габеля не упоминается и не содержится никаких данных об его донесениях из Москвы; не напечатаны они и Ю. Н. Щербачевым, в его „Датском Архиве", куда вообще „донесения датских министров-резидентов, постоянных посланников и комиссаров в Москве 1673—

1689 гг. не вошли“; однако С. Белокурову осталось неизвестно, что донесения Габеля частично напечатаны и подвергнуты анализу в статье Г. В. Форстена: „Датские дипломаты при Московском дворе во 2-ой половине XVII века“, Ж. М. Н. Пр. 1894 № 9, стр. 144—181. Донесения эти, действительно, касаются исключительно дипломатических дел, и о своей частной жизни в Москве Габель не говорит здесь почти совсем. Г. Форстен дает им такую характеристику: „Донесения его в высшей степени любопытны, как любопытна и сама личность этого дипломата. Донесения Габеля—обыкновенно очень длинны и обстоятельны, в них много риторики и красноречия; в немецкий текст свой автор с особенным удовольствием вплетает французские слова и выражения. Самоуверенность и самомнение Габеля—совершенно исключительные. Это—Христиан V в миниатюре; фантазер—он не останавливается ни перед какими препятствиями, никогда не теряет надежды; оптимист—он не стесняясь прибегает к извращению фактов, верит в безошибочность своих воззрений, вмешивается во все переговоры, преследуя интересы своего двора; не прочь он и разыгрывать комедии—надевать на себя, когда нужно, всевозможные маски, прикидываясь то религиозным, то не в меру рыцарем, то страдальцем за чужие интересы“ и т. д. Эта характеристика, точно также как и внимательное изучение самих донесений Габеля со стороны их содержания, языка и стиля, может привести только к отрицательному решению вопроса о том, является-ли Габель автором интересующей нас рукописи. В самом деле, едва-ли этот самоуверенный и богатый вельможа мог быть тем скромным иностранцем, который за десять лет перед тем совершил нелегкое путешествие в Сибирь, подвергая себя лишениям и напр. живя некоторое время в татарской юрте (рукопись, стр. 18); все, что мы знаем из других документов о привычке Габеля к роскошной жизни, комфорту, его самоуверенное сознание своего богатства, силы, влияния, авторитета,—все это лишний раз подтверждает, что Габель и автор рукописи—с о в е р ш е н н о р а з н ы е л и ц а. Как обязательно сообщила нам Dr. Ellen Jörgensen, библиотекарь Копенгагенской Публичной Библиотеки—о пребывания Габеля в России в 1666 году (когда ему было около 26 лет) ничего не известно. Вероятно 1676 год был датой его первого приезда в Россию; ни одно из его донесений, ни один, связанный с ним документ, не указывают на то, что он был здесь ранее, тем более на то, что он сам ездил в Сибирь; любивший прихвастнуть, Габель наверное не упустил бы случая упомянуть об этом. Напротив, все документы как будто прямо свидетельствуют о том, что в 1676 году он видел Россию первый раз; отсюда и обстоятельность его донесений, обличающих человека, впервые присматривающегося к обстановке совсем чуждой для него московской жизни, подробные характеристики московских дипломатов и приказных кругов, о которых он ничего не слышал доселе. Наконец, последним и не наименее

существенным аргументом является резкое различие языка и стиля его донесений и интересующей нас рукописи. У Габеля — риторика и красноречие, желание блеснуть остром словцом или изящным построением фразы, растянутость и многословие, — у автора рукописи — бедный, скудный и суховатый стиль деловой бумаги, повторения только в силу неумения выразиться короче, никакого стремления к красоте изложения, краткость и точность сообщенных данных...

Как указано было выше, о пребывании Габеля в Москве в 1676—77 гг, мы имеем еще одну группу источников. Это—русские документы посольского приказа, опубликованные С. А. Белокуровым. Они рисуют нам Габеля с несколько иной стороны и, во всяком случае, очень любопытны. С пребыванием Габеля в Москве связан один эпизод который для нас может быть особенно интересен. Габель познакомился с Юрием Крижаничем, известным писателем и публицистом, лишь незадолго перед тем возвращенным в Москву (25 июня 1676 г.) из сибирской ссылки, посетил его у себя в посольском доме и хлопотал за него перед русским правительством. Как видно из письма Габеля на имя царя Федора Алексеевича от 4 марта 1677 г., Габель обещался „взять Юрия с собою в Данию, передать его пребывающему там цесарскому посланнику, с тем, чтобы тот проводил его до Вены“ (С. Белокуров, op. cit., стр. 185—186) „Когда на подворье у Датского посла появился толмач Суханов и требовал в приказ к суду Юрия, то Габель обещался удовлетворить всех ищущих на Крижаниче“, т. е. повидимому заплатил его долги. Как известно, Ю. Крижанич „выехал из Москвы с посольством Габеля 9 октября 1677 г. В „Записной книге посольского приказа“ сказано: „и по челобитью дацкого посланника Фридриха фон Габена тот сербенин Юрий отпущен с Москвы за рубеж с ним посланником вместе в 186 г. в октябре на Псков“. Спустя несколько лет, в мае 1680 г., секретарь посольства Габеля Гильдебранд фон Горн, живший тогда в Париже, обратился с письмом к Юрию Крижаничу, в котором просил дать описание Сибири и воспоминания о своей ссылке в Тобольске, что Крижанич и исполнил в декабре этого года, написав по-латыни „Relatio de Siberia“, одно из интереснейших и важнейших сочинений о о Сибири в XVII веке (сл. ниже: Г. фон Горн). В „посвящении“ этого сочинения фон-Горну, Крижанич упоминает и „преславного господина фон-Габеля, наследственного губернатора Фререрских островов, и в недавнее время королевского наместника в Baullsee et Moerupgarde, милостивейшего вашего (т. е. Горна) и моего благодетеля“ (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 152—163). При отъезде Габеля из Москвы произошел инцидент, также не лишенный для нас некоторого интереса. В „росписи“ лиц, едущих с Габелем за рубеж, присланной в посольский приказ, замечены были лишние люди „противу приезда его,“—среди них „два калмы-

ченка". Когда у Габеля потребовали объяснений по этому поводу, он представил на них купчую крепость, из которой оказалось, что они „куплены у сибиряков" в конце апреля 1677 года. На это последовала резолюция: „у датского посланника калмыченков указал государь взять, а ему из казны заплатить по кабале деньги из казны, для того, что наперед сего никоторых государств послы и посланники никаких пленных людей в российском государстве не покупывали и за рубеж не вываживали". Однако, Габель не согласился с этим постановлением, продолжая настаивать на своем и, в конце концов, ему разрешили отпустить с ним „калмыцких дву робят", прибавляя, впрочем: „а впредь иным посланником и гонцом то не в образец, потому что он, посланник, купил тех робят у сибирян, не ведая его, великого государя указу". Из „купчей", представленной Габелем, выяснилось что эти „робята"—один 7, другой 8 лет,—проданы Габелю „сибиряками Алфером Сыромятниковым, да казаком Потапом Ивановым Масайловым", поэтому в сибирский приказ послана была „память" о присылке продавцов—для дачи объяснений. (С. Белокуров, op. cit., стр.191—192; Приложения, стр 81).

Покупка Габелем двух „калмыченков", как кажется, легко может объясняться посредничеством Крижанича, жившего у него в Москве. Крижанич, вероятно, и представил датскому послу двух „сибиряков". Любопытно, что в своей „Истории о Сибири" Крижанич замечал, что „в Сибири нет ни одного человека с какими бы то ни было средствами, который не имел бы одного или более рабов или рабынь из калмыков". (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 186). Как бы там ни было, эта покупка, как мне кажется, лишний раз свидетельствует о том, что сам Габель никогда не был в Сибири: едва ли он мог бы так заинтересоваться двумя сибирскими туземцами, если бы сам десять лет назад описал их так обстоятельно и подробно. Откуда знакомство Габеля с Крижаничем, этого мы не знаем, однако, если верно наше предположение, что датский посол и автор копенгагенской рукописи совершенно разные лица, факт этот невольно наталкивает на другую мысль, что рукопись эта попала в руки Габеля через посредство того же Крижанича. Крижанич пробыл в Тобольске около 15 лет (с 1661 по 1676 г.) и, следовательно, находился там и в то время, когда туда в числе „46 офицеров", прибыл и автор рукописи. Интересно, что в первой половине XVII века в Тобольске, как крупном административном центре, находилось много иноземцев, в числе „служилых людей" и, в частности военных. Уже в 1633 году здесь было „140 иноземцев—литвы, поляков, черкас и немцев"; для населения приблизительно в 1175 человек это составляет несомненно довольно высокий процент. Некоторые из иноземцев, посылавшиеся туда московским правительством, оставались там жить навсегда. Так, например, по сведениям П. Бу-

цинского (Заселение Сибири, Харьк. 1889, стр. 200) еще в 1614 г „послан в Тобольск Савва „Фрянчужанин“,—он принял там православие и остался жить навсегда; он упоминается еще в 1629 г. среди „тобольских боярских детей“ (Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ч. I, М. 1895, стр. 301). В 1622 г. сосланы в Тобольск иноземцы „швед Павлик, а русское имя Дмитрий, немчин цесарской земли Карбаим, а русское имя Лаврентий. В том же году из Кириллова монастыря посланы в Тобольск: „немец Анса (Hans?) Локман, да немецкий поп Матюшка и велено того и другого поверстать в службу и дать денежное и хлебное жалованье наравне с другими служилыми иноземцами“ (П. Буцинский, op. cit., стр. 200). К половине XVII века последних становилось все больше (Н. Оглоблин, Обзор столбцов, ч. III, М. 1900, стр. 61—63, 115 и др.). Крижанич, прибыв в Тобольск, застал здесь довольно большую иноземную колонию, и, как сам иностранец, познакомился с ними; характерно, что через тобольских иноземцев Крижанич получал там даже тогдашние заграничные газеты, „которые доходили хотя и не особенно скоро, но все-таки достигали и сей отдаленной окраины московского государства“ (С. А. Белокуров. Крижанич в России, М. 1909, стр. 113); о некоторых „служилых людях из немцев“, живших в Тобольске и Енисейске, Крижанич упоминает в своей „Истории о Сибири“ (см. А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 189—213). Нетрудно поэтому предположить, что Крижанич был знаком и с автором нашей рукописи и что, может быть, именно он познакомил его с Габелем, как это он сделал и с двумя сибирскими жителями,—или прямо от себя содействовал ее приобретению Габелем. Таким образом надпись на рукописи, сделанная библиотекарем Гансом Грамом: „Hn Friderich von Gabels“ можно было бы толковать, как признак владения, но не авторства; от Габеля или из архива его, рукопись могла попасть в Королевскую Копенгагенскую библиотеку. Очень жаль, что нам ближе неизвестны поводы обращения Г. фон-Горна к Крижаничу с просьбой о написании сочинения о Сибири, так как едва ли это было сделано не с ведома Габеля: быть может это пролило бы некоторый свет на историю происхождения и интересующей нас рукописи. Во всяком случае, для меня несомненно, что оба сочинения стоят в какой-то, пока для нас непонятной связи, и что именно в отношениях Габеля к Юрию Крижаничу, также достаточно неясных, нужно искать причины появления рукописи в Копенгагене. Совершенно же отказаться от загадочной пометы Грама я пока не вижу никаких оснований: она сделана твердой рукой и без всяких оговорок, а кроме того принадлежит человеку, который, по самому положению своему, мог знать о рукописи такие факты, которые для нас утрачены.

Для раскрытия автора, однако, мне кажется, нужно пойти другим путем. Для этого требуются архивные разыскания, которые

я пока произвести не мог. В так наз. „Портфелях Миллера“ имеются описи архивов Верхотурского (1595—1681) и Тобольского (1621—1671) воеводств; не найдется ли здесь каких-либо документов о проезде в Тобольск в 1666 г.—„46 офицеров“? Весьма вероятно, что какие-либо документы, связанные с этим путешествием, нашлись бы также в делах „о служилых людях“ сибирского приказа, или же в воеводских, наконец даже в таможенных „проезжия памяти“ (ср. Н. Оглоблин, Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I, стр. 109, 225 сл.; ч. II, стр. 50 сл.).

Ниже мы приводим в русском переводе два отрывка из рукописи неизвестного и комментарий к ним; в приложении II-ом дан и немецкий подлинник переведенных частей. Полностью вся рукопись в подлиннике и русском переводе, с моими комментариями, появится в другом месте. Опубликование ее в целом виде в настоящей книге нарушило бы соразмерность ее отдельных частей и значительно отяготило бы ее. Кроме того в рукописи есть много материала, не относящегося непосредственно к Сибири: такова напр. пропущенная мною первая часть дневника, в которой подробно рассказывается о проезде автора из Москвы в Верхотурье (стр. 3—11); из последующих частей мною опущены: „Описание бухарцев и их промыслов“ (стр. 20—23), а также все то, что автор рассказывает о калмыках (стр. 23—29); эти части хотя и имеют отношение к Сибири, но явно загромоздили бы изложение требующимся к нему большим специальным комментарием, имеющим лишь частичное отношение к сибиреведению, и я предпочитаю напечатать их отдельно. Воспроизводимые нами в немецком тексте (в приложении к настоящей книге) и русском переводе части, занимают в подлинной рукописи страницы: 11—20 и 29—31.

ПЕРЕВАЛ ЧЕРЕЗ УРАЛ. ДОРОГА ИЗ ВЕРХОТУРЬЯ В ТОБОЛЬСК

		Чумкасы.
Скверная дорога.	15-го февраля, на заре, двинулись мы в путь по очень скверной дороге, по лежащим [на ней] деревьям, сквозь чащу холмистого леса. Прибыли в деревню Веркурья (Werkuria) . . .	4
Каменные горы.	Этим днем долго ехали мы через высокие каменные горы, все поросшие лесом.	
Живой соболь.	В этой деревне у моего хозяина, татарина, увидел я первого живого соболя, которого он поймал и держал в маленькой плетеной клетке; он не ел ничего кроме мяса, и не казался диким.	

Лес. На Юго-восток. Глубокая долина.

16-го числа этого месяца, за три часа до зари, двинулись мы в путь через большой и и густой лес, от одной горы к другой. Мы спустились по одной из них, по дороге, которая вплоть до земли и реки Ляля (Lela) тянулась на пять верст (что составляет одну милю); дорога сделана была по склонам горы, т. к. с нее нельзя было спуститься непосредственно вниз: с левой стороны была ужасно глубокая пропасть и дорога шла прямо рядом с ней. С другой стороны этой долины стоит могучая высокая скалистая гора; слева же опять нет ничего, кроме гор и скал, которые, благодаря обросшему кругом лесу, похожи на черные тучи. Так приехали мы на упомянутую выше реку Лялю и ехали вдоль по ней около часу до четырех татарских юрт, которые расположены возле реки, от Веркурьи 7

Чумкасы.

Татарские юрты.

Нет земледелия.

Во всех вышеназванных местностях от Яйвы (Ieua) и до этого места, поля не возделываются из-за каменных гор и утесов; всюду голый камень, поэтому здесь не могут расти никакие хлебные злаки; люди-же, здесь живущие, принуждены свой хлеб и овощи с большим трудом покупать и перевозить из города Верхотурья (Werihetur).

Лес.

Из упомянутых татарских юрт, где мы кормились, поехали мы через густой и очень холмистый лес; выбрались из него к вечеру в деревушку, состоящую из четырех дворов и называемую Мелинковна (Melinkouna). . . . 4

Плодородная земля.

Всюду здесь, однако, земля очень плодородна; течет здесь также река Ляля, иначе называемая Каменная речка (Kamina Rezka), которая собирает воду, главным образом, из окружающих гор, но тем не менее очень богата рыбой.

Каменные утесы.

17-го числа этого месяца вновь двинулись мы на заре, около трех миль ехали по этой реке и прибыли в деревню, называемую Караул (Karaul). По обеим сторонам этого ручья или реки, на расстоянии, которое мы проехали за этот день путешествия, лежат высокие, длинные и суровые каменные утесы, все поросшие елями и березами; удивительно, что деревья могут расти из твердых щелей в камнях; весело,

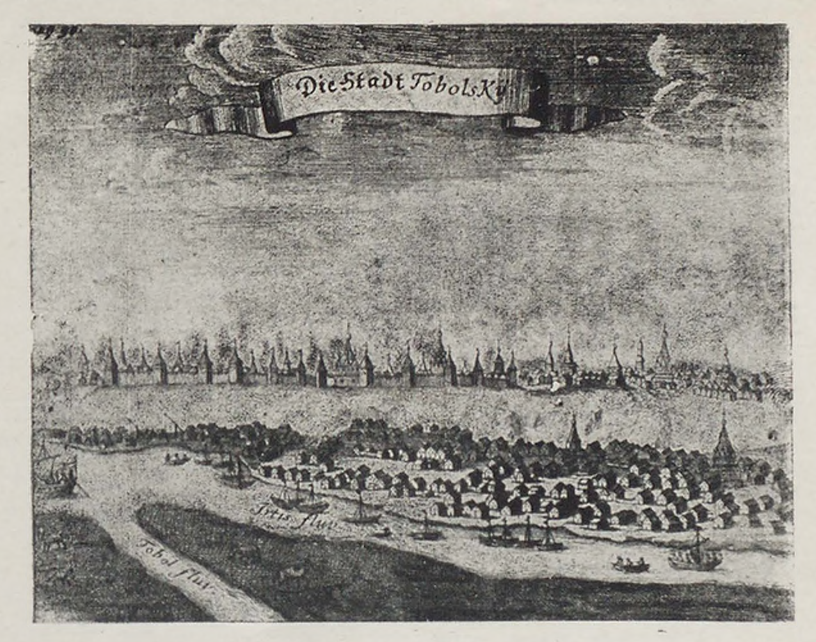


Рис. 46. Город Тобольск
(Из книги Якоба Сандрара)

Рис. 47. Город Верхотурье
(Из книги Н. Витсена)

Чумкасы

но и жутко смотреть, как свисают некоторые утесы над ручьем, по которому едут внизу; непривычно глядеть чужеземцам на то, что скалы вот-вот готовы обрушиться в реку и упасть на головы проезжающим. Около этой деревни Караул растут хорошие хлеба, так как жители ее расчищают окрестности от деревьев и кустарников, превращая их в пашни; местные жители принадлежат, главным образом, к племени вогулов (Wagulltzen), о которых будет сообщено далее.

Племя, называемое вогулы.

Деревня эта получила свое название от сторожевого поста, так как „Караул" по немецки значит eine Wache, потому что царь поставил здесь приказника или начальника (Prekasenik oder Befehlshaber) со стражей; они должны следить за всеми, кто выезжает из Сибири или едет туда, а также наблюдать за тем, чтобы не возили туда и не вывозили оттуда никаких несвободных [от пошлин] товаров; плохо приходится тому, кто не имеет проезжей грамоты, данной воеводой от имени его царского величества; его отправляют в Верхотурье. В этой деревушке, не более четырех русских дворов; все остальные—вогульские.

Хорошие соболя и чернобурые лисицы.

По рассказам крестьян здесь водится много хороших чернобурых лисиц, других пушных зверей, оленей, медведей и т. д: вогулы ими кормятся.

Здесь расстались мы с высокими горами и утесами, которыми с трудом ехали мы 31 милю нашего пути, без всякого, однако, ущерба или потерь, благодарение за это богу.

Первый город Верхотурье.

18-го февраля рано поутру выехали из Караула через лес и к полудню прибыли в город Верхотурье (Werikettur) 7

14-ая смена подвод

Здесь в 14-ый раз сменили подводы.

Река Тура

Внизу около этого города течет река Тура (Tura).

Крепость Верхотурье построенная на скалистом холме.

Этот город—первый в Сибири и представляет собою, по местному обыкновению, крепость, обнесенную деревянным тыном, как стеной, не очень высоким, но довольно прочным, с внешней стороны хорошо укрепленным также больверком; он выстроен против башкиров. Город стоит на твердой скале, немного холмистой, не очень высоко над берегом реки

Чумкасы

Суровый надзор

Осмотр в Верхотурьи

На Юго-Восток

Туры, окружен на 1/4 мили лесом, и является ключом и первым проходом в Сибирь (ein Schlüssel und der erste Pas in Ziberien), через который проходят все люди, сани, грузы (Kasten) и все товары, словом все, что отправляется из страны или идет в нее; никто не проходит мимо, даже знатнейший боярин (Bajar) принужден подвергаться здесь осмотру со всем своим добром. Если же кто имеет запретный товар или имеет больше добра, чем значится в его проезжей грамоте, то все это отбирается в царскую казну, будь это деньги, соболи, серебро или золото. Поэтому правящий здесь воевода принужден приносить царю присягу и целовать крест в том, что он никого не пощадит и останется верен царю. Несмотря на то, что мы имели царскую грамоту с государевой печатью о том, что он должен был здесь пропустить нас беспрепятственно, мы принуждены были все же допустить осмотр [наших вещей], причем записано было все, что они видели; тем не менее многое осталось от них скрытым. 19-го февраля вечером двинулись мы из Верхотурья; путь наш лежал на юго-восток; около 3-х миль ехали мы по реке Туре, затем оставили ее по левую руку и твердой землею доехали до деревни Салда (Solda) 4

Река Салда

Здесь течет речка, называемая Салда (Soldo); она не широка, но зато имеет быстрое течение.

Лес на 8 миль река Аттагьева

20-го числа того-же месяца, рано утром, отправились мы через этот ручей и сквозь густой лес, в 8 миль шириною, которым мы приехали до реки Аттагьева (Attagieva); оттуда добрались до деревни Макинова (Makinoua) . 9

Лес

21-го числа мы двинулись оттуда за несколько часов до рассвета; ехали густым и пустынным лесом; проехав его после полудня, мы достигли деревни Благовещенская слобода (Blagowizinke Slabode) 16

Несчастье в нашей компании.

В этом лесу случилось сегодня несчастье с нашим лейтенантом, некиим Гансом Адамом Мёллером (Möller): он здесь сломал себе ногу.

Кедровые деревья и их плоды

Сегодня я с большим удовольствием видел превосходные и красивые деревья, называемые кедрами (Kederbaume); это—благородное и чистое дерево, весьма пригодное для выделки из

Чумкасы

него столов и досок; оно очень красиво, сохраняет свою чудесную и благородную белизну, но также очень плодоносно, потому что оно приносит шишки (Appfeln), очень похожие на еловые, но побольше, больше даже лебединого яйца; внутри их много орехов, которые имеют тонкую скорлупу, сладки и приятны на вкус и называются кедровые орешки.

На

2-ой сибирский город Япанчин

15-я смена подвод

22-го числа, на заре, отправились мы дальше, прибыли в городок Япанчин (Japanzin)... 7

Здесь в пятнадцатый раз сменили подводы. Здесь течет река Тура. Этот городок весьма плох, совсем открыт, но имеет, правда, маленькую крепостцу, с деревянным тыном вокруг, в которой находятся государевы приказы (prekazi) или канцелярии, а также несколько амбаров и дом воеводы, все сделанные из елового леса; крепость находится внутри городка.

Север

Сегодня, стало быть, оставили мы дремучие леса и отправились по веселым полям, которые вдоль дороги застроены красивыми деревнями; здесь много лугов и пашен.

Красивые и плодородные поля

Лес

23-го числа из Япанчина первые две мили ехали мы плодородными полями, мимо деревень, расположенных вдоль пути а затем густым лесом вплоть до деревеньки Борбозина (Borbozina)... 6

Река Тура еще течет здесь, очень извиваясь.

Река Узница

24-го февраля, на заре, поехали мы березовым лесом на протяжении 3-х миль, пока не прибыли в деревню Туринская слобода (Turinske Slabode). Здесь покормились, затем двинулись дальше сквозь плохие поля, там и сям поросшие деревьями; переехали через реку Туру на другую реку, именно Узницу (Vsnitza), которая в нее впадает, ехали таким образом мимо Благовещенской слободы, которая лежит направо, затем дальше, через подобные же поля, в деревню Липка (Lipka). . . 8

У Благовещенской слободы впадает в Туру река Узница, текущая с юго-запада и полноводная.

25-го числа этого месяца, на заре, двинулись из Липок через лес до деревни Козьминской (Kasminska), где мы слегка позавтракали, затем поехали дальше в большую деревню Кулаково (Kolakow); в этот день сделали... 5½

Плодородная местность	Эта деревня хорошо застроена большими деревянными домами, очень красиво расположена на приятном месте; направо от нее находится местечко, выше — плодородное поле, на котором растет много хлеба, слева же течет река Тура, которая дает много рыбы; здесь много также сенокосных лугов; поэтому местные крестьяне живут богато, промышляют земледелием и рыболовством; рыбы здесь изобилие.	Чумкасы
3-й город Тюмень	26-го числа, в хорошее время, прибыли мы в город Тюмень (Thiomoin)	$3^1/_2$
Плодородное место	Здесь в 16-ый и в последний раз сменили подводы. Город Тюмень расположен на высоком берегу реки Туры, которая течет внизу по направлению к северу. Город занимает не очень большое пространство а укреплен деревянной стакетой [защищающей] от набегов, однако, внутри он имеет деревянную крепость, которая, по местному обычаю, обнесена деревянным тыном на подобие стены; ворота ее находятся в деревянной башне; внутри находятся лишь канцелярии или приказы (Prekazi), а также дом воеводы и несколько амбаров; в общем это очень приятное место, в котором в изобилии продаются всякие съестные припасы и прежде всего всякое зерно, мука и прочее; этот город в наше время совсем выгорел, так что, за исключением острога, остались лишь немногие дома; за рекой Турой татары имеют собственную слободу; в ней живут те [из них], которые состоят на царской службе в качестве кавалеристов, за что они каждый год получают жалованье: много татар живет также в окрестностях города; их призывают, когда в них есть нужда.	
	27-го февраля выехали мы из Тюмени, ехали таким же полем, сначала через реку Туру, а затем подле озера и болота мимо многочисленных татарских юрт и прибыли в деревню Бороково (Borokov)	5
	28-го числа этого месяца отправились дальше и рано поутру завтракали в Созанове (Sosanova)	5
Лес	Дальше поехали лесом к чужой слободе (Zusa Slobode)	6

Лес	1-го марта рано поутру выехали оттуда через густой лес, завтракали в деревне Ярков (Jarkow), затем дальше в деревню Березово (Borosowe)	Чумкасы 7
Река Тобол	Здесь мы впервые увидели реку Тобол (Tabolo), проехав реку Туру, которая впадает в Тобол.	
	Этого же числа, покормившись в Березове, мы отправились дальше лесом, до татарской деревушки, называемой Бехтоковы юрты (Biechtokowe Hiurt), куда и прибыли часа за три до рассвета	8
	2-го марта, рано утром, отправились мы дальше и к полудню прибыли в другую татарскую деревню, называемую Турбинские юрты (Turbrinzke Hiurt), в которой покормились.	4
	Эти юрты и татарские жилища будут описаны ниже.	
Река Иртыш	3-го марта поехали мы такими же полями, но несколько более холмистыми, имея по левую руку реку Тобол; путешествуя таким образом вместе с изгибами реки, прибыли мы к могучей реке Иртышу (Iretis), по которой и проехали немного до города Тобольска . . .	
Город Тобольск		4

ОПИСАНИЕ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА, А ТАКЖЕ ЕГО ОКРЕСНОСТЕЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ

[Сибирская] столица Тобольск

Упомянутый город Тобольск, лежащий на больших, свежих и рыбных реках, т. е. Тоболе и Иртыше, является главным городом Сибири, построенным русскими; он стоит на угловой вершине высокого берега, подобном высокой горе, над рекой. Эта гора или берег, как я сам видел, в вышину имеет, считая от реки, добрых 25 саженей и спереди столь крута, что на нее нельзя взобраться в повозке или на возу, но только пешком; верхом на лошади—с трудом.

Высота горы 25 саженей

Если хоть ненадолго пойдет дождь, она становится настолько гладкой, что по ней скользишь вниз. Подняться по ней можно, имея хорошую палку с железным наконечником, которой можно закрепиться и удержаться; без нее же—это трудно сделать; поэтому внизу этой горы сделана дорога, поднимаясь которой обходишь половину города. Город делится на

Крутая гора, на которую нельзя взобраться

Дороги вокруг горы

две части, а именно первая часть находятся на горе, а вторая—у подножния ее, на ровном месте.

Город разделен на две части

С одной стороны гора, а с другой—река. Город на горе представляет собою крепость, укрепленную, однако, против набегов только стакетой из еловых деревьев, которые растут наверху палисадами, густо одно к другому, без травы и земляного вала; на верхушке горы, прямо над рекой, находится острог, сделанный только из дерева; он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как на постройке избы; она достаточно высока; наверху ее находится крытая галлерея, в которой вырублены бойницы; внизу такой же системы постройки — стена с камерами, в которых теперь хранится казна; но если бы пришел неприятель, там могли бы помещаться солдаты; она также имеет 9 красивых деревянных башен о восьми углах, крепко построенных, двое ворот, обращенных к городу, и одни—к воде.

Крепость

Острог

Стена с галлереей

9 башен в виде бастионов 3 ворот

В этом остроге нет других зданий кроме государевых приказов или канцелярий, дворца (Zarenhausz), в котором живет воевода, и небольшой русской церкви, сделанных из дерева, а также отделанного камнем и похожего на погреб сооружения, в котором хранится амуниция; сверху он покрыт землей и порос травой; имеет вид холма без признака крыши над ним. Сюда сносят все сокровища, которые собираются для царя со всей Сибири, как-то: соболей, черных, белых, красных и серых лисиц, бобров, рысей, белок и прочее, что идет из страны, т. к. каждая провинция каждогодно приносит то, что с нее следует, как напр. замечательно красивых соколов, которые там ловятся, а также богатые и драгоценные товары из Китая, каковы пряности и другие прекрасные вещи; все они оцениваются воеводой, живущим в Тобольске на положении наместника (Vice-roy). Когда наступает зима, все это добро должно быть на санях препровождаемо в Москву; для того чтобы везти эту казну, от города употребляются ямщики, как называются извозчики (jemziken das sein Fuhrleute),

Постройки

Склад амуниции

Государева казна различного рода

Сокола

Как соколов везут в Москву

которые за это получают ежегодно определенное жалованье. Вышеупомянутых соколов везут, однако, благородным образом, потому что для каждого подаются отдельные сани, на них устанавливается ящик, изнутри и снаружи обитый войлоком или русским сукном; в них-то соколов и перевозят. На содержание каждого сокола в отдельности, между Тобольском и Москвой, выдается 3 рубля [кормовых денег].

Митрополит

В той же части города находится также большой монастырь, в котором имеет свое местопребывание митрополит; он имеет власть над всеми лицами духовного звания. Местный воевода сменяется каждые три года, и на его место назначается другой. Что же касается нижнего города, лежащего под горой, у реки, то он больше по размерам, и подобно верхнему городу имеет только одну большую улицу, проходящую через него, но также ряд маленьких улиц и узких переулков, т. к. дома очень тесно стоят друг к другу; одна сторона его находится вдоль реки, а другая тянется полумесяцем до самой горы. [Эта часть города] стоит на болотистом грунте; прямо около самой воды расположен довольно большой монастырь, в котором живет архимандрит или аббат с толпою русских монахов. Когда [в реке] стоит высокая вода, что обыкновенно случается весною, то все эти дома стоят глубоко в воде, на два локтя и больше, так что по всем улицам от дома к дому можно ездить на лодке; весь низкий берег находится также в воде на такое большое расстояние, насколько это можно видеть с горы; это продолжается несколько недель, пока вода не спадет. Этот нижний город совсем открыт, как местечко, и населен русскими, бухарцами и татарами.

Нижний город и его окрестности

Аббат

Разлив реки

Промыслы населения

Русские промышляют здесь, главным образом, ловлею рыбы, которая водится в обеих реках; так, здесь в изобилии ловятся большие осетры, стерляди, щуки, караси, лещи, окуни и также нельма и максун (?Giesej),—жирная и вкусная рыба, и многие другие; также промышляют они различным зерном, продавая и перепродавая его, и другим барышничеством (allerlei Schachereien), так что, можно сказать, всякий из

них хочет поступать по-купечески. Здесь живут также многие ремесленники, как-то: кузнецы, сапожники, портные, кожевенники и др., но заниматься земледелием никто из них не хочет, поэтому замечательно плодородная земля остается необработанной. Значительная часть этих людей состоит на государевой службе в качестве рейтаров [кавалеристов], солдатов, стрельцов, конных и пеших казаков, которые получают каждый свое годовое жалование; поэтому-то они так и ленивы, и не хотят работать, но полагаются на дешевизну всего, особенно же прекрасной рыбы.

Хороший торг

Татары также имеют в нижнем городе у реки свой собственный квартал, в котором они обстраиваются и живут; однако, земли их находятся в этой области при деревнях, вокруг города; там они летом трудолюбиво возделывают поля, сенокосы, пасут скот, ловят рыбу и птицу, отчего и получают большую прибыль; они живут свободно и никому ничего не платят, покупают много зерна, масла; рыбу, а также уток и других птиц они ловят на реках силками и удочками. Зимою некоторые из них живут в городе в своих юртах, которые они строят низкими, из дерева; юрты эти имеют низкие двери, через которые нужно пролезать на корточках, едва в $^1/_2$ локтя вышиной, и которые показались нам очень странными; они не имеют печей, вместо которых употребляются камины и трубы, сделанные из палок, обмазанных глиной, и притом таких низких, что они еле выступают над крышей; поэтому, когда они разводят огонь, он, вместе с пылающими искрами летит так высоко, что издалека видно, где живет татарин. Их жилища не имеют окон, лишь наверху, посредине крыши проделано круглое отверстие, через которое проходит [дневной] свет; некоторые [татары] зимою кладут сверху кусок льда, который дает ясный свет, другие-же и [это делается] чаще всего из соломы или сена в старом мешке или рагоже (Ragoske) делают большую затычку и заделывают ею дыру; подобную же пробку употребляют они и в своих трубах, когда огонь выгорел, чтобы тепло осталось в комнате,

Татары, их жилища и промыслы

Их юрты

Двери

Камины

Их окна

как я и сам это делал, когда жил в подобной юрте.

Нет крыш

Эти дома не имеют никаких крыш: наверху они совсем плоски, на поверхности же обложены толстым слоем земли; поэтому летом они совсем зеленые. В комнатах находятся очень широкие скамьи, подобные тем, какие имеются в банях, шириною в рост человека; на них они сидят, спят, стоят, имеют свою постель на толстом матраце или войлоке. Богатые [татары] украшают свои скамьи дорогими коврами (Tapeten).

Очень низкие скамьи

О татарах и их старом царе в Сибири

В Сибири живет много этих татар, так как в прошлые времена, лет 65 назад это была их собственная страна; они имели также своего собственного царя, резиденция которого была на горе, на том месте где сейчас стоит Тобольск. Это место еще видно; точно также, неподалеку оттуда, на другой горе, на расстоянии мушкетного выстрела [отсюда], жили два мурзы или князя; там видны еще рвы и валы вокруг их жилищ. Еще жив сын упомянутого выше царя, называемый царевич (Zarewitz), который до сих пор объявляет себя врагом и ни под каким видом не хочет до сих пор вступить в подданство русскому царю; не имея ни городов, ни жилища, укрывается он в степи или пустыне (Stiepe oder Wildnisze, dasz ist eine Heide), в которой нет ни деревьев, ни людей, а также в горах и ущельях; он имеет при себе немного людей, именно башкир, и тем не менее каждый год, примерно во время жатвы, делает он набеги на границы, в Сибири. Там, где он может, уводит он много людей и скота, сколько только может; догнать же его невозможно, так как степь чрезвычайно широка, не имеет ни дорог, ни тропинок, поэтому нельзя узнать, куда он отправился; если же, наконец, нападают на его след, он останавливается за ветром и зажигает огнем степь позади себя, и так уверенно следует дальше. Этот царевич выдает себя за наследника этого края и никогда не отдаст себя добровольно. Иногда ему удается перетянуть на свою сторону башкиров, тогда он делает из этого большой шум: об этом [будет сказано] дальше.

Царевич, все остающийся врагом

Наследник этой страны

ТАК КАК Я УДЕРЖАЛ В ПАМЯТИ НЕКОТОРЫЕ СЛОВА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА, ТО Я ХОЧУ СООБЩИТЬ ИХ ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ

Jolbosen—здравствуй! приветствие
Koos—счастливого пути
Attai—отец
Iinia—мать
Bitzia—жена
Oel—юноша
Kas—девушка
Barandas—брат
Abula—сестра
Paes—голова
Jatz или Zerge—волосы
Koes глаз
Ziem—свет
Bitziak—нож
Balta—топор
Tabak—миска [блюдо]

Augus—рот
Boron—нос
Kolak—ухо
Koel—рука
Takia—шапка
Bieloi—перчатка
Kuimiak—рубаха
Ziarak—обувь
Giesem—чулки
Inia—игла для шитья
Suk—холодно
Sabala—ложка
Kasan—котелок
Siulmiak—горшок
Bürtziak—горох

Bieksuk—очень холодно
Jeil—погода
Su—вода
Ott—огонь
Aigats—дерево
Kibita—изба
Itmiak—хлеб
Maj—масло
Jeit—мясо
Balik—рыба
Siem—пиво
Butza—брага
Araka—вино
Gierma—каша
Aris—икра
Sulu—овес
Bietzien—сено

Suit-молоко
Sür—корова
Basku—теленок
Kuras—петух
Fauch—курица
Jemertka—яйца
Koii—овца
Zutzka—свинья
Kutziuk—рука (?)
At—лошадь
Atlusa—главная лошадь (Hauptpferd)
Jaksi—хорошо
Jak—ничто

Краски:
Ak—белая
Kara—черная
Küsül—красная
Skeitan—чорт

О НАРОДАХ И ПЛЕМЕНАХ (SECTEN) В СИБИРИ, НАСКОЛЬКО Я ИХ ЗНАЮ

1-ые

О татарах и о том, как они сватаются

В Сибири живет много татар. Они покорились отцу [нынешнего] русского царя, как это вкратце сказано при описании Тобольска. Они живут совсем по-дикарски, не знают бога и его заповедей, не имеют ни церквей ни [молитвенных] собраний; очень трудолюбивы в земледелии, рыболовстве и других промыслах. Когда кто-либо из них женится, идет тот человек, который хочет жениться и ищет себе невесту, которая ему нравится; затем он уславливается с отцом девушки, что он должен ему дать за нее; когда сговор (accord) сделан, то за невесту ее родителям он должен дать, прежде чем возьмет ее

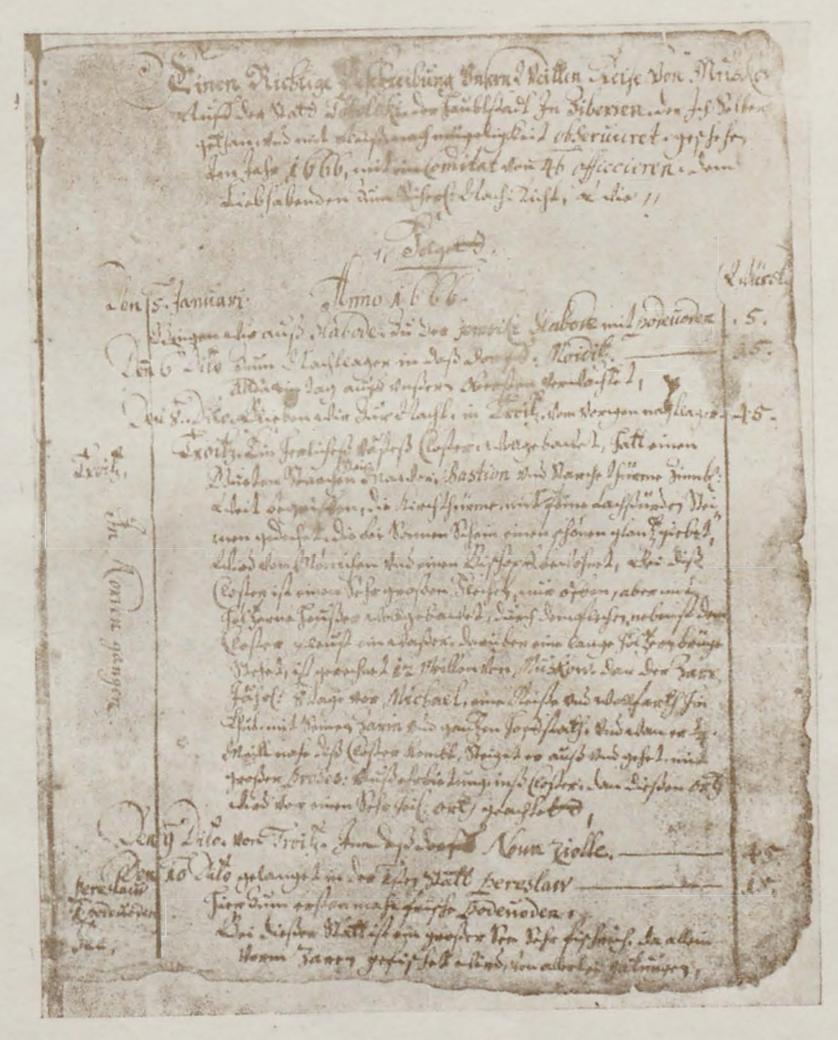
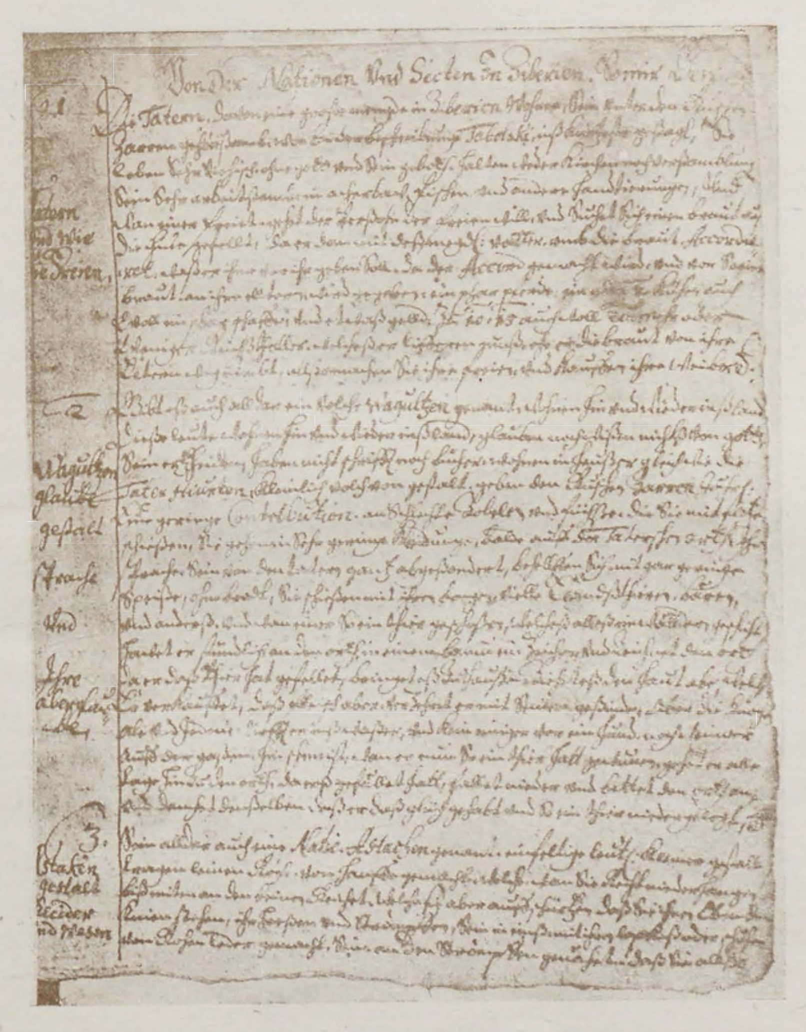


Рис. 48. Путешествие в Сибирь в 1666 году.
Рукопись Копенгагенской Библиотеки (л. 3).



Von der Nationen und Secten in Siberien.

Рис. 49. Путешествие в Сибирь в 1666 году
Рукопись Копенгагенской Библиотеки (л. 21).

2-ые

у них, пару лошадей, одну или две коровы, а также пару овец и немного денег, от 10 до 15 или даже до 20 рейхсталеров, больше или меньше; так празднуют они свои свадьбы и покупают себе жен.

Вогулы

Вера, внешний вид

Есть там также народ, называемый вогулы, (Wagultzen), который живет там и сям по стране. Эти люди не верят в бога, ничего о нем не знают, являются закоренелыми язычниками, не имеют ни письменности, ни книг, живут в домах, похожих на татарские юрты, низкорослы; каждый год дают они русскому царю незначительную дань, [состоящую] из плохих соболей и лисиц, которых они убивают стрелами; носят они скверные одежды, вроде татарских. Язык их очень отличается от татарского; едят очень скверную пищу, без хлеба; своими луками они убивают много оленей, медведей и других зверей; когда они убьют такого зверя, что всегда случается в лесу, то вогул время от времени делает зарубки на деревьях и обозначает то место, где он убил зверя, приносит его домой, сдирает с него шкуру и продает ее, мясо же пожирает со своими чадами и домочадцами (mit seinem Geszinde); кости же все вместе и каждый в отдельности бросают в воду, но ни одной из них—собакам, еще меньше выбрасывают на улицу. Если вогул заполучил такого зверя, ходит он каждый день к тому месту, где тот был убит, падает ниц, молится этому месту и благодарит его за то, что он имел счастье уложить такого зверя.

Язык их

суеверия

3-ие

Остяки, внешний вид, одежда и образ их жизни

Есть там также народ, называемый остяки (Astachen); это простодушные люди, низкие ростом; носят холщевые одежды, сделанные из конопли, которые они закачивают до колен, в случае если они слишком свисают; их штаны и чулки составляют одно целое с их лапками (Lapkesz) или обувью, сделанной из необработанной кожи; они пришиты к чулкам, так что остяки надевают вместе штаны, чулки и обувь; свои волосы, зачесанные на лоб и затылок, они подстригают на два пальца над ушами, стригут также и свои бороды. Их женщины также носят холщевые платья и повязку вокруг головы, на которой висит много медных украшений и колец, а также плоско выбитые куски олова или из олова выплавленные фигурки, которые они покупают, и которые составляют их лучшее украшение; вокруг шеи носят они также несколько рядов подобных же

Одежды, похожие на вогульские

украшений. Сходную же одежду носят также женщины вышеупомянутых вогулов; если у них есть чем, то они красят в красный цвет свои ногти. Эти остяки также ничего не знают ни о боге, ни о заповедях его, не имеют ни книг, ни письменности, ни алфавита; они приносят жертвы и молятся шайтану (Scheitan), что значит чорту, для которого они устроили жертвенное место в лесу, под деревом. Когда этот шайтан является с сильным шумом и свистом, падают они на землю ниц или на колени, и просят его, чтобы у них не была украдена ни одна лошадь; они приносят ему в жертву соболей, лисиц, куниц, и все, что они имеют.

Верят в шайтана, которому приносят жертвы и молятся

Дань

У них есть также свой священник, называемый шайтаник (Scheitanik), который должен отвечать им за шайтана; это настоящий колдун или заклинатель нечистой силы (Hechsenmeister oder Theuffelsbaner). Эти люди живут на север от Тобольска, в хижинах, бедно перебиваются кое-как дичью и рыболовством; словив первую рыбу, схватывают они ее в обе руки, подымают ее кверху, молятся ей и [затем] в один присест пожирают ее сырою, без хлеба, который они употребляют в малом количестве или не употребляют совсем. Они подвластны русскому царю, приносят ему каждый год дань из плохих соболей, куниц и лисиц; когда они хотят что-либо попросить у царского воеводы, становятся они на колени, простирая руки, и не встают до тех пор, пока не получат ответ.

4-ые Киргизы
Их властитель называется Алтын царь

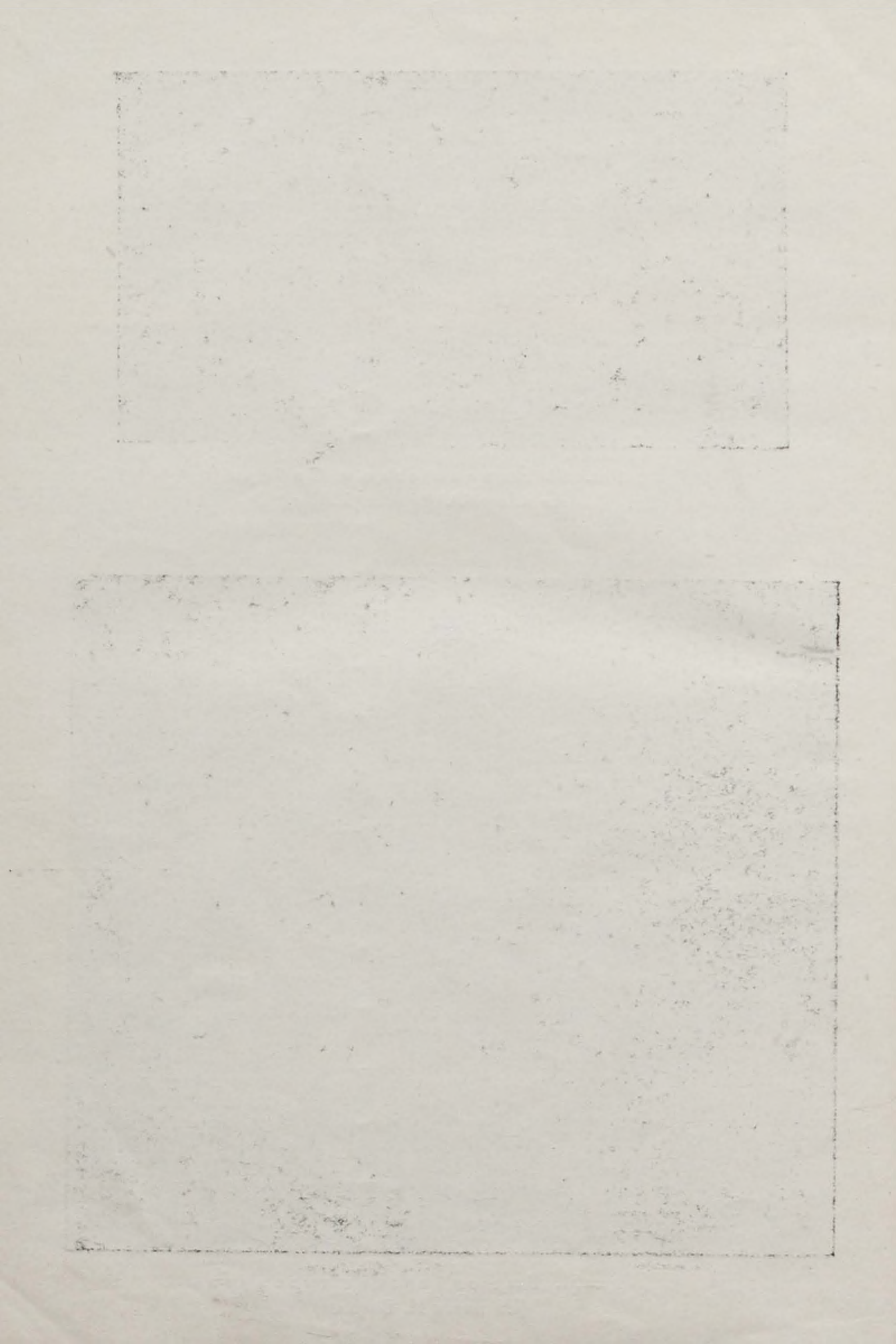
Есть там также народ, называемый киргизы (Kiregisen); это тоже природные язычники; живут на реке Оби по направлению к Китаю; имеют очень странные одежды, зимою ходят в грубых платьях из оленьей кожи, ворсом наружу. Их женщины носят на голове украшение из древесной коры, широкое и круглое, как сито, которое они обвязывают тряпками. Эти люди поедают сырыми и мясо и рыбу.

5-ые Башкиры

Есть там также башкиры (Baskiren)—дикий и недружелюбный народ; они граничат с калмыками в степи; живут к юго-западу от Тобольска. Эти люди показали себя враждебными по отношению к русским, так как Сибирь принадлежала [некогда) предкам вышеупомянутого царевича; впрочем, этих людей он всегда употреблял для своей службы; они находятся в поле, верхом на лошадях, которые бе-

Рис. 50. Зимняя езда в Сибири
(Из книги Ф. Авриля, 1692 г.)

Рис. 51. Быт сибирских туземцев
(Из книги Н. Витсена)



гут быстро, очень ловки со своими луками и стрелами, стреляют очень метко и очень преданы разбою. Они очень проворны, в поле не придерживаются никакой определенной тропинки (Tropen), но каждый очень поспешно совершает свой наезд (Defour), возвращается в поле, затем опять обратно. В настоящее время они враждуют с русскими, и это продолжается уже с давних пор.

6-ые Есть также самоеды (Samoieden), которые достаточно хорошо известны; они подвластны русскому царю.

7-ые Народ монголы, дикари (Barbarske Leute) и т. д.

8-ые Кунгурцы (Konguren) также.

9-ые Зыряне (Zierenen) и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

Двинулись мы в путь]. Автор рукописи ехал в Сибирь так называемой «Бабиновской дорогой», проведенной в 1596 г. «посадским человеком» с. В.-Усолка Артемием Бабиновым, для сокращения расстояния между Москвой и Сибирью. Этот путь уменьшал путь между Москвой и Тюменью почти на 1000 верст и служил почти единственным сообщением между Европой и Азией в течение 200 лет, до проведения в 1783 г. тракта из Перми через Кунгур на Екатеринбург. Длина Бабиновской дороги, между Соликамском и Верхотурьем, сквозь леса и горы Урала,—около 270 верст (см. исчисления Н. Чупина, Географическо-статистический словарь Пермской губ. Пермь 1873, стр. 57 и А. Дмитриев, Пермская старина вып. II, Пермь 1890, стр. 30—31; сл. И. Я. Кривощеков, Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губ.—«Записки Уральского О-ва Люб. Естествозн.», т. XVII, вып. 2, 1897, стр. 199—200: С. Богословский, Соликамск на рубеже XVI и XVII в. «Пермский Краеведческий сборник» вып. II, Пермь, 1926, стр. 47). На первоначально пустынной и безлюдной дороге возникли сначала населенные только ямщиками соединительные звенья—„ямы“—Верх-Яйвинский, Чикман, Леончан, Верх-Косвинский и Ростес—на западном склоне Урала, и Павдинский и Караульский—на восточном; постепенно местности возле дороги стали заселяться разным людом (А. Луканин, Описание Соликамска, Пермь, 1882, стр. 124—127; Л. Каптерев. Заселение Тагильского края. „Материалы по изучению Тагильского округа“, вып. 2, Тагил 1928, стр. 6—7). Публикуемая нами рукопись дает наиболее подробное из всех сохранившихся источников описание Бабиновской дороги. Автор ее из Соликамска ехал на р. Яйву (Jeua), через село Верх- Яйвенское (И. Кривощеков, Указатель, стр. 210, 301—302), далее на речку Чикман (Schechtmana), которая «течет в глубине между двух скал», далее на деревни: Косву (Kosua), Ростес (Rostius) и Кырья (Werkuria). Мы публикуем описание пути, начиная от деревни Ростес (стр. 11).

В деревню Веркурья] Повидимому, деревня Кырья, на речке Кырье, левом притоке Косьвы, также упоминаемой автором рукописи («ручей, называемый Kiria»...) и Бабиновской дороге в Сибирь (см. И. Я. Кривощеков, Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губ.,—«Зап.-Уральск. О-ва Люб. Естествознания», т. XVIII, вып. 2, 1897, стр. 246).

До земли и реки Ляля] р. Ляля—приток Сосвы.

Чумкасы] Так, вероятно, надо понимать обозначение: Ziumken. От Москвы до Сольвычегодска расстояния указаны в рукописи в верстах, но на стр. 5 автор замечает: «Вместо верст здесь начинается счет на Ziumken, из которых каждый составляет одну милю пути». Речь, таким образом, идет о зырянской мере длины, чомкосах или чумкасах, которой пользовались и другие путешественники и которая сохранилась в некоторых местах зырянского края вплоть до настоящего времени. Исбрант Идес, проезжая мимо Сольвычегодска, также указывает на зырянскую меру определения расстояний чумкасами, определяя ее приблизительно в 7 верст; он пишет о земле зырян, что она велика, т. к. распространяется до Кайгорода на 70 чомкас, «а чомкас составляет хорошую немецкую милю»: «De Landstreek, die zy (Sireëner) bewoonen, is tamelyk groot, en strekt zich uit tot aan de Stad Kaigorod, of 70 sumkas, een sumkas nu is een groote Duitsche myl» (E. Ysbrants Ides. Driejarige Reize naar China, t 'Amsterdam, 1704 p. 4); в русском переводе Исбранта sumkas переведено: чумкас («Древняя Российская Вивлиофика» VIII, стр. 364); о чумкасах см. ст. В. П. Шляпина. Удора. «Богатства Севера» 1920 № 5, стр. 13—14 и его же: «Из истории заселения нашего края.» «Записки Северо-Двинского Общества Изучения Местного Края» вып. V, Великий Устюг, 1928, стр. 37. Е. Н. Косвинцев («Новые исторические документы о Кунгурском крае» — «Материалы по изучению Камского Приуралья», вып. II, Пермь 1930, стр. 44) указывает, что в Пермском округе есть деревня Чумкасова, «что означает буквально: жилище (чум) самоеда (хасова)», и что «речка Чумкасна имеется на среднем Урале, в пределах Тагильского округа», замечая при этом: «В Прикамьи с древнейших времен счет пространству велся не на версты, а на чумкасы. Это отметили Герберштейн, Ремезов, описывавший Кунгурский уезд в начале XVIII века и сибирский историограф Миллер, проезжавший через Пермский край в 40-х годах XVIII в.».

Во всех местностях Яйвы] Ныне село Верх-Яйвинское, на б. Бабиновской дороге, некогда крайний восточный пункт Уральск. уезда. Историю его см. И. Я. Кривощеков, Указатель, стр. 210, А. Дмитриев, Пермская старина, вып. I, стр. 94—95; вып. II. стр. 64—66; вып IV, стр. 64—66.

В деревню, называемую Караул] Лялинский караул, ныне село Караульное.

Прибыли в город Верхотурье]. Верхотурье выстроен воеводой С. Шестаковым в 1598 г. (сл. выше: Масса, 256, 293); при постройке города правительство преследовало не только экономические, обусловленные его существованием на транзитной Бабиновской дороге, но и политическую цель—создать в новом крае неприступную крепость «для береженья от калмыцких и иных орд». С. Шестаков так описывает городище Неромкарское, избранное им для постройки города: «от реки от Туры по берегу крутово камени горы от воды вверх высотою сажен с 12 и болши, а саженями не меряно, а та гора крута утес, и того места по Туре по реке по самому берегу 60 сажен больших;.. место то добре крепко, никоторыми делы взлести не можно». На этом неприступном утесе сначала был устроен только один город со стенами, длиною в 250 сажен, а уж затем и посад, находившийся вне городских стен, обнесен был острогом стоячим «по мере печатных 630 саж. да 8 башен». «Весьма характерно то обстоятельство, замечает Вл. Трапезников (Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения XV—XVII вв. «Изв. Арханг. Общ. Изуч. Русск. Севера» 1911 № 17, стр. 443—444), что в противоположность другим городам, Верхотурье в первое время не имело ни посада, ни острога. Это говорит о том, что ему придавалось исключительно стратегическое значение, и что первое его население принадлежало к числу исключительно служилых людей и духовенства». Говоря, что верхотурская крепость «выстроена против башкиров», автор рукописи не ошибался. «Распространяя свои поселения по Верхотурскому уезду и двигаясь с севера на юг, правительство с каждым годом становилось ближе к тем землям, которые принадле-

жали башкирам», и, вместе с тем, принуждено было почувствовать близость тех «орд», «береженье» от которых являлось вопросом политической необходимости». «Правительство не ошиблось, населяя и укрепляя этот край. В недалеком будущем, события показали, какие опасные для Москвы элементы таились в этом крае и какое опасное соседство представляла «башкирда», ко владениям которой вплотную подошли русские в XVII веке» (op. cit., стр. 457—449).

В Тобольском Городском Музее хранится опись Верхотурского города и уезда Г. Черткова и А. Бернацкого 1666 г. (т. е. как раз того года, к какому относится путешествие). Извлечения из этой рукописи (только по г. Верхотурью) впервые напечатаны А. Дмитриевым в «Пермской старине», вып. VII, Верхотурский край в XVII в., Пермь 1897, стр. 97—98, 186—190. Эта перепись начинается перечислением 33 дворов оброчных крестьян, живших по Усольской, т. е. Бабиновской дороге от Верхотурья до Соликамска, в упоминаемом и автором немецкой рукописи селе Ростес и на реках Кырье и Косьве. Всех дворов разных категорий в Верхотурском уезде, по переписи 1666 г., насчитывается 1040 и сверх того в г. Верхотурье 196 дворов, — всего 1236 дворов.

Никто не проходит мимо] «Верхотурье имело в XVII в. большое значение, как город, стоявший на рубеже Европейской и Азиатской России. Только через него должны были проезжать служилые, промышленники и купцы, а все остальные дороги были запрещаемы. Поэтому через этот город шли все западно-европейские товары, персидские, бухарские, китайские и русские, восточно-европейские и сибирские». (Б. Курц. Город Верхотурье в XVII веке. «Юбилейный сборник Киевского Историко-этнографического кружка» Киев, 1914, стр. 327—336). «Верхотурье, по своему положению на правительственном тракте, — замечает С. В. Бахрушин, — являлось как бы воротами в Сибирь, le Hâvre de la Sibérie, как оно названо в французском переводе сочинения Адама Бранда. Здесь была устроена таможня, через которую должны были, по крайней мере в теории, проходить все проезжавшие камским путем через Урал». «Движение через Верхотурскую заставу было очень значительное. Во первых, через нее шли все правительственные сношения с Сибирью: ездили воеводы, отправлявшиеся на место своей службы в сибирские города, провозился хлеб для сибирских гарнизонов, гнали гонцы с отписками...; наряду с проездом чиновных лиц, через Верхотурье тянулись в Сибирь обозы с русскими товарами и проходило большое число торговых и промышленных людей». (Очерки по истории колонизации Сибири М. 1928, стр. 104—105). «Правительство из фискальных соображений стремилось направить все движения за Урал через Верхотурскую заставу, потому что из Сибири и в Сибирь «многим дорогам быть непристойно» и энергично боролось с образованием новых дорог «мимо Верхотурье», приказывая всякий раз такую вновь открывшуюся дорогу «засечь некрепко, чтоб отнюдь конным людям проезду, а пешим проходу не было» (op. cit., стр. 107). Отправляясь из Верхотурья внутрь Сибири, проезжающие как по казенной, так и по частной надобности, должны были иметь установленные подорожные, которые представлялись ими в воеводских канцеляриях (Шишонко, Пермская летопись II, стр. 384).

Принужден подвергаться здесь осмотру, со всем своим добром]. Эти обыски, действительно, имели место, причем им должны были подвергаться не только все служилые люди, но даже и воеводы, которые нередко везли с собой значительное количество нажитых в Сибири богатств; в Верхотурье дан был наказ осматривать пожитки воевод или посланных ими людей «без опасения». (Акты Историч., т. V, № 62. Доп. к Актам Историч., т. III № 9). Любопытными памятком этих порядков является царская грамота (1635) Верхотурскому воеводе Данилу Милославскому и дьяку Ивану Солетцину о порядке осмотра служилых людей, едущих из Сибири: «да как кто сибирских воевод и дьяков и письменных голов, или торговых и промышленных всяких людей на заставу придет, и ему Даниле велено»: «соболей и лисиц, и шуб собольих и лисьих, и куниц, и бобров, и всякой мелкой рухляди в возах и сундуках, и в коробьях и в сумках, и в чемоданах, и в платье, и в постелях, и в подушках, и в бочках винных,

и в запасах во всяких, и в печеных хлебах обыскивати... не боясь и не страшася никого ни в чем, чтоб в пазухах и в штанах и в зашитом платье отнюдь никакие мягкие рухляди не провозили». Наказ предписывает всю найденную мягкую рухлядь отбирать на государя. «Разумеется, замечает В. Трапезников (Очерк истории Приуралья и т. д., «Изв. Арх. Общ. Изуч. Р. Сев.» 1911 № 70, стр. 625 сл.),— при такой системе отбирания лишней мягкой рухляди правительству трудно было учесть неправое стяжание своих служилых людей, т. к. оно могло заключаться, да, вероятно, и заключалось в других предметах и в деньгах. Правительство убедилось в этом, и в 1667 году верхотурскому таможенному и заставному голове Ивану Толстоухову было предписано у всех служилых людей, едущих на службу «в сибирские города», „на верхотурской заставе животы их и деньги, что они повезут с собой с Москвы, велеть переписывать, и те переписные росписи... присылати и о том писати нам, великому государю, к Москве, а другие такевые же росписи оставливати на Верхотурье впредь для спору. А как те воеводы и приказные люди по нашему государеву указу переменены будут и из Сибири поедут назад к Москве, и у них по тому-ж животы и деньги осматривать и переписывать» Ср. А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в московском государстве. СПб. 1890, стр. 436; Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг сибирского приказа ч. II, стр. 132—133.

Доехали до деревни Салда]. Салдинская слобода („Погост Салдинской») на устье реки Салды, правого притока р. Тагила. В «Списке с чертежа Сибирския земли»: «А от Туринской слободы до Туринского острогу 60 верст, а от Туринского острогу до Благовещенской слободы 40 верст, а та слобода стоит от Туры реки за 5 верст на ключах. А от Благовещенской слободы до Тагильской слободы 120 верст, а та слобода стоит на усть Тагилы реки. А от Тагильской слободы по Туре реке до Салдинской слободы 40 верст: а та слобода стоит на усть Салды реки. А от Салдинской слободы до Верхотурья 20 верст» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 42).

прибыли в городок Япанчин] сл. выше И. Масса, стр. 263—264.

у Благовещенской слободы впадает в Туру река Узница] Не имеет ли автор в виду реку Ницу? Слова Усть-Ницынская слобода («А от Тюмени до Усть-Ницынской слободы в верх по Туре сухим путем 60 верст»...) или просто Усть-Ница он мог принять за название реки.

прибыли мы в город Тюмень] Как и все сибирские города, старинная Тюмень расположилась на высоком месте, образованном слиянием двух рек: Туры и Тюменки. Первое известие о построении «городового острога» относится то к 1586, то к 1593 г. (при воеводах Булгакове и Васильеве; сл. выше: П. Петрей, стр. 206). Характеристику и историю укреплений Тюмени см. в книге: Тюмень в XVII столетии. Изд. А. И. Чукмалдиной, М. 1903, стр. 143—145, в статье П. М. Головачева «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII ст.» Город был обнесен стенами с 6-ью глухими и двумя «проезжими» двухъярусными башнями «Высота стен—2 сажени. Кровли башен были очень высоки и круты. В городе были две церкви... съезжая изба, 2 караульных избы у «проезжих башен», подле ворот, 10 торговых житниц; амбар соляной, амбар денежный, амбар с «погребом, с торговым питьем», окруженная тыном тюрьма—врытая в землю изба, двор воеводский, двор, принадлежавший архиепископу и еще 7 дворов»... «С одной стороны город омывала Тура, с двух других Тюменка, а с четвертой, со стороны посада, шел ров в $1^1/_2$ сажени шириной. Ниже «города» был расположен «острог» (посад),—также окруженный стенами: одна шла от города вверх по Тюменке, а потом от Тюменки до Туры». «В 1658 г. воевода Веригин писал в Москву, что башни и стены, построенные Барятинским, весеннею водою подмыло, гора осыпалась... В 1663 г. получилось приказание приступить к исправлению Тюменских укреплений, отнести стены и башни от Туры и Тюменки, укрепить берега тара-

Рис. 52. Охота на соболей в Сибири
(Из книги Бранда, 1702 г.)

Рис. 53. Обские остяки
(Из книги И. Идеса)

сами, вычистить ров за острогом». В 1667 году сгорело 202 сажени острога и угловая башня, «а вновь острога не ставлено: осыпи учинились».

описание города Тобольска] Настоящее описание ср. с материалами, опубликованными в книге: «Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII ст. М. 1885, изд. Н. А. Найденова; сл. у нас выше, стр. 312.

воеводой, живущим в Тобольске] В 1666 году воеводами Тобольскими были кн. Алексей Андр. Голицын, стольник Григ. Федор. Бутурлин, дьяками Ив. Бор. Черняев и Степан Ник. Елчяков, «а другому велено быть старому Кириллу Дохтурову» (К. Б. Газенвинкель. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в сибирских городах» и т. д. Приложение к «Календарю Тобольской губ. на 1893 г.» Тобольск, 1892; И. Тыжнов. Заметки о городских летописях Сибири, СПб. 1898, стр. 80—82). С 21-го мая 1667 г. их заменили воеводы Петр Ив. Годунов и кн. Фед. Фед. Бельский, дьяки Г. Г. Жданов и М. О. Посников.

соколов везут благородным образом] Царь Алексей Михайлович, как известно, был страстным соболиным охотником. В Семеновской и Коломенской сокольнях, составлявших его потешный двор, было собрано необычайное число птиц,—около 3.000—для прокормления которых содержалась голубятня в 100.000 штук. «Чтобы понять всю колоссальность цифры ловчих хищников,—пишет М. И. Смирнов (Переславские сокольи помытчики, Владимир 1912, стр. 26—27), нужно иметь в виду, что в неволе, даже и при самом лучшем уходе, птицы живут не более двух-трех лет или прямо умирают, многие от перемены климата. Следовательно, чтобы поддерживать постоянно на такой высоте сокольню, требовалось ежегодно громадное число птиц. Оно еще более увеличивалось частными посылками редкостных птиц в разные страны: Турцию, Персию, Крым, Англию, Данию, Польшу и т. д.» Значительная ежегодная убыль ловчих птиц восполнялась особыми экспедициями, в которых ездили царские помытчики (помытчик или помычник—ловец соколов и их дрессировщик), иногда в отдаленные северные края. Регулярно помытчики отправлялись и в Сибирь «За ними (соколами) охотятся особо наряженные татары,—рассказывает Ю. Крижанич;—всю добычу их летней охоты воевода зимою распределяет между охотниками и дает каждому особую повозку; в нее садится охотник со своею птицей и отправляется в Москву. Часть привезенных птиц царь удерживает у себя, часть в виде подарка обыкновенно отсылает Персидскому шаху (а также Турецкому султану, Крымскому хану, временами и королям Польским), которыми и принимаются они с изъявлением благодарности» (А. Титов, Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 173). Царь великолепно знал свою армию хищников; он разделял их на статьи и разряды, гордился ими и даже, как полагают некоторые, сам составил особое руководство по соколиной охоте: «Книгу, глаголемую урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути». Восхваляя эту охоту, Алексей Михайлович пишет: «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальные и забавляет весельем радостным и веселит охотников сия птичья добыча». «Будьте охочи, забавляйтеся ино доброю потехою, зело потешно и угодно и весело, да не одолевают вас кручины и печали. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, нелениво и бесскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу». (Собрание писем ц. Алексея Михайловича с приложением Уложения Сокольнича пути с пояснительною к нему заметкою С. Т. Аксакова М. 1856, стр. 91, 142, 144—145). Кутепов, Великокняжеская, царская и импер. охота, т. II, стр. 158 и сл.; ср. выше стр. 39—40, 95, 134. Ср. также И. Забелин, Опыты изучения русских древностей и истории М. 1872, ч. I, стр. 281—300.

имеет свое местопребывание митрополит] Архиепископом Тобольским был в 1666 г. поставленный в 1664 г. архимандрит новгородского Хутынского монастыря Корнилий, прибывший в Тобольск в феврале 1665 г. В январе 1668 г. он

выехал в Москву для посвящения в митрополиты, и возвратился в Тобольск 20-го декабря 1668 г. Это обстоятельство дает некоторое право заключить, что рукопись, где определенно говорится о митрополите, а не об архиепископе, была написана или отредактирована не ранее 1668 года.

они имели также своего собственного царя, который имел свою резиденцию на горе] Кучумово городище находилось в 16-ти верстах от Тобольска, вверх по Иртышу; сл. выше И. Масса, стр. 263.

Там видны еще рвы и валы вокруг их жилищ] Трудно сказать, о каких развалинах говорит автор, т. к. уже в XVIII веке большинство из них не существовало. Миллер, описывая руины старого Искера, замечал, что «на некоторых местах валы и рвы за многопрошедшим временем так заросли, что ныне мало их видно». «От дворов или от другого какого строения никаких следов более не видно, как только, что по разным местам от неравности земли рассуждать можно, что какое-нибудь строение там находилось. Дворы, по обыкновению сибирских татар, построены были либо деревянные, либо, по бухарскому обыкновению, из нежженных кирпичей, потому что с того времени вовсе пропали». «В последние времена окольные российские жители, ищущии закопанных в землю пожитков, везде глубокие ямы копали, и некоторые недаром трудились» (Описание сибирского царства, изд. 2-ое, СПб. 1787, стр. 108—109; Samml. Russ. Gesch. VI, S. 294—296, В. Радлов. «Сибирские древности» т. I, вып. 3, стр. 117).

Царевич, который до сих пор объявляет себя врагом] М. б. Ишим, младший сын Кучума? или царевич Кучюк?

он имеет при себе немного людей, именно башкир] По словам боярского сына Гаврилы Артемьева, в бытность его в 1601 г. в посольстве к Кучумовым детям, в Каратабынскую башкирскую волость «пришли двадцать семей башкирцев, с женами и детьми, а бывали де они преж сего тое ж каратабынские волости, е с а ш н ы е ж е б а ш к и р ы были с Кучумом» (Русск. Ист. Библиотека II, стр. 24). «Участие Табынских волостей в борьбе Кучума и его детей с русскими,—говорит Н. Катанаев (Зап. Западно-Сибирск. Отд. Р. Г. Общ. т. XIV, 1893, стр. 54—55),—показывает, что и в начале XVII стол. башкирцы еще не вполне освободились от владычества даже павших сибирских ханов. Даже в 1623 г., как видно из показаний одного служилого татарина, младший сын Кучума царя, Ишим, кочевавший на р. Уй, ходил в Уфимские волости,—«старых своих людей Табынцев сыскивати». В 1665 г. все еще продолжался т. наз. «башкирский бунт», начавшийся еще в 1662 г. и окончательно подавленный только к 1668 году; разорению подверглись некоторые местности Приуралья и Западной Сибири; для своих набегов башкиры выбирали,—как это отмечает и автор нашей рукописи,—время летних земледельческих работ: «татаровя, уфимские и пышминские и япанчинские, и верхотурские ясачные вогуличи руку подавали царевичам и хотят итти войною на все слободы, как крестьяне хлеб пожнут и складут». В 1668 году «бунт» утих, чтобы вновь вспыхнуть в 1676 г. и беспрерывно тянуться до 1681 г. (Изв. Арханг. Общ. Изуч. Русск. Севера 1911 № 21, стр. 758—761).

есть там также народ, называемый остяки] Одежда остяков, вероятно, описана автором не вполне точно: остяки носили т. наз. чижи, чулки из оленьих мягких кож, длиною до колена, которые надевались шерстью к телу; сверх чижей, однако, надевались сапоги из оленьей кожи выше колена (пимы); Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю, М. 1833, стр. 254; сл. С. К. Патканов. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказанием «Живая Старина» 1891 вып. III и IV. Г. Старцев, Остяки, Лгр. 1928, стр. 29—30.

народ, называемый киргизы] О приенисейских киргизах, которые, вероятно, имеются здесь в виду см. работу В. Бартольда, Киргизы. Фрунзе. 1927.

кунгурцы] Вероятно татарские племена в окрестностях г. Кунгура.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Иркутский фрагмент Плано-Карпини

Публикуемый фрагмент, как указано выше (стр. 4—8), содержит в себе отрывок из „Истории монголов" Плано-Карпини. Мы приводим транскрипцию его, насколько это позволяет местами сильно попорченный текст, восстанавливая стершиеся места по соответствующей ему редакции рукописи в «Speculum historiale» Винцента из Бовэ, согласно изданию 1598—1600 гг., буквально воспроизведенному в книге R. Beazley. The text and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, Lond. 1903, p. 79—82, но раскрывая все аббревиатуры фрагмента.

В круглых скобках ( ) приводятся места, читаемые предположительно, в квадратных [ ]—дополнительные указания, или разъяснения издателя; троеточием, заключенным в квадратные скобки [...] или вопросительным знаком в квадратных скобках [?] отмечены неразобранные или непонятные места; пустые строки, заполненные точками, означают обрезанные (отсутствующие) части фрагмента. Пунктуация—согласно изданию R. Beazley

Буквами VB, H, обозначены разночтения текстов Винцента из Бовэ и Гэклюйта.

[Recto. *Столбец первый*]:

[Cap. 7. De superstitiosis traditionibus ipsorum]

[Обрезано] [. . . . .] statione fit per quod extrahitur (ac sine vlla) miseratione occiditur. Item [1] si (quis calcat super limen stationis Ducis alicujus) (interficitur) [?] Multa etiam habent (similia) que [2] reputant peccata. Ac [3] homines oc(cidere aliorum) terras inuadere, ac irs [?] [4] illorum di(ripere). et contra dei [5] praecepta vel prohibi(tiones) facere, nullum aput [6] eos (pecca)tum. De vita (aeterna et) damnatione perpetua ni(hil) (sciunt). Credunt tamen quod post mortem in a(lio) seculo vi[u?]ant gregésque multiplicent, co(me)dant et bibant et cetera [7] faciant, quae hic a uiuentibus fiunt. In principio l(un)ationis uel in plenilunio incipiunt, qu(icquid) noui agere volunt, ipsamquae; lunam im(peratorem) (mag)num appellant, eamquae, de(pr)ecantes g(e)nua flectunt. Omnes, qui morantur in stationibus suis, oportet per igni p(urif)icari. Quae scilicet purificacio [8] fit hoc modo. (Duos quidam ignes faciunt, et duas hastas iuxta eos, unamque; cordam in summitate hastarum ponunt. Ligantquae; super cordam illam quasdam de Bucaramo scissiones, sub qua scilicet corda et ligaturis inter illos ignes transeunt homines, ac bestiae ac stationes). S(unt) etiam due mulieres, vna hint [?] [9], et alia (inde aquam proijcentes) ac quaedam carmina reci(tant)es. Caeterum si aliquis a fulgure oc(cide)tur, o(portet) [praedicto modo ?] in [10] per ignes transire omnes illos, qui [in?] (illis) stationibus morantur. Statio siquidem ac (le)ctus et currus, filtra et vestes et quidcq(uid) (talium) habent, a nullo tanguntur, sed ab hominib(us) (tanquam) immunda respuuntur. Et ut b(reuiter) (di)cam, omnia purificari credunt per (ignem). Unde quando venerunt [11] [?] ad eos nun(cij), (vel) principes, aut qualescunque; personae...

[*Столбец второй*]:

[Обрезано] . . . .
. . . .
. . . .
. . . [Cap. 8 De initio imperij siue Principatus eorum] . .

Terra quidem illa orientalis [partibus?] [1] de qua dictum est supra, que [2] mongal nomi(natur) (quatuor quondam) [habuisse memoratur ?]. Unus eorum jeka mongal, i. e. magni mongali vocabantur. Secundus sumongali, i. e. aquatici mongali, qui se ipsos appelabant, tartaros a quodam fluuio per eorum terram currente, qui tartar nominatur. Tertius appelabatur merkiter. [3] Quar-

tus verò m e t r i t. Omnes vnam personarum formam et unam linguarum habebant hu [4] populi quamuis inter se per principes ac prouinciae essent diuuisi. In terra yeka mongal quidam fuit qui vocabatur chingis. Iste coepit robustus [5] esse: didicit enim homines furari et praedam capere. Ad alias terras ibat, et quoscunquae [6] poterat, captiuabat et [7] s[ibiquae?], associabat. Homines guoque sue [8] gentis inclinauit ad se, qui tanquam ducem [ium?] [9] sequebantur ad male agendum. Coepit (autem pugnare cum sumongol, siue cum tartaris, et ducem eorum interfecit, multoquae; bello sibi tartaros omnes subiecit, et in seruitutem redegit. Post haec cum istis omnibus contra merkatas, iuxta terram positos) tartarorum pugnauit, quos etiam bello sibi subiecit. Inde procedens (contra metritas) pugnam exercuit et illos etiam obtinuit. Audientes n a y m a n i, quod chingis, multum [10] eleuatus esset, indignati sunt. Ipsi [11] habuerant imperatorem strenuum valde, cui dabant tributum cuncte nationes praedicte. Qui cum esset mortuus filij eius successerunt loco ipsius. Sed quia iuuenes ac stulti erant, populum tenere nesciebant, sed ad inuicem diuisi ac scissi erant. Unte [12] chingis [13] praedicto modo iam exaltato nihilominus in terras praedictas faciebant insultum...

[V e r s o *Столбец первый*]

. . . .

. . . .

(vallem) strictam conuenerunt, et commissum est praelium, in quo n a y m a n i et k a r a k i t a i [1] a mongalis deiucti sunt. Qui etiam pro maiori parti occisi fuerunt et alii (qui) euadere [2] poterunt in seruitutem redacti [sunt?]. (In) terra praedicatorum karakitaorum [3] o c c o d a y [cham?] filiu(s) (chin)giscam [4], postquam imperator fuit po(situs) qu(andam) ciuitatem edificauit, quam (chanil appellauit) [..?] (Prope quam) ad m e r i d i e m est quodam [5] desertum magnum, in duo pro certo siluestres [6] homines habitare dicuntur, qui nullatenus locuntur [7] nec iuncturas in cruribus habent, et si quando cadunt [per se?] surgere (non) valent. (Sed) tamen discretionem tantam (habent), (quod) filtra de lana camel(orum), (quibus vestiuntur), faciunt et contra ventum (ponunt). Et si quando tartari pergentes (ad eos) vulnerant eos sagittis, gramina in (vul)neribus ponunt et [8] ante eos [9] fugiunt.

[Cap. 9] D e m u t u a v i c t o r i a i p s o r u m e t k y t a o r u m [10].

Mon(gali) (autem in terram suas reuerentes, se contra) (ky)taos ad (praelium) (par)auerunt, et castra mouentes eorum terr(am) intrauerunt. Quod audiens [11] (imperator) [...?], venit cum exercitu suo contra illos et (commisum) est prelium durum, in quo mongali sunt deiucti, omnesquae; nobiles eorum qui erant in exercitu (praeter [12]) occisi [13]. Vnde cum illis volentibus impugnare aliquam [14] regionem minatur aliquis stratagem, adhuc responderint [15]: [...caan?] [16] occisi [....] remansibus [17] et (tamen) modo creuimus (in multitudinem) magna(m), (ideo)quae, (non terremur de talibus). (Chi)ngis autem et (alij) qui remanserunt in (terram) suam fugerunt. Cumquae, quieuisset aliquantulum, (preparauit se) rursus ad praelium et pro(c)essit conra terram [...rorum [18]]. Isti sunt homines [...? [19]] de secta nesto(rianorum)...

[*Столбец второй*]

. . . .

. . . .

[...?], et contra terram (Hudirat prosessit) quas omnes bello deuicit. Inde (in terram suam) rediit [1] aliquantulum quieuit (Deinde) conuocatis omnibus hominibus suis contra kitaos [2] pariter processerunt, diuquae; contra illos pugnantes, magnam partem terrae illorum (uicerunt), eorumquae, imperato(rem) (in) civi(tatem) (suam) (maiorem) concluserunt. Quam et tam longo (tempore) (obsederunt, quod exercitus expensae omnino defecerunt. Cumquae) iam quod (manducarent), penitus non (habe)rent, precepit [3] (Chingiscam) suis, vt [4] decem (hominibus) unum ad (man)ducandum darent. Illi vero de cuitate (machi)nis et sagittis [5] contra istos uiliriter pug(nabant). (et cum) deficerent lapides, argentum et maxime lique factum (proij)ciebant. Ciuitas siquid(ent) illa multris [6] diuitijs plena. Cumquae; diu mo(ngali) pugnassent, et etiam (bello vin)cere non possent, unam magnam sub (terra viam ab exercitu vsquae; ad medium ciuitatis) fecerunt, (et prosilien-

tes) in medium eius contra ciues (pugnaverunt). Il(li) quoque, qui extra (remanse)rant, eodem modo contra illos (pugnabant). Deniq(ue); (conci)dentes portas ci(uitatis) intrauerunt, et imperatore(m) (cum) pluribus occidentes urbem posseder unt, aurumquae; et argentum, et omnes[7] diuitias abstulerunt. Et cum illi terrae suos homines prafecissent, in terram propiiam reuersi sunt. Tunc primum imperatorem kataorum[8] d(euicto), (factus) est chingis[9] imperator. Quandam (tamen partem) illius terrae, quia posita erat in mari, nullate(nus) deuicerunt) usquae; hodie. Sunt autem kitay[10] homin(es) pagani, habentes literam (specialem, et etiam), vt dicitur, veteris et novi testamenti scripturam. Habent[11]...

ПРИМЕЧАНИЯ И ВАРИАНТЫ

R e c t o. *Первый столбец.*

1 H: Item; VB: Iterum.
2 VB: quae.
3 VB: At.
4 Вероятно, описка; VB: res.
5 VB: Dei.
6 VB: apud.
7 VB: caetera.
8 VB: purificatio.
9 VB: hinc.
10 VB: in отсутствует.
11 VB: veniunt.

Второй столбец.

1 В VB: отсутствует.
2 VB: quae.
3 VB: Merkat
4 VB: hi.
5 VB: robustus venator.
6 VB: quoscunquae.
7 В VB: отсутствует.
8 VB: suae.
9 VB: отсутствует.
10 В VB: вм. multum: taliter.
11 В VB: Ipsi enim.
12 VB: Unde.
13 VB: Chingis, H: Chingi.

V e r s o. *Первый столбец.*

1 VB: Karakytay.
2 VB: euadere n o n.
3 VB: Karakytaorum.
4 VB: Chingischam.
5 VB: quoddam.
6 VB: syluestres.
7 VB: loquuntur.
8 VB: et fortiter.
9 VB: вм. eos: ipsos.
10 VB: Kythaorum.
11 VB: audiens e o r u m.
12 VB: praeter s e p t e m.
13 VB: occisi s u n t.
14 VB: aliquam impugnare.
15 VB: respondent.
16 VB: Olim etiam.
17 VB: occisi non nisi septem remansimus.
18 VB: Huyrorum.
19 VB: Christiani.

Второй столбец.

1 VB: redijt et...
2 VB: Kythaos.
3 VB: precipit.
4 VB: ut de...
5 VB: sagittis viriliter.
6 Sic! VB: multis erat.
7 VB: omnes eius.
8 VB: Kithaorum.
9 H: Chingischam; VB: Chingistam.
10 VB: Kytai.
11 [VB: habent etiam vitas patrum et eremitas et domos... etc.]

РУССКИЙ ПЕРЕВОД

[*Столбец первый*]:

[Гл. 7. О б и х с у е в е р и я х и о б ы ч а я х]

. . . .
поэтому, протащив его через юрту, убивают без всякого милосердия. Также убивают тех, кто наступит на порог юрты какого либо начальника. Много у них есть подобного, что они считают грехом. Но убивать людей, нападать на чужие земли, грабить чужое добро и поступать против велений и заповедей божиих они, однако,

не считают за грех. О вечной жизни и бесконечных муках они ничего не знают. Верят, однако, что после смерти будут жить на том свете, размножать стада, есть и пить, и делать все то, что на этом свете делают живые люди.

Предпринимая что либо заново, они начинают это в новолуние или полнолуние, луну называют великим императором и молятся ей, преклоняя колени. [Родственники] всех, кто умирает в их юртах, должны очищаться огнем, очищение же это, как увидите, происходит следующим образом.

Раскладывают два огня и подле них ставят два копья, с протянутой вверху их веревкой; к веревке привязывают какие-то обрезки букарама; под эту веревку и привески проводят, между названными огнями, людей, скот и юрты. Стоят там также две женщины, одна с одной стороны, другая—с другой, которые прыскают водой и бормочат какие-то прорицания. Также если кого либо убьет молния, то они считают, что все, живущие в его юртах должны пройти через огонь указанным образом. Юрта же его, постель и повозка, войлок и платья, все, принадлежащие ему вещи, остаются неприкосновенными и для всех считаются нечистыми. Одним словом, они верят, что огнем очищаются во всех отношениях.

Когда к ним приходят откуда либо посланцы или князья или какие бы то ни было лица . . . .

[*Столбец второй*]

[. . . .

. . . (Гл. 5. О начале их государства или об их главенстве) . . . .]

В восточных странах есть некая земля, о которой сказано было выше, и которая называется монгол. В ней жили некогда четыре народа. Один из них назывался йека-монгал, т. е. великие монголы, другой—су-моал, т. е. монголы вод; сами же себя называли они тартары, по имени некоей реки, текущей через их землю, которую они называли Тартар Третий (народ) назывался меркиты, четвертый же-метриты. Все эти племена имели один облик и один язык, хотя у каждого из них были свои государи и земли их были разделены на самостоятельные области. В земле йека-монголов был некий человек, прозывавшийся Чингисом. Он начал возвышаться в своем могуществе, т. е. научил людей воровать и разбойничать. Он ходил в чужие земли и брал в плен и присоединял себе кого и что только мог. Своих же единоплеменников он привлек к себе так, что они следовали за ним, как за вождем, на всякое злое дело. Он стал также воевать с су-монголами или тартарами, убил их вождя и после многих сражений покорил и обратил в рабство всех тартар. После того, со всеми ими, он стал воевать против меркатов, живших возле татарской земли и покорил их также. Оттуда пошел он войною на метритов и победил их также. Найманы, услыша, что Чингис так возвысился, вознегодовали. Сами они имели государя, чрезвычайно храброго, которому платили дань все упомянутые народы. По смерти его, место его наследовали его сыновья. Но они были молоды и глупы и не умели владеть народом, а между собою жили в несогласии и раздоре. В то время как Чингис уже возвысился вышеуказанным образом, они делали набеги на названные земли...

[*Оборот листа. Столбец первый*]

. . . .

сошлись в одной узкой долине и началось сражение, в котором найманы и кара-китаи были побеждены монголами. Большая часть их была побита, те же, кто мог избегнуть (смерти), были обращены в рабство. В названной выше земле кара-китаев, хан Оккодай, сын Чингисханов, после того, как он поставлен был в императоры, построил город, назвав его Ханылом. Близь него, к югу, лежит большая пустыня, в которой, как утверждают, живут дикие (лесные) люди: они совсем не говорят и на ногах не имеют суставов, так что, упав, не могут подняться (без посторонней помощи). Однако они достаточно сообразительны для того, чтобы уметь приготовлять войлок из верблюжьей шерсти, в который они оде-

ваются и который ставят против (в защиту от) ветра. Икогда татары, устремляясь на них, ранят их стрелами, они затыкают раны травой и убегают быстрее их.

[Гл. 9.] О взаимной победе их и китаев.

Монголы же, возвратясь в свою землю, приготовились к войне с китаями и, двигаясь лагерями, вступили в их землю. Император же [китайский], услыша об этом, вышел против них со своим войском, и началось жестокое сражение, в котором все монголы были побеждены: все же вельможи их, которые были в этом войске, были убиты. Поэтому, когда они собираются войною на какую либо страну и им грозят поражением, они отвечают... [...] нас всех перебили [...] остались и, однако, мы до чрезвычайности размножились и потому не боимся ничего. Чингис же и те, кто остались в живых, бежали в свою страну. Отдохнув несколько, Чингис снова начал готовиться к войне и двинулся на землю ...[ов] [уйгуров?]. Это были люди несторианской секты.

[*Столбец второй*]

. . . .

. . . .

. . . .

пошел на землю (Гудират) и победил их всех. Оттуда возвратился он в свою землю и несколько отдохнул. Затем, собрав всех своих людей, пошел также на китаев и долго воевав с ними, завладел большею частью их земли; императора же их заперли они в его столице, которую осаждали так долго, что в войске их оказался недостаток в съестных припасах, когда же не стало у них пищи, то Чингисхан приказал им, чтобы они дали на съедение (каждого) десятого человека. Жители же города храбро защищались машинами и стрелами, а когда все камни у них вышли, то вместо них бросали они серебро, особенно расплавленное, т. к. город этот был полон многих богатств. Долго воевали монголы и не будучи в состоянии победить город, сделали большую дорогу под землею от своего войска до середины города и, выскочив вдруг в середине его, начали драться с жителями.

Оставшиеся же вне города дрались также, наконец, разбив ворота, вошли в город, убили императора со многими людьми и завладели городом, похитив золото, серебро и все богатства. Поставя в этой земле своих людей, возвратились они в свою собственную землю. Тогда только, когда побежден был китайский император, Чингисхан провозглашен был императором. Некоторой же части этой земли, которая вдается в море, не могли они никак победить и до сего дня. Вышеназванные же китаи—это язычники, имеющие особое письмо и даже, как говорят, Ветхий и Новый Завет. Имеют они...

ПРИЛОЖЕНИЕ II

„Beschreibung der Reise auff Ziberien und weiter ins Land, Orth und Stelle“, 1666.

(Немецкий текст по неизданной рукописи Королевской Библиотеки в Копенгагене, Gamle Kg. Samling. Nr. 2323).

Ниже впервые публикуется только та часть рукописи, которая приведена в настоящей книге в русском переводе (стр. 323—327). Выше (стр. 316) уже были указаны некоторые особенности ее орфографии; при транскрипции текста я не сохранил ни пунктуации подлинника, которая несомненно только затруднила бы чтение, ни случайного употребления заглавных букв в именах существительных, руководствуясь в этом принятым ныне правописанием. Лигатура „эс-цет“, по типографским условиям, всюду передана через sz. В остальном все особенности подлинника сохранены полностью.

[Стр. 11]

	Den 15 Februa: mit dem Tage, wieder auff, da wir ein	Ziumken
Böser Weg	bösen Weg hatten, über die umbgefallenen Bäume, so auch höcherigten Wallde und den Stupen von Bäumen. Kamen in das Dörffl. Werkuria.	4
Steinberge	Diesen Tag gingen wir langesz, bei hohen Steinbergen hinweg, die alle mit Holtze bewachsen.	
lebendige Zobel	In dieszem Dorffe bei meinem Wirth, der einen Tatar war, sahe ich den ersten lebendigen Zobel, den er gefangen hatte, und in einen kleine Schnurgebunden hielt, der nichtsz andersz den Fleisch asz, war nicht willd.	
Wald	Den 16 Dito, bei drei Stunde vorm Tage, brachen wir auff, und durch ein grosz dicher Walld, von einen Berg-felsz auf die ander. Und sein wir einer [Weg?] untergefahren, der	
Lela Strom	bisz im Grunde, auff dem Strom Lela 5 Würste (:das ist eine Meille:) hinunter war, den der Weg war umb den Berg bei der Seiten gemacht, weillen nicht muegel:[1] gleich hinunter zufahren: auf der linchen Seiten, war eine abshewl.[2] sehr tieffen Grund, da der Weg neben her ging. Zur ande-	
Tieffer Thalle	ren Seiten dieszesz Thall stehet ein mächtiger hoher Berg-felsz, auch ist zur linchen nichts den hohe Berge von Felszen,	
hohe Berge	welche, wegen dasz Holtz so darauff wächst, wie schwartze Wolchen anzuszehen. Komen alszo auff gemelten Strom	
Tater Hiurten	Lela da wir bei einer Stunde lengsz auff hinfuhren, bisz an 4 Tater Hiurten, die dem Strom ligen, von Werkuria	7
Kein Acherbaw	Diesze gemelte Örther von Jeua ab, bisz anhero, haben keine Ackerbaw, wegen die steinige Gebirgen und Felszen, und ist lauter Steingrund, darumb dar kein Korn kan wachsen; die Leute, die alldar wohnen, müssen ihren Brodt, Korn und Getreide, allesz mit groszer Mühe von der Stadt Werihetur kauffen und abhollen.	
Walld	Von gedachte tater-Hiurten da wir gefüttert hatten, fuhren wir durch ein dicher bösz huegeligten Walld, da wir gegen Abend durchkamen bei ein Dörffl: mit fieren Höffen, Melinkouna genant	4

Guth Kornland — Allhier ist abermahl gut Kornland, auch fleust der Strom L e l a hier vorbei, sonsten K a m i n a R e z k a genant, der dasz Waszer meistetheilsz, von den Bergen umbher, samlet, ist doch sehr fischreich.

Stein Rotsen — Den 17 Dito wieder mit dem Tage auff, fuhren auff selbigen Strom bei 3 Meil. Kamen alszo in ein Dorff K a r a u l genanndt 4

Zur beiden Seiten diesen Bach, oder Flusz, heutigesz Tagesreisze, liegen hohe, lange und rauhe Steinfelsen, alle mit Danne und Birchenbäume

[Стр. 12]:

bewachsen, mit Wunder dasz die Bäume alszo ausz den harten Stein-Rotzen[4] aufwachsen können, etl: sein lustig, etl: aber grawl: anzusehen, zu dem hangen ihrer etl: die Felsen, über den Bach, da man unten hinführt, und scheinet vor dem frembden Leuten, denn esz ungewohnet vor kommet, alsz wen die Felszen sich über den Strom wollten stürzen und den Reiszenden auff den Köpfen fallen. — Ziumken

Die Secte Wagultzen genant — Bei dieszesz Dorff K a r a u l wachset guth Getreide, da die Einwohner räumen den Busch und Holtz dar weg, und ihren Kornland drausz machen; die Einwohner aber sein meistetheil. eine Secte, W a g u l l t z e n genant. Von ihnen soll hernechst Bescheid gegeben werden.

Karaul eine Wache — Diesz Dorff hatt auch den Nahmen von einer Wache, den K a r a u l heist, auff theutsch eine Wache, wegen dasz, dasz der Zarr, hier eine P r e k a s e n i k oder Befehlhaber bestellt hat, mit eine Wacht, der Achtung musz geben, wer ausz oder ein Ziberien gehet, auch zu besichtigen, dasz keine unfreie Wahre, ein oder ausz bringet, und wer nicht mit desz W o i e w o d e n im nahmen ihrer Mayest: Brieff nicht verszehen ist, der kombt zu schaden und wird nach W e r i k e t u r gebracht. In disz Dorff ist nicht mehr den 4 Rusche Höffe, die andern alle W a g o u l t z e n.

Guete Zobel und schwarzl. Füchse — Nach dem Bawern ihren Sagen, gibt esz hier vielle guete schwartzliche Füchse, andersz Futterwerch, Ellandsthieren und Bären, etc.

Davon die W a g u l t z e n sich ernehren.

Hiermit q u i t i r e n wir die hohen Steinberge und Felsen, worüber wir 31 Meillen unsere Reisze mit mühe zugebracht haben, jedoch ohne allen Schaden, noch Verletzungen, darvor Gott gelobet.

Die 1-te Stadt Werikekur 14 Podewoden Tura Strom — Den 18 Febru: mitt dem Tage wieder ausz K a r a u l durch ein Wald, und zu Mittag in der Stadt W e r i k e t u r 7

Hier das 14 Mahl frische P o d e w o d e n.

Unter dieszer Statt fleust der Strom T u r a.

Eine Vestung Weriketur, auff ein Hügelfels gebawet — Dieser Stadt ist der erste Stadt in Ziberien, und auff des landesz M a n n i e r eine Vestung, mit ein höltzern Wand wie ein Mawer gemacht lings umb, nicht grosz im Begriff, zimbl: vest, mit ein Bolwerch auserhalbe der Stadt woll versehen, gegen B a s k i r e n gemacht; stehet auch auff einen harten Felszen, der nur etwan huegelich ist, nicht hoch auffs Ufer desz Stromesz T u r a, hat auff $^1/_4$ Meil Rund umb, Wald, und ist ein Schlüssel und der erste P a s. im

Starcher Auffsicht — Ziberien, dar allesz, esz sei Völcher, Schlitten, Kasten und alle Wahre f i c c i t i e r e t wird, wasz im Lande ein oder aus-

Ende	gehet, auch wird niemand p a s s e r e t. Ja nicht der beste B a j a r musz sich mit alle seine Gueter f i c i t e r e n laszen,	
	[Стр. 13]:	
Ficitierung in Werihetur Süd Ost	und so jemand Unfreier Wahr oder mehr Güeter bei sich hatt, den wasz sein Pass. lautet, wird solches alles von Zarren genommen, esz sei Gelld, oder Zobeln, Silber oder Golld, deszwegen hatt der G o u e r n e u r, der da r e g i e r e t, vor den Zaren muszt sein Eid thun, und das Creutz küszen, dasz er niemand solle verschonen, und den Zaren trew sein. Obgleich wir desz Zaren Siegel und Brieff hatten, dasz er uns dar solte f r e i p a s e r e n lassen, müsten wir uns doch laszen f i c i t i e r e n, da allesz wurde auffgeschrieben, wasz sie sahen, jedoch blieb viel verborgen etc.	Ziumken
Soldo Flusz	Den 19 Febru: gingen wir ausz W e r i k e t u r mit den Abend, und war unsere Weg Südost, bei 3 Meillen lengsz dem Strom T u r a; lieszen alszo den Strom zur linchen, und übersz Land im Dörffl: S o l d a	4
Walld 8 Meil	Hierbei fleust einen Strömbl: S o l d o genandt, ist nicht breit, hat aber starch Lauffen des Waszer.	
Attagieua Strom	Den 20 Dito, mit dem T a g e auff überselbige Bach: durch ein dicher Walld, 8 Meillen breit, da wir auff dem Strom A t t a g i e u a komen, fuhrn darauff bisz dasz Dorff M a k i n o u a	9
Wald	Den 21 etl. Stunde vorm Tage darvon, fuhren durch ein dich. und wust. Wald, da wir Nachmitag durchkamen, im Dorffe B l o g o w i z i n k e S l a b o d e	16
Unglüch in unsere Comitat	In dieszen Walld geschah heute ein Ungelüche, an unszern L e u t e n a m b t s, einer H a n s A d a m M ü l l e r genant, in deme er sein Bein zerbrach.	
Kederbäume und desen Frucht im	Heute habe ich mit groszer Lust die herl: und zierl: Bäume, welche man K e d e r b ä u m e nenet, gesehen, ist ein fein und rein Holtz, zum Thische und Taffelen sehr schön, bleibet alle Zeit herl: Nobel weisz, sein auch sehr fruchtbar, den sie tragen Apffeln-gestalt, balde wie Danenapffel, aber grosz, und groszer alsz ims [ein?][5] Schwane ey, inwendich voller Nüsze, die düne Schallen haben, süsz und wollschmakend, K e d e r n u s e genant.	
2 Stadt in Ziberien Iapanzin	Den 22, mitt dem Tage weiter, kamen in dasz Städl: J a p a n z i n	7
15 Podeuoden Norden	Hier zum 15 Mahl frische P o d e u o d e n. Hier fleust Tura Strom vorbei, dieszesz Stedtlein ist nur Schlecht, gantz offen, auszgenomen ein klein C a s t e l, mit einen höltzern Wand, darine desz Zarren prekasi oder C a n z e l e i, mit etl: Magesin-hauszer, und desz W o i e w o d e n Hausz, allesz von Danen Holtz gebawet, disz stehet miten insz Stättl: etc.	
Schön Felld. und Kornland	Allszo haben wir heute die wüste Wällder verlaszen, und sein über lustige Felder gangen, die man am Wege mit feine Dörffer gebawet ist, und sehr viel Hewschlag und Kornland.	
Wald	Den 23: aus Japanzin gingen die erste 2 Meillen über fruchtbare Fellder, da Dörffer langsz am Wege stehen, darnacher durch ein dicher Walld bisz dass Dörffl: B o r b o z i n a	6
	Noch allhier bei den Strom T u r a sehr krum umbgehet.	

[Стр. 14]:

		Ziumken
	Den 24 Februari mitt dem Tage auff. durch ein birchen-Walld, 3 Meilen; kamen allszo in dasz Dorff Turinzke Slabode.	
	Hier gefüffert, dan weiter über ebene schlechte Felder, dahin und wieder Bäume stehen. kamen allszo über Tura Strom, dar ein ander Flusz, nembl: Vsnitza sich mit ihn zusamen stost, gingen alszo vorbei Bogowezinke Slabode, der zur Rechten liget, dan weiter über ebener Feld in das Dorff Lipka	8
Vsnitza Strom	Bei Bogouetzinke Slabode kombt der Strom Vsnitza auszm Südwest und felt dar in die Tura-flusz, hat starch Waszer etc.	
	Den 25 Dito mit dem Tage ausz Lipka durch einen Wald, bisz dasz Dorff Kasminska, da wir etwasz füterten, dan weiter in einen groszesz Dorff Kolakow, dieszen Tag	5$^{1}/_{2}$
Ein fruchtbares Land und Gegend	Dies Dorff est sehr woll mit grosze Höltzern Hewszer gebawet, ligt sehr fein, auff einen lustigen Orth, zur rechten hat esz ein Flech und obenesz fruchtbahres Felld, sehr Kornreich, zur linchen den Strom Tura, der viel Fische giebet; haben auch sehr vielle Hewschläge, drumb die Bawern alldar reich sein, und haben ihren Handtierunge mit Korn und Fische, welches im Überflusz dargibet.	
D: 3 Stadt Thjomein	Den 26 kamen wir guth. Zeit in der Stadt Thiomein . .	5$^{1}/_{2}$
	Hier zum 16 Mahl frische Podewoden, und zuletzt.	
	Dieser Stadt Thiomein stehet auff einen sehr hohen Ufer, an dem Strom Tura, der hier unten weg fleust nach Norden zu. Der Stadt ist nicht grosz begriffen, und mit einen Staket, von Bäumen vor ein Anlauff befestiget, deren Pforten, im einen höltzern Thurm geszetzet, hat aber eine kleine höltzerne Castel in der Stadt gelegen, welches mit einen höltzern Wand, wie ein Mawer umbher verwahret, nach landesz Manier, drine nichtsz mehr, dan der Canzelei od. Prekasi. Item des Woiewoden-Hausz, und die Monitzion, sambt etl: Magesin-Hauszer, stehen.	
Fruchtbahren Orth und Land	Ist sonsten einen feinen lustigen Gegend, dar allerlei Prouiant sehr guth Kauff ist, bevohr ab, die Feldfrüchte als Korn, Meel und anderesz dergleichen; dieszer Stadt ist bei unsere Zeiten gantz abgebrandt, alszo dasz wenige Hauser auszgenomen der Castel bestehen blieben; über den Strom Tura haben die Tataren ihre igene Slabode, dar sie wohnen, die welche desz Zarren dienste, als Reuter thun, dar-	

[Стр. 15]:

		Ziumken
	vor sie jährl: ihren Lohn haben; auch wohnen ihrer sehr viel umbher, ins Land; wansz nöthig thut, sein sie fertig etc.	
	Den 27 Febru: gingen wir ausz Thiömein, über einen ebenen Felld, zu erst über den Strom Tura, hernacher, nebenst einen See, und Moras, hinweg. Vorbei viele Tater-Hiurten. Kamen in Dorff Borokov	5
Wald	Den 28 Dito von dar, und frühe morgensz im Sosanoua gefütert	3
	dan weiter durch ein Walld in Zuza Slabode . .	6

Walld

Den 1 Martzie, frühe von dar, durch einen dichen[6] Walld, und im Dorffe Iarchow gefüttert, dan weiter in das Dorff Borosowe 7

Tobolo Strom

Hier kamen wir erstl: bei den groszen Strom, Tobolo, nachdeme wir Tura Strom hatten quitieret, der sich in der Tabolo erszäufft hatte.

A Dito, da wir in Beresowe gefütert, gingen wir weiter, ein Walld, bisz in einen Taterdorfe Biechtokowe-Hiurt genant, da wir bei drei Stunds vorm Tage ankamen 8

Den 2 Martzi, gingen wir frühe von dar, und zu Mitage in einen andern Taterdorf gefüttert, Turbrinzke-Hiurt genant. 4

Hier wenig gefüttert, dan zu einen andere Hiurte . . . 3

Diesze Hiurte und Tater-Wohnungen sollen hernacher geschrieben werden.

IREtise Strom
Tobolski Stadt

Den 3 D to gingen wir über ebene Fellder, doch etwas höcherich, mit dem Strom Tobolo, zur linchen ligend, gingen allszo, wegen der Krüme des Reuiers, gleich zu, durch etl: Tater Dörffer, und kamen auff den starchen Strom IRetis, da wir ein wenig darauff hinfuhren, bisz an der Stadt Tobolski 4

Beschreibung der Stadt Tobolski, sambt deszen Umbstende und Gelegenheit.

Haubstadt Tobolskt

Dieser Stadt Tobolski, an den beiden grosz. und starchen frisch-und fischreichen Waszern, oder Strömen Tabolo und IRetis gelegen, ist derHaubtstadt in Ziberien, vom Rusen gebawet, stehet auff einer echen und spitzen des hohen Ufers, alsz einen Berg über den Strom. Selbe Berg oder Ufer, wie ich selber geszehen, ist unten von dem Strom ab hoch etwasz über 25 gute Klaffter

Högde des Berges ist 25 Klaffter

[Стр. 16]:

Steiler Bergs, da man nicht woll kan hinauff komen

und ist vorne an so steil in der Högde, dasz man nicht mit einem Wagen oder Fueder kan hinauf komen, nur zu Fusze, und kaum reitend, und wannsz wenig geregnet, ist es schlifferig, das man hierunter glitzen musz und ohne einen gueten Stab, mit einen eiszernen Spitze, da man sich anfestiget und hält, nicht woll ohne grosze mühe auff komen kan; drumb haben die Leute unten an selben Berg einen Weg gemacht, darinen Grund ist, da sie hin auffahren, gerade der halben Stadt umb.

Stats Theilung in 2 Theile

Der Stadt theillet sich in 2 Theille, nembl: 1 Theill aufm Berg, dasz ander Theil unten am Berg, an und mitt dem Strom, auff einen ebener Platze. Zu der einen Seiten, eine hohe Berg, zur andern, den Strom.

Der Vestung

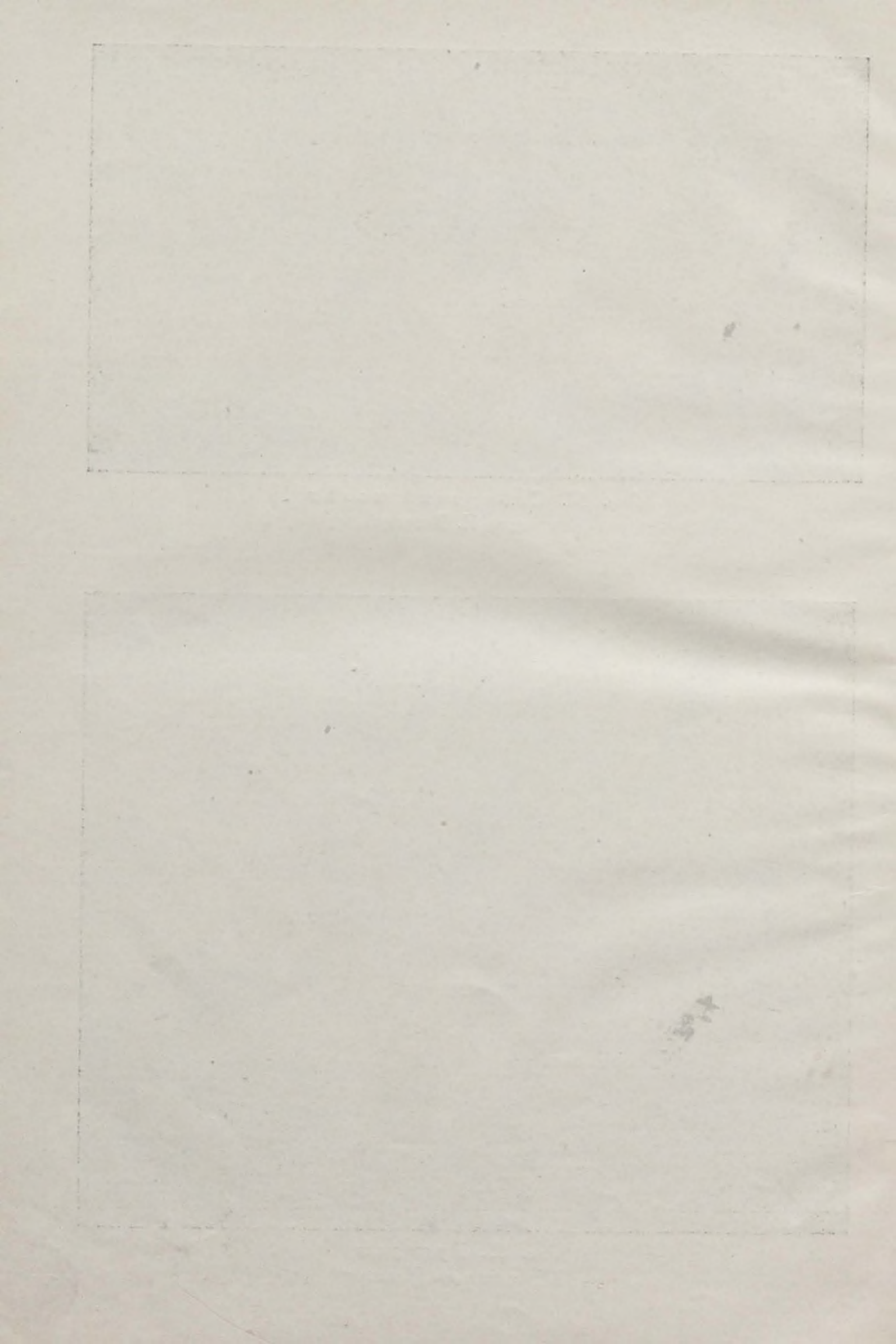
Der Stadt auffm Berge ist die Vestung, aber andersz nicht fortificieret, den nur vor ein Anlauff, mit einen Staket, von Danen-bäumen, die gerade auff stehen wie Palesaden, dichte an ein ander, ohne Grasz [?нрзб.][7] und Wall, auf der Spitzen des Berges.

Der Castel
Der Mawer, mitt einem Umbgang

Oben über dem Reuier eine Castel, von lautenem Holtze gemacht und gebawet, hatt einen zierl: holtzerne Mawer, Rund umbher, da ein Balchen auff den ander liget, wie man die Häuser bawet, zimbl: hoch und rund umb oben mit einen zugedechten Umbgang, worine Schieszlöcher gehauwen sein; unten in selben Fortification, ist der Mawer rund von Holtz[8] [?] mit

Рис. 54. Сибирский шаман
(Из книги Н. Витсена)

Рис. 55. Тунгусы
(Из книги И. Идеса)



9 Thürme, wie Bastionen
3 Pforten
Die Gebäuden

Kamern, da itz Schätze verwahret werden, solte aber ein Feind komen, könen die Soldaten drine logieren, hatt auch 9 schöne Thürme vom Holtze achtechig und veste gebawet. 2 Pforten nach der Stadt zu, und einsz nach dasz Waszer. In diesz Castel stehet nichtsz mehr an Gebawden, den nur desz Zaren seine prekasi, oder Canzelci, item des Zaren Hausz, da der Woiewode risidieret, und eine kleine Rusche Kirche, allesz vom Holtze, noch einen gemäwerten Gewelbe, wie einen Keller, darine die Amonition verwahret wird, der nicht mit Erde ist ober zugedecht, und mit grasz bewachsen. Sihet ausz wie ein Huegel, ohne einiges Dach überher. Allhier werden alle Schätze, was von gantzem Lande Ziberien zu dem Zarren geszamlet wird, zugebracht, alsz Zobelen, schwartze, weisze, rothe und grawe Füchsen, item Biber, Luechse, Grawwerch, und wie es nehmen hatt,

Amonition Gewelbe

Zaren Schatz allerlej Gattungen

[Стр. 17]:

wasz vom Lande einkomet, da ein jeder Prouintze, jährl: a parte dasz ihrige hinbringet, wie auch die vortreffel: schöne Falchen, die dar gefangen werden. Item die köstl. und kostbaren Wahren ausz Chitaike, alsz Specerei und andere treffel. Sachen, welches durch den Woiwoden, in Tobolski, tacsieret wird, der alsz einen Vice Roy dar residieret, und wansz Winter wird, allszdan allesz das Guth nacher Muskow auff Schlitten verschaffen musz, worzu Jemziken, das sein Fuhrleute, darzu bestellet sein, selbige Schatz vorth zubringen von einer Stadt zu dem andern, davohr sie jährl: ihren gewiszen Lohn haben. Obgemelte Falchen aber werden Nobel fortgebracht, den von ein jegl: wird ein Schlitten, darauff eine Kasten zugerichtet ist, verordnet; selbige Kasten ist ein- und auswendig, mit Filtz oder Rusch Thuch ausgefüttert, darine sie verwahret und fortgebracht werden; auch wird zu einen jedern Falchen 3 Rubel vermacht, zwischen Tabolschi und Muskow, zur Unterhalt. Eben in dieszer Statl. stehet auch ein grosz Closter, darine einen Metrepolit Residieret, der über alle geistl: zu gebieten hatt, etc. Der Woiewode aldahr wird alle 3 Jahr abgelöst, und einen anders in seine Stelle.

Fälchen

Wie die Falchen werden forthgebracht nach Muskow

Einen Metrepolit

Belanget der Unterstadt, unterm Berg, an den Reuier, ist gröszer begriffen, hat nur eine grosze Strasze, so woll alsz der Ober-Stadt, gleich hin durch, aber etl: andere Gaszen und Zwerchgaszen, und kleine Gänge, weilen die Häuser so dichte an ein ander stehen: der eine Seite, längsz mit den Reuir, und dan in einen halben Mond bisz an dem Gebirge strechend. Stehet auff einen morastgten Grund. Recht ansz Waszer stehet ein Closter zimbl: grosz, darine einen Erchimer, oder einen Abt, mit einen Hauffen Rusche Möniche, sein, und wansz hoch Waszer wird, welches gemeinlich im Frühling geschicht, dan stehen alle die Häuser allhier, bei 2 Ellen, und drüber, tieff insz Waszer, dasz man alle Gaszen mit Böthen, ja einem Hausz zum andern fahren musz, auch folget das gantze niedrige Land, so weit man auffm Berge überzehen kan, im Waszer, welches etl. Wochen werret, bisz dasz Waszer abfält. Dieser Unterstadt ist gantz offen, wie ein Flechen, wird von Rusen, Bogaren und Tatern bewohnet.

Der Unter-Stadt unter dem Berge, mit der Gelegenheit.

Einen Apt
hoch Waszer

Der Einwohner Handtierunge

Die Ruszen allhier treiben ihren Handthierung meiste Theils mit Fischen, die in den beiden Strömen, alsz grosze Stör, Sterlinge, Hechte, Karautzen, Braszem, Baarsze, item Nielm und Giesei, ein fetter und wollschmekenden Fischen und andere mehr, die überflussig dar gefangen werden. Auch hantdtieren sie mit allerlei Korn, kauffen und verkauften, mit andere

[Стр. 18]:

Schachereien mehr, dasz ein jederer ein Kauffman wil agieren. So wohnen auch allhier viellen Handwerchsleuten, alsz Schmiede, Schuestersz, Schneidersz, Ledergärbersz, und dergleichen, aber insz Acherbaw will sich niemand üben, darumb dasz herl. fette [sic] Land musz wüste ligen. Der

Guth Kauff

meiste Theill diese Leuten sein in dasz Zaren Dienst, als Reutersz, Soldaten, Strelitzen, Pferd- und Fuesz-Kosachen, die alle ihren Fahr-lohn bekomen, darumb sein sie auch so faull und nicht arbeiten mögen, sondern sich drauff laszen, ist allesz alldar sehr guth Kauff, absonderl: der herl. Fische etc

Den Tatern ihrer Wohnungen undt Handtierung

Die Tataren haben auch in den Unterstadt, am Waszer, ihre eigene Platze, dar sie bawen und wohnen, iedoch ihre Gueter, auff ihren Dorfern auffsz Land, umb der Stadt her, dar sie im Somer ihren Acherbaw, Hewschlag, Viehzucht, Fische und Vogelfang haben, selbe fleisig warten und treiben, davon sich auch eine grosze Gewinst haben; sie leben frei und geben niemand etwasz, verkauffen viel Korn, Butter, Fische, Endten und allerlei Vögelwerch, die sie auff den Strömen mit Schlingen und Angelen fangen,

Ihre Hiurten Thüeren

im Winter wohnen ihr etl: in der Stadt im ihren Hiurten, welche sie gantz niedrig vom Holtz bawen; haben niedrige Thüren, dasz man drein gahr kreichen musz, kaum $1^1/_2$ Ellen hoch, die unsz seltsam vor kamen.

Kaminen

Haben keine Offuensz, brauchen in dieszen Platze einen Camin, oder Schornstein, der von etl: Stöchen, mit Leem umbschlagen, gemacht sein, und allszo niederig, dasz selbige kaum durchsz Dach gehet, drumb wen sie Fewer machen, fleuget [sic] der Flame, sambt die brenenden Funchen sehr weit in der Högde, dasz man weit und von Ferne sehen kan, woe ein Tater wohnet. Ihren Stueben haben keine

Ihre Fenstern

Fenstersz, dan nur oben miten insz Dach ein rundesz Loch, da der Tag durch scheinet, etl: legen oben, auff dasz Loch im Winter, ein Stüch Eisz, welchesz einen klaresz Schein giebet, etl: aber und gemeinl. machen von Strohe oder Hew einen groszen Pfropf, in einen alten Sach oder Ragoske, und machen damit das Loche zu; so einen Pfropff brauchen sie auch in ihren Schornsteinen, wansz Fewer auszgebranndt ist, damit die Hitze in der Stueben bleibet, wie ich selber solchesz gebraucht, da ich in so eine Hiurte gewohnet.

Ohne Dächer

Diesze Hauszer haben keine Dächer, sondern oben platte, und gantz oben, mit diecher Erde belegt, deszwegen im Somer gantz grün sein.

Bänchen sehr niedrig nicht halb keinesz hoch

In den Stueben sein sehr breite Bänche, wie einen Schweiszbanch, so breit, alsz ein Mensch lang ist, drauff sie sitzen, schlaffen und stehen, und ihren Lager auff einen dichen Matratz oder Filtze haben; die Reichen schmüChen ihre Bänche mit herl: Tapeten, etc.

[Стр. 19]:

Die Tatern ihren alten Zarren in Ziberien

Der Zarewitz noch immer Feind.

Erbe des Landes

Von dieszen Tataren wohen[10] [wohnen]in Ziberien sehr viele, den esz in vorige[n] Zeiten, vor 95 jahren, ihre eigenen Land gewest, haben auch ihren Zaren gehabt, welcher, auff dem Berg, woe ietz Tabolski stehet, Residieret hat. Solchen Orth man noch sihet, wie auch hart darbei auff dem andern Berg bei einen Muschketenschosz, zweien andere Mürsen oder Fürsten gewohnet haben, da noch die Graben, und Wälle, umb ihren Wohnungen zu sehen ist. Von obgemelten Zaren lebet noch einen Sohn, Zarewitz genant, der sich noch immer dar Feind erkläret, und will sich keinerlei Weisze, gütl: unter den Ruschen Zaren ergeben, und ob gleich der selbige weder Stätter noch Hausz hatt, so hält er sich doch in der Stiepe oder Wildnisze, dasz ist eine Heide, auff, da weder Holtz noch Leute sein, auch in der Klüfften und Gebirgen, hatt wenig Volch, nembl: Bazkiren, bei sich, jedoch thut er alle Jahr, umb die Erndte, einen Zugh auff der Grentzen, an Ziberien. Und woe er sonsten kan, nimbt vielle Leute und viele Viehe hinweg, so er kan, und dan wieder darvon, und kan man ihnen nicht woll nachsetzen, weillen der Stiep überausz grosz ist, und ohne einige Weg oder Steg, deszegwen seinen Mars oder Pfuhr nicht kennen, kombt man endlich hinte ihnen, stehet[11] [?] er gegen den Winde, und stechet mit Fewer der Heide hinter sich an, damit gehet er sicher. Dieszer Zareuitz erkenet sich imer vor einen Erben desz Landesz und gibt sich, nimer, guthwillig.

Biszweillen bringet er die Bazkiren, auff seiner Seiten auff, da er da eine grose Rumor machet, etc: darvon weiter.

Weilen ich auch etl: Wörter der Tataren-Sprache behalten, wolle ich sie dem Liebhabenden Mitheilen.

Jolbosen - Glüch zu, ein Grusz	Augus —Munde	Bieksuk —sehr kalt	Suit —Milch
Koos —farth woll	Boron —Naesze	Jeil —Wetter	Sür —Kühe
Attai - Vatter	Kolak —Ohr	Su —Waszer	Basau —Kalb
Iinia —Mutter	Koel —Hand	Ott —Fewer	Kuras —Hanen
Bitzia —Frawe	Aiak —Fuesz	Aigatz —Holtz	Fauk —Heinen
Oel. —Iüngel: [ing]	Takia —Mutze	Kibita —Stuebe	Jemertka —Eyer
Kas —Mägel	Bieloi —Handschuhe	Itmiak —Brodt	Koii - Schaff
Barandas —Brueder	Kuimiak —Hembd	Maj —Butter	Zutzka —Schwein
Albula —Schwester	Ziarak —Schuhe	Jeit —Fleisch	Kutziuk —Hand
Paes —Kopff	Giesem —Strömpff	Balik —Fische	At —Pferd
{ Satz oder Zerge —Haar	Inia - Nehenadel	Siem —Bier	Atluisa —Hauptpferd
Koes —Auge	Suk —Kallt	Butza —Brache	Jaksi —guth
		Araka —Wein	Jak —nichts

[стр. 20]:

Farffwen

Ziem —Licht	Sabala —Löpffel	Gierma —Grütze	Ak —weisz
Bitziak —Meser	Kasan —Keszel	Aris —Rogen	Kara —schwartz
Balta —Beill	Siulmiak —Topff	Sulu —Habern	Küsül —roth
Tabak —Schüsel	Burtziak —Erbszen	Bietsien —Hew	Skeitan —Teuffel

[Стр. 29]:

Von der Nationen und Secten in Ziberien. So mir bewust.

1 Tatern und wie Sie freien

Die Tatern davon eine grosze Mengde in Ziberien wohnen. Sein Vater den Ruschen Zarren gehörsamb, wie bei der Beschreibunge Tabolski, insz kürtzeste geszagt. Sie leben sehr viehisch ohne Gott und sein Geboth, halten weder Kirchen noch Verszamblung. sein sehr arbeitsam in Acherbaw, Fischen und andere Handtierungen, und wen einer freiet, gehet die Perszohn. die freien will und suchet sich einen Braut au[sz],[12] die ihme gefellt. da er dan mit des megdl: Vater umb die Braut Accordieret, was er ihme vor ihr geben soll. da der Accord gemacht wird und vor so eine Braut an ihre Elltern, wird gegeben, ein Paar Pferde, ein oder 2 Kühen, auch woll ein Phar[13] [sic] Schaffe, und etwas Gelld, zu 10. 15 auch woll 20 mehr oder weniger Reichsthaller, welchesz er lifferen musz ehe[14] [?] er die Braut von ihrn Eltern wegnimbt. alszo machen sie ihre Freien, und kauffen ihre Weiber etc

2 Wagultzen Glaube Gestalt Sprache und Ihre Aberglaube

Gibt es auch alldar eine Volche Wagultzen genant, wohnen hin und wieder insz Land. Diesze Leute wohnen hin und wieder insz Land, glauben noch wiszen nichtsz von Gott, sein Ertzheiden, haben nicht Schrift noch Bücher, wohnen in Häuszer gleich wie die Tater Hiurten, kleinlich Volch von Gestalt, geben den Ruschen Zarren jahrl: eine geringe Contribution an schlechte Zobelen und Füchse, die sie mit Flitzen schieszen; sie gehen in sehr geringe Kleidung, balde auff der Taterschen Arth Ihre Sprache sein von den Tatern gantz abgeszondert, behellfen sich mit gar geringe Speisze, ohne Brodt, sie schieszen mit ihren Boegen vielle Elandszthiere, Bären. und andersz und wen einer so ein Thier geschoszen. welchesz allesz im Wälldern geschicht, hawet er stündlich an der Orth, in einen Baum ein Zeichen, und zeichnet den Orth, da er dasz Thier hat gestellet, bringet es zu Hausze. ziehet esz den Haut abe, welchen er verkaufft, dasz Fleisch aber verzehret er mit seinem Geszinde. aber die Knochen ale und jeden wirfft er insz Waszer, und kein einiger vor ein Hund, noch weniger auff die Gaszen hin schmeist. Wen er nun so ein Thier hat gewunnen, gehet er alle Tage hin zu den Orth, da ersz gefället hat, fallet nieder und bettet den Orth an, und danchet denszelben dasz er dasz Glüch gehabt und so ein Thier niedergelegt, etc.

3 Astaken Gestalt Kleider und Wesen

Sein alldar auch eine Natie Astachen genant, einfeltige Leutl: kleiner Gestalt, tragen leinen Röche von Hanffe gemacht, welche, wen sie recht niederhängen bisz miten an den Beinen reichet, welche sie aber auffschürtzen, dasz sie ihnen eben dem Kniehen stehen, ihr Hoeszen und Strömpffe sein in einsz mit ihren Lapkesz oder Schuhen von rohen Leder gemacht. Sein an den Strömpffen genähet, dasz sie alszo

[Стр. 30]:

Ihre Weiber Habits wie auch die Wagultzen ihre

Hoeszen, Strömpff und Schuhen zu gleich anziehn. Ihre Haar auff den Köpffen, lasz sie über die Ohren, Sirnen[15] [Stirnen?] und Gnich bei 2 Fingerbreit abschehren, darnacher die Haar gleich mit den Ohren und umb abstutzen, wie auch ihre Bärtte. Ihre Weiber tragen auch leinene Röche, und umb den Köpffen her, einen Band, daran einen Hauffen

Рис. 56. Ангарские пороги
(Из «Путешествия» Исбранта Идеса)

Рис. 57. Город Иркутск
(Из книги Н. Витсена)

Рис. 58. Титульный лист книги Г. А. Шлейсинга

59. Самоедское идолослужение (Из книги Шлейсинга)

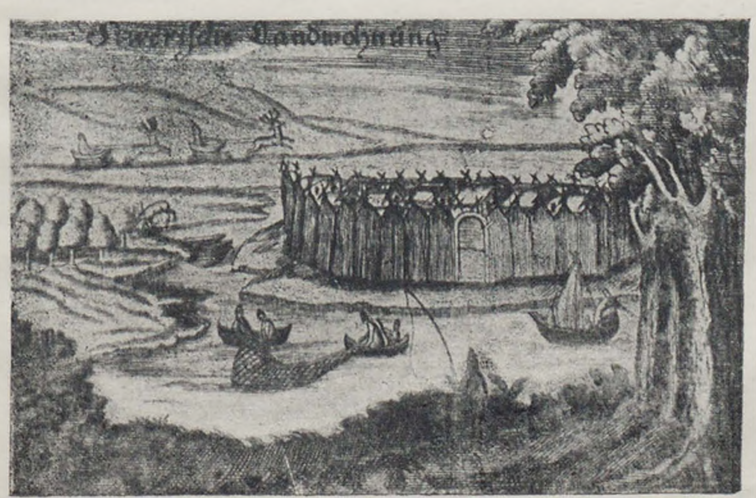
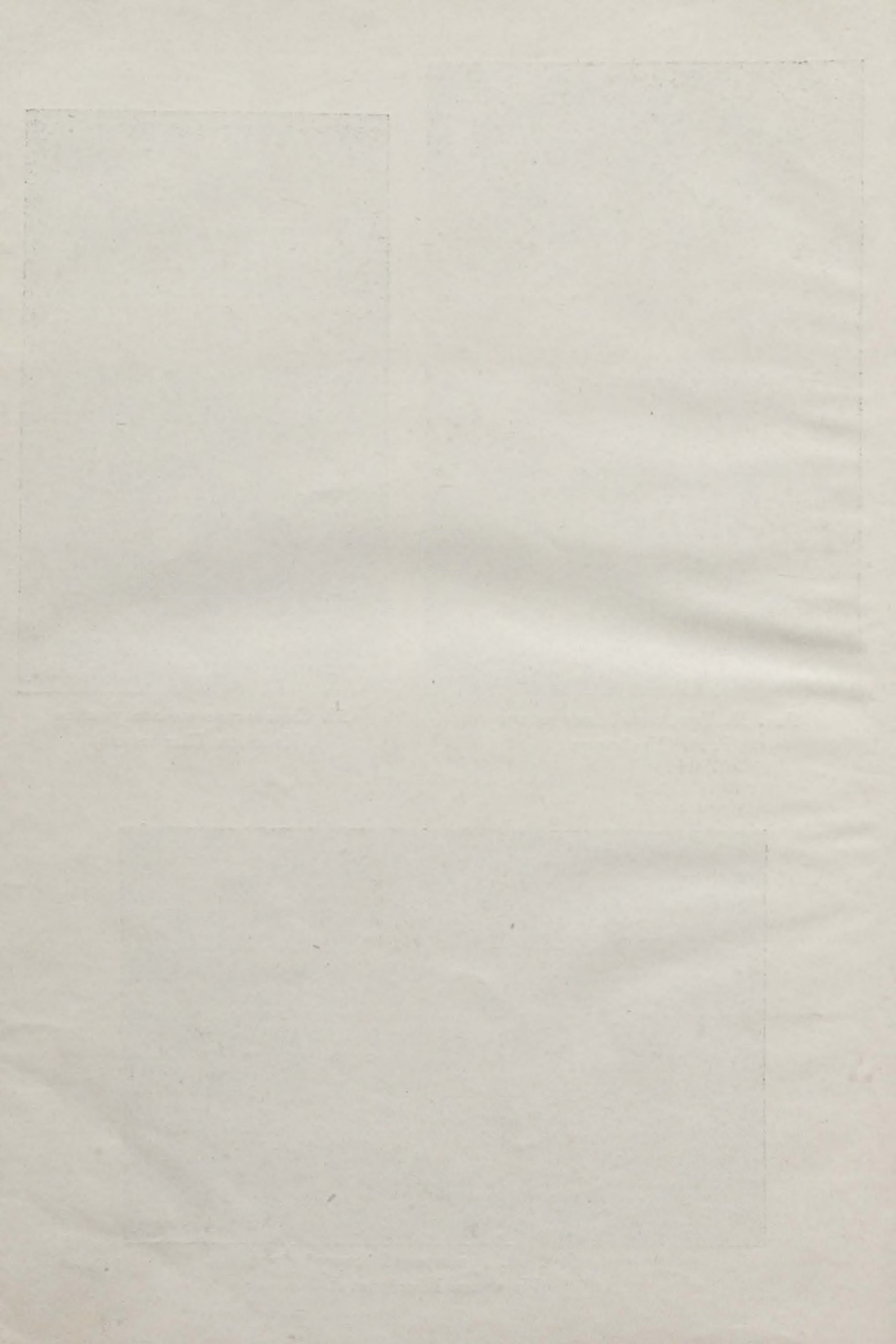


Рис. 60. „Сибирский острог“ (Из книги Шлейсинга)



meszinge Flittersz und Ringen hangen, auch plathe geschlagene Stüchen Zinne, wie imgleichen gegoszen Zin mit Figuren, welche sie kauffen, und ist dasz ihre gröszeste Zirath, worvon sie auch etl: reihen umb den Halsze hangen. Solchen Tracht tragen vorgemelte Wagulzen Weiber auch, und so sie esz haben. Ja aber sie ihre Nägele an den Fingern roth. Diesze Astaken wiszen auch nichtsz von Gott noch sein Geboth oder Wortt, haben weder Bücher, Schrift noch Lettersz; sie opffern uud betten an den Scheitan, dasz ist der Teuffel, welchen sie einen Opfferstelle im Wallde zugerichtet haben, unter einen Baum. Wan derselbe nun mit einen groszen Sauszen und Brauszen ankombt, fallen sie auf der Erden nieder, auch auff den Knien, und bitten ihme, dasz ihnen keine Pferden zugefueget wird, opffern ihme darvohr, Zobelen, Fuchse, Marder und was sie haben.

Glauben an der Scheitan den sie opffern und anbetten

Sie haben auch ihren Pfaffen, Scheitanik genant, der ihnen musz Andtwort geben von den Scheitan; derselbe ist mehr einen Hechsenmeister oder Theuffelszbanner. Diesze Leute leben Nordwertsz von Tabolske, in Hütten, behelffen sich sehr elendig mit das Willd und Fischereien, auch wan sie den ersten Fisch fangen, greiffen sie ihn in beiden Händen, h.ben ihn in der Höhe, betten ihn an und freszen ihn strachs alszo rohe auff, ohne Brodt, welches sie wenig oder nichtsz gebrauchen. Sie sein den rusche Zaren gehorsamb, geben ihme jährl: schlecht Zobelen, Marder und Füchse zum Contribution, und wen sie desz Zaren Woieuode etwasz bitten wollen, setzen sie sich auff den knien mit zusamen gefaltenen Henden, stehen auch nicht auff bisz sie ihre Bescheid haben etc.

Contribution

4 Kiregisen ihre Haubt heiszt Altinzar

Sein auch alldar eine Natie Kiregisen genant, welche von Natur auch Heiden sein, wohnen an den Strom Obij gegen Kitai, haben seltzamen Tragt in Kleidungen, gehen im Winter mit rauche Kleider von Reinthieren[16] [sic], dasz Rauche auszwendig. Ihre Weiber haben auff den Köpffen eine Zirath von Torch von den Bäumen rund weit, wie ein groszesz Sieb, welchen sie mit einen Haderlumpen überdrehen: diesze Leute freszen Fleisch und Fische, allesz rohe, etc.

5 Baskiren

Sein alldar auch die Baskiren, ein willd und feindseelig Volch; grentzen mit den Calemiken an der Stiepe, wohnen südwest von Tabolski. Diesze Leute haben sich feindseel: gegen den Ruszen erzeiget, weillen vorgemelte Zarewitz seinen Vättern Siberien zugehört haben, diesze Leute er sonsten alle Wege

[стр. 31]:

zu seinen Dienste hatt gebrauchet; sie sein zu Felde, und zwar zu Pferde, welche Schnelle laufen: mit ihren Bogen und Flitzen sehr geschwinde, schieszen sehr woll [und] zum rauben sehr geneiget. Sein flüchtig, und halten im Felde keinen Tropen, sondern ein jeden thut seine Defour gahr geschwinde, dan insz Feld, dan wieder dran zu itzige Zeit. Sein sie mit den Ruszen feindlich, so lange esz dawert, etc.

6

Sein die Samoioden, die gnug bekant sein, welche unten desz Rusen Zarn gehorsamb sein etc.

7 Eine Sechte Mugalen, Barbarske Leute, etc.

8 Konguren, dergleichen.

9 Zierenen, etc.

Die vornembste Ströme, Diese Reise, ist:

1 Der Wolga,[17] bei Wolgeda und laufft Ruschland durch in der Caspiske See.

2 Duina. Zwischen Soleuitzigda, der unter Archangel insz Meer fellet.

3 Witzigda, bei Solewitzig, der auch bei Archangel insz Meer fellet.

4 Wilite, zwischen Soleuitzig und Kaigorod, der im Strom Witzigda fallt.

5 Sisile, zwischen Caigorod und Cam.

6 Cam, bei Solecams, der unter Kasan in der Wolga fallt.

7 Tura, bei Weriketur, in Ziberien, der in Tobolo fellt.

8 Vsnitze, der bei Bogowetzniha Slabode in Tura einfelt.

9 Tobolo, der sich mit =
10 IRetis bei Tobolski vereiniget }

11 Taffa oder Tawda, der bei Zawda in der Iretis einfellet, gehet weiter den Bergen von Ziberien, und unten an Archangel etc.

12 Obij, der in MangaSee einfellt.[18]

13 Mangasee aber in der Weigatz.

Ende

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] muegel: т. е. möglich; [2] abshewl.—повидимому abscheulich, отвратительный, ужасный; [3] fieren вм. vieren; [4] разобрано предположительно: м. б. Stein-Ritzen? Ritz щель; [5] вероятная описка; [6] следует: dicher; [7] одно слово написано неразборчиво; [8] в подлиннике непонятное hoel; разобрано предпредположительно: Holtz; [9] fleuget=flieget; [10] очевидная описка; [11] разобрано предположительно: в подлиннике написано неотчетливо, м. б. stechet? В выражении: «in Brand stecken...» (ср. в рукописи: «stechet mit Fewer») оно означает: поджигать; [12] в подлинняке недописано; следует: ausz; [13] ein Phar: конечно, следует: ein Paar; [14] ehe—разобрано предположительно; [15] Sirnen; вероятно описка автора; [16] следует Rennthieren: северные олени; [17] вероятно следует: река Wologda, которую автор смешал с Волгой; [18] название «Мангазея» автор, повидимому, этимологизировал от немецк. See—море; но из следующей строки выходит, что под «Мангазеей» разумеется река. Все остальные названия переданы, в общем, правильно: Soleuitzigda—Сольвычегодск, Witzigda—Вычегда, Sisile—Сысола; под Vsnitse, повидимому, следует понимать р. Ницу (сл. у нас выше, стр. 340).

К РИСУНКАМ

Рис. 1. (Стр. 8—9; вкладной лист). *Иркутский фрагмент „Истории монголов" Плано-Карпини.* Транскрипция изображенной страницы фрагмента помещена на стр. 343; русск. перевод ее—стр. 345; объяснения—стр. 5—8.

Рис. 2. (стр. 13). *„Некие чудовища" Восточной Азии* Из Базельского издания „Космографии" Себ. Мюнстера, по экз. Всенародной Библиотеки Украины в г. Киеве. О книге: стр. 120, 140. Комментарии к рисунку: стр. 12-14; 20; 120—122; 128; Введение, стр. LVI, прим. 57; ср. также стр. 364.

Рис. 3. (Стр. 52). *Татары.* Из книги С. Мюнстера, 1544 г.

Рис. 4. (Стр. 53). *Татарин* С карты Вальдзеемюллера, 1516 года: J. Fischer und F. Wieser, Die Weltkarten Waldseemüller's, Innsbruck, 1903, folio. Часть этой карты, обнимающая московское государство и сопредельные страны Азии воспроизведена в атласе В. А. Кордта, Материалы по истории русской картографии. Вторая серия, вып. 1. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, 1906, табл. I. (Об этом издании см. „Отчет о 13 присужд. премий митр. Макария",СПб. 1912, стр. 177—196; И. И. Лаппо. Отзыв о труде В. Кордта: „Материалы" и т. д. Юрьев, 1907; другие рецензии и отзывы указаны ниже) О картах Вальдзеемюллера 1507 и 1516 г. г., кроме литературы, указанной у В. Кордта (op. cit., стр. 3—5) см. еще H. Michow, Weitere Beitrage zur älteren Kartographie Russlands,—„Mitteil. d. Geogr Gesellsch. in Hamburg" Bd. XXII, 1907, S. 135—136. С той же карты воспроизведены у нас рис. 9, 25.

Рис. 5. (Стр. 67) *Белые медведи.* С карты Олая Мангуса, 1539. Эта карта долго считалась потерянной, но в 1886 г. экземпляр ее найден был в Гос. Библиотеке в Мюнхене: O. Brenner, Die echte Karte des Olaus Magnus v. Jahre 1539, Christiania 1886 (из „Vidensk-Selsk. Forhandl." 1886 Nr. XV); H. Michow, Weitere Beiträge, S. 137—139. Об авторе карты см. у нас, стр. 228. С той же карты воспроизведены у нас рис. 6, 7, 8, 10, 12, 13.

Рис. 6. (Стр. 68). *Деталь карты О. Магнуса.* См. прим. к рис. 6.

Рис. 7. (Стр. 69). *Куница и соболь.* См. прим. к рис. 5.

Рис. 8. (Стр 79). *Горностаи.* См. прим. к рис. 5.

Рис. 9. (Стр. 80). *Шаман верхом на олене.* С карты Вальдзеемюллера, 1516 г.; см. прим. к рис. 4. Подпись следует читать: „Magis septentrionales equitant seruos", т. е. „северные волшебники (шаманы) ездят на оленях". К слову equito см. стр. 38.

Рис. 10. (Стр. 82). *Охота на тюленей.* См. прим. к рис. 5.

Рис. 11 (Стр. 87). *Деталь карты С. Мюнстера.* Рисунок воспроизведен из издания 1552 г. по перепечатке у А. Миддендорфа, Путешествие на Север и Восток Сибири, СПб. 1860. Ср. прим. к рис. 2.

Рис. 12. (Стр. 89). *Деталь карты Олая Магнуса.* См. прим. к рис. 5.

Рис. 13 (Стр. 95). *Белый сокол.* См. прим. к рис 5.

Рис. 14. (Стр. 99). *Портрет Герберштейна.* Из Gratae posteritati, Vienna 1560, по перепечатке с экз. Британского музея в Лондоне у J. Baddeley, Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. I, p. LXIII. Объяснения к портрету и полное заглавие книги см. на стр. 163. Из той же книги взят у нас рис. 18.

Рис. 15. (Стр. 103) *Русская тройка.* Из первого издания «Записок» Герберштейна („Rerum Moscovitarum Commentarii", Vienna 1549), а не из „Gratae posteritati", как ошибочно сказано в подписи к рисунку. См. J. Baddeley, op. cit., vol. I, p. VII.

Рис. 16. (Стр. 104) *Деталь карты Герберштейна.* По А. Миддендорфу, см. прим. к рис. 11.

Рис. 16а. Стр. 116). *Золотая баба* у Герберштейна. (В счете рисунка—ошибка). Обе помещенные детали карт Герберштейна, характерно показывающие колебания рисовальщиков в передаче графического образа «золотой бабы», взяты из немецкого издания статьи Д. Н. Анучина «К истории ознакомления с Сибирью“ и т. д. (Wien, 1910): полное загл. ее, стр. 128.

Рис. 17 (Стр. 119). *Правый угол карты Герберштейна.* Воспроизведена по Е. Замысловскому, Учебный атлас русской истории, СПб. 1891, в сильно уменьшенном виде, с ошибочным указанием на год издания (ср. карту на рис. 16).

Рис. 18. (Стр. 124). *Корабль XVI века* Из „Gratae posteritati“ (см. прим. к рис. 14); J. Baddeley, vol. I. p. 10.

Рис. 19. (Стр. 133). *Югория и Сибирь.* Деталь карты неизвестного. Эта интересная карта, принадлежащая к редчайшим памятникам картографии, по единственному сохранившемуся экземпляру ее, в собрании П. Я. Дашкова, воспроизведена в первый раз в атласе В. Кордта (загл. его прим. к рис. 4) на трех листах (табл. IV, V и VI). Она составлена не ранее 60-х годов XVI века (точнее: после 1562 г.), причем анонимный автор ее пользовался не только картой Европы Меркатора (для первых двух листов), внеся в нее дополнения по карте А. Дженкинсона, как думает В. Кордт, но и Герберштейном (особенно для третьего листа, обнимающего Азию). Ср. Н. Д. Чечулин. Новые труды по древней русской картографии, Ж. М. Н. Пр. 1906 № 9, стр. 210; H. Michow, Weitere Beiträge, S. 141—144. Детали этой карты воспроизведены у нас на рис. 20, 22, 23, 24, 28, 29, 32.

Рис. 20. (Стр. 134). *Деталь карты неизвестного.* См. прим. к рис. 19.

Рис. 21. (Стр 139). *Золотая баба* Из книги A. Thevet, La Cosmographie Universelle, Paris 1575 vol. II, p. 847 v., по экземпляру Гос. Публ. Библиотеки в Ленинграде. Подпись: „Statue de Stara—Baba (sic) adorée du simple peuple“; на самом рисунке: „Tata—Baba“. Исторической достоверности это изображение золотой бабы, как и другие зарисовки ее (см. стр. 115—116), конечно, не имеет, несмотря на заявление автора книги (стр. 138), что он получил его от польского шляхтича в г. Филиппополе (I, p. 848). О рисунках у Тевэ см. Н. Собко. Древние изображения русск. царей и их посольств за границу, в старых и новых гравюрах. „Сборн. Археологич. Института“ Кн. V, 1, СПб. 1881, стр. 303 и сл.

Рис. 22. (Стр. 148). *Деталь карты неизвестного.* См. прим. к рис. 19.

Рис. 23. (Стр. 151). *Обдорский край.* См. прим. к рис. 19.

Рис. 24. (Стр. 154). *Деталь карты неизвестного.* См. прим. к рис. 19.

Рис. 25. (Стр. 157). *Область самоедов.* С карты Вальдзеемюллера 1516 г. (напечатано ошибочно: 1517). См. прим. к рис. 4.

Рис. 26. (Стр. 172). *Северо-восточный путь в Китай.* Из книги H. Roeslin'a 1611, по экз. Всенародной Библиотеки Украины в г. Киеве (полное загл. книги и ее характеристика: стр. 174).

Рис. 27. (Стр. 173). *Мыс Табин.* Деталь карты Сибири (Татарии) в атласе Абр. Ортелиуса, озаглавленной: „Tartariae sive Magni Chami regni typus“ и считающейся первой печатной западно-европейской картой Сибири (см. В. Кордт, „Материалы“ и т. д. стр. 22 и табл. XVII).

Рис. 28. Стр. 181). *Деталь карты неизвестного.* См. прим. к рис. 19.

Рис. 29. (Стр. 200). *Моление Обдорских самоедов.* См. прим. к рис. 19.

Рис. 30. (Стр. 202). *Заглавный лист книги Витсена.* Книга „Noord en Oost Tartarie“ Н. Витсена (1641—1717) вышла первый раз в Амстердаме в 1692 г., второе изд., значительно дополненное,—в 1705 г. (сравнение первых двух изданий см. у Müller, Samml. Russ. Gesch. I, S. 196—272; Henning, Die Reiseberichte, etc.—„Mitteil. d. Vereins. f. Erdk. zu Lpz.“ 1905, S. 305—312; перечень материалов о Сибири, помещенных в книге: С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России, М. 1902, Прилож. II, стр. 19—27); третье издание, Амстердам 1785, напечатано без изменений со второго, с той же пагинацией, но к нему прибавлено „Введение“ Боддерта, „Посвящение“ книги Петру Великому и до 100 гравированных на меди рисунков („eene meenigte Afbeeldingen“, как сказано на заглавном

листе); в их числе находится и воспроизведенный у нас загл. лист. О соотношении трех изданий книги см. еще В. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. 3, стр. 135—137. О Витсене см. у нас в предисловии (стр. XIV—XV); полная библиография о нем будет помещена во 2-й части настоящей работы.

Рис. 31. (Стр. 224). *Тунгус в зимней одежде* (в тексте рисунок ошибочно помечен номером 30). Из первого издания книги: «Driejarige Reize naar China, te Lande gedaen door den Moscovischen Abgesant E. Ysbrants Ides", t'Amsterdam 1704 p. 38. И. Идес (в России его называли: Елизарий Елизарьев сын Избрант) был немецкий (по другим данным голландский) купец, с 1677 г. занимавшийся торговлей в России. В начале 1692 г. он был отправлен московским правительством из Москвы в Китай в качестве „посланного поверенного", и вернулся оттуда в начале 1695 г. Во время этого путешествия Идес вел дневник на немецком языке, который он впоследствии послал Н. Витсену для печати. «Описание путешествия Исбранта, в той форме, как оно издано, было редактировано мною по бумагам, которые он мне прислал, и которые были написаны очень запутанно на его гамбургском или нижнесаксонском наречии» („op sijn Hamburghs of Nedersax"...),—писал Витсен Х. Кюперу (Gebhard, Het leven v. Nicolaus Witsen, II,322). Это издание украшено 29 гравюрами, быть может сделанными тем-же художником, который трудился и для 2-го издания книги Н. Витсена. Подробная библиография об Исбранте будет помещена в следующем томе настоящей работы; предварительно укажу лишь: В. Кордт, Материалы, стр. 27—28; его-же. Чужоземні подорожні, Киев 1926, стр. 145; Б. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст. Харьк. 1929, стр. 54-58; моя статья: «Сибирь в романе Д. Дефо» Ирк. 1928. Что касается рисунков из книги Идеса изд. 1704 г. то процесс их составления был аналогичен тому, с которым созданы иллюстрации у Витсена (см. прим. к рис. 38): голландский художник графически оформлял лишь литературные данные: в силу этого исторической достоверности они не имеют.

Рис. 32. (Стр. 228). *Деталь карты неизвестного*. См. прим. к рис. 19.

Рис. 33. (Стр. 231). *Езда в Сибири на оленях*. Из книги И. Идеса (p. 117) См. прим. к рис. 31.

Рис. 34. (Стр. 235) *Тунгусы*. Из книги Витсена (II, p. 664). См. примечание к рис. 30.

Рис. 35. (Стр. 237) *Исаак Масса*. С гравюры A. Matham (портрет работы F. Hals'а) по экземпляру собрания Д. А. Ровинского в „Кабинете эстампов" Гос. Публ. Библиотеки в Ленинграде (ср. у нас: стр. 248). Fr. Müller (Essai d'une bibliographie néerlando-russe, Amsterdam 1859 p. VI) называет этот эстамп „исключительно редким". Надпись наверху: „Anno 1635—In coelis Massa—Aetatis suae 48".

Рис. 36. (Стр. 244). *Титульный лист первого издания книги Массы* 1612 г. Воспроизведен по Hessel Gerritsz, Beschryvinghe van der Samoyeden Landt, ed. S. P. L'Honoré Naber, 1924 (см. у нас, стр. 248). О первом изд. стр. 242.

Рис. 37. (Стр. 248). Самоед. Из латинского изд. книги И. Массы 1613 г. (см. 238-239), по экземпляру Гос. Публ. Библ. в Ленинграде. Тот-же рисунок воспроизведен в тетради иллюстраций, приложенной к III тому коллекции де-Бри (о ней см. у нас, стр. 239), в книге И. Мегизера (см. у нас стр. 268), а также в XII томе коллекции путешествий L. Hulsius'а (см. у нас стр. 239—240); P. Tiele, Mémoire bibliographique sur les journaux des navigateurs néerlandais, Amst. 1867, p. 189.

Рис. 38. (Стр. 252) *Езда в Сибири*. Из книги Н. Витсена, II, 169; „Afbeeltsel hoe de Jakuti". Выясняя процесс создания этих рисунков, Н. В. Султанов („Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири, СПб. 1907, стр. 40-41=Изв. И. Археол. Ком., вып. 24) замечает, что Витсен, очевидно, собирал возможно достоверные сведения, которые доставлялись ему или в виде простых описаний или б. может в виде описаний с набросками и чертежами, а затем какой нибудь голландский художник, конечно, никогда не бывавший в описываемых Витсеном странах, составлял иллюстрации

к его книге на основании данных ему описаний или набросков. При этом он, разумеется, пропускал их через свое собственное художественное миросозерцание и давал такие изображения, какие он привык видеть у себя дома, в Голландии, на мифологических, исторических или бытовых картинах". Характернейшим примером является приводимый рисунок: „сани, в которых сидит якут — не легонькие оленьи нарты, а тяжелый длинный ящик, переходящий спереди в завиток стиля возрождения. Олень и собака — не северные сибирские олень и лайка, а красивый классический олень и классическая же борзая, с какими обыкновенно изображалась Диана на западных гравюрах XVII и XVIII веков. Лицо у якута на лыжах — чистейшего голландского типа, а вместо шеста у него в руках тирс с классическими кедровыми шишками по концам" (стр 38-39).

Рис. 39. (Стр. 254). *Заклание овец тунгусами.* Из книги И. Идеса (см. прим. к рис. 31), p. 60: „Tungusche Eedzweering".

Рис. 40 (Стр. 256). *Туринск или Япанчин.* Из книги Н. Витсена (см. прим. к рис. 30), II, 822: „Turynskoy of Japanczyn" (см. у нас, стр. 264). Н. В. Султанов (op. cit., стр. 42-43) убедительно доказывает, что оригиналом рисунков сибирских городов в книге Витсена можно считать «Чертеж сибирской земли» Семена Ремезова, полученный в Голландии через посредство А. Виниуса (см. у нас Введение, прим. 97); попутно Н. Султанов припоминает, что «у Ремезова каждый город изображен условным видом с высоты птичьего полета и что на тех же чертежах Ремезова мы видим голландский перевод русских подписей". Помещенные у Витсена изображения Енисейска, Красноярска Березова, Нарыма, Кузнецка, Туруханска или Новой Мангазеи, Иркутска, (см. у нас рис. 57), Тары и Япанчина составляют очень точное повторение чертежей Ремезова, лишь только „грамотно" оформленных графически. В доказательство Н. Султанов (стр. 40-41) воспроизводит рядом: Витсеновское изображение Япанчина, приводимое и у нас, и Ремезовское.

Рис. 41. (Стр. 264-265: вкладной лист). *Карта Сибири И. Массы,* по латинскому изданию сборника Гесселя Герритса 1612 г. Полное заглавие карты, из которой мы приводим лишь ее восточную половину: „Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen Landt: alsoo dat vande Russen afgetekent, en door Isaac Massa vertaelt is". Карта эта приложена автором к его описанию путей из Москвы в Сибирь (см. у нас, стр. 256—261); Масса говорит о ней: «Я имел приятеля в Московии, брат которого бывал там (в Сибири), и он дал мне немую карту этих стран, сделанную по устным указаниям его покойного брата. Он сам бывал в Вайгачском проливе и знает всю местность до р. Оби, но о более дальних странах он только слыхал; таким образом, карта эта передает только береговые места". Из этих слов явствует, что надписи на карте сделаны самим Массой, и что он списал ее не позже 1609 года. См. В. Кордт, Материалы, стр. 16-17. Литература о карте у нас на стр. 247.

Рис. 42. (Стр. 281). *Самоеды* Объяснения см. у нас на стр 281—282.

Рис. 43. (Стр. 298). *Быт тунгусов.* Из книги И. Идеса (см. прим. к рис. 31) p. 39. Буквы A, B, C, относят к объяснению подписей: A — идол в тунгусской юрте; B — погребение тунгуса на дереве; C — тунгусски зарезывают собак.

Рис. 44. (Стр. 304). *Самоеды.* (Из книги Ламартиньера), по воспроизведению у В. Н. Семенковича, Путешествие в северные страны (см. у нас, стр. 304), в сильно уменьшенном виде.

Рис. 45. (Стр. 305). *Самоеды.* То-же, что рис. 44.

Рис. 46. (Стр. 324; вкл. лист). *Город Тобольск.* Из книги Якоба Сандрара (заглавие ее и характеристика сделана у нас на стр 281 - 282). Тот-же рисунок, но больше размером, помещен в книге Й. Идеса (см. прим. к рис. 31), с голландской надписью в ленте („De Stadt Tobolesk")

Рис. 47. (Стр. 324). *Город Верхотурье.* Из книги Н. Витсена (II, 757). См. прим. к рис. 30 и 40. Следует отметить, что настоящее изображение не имеет ничего общего с „Чертежом" С. Ремезова. Источник его мне неизвестен.

Рис. 48. (стр. 334; вкладной лист). *Путешествие в Сибирь в 1666 году.* Факсимиле рукописи Копенгагенской Библиотеки (л. 3).

Рис. 49 (Стр. 334 вкладной лист). *Путешествие в Сибирь в 1666 году*; л. 29 (у нас ошибочно напеч. 21) той же рукописи; транскрипция—стр. 356; русский перевод—стр. 334—335.

Рис. 50. (Стр. 337 вкладной лист) *Зимняя езда в Сибири.* Заставка из книги Ф. Авриля: „Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Avec une déscription de la grande Tartarie et des differents peuples qui l'habitent“ Paris 1692. В тексте своей книги, говоря о способах передвижения в России и Сибири, Авриль пишет: „Сани, обыкновенно употребляемые в Московии, везет лошадь, а в остяцкие сани запрягают особенного рода оленей, кажется таких же, иа которых ездят и самоеды. Для быстроты езды и облегчения ее припрягают к оленю большую собаку, и она отчасти, помогая везти, отчасти поощряя своим лаем, заставляет его бежать столь скоро, что в одни сутки проезжают иногда по 40 льё. Всего удивительнее в сибирских санях то, что они движутся ветром по земле, покрытой снегом или по льду рек, точно так, как будто какая нибудь лодка по воде“. Основываясь на этих словах текста, французский художник дал очень фантастическое изображение. Подробную библиографию об Авриле и большие извлечения из его книги см. во II томе настоящей работы, ср. Введение, стр. LIX, прим. 78.

Рис. 51. (Стр. 337 вкладной лист). Из книги Н. Витсена. См. прим. к рис. 30.

Рис. 52. (Стр. 341; вкладной лист). *Охота на соболей в Сибири.* Из книги Joh. Arn. Brand, Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, etc. Anbey eine seltsame und sehr anmerkbare Beschreibung von Sibirien, Hrsg. durch H. Chr. v. Hennin, Wezel 1702, S. 303—306. Картинка иллюстрирует запись в Москве в 1673 г. И. А. Брандом рассказа Доббина о ловле соболей; текст с комментариями будет помещен во II томе настоящей работы.

Рис. 53 (Стр. 341; вкладной лист). *Обские остяки.* Из книги И. Идеса (см. прим. к рис. 31), без подписи (р. 25).

Рис. 54. (Стр. 353 вкладной лист). *Сибирский шаман.* (Из книги Н. Витсена (II, 662): „Een Schaman“. См. прим. к рис. 30.

Рис. 55. (Стр. 353; вкладной лист). *Тунгусы.* Из книги И. Идеса (см. прим к рис. 31) р. 37; подписи нет; в тексте: „эти язычники называются низовые тунгусы (Nisovier Tungusi)“... Изображение очень фантастично.

Рис. 56. (Стр. 357 вкладной лист). *Ангарские пороги.* Из книги И. Идеса (см. прим. к рис. 31) р. 34. Подпись: „De groote Schamagsche water val 3 wurst lang“; в тексте: „Schammanskoy, of toverval, en waarom zoo genoemt“. На этот интересный рисунок обратил внимание Г. Ф. Миллер. В своей инструкции И. Е. Фишеру, указывая на необходимость зарисовывать сибирские виды во время экспедиции, Миллер замечает: „Isbrand hat auf solche Weise den Schamanischen Wasser-Fall in der Angara zeichnen lassen. Der Wasser-Fall Cadun (Padun?) aber verdient solches mit grösserm Rechte“ („Сборник музея по Антропологии и Этнографии“ Ак. Наук. СПб. 1900 I, стр. 94).

Рис. 57. (Стр. 357; вкладной лист). *Город Иркутск.* Из книги Н. Витсена (см. прим. к рис 30) II, 796. Источник этого изображения—„Чертеж“ С. Ремезова.

Рис. 58. (Стр. 357 вкладной лист). *Титульный лист книги Г. А. Шлейсинга „Новооткрытая Сибирь“.* G. A. Schleussing, Neu-entdecktes Sieweria worinnen die Zobeln gefangen worden, etc. Zittau 1693, по экз. Гос. Публичной Библ-ки в Ленинграде. Подробная биография этого немецкого авантюриста, с переводом отрывков из указанной книги и комментариями, будет дана во II томе настоящей работы. См. „Некоторые немецкие сочинения о России в к. XVII и нач. XVIII в.“ „Отеч. Записки“ т. IX, 1854, II, стр 139 -148; Catalogue de la séction des Russica, St. Petersb. 1876, t. II p. 268 № 536—542; В. А. Кордт. Материалы, стр. 26; J. Baddeley Russia, Mongolia, China, Lond. vol. I, CXLII—CXLVI. Особенностью издания 1693 г. книги Шлейсинга (третьего по по счету; первое вышло в 1691 г.) являются картинки, весьма посредственные по выполнению, принадлежащие некоему C. Otthofer'у. См. ниже рис. 59—60.

Рис. 59. (Стр. 357; вкладной лист). *Самоедское идолослужение.* См. прим. к рис. 58.

Рис. 60 (Стр. 357; вкладной лист). *Сибирский острог.* См. прим. к рис. 58.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

К стр. 5: В перечне изданий Плано-Карпини пропущено указание на книгу: Pullè, Historia Mongalorum: Viaggio di F. Giovanni da Pian de Carpina ai Tartari nel 1245—47, Firenze 1913. В популярной форме путеш. Плано-Карпини изложено недавно у М. Шервуд. Былые пути в Китай. Перевод и обработка Е. и Л. Некрасовых, М. 1931, стр. 19—20; ср. здесь же: Рубрук (стр. 20 - 22), М. Поло (стр. 22—24).

К стр. 11—12: К теории южного происхождения самоедов: Г. А. Старцев, Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование Лгр. 1930, стр. 12—13.

К стр. 33: Пропущено указание на изд.: Marco-Polo, il Milione; prima edizione integrale a cura di Luigi Foscolo Benedetto, Firenze (L. Olschki) 1928, изд. «Comitato geogr. nacionale italiano» (CXXVIII+281): издатель воспользовался для книги хорошей рукописью путешествий М. Поло, находящейся в г. Толедо.

К стр. 110: Г. А. Старцев. Самоеды, Лгр. 1930, стр. 25, записал несколько самоедских сказок, очень близко соответствующих русским рассказам о лукоморцах и о людях с головой на груди. В одной из них говорится о том, что «были люди, жившие когда-то в соседстве с самоедами, и они при наступлении зимы лазили на деревья и, обхватив руками ствол дерева, умирали до весны. Весною люди эти оживали. Рот у этих людей вмещался на груди, т. к. у них не было головы». По другой сказке «дух смерти» убил свою жену «без головы, со ртом на груди» и женился на девушке-шаманке. Возможно, что Герберштейн и др. иностр. писатели через посредство русских этнографич. статей («Сказание о человецех незнаемых») записали обрывки самоедского эпоса в русской передаче; другой случай возможного отражения самоедского предания в западной лит-ре указан во Введении, прим. 57.

К стр. 117: О «серебряной бабе» см. еще П. П. Инфантьев, Путешествие в страну вогулов, СПб. 1910. Пропущено указание на статью Саларева, «О золотой бабе, северной богине». «Вестник Европы» 1815; копия ее—в бумагах м. Евгения Болховитинова (Н. И. Петров, Опис. рукоп. собраний, нах. в г. Киеве, вып. III, М. 1904, стр. 291).

К стр. 119: Подпись под рис. 17 следует изменить: изд. 1556 г. О богине Kwan In (Kvanon) и генетической связи ее с Авалокитешварой см. Karutz, Maria in fernen Osten, München, 1925. А. Дунин-Горкавич (Тобольский север СПб. 1904, стр. 54—58) высказал предположение, что «крепость Коссин» Герберштейна—Юильский городок.

К стр. 127: Новейшая этимология слов молгонзеи—Г. Старцева (Самоеды, Лгр. 1930, стр. 14): «место, богатое рыбою»—«от mal конец, xale—рыба и si—дорога» совершенно неправдоподобно.

К стр. 129: Ср. К. Д. Носилов. На Новой земле. Очерки и наброски. СПб. 1903, очерк: «Последние дни самоеда».

К стр. 134: А. М. Мартюшев, Коми-народ, как объект московской завоевательной политики в XIV—XV в. «Записки О-ва Изуч. Коми-края» вып. I, Усть-сысольск 1928, стр. 71—77, решительно отрицает возможность прохождения отряда С. Курбского за Урал, замечая при этом, что «Герберштейн, не зная местных условий, мог все географич. названия перепутать, и во-вторых, не исключена возможность некоторого сгущения красок собственной фантазией». Ср. его же статью: «Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 г.» (там-же, вып. 5, 1930,

стр. 66—84), которая, несмотря на странную форму изложения (диалог автора с Курбским), наводит на кое-какие интересные соображения.

К стр. 140: «Таранд» Раблэ взял из Теофраста или Плиния (VIII, 52), у которого, повидимому, под этим названием понимается лось: «таранд—величиною с быка, морда подобна оленьей, только шире, как будто составлена из двух оленьих». Рассказ Бельфорэ о Геракле в Скифии взят из Геродота (IV, 10); ср. Изв. О. Р. Я. С. XXVI. 1921. стр. 22; о «фтирофагах» (как следует писать это имя) «вшеедах»,—из Геродота, Плиния или Страбона; сл. И. Толстой и Н. Кодаков, «Русск. древности», II, стр. 16; Ф. Браун. Разыск. в области готославянск. отношений, СПб. 1899, стр. 81, 82, 84—85; Ф. Г Мищенко, К вопросу о быте Геродотовских будинов—«Юбил. Сборник в честь В. Ф. Миллера" М. 1900, стр. 10—12; фтирофаги—предки коми-зырян, вотяков.

К стр. 148 Иоганн Арнольд Бранд (о нем см. объяснение к рис. 54, на стр. 363) в своем разсказе о ловле соболей замечает: «все, что говорят об острых стрелах, которыми яко-бы нужно попадать им прямо в нос, является только шутками и баснями». Однако С. Коллинз (о нем см. Введение, прим. 95) пишет в 1670 г.: «если удар минует нос, то соболь пропадает, потому что этот смелый зверек уходит со стрелою в своем теле, да кроме того и шкурка портится». Павел Алеппский, приезжавший в Москву из Сирии вместе с отцом своим, патриархом антиохийским Макарием (1654), рассказ. в описании своего путешествия о способах охоты русских на соболя, замечая, что охотники старались ранить соболя «под шею, чтобы не испортить меха» (П. Алеппский, пер. Г. А. Муркоса, М. 1898. стр. 63, 65). Французский путешественник Ж. Б. Тавернье, умерший в Москве в 1689 г. на обратном пути в Европу из Индии и Монголии (И. Токмаков. Материалы для биографии франц. кругосветного путешественника Ж. Б. Тавернье, «Библиограф» 1885 № 2, стр 25—27; Ch. Joret, J. B. Tavernier, Paris 1886, p. 377—378, 403- 405) пишет следующее о ловле куниц в Московии: «как только куница показывает свою голову из своей норы, москвитяне, которые стоят настороже, тотчас же стреляют ей прямо в нос или в глаза, так как, если бы они стреляли в туловище зверька, шкурка его не стоила бы ничего, по той причине, что кровь, которая течет, из раны, заставляет выпадать мех, который ею замочен» («Les six voyages de J. B. Tavernier, seconde partie, Paris, MDCXC livre II, p. 470).

К стр. 163. К литературе о северо-восточном морском пути в бассейн Оби—Иртыша следует прибавить указание на книгу Dr. F. J. Havelka, Severo-vychodni projezd k uvodi Ob—Jrtyse, Praha 1925, представляющую полную сводку данных по этому вопросу, в том числе и исторических, с подробной библиографией; к сожалению, книга эта осталась для меня недоступна.

К стр. 164—165. В русских источниках Маметкул называется сыном Кучума; ср. напр. «Краткая Сибирская Летопись (Кунгурская) СПб 1880, стр. 16. Не подразумевается-ли, впрочем, под Aloth'ом «Кучумов сын Алей» (там-же, стр. 29)? Вместе с другими членами семьи Кучума он был привезен в Москву в 1599 г. (Акты Историч., т. II, стр. 3, 17), впоследствии же поселен со свитой в г. Ярославле (К. Д. Головщиков, История г. Ярославля, Ср. 1889, стр. 122—123).

К стр. 167: Прибавить: Letts, Malcolm. Purchas his Pilgrimes, «Contemp. Review», vol. CXXXIX, 1930, p. 755—762.

К стр. 184: Прибавить: В. Смирнов, Потонувшие колокола. «Труды Костромского Научн. О-ва по изуч. местн. края» вып. XXIX (1923), стр. 1—4.

К стр. 196: следует исправить ссылку на С. А. Белокуров, Дело Флетчера, «Чтения в Общ. Ист. Др." 1910, III, стр. 1—40.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
18	сверху 1	Пахимерес	Пахимер
40	снизу 9	1	I
42	снизу 20	Helsinlgors	Helsingfors
45	сверху 21	в глубь	вглубь
45	сверху 36	— Зульча	Зульга
45	снизу 3	etle	et le
45	снизу 16	Unersch ütterliche	Unerschütterliche
46	снизу 21	145—145	135—145
57	снизу 26	allgemeinen.	allgemeinen
64	сверху 15	года	году
70	снизу 20	Мартюшков	Мартюшев
71	сверху 19	Гомбоча	Гомбоца
73	сверху 4	1' arene	l'arene.
74	(в заголовке страницы)	Меховский	Ю. П. Лэт
89	строка снизу 11	est	et
95	„ снизу 12	Гомбоч	Гомбоц
95	„ снизу 23	„	„
111	„ снизу 3	днем	дням
117	„ снизу 23	юлбопытное	любопытное
121	„ сверху 6	небесее	небесе
124	„ сверху 17	Стафен Борро	Стефен Бёрро
128	„ сверху 28	могут	не могут
130	„ снизу 26	1504	1564
137	„ сверху 10	Buleetin	Bulletin
160	„ снизу 20	Кат(анов	Катанов
184	„ сверху 18	оъезда	съезда
194	„ сверху 8	Черри"	Черри,,
195	„ снизу 6	Московки	Московии
206	„ снизу 18	уложнии	уложении
214	„ снизу 4	хорактеристика	характеристика
219	„ сверху 13	Гробрины	Гробгрины
221	„ сверху 34	107—145	107; 145
224	„ сверху 9	Рис. 30	Рис. 31
228	„ сверху 17	Переглоу	Персглоу
231	(в заголовке страницы)	Финн	Финч
233	строка сверху 10	225	215
256	„ снизу 3	Витсона	Витсена
258	„ снизу 17	москвиты	московиты
263	„ сверху 4	от	об
264	„ сверху 5	38	40
265	„ сверху 30	тунгуски	тунгусски
266	„ сверху 21	Птольмеевом	Птоломеевом
269	„ сверху 23	дностигнуть	достигнуть
271	„ сверху 3	Герритом	Герритом

ОГЛАВЛЕНИЕ

XVII ВЕК

По техническим причинам, приготовленные к печати и уже сданные в типографию тексты XLXIV—XLVII (Самюэль Коллинс 1667; Яков Рейтенфельс, 1672-73; Альбрехт Доббин, 1673; Иоганн Арнольд Бранд, 1673; Эрик Пальмквист, 1674; Кильбургер, 1674; Ник. Витсен и Джон Вуд, 1674-76; Бальтазар Койет, 1675; Гильдебрант фон-Горн, 1684; Ф. Авриль, 1687; Жербильон, 1689; Г. А Шлейсинг 1690; Де-ла Невилль, 1691; Исбрант Идес, 1692; Адам Бранд, 1692),—вместе с относящимися к ним введениями, комментариями и иллюстрациями (рис. 61-112), пришлось отложить до второй части первого тома. По той-же причине в этом томе не смогли быть напечатаны три предположенных указателя (см. предисловие): они также будут приложены ко второй части этого тома.

2011142310